

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф ПAVЛЕНКОВА

301 ЧВ
187

ПРОТОПОПЪ

А В В А К У М Ъ

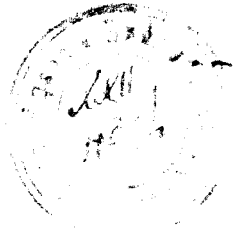
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ

В. А. МЯКОТИНА

Безъ портрета Аввакума, котораго нигдѣ нельзя достать.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»
Вол. Подъячская 39

1894

[Био. I]

*Афанасий Григорьевич
Протопопов*

ЖИЗНЬ ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Р 301 и 157

*Афанасий Григорьевич
Протопопов*

ПРОТОПОПЪ

АВВАКУМЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ

В. А. Мякотина

Безъ портрета Аввакума, котораго видѣ нельзя достать.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»
Вол. Подъячская 39

1894

Содержание
Содержание
Содержание

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Отъ автора	5
I. Умственное состояніе русскаго народа въ эпоху появленія раскола	7
II. Жизнь Аввакума до первой ссылки	29
III. Жизнь въ Tobольскѣ и Даурин	57
IV. Возвращеніе въ Москву и новое удаленіе изъ нея	76
V. Соборъ 1666—67 года	100
VI. Жизнь въ Пустозерскѣ. Литературная дѣятельность Аввакума. Казнь его	117

ИСТОЧНИКИ.

Главным источником для биографии Аввакума служат его собственные сочинения, напечатанныя Н. Субботинымъ въ его прекрасномъ изданіи «Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія» (томы I, V и VIII; отдѣльныя указанія и матеріалы разбѣяны и по другимъ томамъ), со времени появленія котораго явилась и возможность болѣе ясно представить себѣ какъ всю вообще исторію раскола за первые его годы, такъ въ частности и жизнь, и личность Аввакума, и А. Бороздинымъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1888 г. № 5 и 6, стр. 732—769. Указанія на литературу желающіе могутъ найти въ книгѣ А. Пругавина «Расколы-сектанство» М. 1887 и у С. А. Венгерова въ его «Критико-биографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ» вып. 1, СПб. 1886. Стр. 24—5.

ОТЪ АВТОРА.

Написать полную биографію Аввакума, этого первоапостола и главнаго борца раскола, значило-бы вмѣстѣ написать и исторію самаго раскола за первыя двадцать лѣтъ его существованія. Но эта задача во всемъ ея объемѣ конечно не могла входить въ скромныя рамки настоящаго очерка. Предстояло такимъ образомъ изъ всего разнообразнаго матеріала, даваемого этой богатой событіями жизнью, избрать наиболѣе важную и характерную сторону и неизбѣжно оставить до нѣкоторой степени въ тѣни остальные. Такой наиболѣе существенной стороной въ жизни Аввакума является несомнѣнно идейное ея содержаніе, представляющее собою яркую страницу изъ исторіи того умственнаго движенія, какое происходило въ Московской Руси 17-го столѣтія. При этомъ однако я считалъ невозможнымъ обойтись безъ указанія на происхождение самаго движенія, и этой цѣли служить первая глава, являющаяся ничѣмъ инымъ, какъ сводомъ высказанныхъ въ литературѣ положеній, но и въ такомъ своемъ видѣ быть можетъ небезполезная. Въ тѣсной связи съ указаннымъ взглядомъ поставлено и все изложеніе биографіи, въ которомъ главное вниманіе обращено на изображеніе идейной стороны движенія,

*Аввакумъ и Пугавинъ
Пугавинъ
С. Венгерова*

тогда какъ подробности бытовой обстановки отступаютъ на второй планъ. Довольствуясь тѣми изъ нихъ, какія заключаются въ сочиненіяхъ самого Аввакума, и не привлекая къ дѣлу въ этомъ случаѣ другихъ источниковъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ и изображеніе внутреннихъ отношеній раскольничьей общины вводилъ въ свой рассказъ лишь постольку, поскольку оно могло служить для главной цѣли послѣдняго—уясненія характера и развитія идеи раскола.

В. Мякотинъ.

I.

Умственное состояніе русскаго народа въ эпоху появленія раскола.

Предлагая читателю біографическій очеркъ одного изъ крупнѣйшихъ дѣятелей въ исторіи умственнаго развитія великорусскаго народа за 17-ое столѣтіе, я считаю весьма недлишнимъ остановиться предварительно на той атмосферѣ, въ которой ему пришлось жить и дѣйствовать, и изложить, хотя-бы въ самыхъ общихъ чертахъ, происхожденіе тѣхъ возрѣвій, защитниковъ и распространителей которыхъ онъ явился.

Къ концу 15-го и началу 16-го вѣка исчезла независимость отдѣльныхъ сѣверно-русскихъ земель и княжествъ, на мѣсто ряда самостоятельныхъ политическихъ единицъ сложилось и выросло единое Московское государство. Такое радикальное измѣненіе въ положеніи Москвы, обращеніе ея изъ удѣльнаго княжества въ русское національное государство, должно было задать немалую работу народной мысли, побуждая ее вдуматься въ новые факты, сдѣлать изъ теоретическихъ выводовъ и обобщеній. Послѣднія и не замедлили появиться, принявъ то направленіе, какое указывалось самими условіями, сопровождавшими возвышеніе Москвы и содѣйствовавшими ему.

То національное знамя, которое поднято было Москвою и освѣщало собирательную политику московскихъ князей, превращая ее изъ династической въ народную, очутилось въ рукахъ этихъ князей, благодаря борьбѣ ихъ съ татарами. Татар-

ское-же нашествіе, сыгравшее такую роль въ выработкѣ народнаго самосознанія, обрушилось на Русь въ тотъ моментъ, когда умственная дѣятельность народа только что начала принимать болѣе широкіе размѣры на поприщѣ образованія и литературы, и опять сдузило кругъ этой дѣятельности, ограничивъ ее однимъ церковнымъ просвѣщеніемъ. Последнее сводилось къ грамотности и чтенію священныхъ книгъ или же книгъ общаго духовнаго характера, проповѣдей и т. п. Такъ было первоначально и вездѣ въ другихъ странахъ, но западно-европейскіе народы успѣли въ дальнѣйшемъ развитіи выработать себѣ свѣтскую литературу, а затѣмъ и свѣтскую науку. У насъ до татарскаго нашествія были начатки первой, послѣ него еще сократившіяся, второй же не было совсѣмъ и послѣ вплоть до 16-го столѣтія, и еще и позже. Стремленіе народа освободиться отъ чужеземнаго и вмѣстѣ иновѣрческаго ига повышало религиозное сознаніе, придавало ему характеръ исключительности въ то самое время, когда, благодаря невольному отчужденію отъ всѣхъ другихъ народовъ и направленію всѣхъ усилій народа на политическую организацію съ цѣлью возвратити себѣ самостоятельность, слабѣло и падало просвѣщеніе. Не говоря уже о томъ, что сношенія Руси съ народами и государствами Западной Европы, и прежде бывшія не особенно оживленными, совершенно прекратились съ моментомъ подчиненія татарамъ, затруднено было и сообщеніе съ тѣмъ главнымъ центромъ, откуда по преимуществу приходило на Русь просвѣщеніе въ видѣ религіознаго ученія и церковной проповѣди, — Константинополемъ. Обществу-же, напрягавшему всѣ свои силы для политической борьбы, некогда было заниматься наукой, и въ результатъ этого самое духовное образованіе пошло на убыль. Государство, приспособлявшее всѣ свои дѣйствія къ задачамъ внѣшней политики, не находило времени для дѣятельныхъ заботъ объ немъ, частныя лица при отсутствіи широкаго умственнаго движенія, при существованіи тѣснаго общественнаго и политическаго кругозора не имѣли достаточно сильныхъ для этого стимуловъ, и съ 15-го вѣка мы начинаемъ встрѣчать постоянныя жалобы на паденіе и того

скуднаго образованія, какое имѣлось на Руси. Церковныя іерархи все чаще заявляютъ, что имъ приходится ставить въ священники людей, которые «едва грамотѣ умѣютъ», плохо читаютъ священныя книги, а писать уже и совсѣмъ не могутъ. Тамъ, гдѣ среди класса, наиболѣе образованнаго уже по одному своему положенію, слабо развита простая грамотность, не могло конечно быть и рѣчи о существованіи сколько-нибудь серьезнаго образованія. А рядомъ съ этимъ національно-религіозная исключительность принимаетъ все болѣе широкіе размѣры, все болѣе рѣзкія очертанія. Внушенія нетерпимости, издавна уже шедшія изъ Византіи, но не распространявшіяся въ до-татарскій періодъ своего вліянія за предѣлы духовенства, теперь пріобрѣтаютъ широкую популярность въ массахъ. Находясь до конца 15-го вѣка подъ владычествомъ татаръ, относясь къ нимъ съ понятнымъ враждебнымъ чувствомъ, русскій народъ привыкъ противопологать имъ себя не только въ племенномъ, но и въ религіозномъ отношеніи, привыкъ отличать себя, какъ православныхъ христіанъ, отъ «поганыхъ», «басурмановъ», привыкъ наконецъ понимать себя, какъ именно защитника христіанства отъ этихъ басурмановъ, видѣть въ борьбѣ съ ними въ нѣкоторомъ родѣ свое призваніе.

Въ концѣ 15-го вѣка самый тяжелый актъ борьбы съ татарами былъ законченъ, вновь создавшееся государство Московское сломало ихъ владычество надъ Русью, но то чувство, съ какимъ велась эта борьба раньше, осталось и продолжало вліять на выработку народнаго міровоззрѣнія. Мало того, оно распространилось теперь еще и въ другую сторону. Нарушенная въ 13-мъ вѣкѣ связь съ Западомъ не могла быть восстановлена тотчасъ по уничтоженіи татарскаго ига: между Западомъ и Московской Русью стояло литовско-польское государство, враждебное ей, покушавшееся также на ея самостоятельность. На борьбу съ этимъ государствомъ, хотя и христіанскимъ, но также иновѣрческимъ, московскіе люди, привыкшіе къ національной и религіозной нетерпимости, перенесли тѣ взгляды на себя и своихъ противниковъ, какіе они выработали въ борьбѣ съ язычниками, позднеѣ мусульманами. Польскіе и

литовскіе католики также получаютъ названіе «поганыхъ» въ устахъ москвичей, «латинство» подѣ влияніемъ естественнаго раздраженія въ борьбѣ и византійскихъ увѣщаній представляется не менѣе грознымъ врагомъ православія, чѣмъ и магометанство. Самое общеніе съ католиками начинается считаться грѣхомъ, и въ корничихъ появляются подѣ видомъ будто бы «заповѣди св. апостоль и св. отцовъ» правила, подобныя слѣдующему: «аще въ суднѣ будетъ латина ѣла, то, измывши, молитва сотворити, и у латинской церкви не стояти». Поставленное ходомъ историческихъ событій среди враждебныхъ иноплемennыхъ и иновѣрныхъ сосѣдей, Московское государство, въ которомъ, въ силу тѣхъ же событій, все умственное движеніе приняло религіозно-церковный характеръ, воспитало въ себѣ взглядъ, отождествлявшій его національность съ религіей, ставившій послѣднюю какъ бы конечною его цѣлью. Христианство отдѣляло Москву отъ татаръ, православное исповѣданіе отличало ее отъ западныхъ христіанъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ народъ представлялся самому себѣ обладающимъ высшею религіозною истиною и растилъ въ своей средѣ національно-религіозную нетерпимость.

Политическіе успѣхи Московскаго княжества въ борьбѣ съ сосѣдями, преимущественно татарами и Литвой, прибавляютъ къ этой нетерпимости новый отгѣнокъ—гордость. Подѣ влияніемъ этихъ успѣховъ московскіе люди начали считать себя выше всѣхъ другихъ людей, свое государство лучше всѣхъ остальныхъ. Согласно ихъ взгляду, всѣ иныя, неправовѣрныя страны лишены были благодати, почившей на Москвѣ, и потому не могли равняться съ нею. Иностранцевъ, знакомившихся съ русскимъ бытомъ въ 16-мъ вѣкѣ, особенно поражала эта черта заносчиваго московскаго высокомерія. Одинъ изъ нихъ, Ульфельдъ, такъ отзывался о видѣнныхъ имъ русскихъ: «какъ они горды, можно видѣть изъ того, что все, что ни сказали бы сами, они считаютъ вѣрнымъ и непреложнымъ; мало того, они не терпятъ противорѣчій въ разсужденіяхъ, безъ всякаго порядка, необдуманно выливаютъ все, бросаются туда и сюда, какъ попадетъ на мысль, и не удостоиваютъ выслушать дру-

гихъ, перебиваютъ слова». Московскій патриотизмъ, возбужденный удачами оружія Москвы, доходилъ до самаго пренебрежительнаго отношенія ко всѣмъ другимъ народностямъ, до представленія о чужихъ земляхъ, какъ о лишенныхъ свѣта истиннаго ученія и въ силу того самаго исполненныхъ только грѣха и соблазна. При томъ религіозномъ направленіи, какое приняла уже народная жизнь, и патриотизмъ этотъ разыгрывался на той же религіозной почвѣ, обращаясь въ своего рода кичливость своимъ православіемъ, предполагавшую презрѣніе ко всѣмъ ему непричастнымъ, полное отчужденіе отъ нихъ.

«Россияне, особливо знатнаго рода, шлеть другой иностранецъ, Бартъ, бывшій въ Москвѣ въ самомъ началѣ 17-го столѣтія, — согласается скорѣе умерить, нежели отправить своихъ дѣтей въ чужія земли; развѣ царь ихъ принудитъ. Они думаютъ, что одна Россія есть государство христіанское, что въ другихъ странахъ обитаютъ люди поганые, некрещеные, невѣрующіе въ истиннаго Бога, что ихъ дѣти навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на чужбинѣ между невѣрными, и только тотъ идетъ прямо въ рай, кто скончаетъ жизнь свою на родинѣ».

Такой взглядъ на чужія земли, какъ на вмѣстителища неправовѣрія, ереси и соблазна, достигъ своего апогея когда въ районъ его были включены не только страны мусульманскія и католическія, но и православныя, и прежде всего та самая страна, которая была учительницею и наставницею Руси въ дѣлѣ вѣры и изъ которой единственно шло втеченіе вѣковъ церковное просвѣщеніе на нее.—Византія.

Въ то самое время, когда Москва получила перевѣсъ надъ своими врагами и начала возвышаться быстрѣе, связывая съ этимъ возвышеніемъ мысль о защитѣ православія, Византія все болѣе и болѣе слабѣла подѣ натискомъ инога мусульманскаго могущества—турокъ и дѣлала послѣднія, тщетныя попытки сохранить свою самостоятельность. Стремясь къ этой цѣли, византійское правительство искало себѣ помощи у западныхъ народовъ и, думая сдѣлать такую помощь болѣе вѣроятной и дѣйствительной, рѣшилось произвести соединеніе церковей, результатомъ чего была извѣстная Флорентинская унія. Въ подчиненной Константинополю въ церковномъ отношеніи Москвѣ взглянули на эту послѣднюю, какъ на измѣну православію,

и этой измѣнѣ готовы были приписать и самое взятіе Царьграда турками, и паденіе греческой имперіи, не особенно стѣсняясь при этомъ соображеніями о строгой послѣдовательности событий. Успѣвшая воспитать въ себѣ ожесточенную вражду къ латинству, счастливая въ своихъ политическихъ предпріятіяхъ, Москва оказалась непримиримѣ своей руководительницы въ дѣлахъ религіи и выказала явное неповиновеніе греческой митрополіи. Русскій князь не принялъ уніи, привезенной въ Москву митрополитомъ Исидоромъ; послѣдній былъ свергнутъ и заточенъ за присоединеніе къ ней, а на его мѣсто былъ выбранъ русскими іерархами новый митрополитъ безъ ссылки съ Константинополемъ. За то Флорентинская унія воспитала среди москвичей убѣжденіе, что православіе въ чистомъ своемъ видѣ сохранилось только на Руси, которая и должна теперь исключительно на себя принять его защиту и охрану. Противопоставленіе Московской Руси другимъ православнымъ странамъ наполняло отрадой и гордостью души московскихъ патріотовъ. «Сія убо вся благочестивая царствія — пишеть одинъ изъ нихъ, — греческое и сербское, басанское и арбавазское грѣхъ ради нашихъ Божиимъ попущеніемъ безбожнѣи турци поплѣниша и въ запусѣніе положиша и покориша подъ свою власть. Наша же Русійская земля Божією милостію и молитвами пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворецъ растеть и младѣеть и возвышается. Ей же, Христе милостивый, даждь расти и младѣти и расширятся и до скончанія вѣка». Всѣ православныя страны потеряли свое независимое существованіе, потеряли потому, что не сумѣли сохранить самаго православія, одна Москва не только не пала, но еще все усиливается. Естественно было родиться мысли что въ этомъ виною ея большее правотѣріе сравнительно съ другими, и такая мысль дѣйствительно не замедлила появиться. Другой писатель-патріотъ, рассказывая о Флорентинскомъ соборѣ, влагаеть уже въ уста императора Іоанна такія лестныя для Москвы слова: «яко восточніи земли суть большее православіе и высшее хрестыянство Бѣлая Русь». Постепенно развиваясь, мысль объ уtratѣ греками чистоты вѣры и первенства въ православномъ мірѣ и о замѣнѣ въ этомъ от-

ношеніи Византіи Москвою нашла себѣ наконецъ полное выраженіе въ сказаніи о трехъ Римяхъ.

Два было Рима, рассказывали московскіе книжники: первый былъ великъ и славенъ, но увлекся въ папскую ересь и палъ, его значеніе и слава вмѣстѣ съ правой вѣрой перешли на второй Римъ—Византію. И эта послѣдняя послѣ долгаго времени тоже свернула съ пути истины, измѣнила православію, приняла латинскую ересь и въ наказаніе за это предана агарянамъ; на мѣстѣ соборной церкви града Константина воцарились мерзость и запусѣніе, а православная вѣра «испроказилась Махметовой предестыю отъ безбожныхъ турокъ». Прежнее значеніе этихъ двухъ Римовъ перешло на третій—Москву, гдѣ процвѣло благочестіе и возсіяла благодать, гдѣ вѣра сохранилась невредимой. Уже не храмъ св. Софіи въ Царьградѣ, а Успенскій соборъ въ Москвѣ является центромъ православнаго міра. Политическіе успѣхи Москвы ставились такимъ образомъ книжниками въ тѣсную связь съ сохранившимся въ ней правотѣріемъ и даже исключительно объяснялись послѣднимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно сообщало Московскому государству новое значеніе главы православія, — значеніе, какого раньше оно не имѣло. Единственное уцѣлѣвшее изъ православныхъ государствъ въ силу этого взгляда ставилось выше всѣхъ остальныхъ, облакалось авторитетомъ наибольшей религіозной высоты, передъ которой должны были преклониться другіе народы. Въ московскихъ литературныхъ произведеніяхъ появляются даже предсказанія, что всѣ христіанскія царства сойдутся въ одно царство русское «православія ради», и въ видѣ какъ бы предвѣстниковъ этого возникаютъ одна за другою легенды о чудесномъ переходѣ святыхъ христіанскихъ изъ неправотѣрныхъ Рима и Византіи въ Московское государство, вродѣ напр. «Сказанія о бѣломъ клубукѣ» и т. п.

На этой стадіи своего развитія національное самонѣніе великорусскаго народа достигло уже до степени своего рода месіанизма. Русскій народъ представлялся самому себѣ избраннымъ сосудомъ Божиимъ, на которомъ почиеть благодать свыше, недоступная никому другому иначе, какъ черезъ его посред-

ство. Онъ, и одинъ онъ, хранилъ въ себѣ великую истину, способную разрушать и создавать царства, губить и воздвигать народы, всѣ остальные племена земного шара уклонились въ большей или меньшей степени отъ праваго пути и, желая вновь вступить на него, должны были искать указаній, помощи и спасенія въ правовѣрной и благочестивой Москвѣ, сохранившей въ своихъ стѣнахъ незатемненныя свѣтъ истиннаго ученія, а наибольшая вѣроятность спасенія предоставлялась этимъ народностямъ въ томъ случаѣ, еслибы онѣ, покинувъ свои ереси и заблужденія, «православія ради» признали надъ собою власть московскаго царя. Русскіе же люди, чтобы не испестрить и своей вѣры иноземными ересями, должны были избѣгать всякаго общенія съ чужими людьми, чуждаться ихъ. Полное и абсолютное превосходство естественно предполагало замыканіе въ собственной средѣ, отстраненіе отъ всѣхъ другихъ народовъ.

Такіе взгляды, какъ уже сказано, выросли и воспитались на почвѣ политическихъ успѣховъ Москвы. Но они касались собственно иной сферы. Находили-ли они себѣ оправданіе и подтвержденіе въ ней, въ умственномъ состояніи народа, вѣрны ли были эти толки о хранящемся въ Москвѣ истинномъ христіанскомъ просвѣщеніи, чуждомъ ересей и заблужденій? Дѣло было не совѣтъ то такъ. И въ русской церкви до XVI вѣка были ереси, но онѣ впрочемъ были скоро подавлены духовной іерархіей при дѣятельной помощи свѣтской власти. Главная опасность для русской церкви шла съ другой стороны. Начавшееся въ XV вѣкѣ паденіе просвѣщенія продолжалось и потомъ, еще поддерживаемое создавшеюся уже національной нетерпимостью и исключительностью. Собственныхъ ученыхъ силъ не было, къ чужимъ, и въ томъ числѣ даже къ греческимъ, относились враждебно и подозрительно, опасаясь исказить чистоту вѣры. А между тѣмъ отсутствіе высшаго просвѣщенія обуславливало собою и паденіе низшаго, и вотъ опасность для церкви возникаетъ не извнѣ, не благодаря слишкомъ большому развитію богословскихъ разсужденій, а вслѣдствіе полнаго почти паденія церковнаго просвѣщенія, бывшаго въ то же время и

единственнымъ. Втеченіи всего XVI столѣтія все продолжаютъ и усиливаются жалобы церковныхъ іерарховъ на жалкое и ничтожное образованіе низшаго духовенства. Тогда на почвѣ крѣпнущаго невѣжества развивается вырожденіе религіознаго чувства, обращеніе его исключительно на одну форму, обрядность. Было вполне естественнымъ явленіемъ, что на первыхъ порахъ существованія христіанства въ Россіи изъ всѣхъ его сторонъ получили преобладаніе именно практическая нравственность и обрядовая форма, но, когда и съ теченіемъ времени не развилось болѣе глубокое образованіе, которое дало бы возможность и большей глубины и сознательности религіознаго мышленія, тогда форма окончательно получила перевѣсъ надъ содержаніемъ. Болѣе доступная грубому уму, она сосредоточиваетъ на себѣ все его вниманіе, отвлекая его отъ иныхъ, болѣе серьезныхъ вопросовъ. Уже подъ 1476 годомъ можно прочесть въ 4-й новгородской лѣтописи такую запись: «той же зимы нѣкоторые философовъ начаша пѣти: «О Господи помилуй», а друзіи: «Господи помилуй». Если это разногласіе, даже не заслуживающее такого имени, эти споры «философовъ» запосились въ лѣтопись, какъ важное событіе, то легко себѣ представить, какимъ убожествомъ отличалась русская религіозная мысль того времени. Съ той поры, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе развивалась обрядность, отгѣсняя на задній планъ живое пониманіе религіозныхъ истинъ. Начались споры о томъ, два или три раза пѣтъ алилуія, двумя или тремя пальцами креститься и т. д. и въ подобныхъ преніяхъ не разъ «не могли доспѣть» отцы нарочно для ихъ разрѣшенія созванныхъ соборовъ. Благодаря же невѣжеству, не только передѣлывались и извращались старые обряды, но и создавался рядъ новыхъ, иногда очень близко подходившихъ къ языческимъ воззрѣніямъ, далеко еще не совсѣмъ исчезнувшимъ изъ народной жизни. Подобные обряды возникали и въ собственно церковной, и въ частной жизни, въ томъ и другомъ случаѣ равно освящаемые авторитетомъ религіи. Таковы напримѣръ были весьма распространенные заговоры или сильно напоминающія ихъ призыванія святыхъ на всякій случай. Предписываются

напр. подобныя правила: «аще плаваеши въ ладіи, помяни святого ангела Гавріила и избавить тя отъ всякаго зла; аще хоцеша ити по горахъ или по пустынямъ, помяни святого ангела Разаила, соблюдетъ тя; аще воду піеши, помяни святого ангела Ноила; егда ложаєся спати, помяни святого ангела Номаила»... и т. д. вплоть до предписанія помянуть особаго ангела, когда пьешь вино или медъ, идешь судиться или отправляешься на пирь. Отсутствие серьезной, вооруженной знаніемъ и критикою мысли въ сферѣ религиозныхъ отношеній повело еще и къ другому послѣдствію, именно къ тому, что нравственныя требованія, какія ставила церковь къ своимъ членамъ, равнымъ образомъ вырождались въ сухую и мертвенную, обрядовую форму и опирались гораздо болѣе на внѣшнее принужденіе, чѣмъ на сознательномъ и свободномъ самоопредѣленіи. Соответственно этому значительно видоизмѣнилось и ихъ примѣненіе въ житейской практикѣ: для однихъ они потеряли всякое серьезное значеніе, оставаясь одною внѣшней сдержкой, мало пренятствованной на дѣлѣ разгуду личныхъ страстей, другихъ буквальное слѣдованіе формѣ увлекало въ мрачный и односторонній монашескій аскетизмъ.

Страннымъ образомъ переплетались въ сознаніи русскихъ людей христіанскія вѣрованія съ уцѣлѣвшими преданіями и обрядами язычества, и въ результатѣ этой путаницы понятій и представленій рождалось крайнее суевѣріе, тѣсно, почти неразрывно связывавшееся теперь съ обрядовою формою религіи. Благодаря этому, рядомъ съ высокими нравственными побужденіями, рядомъ со стремленіемъ внести въ практическую жизнь великія истинны христіанства царила мертвенная обрядность, слѣпое уваженіе къ буквѣ, обезсиливавшія всѣ попытки живой мысли и распространявшія свое вліяніе даже на тѣхъ людей, которые пытались стать выше окружающей ихъ обстановки, взглянуть на нее критическимъ взоромъ и проверить соответствіе дѣйствительности съ теоретическими положеніями религіи. Народная мысль не замерла, но, подавленная массою мелочей, вознесшая себя на громадную высоту исключительнаго первенства и тѣмъ самымъ отгородившая себя отъ всякаго живого

источника, изъ котораго она могла бы почерпнуть поддержку и содержаніе, она жила медленной, вялою жизнью, въ потемкахъ, ощущая пробиралась по жизненному пути, временами жадно хваталась за великіе вопросы сущности вѣрованія и, потративъ напрасно усилія, снова падала. Чѣмъ гуще становился окутывавшій Московскую Русь мракъ невѣжества, тѣмъ удушливѣе дѣлалась атмосфера умственной жизни народа, тѣмъ менѣе находило себѣ оправданія на практикѣ гордое самовосхваленіе московскихъ книжниковъ. Эти явленія не ускользнули отъ наблюденія жившихъ въ то время въ Москвѣ иностранцевъ, которые, обладая болѣе широкимъ опытомъ и болѣе вѣрнымъ критеріемъ, подмѣтили ихъ и въ своихъ сочиненіяхъ о Московскомъ государствѣ, оставили намъ печальную картину необразованности народа.

«Таково, — говоритъ одинъ изъ нихъ, именно Маржеретъ, жившій въ Москвѣ въ 17-мъ столѣтіи, — таково невѣжество народа, что не найдется и трети, которая знала бы Отче нашъ и Вѣрую во единого. Можно сказать, что невѣжество народа есть мать его благочестія; онъ не знаетъ науки и особенно языка латинскій; не знаетъ ни школъ, ни университетовъ. Одни священники наставляютъ юность чтенію и писанью, чѣмъ впрочемъ немногіе занимаются».

По словамъ того же Маржерета, въ московскихъ церквахъ въ его время никогда не бывало проповѣдей, а другой иностранецъ, посѣщавшій Москву въ 17-мъ вѣкѣ, Олеарій, рассказываетъ, что патриархъ отправилъ даже въ ссылку одного священника, вздумавшаго вопреки обычаю проповѣдывать въ церкви. Но мѣрѣ того, какъ духовенство отдалялось отъ просвѣщенія, отъ знанія, оно не могло долѣе оставаться и въ роли учителей народа, наставниковъ и руководителей его духовной жизни, и обращалось въ простыхъ исполнителей священныхъ обрядовъ. Лишенный просвѣщенія, лишенный живого слова ученія, народный умъ все глубже погружалъ въ суевѣріи, и связь этихъ явленій была очевидна для всякаго безпристрастнаго и сторонняго наблюдателя. Ясно было, что только внесеніе въ эту жизнь свѣта истинной науки доставить возможность разобратъ въ путаницѣ мелочныхъ споровъ и возрѣній и выво-

дегь народную мысль съ проселочныхъ закоулковъ на большую дорогу.

Но не такъ смотрѣли на дѣло сами московскіе люди. Тотъ полный оптимизма взглядъ, какой выработался у нихъ на окружающую ихъ дѣйствительность, тѣ мессіанистическія воззрѣнія, какія они связывали съ настоящимъ и будущимъ своей страны, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи неизбежно приводили и къ полному квіэтизму. Москвѣ, поставленной выше всѣхъ остальныхъ народовъ, выше всего человѣчества въ силу сохраненнаго ею правовѣрія, незачѣмъ было заботиться о движеніи впередъ, о развитіи какихъ-либо новыхъ началъ, когда и старья не только спасали ее, но еще доставляли ей такое выгодное и лестное положеніе третьяго Рима, идеальнаго центра вселенной. Ей предстояло только сохранить въ цѣлости извѣстную форму религіи, въ народномъ представленіи неразрывно связанную уже съ самой національностью, и этого было достаточно для рѣшенія вопроса о настоящей и будущей жизни народа. Самая связь эта, связь религіи съ народностью, благодаря своей продолжительности и исключительности, сдѣлалась обоюдной: слова «русскій» и «православный» стали синонимами, и если съ одной стороны въ составъ національно-русскаго элемента воспринято было понятіе православія, то съ другой— всѣ народныя обычаи, представленія и нравы, хотя бы они совсѣмъ и не входили въ религіозную область, крестились тѣмъ же именемъ православія, разъ только они не стояли въ рѣзкомъ и осязательномъ противорѣчьи съ ученіемъ церкви.

При такомъ проникновеніи народной жизни религіознымъ элементомъ, соединявшемся еще съ представленіемъ о послѣднемъ, какъ о «большемъ православіи» и «вышемъ христіанствѣ», само собою, не представлялось никакой надобности въ усвоеніи себѣ иного образованія. Напротивъ того, это послѣднее, на какой бы ступени развитія оно ни стояло, оказывалось жалкимъ, не стоящимъ вниманія по сравненію съ тою истиной, какаю уже имѣлась готовою, уже была вынесена изъ рѣдше-ствовавшей жизни.

«Братіе, не высокоумствуйте, но во смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣвайте!—писали въ ту эпоху въ поученіяхъ и переписывали въ школьныхъ прописяхъ—Аще кто ти речеть, вѣси ли всю философію, и ты ему рци: еллинскихъ борзостей не текохъ, риторскихъ астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философами не бвахъ, философію ниже очима видѣхъ; учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ».

Московскіе люди смутно уже знали, что есть и другая наука, но эта иная наука, отнимавшая у нихъ ихъ привилегированное положеніе, зародившаяся въ полныхъ ересей чужихъ странахъ, возбуждала въ нихъ только недоувѣріе и вражду, казалась противорѣчащей не только тому мѣсту, какое присвоивала себѣ Москва, во имя хранившагося въ ней православнаго христіанскаго ученія, но и самому этому ученію. Московскіе книжники не задумывались поэтому отворачиваться отъ этой неправовѣрной науки и въ такомъ смыслѣ послѣдняя даже предвѣдалась здѣсь проклятію. Въ одномъ изъ древнихъ поученій можно прочесть такія фразы по адресу этой науки: «богомерзость передъ Богомъ всякъ любий геометрію, а се душевннй грѣсъ учитися астрологіи и еллинскимъ книгамъ... проклинаю прелестъ тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный; своему разуму вѣрующій удобъ впадаетъ въ прелести различныя; люби простыню (простоту) паче мудрости; величайшаго себѣ не изыскауй и глубочайшаго себѣ не испытай, а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи». Усвоеніе всякихъ свѣтскихъ знаній, выходявшихъ изъ тѣсныхъ рамокъ обыденнаго житейскаго опыта и касавшихся сколько нибудь болѣе серьезныхъ вопросовъ, представлялось съ этой точки зрѣнія безумнымъ грѣхомъ. Жизнь одного народа со всѣми ея уклоненіями противопологалась жизни человѣчества въ его цѣломъ, какъ нѣчто лучшее, образцовое, и всѣ научныя приобрѣтенія, весь ходъ культуры должны были померкнуть передъ «готовымъ ученіемъ», даннымъ одной народности, незнакомою съ «еллинскими борзостями». Этотъ счастливый народъ, превосходящій всѣ другіе, долженъ былъ только ревниво беречь свое сокровище, чуждаясь всего иного. Его задача сводилась такимъ образомъ къ тому, чтобы вѣрно хранить завѣты, переданные отъ пред-

ковъ, не допускать никакихъ противныхъ имъ новшествъ, стоять на святой старинѣ и пуще огня беречься отъ общенія съ иноземцами, отъ какого-либо подражанія имъ. Обязанность наблюденія за сохраненіемъ даннаго строя жизни лежала на іерархіи, не только духовной, но и свѣтской, которая, входя сама въ составъ порядка, освященнаго религіей, должна была на охрану послѣдней прежде всего обращать свою власть. Умственная самостоятельность какъ всего народа, такъ и отдѣльныхъ личностей изъ его среды сводилась при этомъ къ нулю. Всякое измѣненіе, всякое, самое незначительное, отступленіе отъ установившихся порядковъ было тяжкимъ грѣхомъ и вмѣстѣ преступленіемъ, такъ какъ оно колебало краеугольный камень всей системы: вѣру въ неизблемое благочестіе и правосвѣріе Москвы. Но такое отреченіе отъ умственной дѣятельности, отъ дальнѣйшаго свободнаго развитія, отъ общенія съ иноземниками еще поддерживало, развивало и укрѣпляло тѣ заблужденія и ошибки, которыя уже вкрались въ умственную и въ частности религіозную жизнь русскаго народа.

Не нужно думать, чтобы проявленія въ этой жизни невѣжества и обрядности, дошедшей до суевѣрія, проходили совершенно безслѣдно, никѣмъ не сознаваемы и не преслѣдуемы. Нѣтъ, они остававливали на себѣ вниманіе болѣе просвѣщенныхъ и мыслящихъ людей московскаго общества, преимущественно въ средѣ высшей церковной іерархіи, вызывали у нихъ желаніе исправить зло, но такое исправленіе было очень трудно при данныхъ условіяхъ, и благія пожеланія оставались неисполненными. Въ своей средѣ не хватало для этого нужныхъ силъ, образованныхъ людей, а на тѣхъ людей даже православнаго Востока, которые могли бы взяться за такое дѣло, въ Москвѣ готовы были смотрѣть какъ на еретиковъ, въ то самое время, какъ національное самоиѣніе въ связи съ уваженіемъ къ обрядности священной книги, въ каждой подробности роднаго обряда. Характерна въ этомъ смыслѣ исторія Максима Грека. Ученый афонскій монахъ, онъ пріѣхалъ въ Москву для разбора велико-

княжеской бібліотеки и здѣсь ему поручили просмотрѣть и исправленіе церковныхъ книгъ, испорченныхъ невѣжественными переписчиками; вслѣдъ затѣмъ однако онъ подвергся обвиненію въ ереси и былъ заточенъ въ монастырь. Его исправленія вызвали сильныя жалобы: «велію о человекѣ,—говорили ему московскіе люди,—досаду тѣмъ дѣломъ прилагаеши въ земли нашей чудотворцемъ: они бо сицевыми книгами благоугодиша Богови». Одинъ изъ приданныхъ Максиму для помощи писцовъ рассказывалъ впоследствии, что великій ужасъ и трепетъ объяли его, когда Максимъ велѣлъ ему заглядить, т. е. вычеркнуть въ книгѣ нѣсколько строкъ, вставленныхъ въ ея текстъ однимъ изъ предшествовавшихъ переписчиковъ. Великій ужасъ и трепетъ охватывали и болшую часть московскаго общества всякій разъ, какъ оно видѣло покушеніе измѣнить что-либо въ родной «святой старинѣ». При такомъ положеніи все усилило отдѣльныхъ іерарховъ церкви не приводили ни къ какому результату и напротивъ, оканчиваясь постоянными пораженіемъ, все болѣе ослабѣвали. Въ текстъ священныхъ книгъ все болѣе широкой струей вливались различныя ошибки и заблужденія, а люди, пытавшіеся противодѣйствовать этому, тяжело платились за свои попытки годами жестокаго заключенія, какъ это было съ архимандритомъ Троицкой Лавры Діонисіемъ. Подъ знаменемъ исключительнаго русскаго православія освящались всѣ частныя заблужденія, пріобрѣтая характеръ національнаго отлічія и религіознаго правосвѣрія. Возставать противъ нихъ значило идти противъ народности и ея религіи, и немудрено, что такія возставія влекли за собою тяжкую кару, какъ нарушеніе извѣстныхъ порядковъ, освященныхъ всеѣмъ авторитетомъ народнаго преданія.

Такъ, узко-націоналистическій принципъ мессіанизма въ конечномъ своемъ развитіи поглотилъ всѣ соединившіеся съ нимъ элементы, по отношенію къ которымъ онъ первоначально игралъ только служебную роль, и, пріобрѣтая себѣ исключительное значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно исключалъ всякое развитіе, всякое сознательное и живое стремленіе впередъ. Проповѣдую безусловное поклоненіе старинѣ, онъ велъ къ пол-

ному застою в сфере умственной жизни народа, заграждая все пути его дальнейшей работы и, казалось, тем самым обрекая его на неподвижность и смерть. Конечным словом, последним результатом этой долго развивавшейся системы была полная остановка умственного роста народа, замерзание его на однажды выработанных точках зрения, отречение от всего остального человечества во имя своего идеального совершенства и медленная смерть за китайской стеной, воздвигнутой его собственными усилиями.

Но народы не умирают так легко, как отдельные люди. Их путь развития никогда не бывает вполне прямолинейным, их силы не устремляются исключительно в одну сторону. Соответственно этому и то направление, характер которого мы старались обрисовать в предыдущих строках, было претолкающим, господствующим в жизни русского общества, но никогда не было единственным. Все отдельные положения, выработанные им, религиозная нетерпимость и национальная исключительность, предпочтение надъ свободной волеи, монашеский аскетизм и наконецъ внимательство вѣншей принудительной власти в духовныя дѣла вызывали противъ себя и протестъ в части общества, подчасъ очень рѣзкій, но только, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе ослабѣвалъ этотъ протестъ, постепенно утрачивая свои исходныя точки зрѣнія и дробясь на частности. Въ то самое время однако, когда договаривалось послѣднее слово теоріи «третьяго Рима», когда ставилась послѣдняя точка за изложеніемъ этой системы, возникло и облеклось въ плоть и кровь иное стремленіе, которому суждено было разбить крѣпкую броню національной исключительности, въ какую заковало себя московское общество, и вывести это общество, вывести русский народъ на болѣе широкій путь развитія, дать ему иныя, болѣе свѣтлыя и разумныя начала существованія. Такое стремленіе создано въ самомъ же народѣ, но вызвали его къ жизни особыя условія той политической обстановки, въ какой онъ очутился, начиная съ 17-го столѣтія.

Исходнымъ пунктомъ религиозно-націоналистическихъ идей и стремленій Москвы послужили, какъ мы видѣли, ея политическіе успѣхи, помогшіе ей создать единое государство изъ разрозненныхъ сѣверно-русскихъ земель и удачно защищать затѣмъ самостоятельность этого государства отъ враждебныхъ покушеній сосѣдей. Почти до самаго конца 16-го столѣтія продолжались эти удачи Москвы въ области вѣншей политики ея, совершаясь на счетъ ея сосѣдей. Литва, съ момента соединенія съ Польшей не могшая уже болѣе соперничать съ Москвою на почвѣ русскаго національнаго принципа, и фактически оказывалась слабѣе и одна земля за другою, отрываясь отъ великаго княжества литовскаго, присоединялись къ московскимъ владѣніямъ. Мусульманскій востокъ и югъ равнымъ образомъ все болѣе слабѣлъ передъ могуществомъ Московскаго государства: пали царства Казанское и Астраханское передъ московскими войсками, многіе князьки ногайскихъ татаръ признали надъ собою власть царей московскихъ, и самый Крымъ въ значительной степени утратилъ въ Москвѣ свое недавно еще столь грозное обаяніе, такъ что стали даже появляться болѣе или менѣе серьезные проекты завоеванія этого главнаго гнѣзда татарскихъ хищниковъ. Словомъ, въ томъ тѣсномъ кругѣ политическихъ отношеній, въ которомъ врачалось Московское государство до послѣднихъ десятилѣтій 16-го вѣка, оно одержало несомнѣнное, хотя и не полное, торжество, и немудрено, если возбужденному воображенію москвичей, при ограниченномъ политическомъ кругозорѣ ихъ, это торжество представлялось торжествомъ русскаго правосвѣрія надъ латинствомъ и мусульманствомъ и въ немъ готовы были провидѣть начало соединенія всѣхъ царствъ подъ руку свѣтлаго и благовѣрнаго царя московскаго. Но именно эти вѣншіе успѣхи и послужили затѣмъ толчкомъ къ измѣненію отношеній между Москвою и ея сосѣдями, постепенно повлекшему за собой весьма серьезныя перемѣны, какъ въ государственномъ строѣ Москвы, такъ и въ складѣ самосознанія ея населенія. Дѣло заключалось прежде всего въ томъ, что путемъ своихъ успѣховъ въ междунаrodnыхъ отношеніяхъ Московское государство вышло на болѣе

широкую политическую арену и вызвало противъ себя болѣе грозныя силы, чѣмъ тѣ, съ какими ему приходилось считаться раньше. Литва, постоянно угрожаемая со стороны Москвы, все тѣснѣе примыкала къ Польшѣ, ища въ послѣдней защиты противъ грознаго сосѣда, и по мѣрѣ того, какъ соединеніе этихъ двухъ государствъ становилось ближе, въ борьбѣ съ Москвою принимали все большее участіе и польскія силы, пока наконецъ при окончательной уніи Литвы и Польши предъ смертью послѣдняго Ягеллона, вмѣсто великаго княжества Литовскаго, не встало передъ Москвою польско-литовское государство. Съ другой стороны паденіе мусульманскихъ царствъ на востокѣ вызвало новаго врага въ лицѣ Турціи, которая, въ качествѣ верховной охранительницы мусульманства, не могла смотрѣть равнодушно на побѣды Москвы надъ нимъ. Походы турецкихъ войскъ въ русскіе предѣлы, правда, пока неудачные, и яростныя нападенія крымцевъ были результатомъ этихъ отношеній. Такъ, изъ-за старыхъ враговъ Москвы Литвы и татаръ, отъ которыхъ она обороняла единство, самостоятельность и безопасность русской земли, поднялись теперь новыя и гораздо болѣе опасныя—въ лицѣ Польши и Турціи. Нельзя сказать, чтобы теорія, ставившая Москву центромъ и главою православія, не предвидѣла такихъ результатовъ: она указывала на необходимость борьбы, которая теперь возникла, но, ставя свои теоретическія положенія, плохо рассчитала ихъ отношеніе къ дѣйствительности. Когда московское правительство, расширяя свои завоевательные планы, попыталось пробиться къ морю и съ этой цѣлью приобрѣсти Ливонію, оно наткнулось на энергическое сопротивленіе Польши и Швеціи и потерпѣло рѣшительную неудачу въ этой борьбѣ. Вслѣдъ за тѣмъ и вообще отношенія Московскаго государства къ Польшѣ приобрѣтаютъ характеръ какъ разъ обратный тому, какой имѣли отношенія Москвы къ Литвѣ. Пользуясь тяжелымъ положеніемъ государства, разореннаго борьбой и потрясеннаго внутренними смутами, Польша переходитъ въ наступательное положеніе и съ оружіемъ въ рукахъ вноситъ даже католическую пропаганду въ русскіе предѣлы. Лишь грандіозное напряженіе силъ народа

сохранило Москвѣ ея самостоятельность и возстановило равновѣсіе борющихся сторонъ, и лишь возстаніе противъ Польши Малороссіи и присоединеніе ея къ Москвѣ доставило послѣдней снова перевѣсъ въ этой борьбѣ. Но наличность другихъ опасныхъ противниковъ въ лицѣ Швеціи и Турціи заставляла ее все увеличивать напряженіе своихъ силъ, чтобы имѣть возможность стать въ уровень со своими противниками.

Такъ, первымъ результатомъ измѣненія положенія Московскаго государства было расширеніе арены его международной борьбы и увеличеніе опасности этой послѣдней. Такое расширеніе въ свою очередь повлекло за собою сближеніе московской политики съ аналогичной ей политикой нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствъ и усиленіе дипломатическихъ сношеній. Въ 17-мъ вѣкѣ политическій кругозоръ московскихъ людей дѣлается такимъ образомъ шире: Москва ведетъ борьбу съ болѣе значительными государствами и временами вовлекается въ планы иныхъ державъ, государствъ западно-европейскаго міра, съ которыми заключаетъ союзы для совмѣстныхъ дѣйствій противъ общихъ враговъ. То и другое обстоятельства, сами по себѣ еще не особенно важныя, приобрѣли крайне серьезное значеніе, какъ скоро оказалось, что Московское государство, оставаясь при старыхъ своихъ средствахъ, не въ силахъ удовлетворить требованіямъ новаго своего положенія.

Въ самомъ дѣлѣ, силы противниковъ были настолько велики и настолько лучше сравнительно организованы, что борьба съ ними оказывалась непосильной для Московскаго государства, не смотря на самое настойчивое напряженіе силъ народа въ рамкахъ старой системы, не смотря на доведеніе этой системы до ея послѣднихъ крайностей. Московская армія, хотя въ нѣсколько разъ увеличенная, оказывается неспособной устоять передъ западными регулярными войсками; московская государственная казна, не взирая на все увеличивающіеся поборы, съ году на годъ пустѣетъ, и государство видитъ себя вынужденнымъ изыскивать новыя средства борьбы. Такія средства находились въ рукахъ иностранцевъ, какъ убѣдили въ этомъ враждебныя и мирныя сношенія съ ними, и въ видахъ

самосохраненія государство и прибѣгло теперь къ заимствованію отъ нихъ этихъ средствъ. Подъ вліяніемъ сознанный нужды начались приглашенія иностранцевъ на службу московскаго государя, поселеніе ихъ въ значительномъ количествѣ въ Москвѣ, наконецъ передача ихъ техническихъ знаній московскимъ людямъ, появилось сближеніе съ представителями этихъ знаній и въ результатѣ такого сближенія создалось большее знакомство съ чужою жизнью, съ западно-европейскою культурою, остававшейся до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстной Москвѣ.

Но мѣрѣ расширенія такого знакомства стали проникать въ общество и нныя идеи. Это общество, такъ гордившееся своимъ превосходствомъ, внезапно увидѣло теперь себя въ положеніи настолько затруднительномъ, что не могло выйти изъ него однѣми собственными силами и должно было обратиться къ чужой помощи, къ тѣмъ самымъ нечестивымъ иноземцамъ, которые занимали такое низкое мѣсто въ его мнѣніи. Уже однимъ этимъ наносился тяжелый ударъ взглядамъ, воспитавшимся на почвѣ исключительнаго націонализма, но онъ сдѣлался еще чувствительнѣе, когда призванное на помощь иностранное вліяніе переступило тѣ границы, какія были первоначально указаны ему. Пользуясь помощью иноземцевъ въ дѣлѣ военной техники, къ которой вскорѣ присоединилась и промышленная, московское правительство, равно какъ и общество, вовсе не думало сначала измѣнять своихъ общихъ взглядовъ на чужія земли. Но такое измѣненіе являлось уже только вопросомъ времени послѣ того, какъ пробита была первая брешь въ стѣнѣ национальной исключительности, охранявшей раньше это общество отъ всякаго чуждаго вліянія. Къ половинѣ XVII столѣтія число иностранцевъ, поселившихся въ Москвѣ, достигло уже весьма значительной цифры. Около этого же времени совершилось присоединеніе Малороссіи, — страны, которая, благодаря особымъ условіямъ своего существованія подъ польскимъ владычествомъ, успѣла развить у себя въ значительныхъ сравнительно съ Великороссіей размѣрахъ просвѣщеніе, сосредоточивъ его преимущественно на религіозной почвѣ. Служилые иноземцы съ одной стороны, малороссы — съ другой доставили москов-

скимъ людямъ богатый матеріалъ для сравненія своей жизни съ чужою, и выводы, какіе изъ подобнаго сравненія явились, способны были поразить своею неожиданностью. Русскіе люди при сопоставленіи себя съ чужеземцами стали сперва смутно, потомъ все болѣе и болѣе отчетливо сознавать ту истину, которую давно уже повторяли наблюдавшіе ихъ жизнь иностранцы, которую знали или подозрѣвали отдѣльныя личности и изъ ихъ собственной среды, но которая до сихъ поръ была рѣшительно чужда широкимъ слоямъ общества, именно, что они страдаютъ отсутствіемъ настоящаго образованія. Передъ ними раскрывалась иная, неизвѣстная имъ раньше жизнь, иной міръ, и сравненіе его съ бытомъ московскимъ порождало мысль о коренномъ различіи между ними: одинъ представлялся построеннымъ на образованности, на наукѣ, въ другомъ эта послѣдняя рѣшительно отсутствовала, такъ какъ «русскіе люди... въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ». Первый былъ къ тому же богаче, сильнѣе, искуснѣе второго, привлекалъ къ себѣ всѣми наслажденіями, какія могла обѣщать высшая и болѣе утонченная культура. Съ того момента, какъ сознаніе этого различія и того основанія, на какомъ оно покоилось, проникло въ среду московскаго общества, міръ послѣдняго былъ нарушенъ и въ его настроеніи начался переломъ. Выступивъ на болѣе широкую политическую арену, великорусскій народъ увидѣлъ теперь необходимость въ общеніи съ другими народами подвергнуть повѣркѣ систему, созданную имъ въ то время, когда онъ впервые увидалъ себя заключеннымъ въ одно государство, и какъ раньше выработалось его самосознаніе подъ вліяніемъ отношеній къ сосѣдямъ, такъ теперь измѣненіе этихъ отношеній повело къ критикѣ формъ, въ которыя вылилось это самосознаніе.

Естественно, такая критика появилась не сразу. Ея предшествовали простыя заимствованія отъ иностранцевъ въ области матеріальнаго быта, заимствованія, совершавшіяся по преимуществу среди лицъ высшаго класса. Какъ государство стремилось перенять у иноземцевъ ихъ военную и промышленную технику, такъ отдѣльныя личности стали перенимать подроб-

ности домашней обстановки, вводитъ къ себѣ продукты европейской промышленности и искусства. Слѣдомъ за этой первоначальной стадіей неизбежно являлась однако и вторая, болѣе сознательная, въ видѣ пробужденія критическаго отношенія къ родной обстановкѣ, въ результатѣ котораго возникала неудовлетворенность старыми формами жизни и стремленіе ближе ознакомиться съ являвшейся на русскую почву наукой и культурой западной Европы, усвоить себѣ ихъ плоды и съ помощью ихъ исправить домашніе порядки. Появился цѣлый рядъ такихъ лицъ, которыя стремились перенять обычай и нравы иноземцевъ, начиная съ внѣшнихъ формъ и кончая несуществовавшимъ раньше въ Москвѣ свѣтскимъ образованіемъ. На этотъ путь вступила однако только одна часть общества: другая увидѣла въ измѣненіяхъ, прокрадывавшихся въ московскій бытъ, измѣну старымъ началамъ жизни, освященнымъ всѣмъ авторитетомъ преданія, и это побудило ее еще крѣпче ухватиться за эти начала, съ особенной настойчивостью пропагандировать ихъ. Такъ, ближайшимъ результатомъ большаго сближенія съ иноземцами, вызваннаго насущными нуждами и потребностями государства, явилось раздѣленіе общества на враждебныя партіи, борьба двухъ противоположныхъ возрѣній. Съ какого бы пункта ни начиналась эта борьба, она неизбежно приводила противниковъ на почву церковныхъ порядковъ. Это обуславливалось не только тѣмъ, что главный контингентъ образованныхъ людей поставляло въ эту эпоху духовенство и интересы даже свѣтскихъ образованныхъ людей сосредоточивались во кругъ религіи и церкви, но и тѣмъ еще, что вся общественная и государственная жизнь Москвы въ ея цѣломъ до мельчайшихъ подробностей въ сознаніи людей того времени, какъ мы увидѣли, прониклась и освящалась религіознымъ принципомъ. Обстоятельства такимъ образомъ подготовили борьбу среди московскаго общества и опредѣлили ея ближайшее поприще. Дѣло стало за борцами, и они не замедлили явиться.

II.

Жизнь Аввакума до первой ссылки.

Около 1620 года у священника села Григорова за рѣкой Кудмой, въ Книгининскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, родился сынъ, названный Аввакумомъ, которому предстояло сыграть видную роль въ дѣлѣ современнаго ему умственнаго движенія русскаго народа. О годахъ дѣтства будущаго протопопа мы знаемъ очень немного, да и то, что знаемъ, сохранилъ намъ лишь самъ онъ въ своей автобіографіи, извѣстной подъ именемъ «Житія протопопа Аввакума». Тѣмъ не менѣе и въ этихъ немногихъ свѣдѣніяхъ можно найти кое-какія характерныя черты, бросающія хотя нѣкоторый свѣтъ на тѣ условія, при какихъ ребенокъ сложился и выросъ въ мужа, и на тотъ путь, которымъ шло развитіе его ума и характера.

Отецъ Аввакума, григоровскій священникъ Петръ, страдалъ порокомъ пьянства, «прилежаше питія хмѣльнаго», какъ выражался о немъ впоследствии сынъ. Мать его, по имени Марія, напротивъ, была «постница и молитвенница» и впоследствии, по смерти мужа, постриглась даже въ монахини. Такъ, уже въ семейной обстановкѣ Аввакума соединились два противоположныя начала, одинаково общія русской жизни того времени, существовавшія въ ней рядомъ, не смотря на взаимную враждебность, — нравственная распущенность и строгое обрядовое благочестіе, доходившее до аскетизма. Насколько и какъ

именно могли ужиться двѣ такія несходныя натуры въ семейной жизни, остается неизвѣстнымъ, но во всякомъ случаѣ фактъ существованія двухъ рѣзко расходящихся вліяній не могъ остаться безъ замѣтнаго и серьезнаго отраженія на стоявшемъ между ними организмѣ ребенка. Съ раннихъ лѣтъ должно было это обстоятельство развивать и повышать въ немъ нервность, вызывать интересъ къ такимъ вопросамъ, которые оставались чуждыми для большинства его сверстниковъ. Противопоставленія небеснаго земному, загробнаго міра здѣшнему рано предстали передъ молодымъ умомъ въ устахъ близкихъ людей и приковали къ себѣ его вниманіе. При установившемся уже настроеніи, при разившейся чуткости къ вопросамъ этого рода, достаточно было самаго простого повидимому случая, чтобы закрѣпить то и другую и сдѣлать ихъ господствующими чертами характера, и такой случай не замедлил представиться. Пришлось разъ мальчику увидеть на дворѣ у сосѣда смерть какой-то скотины; на юную душу, подготовленную частыми толками окружающихъ о человѣческой жизни и смерти, эта реальная картина смерти произвела удручающее и рѣшительное впечатлѣніе: представленіе объ ужасѣ и неизбѣжности смерти, объ ежеминутной возможности гибели неизгладимыми чертами врезалось въ ней, и ночью ребенокъ, поднявшись съ постели, съ плачемъ началъ молиться передъ образомъ «о душѣ своей, поминая смерть». Съ той поры онъ и до конца жизни не оставлялъ уже обычая тайной ночной молитвы.

Такъ первая уже впечатлѣнія сознательной жизни ребенка ускоряли умственное развитіе его, направляя при этомъ его мысли и интересы въ опредѣленную сторону, возбуждая въ немъ интересъ къ извѣстнымъ вопросамъ и отчасти—въ лицѣ матери—указывая и путь къ практическому рѣшенію этихъ вопросовъ. Полное рѣшеніе ихъ возможно было однако не въ домашней обстановкѣ, для него требовалась сфера болѣе широкая, и Аввакумъ нашелъ ее въ книгахъ, въ занятіяхъ чтеніемъ. Какъ шли эти занятія, мы опять-таки не знаемъ и можемъ судить объ нихъ только по ихъ результатамъ. Високаго дѣйствія, выступая въ роли проповѣдника, Аввакумъ является передъ

нами человѣкомъ, обладающимъ весьма значительной по тому времени начитанностью. Не только хорошо знакомы ему всѣ книги св. Писанія, переведенныя на славянскій языкъ, не только знаетъ онъ циркулировавшія въ Россіи творенія отцовъ церкви, но еще обнаруживаетъ знакомство и съ апокрифическими сказаніями, въ родѣ напримѣръ «Вопросовъ Іоанна Богослова Аврааму», «сказанія о древѣ крестномъ» и др. Равнымъ образомъ зналъ онъ и циклъ чисто русскихъ сказаній и повѣстей, какъ повѣсть о бѣломъ глобукѣ, сказаніе о трехъ Римахъ и др. Словомъ, можно сказать, что ему была знакома вся почти тогдашняя литература, доступная для русскаго грамотнаго человѣка. Зная общій тонъ ея, мы можемъ легко себѣ представить, какое воздѣйствіе должна была она оказать на юнаго энтузіаста. Въ ея произведеніяхъ, полныхъ смиреннаго отреченія отъ земныхъ благъ, горячаго мистическаго увлеченія, живо рисовавшихъ борьбу вѣры съ соблазнами міра, нечестія съ правотѣріемъ, онъ почерпалъ теоретическія обобщенія знакомыхъ ему фактовъ жизни, находилъ указанія для своей дѣятельности и постепенно изъ него складывался проповѣдникъ высокаго нравственныхъ идеаловъ, соединенныхъ съ монашескимъ аскетизмомъ, съ презрѣніемъ къ міру и его слабостямъ. Мысль о подвижнической жизни, направленной къ спасенію отъ грѣха, становится преобладающей въ душѣ юноши, но, полный молодыхъ силъ, онъ готовится къ дѣятельной борьбѣ съ соблазнами, а не думаетъ бѣжать отъ міра.

Между тѣмъ годы юности проходили и мать Аввакума, тѣмъ временемъ овдовѣвшая, задумала женить сына. Покорный волю матери, юноша только молился Богородицѣ, чтобы она дала ему жену «помощницу ко спасенію», чтобы въ семейной жизни не встрѣтить противорѣчій взлелѣяннымъ идеаламъ. Выборъ матери палъ на одну сироту изъ того-же села, происходившую изъ семьи, нѣкогда зажиточной, но обѣднѣвшей со смертью хозяина. Дѣвушка эта, по имени Анастасія, привлекла вниманіе матери Аввакума своею набожностью и частымъ посѣщеніемъ церкви; сама она давно уже втайнѣ любила Аввакума и счастье его семейной жизни было такимъ образомъ обезпечено. Въ женѣ

своей онъ нашелъ себѣ дѣйствительно помощницу, женщину, связанную съ нимъ и общимъ міровоззрѣніемъ, и узами горячей привязанности, помогавшей ей безропотно переносить всѣ невзгоды, постигавшія ихъ въ жизни. Эти невзгоды, вызываемыя стойкостью Аввакума въ отстаиваніи своихъ взглядовъ, должны были начаться уже очень скоро.

Мать Аввакума умерла вскорѣ послѣ брака сына, а самъ онъ вступилъ на ту дорогу, которую ему указывало и происхожденіе, и—въ гораздо большей степени—собственное его настроеніе. Переселившись изъ родного села, гдѣ повидимому односельчане не долюбливали его, въ село Лопатицы (нын. Маркарьевскаго уѣзда), онъ—двадцати одного года отъ роду—былъ поставленъ здѣсь въ дьяконы, а черезъ два года—и въ священники. Передъ нимъ открывалось теперь поприще дѣятельности въ качествѣ признаннаго учителя народа и онъ схватился за нее со всѣмъ жаромъ, свойственнымъ его натурѣ. Въ немъ самомъ не было тѣхъ недостатковъ, которые были такъ распространены въ средѣ тогдашняго русскаго духовенства, которыхъ не чуждъ былъ и отецъ его и которые могли-бы уронить въ глазахъ массы его учительскій авторитетъ. Аввакумъ строго относился къ самому себѣ и съ безпощадною суровостью каралъ свою плоть за всякое проявленіе слабости, за малѣйшее отступленіе отъ требованій духа. Случилось разъ, что пришла къ нему на исповѣдь «дѣвица многими грѣхами обременена» и съ плачемъ каялась въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Красота ея тронула сердце молодого исповѣдника, и онъ съ ужасомъ почувствовалъ, что онъ, «треокаянный врачъ, самъ разболѣлся», что грѣховное пожеланіе охватило его. Онъ зажегъ три свѣчки и, прилѣпивъ ихъ къ аналою, положилъ правую руку на пламя и держалъ, пока азбутованная плоть не усмирилась. Отпустивъ затѣмъ дѣвушку, пошелъ онъ домой, и тамъ съ горькими слезами долго молился Богу, чтобы позволено было ему снять съ себя принятое званіе, «понеже бремя тяжко, неудобъ носимо». Только видѣніе, посѣтившее его, когда онъ, истомленный, забылся сномъ, лежа передъ образомъ, успокоило его. При такомъ высокомъ пониманіи своей обязанности

онъ являлся настоящимъ учителемъ, словомъ и дѣломъ проповѣдующимъ свои взгляды, не отступающимъ отъ преподаваемого ученія. Строго выполнялъ онъ свое призваніе, какъ понималъ его, съ мелочной, буквальной точностью исправлялъ всѣ обряды церковнослуженія, съ неослабною ревностью наставлялъ и поучалъ своихъ духовныхъ дѣтей. Въ то время многіе священники своили обычай многогласія въ служеніи: чтобы сократить церковную службу и въ то-же время ничего не выпустить изъ нея, ее совершали въ нѣсколько голосовъ, такъ что дьячокъ читалъ каанізы въ то самое время, какъ дьяконъ провозглашалъ ектенію, а священникъ дѣлалъ возгласы, и все это вмѣстѣ съ пѣніемъ хора сливалось въ нѣясный шумъ, совершенно непонятный для молящихся. Аввакумъ не послѣдовалъ этому обычаю и совершалъ службу медленно, по уставу. Но церковнымъ служеніемъ не ограничивалъ онъ круга своей дѣятельности. Съ тѣми же требованіями чистой, нравственной жизни, какія онъ предъявлялъ къ самому себѣ, онъ обращался и къ другимъ, въ частности къ своимъ прихожанамъ.

Среди послѣднихъ его дѣятельность вызывала неодинаковое отношеніе. Одни готовы были видѣть въ молодомъ священникѣ настоящаго пастыря и приписывать ему всю ту силу, которая соединялась тогда съ этимъ понятіемъ: къ нему приводили бѣсноватыхъ, прося исцѣлить ихъ, и онъ держалъ ихъ въ своемъ дождѣ, леча молитвой и освященнымъ масломъ. «И сила Божія, — прибавляетъ Аввакумъ, разсказывая объ этомъ, — отгоняше отъ человѣкъ бѣсы и здрави бываху». Но такихъ людей, которые подчинялись сразу духовному авторитету священника, было меньшинство. Большинство же возмущалось тѣми суровыми требованіями, какія ставилъ Аввакумъ, и не прочь было выступить съ протестомъ противъ нихъ. Такой протестъ еще облегчался тѣмъ обстоятельствомъ, что Аввакумъ, преслѣдуемый нѣдлѣ внесенія благочинія въ духовную жизнь своей паствы, не останавливался ни передъ чѣмъ и неспособенъ былъ жертвовать тѣмъ, что считалъ истиной, случайнымъ обстоятельствомъ и отдѣльнымъ людямъ. Какой-то «начальникъ» отнялъ разъ дочь у вдовы; Аввакумъ вступился и началъ увѣщевать его воз-

вратить дѣвуху матери Начальникъ, вознегодовавъ на такое вмѣшательство въ его дѣла, возмутилъ противъ Аввакума прихожанъ, толпа которыхъ начала послѣ этого на своего священника у церкви и избилъ почти до смерти, такъ что онъ едва пришелъ въ себя. Но и это не утишило его ревности и онъ продолжалъ свои настоянія, пока начальникъ не отдалъ дѣвухи. Впрочемъ черезъ нѣсколько времени послѣдній, должно быть, раскаялся въ этомъ: придя въ церковь, онъ самъ уже избилъ Аввакума и въ ризахъ волочилъ его за ноги по землѣ. Неспособность подчинять свои взгляды требованіямъ прихожанъ продолжала причинять Аввакуму хлопотъ и въ другомъ въ простѣ. Прихожане требовали, чтобы онъ служилъ въ церкви скорѣе, а онъ не считалъ себя въ правѣ исполнить это, и новыя столкновенія между священникомъ и приходомъ не заставили себя ждать. Начальникъ, на этотъ разъ уже другой, разсерженный неуступчивостью Аввакума, приближалъ къ нему на домъ, билъ его и руку ему изгрызъ зубами, потомъ покушался, но неудачно, застрѣлить его. Пока дѣло ограничивалось побоями и бранью, стойкій священникъ, увѣренный въ правотѣ своего подвига, отвѣчалъ на нихъ благословеніями и полнымъ достоинствомъ смиреніемъ. Но вскорѣ эти гоненія приняли и болѣе серьезный оборотъ: видя, что Аввакума нельзя заставить подчиниться и поступать иначе, начальникъ, его избившій, прибѣгъ къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ. Онъ отнялъ у него дворъ и все имущество и выгналъ изъ села, не давъ даже хлѣба на дорогу. Какъ разъ передъ тѣмъ у Аввакума родился сынъ, и теперь онъ съ женой и некрещенымъ младенцемъ побрелъ въ Москву—искать защиты у мірскихъ властей, такъ какъ иначе для него закрывалась теперь возможность продолжать только что начатую дѣятельность.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Аввакуму и раньше уже приходилось бывать въ Москвѣ по дѣламъ, такъ какъ приходъ его принадлежалъ къ патриаршему округу, и во время этихъ посѣщеній онъ успѣлъ познакомиться и сблизиться съ двумя людьми, занимавшими видное положеніе среди московскаго духовенства, царскимъ духовникомъ Стефаномъ Воиновымъ и протопо-

помъ Казанскаго собора Иваномъ Неровнымъ. Во всякомъ случаѣ, состоялось ли это знакомство еще раньше или только теперь, эти два лица приняли участіе въ выгнанномъ изъ своего прихода священникѣ, тѣмъ болѣе, что и сами они были такими-же ревнителями вѣры и строгаго благочестія, какъ Аввакумъ. Они познакомили его съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и выхлопотали для него царскую грамоту, утверждавшую его въ санѣ приходскаго священника въ с. Лопатицахъ. Съ этой грамотою отправился онъ обратно въ свой приходъ и опять водворился въ немъ, получивъ возможность продолжать свою дѣятельность еще съ болѣею увѣренностью, чѣмъ прежде, такъ какъ теперь онъ чувствовалъ за собою сильную поддержку. Скоро представился ему случай обнаружить свое рвеніе къ установленію благочестія и свой непреклонный ригоризмъ еще съ новой стороны. Пришли какъ-то въ Лопатицы вожаки медвѣдей съ скоморохами, съ бубнами и домрами. Аввакумъ горячо возсталъ противъ этого развлеченія, не соотвѣтствовавшаго его аскетическому идеалу христіанской жизни, и, не довольствуясь увѣщаніями, «по Христѣ ревнуя», по-просту выгвалъ изъ села скомороховъ и медвѣжатниковъ, изломалъ ихъ шутовскія маски и инструменты, отнялъ самыхъ медвѣдей и пустилъ ихъ въ поле. Въ это время плылъ мимо Лопатицъ по Волгѣ бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ, направляясь въ Казань на воеводство. Жители, недовольные самоуправными поступками своего священника, пожаловались на него боярину и послѣдній призвалъ Аввакума къ себѣ на судно. Долго и много бранилъ онъ его и подъ конецъ бесѣды, проникшись ли уваженіемъ къ стойкости священника, или просто по обычаю, просилъ его благословить сына своего, Матвѣя. Но этого послѣдняго коснулись уже новшества, проникшія въ русскую землю: онъ былъ обрѣтъ, и Аввакумъ, увидавъ такой «блудолобивый образъ», не только отказался благословить его, но еще и «отъ Писанія его порицалъ», такъ что всплывшій Шереметевъ приказалъ было бросить его въ Волгу. Въ рѣку священника, правда, не бросили, но проводили съ судна побоями. Наконецъ строгія требованія Аввакума въ связи съ его

деспотическими замашками сдѣлали окончательно невозможными миръ и согласіе между нимъ и его прихожанами. Последніе рѣшительно возстали противъ своего слишкомъ требовательнаго пастыря и заставили его удалиться изъ прихода. Опять отправился Аввакумъ въ Москву къ своимъ друзьямъ и на этотъ разъ по ихъ ходатайству назначенъ былъ протопопомъ въ Юрьевецъ-Повольскій. Недолго однако пришлось прожить ему и на новомъ мѣстѣ. Его строгія правила, суровыя обличенія, стремленіе всѣхъ подчинить своей волѣ во имя идеала правотѣрпной жизни возстановили противъ него не только простое населеніе города, но и самое духовенство, надъ которымъ онъ былъ непосредственнымъ начальникомъ и которое поэтому болѣе всѣхъ могло испытывать на себѣ тяжесть его власти. Уже черезъ восемь недѣль въ городѣ вспыхнуло цѣлое возмущеніе противъ протопопа: до полуторы тысячъ человекъ, мужчины съ батогами, бабы съ рычагами, собралось къ патриаршему приказу, гдѣ Аввакумъ занятъ былъ духовными дѣлами. Суроваго протопопа вытащили на улицу, били, чѣмъ попало, до того, что онъ потерялъ сознание, и убили бы на мѣстѣ, если бы не спасъ его воевода, прибѣжавшій на выручку съ пушкарями. Едва на лошади умчали Аввакума отъ разъяренной толпы въ его дворъ и къ последнему пришлось поставить стражу изъ пушкарей же, чтобы охранить протопопа отъ покушеній на его жизнь. Два дня лежалъ онъ, оправляясь отъ послѣдствій тяжкихъ побоевъ, и все это время въ городѣ царило смятеніе, народъ, подъущаемый попами, волновался и на улицахъ слышались бѣшенные крики: «убить его, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинуть». На третій день ночью Аввакумъ тайно бѣжалъ изъ Юрьевца, оставивъ тамъ жену и дѣтей, и направился въ Москву. По дорогѣ зашелъ онъ въ Кострому, гдѣ рассчитывалъ найти своего знакомаго и пріятеля, протопопа Давиила, но, придя туда, узналъ, что и Давиила постигла такая же участь, какъ его: за нѣсколько времени передъ тѣмъ его также изгнали прихожане, и онъ бѣжалъ въ Москву. Аввакуму оставалось только продолжать свой путь туда же. Прибывъ въ столицу, онъ явился къ царскому ду-

ховнику Стефану Вонифатьеву, но какъ этотъ послѣдній, такъ и самъ царь, случайно увидавшій Аввакума, когда зашелъ ночью къ духовнику своему за благословеніемъ, остались сперва недовольны бѣгствомъ его изъ Юрьевца. Вскорѣ однако неудовольствіе это сгладилось и забылось; Аввакумъ остался въ Москвѣ и еще тѣснѣе и ближе сошелся со здѣшними своими пріятелями.

Только что рассказанныя событія—назначеніе Аввакума протопопомъ въ Юрьевецъ, жизнь въ этомъ городѣ и вторичное бѣгство въ Москву—происходили въ 1651 году. Со времени поставленія въ священники восемь лѣтъ провелъ Аввакумъ въ попыткахъ осуществленія своихъ взглядовъ и идеаловъ на практикѣ, во всей ихъ полнотѣ и цѣльности. Всѣ эти попытки остались безплодными, восемь лѣтъ прошло въ упорной борьбѣ проповѣдника аскетической морали, суроваго ригориста, стремившагося передѣлать міръ по своему, съ окружающими,—борьбѣ, не принесшей повидимому никакихъ результатовъ, кромѣ ряда пораженій. Но это не пугало и не измѣнило его: онъ смотрѣлъ на такую борьбу, какъ на неизбѣжный подвигъ, и она только закаляла его характеръ, сообщая ему новыя силы и энергію. Между тѣмъ съ окончательнымъ переѣздомъ въ Москву теченіе жизни Аввакума повернуло на иное русло: и окружившая его здѣсь духовная атмосфера, и личная его дѣятельность были уже не тѣ, что прежде. Чтобы вполне понять эти новыя условія его жизни, намъ надобно сдѣлать небольшое отступленіе и сказать нѣсколько словъ о тѣхъ кружкахъ московскаго духовенства, съ которыми Аввакумъ пришелъ въ близкое соприкосновеніе.

Одинъ изъ такихъ кружковъ, наиболѣе видный и вліятельный, группировался около двухъ знакомыхъ уже намъ лицъ—Стефана Вонифатьева и Ивана Неронова. Духовникъ «тишайшаго и благовѣрнѣйшаго» царя Алексія Михайловича, Стефанъ Вонифатьевъ, славился своимъ благочестіемъ и ревностью по вѣрѣ и былъ извѣстенъ, какъ человекъ строгой жизни. Сурово смотрѣлъ онъ на распущенную жизнь многихъ мірянъ, которой часто подражали и духовныя лица, скло-

нень былъ видѣть причину такихъ явленій въ новшествахъ, въ отступленіи отъ старины и, будучи большимъ знатокомъ церковнаго устава, отъ всѣхъ, въ томъ числѣ и отъ самого царя, у котораго онъ пользовался немалымъ расположеніемъ, требовалъ неуклоннаго соблюденія обрядоваго благочестія. Его другъ, протопопъ Нероновъ, былъ человѣкомъ такого же закала: такой же знатокъ и ревнитель церковной обрядности, такой же проповѣдникъ нравственной жизни и строгаго благочестія, онъ пользовался въ силу этихъ своихъ качествъ весьма значительнымъ авторитетомъ надъ окружающими его лицами. Объ этомъ авторитетѣ могутъ дать понятіе уже эпитеты, дававшіеся ему его духовными дѣтьми: его называли «вышестепеннымъ, равноапостольнымъ, по церкви Христовѣ крѣпкимъ поборникомъ». Нужно прибавить, что оба эти лица по московскимъ понятіямъ были людьми очень образованными: имъ хорошо знакома была современная имъ великорусская литература, церковная конечно, и они сами раздѣляли главнѣйшія ея теченія. Въ современной имъ церковной жизни они замѣчали неурядки и неустройства и подумывали объ исправленіи ихъ. Но причину всякаго рода неурядковъ они склонны были усматривать исключительно въ уклоненіяхъ отъ обрядовой старины и, будучи лишены въ сущности глубокаго образованія, не могли возвыситься до болѣе широкихъ обобщеній. Самую старину, за которую они такъ стояли, они усматривали исключительно на русской почвѣ; перейти на какую-либо другую имъ не позволяло ограниченное сравнительно образованіе, незнаніе греческаго языка, и узость ихъ идейнаго кругозора, заставлявшая ихъ раздѣлять такъ распространенныя въ то время идеи объ исключительномъ правовѣрїи Московскаго государства. Словомъ, по своимъ взглядамъ и симпатіямъ они примыкали къ недавно еще безраздѣльно господствовавшей націоналистической партіи, составляя въ то же время дѣвъ ея по своимъ умственнымъ способностямъ и образовательнымъ средствамъ. Это послѣднее обстоятельство и помогло имъ собрать вокругъ себя цѣлый кружокъ лицъ, раздѣлявшихъ ихъ воззрѣнія и готовыхъ дѣйствовать въ духѣ проповѣдуемыхъ ими идей. Тутъ

были и костромской протопопъ Даниилъ, и муромскій протопопъ Лонгинъ, и ученый диаконъ московскаго Благовѣщенскаго собора Федоръ, и попы романовскій Лазарь и суздальскій Никита. Всѣ они смотрѣли на Вонифатьева и Неронова, особенно же на послѣдняго, какъ на своихъ руководителей и наставниковъ, призванныхъ возстановить чистоту русской церкви и охранить ея правовѣрїе путемъ возвращенія къ древней обрядовой строгости. Но вліяніе Вонифатьева и Неронова распространялось не на одни только круги одинаковаго по положенію съ ними духовенства и ихъ паствы, оно шло и дальше, проникая равно въ высшую духовную и свѣтскую іерархію. Патріархъ Іосифъ исполнѣ подчинялся ихъ духовному авторитету и въ значительной степени передалъ въ ихъ руки самое управленіе церковью. Съ другой стороны царь Алексѣй Михайловичъ, бывшій самъ человѣкомъ очень набожнымъ и благочестивымъ и высоко ставившій эти качества въ другихъ, лично зналъ главнѣйшихъ членовъ кружка Неронова и цѣнилъ ихъ достоинства. Самъ онъ среди различныхъ окружавшихъ его теченій не выбралъ себѣ твердаго пути: толкаемый силою обстоятельствъ на дорогу преобразованій, онъ въ то же время не рѣшался порвать связей съ стариною, къ которой его тянули сердечныя симпатіи. Такимъ образомъ въ то время, какъ Аввакумъ изъ Юрьевца явился въ Москву, кружокъ протопоповъ пользовался наибольшимъ вліяніемъ въ духовныхъ дѣлахъ, основывая его какъ на личномъ расположеніи къ главнымъ своимъ представителямъ царя и патріарха, такъ и на своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ надъ остальнымъ духовенствомъ. Дружбы этого кружка заискивали даже очень сильные люди. Самъ митрополитъ новгородскій Никонъ, царскій любимецъ, въ которомъ уже тогда прозрѣвали будущаго патріарха, дружилъ съ протопопами и раздѣлялъ ихъ взгляды. Подобно Неронову и Вонифатьеву онъ считалъ Московскую Русь источникомъ истиннаго благочестія и заподозривалъ правовѣрїе греческаго Востока: «гречане, — говаривалъ онъ въ дружескихъ бесѣдахъ съ московскими протопопами, — потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, своимъ чревамъ работаютъ и постоянства

въ нихъ не объявилось и благочестія немало». Подобно другимъ членамъ кружка, и онъ мечталъ тогда о частныхъ исправленіяхъ церковныхъ неурядицъ, притомъ исключительно на почвѣ русской старины. При такомъ совпадении интересовъ и взглядовъ и Нероновъ, и Вонифатьевъ видѣли въ Никонѣ своего человѣка и не пытались препятствовать его все увеличивавшейся близости къ царю.

Къ этому-то кружку, тѣсно сплоченному и сильному своимъ вліяніемъ, прикнулъ и протопопъ Аввакумъ, явившись въ Москву изъ Юрьевца. Съ членами его онъ ранѣе былъ уже знакомъ и находился въ тѣсныхъ пріятельскихъ отношеніяхъ; и его связывала съ ними общность взглядовъ и намѣреній, одинъ и тотъ же умственный кругозоръ, но помимо того у него установилась съ Нероновымъ и Вонифатьевымъ еще и такая глубокая дружба, какой не было у этихъ лицъ съ Никонемъ. Въ свою очередь Аввакумъ внесъ въ кружокъ присущую ему самому страстность и энергію, готовность къ рѣшительнымъ мѣрамъ и дѣйствіямъ. Первоначально впрочемъ онъ не выступалъ на первомъ планѣ, а заслонялся личностью Неронова, фактического главы кружка, и всталъ даже въ положеніе какъ бы помощника его. Не имѣя собственнаго прихода и продолжая номинально считаться юрьевецкимъ протопопомъ, онъ постоянно находился при Казанскомъ соборѣ, замѣняя Неронова въ церковнослуженіи во время его отлучекъ, читалъ народу священныя книги и поученія. Такого рода дѣятельность настолько его удовлетворяла, что онъ не хотѣлъ промѣнять ее на мѣсто, хотя бы и болѣе видное и почетное, но доставлявшее меньше случаевъ общенія съ народомъ и пропаганды своихъ мнѣній, такъ что онъ не польстился и на мѣсто въ дворцовой церкви Спаса за Золотой Рѣшоткой, которое ему предлагали. Съ дворцомъ впрочемъ у него тоже были тѣсныя отношенія: самъ царь часто его видѣлъ и бесѣдовалъ съ нимъ и душевно привязался къ протопопу, привлекая его своимъ строгимъ подвижничествомъ, огненными рѣчами и богатымъ запасомъ сердечной нѣжности, скрывавшимся подъ суровой оболочкой аскета. И на Верху, въ теремѣ царицы, знали Аввакума и за-

слушивались его поученій; у царицы къ тому же служили два его брата; одинъ братъ его, Герасимъ, былъ и священникомъ въ дворцовой церкви. Свою собственную семью протопопъ также перевезъ на третій годъ въ Москву и окончательно поселился здѣсь своимъ домомъ

Домъ этотъ и въ Москвѣ продолжалъ сохранять тотъ-же характеръ, какой онъ имѣлъ еще въ с. Лопатицахъ. Личная жизнь Аввакума и теперь оставалась тѣмъ же непрерывнымъ молитвеннымъ подвигомъ, слабое понятіе о которомъ можетъ дать слѣдующій фактъ. Ежедневно, послѣ вечерни, поужинавъ и собираясь отходить ко сну, протопопъ совершалъ «правило», состоявшее изъ цѣлаго ряда молитвъ, сопровождаемыхъ земными поклонами. Уже окончивъ это правило и потушивъ огонь, онъ вновь становился на молитву и въ потьмахъ совершалъ «300 поклоновъ, 600 молитвъ Іесусовыхъ, да 100 Богородицѣ»; жена его, молясь съ нимъ вмѣстѣ, полагала 200 поклоновъ и произносила 400 молитвъ. Строгий образъ жизни, рѣзкія поученія и въ Москвѣ создали Аввакуму репутацію священника высокой нравственности, и въ результатѣ къ нему стали приводить на исцѣленіе т. наз. бѣсноватыхъ больныхъ, названіе, подъ которымъ обобщалось много различныхъ болѣзней, начинаемая отъ острыхъ расстройствъ нервной системы и кончая сумасшествіемъ. Иногда нѣсколько этихъ несчастныхъ одновременно жило въ домѣ протопопа, который лечилъ ихъ молитвой, святой водой, а иногда—въ экстренныхъ случаяхъ — и «смирлялъ» побоями. Всѣ эти занятія далеко не поглощали теперь однако всего его времени и, напротивъ, вскорѣ отступили даже на задній планъ передъ болѣе важными.

Время, въ которое Аввакумъ переселился въ Москву, совпало съ началомъ болѣе серьезнаго выступленія Неронова и его пріятелей на почвѣ исправленія церковной жизни. Одно изъ главныхъ золь послѣдней, давно уже привлекавшее на себя вниманіе отдѣльныхъ лицъ изъ среды духовной іерархіи, заключалось въ порчѣ священныхъ книгъ невѣжественными переписчиками, внесенными въ нихъ множество ошибокъ. Необходимость исправленія чувствовалась давно, и попытка къ нему

сдѣлана была и при патриархѣ Іосифѣ со стороны протопоповъ. Въ ихъ руки всецѣло отданъ былъ патриархомъ московскій печатный дворъ и еще съ 1642 года началось печатаніе книгъ подъ наблюденіемъ комиссіи справщиковъ, въ которую вошли всѣ члены кружка протопоповъ, исключая лишь Неронова и Вонифатьева. Съ пріѣздомъ Аввакума и онъ былъ включенъ въ число справщиковъ печатнаго двора. Уровень богословскаго образованія справщиковъ, учившихся только у себя дома, по книгамъ, полнымъ ошибокъ, воспитавшихся на литературѣ, восхвалявшей исключительное правотѣріе и святость обрядовъ русской церкви, вполнѣ обуславливалъ собою и достоинство ихъ труда. Въ исправленные ими книги внесены были всѣ распространенныя тогда ошибки противъ церковной обрядности. вродѣ двоеперстія и сугубой аллилуйи, всѣ мелочныя поправки правописанія, придуманныя невѣжественными русскими писцами, какъ напр. Ісусъ вмѣсто Іисусъ и т. д.; не было недостатка и въ прямой безсмыслицѣ, въ грубыхъ искаженіяхъ текста, происходившихъ благодаря непониманію его. Аввакумъ принималъ значительное участіе во всѣхъ этихъ якобы исправленіяхъ и его собственный единомышленникъ, діаконовъ Ѳеодоръ, передалъ намъ любопытный примѣръ того, какъ онъ смотрѣлъ на свое дѣло и какъ твердо увѣренъ былъ въ своей непогрѣшимости. Въ Псалтири, печатавшейся подъ его наблюденіемъ, въ 104 псалмѣ въ словахъ: «вниде Израиль въ Египеть и возрасти люди своя зѣло» напечатали, по недосмотру Аввакума, «возврати люди своя зѣло», благодаря чему смыслъ совершенно исчезалъ. Но, когда Ѳеодоръ попытался указать протопопу эту ошибку или опечатку, послѣдній упорно сталъ на томъ, что такъ и должно быть, и болѣе года настаивалъ на своемъ, браня Ѳеодора «хулителемъ книгъ». «И не мудрая та рѣчь, и не богословна, — прибавляетъ Ѳеодоръ, — да и той толки были». Стало быть уже въ это время въ Аввакумѣ рядомъ съ убѣжденіемъ въ истинномъ пониманіи имъ всѣхъ вопросовъ, относящихся къ церковному быту, складывалась рѣзкая нетерпимость, переходившая быстро во вражду ко всякому, кто думалъ не такъ, какъ онъ, и вступалъ съ нимъ въ споръ. Тщъ увѣ-

реннаго въ своемъ превосходствѣ и потому самолюбиваго фанатика, не теряющаго противорѣчія, все рѣзче выступалъ въ юрьевецкомъ протопопѣ.

Въ то время, какъ происходили эти исправленія, кружокъ протопоповъ задумалъ выступить и съ требованіемъ другого исправленія, касавшагося уже собственно службы церковной. Всѣ видные члены кружка согласны были въ томъ, что установившійся въ послѣднее время обычай многогласнаго служенія неправъ и не изъ старины идетъ, и рѣшительно протестовали противъ него. Особенно рѣзко выступалъ въ этомъ случаѣ Нероновъ: онъ не только самъ служилъ единогласно, но и другихъ всячески увѣщевалъ къ тому же. Дѣятельную поддержку въ этомъ случаѣ нашелъ онъ въ Никонѣ, который у себя въ Новгородѣ завелъ единогласное служеніе и партесное пѣніе и, пріѣзжая въ Москву со своими выписанными изъ Кіева пѣвчими, служилъ въ присутствіи царя именно такъ, какъ этого требовали протопопы. За то противъ послѣднихъ возстало низшее московское духовенство, увидавшее въ единогласіи новшество, нарушающее древній чинъ службы, а слѣдовательно посягающее и на правотѣріе. Въ жалобахъ этого духовенства ярко выступило такъ распространенное въ то время въ московскомъ обществѣ пониманіе обрядовъ, какъ самой сущности вѣры. Одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ защитниковъ многогласія, не успѣвъ въ своихъ доводахъ въ его пользу, предлагалъ для рѣшенія спора бросить жребій съ Нероновымъ: «и буде его вѣра права, и онъ и всѣ учнутъ пѣть и говорить», какъ того требуетъ Нероновъ. Самъ патриархъ Іосифъ былъ противъ единогласія, считая его новымъ обычаемъ, и только дружнымъ усиліямъ протопоповъ, поддержанныхъ новгородскимъ митрополитомъ и царемъ, удалось одержать побѣду въ этомъ вопросѣ.

Здѣсь, стало быть, самъ Нероновъ и его друзья выступили въ роли восстановителей обрядовой чистоты церковнослуженія, устраняя вошедшія въ него съ теченіемъ времени искаженія. Дѣло въ томъ, что самая мысль о церковныхъ исправленіяхъ, понимая эти послѣднія въ томъ смыслѣ, какъ они понимались

всѣми партіями тогдашней Руси, т. е. какъ возвращеніе къ старинѣ, восстановленіе чистоты обрядовъ, была не чужда и имъ. Отдѣльные неполадки церковной жизни достигли уже такой сильной степени, что рѣзали глаза почти всякаго заботившагося объ ней челоуѣка и невольно вызывали въ немъ мысль о необходимости ихъ устраненія. Но степень пониманія этихъ недостатковъ и ихъ причины зависѣла конечно отъ широты взгляда, въ свою очередь обуславливаемого образованіемъ. Московскіе протопопы, образованность которыхъ только количественно, такъ сказать, разнилась отъ образованности остальной массы духовенства, могли усмотрѣть только отдѣльныя, немногія стороны церковныхъ нестроеній, сдѣлать лишь первые, незначительные шаги по пути необходимыхъ реформъ. Была еще и другая сторона въ ихъ дѣятельности, опредѣлявшая направленіе послѣдней и заключавшаяся въ своеобразномъ пониманіи ими той старины, во имя которой они ратовали въ церковныхъ дѣлахъ. Намъ приходилось уже отчасти касаться особенностей этого пониманія и указывать тотъ источникъ, изъ котораго онѣ возникли. Съ полной рельефностью обрисовались онѣ въ отношеніяхъ кружка Неронова и Вонифатьева къ другому духовному кружку, образовавшемуся въ Москвѣ менѣе, чѣмъ за два года до переѣзда сюда Аввакума, и состоявшему изъ ученыхъ малорусскихъ монаховъ.

Мы видѣли раньше, какъ въ силу различныхъ обстоятельствъ появилось въ московскомъ обществѣ сознание отсутствія въ немъ образованности и какъ вслѣдъ за нимъ возникла и мысль объ усвоеніи ея собоу отъ болѣе счастливыхъ сосѣдей. Наиболѣе удобнымъ въ этомъ отношеніи источникомъ для заимствованія представлялась близкая по положенію, родственная и единовѣрная Малороссія. На нее и обратились взгляды тѣхъ людей изъ московскаго общества, которые хотѣли искать ученія на новый образецъ, болѣе глубокаго и серьезнаго, чѣмъ то, какое они могли найти въ родной средѣ. Въ 1649 году бояринъ Ртищевъ пригласилъ въ устроенный имъ въ Москвѣ Андреевскій монастырь нѣсколькихъ ученыхъ иноковъ изъ Кіева, во главѣ которыхъ стоялъ Епифаній Славинецкій, «въ философіи

и богословія, по современнымъ отзывамъ, изящный дидакалъ и искуснѣйшій въ еллиногреческомъ и славенскомъ діалектахъ». Приѣхавши въ Москву, кіевскіе монахи немедленно открыли здѣсь школу при Андреевскомъ монастырѣ, въ которую стараніями того же Ртищева собраны были ученики. Уже самое существованіе этой школы шло въ разрѣзъ съ установившимися московскими обычаями: въ ней преподавали «еллинскую мудрость» — греческій языкъ, латынь, реторику, начатки богословія, все науки, незнакомыя въ Москвѣ, чуждыя ея педагогическому обиходу. Передъ ними совершенно ступевывалась и блѣднѣла доморощенная мудрость московскихъ протопоповъ, еще недавно столь гордыхъ своимъ духовнымъ авторитетомъ.

Но однимъ преподаваніемъ новыхъ наукъ не ограничилась дѣятельность приѣзжихъ ученыхъ: приглядѣвшіе къ московскимъ церковнымъ порядкамъ и ошибокъ, они стали указывать въ нихъ множество неправильностей и ошибокъ, объясняя ихъ невѣжествомъ великорусскаго духовенства и противопоставляя ему духовныхъ малорусскихъ и греческихъ, причемъ послѣдніе равнымъ образомъ поддерживали ихъ доказательства. Притомъ сами малорусскіе монахи дѣйствительно держались не тѣхъ обычаевъ, что москвичи: крестились они тремя перстами, многія молитвы читали и пѣли иначе, русскія церковныя книги называли исполненными ошибокъ, въ церквахъ говорили проповѣди и при всемъ этомъ ссылались на авторитетъ церкви греческой и малорусской, изъ которыхъ послѣдняя для многихъ москвичей представлялась равносильной польской, на греческій и латинскія книги. Отъ приѣзжихъ иноковъ слышались рѣчи объ отступленіи русской церкви отъ православныхъ обрядовъ, отъ чистой вѣры, и эти рѣчи заставляли серьезно призадуматься всѣхъ тѣхъ, до ушей которыхъ они доходили. Прежде всего конечно это вліяніе новыхъ учителей должно было коснуться тѣхъ молодыхъ людей, которые поручены были имъ въ науку и посѣщали ихъ школу, такъ какъ они наиболѣе имѣли возможности ознакомиться со взглядами своихъ наставниковъ. Дѣйствіе, произведенное на нихъ этими взглядами и самымъ преподаваніемъ, было далеко не одинаково.

Одни увлеклись новыми знаниями, открывшимися передъ ними, и рѣшительно отвернулись отъ доморощенныхъ авторитетовъ, стали со словъ своихъ преподавателей повторять, что протопопы Вонифатьевъ и Нероновъ «враки вракаютъ, слушать у нихъ нечего, учать просто, сами ничего не знаютъ, чему учать». Но такъ взглянула на дѣло только одна часть молодежи. Другіе, напротивъ, говорили, что кіевскіе монахи «старцы недобрые и добраго ученія у нихъ нѣтъ»; въ ученія кіевлянъ эти послѣдніе видѣли только опасную ересь, погубель для души: «кто по латыни научился, тотъ съ праваго пути совратился», говорили они и тайкомъ извѣщали протопоповъ, что только неволя заставляетъ ихъ учиться у кіевскихъ старцевъ, а на дѣлѣ они этого ученія знать не хотятъ.

Такимъ образомъ уже съ самаго начала своей дѣятельности въ Москвѣ малорусскіе монахи встали въ рѣзкій антагонизмъ съ кружкомъ великоименитыхъ протопоповъ, и обѣ стороны взглянули другъ на друга, какъ на враговъ. Такое отношеніе этихъ двухъ кружковъ, изъ которыхъ каждый думалъ заботиться о преобразованіи церковныхъ порядковъ въ смыслѣ возвращенія ихъ къ старинѣ, лишь на первый взглядъ можетъ показаться недоразумѣніемъ, на самомъ же дѣлѣ оно совершенно естественно и неизбежно вытекало изъ различія основныхъ принциповъ ихъ дѣятельности. Все дѣло было въ томъ, что рѣчь шла въ этихъ кружкахъ о совершенно различной старинѣ. Тогда какъ ученые малороссы ставили идеаломъ старину вселенскую и съ нею сравнивали современную московскую дѣйствительность, протопопы говорили о старинѣ московской, которую они отождествляли со вселенской, находя ее къ тому же, за отсутствіемъ большихъ историческихъ свѣдѣній, въ очень недалекомъ прошломъ, а современную имъ практику всѣхъ другихъ православныхъ церквей заподозривали въ еретичествѣ. Изъ этого основного различія въ пониманіи цѣли вытекало далѣе и различіе средствъ. Малороссы считали необходимымъ ознакомленіе съ западной наукой; московскіе протопопы отвергивались отъ нея съ отвращеніемъ и искали опоры въ одной вѣрѣ; одни убѣждали въ необходимости историче-

скаго изученія запутанныхъ вопросовъ церковной обрядности и привлеченія для ихъ рѣшенія опыта вселенской православной церкви, другіе считали возможнымъ довольствоваться своими личными воспоминаніями и своей домашней литературой, отрицая опытъ иныхъ церквей, какъ неправовѣрный, и противопоставляя ихъ практикѣ свою. При такомъ различіи взглядовъ и положеній враждебныя отношенія между двумя этими кружками были неминуемы. Широкая программа очищенія обрядовъ русской церкви, выставленная кіевскими учеными, заставила кружокъ Неронова и Вонифатьева принять оборонительное положеніе, и въ отвѣтъ на упреки въ невѣжествѣ послышались обвиненія въ ереси. Среди московскаго духовенства, тѣсно слитившагося теперь между собою, поднимался ропотъ противъ новшествъ, вводимыхъ пріѣзжими «хохлами», и особенно противъ обычной говорить проповѣди въ церкви. «Заводите вы, ханжи, — говорили попы — ересь новую — людей въ церкви учить, а мы людей прежь сего въ церкви не учили, а учивали ихъ втайнѣ». Обѣ стороны готовились помѣяться силами и ждали начала борьбы.

Пока живъ былъ патріархъ Іосифъ, Нероновъ и Вонифатьевъ съ товарищами чувствовали силу на своей сторонѣ. Но 15 апрѣля 1652 года слабый патріархъ скончался и на его мѣсто предстояло выбрать новаго. Въ сущности, вопроса о личности кандидата на патріаршій престолъ не могло и возникнуть, такъ какъ онъ вседѣло разрѣшался любовью царя къ Никону, котораго онъ хотѣлъ видѣть патріархомъ. Тѣмъ не менѣе, кружокъ Неронова сдѣлалъ, кажется, попытку выставить кандидатомъ чловѣка, котораго онъ могъ бы съ полною и безусловною увѣренностью считать своимъ, въ лицѣ протопопа Стефана Вонифатьева. Правда, рассказъ Аввакума, отъ котораго мы только и имѣемъ свѣдѣнія объ этой попыткѣ, нѣсколько спутанъ: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Нероновъ и пріятели его, въ томъ числѣ и самъ онъ, вмѣстѣ съ казанскимъ митрополитомъ Корниліемъ, подали царю челобитную съ просьбой назначить патріархомъ Вонифатьева, но послѣдній самъ отказался отъ этой чести и указалъ на Никона;

въ другомъ же мѣстѣ Аввакумъ рассказываетъ, что московскіе протопопы. и самъ онъ въ числѣ ихъ, прямо просили о назначеніи патріархомъ Никона и были непосредственными виновниками этого назначенія. Трудно сказать, которая изъ этихъ двухъ версій справедливѣе, но общій смыслъ обѣихъ ихъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей, если только принять нѣкоторыя необходимыя ограниченія. Протопопы не были прямыми виновниками возведенія Никона въ санъ патріарха, такъ какъ намѣренія Алексѣя Михайловича на этотъ счетъ уже вполнѣ сложились безъ ихъ участія; но, зная эти намѣренія, они, въ полномъ ли своемъ составѣ или въ лицѣ Вонифатьева, могли и съ своей стороны указать на Никона, расчитывая такимъ образомъ обезпечить себѣ благодарность со стороны будущаго главы русской церкви. Тѣмъ легче могли они это сдѣлать, что Никонъ, хотя и не связанный съ ними тѣсными узами личной дружбы, былъ для нихъ все-таки своимъ человѣкомъ, тѣми же глазами, что и они, смотрѣвшій на русскую церковную жизнь, мечтавшій объ исправленіяхъ ея въ томъ же духѣ и направленіи. Поэтому протопопы и ихъ друзья могли расчитывать и въ патріаршество Никона удерживать ту власть и вліяніе въ церковныхъ дѣлахъ, какими они пользовались раньше. Если патріархъ Іосифъ подчинялся ихъ умственному и духовному авторитету, то отъ Никона они могли ждать, что онъ будетъ дѣйствовать совместно съ ними во имя общей цѣли, пойдетъ по одному съ ними пути и не захочетъ лишиться себя ихъ поддержки.

Но на дѣлѣ эти ожиданія не оправдались. Крутой, самовластный и самолюбивый Никонъ менѣе всего способенъ былъ кому-либо подчиняться. Сознывая за собою сильную поддержку царя, онъ мечталъ самъ начать и вести дѣло церковныхъ преобразованій. Къ тому же въ немъ зародилось и сомнѣніе насчетъ истинности тѣхъ взглядовъ, которые онъ еще недавно раздѣлялъ съ московскими протопопами. Бесѣды съ пріѣзжавшими въ Москву греческими іерархами, собственное знакомство съ русскими церковными древностями убѣдили его, что нѣкоторые московскіе обычай, вродѣ двоеперстія, сами пред-

ставляютъ новшество въ церковной жизни, противное и русской старинѣ, и современной вселенской практикѣ, и отсюда невольно ужъ появлялось сомнѣніе, дѣйствительно ли эта послѣдняя заражена такими ересями, какъ это думали на Руси, не представляетъ ли она скорѣе источника, къ которому слѣдуетъ обратиться ради восстановленія истиннаго правовѣрія. Для самого Никона дѣло іосифовскихъ справщиковъ книгъ, утвердившихъ окончательно все обрядовыя отличія русской церкви, не было его личнымъ дѣломъ, и онъ имѣлъ поэтому возможность отнестись теперь къ нему съ извѣстнаго рода критикой. Такимъ образомъ, сдѣлавшись патріархомъ, онъ уже не съ полнымъ довѣріемъ смотрѣлъ на дѣятельность лицъ, окружавшихъ Неронова и Вонифатьева. Онъ сталъ прислушиваться и къ другимъ голосамъ, раздававшимся изъ кружка малороссовъ, ближе сошелся съ Епифаніемъ Славинецкимъ и наконецъ перешелъ окончательно на сторону кievскихъ ученыхъ, рѣшивъ привлечь къ дѣлу церковнаго исправленія опытъ иныхъ церквей. Сообразно вновь усвоеннымъ имъ взглядамъ, Никонъ и дѣйствовалъ: іосифовскіе справщики книгъ были имъ удалены отъ должности и на ихъ мѣсто назначенъ начальникомъ печатнаго двора Славинецкій, вокругъ котораго была собрана коммиссія изъ ученыхъ кievскихъ монаховъ. Самое дѣло исправленія книгъ поставлено было на иныхъ основаніяхъ: собрана была масса старинныхъ списковъ, притомъ не только русскихъ, но и греческихъ, и рѣшено было сличать ихъ текстъ съ обычнымъ русскимъ.

Уже этими мѣрами наносился тяжелый ударъ самолюбію прежнихъ справщиковъ, протопоповъ и поповъ, такъ искренно убѣжденныхъ въ томъ, что они совершали дѣйствительныя исправленія. Ихъ, гордыхъ своимъ авторитетомъ, ослабляли невѣжками, и притомъ уже не одни пріѣзжіе иноки, но и сама церковная власть, человѣкъ, недавно еще бывшій съ ними заодно. Въ дѣйствіяхъ Никона они увидали личную измену прежняго пріятели, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта измена пріобрѣтала громадное значеніе, благодаря той почвѣ, на ко-

торой она происходила. Патриархъ предпочелъ чуждую науку русскому правосѣрію, сошелся съ еретиками, которыхъ самъ прежде хулилъ, очевидно онъ готовится внести ересь въ русскую церковь. Такое впечатлѣніе породили дѣйствія Никона въ его бывшихъ пріятеляхъ и единомышленникахъ, и они съ враждебной подозрительностью смотрѣли на патриарха, готовясь увидѣть въ его дальнѣйшихъ распоряженіяхъ признаки еретической новизны. Вскорѣ это впечатлѣніе поддержано было мѣрами Никона, принятыми съ цѣлью очищенія церковныхъ порядковъ.

Великимъ постомъ 1653 года Никонъ разослалъ по церквамъ указъ не творить земныхъ поклоновъ въ сорокатысячницу, исключая лишь четырехъ большихъ при чтеніи молитвы Ефрема Сирина, и креститься тремя церстами, а не двумя. Въ кружкѣ Неронова, уже настроенномъ подозрительно и враждебно, увидѣли въ этомъ начало еретическихъ дѣйствій патриарха.

«Мы же задумались,—разсказываетъ Аввакумъ,—сошедшея между собою,—видимъ, яко зима хоцетъ быти: сердце озябло и поги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ церковь, а самъ одинъ сокрылся въ Чудовъ,—седмицу въ палаткѣ молился. И тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: время присиѣ страдаіа! Подобаеть вамъ послабно страдати!»

Сильный ропотъ поднялся среди всего кружка Неронова. Аввакумъ и Даниилъ рѣшили выступить съ протестомъ и, составивъ «выписку» о поклонахъ и о крестномъ знаменіи, подали ее Алексѣю Михайловичу. Этотъ шагъ остался безъ всякихъ послѣдствій, но протопопы рѣшили все-таки не подчиняться приказаніямъ патриарха и, не стѣсняясь, громко осуждали ихъ. Борьба двухъ направлений, до сихъ поръ оставшаяся на теоретической почвѣ, теперь переходила на практическую и какъ характеры лицъ, принявшихъ въ ней участіе, такъ и глубокое, рѣзкое различіе борющихся сторонъ, должны были сдѣлать ее упорной и ожесточенной.

Никонъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы оставить безъ отвѣта брошенный ему вызовъ на борьбу и смиренно проглотить

туть оскорбленіе. Но и помимо его характера поступить такимъ образомъ ему не позволяло убѣжденіе въ правильности начатаго дѣла, которое осуждали Нероновъ и его товарищи. Рѣшивъ воспользоваться противъ нихъ своею властью, патриархъ выжидалъ для этого только удобнаго случая, который не замедлилъ представиться. Въ іюнѣ того же года пришелъ отъ муромскаго воеводы доносъ на тамошняго протопопа Лонгина, будто онъ хулитъ иконы и ликъ Спасовъ. Обвиненіе было вздорное, но оно пригодилося Никону, желавшему показать свою власть протопопамъ, и онъ распорядился отдать Лонгина «за жестокаго пристава» и созвалъ соборъ изъ низшихъ духовныхъ властей—архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ для суда надъ нимъ. На этомъ соборѣ разразилось уже открытое столкновеніе между патриархомъ и Неровнымъ съ его товарищами. Послѣдніе горячо вступились за Лонгина, доказывая, что Никонъ не имѣлъ права подвергать его такому тяжелому наказанію, особенно до полнаго разслѣдованія дѣла. Всѣхъ ревностнѣе выступилъ на защиту муромскаго протопопа самъ глава кружка, Иванъ Нероновъ, и, не ограничиваясь этимъ, подвергъ рѣзкой критикѣ всѣ дѣйствія патриарха. Въ этой критикѣ ясно выставлены были тѣ пункты, которые больше всего поселяли неудовольствіе среди бывшихъ довѣренныхъ лицъ патриарха Іосифа. «Прежде сего,—говорилъ Нероновъ Никону,—ты имѣлъ совѣтъ съ протопопомъ Стефаномъ (Вонифатьевымъ), и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ и о всякомъ дѣлѣ совѣтовалъ, когда ты былъ въ игуменахъ, въ архимандритахъ и въ митрополитахъ, и которые боголюбцы посланы государемъ блаженныя памяти къ патриарху Іосифу, чтобы ему поставити по его государеву совѣту, оныхъ въ митрополиты и въ архіепископы и епископы, иныхъ въ архимандриты, игумены и протопопы, а съ государевымъ духовникомъ Стефаномъ ты тогда былъ въ совѣтѣхъ и не прекословилъ ни гдѣ, и на поставленіи ихъ не говорилъ: апаксіось, а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойны стали, и протопопъ Стефанъ за что тебѣ врагъ сталъ? Вездѣ ты его поносишь и укоряешь, а

друзей его разоряешь, протопоповъ и поповъ съ женами и дѣтьми разлучаешь: доселѣ ты другъ намъ былъ, а нынѣ на насъ возсталъ». По словамъ раздраженнаго протопопа, Никонъ всему вѣрилъ, въ чемъ бы ни обвиняли ихъ друзей, повторяя: «такъ-де они дѣлаютъ, такіе-де нечестивые, а Стефанъ-де протопопъ и Іоаннъ имъ ворами потакаютъ». Коснулся Нероновъ и того положенія, какое заняли при Никонѣ еще недавно хулимые имъ «чужестранные» люди: «ты хвалишь,—укорялъ онъ Никона,—законоположеніе иноземцевъ и обычаи ихъ приемишь. Нынѣ у тебя то и святые люди: гречане и изъ малыя Руси...» Не смотря на преобладаніе въ этой критикѣ личныхъ мотивовъ, выдвинутыхъ на первый планъ, за ними слышался и болѣе общій протестъ, притомъ не по поводу какихъ-либо отдѣльныхъ дѣйствій Никона, а противъ всей принятой имъ системы, противъ замѣны благовѣрныхъ московскихъ людей «иностранными иноками, ересей вводителами», и такой протестъ не могъ быть удовлетворенъ частичными уступками.

Но Никонъ въ свою очередь и не думалъ объ уступкахъ. Разъ рѣшившись смирить непокорныхъ силою своей власти, онъ уже не отступалъ отъ принятаго плана, и по мѣрѣ того, какъ протестъ разгорался и въ немъ принимали участіе новыя лица, на ихъ головы обрушивались жестокия кары, направляемая рукой патріарха. Нероновъ первый поплатился за свою смѣлость: сперва онъ лишенъ былъ скуфы и заточенъ въ Симоновъ монастырь, а затѣмъ, 4-го августа 1653 года, отправленъ въ Вологду, въ Спасокаменный монастырь. Его приверженцы рѣшились попытать еще средство отстоять своего вождя и вмѣстѣ спасти отъ гибели свое дѣло и съ этой цѣлью подали государю челобитную о возвращеніи Неронова изъ ссылки, написанную протопопомъ Аввакумомъ. Послѣдній въ это время вообще выдвигается впередъ и даже пытается послѣ удаленія Неронова пріобрѣсти значеніе какъ бы руководителя дѣятельностью всего кружка: его пламенная энергія, горячее убѣжденіе въ правотѣ защищаемаго дѣла и способность умѣлой пропаганды вмѣстѣ съ готовностью идти до послѣднихъ

крайностей въ значительной степени оправдывали такіа притязанія, выдѣляя его изъ среды остальныхъ членовъ кружка.

Далеко не всѣ члены кружка и сторонники Неронова склонны были однако признать Аввакума своимъ вождемъ, тѣмъ болѣе, что у многихъ изъ нихъ преобладало еще примирительное настроеніе и нежеланіе доходить до безусловнаго разрыва съ главой русской церкви, къ чему явно велъ протопопъ. Попы Казанскаго собора, гдѣ онъ замѣнилъ было Неронова, рѣшительно отказались признать его главенство, будучи особенно недовольны тѣмъ, что онъ въ своихъ поученіяхъ народу «много лишняго говорилъ», крайне рѣзко нападая на распоряженія церковныхъ властей, и предложили ему служить въ соборѣ по очереди, на правахъ товарищества. Напрасно ссылался Аввакумъ на свой санъ протопопа и на то, что ему Нероновъ, уѣзжая, поручилъ церковь; попы отвѣчали, что протопопъ онъ въ Юрьевцѣ, а не въ Москвѣ, что же касается Неронова, то онъ имъ ничего не говорилъ насчетъ подчиненія Аввакуму. Тогда послѣдній, раздраженный и оскорбленный, удалился изъ церкви, отказавшись отъ всякихъ сношеній съ ея священниками, и отправился въ домъ Неронова. Тамъ рѣшилъ онъ отбывать церковныя службы, и сторонники его убѣждали народъ собираться къ нему, замѣчая по адресу казанскихъ поповъ, что «въ иную пору и конюшня лучше церкви бываетъ».

Но положеніе главы протестующаго кружка, принятое на себя Аввакумомъ среди начавшейся борьбы, навлекало на него неизбежную мезь со стороны патріарха, котораго извѣщали обо всѣхъ его дѣйствіяхъ. 13-го августа, въ субботу, когда Аввакумъ собрался «съ братією о Господѣ побѣдѣти» въ сушильнѣ въ Нероновскомъ домѣ, служба была прервана появленіемъ патріаршаго боярина Бориса Нелединскаго со стрѣльцами. Протопопа арестовали и отвезли на патріаршій дворъ, гдѣ его приковали на цѣпь и такъ продержали до утра. Утромъ, все съ цѣпью на шеѣ, его посадили на телѣгу, отвезли въ Андроньевъ монастырь и тамъ посадили на цѣпь въ темномъ погребѣ. Три дня и три ночи держали здѣсь протопопа, не

давая ему въ это время ни пищи, ни воды; только на третій день нашелся какой-то добрый человекъ, который тайно принесъ Аввакуму щей и хлѣба, и въ воображеніи узника онъ представлялся не то человекомъ, не то ангеломъ. На четвертый день вывели Аввакума изъ погреба и архимандритъ съ братьями стали уговаривать его подчиниться патріарху, но совершенно безуспѣшно. Ни трехдневное сидѣніе на цѣпи, ни голодъ и жажда не могли сломить твердаго духа протопопа; истязанія только еще болѣе утверждали его въ мысли, что онъ страждетъ за правую вѣру, и придавали ему новыя силы. «Журятъ мнѣ,—разсказываетъ самъ онъ,—что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю». Видя безуспѣшность первыхъ своихъ попытокъ, монастырскія власти отдали протопопа подъ начало, осудивъ его тѣмъ на цѣлый рядъ физическихъ и нравственныхъ истязаній. «У церкви за волосы дерутъ,—говоритъ Аввакумъ,—и подъ бока толкаютъ, и за чѣпъ торгаютъ, и въ глаза плюютъ». Четыре недѣли провелъ Аввакумъ въ такомъ искусѣ и невеселыя вѣсти доходили до него за это время черезъ монастырскія стѣны. Слышалъ онъ, что и другіе члены недавно столь сильнаго кружка подверглись гоненію, что протопопъ Даніилъ сосланъ въ Астрахань, Лонгинъ разстриженъ, но были вѣсти еще болѣе безотрадныя. Не всѣ единомышленники Аввакума въ одинаковой степени обладали твердостью духа, необходимой для того, чтобы безтрепетно выдержать гоненіе, и въ монастырь, гдѣ подъ строгимъ началомъ содержался узникъ, дошелъ слухъ, что самый видный послѣ Неропова и болѣе вліятельный по близости своей къ царю пріятель его, протопопъ Вонифатьевъ, «ослабѣлъ». Не стоитъ уже такъ сильно за правую вѣру, не ратуетъ противъ Никона. Но какъ истязанія и надругательства, къ которымъ привыкъ Аввакумъ еще въ первые годы своей общественной дѣятельности, такъ и общее гоненіе на единомышленниковъ, и отступничество нѣкоторыхъ изъ нихъ, смущая и опечаливая его, не могли отвлечь его отъ того, что онъ считалъ своимъ подвигомъ. Въ немъ и теперь сказывалась та же твердая воля аскета, неспособная отступить передъ мученіями, какую онъ

обнаруживалъ еще и раньше, только теперь измѣнилось его отношеніе къ мучителямъ и уже не благословеніями отвѣчалъ онъ на истязанія: убѣжденный въ томъ, что онъ защищаетъ православную вѣру отъ готовой поглотить ее ереси, онъ разражался рѣзкими обличеніями, проклятіями и бранью по адресу еретиковъ—патріарха Никона и его помощниковъ.

Прошло четыре недѣли и снова повезли Аввакума, прикованнаго къ телѣгѣ, на патріаршій дворъ для увѣщанія. Но и эта попытка склонить его къ покорности окончилась такою же неудачей, какъ и предшествовавшія, и Никонъ, увидѣвъ, что ему не удастся сломить духъ юрьевецкаго протопопа, рѣшился примѣнить къ нему крайнія мѣры, бывшія въ его распоряженіи,—лишеніе сана и ссылку. 15 сентября 1653 года Аввакума привезли изъ Андроньева монастыря въ Успенскій соборъ и собирались уже приступить къ обряду разстриженія его, когда за него вступился самъ царь. Алексѣй Михайловичъ вполне вѣрился Никону въ церковныхъ дѣлахъ, соглашаясь съ нимъ въ необходимости устроенія церкви, отстранялъ всѣ протесты противъ него, но его мягкой и добродушной натурѣ противны были тѣ насилія, какими сопровождалось дѣло этого устроенія въ рукахъ патріарха. Съ Аввакумомъ его сверхъ того соединяла личная привязанность, къ стойкому протопопу расположена была и царица Марья Ильинишна, вообще склонная къ старинѣ, наконецъ за него могъ ходатайствовать и другъ его Вонифатьевъ, еще сохранившій отчасти свое вліяніе на царя. Поэтому-то, когда Аввакума готовились уже разстригать въ соборѣ, Алексѣй Михайловичъ сошелъ съ своего царскаго мѣста и, подойдя къ патріарху, сталъ упрашивать его избавить мятежнаго протопопа отъ этого униженія. Уговоры царя подѣйствовали на Никона, разстриженіе Аввакума было отмѣнено и по отношенію къ нему ограничилось одной ссылкой въ Сибирь. Его отвели изъ собора въ Сибирскій приказъ и черезъ нѣсколько дней вмѣстѣ съ семьей отправили въ Тобольскъ.

Такъ закончился второй періодъ жизни Аввакума, тотъ краткій періодъ, когда онъ, живя въ Москвѣ, пользовался сравнительнымъ спокойствіемъ и когда окружавшая его обста-

новка находилась въ полной гармоніи съ его настроеніемъ и взглядами. Послѣ непродолжительнаго отдыха для него опять наступала пора борьбы и страданій. Но только теперь и эта борьба, и эти страданія получали въ сознаніи самого Аввакума и значительной части современнаго ему общества иное, новое значеніе. Если раньше онъ боролся противъ слабостей и грѣховъ міра, искореняя ихъ во имя идеаловъ высшей, духовной жизни, если онъ могъ тогда стоять на почвѣ для всѣхъ равно обязательной морали родной старины и только временами, случайно сталкиваясь съ отголосками иныхъ теченій, то теперь онъ сталъ лицомъ къ лицу съ цѣлымъ ученіемъ, построеннымъ на иныхъ началахъ, чѣмъ его собственное, и его дѣятельность, переходя съ частной почвы на общую, приобрѣтала значеніе защиты цѣлаго направленія, охраны родного правосвѣрія отъ грозившихъ его поглотить чужеземныхъ новшествъ. Его личныя качества, глубокая убѣжденность и страстная, непреклонная энергія выдвинули его на одно изъ первыхъ мѣстъ въ этой борьбѣ и въ ея зловѣщемъ освѣщеніи его собственная личность, — личность человѣка, гонимаго за убѣжденія, — выростала до размѣровъ апостола и мученика. Ссылкой въ Tobольскъ для Аввакума открывался долготѣнній подвигъ страданія за проповѣдуемыя имъ идеи, надѣвшій на него мученической вѣнечъ и поставившій его на одно изъ первыхъ и самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду апостоловъ раскола.

III.

Жизнь въ Tobольскѣ и Дауріи.

Тринадцать недѣль везли сосланнаго протопопа съ семьей до Tobольска и немало нужды и лишеній пришлось имъ вытерпѣть на этомъ долгомъ пути. Между прочимъ жена Аввакума въ дорогѣ родила ребенка и ее больную везли дальше въ телѣгѣ. Но по прибытіи на мѣсто судьба Аввакума измѣнилась къ лучшему, благодаря сочувствію, встрѣченному имъ здѣсь со стороны епархіальнаго начальства. Архіепископъ тобольскій Симеонъ, самъ втайнѣ сочувствовавшій тому протесту противъ новшествъ, однимъ изъ дѣятелей котораго выступилъ и за котораго пострадалъ Аввакумъ, склоненъ былъ видѣть въ послѣднемъ не ссыльнаго, а неповиннаго страдальца, притомъ пользующагося всѣми правами священническаго сана, съ него не сложеннаго. Это обстоятельство опять давало протопопу возможность свободной и безпрепятственной дѣятельности. Симеонъ далъ ему церковь, и онъ вновь являлся передъ обществомъ облеченный авторитетомъ своего сана, признаннымъ церковной іерархіей, выступалъ съ ничѣмъ не стѣняемою проповѣдью. Такимъ положеніемъ Аввакумъ какъ нельзя лучше воспользовался для цѣлей пропаганды своихъ идей, «брана отъ писанія и укоряя ересь Никонову». Въ далекую Сибирь съ нимъ впервые проникала вѣсть о волненіяхъ. происшедшихъ въ средѣ русской церкви, и въ его устахъ она принимала конечно ха-

раक्टरъ извѣщенія и предупрежденія о появившейся ереси, соединеннаго съ рѣзкимъ ея обличеніемъ. Послѣднее и само по себѣ могло уже произвести свое дѣйствіе на общество, строившее свое міровоззрѣніе по преимуществу на религиозныхъ началахъ, но это дѣйствіе еще усиливалось, благодаря личности проповѣдника. Его несокрушимая стойкость духа, навлекшая на него ссылку и помогавшая ему выносить всѣ страданія послѣдней, и строго подвижническая жизнь приобрѣтали для него славу чловѣка высоко нравственнаго или, что считалось тѣмъ же самымъ, религиознаго и, такой ореолъ подвижничества, окружавшій проповѣдника, въ значительной мѣрѣ переносился и на его ученіе. При такихъ условіяхъ горячая проповѣдь Аввакума дѣйствительно многихъ привлекала къ нему, вооружая ихъ противъ дѣятельности патріарха Никона, какъ направляемой стремленіемъ ввести новшества въ русскую церковь и исказить чистоту ея правовѣрія.

Дѣятельность ссыльнаго протопопа въ Tobольскѣ не исчерпывалась впрочемъ однимъ протестомъ противъ патріаршнихъ реформъ въ дѣлѣ церковныхъ обрядовъ, и сообразно этому происходила и не на одной почвѣ убѣжденія и проповѣди. Положение, занятое теперь Аввакумомъ, хотя бы и въ силу только случайно сложившихся благоприятно для него обстоятельствъ, давало ему во всякомъ случаѣ въ руки власть, позволявшую проводить въ жизнь идеалы и положительнаго характера путемъ непосредственнаго воздѣйствія на общество, и не такой чловѣкъ былъ Аввакумъ, чтобы этою возможностью не воспользоваться. Смотри на себя, какъ на носителя идей, освященныхъ всѣмъ авторитетомъ церкви и потому составляющихъ непреложныя истины, и вмѣстѣ какъ на представителя духовной іерархіи, обладающей широкою властью надъ обществомъ, онъ ставилъ извѣстныя требованія къ окружающимъ во имя своихъ нравственныхъ идеаловъ, вооружаясь для ихъ защиты какъ духовнымъ своимъ авторитетомъ, такъ подчасъ и прямо матеріальной силой. Защищать же было что, такъ какъ на далекой Сибирской окраинѣ еще гораздо болѣе, чѣмъ въ центральныхъ областяхъ, въ значительной части общества преобладала

сильная нравственная распущенность. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ передъ тѣмъ, Аввакумъ повелъ дѣятельную борьбу и факты этой борьбы, въ которой онъ далеко не всегда оставался побѣдителемъ, въ яркомъ освѣщеніи выставляютъ намъ личность протопопа.

Уѣхалъ какъ-то архіепископъ въ Москву и въ его отсутствіе произошло столкновение между Аввакумомъ и архіепископскимъ дьякомъ Иваномъ Струной. Послѣдній за что-то придрался къ дьячку аввакумовой церкви и «мучить напрасно похотѣлъ» его, но тотъ убѣжалъ и спасся въ церковь. Струна, собравъ людей, послѣдовалъ за нимъ и туда и, ворвавшись въ церковь во время вечерни, схватилъ стояшаго на клиросѣ дьячка за бороду. Тогда Аввакумъ, прекративъ службу, запретъ церковныя двери, такъ что пришедшіе со Струною люди не могли войти въ храмъ и, принявшись за самого Струну вмѣстѣ съ дьячкомъ, «носадилъ его среди церкви на полу и за церковный мятежъ постегалъ его ремнемъ нарочито-таки» и уже послѣ того, принявъ отъ него покаяніе, отпустилъ его домой. Но эта выходка не прошла даромъ не въ мѣру рьяному протопопу: родственники Струны возмутились противъ него населеніе города и въ ту же ночь пытались вломиться во дворъ Аввакума, намѣреваясь схватить его и утопить. Только случай спасъ Аввакума, но и послѣ того онъ цѣлый мѣсяцъ долженъ былъ прятаться отъ своихъ раздраженныхъ враговъ и даже не ночевалъ дома изъ опасенія новаго нападенія; «иное въ церкви ночую, — рассказываетъ самъ онъ объ этомъ времени, — иное къ воеводѣ уйду, а иное въ тюрьму просился, — ино не пустать». Наконецъ уже возвращеніе архіепископа избавило его отъ гнета постоянного страха. Симеонъ, найдя Аввакума совершенно правымъ, за его дѣло и за другой еще проступокъ приказалъ посадить Струну на цѣпь. Дьякъ однако ушелъ отъ этого наказанія и явился къ воеводамъ съ доносомъ на Аввакума, сказавъ на него «слово и дѣло государево», а воеводы отдали Струну за пристава сыну боярскому, Петру Бекетову. Такое вмѣшательство свѣтской власти измѣнило положеніе дѣла: и тогда архіепископъ, подумавъ съ Аввакумомъ, избралъ иной

путь для наказанія непокорнаго дьяка и на недѣль православія предалъ его проклятію въ церкви. Прослышавъ объ этомъ, Бекетовъ пришелъ въ церковь и сталъ бранить и Симеона и Аввакума, но, возвращаясь изъ церкви, онъ скоропостижно умеръ. Тогда архіепископъ, все по совѣту Аввакума, приказалъ оставить его трупъ на улицѣ на жертву собакамъ втеченіе трехъ дней, «даже граждане оплачуть согрѣшеніе его». Лишь по истеченіи этого срока архіепископъ съ протопопомъ, все это время молившіеся объ отпущеніи Бекетову грѣха его, сами «честно погребли» его тѣло.

Такой непреклонный ригоризмъ, не останавливавшійся ни передъ какими средствами, равно готовый дѣйствовать духовнымъ и матеріальнымъ оружіемъ, но неспособный на уступки и подчиненіе, могъ вызывать недовольство, рѣзкій протестъ и даже насмѣшки со стороны окружающихъ, но могъ и подчинять ихъ своему вліянію. Даже наиболѣе грубыя средства, пускавшіяся въ ходъ Аввакумомъ, иногда производили свое дѣйствіе среди некультурной обстановки. Пришелъ къ нему однажды пьяный монахъ, извѣстный всему городу своимъ буйствомъ, такъ что никто съ нимъ и говорить не смѣлъ, и сталъ кричать подъ окномъ: «учитель! дай мнѣ скоро царствіе небесное!» Аввакумъ сперва терпѣлъ насмѣшку, но, видя, что «искуситель» неотступенъ, позвалъ его въ избу и спросилъ: «можешь ли пить чашу, которую я тебѣ поднесу?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ приказалъ поставить посреди избы столъ, принести топоръ и сдѣлать толстый канатный шелепъ, а самъ, взявъ книгу въ руки, сталъ читать чернецу отходную. Задумался монахъ, увидавъ такія приготовления, но все же по приказу протопопа положилъ голову на столъ и тотчасъ же пономарь нанесъ ему ударъ шелепомъ по шеѣ. Закричалъ монахъ отъ боли, хвѣлъ съ него соскочилъ, а бѣжать отъ суровой расправы некуда, и сталъ онъ просить пощады у протопопа, павъ передъ нимъ на колѣна. Аввакумъ назначилъ ему эпителию, велѣлъ положить полтора ста поклоновъ передъ образомъ, и въ то время, какъ монахъ отвѣшивалъ поклоны, пономарь сзади угощалъ его шелепомъ. «Да уже насилу дышать сталъ,—

разсказываетъ протопопъ:—такъ его употчивалъ пономарь. Вижу я, яко довлѣтъ благодати Господни: въ сѣни его пустилъ отдохнуть и дверь не затворили. Бросился онъ изъ сѣней, да и чрезъ заборъ, да и бѣгомъ. Пономарь кричитъ во слѣдъ: отче, отче! манатью и клобукъ возьми! Онъ же отвѣща: горите вы и со всѣмъ!» Оригинальное средство доставленія царствія небеснаго не осталось однако безъ результата: черезъ мѣсяцъ монахъ явился къ Аввакуму уже трезвый просить прощенія, получилъ его и съ тѣхъ поръ всегда, встрѣчаясь съ протопопомъ, кланялся ему издали въ землю, да и своего архимандрита и братію сталъ почитать, такъ что даже сами воеводы Тобольска были благодарны Аввакуму за усмиреніе никому до тѣхъ поръ не покорявшагося инока.

Суровый протопопъ не только въ прямой борьбѣ употреблялъ однако такія средства, не только на непосредственный протестъ въ видѣ насилія или вызывающей насмѣшки отвѣчалъ силой, но и практиковалъ послѣднюю, какъ средство проповѣднической и учительской дѣятельности, какъ наказаніе за проступки, совершенные противъ правилъ церкви. Случилось ему разъ застать на грѣхъ мужчину съ женщиной и, не добившись покаянія, онъ свелъ ихъ въ Приказъ къ воеводамъ. «Тѣ къ тому дѣлу милостивы, — съ негодованіемъ замѣчаетъ Аввакумъ, — смѣхомъ дѣлаютъ: мужика, постегавъ маленько, и отпустилъ, а ее мнѣ жь подъ началъ и отдалъ, смѣючися». Не такъ милостивъ оказался самъ протопопъ: онъ посадилъ присланную къ нему женщину въ холодное подполье и три дня держалъ ее тамъ въ темнотѣ и на морозѣ, не давая пищи, пока наконецъ грѣшница съ крикомъ стала каяться и просить помилованія, такъ что ее вопли мѣшали протопопу совершать обычное ночное правило. Тогда наконецъ онъ велѣлъ вывести ее и спросилъ: «хочешь ли вина и пива?» «Нѣтъ, государь, — дрожа, отвѣчала женщина, — не до вина стало! Дай пожалуста кусочекъ хлѣба». Услышавъ такой отвѣтъ, Аввакумъ обратился къ ней съ увѣщаніемъ: «разумѣй, чадо, похотѣніе то блудное пища и пвтіе рождаетъ въ челоуѣкѣ, и ума недостатокъ, и къ Богу презорство и безстрашіе», а затѣмъ далъ ей

четки и приказаль класть поклоны. Истоmlенная трехдневнымъ постомъ женщина упала среди этихъ поклоновъ, и тогда Аввакумъ велѣлъ пономарю бить ее все тѣмъ же пресловутымъ шелепомъ. «И плачу передъ Богомъ, а мучу», прибавляетъ онъ и такъ заканчиваетъ свое повѣствованіе объ этомъ случаѣ: «начала много даль, да и отпустилъ. Она и паки за тотъ же промыслъ, сосудъ сатанинъ!» Этотъ неожиданный для протопопа конецъ ни мало не поколебалъ однако его вѣры въ спасительность «начала», производимаго при помощи шелепа.

Полтора года провелъ такимъ образомъ Аввакумъ въ Тобольскѣ, ревностно исполняя то, что считалъ своимъ призваніемъ и долгомъ, строго наблюдая за нравственностью и правовѣріемъ своихъ прихожанъ, наставляя однихъ, обличая другихъ, наказывая третьихъ, словомъ и дѣломъ осуществляя свой идеалъ подвижнической жизни. Дѣятельность эта принесла свои плоды: не только въ самомъ Тобольскѣ, но и за предѣлами его, въ окрестныхъ деревняхъ носилась молва о благочестивомъ протопопѣ. Къ нему шли люди за поученіемъ и совѣтомъ въ вопросахъ вѣры, къ нему вели на исцѣленіе бѣсноватыхъ, и въ домъ протопопа теперь, какъ нѣкогда еще въ Лопатицахъ и потомъ въ Москвѣ, постоянно было нѣсколько больныхъ такого рода, которыхъ онъ старался лечить молитвой и постомъ. Вокругъ самого Аввакума собрался кружокъ людей, привлеченныхъ его поученіями къ строгой аскетической жизни, рѣшившихся отказаться отъ міра и посвятить себя Богу. Домъ протопопа съ постоянно совершавшимися въ немъ молніями, правилами, всенощными бдѣніями и т. п. представлялъ изъ себя образецъ обрядоваго благочестія и привлекалъ всѣхъ любителей и ревностныхъ поклонниковъ обрядности, формировавшихся здѣсь окончательно въ фанатиковъ ея подѣ влияніемъ примѣра и проповѣди хозяина. Вліяніе это заходило очень далеко, такъ что въ этомъ кружкѣ на Аввакума смотрѣли, какъ на великаго страдальца и непогрѣшимаго учителя, старались безпрекословно исполнять всѣ его велѣнія, видя въ немъ прямого руководителя къ спасенію, одного изъ немногихъ людей, могущихъ охранить грѣшное человѣчество отъ бѣсовскихъ

искушеній, и трепеща передъ его осужденіемъ. Какъ силенъ былъ такой страхъ учениковъ передъ нимъ, можетъ показать слѣдующій примѣръ. Была въ числѣ домощадцевъ протопопа одна дѣвушка Анна, прежде служившая у одного изъ тобольскихъ жителей, но затѣмъ отпущенная хозяиномъ къ Аввакуму, когда поученія послѣдняго пробудили въ ней желаніе остаться дѣвушкой и посвятить себя Богу. Нѣсколько времени прожила она въ аввакумовомъ домѣ, но затѣмъ безпрестанная молитва утомила ее, не давая полного душевнаго удовлетворенія, а между тѣмъ еще раньше она любила своего хозяина и теперь заглушенная былою любовью вспыхнула съ новой силой. Аввакумъ съумѣлъ подавить этотъ порывъ и удержать дѣвушку, но, когда онъ уѣхалъ изъ Тобольска, Анна таки не вынесла аскетическаго подвига и вышла замужъ за бывшего хозяина своего. Восемь лѣтъ прожила она съ мужемъ, двухъ дѣтей уже имѣла, какъ пронеслась вѣсть, что Аввакумъ опять будетъ проѣзжать черезъ Тобольскъ: Анна отпросилась у мужа, за мѣсяць до пріѣзда Аввакума постриглась въ монахини и, явившись къ протопопу уже черницей, вымолила у него прощеніе и вновь вступила въ число его домощадцевъ.

Но та же самая дѣятельность, которая такъ привязывала къ Аввакуму однихъ, обращая ихъ въ покорныхъ учениковъ протопопа, возстановляла противъ него другихъ. Его рѣзкія проповѣди и обличенія задѣвали черезъ-чуръ много интересовъ и по тому самому не могли не вызывать сильнаго отпора, постоянныя же столкновенія съ окружающими создавали вокругъ него массу враговъ. На протопопа пошли жалобы, за полтора года «пять словъ государевыхъ сказывали» на него, и наконецъ слухи объ его эвергичной пропагандѣ противъ новшества патріарха дошли до Москвы. Оттуда присланъ былъ указъ — ѣхать Аввакуму дальше въ ссылку на Лену. Одновременно съ этимъ получилъ онъ изъ столицы извѣстіе, что два его брата, жившіе на Верху у царицы, равно какъ ихъ жены и дѣти, умерли во время мора, бывшаго передъ тѣмъ въ Россіи. Съ стѣсненнымъ сердцемъ поѣхалъ протопопъ въ назначенную ссылку, а уже въ Енисейскѣ засталъ его новый указъ,

повелѣвавшій ему ѣхать въ Даурію съ отправлявшимся туда подъ начальствомъ воеводы Аванасія Пашкова военнымъ отрядомъ. Пашковъ получилъ порученіе искать въ Даурской землѣ пашенныхъ мѣстъ со всякими угодьями и на такихъ мѣстахъ для укрѣпленія русскаго владычества ставить остроги; къ этой-то экспедиціи былъ прикомандированъ и Аввакумъ въ качествѣ священника и въ этомъ новомъ своемъ положеніи онъ очутился въ непосредственной зависимости отъ начальника отряда, Пашкова. При широкой власти, какую пользовались тогда отдѣльные воеводы, очень мало подвергавшіеся контролю со стороны центрального управленія, они являлись по большей части вполне самовластными правителями, а царившая грубость нравовъ часто накладывала на ихъ самоуправныя дѣйствія еще и отпечатокъ крайней жестокости. Въ Сибири, откуда жалобы населенія и служилыхъ людей не скоро могли дойти до Москвы, такой порядокъ давалъ себя чувствовать сильнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было; здѣсь произволъ воеводъ часто принималъ такія грубыя формы, какія все-таки невозможны были въ областяхъ Европейской Россіи. Пашковъ, въ отрядъ котораго попалъ Аввакумъ, былъ именно типичнымъ образцомъ такого администратора: глубоко невѣжественный, грубый, жестокій, одаренный въ большой мѣрѣ суевѣріемъ и въ очень малой какими-либо религиозными понятіями, онъ представлялъ изъ себя какъ-бы образчикъ безпощадной матеріальной силы: «суровъ человекъ, — говоритъ о немъ Аввакумъ, — безпрестанно людей жжетъ, и мучитъ, и бьетъ». Казни, плети и кнуты, пытки, въ большинствѣ случаевъ кончавшіяся также смертью подвергшихся имъ лицъ, служили у него обыкновенными средствами поддержанія дисциплины среди подчиненныхъ. И этому-то человеку дано было изъ Москвы еще специальное приказаніе строго наблюдать за Аввакумомъ и «мучить» его. При наличности такихъ условий непривлекательная будущность открывалась теперь передъ ссыльнымъ протопопомъ, особенно если принять во вниманіе и всѣ трудности и опасности далекаго пути. Сравнительно съ нею и жизнь въ Tobольскѣ со всѣми ея невзгодами можно было считать привольной.

Казалось, только полная и безусловная покорность могла бы при такихъ условіяхъ сколько-нибудь обезопасить Аввакума отъ проявленій грубаго насилія со стороны воеводы. Но Аввакумъ неспособенъ былъ къ такой покорности и не искалъ спокойствія и мира. Физической силѣ, надъ нимъ тяготѣвшей, онъ смѣло противопоставилъ духовный авторитетъ, произволу — нравственные законы и религиозныя заповѣди, жестокости — отважное свободное слово проповѣдника и гордое смиреніе мученика. Столкновеніе между этими двумя столь противоположными людьми было неизбежно, и Аввакумъ не только не уклонялся отъ него, но еще, вмѣшавшись въ распоряженія Пашкова, первый вызвалъ борьбу, которая затѣмъ продолжалась уже все время ихъ совмѣстной жизни и о которой самъ онъ впоследствии выражался такимъ образомъ: «онъ меня мучилъ или я его, не знаю; Богъ разберетъ въ день вѣка».

По дорогѣ, на р. Тунгукѣ отрядъ Пашкова встрѣтилъ караванъ, въ которомъ между прочимъ плыли двѣ вдовы, уже старухи, лѣтъ за шестьдесятъ, думавшія вступить въ монастырь. Пашковъ сталъ принуждать ихъ возвратиться и выйти замужъ; не вытерпѣвъ этого Аввакумъ и началъ увѣщевать воеводу не нарушать апостольскихъ правилъ. Крутой воевода не потерпѣвъ въ свою очередь такого вмѣшательства и въ видѣ наказанія сталъ гнать проповѣдника съ дощаника, увѣряя, что изъ-за его еретичества суда плохо идутъ по рѣкѣ, и требуя, чтобы онъ совершалъ путешествіе по берегу, по горамъ. «О горе стало! — рассказываетъ протопопъ. — Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменный, яко стѣна стоитъ, и поглядѣть — заломя голову!» Аввакумъ опять прибѣгъ къ увѣщанію, что въ его устахъ было почти равносильно съ обличеніемъ, и отправилъ къ Пашкову «малое писаніе». «Человѣче! — писалъ онъ здѣсь, — убойся Бога, сѣдѣющаго на херувимѣхъ и прзирающа въ бездны, Его-же трепещуть небесныя силы и вся тварь со человекъ, единъ ты презираешь и неудобства показуешь...» Такое посланіе окончательно вывело Пашкова изъ себя, и онъ рѣшилъ усмирить дерзкаго ослушника своей воли. Послѣдовавшая затѣмъ сцена такъ характерна для обоихъ про-

тивниковъ и вмѣстѣ такъ живо передана Аввакумомъ въ его автобіографіи. что мы рѣшаемся привести ее изъ этого источника цѣликомъ.

«А се бѣгутъ человекъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощаникъ и помяли къ нему, — версты три отъ него стоялъ. Я козакамъ каши наварилъ, да кормлю ихъ: и они бѣдныи и ѣдятъ, и дрожатъ, а иные плачутъ, глядя на меня, жалѣють по мнѣ. Привели дощаникъ; взяли меня палачи, привели предъ него: онъ со шпагомъ стоитъ и дрожить. Началь мнѣ говорить: пошъ ли ты или распонъ? И азъ отвѣщаль; азъ емь Аввакумъ протопонъ; говори, что тебѣ дѣло до меня? Онъ же рыкнулъ, яко днѣй звѣрь, и ударилъ меня по щекаѣ, таже по другой, и паки въ голову, и сбилъ меня съ ногъ, и, чеканъ ухватя, дежачаго по спинѣ ударилъ трижды и разболочилъ по той же спинѣ семдесятъ два удара кнутомъ. А я говорю: Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помози мнѣ! Да то же, да то же безпрестанно говорю. Такъ горко ему, что не говорю: пощади! Ко всякому удару молитву говорилъ. Да посреди побой вскричалъ я къ нему: полно бить-то! Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: за что ты меня бьешь? вѣдаешь ли? И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ, и отпустили. Я задрожалъ, да и упалъ. И онъ велѣлъ меня въ казенный дощаникъ оттащить: сковали руки и ноги и на бѣть (поперечную скръпу въ баряѣ) кинули. Осень была: дождь на меня шелъ, всю ночь подъ капелію лежалъ».

Этимъ не кончилось еще однако наказаніе, наложенное Пашковымъ на непокорнаго протопона; всю остальную дорогу Аввакума везли скованнымъ, пока наконецъ отрядъ добрался до Братскаго острога, гдѣ и остановился на зимовку. Здѣсь Аввакума сперва посадили въ холодную тюрьму и только въ половинѣ ноября воевода перевелъ его въ теплую избу, но и здѣсь держалъ, какъ преступника, въ оковахъ, «съ аманатами и съ собаками», тогда какъ семья его была сослана въ другое мѣсто, версты за двадцать. Когда же разъ одинъ изъ сыновей протопона, еще мальчикъ, вздумалъ навѣстить отца, Пашковъ приказалъ на ночь бросить его въ ту студеную тюрьму, въ которой прежде сидѣлъ самъ Аввакумъ, а утромъ прогналъ обратно, не допустивъ и повидаться съ отцомъ. Такъ въ заключеніи и одиночествѣ и закончился для Аввакума первый годъ его пребыванія въ отрядѣ Пашкова.

Съ началомъ весны открылся и дальнѣйшій походъ: переплывъ озеро Байкаль, прибылъ отрядъ на р. Хилку и цѣло

лѣто тянулся вверхъ по ней; дальше путешествіе продолжалось уже и лѣтомъ, и зимой; лѣтомъ плыли по рѣкамъ, зимою на лошадахъ и пѣшкомъ совершали переходы по сушѣ, тащились волокомъ. Теперь съ Аввакума сняты были оковы, и онъ снова соединился съ своею семьей, но за то Пашковъ заставилъ его работать наравнѣ съ козаками; вмѣстѣ съ другими долженъ былъ онъ тянуть лямкою суда и исполнять всякія другія работы, а сверхъ того ему еще приходилось заботиться о дѣтяхъ и женѣ. Тѣмъ тяжелѣе было ему, что у него, при большой семьѣ, совсѣмъ не было помощниковъ; дѣти были еще малы, а работниковъ, какіе были у него, Пашковъ отнял и другимъ наниматься къ нему запретилъ, да и нанимать Аввакуму было уже почти не на что: имущество, вывезенное изъ Москвы и сохраненное въ Тобольскѣ, по преимуществу состоявшее изъ одежды и книгъ, частью погибло во время разныхъ дорожныхъ невзгодъ (три раза тонулъ Аввакумъ на пути), частью же было разграблено козаками или отнято самимъ Пашковымъ, такъ что у него остались уже лишь немногія вещи. А тѣмъ временемъ ко всѣмъ бѣдамъ прибавилась еще новая: въ отрядѣ не хватало хлѣба и началась жестокая нужда, не коснувшаяся только одного воеводы, у котораго «козачьими трудами» всего было запасено достаточно. Благодаря этой пуждѣ, окружавшая протопона обстановка, и безъ того уже мрачная, сдѣлалась еще мрачнѣе, еще непригляднѣе. «Стало нечего ѣсть, — такъ описываетъ самъ онъ это время своимъ образнымъ языкомъ, — люди учили съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни. Рѣка учали съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни. Рѣка мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большія, батоги суковатые, пытки жестокия, — огонь да встряска, — люди голодные: лишю стануть мучить, ано и умереть! Охъ вредно мени тому!» Сперва еще самъ Аввакумъ кое-какъ пробивался съ семьей; хлѣбъ, какой онъ вывезъ съ собою изъ Енисейска, Пашковъ у него отнял, правда, но на оставшіяся еще у него вещи онъ вымѣнивалъ у воеводы хлѣбъ и питался вареной немолотой рожью. Затѣмъ однако и этотъ источникъ всякъ, и протопону съ женой и дѣтьми пришлось испытывать на себѣ весь ужасъ голода, пришлось питаться травами и сосновой ко-

рой вѣсто хлѣба, вѣсть павшихъ лошадей и найденные по дорогѣ трупы животныхъ, зарѣзанныхъ волками: «что волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ». И долго спустя уже протопопъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ вспоминалъ, что и онъ «волею и неволею причастенъ кобыльимъ и мертвечьимъ звѣринымъ и птичьимъ мясамъ». Его желѣзное здоровье выдержало всѣ эти испытанія, но изъ дѣтей его два маленькихъ сына умерли въ эту тяжелую пору.

Между тѣмъ, терпя голодъ и лишенія, вынося жестокія истязанія воеводы и теряя людей по дорогѣ, отрядъ все по-двигался впередъ, и самая эта дорога способна была уже навести ужасъ. Лѣтомъ было еще легче, но зимою, когда суровые морозы сковывали рѣки и землю ледянымъ покровомъ, жутко было въ дикой и пустынной странѣ немногочисленнымъ пришельцамъ среди рѣдкаго, но враждебнаго населенія, которое они еще только собирались подчинить своей власти. Тяжестъ пути особенно давала себя знать Аввакуму: для дѣтей и кое-какого остававшагося у него имущества, «рухляди», воевода далъ ему двухъ лошадей, но самъ онъ съ женою долженъ былъ идти пѣшкомъ и не разъ, должно быть, на этой долгой дорогѣ, продолжавшейся около двухъ лѣтъ, разыгрывались сцены, подобныя той, описаніе которой мы находимъ въ «Житіи» Аввакума.

«Страна варварская; иноземцы немирные; отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадьми идти не воспѣемъ голодные и томные люди. Протопоница бѣдная бредеть, бредеть да и повалится, — сколько гораздо! Въ иную пору, бредучи, повалилась, а иной томный же чело-вѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился: оба кричать, а встать не могутъ. Мужикъ кричить: матушка-государыня, прости! А протопоница кричить: что ты, батько, меня задавилъ! Я пришель, — на меня бѣдная пеняетъ, говоря: долго ли муки сея, протопопъ, будетъ? И я говорю: Марковна, до самой смерти. Она же, вздохня, отвѣчала: добро, Петроничъ, ино еще побредемъ».

Немногимъ легче стало протопопу и съ момента прибытія на мѣсто. Голодъ почти не прекращался, такъ какъ урожаи были плохи — по большей части дожди уничтожали посѣвы, — нужда царяла жестокая, а Аввакуму приходилось среди этой

нужды пропитать многочисленную семью и нужно было безъ устали работать, подвергаясь притомъ постоянному гоненію со стороны воеводы. При такой жизни не на одну только мужественную протопоницу, обыкновенно такъ твердо вѣрившую въ своего мужа и такъ охотно дѣлившую съ нимъ всѣ лишенія, находило временами уныніе. Подъ тяжкимъ гнетомъ этихъ лишеній подавалась иногда и желѣзная твердость самого Аввакума; бывали минуты, когда онъ, истомленный мученіями Пашкова, собирался уже просить у него пощады; бывало что подъ непосильнымъ бременемъ житейскихъ заботъ онъ «изнемогалъ въ правилѣ», но эти моменты слабости продолжались у него лишь короткое время. Проникавшая все существо его глубокая увѣренность въ правотѣ своего подвига помогала ему оправиться отъ унынія; воображеніе, вѣчно работавшее въ одномъ направленіи, вызывало передъ нимъ чудесныя видѣнія въ которыхъ дѣятельную роль играли небесныя и адскія силы, и угасшая было бодрость духа снова въ немъ воскресала. Ангелы являлись протопопу и возбуждали въ немъ мужество, предупреждая о возможности полной гибели, «сила Божія возбранила» ему смиряться передъ воеводой, и Аввакумъ, находя въ себѣ подъ впечатлѣніемъ этихъ видѣній новую мощь, налагалъ на себя еще большее бремя молитвеннаго подвига, еще съ большимъ рвеніемъ облачалъ Пашкова, терпѣливо вынося всѣ его истязанія. Въ эти моменты духовнаго экстаза самыя обыденныя явленія жизни принимали въ его глазахъ чудесныя очертанія, и онъ всюду сознавалъ присутствіе невидимой силы, его охраняющей. Находилъ ли онъ прорубь во льду озера, когда ему хотѣлось пить во время путешествія, оскѣлось-ли ружье, направленное Пашковымъ на своего сына, вздумавшаго заступить за протопопу, во всемя этотъ Аввакумъ видѣлъ проявленіе божественной силы, стерегущей своего служителя.

Это живое сознаніе своей правоты и вытекающая отсюда увѣренность въ близости небесной поддержки давали ему силу переносить всю тяжелую обстановку жизни, какую ему приходилось теперь вести, и терпѣть всѣ издѣвательства и истязанія со стороны воеводы. По отношенію къ этому послѣднему Авва-

кумъ не ограничивался даже пассивною ролью мученика, но постоянно переходилъ въ роль обличителя и проповѣдника. Неумолчно обличалъ и осуждалъ онъ Пашкова всякій разъ, какъ видѣлъ въ его дѣйствіяхъ отступленіе отъ праваго пути, постоянно убѣждалъ его исполнять религіозныя предписанія и церковныя обряды и съ непоколебимою стойкостью выносилъ всѣ мученія, которыми щедро осыпалъ его взбѣшенный воевода, не отступая даже передъ страхомъ смерти. Занятое имъ такимъ образомъ положеніе не входило въ рамки обычныхъ отношеній сельскаго и его начальника и придавало скорѣе этимъ отношеніямъ характеръ борьбы двухъ противниковъ, вооруженныхъ различнымъ оружіемъ и воплощающихъ въ себѣ противоположныя начала. Это была какъ бы борьба грубой силы и убѣжденія, борьба, въ которой первая не только не одерживала къ тому же полной побѣды, а напротивъ еще и терпѣла порою пораженія.

Дѣйствительно, строгая подвижническая жизнь протопопа и то непоколебимое мужество, съ какимъ онъ отстаивалъ свои взгляды, даже въ суровомъ воеводѣ пробуждали сознание въ существованіи чего-то высшаго, чѣмъ простая сила, невольно импонировали ему до такой степени, что онъ временами какъ-бы подчинялся протопопу и признавалъ его авторитетъ; такъ, онъ по совѣту Аввакума сталъ было служить вечерни и заутрени, надѣясь на то, что это соблюденіе обряда доставитъ хорошій урожай; такъ, онъ повѣрилъ въ чудесное исцѣленіе своего внука протопопомъ и смиренно благодарилъ послѣдняго. Правда, перевѣсь, пріобрѣтавшійся такимъ образомъ Аввакумомъ надъ Пашковымъ, держался лишь очень короткое время: такіе приливы набожности и сравнительнаго смиренія у воеводы продолжались весьма недолго и быстро смялись по какому-нибудь поводу новой, часто еще болѣе жестокой вспышкой, въ которой вполне давала себя знать его необузданная, невыучная къ какой-бы то ни было нравственной сдержкѣ натура.

Но, страдая отъ жестокости воеводы самъ, видя страданія другихъ и осуждая эту жестокость, Аввакумъ въ свою очередь не довольствовался одною защитою своихъ взглядовъ, мучени-

чествомъ за нихъ и распространеніемъ ихъ посредствомъ убѣжденія. Рѣзкій фанатизмъ увлекалъ его далеко за эти границы и, отставивъ свои вѣрованія, согласно общему своему міровоззрѣнію, не на почвѣ свободы убѣжденій, а путемъ доказательства исключительнаго превосходства лично ему принадлежащихъ взглядовъ онъ способенъ былъ въ этихъ доказательствахъ явиться насильникомъ, мало чѣмъ уступавшимъ въ этомъ отношеніи мучившему его воеводѣ. Случилось разъ такъ, что Пашковъ отправлялъ своего сына Еремѣя съ небольшимъ отрядомъ козаковъ въ походъ на одинъ изъ сосѣднихъ народцевъ и призвалъ шамана погадать, удастся-ли это предпріятіе. Шаманъ предсказалъ полный успѣхъ похода, обѣщавъ богатую добычу и благополучное возвращеніе, и ратные люди обрадовались. Но глубоко опечалился протопопъ, видя, что христіане слушаютъ «бѣсовъ» и вѣрятъ имъ. Возгорѣлся онъ благочестивою ревностью и рѣшилъ посрамить бѣсовскія козни и наказать людей, осмѣлившихся искать предсказаній и совѣтовъ у дьявольскаго служителя вмѣсто того, чтобы обратиться къ христіанскому священнику. Съ этой цѣлью онъ «во хлѣвинѣ своей кричалъ съ воплемъ ко Господу: послушай мене, Боже! послушай мене, Царю небесный—свѣтъ, послушай мене! да не возвратится всякъ ни единъ отъ нихъ и гробъ имъ тамъ устроиши всѣмъ! приложи имъ зла, Господи, приложи, и погибель имъ наведи, да не сбудется пророчество дьявольское!»

Въ своемъ фанатическомъ рвеніи протопопъ доходилъ, стало быть, до сознательнаго изувѣрства, такъ же готовъ былъ жертвовать жизнью неповинныхъ людей ради торжества своихъ взглядовъ, какъ жертвовалъ ею Пашковъ ради удовлетворенія своего произвола и корыстолюбія, употребляя для этого такое средство, которое въ его представленіи должно было быть исполнѣ дѣйствительнымъ. Противники такимъ образомъ сталкивались на одной и той же почвѣ, боролись почти одинаковымъ оружіемъ. Пашкову донесли о такой молитвѣ Аввакума, но онъ сперва не обратилъ на это вниманія и вспомнилъ о ней лишь тогда, когда отправленный въ походъ отрядъ не возвратился къ сроку. Тогда онъ рѣшилъ, что это результатъ за-

клятій протопопа, и собрался было пытать его; Аввакумъ, видя бѣду, пригтовился уже къ смерти, но отъ послѣдней его избавило случайное возвращеніе сына Пашкова, который одинъ только и спасся изъ всего отряда, истребленнаго инородцами. Еремѣй своимъ заступничествомъ передъ отцомъ за Аввакума и на этотъ разъ успѣлъ отклонить бѣду отъ его головы и спасти его отъ угрожавшей ему пытки.

Въ своихъ постоянныхъ столкновеніяхъ съ воеводою, въ тяжелой жизни своей, полной нужды и лишеній, бывшій юрбе-вецкій протопопъ не оставался дѣйствительно совершенно одинокимъ: у него были заступники и помощники, часто спасавшіе его и отъ послѣдствій воеводскаго гнѣва, и отъ тяжелыхъ, подчасъ совершенно невыносимыхъ тисковъ нужды. Если уже на самого воеводу нравственная личность Аввакума оказывала сильное вліяніе, такъ что повременамъ онъ склонялся передъ нею, то еще болѣе глубокое впечатлѣніе производила она на многихъ другихъ изъ окружавшихъ его людей и прежде всего на семью воеводы, состоявшую, кромѣ самого Пашкова, изъ его жены, сына, уже упомянутаго выше, и снохи. Для этихъ людей, мало свѣдущихъ въ вопросахъ религіи, настолько невѣжественныхъ и суевѣрныхъ, что они могли обращаться за предсказаніемъ къ шаману и за леченіемъ къ «мужику-шептуну», одно было ясно въ протопопѣ, что это человекъ, чуждй вѣру и благочестіе выше всего, страдающій за свои религіозныя убѣжденія и готовый умереть за нихъ. Какого рода были эти убѣжденія, насколько они были истинны и насколько заключали въ себѣ заблужденія, такіе вопросы были бы не подъ силу этимъ людямъ, но они видѣли, какъ ревностно соблюдаетъ Аввакумъ всѣ подробности религіозной обрядности, наиболѣе доступной ихъ пониманію, и это въ связи съ его мученическою жизнью порождало въ ихъ умахъ представленіе о немъ, какъ о великомъ подвижникѣ благочестія, поборникѣ истины. Въ дальнѣйшемъ это представленіе находило себѣ еще новое обоснованіе въ проповѣди самого Аввакума, въ его горячемъ осужденіи новшества, занесенныхъ въ русскую церковь патріархомъ, и защитѣ старины: понятіе объ ереси, въ которой его

обвиняли, плохо вязалось съ отстаиваніемъ русской церковной старины въ умахъ людей, привыкшихъ эту послѣднюю считать единственно правой вѣрой. Такъ среди семейныхъ воеводы и установился взглядъ на Аввакума, какъ на невиннаго страдальца и учителя, даже какъ на чудотворца. Къ нему и здѣсь присылали для леченія бѣсноватыхъ; сноха Пашкова приглашала его лечить ея сына, а разъ протопопъ совершилъ для нея чудо уже не надъ людьми, а надъ курами.

«У боярыни куры всѣ переслѣпали и мереть стали, — рассказываетъ онъ объ этомъ съ своей неподражаемой, эпической наивностью: — такъ она, собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала, чтобъ-де батко пожаловалъ — помолилъ о курахъ. И я су подумалъ: кормилица то есть наша; лѣтки у ней: надобно ей курки! Молебень пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропиль и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ, — корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть, и водою покропиль, да къ ней все и отослалъ. Куры, Вожимъ мановеніемъ, исцѣляли и исправилсь по вѣрѣ ея».

Совершая такія чудеса для вѣровавшихъ въ него людей, Аввакумъ вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворялъ и ихъ духовныя нужды своими поученіями. Въ свою очередь они, чѣмъ могли, облегчали его тяжелую долю: сынъ Пашкова нѣсколько разъ заступался за него передъ отцомъ, рискуя при этомъ даже собственной жизнью, такъ какъ воевода въ гнѣвѣ не щадилъ никого; жена и сноха воеводы иначе помогали Аввакуму, снабжая его и семью его припасами во время самой жестокой нужды, пристигшей было протопопа въ Дауріи. Припасы приходилось пересылать Аввакуму тайнѣ отъ Пашкова, много поэтому не могъ получать протопопъ отъ своихъ поклонницъ и ученицъ: ему доставляли то хлѣбъ, то кусокъ мяса, то немного муки. бывало что присылали и корму, взятаго изъ куринаго корыта, но все-же эти скудныя даванія помогли ему перебиться кое-какъ въ теченіе голоднаго времени, которое трудно иначе было бы пережить ему съ семьею.

И не въ одной воеводской семьѣ находилъ для себя сильный протопопъ приверженцевъ и послѣдователей. Не мало ихъ нашлось съ теченіемъ времени и среди козаковъ, составлявшихъ отрядъ Пашкова. Видя равнымъ образомъ въ Аввакумѣ высокаго подвижника и борца за вѣру, склоняясь передъ его

нравственной мощью, они вмѣстѣ съ тѣмъ сближались съ нимъ, благодаря тому обстоятельству, что испытывали общее притѣненіе отъ одного человѣка. Это обуславливало ихъ теплое чувство въ отношеніяхъ къ Аввакуму, и если послѣдній въ числѣ ихъ, самихъ безпомощныхъ передъ воеводскою властью и терпѣвшихъ всегдашнюю нужду, не могъ найти ни заступниковъ, ни помощниковъ, если всѣ ихъ услуги по отношенію къ нему могли исчерпываться развѣ предупреденіемъ объ опасности, грозившей со стороны Пашкова, за то многіе изъ нихъ явились ревностными учениками его, равно готовыми пострадать за то, что онъ считалъ истиннымъ древнимъ благочестіемъ, и почти всѣ относились къ нему въ высшей степени сердечно, какъ къ невинному страдалцу. Лишь немногіе изъ непосредственныхъ сотрудниковъ Пашкова составляли исключеніе въ этомъ случаѣ и вмѣстѣ съ воеводою старались всячески преслѣдовать Аввакума; но это были уже наиболѣе отчаянные люди изъ всего отряда, прислужники воеводы, всѣми ненавидимые.

Такъ и въ далекой ссылкѣ, пребывая подъ властью грознаго мучителя-воеводы, Аввакумъ не только не отступился отъ своихъ убѣжденій и проповѣди, но еще успѣлъ приобрести себѣ друзей и сторонниковъ, сумѣлъ, благодаря непреклонной своей энергіи, развить пропаганду своихъ идей. Ни суровый климатъ, ни голодъ, ни пытки и мученія воеводы не сломали его духа, и онъ не только побѣдносно выдерживалъ эту борьбу, но даже своимъ мужествомъ и стойкостью поколебалъ самого Пашкова, своего суроваго палача, успѣвая иногда, хотя на время, подчинять его своему нравственному вліянію. Чѣмъ могла бы кончиться такая борьба между протопопомъ и воеводой, сказать трудно, но она была прекращена со стороны. Шесть лѣтъ провелъ Аввакумъ въ отрядѣ Пашкова, какъ пришли изъ Москвы, въ началѣ 1661 года, указы: одинъ, смѣнявшій Пашкова съ воеводства, другой, приглашавшій протопопа вернуться въ столицу. Пашковъ поѣхалъ впередъ съ ратными людьми, а Аввакума оставилъ съ одними почти больными и стариками, надѣясь, быть можетъ, что съ такимъ конвоемъ протопопъ погибнетъ на пути отъ иноземцевъ. Но Авва-

кумъ мало и вниманія обратилъ на это: долготѣлая ссылка наконецъ прекратилась, его призвали въ Москву, и конечно призвали потому, что убѣдились въ истинѣ защищаемыхъ имъ мнѣній. Пророческія видѣнія сбывались на яву, и могъ ли онъ, взысканный ими, сомнѣваться въ томъ, что та же божественная сила, которая выводила его теперь изъ тяжкаго плѣна, охранить его на пути и не дастъ погибнуть, не совершивъ своего призванія? Съ глубокимъ умиленіемъ, полный энтузіазма и вѣры, сталъ собираться онъ въ дорогу и, покончивъ черезъ мѣсяцъ сборы, отправился, везя съ собою 17 человѣкъ. Не будучи по природѣ человѣкомъ злонамытнымъ на личныя обиды, онъ менѣе всего могъ помнить ихъ теперь, когда передъ нимъ открывалось искупленіе всего прошлаго, всѣхъ вынесенныхъ мукъ и страданій, и, уѣзжая, онъ выкупилъ у козаковъ и увезъ съ собою одного изъ бывшихъ прислѣдниковъ Пашкова. При послѣднемъ этотъ человѣкъ преслѣдовалъ протопопа и искалъ его смерти; теперь Аввакумъ великодушно отплатилъ ему спасеніемъ отъ смерти, такъ какъ козакъ, избавившись наконецъ отъ гнета воеводы, собиравшись своимъ судомъ расправиться съ его наиболѣе ревностными слугами. Другого подобнаго прислужника бывшаго воеводы козакъ не хотѣлъ отдать Аввакуму, и уже на пути онъ перенялъ протопопа, моля спасти его отъ погони и лютой смерти. Ради спасенія человѣческой жизни всегда правдивый протопопъ рѣшился на тяжелый для его совѣсти грѣхъ лжи: онъ спряталъ бѣглеца подъ постелью, на которую положилъ свою жену съ дочерью, а догнавшимъ его козакамъ сказалъ, будто нѣтъ у него того, кого они ищутъ. Всю лодку обыскали козакъ, а постели протопопицы не тронули. «Опочивайте, матушка! и такъ ты, государыня, горя натерпѣлась!» говорили они мужественной женщинѣ, долгіе годы безропотно страдавшей на ихъ глазахъ и вмѣстѣ съ ними. Погоня уѣхала ни съ чѣмъ. Съ такимъ-то экипажемъ, вооруживъ лодку крестомъ, вмѣсто всякаго оружія, двинулся протопопъ въ далекій и опасный путь, въ концѣ котораго лучезарной звѣздой горѣла для него надежда полнаго примиренія, полной побѣды.

IV.

Возвращеніе въ Москву и новое удаленіе изъ нея.

Надежды Аввакума были однако въ значительной мѣрѣ неосновательны: на дѣлѣ его вызовъ въ Москву объяснялся не побѣдою «старой вѣры» и ниспроверженіемъ никоновской реформы, а иными, болѣе мелкими причинами, заключавшимися въ другой группировкѣ дворцовыхъ партій и въ измѣненіи положенія самого патріарха. Властолюбивый и крутой Никонъ, стремившійся къ безусловному первенству въ государствѣ и къ полному подчиненію своей волѣ самого царя, не ужился въ концѣ концовъ съ нерѣшительнымъ и мягкимъ, легко поддававшимся чужимъ внушеніямъ, но въ свою очередь самолюбивымъ и питавшимъ высокое понятіе о своей власти царемъ Алексѣемъ: недовольные патріархомъ бояре усилили-таки внести охлажденіе въ отношенія Алексѣя Михайловича къ его «собянному другу», а неловкія дѣйствія послѣдняго еще усилили это охлажденіе и уже черезъ пять лѣтъ послѣ высылки Аввакума изъ Москвы въ Сибирь между царемъ и патріархомъ произошелъ рѣшительный разрывъ. Гордость Никона не позволяла ему идти на уступки, искать прямо примиренія съ царемъ, и онъ задумалъ добиться той же цѣли иными путемъ, болѣе соотвѣтствовавшимъ его характеру. 11 іюля 1658 года послѣ службы въ Успенскомъ соборѣ патріархъ заявилъ народу, что онъ покидаетъ свой патріаршій престолъ, и, не

смотря на все увѣщанія присланныхъ отъ царя бояръ, удалился въ свой Воскресенскій монастырь. Это удаленіе не было однако съ его стороны полнымъ и окончательнымъ отказомъ отъ патріаршеской власти, а представляло изъ себя энергическую мѣру, рассчитанную на уступчивость царя и на пробужденіе въ немъ старыхъ симпатій и имѣвшую своей цѣлью возвращеніе Никону этой власти въ прежнемъ ея объемѣ. Расчеты Никона не оправдались, правда, Алексѣй Михайловичъ не выказалъ ни особенной уступчивости, ни особаго горя по поводу его удаленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него не нашлось и достаточно рѣшимости разомъ покончить съ запутавшимся вопросомъ избраніемъ новаго патріарха. Создалось такимъ образомъ неопредѣленное положеніе, благодаря которому русская церковь временно осталась безъ главы и изъ котораго возможны были два выхода: возвращеніе Никона на патріаршій престолъ или же избраніе на этотъ послѣдній кого-либо другого. Между тѣмъ самъ Никонъ, замѣтивъ сдѣланную имъ ошибку, вздумалъ повернуть назадъ и сталъ говорить, будто онъ не отказывался отъ своего сана, что еще болѣе усложнило дѣло. При такихъ обстоятельствахъ выборъ того или другого пути дѣйствій зависѣлъ отъ воли царя, но Алексѣй Михайловичъ все еще колебался и, не желая уступить властолюбивымъ притязаніямъ Никона, въ то же время долго не могъ собраться съ духомъ нанести послѣдній ударъ челоуѣку, съ которымъ его такъ недавно еще связывали тѣсныя дружескія отношенія. Съ другой стороны большинство бояръ, опасаясь самовластнаго характера Никона, рѣшительно не хотѣло видѣть его опять на патріаршемъ мѣстѣ и старательно изыскивало все средства съ цѣлью устранить возможность примиренія между нимъ и царемъ. Изъ этихъ выходовъ между прочимъ бояре обратились къ тѣмъ духовнымъ лицамъ, которые нѣкогда, до патріаршества Никона, были такъ близки къ царю Алексѣю и которые вслѣдъ затѣмъ первые возвысили голосъ противъ реформъ новаго патріарха, за что тяжело и поплатились. Все эти люди были хорошо знакомы боярамъ, часто даже связаны узами личной дружбы съ ними, а сверхъ

Тѣмъ не менѣе полный миръ и спокойствіе, прежняя цѣлостность настроенія не сразу могли установиться въ возмущенной душѣ самого проповѣдника. Невольно, быть можетъ даже помимо его сознанія, радость по поводу собственнаго спасенія отъ страданій, казавшихся безконечными, нѣсколько смягчала суровый, мрачный колоритъ фанатизма его убѣжденій, склоняла къ большей терпимости если не въ мнѣніяхъ, то по крайней мѣрѣ въ ихъ выраженіи словами и поступками. Для освобожденнаго, не преслѣдуемаго Аввакума иконіане не были уже все-таки тѣми безпощадными врагами какими они представлялись ему въ моменты жестокихъ гоненій. Съ другой стороны однако убѣжденія, во имя которыхъ совершили протопопъ свой страдальческій подвигъ, не измѣнились ни на іоту, остались совершенно тѣми же, а то обстоятельство, что кругомъ господствовало ученіе, которое онъ считалъ ересью, что въ виду этого въ немъ самомъ пробуждалось уже сомнѣніе, порождало въ немъ жгучее до болѣзненности опасеніе, какъ бы не лишиться всѣхъ плодовъ своего подвига, не упасть въ разставленная сѣти. Столкновеніе этихъ двухъ противоположныхъ чувствъ и стремленій неизбѣжно вызывало внутреннюю борьбу, сильную душевную разладицу, которая при крайне нервной натурѣ и наивно-религіозномъ настроеніи Аввакума обыкновенно разрѣшалась у него видѣніями. Такъ было и на этотъ разъ. Въ Tobольскѣ, гдѣ остановился протопопъ зимовать на второй годъ своего возвратнаго путешествія, онъ началъ было ходить въ соборную церковь, гдѣ богослуженіе совершалось по исправленнымъ служебникамъ, и сталъ уже нѣсколько привыкать къ такой службѣ: «что жаломъ, духомъ антихристовымъ и ужалило было.» Черезъ нѣсколько времени однако страшное видѣніе постигло его. Въ именини одной изъ царевенъ былъ онъ у заутрени въ той же соборной церкви и, придя изъ нея, забылся сномъ, какъ вдругъ послышался ему голосъ: «блудися отъ мене, да не полма растесанъ будешь!» Въ ужасѣ проснулся протопопъ и бросился передъ иконою ницъ, восклицая: «Господи, не стану ходить, гдѣ по новому поютъ!» Иного результата конечно и нельзя было

ожидать, зная идеи Аввакума, которыя не могли долго согласоваться съ примирительнымъ настроеніемъ, овладѣвшимъ имъ лишь въ силу случайныхъ причинъ.

По мѣрѣ того, какъ сглаживалось первое радостное впечатлѣніе, все рѣзче выступалъ наружу непримиримый фанатизмъ Аввакума, все болѣе онъ становился самимъ собою, человѣкомъ, не желающимъ имѣть никакого общенія со всякимъ, кто расходится съ нимъ въ чемъ бы то ни было. Какъ разъ въ то время, когда возвращенный изъ ссылки протопопъ зимовалъ въ Tobольскѣ, жилъ въ этомъ городѣ и другой ссыльный, также оставившій по себѣ слѣды, хотя и менѣе яркій, въ исторіи нашего просвѣщенія, именно хорватскій патріотъ и славянофилъ по убѣжденіямъ, Юрій Крижаничъ, пріѣхавшій въ Москву и изъ нея попавшій въ Сибирь. И въ судьбѣ его, и во взглядахъ было много общаго съ Аввакумомъ: онъ видѣлъ въ Московскомъ государствѣ готовую силу, вокругъ которой могутъ собраться славяне, чтобы дать отпоръ пѣмцамъ и сохранить свою національную самобытность. Казалось бы, что два эти человѣка, которые испытали почти одинаковую судьбу, въ убѣжденіяхъ которыхъ національныя начала занимали равно первенствующее мѣсто, должны были бы найти другъ у друга много точекъ соприкосновенія и даже тѣсно сойтись; но на самомъ дѣлѣ всѣ ихъ сношенія ограничились однимъ свиданіемъ, при которомъ не состоялось даже настоящаго разговора. Предоставляемъ рассказать объ этомъ свиданіи самому Крижаничу

«Аввакумъ, — говорить онъ, — послалъ за мной и вышель ко мнѣ на крыльцо; когда я хотѣлъ ступить на лѣстницу и взойти, онъ сказалъ: «не ходи сюда, стой тамъ и скажи, какой ты вѣры». Я сказалъ: «благослови, отче!» А онъ отвѣчалъ: «не благословлю, — исповѣдуй прежде свою вѣру» Я отвѣчалъ: «отче честной! я вѣрую во все, во что вѣруетъ святая апостольская церковь, и священническое благословеніе принимаю въ честь и прошу его въ честь. И объ вѣрѣ готовъ объясниться съ архіереемъ, а предъ тобою, путникомъ, который и самъ подвергся сомнѣнію вѣры, нечего мнѣ широко о вѣрѣ говорить и объясняться. Если ты не благословишь, благословитъ Богъ. Оставаяся съ Богомъ».

Такъ въ Аввакумѣ опять во всей своей рѣзкости выступила на видъ его исключительность и нетерпимость, въ силу которой онъ почти совершенно отворачивался отъ всякаго, въ комъ заподозривалъ неправовѣріе, и которая отпугивала отъ него людей съ нѣсколько болѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ.

За то все рѣзче и горячѣе становилась и проповѣдь Аввакума, направленная противъ того, что онъ называлъ уклономъ русской церкви въ ересь, и сообразно съ этимъ все болѣе собирала она вокругъ него единомышленниковъ. На всемъ пути, продолжавшемся около двухъ лѣтъ, считая здѣсь и остановки на зиму въ Енисейскъ и Тобольскъ, толпы народа въ городахъ собирались слушать поученія протопопа, мученика старой вѣры, вынесшаго за нее тяжелыя страданія далекой ссылки и все-таки оставшагося непоколебимымъ. Сильное впечатлѣніе производили эти полныя энтузіазма, освященныя кровью проповѣдника поученія на народныя массы, и немало людей, благодаря имъ, отшатнулось отъ церкви, въ которой они съ ужасомъ увидѣли латинскую ересь, немало подражателей и пособниковъ прикнуло къ Аввакуму изъ числа ревнителей благочестія. Между прочимъ въ Устюгѣ встрѣтился протопопъ съ однимъ изъ частыхъ тогда подвижниковъ-юродивыхъ, нѣкимъ Федоромъ, который постоянно, и лѣтомъ, и зимой, ходилъ безъ верхняго платья, въ одной рубахѣ, днемъ юродствовалъ на людяхъ, а ночи проводилъ въ усердной молитвѣ, стремясь такимъ путемъ достигнуть спасенія. Занятый своимъ подвигомъ юродства, онъ не обращалъ вниманія на исправленіе книгъ, да вѣроятно самъ и не могъ его замѣтить, а споры, поднявшіеся по этому поводу среди духовенства, до него еще не доходили. Аввакумъ, познакомившись съ нимъ, рассказалъ ему объ никоновомъ исправленіи, о повизнахъ въ церкви и силой своего слова довелъ до того, что Федоръ, схвативъ имѣвшуюся у него псалтирь новой печати «тотчасъ и въ печь кинулъ, да и проклялъ всю новизну». Велѣдъ затѣмъ онъ отправился за Аввакумомъ въ Москву и сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ его приверженцевъ и учениковъ.

Такъ, распространяя по пути свое ученіе, всюду почти приобретаая учениковъ и сторонниковъ, прибылъ наконецъ протопопъ въ Москву, изъ которой онъ выѣхалъ около десяти лѣтъ тому назадъ въ ссылку. При этомъ въздѣ своимъ въ столицу онъ былъ уже не тѣмъ, только благочестіемъ своимъ извѣстнымъ протопопомъ, какимъ онъ жилъ въ ней нѣкогда: его сопровождалъ сюда ореоль мученичества, дорогой цѣной добытый въ Тобольскѣ и Дауріи и теперь привлекавшій на него вниманіе даже тѣхъ, кто его не зналъ раньше или мало зналъ. Этотъ ореоль, создавшійся вокругъ него, имѣлъ особенное значеніе при тѣхъ условіяхъ, какія онъ засталъ въ Москвѣ. Броженіе умовъ, принявшее въ русскомъ обществѣ такія рѣзкія формы съ момента преобразованія Никона, далеко еще не привело къ послѣднимъ своимъ результатамъ; различныя партіи еще не сформировались окончательно, и колебанія, переходы съ одной стороны на другую происходили въ высшей степени часто. Нѣкоторые изъ тѣхъ людей, которые десять лѣтъ назадъ первые выступили съ смѣлымъ и рѣзкимъ протестомъ противъ новшества патріарха, теперь отступились отъ начатаго ими дѣла, разубѣдившись въ истинѣ его, и въ числѣ ихъ былъ самъ Иванъ Нероновъ, нѣкогда признанный глава кружка протопоповъ, другъ и руководитель Аввакума. Сосланный сперва въ Спасокаменный, а затѣмъ изъ него въ Кандакашскій монастырь, онъ уже 10 августа 1655 года бѣжалъ изъ послѣдняго въ Соловки и отсюда пробрался въ Москву. Здѣсь онъ втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ скрывался отъ грознаго патріарха у разныхъ своихъ пріятелей то въ самомъ городѣ, то въ его окрестностяхъ, въ исходѣ 1656 года постригся въ монахи и принялъ имя старца Григорія. Во время этихъ скитаній своихъ онъ сперва продолжалъ проповѣдь противъ новыхъ книгъ и обрядовъ церковныхъ, но затѣмъ его убѣжденія начали все сильнѣе колебаться подъ вліяніемъ неожиданныхъ для него событій. На соборѣ 1655 года въ Москвѣ, кромѣ русскаго духовенства, которое, по мнѣнію Неронова, соглашалось съ Никономъ лишь изъ страха передъ нимъ, присутствовали уже и два пріѣзжихъ патріарха, Макарій антиохійскій и Гавріилъ

сербскій, и эти патріархи предали проклятію двоеперетіе и своими подписями одобрили вновь исправленный «Служебникъ» в только-что переведенную съ греческаго книгу «Скрижаль». Къ нимъ присоединились и голоса другихъ двухъ патріарховъ, константинопольскаго Аванасія и іерусалимскаго Паисія, а послѣдній изъ нихъ въ отвѣтъ своемъ на вопросы Никона и Алексѣя Михайловича строго осудилъ протестъ Неронова противъ преобразовательной дѣятельности Никона. Все это оказало подавляющее вліяніе на Неронова: вражда его къ Никону осталась въ полной силѣ, но онъ не былъ настолько убѣжденъ въ правотѣ своей по раздѣлившему ихъ вопросу, чтобы найти въ себѣ достаточно силы противиться рѣшенію главъ вселенской церкви. Приговоръ патріарховъ повергъ его въ сомнѣніе, разрѣшившееся тѣмъ, что въ январѣ 1657 года старецъ Григорій явился къ патріарху и заявилъ ему, что не хочетъ быть подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ и потому готовъ признать его реформы. Хотя и затѣмъ, уже послѣ своего приобщенія къ церкви, онъ продолжалъ еще придерживаться нѣкоторыхъ старыхъ обрядовъ и книгъ, но уже не выступалъ съ принципиальной оппозиціей противъ дѣйствій патріарха и только личныя отношенія его къ послѣднему никакъ не могли наладиться, старая вражда давала себя чувствовать постоянными вспышками, а, когда произошелъ разрывъ между царемъ и патріархомъ, Нероновъ явился однимъ изъ наиболѣе усердныхъ противниковъ Никона. Тѣмъ не менѣе онъ уже сошелъ со сцены расколничьяго движенія, пересталъ играть роль вождя послѣдняго. Его примѣръ увлекъ за собою нѣкоторыхъ изъ людей, наиболѣе привязанныхъ къ нему лично и вѣрившихъ въ него, но не оказалъ рѣшительнаго вліянія на все движеніе въ его цѣломъ, такъ какъ оно давно уже перешло за рамки протеста единичныхъ личностей.

Въ то самое время, какъ Нероновъ и подобно ему нѣкоторые другіе, уstraшенные клятвой вселенскихъ патріарховъ, отрекались отъ затѣяннаго ими дѣла, другіе люди, изъ самыхъ различныхъ общественныхъ классовъ, проникались сомнѣніемъ въ правотѣ Никона, но и вступившихся за него

патріарховъ, и рѣшительно отлагались отъ церкви. Движеніе, отъ котораго отходили наиболѣе умѣренные его элементы, готовилось принять крайній характеръ.

Въ этотъ-то моментъ, предшествуемый славою непоколебимаго страдальца за старую вѣру, и явился въ Москвѣ Аввакумъ. Приемъ, встрѣченный имъ здѣсь, не оставлялъ ему желать ничего лучшаго, «яко ангела пріяша мя», пишетъ онъ. Его заклятый врагъ, Никонъ, безсильный и всѣми покинутый, сидѣлъ въ Воскресенскомъ монастырѣ; бояре, видѣвшіе въ протопопѣ могучаго союзника противъ павшаго патріарха, ради были его возвращенію, а многіе изъ нихъ смотрѣли на него и какъ на проповѣдника истины. Самъ Алексѣй Михайловичъ, всегда питавшій расположеніе къ Аввакуму, обрадовался его пріѣзду. «Тишайшій и въ благочестіи прославленный» царь Алексѣй всегда цѣнилъ выше всего въ людяхъ набожность и строгое исполненіе религиозныхъ обрядовъ, какъ разъ такія качества, которыя наиболѣе присущи были Аввакуму. Изъ за нихъ царь привязался къ послѣднему еще въ то время, когда онъ жилъ въ Москвѣ въ качествѣ справщика книгъ, они же привлекали его къ протопопу и теперь. Соглашаясь съ Никономъ относительно необходимости церковной реформы, Алексѣй Михайловичъ не могъ однако отказаться отъ того уваженія, которое онъ питалъ къ ревнителямъ русской обрядовой старины, Неронову, Вонифатьеву, Аввакуму и ихъ товарищамъ, и это отразилось на всемъ его отношеніи къ нимъ во время распри ихъ съ патріархомъ. Онъ соглашается съ патріархомъ, позволяетъ ему налагать жестокія наказанія на его противниковъ, но самъ какъ бы уstraняется отъ участія въ нихъ, иногда даже старается облегчить участь наказанныхъ, упрашивая на примѣръ Никона не разстригать Аввакума или — что еще характернѣе — скрывая отъ патріарха пребываніе въ Москвѣ Неронова, бѣжавшаго изъ Кандашскаго монастыря. Теоретическое сознаніе нужды въ преобразованіяхъ было у Алексѣя Михайловича, но его вкусы и привычки тянули его къ московской старинѣ, и онъ старался, всегда безуспѣшно впрочемъ, примирить то и другую. Теперь представитель этой старины

пнокъ, — всѣхъ равно губить и мучить, огнемъ жжеть и погубляетъ. Токмо, государь, — тутъ же спохватывается протопопъ, — за мою досаду не вели ему мстити... Помилуй, государь царь православной, не оскорби бѣдную мою душу: не вели, государь, ему Аеоноасью мстити своимъ праведнымъ царскимъ гнѣвомъ, но възмицъ его, яко Христосъ заблудшее овца Адама».

Пашковъ дѣйствительно былъ постриженъ въ Москвѣ и притомъ самимъ же Аввакумомъ, хотя было ли это результатомъ челобитной протопопа и послѣдовавшаго на основаніи ея царскаго приказанія, или произошло какъ-нибудь иначе, мы не знаемъ. Иной результатъ имѣла во всякомъ случаѣ первая часть челобитной. Аввакумъ удовлетворилъ, правда, въ ней ожиданія бояръ: трудно было бы отыскать болѣе строгаго обвинителя, болѣе заклятаго и непримиримаго врага патріарха. Но эта вражда, хотя и поддерживаемая личнымъ озлобленіемъ, исходила все-таки не изъ него, носила по преимуществу принципиальный характеръ: нападая на Никона, протопопъ требовалъ отмѣны всѣхъ его «затѣекъ», затѣны исправленныхъ книгъ старыми, возстановленія прежнихъ обрядовъ, отмѣненныхъ или преобразованныхъ патріархомъ, словомъ, являлся представителемъ извѣстнаго направленія, а не личнымъ врагомъ Никона. Такія требованія однако не входили уже въ желанія большинства бояръ, не могъ на нихъ согласиться и Алексѣй Михайловичъ, слишкомъ далеко зашедшій по пути реформы, чтобы имѣть еще возможность вернуться назадъ. Впрочемъ, на первый разъ обнаружившееся различіе во взглядахъ не повело за собою явнаго столкновенія, такъ какъ расположеніе царя и бояръ къ протопопу было слишкомъ сильно, имъ слишкомъ горячо хотѣлось удержать при себѣ этого строгаго ревнителя благочестія. Поэтому, обходя молчаніемъ ту общую программу дѣйствій, какую выставилъ Аввакумъ, его попытались склонить къ уступчивости путемъ лично ему оказываемыхъ льготъ и пожалованій. Въ послѣднихъ недостатка не было: царь, царица и многіе бояре прислали протопопу отъ себя денегъ, отъ имени Алексѣя Михайловича ему обѣщано было мѣсто сперва духовника царскаго, затѣмъ — что гораздо болѣе привлекало Аввакума — справщика на Печатномъ дворѣ, и въ то же время

царь прислалъ Родіона Стрѣшнева уговаривать Аввакума, чтобы онъ молчалъ и прекратилъ свои проповѣди противъ церкви. Протопопъ, тронутый лаской, прельщаемый надеждой на то, что ему будетъ поручено дѣло исправленія книгъ, дѣйствительно какъ будто успокоился.

Онъ зажилъ на Москвѣ, дожидаясь того времени, когда ему будетъ наконецъ позволено приступить къ дѣлу возстановленія церковной чистоты и въ ожиданіи распространялъ сперва свое ученіе только путемъ частныхъ бесѣдъ и знакомствъ. Безвыходно почти жилъ онъ въ домѣ духовной своей дочери, боярыни Федосьи Прокопьевны Морозовой, наставляя въ вѣрѣ ее и сестру ея, княгиню Евдокію Урусову, бывалъ у Анны Петровны Милославской, у многихъ другихъ бояръ, познакомился и сблизился съ княземъ Иваномъ Хованскимъ, съ Юриемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ и иными. Могучая фигура страдальца-протопопа на многихъ людей и въ этомъ кругу производила сильное впечатленіе, которое впоследствии такъ выразила одна изъ его ученицъ, Морозова: «отецъ Аввакумъ истинный ученикъ Христовъ. Онъ страдаетъ за законъ Христовъ и потому его ученіе слѣдуетъ слушать тѣмъ, которые хотятъ угодить Богу». Многіе изъ этихъ знакомцевъ протопопа сдѣлались и его ревностными послѣдователями, вмѣстѣ съ нимъ ужасались нечестію, проникшему въ нѣдра русской церкви, и готовились бороться съ нимъ, но не было у него другой такой горячей сторонницы, какъ Морозова. Молодая вдова, богатая и знатная, она и раньше уже всѣ душевныя силы свои отдала на подвиги благочестія въ духѣ московской старины: окруженная многочисленной свитой слугъ, количество которыхъ въ ея домѣ доходило за 200 человекъ, имѣя 8.000 душъ крестьянъ, она пользовалась этимъ богатствомъ только для того, чтобы щедрой рукой раздавать его немущимъ, постоянно держала у себя въ домѣ убогихъ и нищихъ, кормила и поила ихъ, а сама истязала плоть постомъ и молитвой, втайнѣ отъ людей носила власяницу. На фанатическую проповѣдь Аввакума пылкая женщина эта, исключительно отдавшаяся уже дѣлу религіознаго спасенія, отзывалась всѣмъ сердцемъ и вся ушла въ созерцаніе

объявшею Россію ереси и въ борьбу съ нею путемъ споровъ въ знакомыхъ домахъ съ «никоніанами», какъ стали уже тогда называть принявшихъ преобразование Никона противники послѣднихъ. А такихъ споровъ много велось тогда въ Москвѣ, и нерѣдко приходилось участвовать въ нихъ и самому Аввакуму, особенно въ домѣ Ртищева.

Одинъ изъ первыхъ насадителей богословскаго образованія въ Руси 17-го вѣка и сторонниковъ реформъ Никона, Оедоръ Михайловичъ Ртищевъ былъ человѣкомъ въ высокой степени набожнымъ, но вовсе не фанатикомъ, кроткимъ по натурѣ и противникомъ насильственныхъ мѣръ по принципу. Онъ принадлежалъ къ той, довольно еще значительной, группѣ лицъ среди разъединившагося московскаго общества, которая держалась примирительнаго направленія и, будучи болѣе близка къ новшествамъ, не хотѣла однако обязывать къ нимъ насильственными средствами, а надѣялась искоренить церковный раздоръ одною силою убѣжденія. Самъ Ртищевъ мечталъ устроить «церковное благочестіе тихо и немятежно», много разсчитывая въ этомъ случаѣ на образованіе, для распространенія котораго немало имъ было и сдѣлано. Въ его московскомъ домѣ собирались кіевскіе монахи, отчасти имъ же и приглашенные въ Москву, бывали и различные русскіе духовные и свѣтскіе люди, приверженцы и противники преобразованій, и здѣсь между ними постоянно происходили оживленные пренія, въ которыхъ большое участіе принималъ и самъ хозяинъ, живо интересовавшійся религиозными вопросами. Аввакума Ртищевъ давно зналъ и уважалъ въ немъ строгое соблюденіе благочестія и необыкновенную нравственную стойкость; и теперь, разойдясь уже совершенно съ юрьевскимъ протопопомъ въ миѣніяхъ, онъ не отказался отъ этого уваженія къ его личности и по возвращеніи его изъ Дауріи между прочимъ передалъ ему черезъ своего казначея довольно крупную по тогдашнему сумму въ 60 рублей. Онъ все еще не терялъ надежды примирить Аввакума съ церковью, и послѣдній часто хаживалъ къ нему въ домъ, гдѣ познакомился и съ новымъ лицомъ, появившимся тогда въ Москвѣ, съ кіевскимъ же монахомъ и

учителемъ царскихъ дѣтей, Симеономъ Полоцкимъ. Между новыми знакомцами постоянно велись споры «о вѣрѣ и о законѣ», во время которыхъ Аввакумъ не мало, по его собственному выраженію, «шумѣлъ» и энергически «бранился съ отступниками». Но бесѣдами съ отдѣльными лицами и кабинетными богословскими спорами не могъ удовлетвориться Аввакумъ, какъ въ силу собственного характера, такъ и благодаря настроенію, все болѣе распространявшемуся въ обществѣ и невольно передававшемуся и ему. Не могъ онъ, даже еслибы и хотѣлъ, въ виду этого сдержатъ и обѣщаніе, данное царю: его подхватила и унесла впередъ волна движенія, происшедшаго въ согласіи съ его стремленіями, но независимо отъ его практическихъ желаній.

Раздоръ между царемъ и патріархомъ, не имѣвшій въ своемъ происхожденіи ничего общаго съ раскольниковымъ движеніемъ, не остался однако, какъ мы уже отчасти и видѣли, безъ косвеннаго вліянія на это послѣднее. Выпущены были изъ заточенія нѣкоторые изъ вождей раскола, нѣсколько ослаблено было гоненіе на другихъ и у раскольниковъ явилась надежда, что съ паденіемъ злѣйшаго ихъ врага и гонителя Никона восторжествуетъ и самое ихъ дѣло. Сообразно этому, движеніе, по наружности нѣсколько уже какъ бы притихшее и происходившее лишь подъ покровомъ тайны, вновь оживилось и дало о себѣ знать: раскольники сѣшили усилить свою пропаганду и доканать бывшаго патріарха, и одно за другимъ появлялись сочиненія ихъ, направленные въ защиту старыхъ книгъ и обрядовъ, одна за другою приходили къ царю челобитныя объ окончательномъ низверженіи нечестиваго патріарха. Начавшись еще до пріѣзда Аввакума въ Москву, эта усиленная пропаганда продолжалась и послѣ того, все болѣе и болѣе разрастаясь. Монахъ Оеоктистъ написалъ слово объ антихристѣ, Семень Жилевъ — цвѣтникъ суевѣрій, архимандритъ Спиридонъ выпустилъ книгу о правой вѣрѣ, въ которой рѣзко полемизировалъ съ никоновскими справщиками книгъ. Почти одновременно съ этимъ попы Никита и Лазарь и ученикъ Аввакума Авраамій прислали Алексѣю

Михайловичу челобитныя изъ мѣстъ своего заточенія, прося прекратить гоненіе на правую, старую вѣру. Въ этихъ новыхъ проявленіяхъ движенія ясно сказывалось уже и измѣненіе его характера сравнительно съ моментомъ первоначальнаго его возникновенія. Прежнихъ вождей того кружка, изъ котораго впервые пошло это движеніе, уже не было въ числѣ его дѣятелей: Вонифатьевъ, съ самаго начала раздора съ Никономъ поведшій себя очень нерѣшительно и двусмысленно, умеръ еще до возвращенія Аввакума изъ Даурія; Нероновъ, оставшійся еще въ живыхъ, отступился отъ общаго дѣла и присоединился къ церкви, и съ выбитіемъ изъ рядовъ раскольниковъ этихъ двухъ наиболѣе вліятельныхъ людей, служившихъ представителями умѣреннаго направленія, въ движеніи взяла перевѣсъ крайняя партія. Тогда какъ Нероновъ и Вонифатьевъ ратовали преимущественно противъ личности Никона, готовы были пойти на кое-какія уступки и уклонялись отъ прямой борьбы съ авторитетомъ вселенскихъ церквей, ихъ бывшіе пріатели, оставшіеся вѣрными своему направленію, выдвинули впередъ его принципиальную сторону и, рѣзко отказываясь отъ всякаго соглашенія, готовились къ непримиримой борьбѣ. Такъ, первымъ результатомъ гоненія, поднятаго на раскольниковъ, было усиленіе въ средѣ ихъ крайней группы, выступленіе ея на первый планъ. Но среди людей, эту группу составлявшихъ, не было еще такихъ, которые пользовались бы такою же извѣстностью и вліяніемъ, какъ бывшіе вожди московскаго братства, и потому мѣсто идейнаго главы движенія оставалось незанятымъ, пустовало до времени.

При такихъ-то обстоятельствахъ, среди царившей въ московскомъ обществѣ смуты умовъ, сопровождаемой усиленіемъ раскольничьей дѣятельности и успѣхами болѣе крайняго направленія въ средѣ самихъ раскольниковъ, въ Москвѣ появлялся Аввакумъ и становился почти въ такія же близкія отношенія къ царю, пріобрѣталъ такія же широкія связи среди боярства, какъ прежде Вонифатьевъ и Нероновъ. Собственно его дѣятельность съ момента перваго столкновенія съ патріар-

хомъ происходила именно въ духѣ такого крайняго направленія и притомъ на его славу поборника благочестія не было ни одного пятна, его нельзя было упрекнуть ни въ одномъ малѣйшемъ отступленіи отъ проповѣдуемыхъ имъ идей: онъ вынесъ свой десятилѣтній искусь и остался при тѣхъ же взглядахъ, за которые впервые постигло его гоненіе. Этотъ искусь и вся исторія ссылки его въ Сибирь возвышали его надъ всѣми остальными раскольниками: никто не пострадалъ тяжелѣе его и никто не выказалъ болѣе энергіи въ перенесеніи страданій и болѣе смѣлости въ распространеніи своего ученія. Въ связи съ виднымъ положеніемъ, занятымъ теперь Аввакумомъ въ московскомъ обществѣ, и многочисленными знаками, заведенными имъ почти по всей Россіи, отъ Москвы до Сибири, во время ссылки и возвращенія изъ нея, его слава проповѣдника старой вѣры и мученика за нее произвела то, что въ глазахъ ревнителей старины онъ выдвигался впередъ всѣхъ другихъ предводителей раскола, совершенно уже затмѣвая собою личности первыхъ его начинателей. Къ нему съ разныхъ сторонъ обращались за совѣтами и разъясненіями въ дѣлахъ вѣры, у него искали утѣшенія и поддержки въ минуты сомнѣнія и колебанія, отъ него добивались практическихъ указаній, какъ держать себя оставшимся въ правобѣртіи съ никоніанами, какъ обходиться съ ихъ духовенствомъ, и по мѣрѣ того, какъ все чаще дѣлались такія обращенія, протопопъ независимо отъ своей воли становился въ почетное и отвѣтственное положеніе главы людей, отторгшихся отъ никоніанской церкви.

Но если это положеніе создавалось для Аввакума даже помимо его воли, то и онъ въ свою очередь не думалъ уклоняться отъ роли «сильнаго Христова воеводы противъ сатанина полка». Напротивъ, приглядѣвшись къ борьбѣ различныхъ взглядовъ въ московскомъ обществѣ и получивъ съ разныхъ сторонъ запросы, свидѣтельствовавшіе объ ошущаемой нуждѣ въ духовномъ руководствѣ, онъ не воздержался отъ искушенія самому броситься въ эту борьбу и смѣло взялъ на себя роль

такого руководителя. Въ этихъ видахъ онъ приступилъ къ проповѣди, но такъ какъ устная проповѣдь при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ жилъ теперь на Москвѣ, не могла принять особенно широкихъ размѣровъ, то онъ прибѣгъ еще и къ другому средству пропаганды, пустивъ въ обращеніе написанныя имъ сочиненія противъ никоніанъ. И въ устной рѣчи, и въ произведеніяхъ своихъ онъ доказывалъ, что Никонъ, а за нимъ и всѣ, прицѣпившіе сдѣланныя при немъ исправленія въ книгахъ, впали въ многочисленныя и жестокія ереси; такую ересь протопопъ усматривалъ въ измѣненіи словъ символа вѣры, какъ онъ неправильно читался въ старыхъ книгахъ: «его же (Христа) царствію нѣсть конца» на правильное чтеніе: «не будеть конца», измѣненіи, давшемъ ему поводъ говорить, что никоніане не признаютъ Христа совершеннымъ царемъ; точно также по поводу вставленнаго въ старыхъ книгахъ и выброшеннаго при исправленіи слова «истинна» о Св. Духѣ протопопъ утверждалъ, будто никоніане «Духа святого не истинна глаголють быти». Указывая эти мнимыя ошибки и другія, имъ подобныя, защищая двоеперстіе и земные поклоны, онъ жестоко нападалъ на никоновскихъ справщиковъ, исказившихъ, по его мнѣнію, книги, упрекая ихъ въ томъ, что «они пожираютъ стадо Христово злымъ ученіемъ и образы нелѣпо носятъ отступническіе, а не природные наши словенскаго языка», называя ихъ отщепенцами и униатами за то, что они ходятъ въ рогахъ вмѣсто обыкновенныхъ «словенскихъ скуфей», наконецъ увѣряя даже, что «они не церковныя чада, а діаволя». Въ тѣхъ храмахъ, училъ далѣе протопопъ, гдѣ служба происходитъ по вновь исправленнымъ книгамъ, нѣтъ настоящаго благочестія и самое богослуженіе не истинное: тамъ «поютъ пѣсни, а не божественное пѣніе, по латини, и законы и уставы у нихъ латинскіе, руками машутъ и главами киваютъ и ногами топчутъ, какъ обыкло у латинниковъ по органомъ». Равнымъ образомъ Аввакумъ проповѣдывалъ, что и священники, принявшіе исправленные служебники и совершающіе по нимъ богослуженіе, не истинные пастыри, и училъ не повиноваться

имъ и не принимать отъ нихъ причащенія *). Эти проповѣди и писанія Аввакума привлекли на себя большое вниманіе въ населеніи Москвы и многихъ отторгли отъ церкви, но самъ протопопъ ими еще не удовольствовался.

Убѣжденный въ необходимости и возможности склонить на свою сторону свѣтскую власть и видя между тѣмъ, что время идетъ, а послѣдняя никакихъ мѣръ въ пользу раскольниковъ не принимаетъ, Аввакумъ предпринялъ новый рѣшительный шагъ, и чрезъ ученика своего, юриста Федора, подалъ Алексѣю Михайловичу челобитную, въ которой просилъ, «чтобы онъ старое благочестіе взыскалъ... и на престолъ бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ, вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика». Вмѣстѣ съ тѣмъ, не ограничиваясь одною просьбою о патріархѣ, онъ требовалъ смѣны всѣхъ главнѣйшихъ православныхъ іерарховъ и замѣны ихъ другими, изъ числа ревнителей раскола, причѣмъ называлъ и имена нѣсколькихъ намѣченныхъ имъ кандидатовъ. Царь принялъ челобитную, но съ той поры «кручиновать сталъ» на протопопа. Дѣйствительно, заключавшіяся въ ней просьбы какъ нельзя полнѣе раскрывали всю наивность разчетовъ благодушнаго, боявшагося рѣзкаго, безповоротнаго разрыва, Алексѣя Михайловича на примиреніе съ Аввакумомъ путемъ предоставленія лично ему виднаго положенія въ церковной іерархіи и всякихъ другихъ милостей. Для протопопа, какъ оказывалось, пренебрегая всѣми выгодами царской дружбы, онъ открыто становился во главѣ партіи, враждебно настроенной противъ существующей церковной іерархіи, и, переводя вопросъ на принципиальную почву, принуждалъ царя не только выбрать ту или другую сторону въ немъ, но и принять со-

*) Изложеніе этого содержанія московскихъ проповѣдей Аввакума сдѣлано не по собственнымъ его сочиненіямъ, такъ какъ тѣ его произведенія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, до насъ не дошли, а по сборнику акту 1667 г. (напеч. у Суботина, Матеріалы, II, с. 5—20); достоверность же выставленныхъ въ этомъ послѣднемъ обвиненій противъ Аввакума вполне подтверждается точнымъ соответствіемъ ихъ содержанія съ позднѣйшими его произведеніями.

отвѣтствующія практическія мѣры. Такой выборъ былъ уже сдѣланъ Алексѣемъ Михайловичемъ заранѣе и, выступая съ рѣшительнымъ отказомъ отъ соглашенія и протестомъ противъ іерарховъ, протопопъ тѣмъ самымъ подписывалъ себѣ приговоръ. Къ тому же въ это время и отъ церковныхъ властей стали поступать къ царю жалобы на него, что онъ своею дѣятельностью многихъ людей на Москвѣ отвратилъ отъ церкви. Самъ же Аввакумъ, прослышавъ про неудовольствіе государя, подалъ ему еще новую челобитную, наполненную обличеніями пороковъ и ересей прѣзжихъ грековъ и вышлага московскаго духовенства. При всемъ своемъ желаніи удержать при себѣ Аввакума и Алексѣй Михайловичъ увидѣлъ наконецъ, какъ неосновательны были надежды на примиреніе его съ церковью, понялъ, что онъ не Нероновъ и не отступится отъ затѣяннаго дѣла, и, скрѣпя сердце, прислалъ ему чрезъ боярина Петра Салтыкова свой приказъ: «власти на тебя жалуются: церкви де ты запустошилъ; пойдъ въ ссылку опять». Мѣстомъ ссылки протопопа на этотъ разъ назначенъ былъ Пустозерскій острогъ, и 29 августа 1664 года, приблизительно черезъ полгода по возвращеніи Аввакума въ Москву, его съ семьею вывезли въ новую дорогу.

Не долго продолжалась такимъ образомъ жизнь протопопа въ Москвѣ, немного пришлось ему и ратовать здѣсь за старую вѣру. Черезъ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ свободной жизни снова уже начиналась для него далекая ссылка, снова глянула ему въ глаза сѣверная зима съ ея морозами и вьюгами, съ ужасами дальняго и тяжелаго пути. Передъ ними дрогнуло сердце даже этого закаленнаго въ бѣдствіяхъ человѣка и изъ его усталой груди въ первый и въ послѣдній разъ вырвалась мольба о пощадѣ. Съ дороги, изъ Холмогоръ, отправилъ онъ къ царю новую челобитную, не поднимавшую уже никакихъ общихъ вопросовъ, а носившую чисто личный характеръ.

«Христіолюбивому государю, царю и в. кн. Алексѣю Михайловичу— такъ начиналъ Аввакумъ это короткое свое посланіе— бьетъ челомъ богомолецъ твой, въ Даурехъ мученой протопопъ Аввакумъ Петровъ. Прогнѣвалъ, грѣшной, благоутробіе твое отъ болѣзни сердца неудержаніемъ моимъ, а иное тебѣ, свѣту-государю, и солгали на меня, имъ же да не вмѣшатъ Господь во грѣхъ! Помилуй, равноапостольный государь—

царь, робятишекъ ради моихъ умилосердися ко мнѣ! Съ великою нужею доволоча до Холмогоръ; а въ Пустозерской острогъ до Христова Рождества невозможно стало ѣхать, потому что путь нужной, на оленяхъ ѣздить. И смущаюся грѣшникъ, чтобъ робятишка на пути не примерзли съ нужи».

Въ виду этого онъ просилъ позволенія остаться въ Холмогорахъ или гдѣ-нибудь въ другомъ, не столь далекомъ, какъ Пустозерскъ, мѣстѣ, и вся челобитная заканчивалась своего рода воплемъ измученнаго страдальца: «И въ Даурской землѣ у меня два сына отъ нужи умерли. Царь государь, смилуйся».

Въ концѣ ноября одинъ изъ учениковъ Аввакума, юродивый Кириіанъ, передалъ его челобитье государю, а 6 декабря послѣдній получилъ и новую просьбу за сосланнаго отъ стараго его друга, бывшаго протопопа Ивана, теперь старца Григорія Неронова. Вступаясь за своего пріятеля и бывшаго сподвижника, Нероновъ писалъ царю, что церковныя власти, оскорбившись просьбой Аввакума назначить новыхъ іерарховъ, нагнали на него, будто онъ по улицамъ и площадямъ училъ народъ, увѣщевая не ходить въ церковь. Онъ увѣрялъ даже (вопреки истинѣ, впрочемъ), что Аввакумъ по указу государя молчалъ, дожидаясь собора. «Только онъ съ Лариономъ архіепископомъ да съ твоимъ государевымъ духовникомъ говоритъ наединѣ о сложеніи перстовъ и о трегубой аллилуйи, и о прочихъ догматѣхъ... да о томъ же онъ говорилъ въ дому околыничаго Фед. Мих. Ртищева; а больше онъ нигдѣ я по улицамъ ходя о томъ не говаривалъ». Въ виду этого старецъ Григорій просилъ не отправлять протопопа въ Пустозерскъ, а позволить поселиться вмѣстѣ съ нимъ въ Игнатіевой пустыни на Сарѣ.

Просьбы Неронова и самого Аввакума смягчили Алексѣя Михайловича, въ душѣ котораго еще сильно было доброе чувство по отношенію къ протопопу, и, не исполняя буквально этихъ просьбъ, онъ уменьшилъ все же наказаніе, приказавъ отаравить Аввакума лишь на Мезень. Здѣсь ссыльный протопопъ жилъ, пользуясь все же нѣкоторыми удобствами и не подвергаясь особымъ стѣсненіямъ. Мы не знаемъ въ точности, какія приказанія даны были изъ Москвы насчетъ его содержанія, но знаемъ, что на дѣлѣ онъ постоянно обмѣнивался письмами

и извѣстіями со своими московскими единомышленниками, что нѣкоторые изъ нихъ и прїѣзжали къ нему, а одинъ даже жилъ у него около четырехъ недѣль.

Въ этихъ сношеніяхъ своихъ съ московскими товарищами Аввакумъ особенно старался поднять ослабѣвшую въ средѣ ихъ бодрость духа. Дѣйствительно, самъ онъ скоро оправился отъ перваго впечатлѣнія неожиданной ссылки и возвратилъ себѣ всю присущую ему энергію, но на многихъ его единомышленниковъ эта неудача произведенной имъ попытки прямой борьбы съ церковной іерархіей произвела гораздо болѣе подавляющее впечатлѣніе. Благодаря ей, у многихъ изъ нихъ поколебалась и вообще надежда на усѣбный исходъ немедленной борьбы, вслѣдствіе чего ослабѣло и стремленіе къ послѣдней; многіе изъ тѣхъ даже, которые сами дѣятельно вели пропаганду въ интересахъ раскола, готовы были отступить отъ открытаго столкновенія съ никоніанами, опасаясь его невыгодныхъ послѣдствій, и такимъ образомъ среди раскольничьей общины въ Москвѣ взяла опять перевѣсъ партія болѣе умѣренныхъ и осторожныхъ людей, не желавшихъ до поры до времени выступать съ открытыми заявленіями о своемъ существованіи. А между тѣмъ дѣло Аввакума снова обратило вниманіе властей на раскольниковъ и вызвало усиленное преслѣдованіе ихъ. По этому поводу между раскольниками началась распря, раздались въ ихъ средѣ жалобы на Аввакума, что онъ только вредитъ общему дѣлу, дразня еретиковъ; нѣкоторые, наиболее раздраженные, даже говорили и писали самому протопопу, что лучше было бы ему умереть въ Дауріи, чѣмъ прїѣзжать въ Москву. Въ виду такого настроенія товарищей Аввакуму приходилось одновременно и возбуждать въ нихъ большую смѣлость и ревность къ защитѣ своего дѣла, и оправдывать передъ ними свои личныя дѣйствія, и съ этой цѣлью онъ отправилъ въ Москву посланіе, адресовавъ его «игумену Оеоктисту и всей братіи».

«И въ Москву прїѣхалъ прошлаго году не самозванъ, — говорилъ онъ здѣсь по поводу дѣлавшихся ему упрековъ, — но призванъ благочестивымъ царемъ и привезенъ по грамотамъ. Ужь то мнѣ такъ Богъ изволилъ быть у васъ на Москвѣ. Не кручиньтесь на меня, Господа ради, что моего ради прїѣзда страждете». Такъ смѣрною по виду принявъ обви-

ненія, направленныя на его личность, онъ тѣмъ рѣзче за то въ своемъ посланіи выступилъ противъ малодушія, въ нихъ сказавшагося и ихъ вызвавшаго. «Отче, — писалъ онъ, обращаясь къ Оеоктисту, — что ты страшливъ? Оеоктистъ, что ты опечалился? Аще не днешь, умремъ же всяко. Не малодушествуй: понеже наша брань ибѣтъ къ плоти и крови. А что на тебя дивити? Не видишь, глаза у тебя худы. Рече Господь: ходяй во тмѣ, не вѣсть, камо грядеть. Не забреди, брате, съ слѣпыхъ тѣхъ къ Никону въ горкой Сіонъ! Не сдѣлай бѣды, да не погубишь злѣ! Около Воскресенска ровъ великъ и глубокъ выкопанъ, прозnamenуа алъ: блюдися, да не ввалишься и многихъ да не погубиши». Возбуждая такимъ образомъ энергію болѣе умѣренныхъ сотоварищей своихъ и прямыми увѣщаніями, и ободреніями, и угрозами, указавшемъ на то, что они, заходя чрезчуръ далеко по мирному пути, рискуютъ впасть въ никоніанство, протопопъ не забывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и непосредственныхъ практическихъ интересовъ ихъ въ положеніи данной минуты и передавалъ имъ рядъ наставленій съ этой цѣлью, советуя бѣгаты и скрываться отъ никоніанскихъ властей, а самъ въ свою очередь просилъ присылать ему свѣдѣнія о московской жизни. Объ одномъ только человѣкѣ просилъ онъ пріятелей не сообщать ему ничего, именно о Нероповѣ. Какъ далеко ни разошелся Аввакумъ съ этимъ человѣкомъ, передъ которымъ онъ нѣкогда преклонялся, котораго считалъ своимъ вождемъ и наставникомъ, но старая дружба, заставившая старца Григорія вступиться за Аввакума въ минуту его бѣды, не исчезла и изъ сердца бывшаго юрьевецкаго протопопа и чрезчуръ больно было ему слушать брань и хулу на Неронова изъ устъ людей, не стоявшихъ къ послѣднему такъ близко, какъ онъ, въ прежніе, болѣе счастливые годы. «Про все пиши, — показывалъ онъ тому же Оеоктисту — а про старцово житье не пиши, не досаждай мнѣ имъ: не могутъ мои уши слышати о немъ хульныхъ словесъ ни отъ ангела. Ужь то грѣхъ ради моихъ въ сложеніи перстовъ малодушествуетъ. Да исправитъ его Богъ — надѣюся».

Забываясь о московской общинѣ, о поддержаніи въ ней бодрости и о спасеніи отдѣльныхъ членовъ ея изъ рукъ властей, Аввакумъ не упускалъ изъ виду равнымъ образомъ и той мѣстности, въ которой ему теперь пришлось побывать. По прежнему по всѣмъ городамъ и селамъ, черезъ которые его проводили, раздавалась его смѣлая проповѣдь, всюду онъ сурово обличалъ никоніанство и училъ народъ твердо стоять за древнее благочестіе. Полтора года провель онъ такимъ образомъ въ ссылкѣ, всецѣло отдавшись дѣятельности проповѣдника и организатора раскола, «словесныхъ рыбъ промышляя», а тѣмъ временемъ надъ его головой и надъ головами его единомышленниковъ собиралась послѣдняя, роковая гроза.

V.

Соборъ 1666—67 года.

Уже самое начало церковныхъ исправленій при Никонѣ, послужившихъ поводомъ для проявленія раздоровъ въ русской церкви, ознаменовано было двумя приемами, посредствомъ которыхъ хотѣли освятить эти исправленія, придать имъ полный и безусловный авторитетъ православія. Такими приемами были во-первыхъ созывъ соборовъ изъ среды русскаго духовенства для постановленій объ исправленіи книгъ и обрядовъ и наблюденія за нимъ и во-вторыхъ обращеніе за совѣтами и справками по сомнительнымъ вопросамъ къ православнымъ вселенскимъ патріархамъ; оба они практиковались одновременно и параллельно, но ни тотъ, ни другой не предупредили и не обуздали церковныхъ раздоровъ, не помѣшали возникновенію и росту раскола. По мѣрѣ же того, какъ разстройство церковное на Руси все увеличивалось, съ одной стороны благодаря расколу, съ другой—благодаря смутѣ, возникшей въ верховномъ управленіи церковью вслѣдствіе ссоры между царемъ и патріархомъ и послѣдовавшаго затѣмъ отказа Никона отъ патріаршаго сана, отказа, какъ вскорѣ уже оказалось, неполнаго и неискренняго, по мѣрѣ того, какъ отношенія различныхъ партій все болѣе обострялись и вмѣстѣ съ тѣмъ осложнялись и запутывались, все сильнѣе ощущалась и нужда въ новомъ, болѣе дѣйствительномъ средствѣ для устроенія церковныхъ по-

рядковъ и такое средство нашли въ соединеніи обоихъ употреблявшихся до того времени приемовъ, въ созывѣ въ Москву собора, но уже не только русскаго, а и вселенскаго, съ участіемъ если не всѣхъ, то хотя нѣкоторыхъ православныхъ патріарховъ. Мысль объ этомъ, появившаяся первоначально въ формѣ предположенія объ устройствѣ суда патріарховъ надъ Никономъ, вскорѣ приняла болѣе широкіе размѣры, и новому собору задумали передать рѣшеніе обоихъ важныхъ дѣлъ, волновавшихъ русскую церковь, какъ спора между царемъ и патріархомъ, такъ и распри между православными и раскольниками, рассчитывая, что его авторитетъ будетъ достаточенъ для разрѣшенія обоихъ запутавшихся вопросовъ и окончательно укажетъ государственной власти тотъ путь, котораго ей слѣдуетъ въ нихъ держаться. Къ 1666 году была выработана и практическая форма осуществленія этого плана: въ этомъ году именно созывался соборъ русскаго духовенства, который долженъ былъ заняться дѣломъ раскольниковъ и рѣшить его, а къ слѣдующему году на соборъ приглашались патріархи александрійскій и антїохійскій, которымъ предстояло разобрать дѣло Никона и вмѣстѣ произнести свой окончательный приговоръ по поводу раскольничьяго движенія. Этимъ путемъ передъ тѣми изъ ревнителей старины, которые отвергли уже авторитетъ русской высшей духовной іерархіи и отдѣльных патріарховъ, ставился авторитетъ всей современной имъ вселенской православной церкви, грозившій имъ конечнымъ осужденіемъ.

Въ февралѣ 1666 года открылись засѣданія собора и къ этому времени изъ разныхъ мѣстъ привезли въ Москву находившихся въ заточеніи или ссылкѣ раскольниковъ; къ 1 марта привезенъ былъ сюда и Аввакумъ съ двумя сыновьями, Иваномъ и Прокопѣемъ, тогда какъ остальная его семья была оставлена на Мезени. Теперь передъ лицомъ послѣдняго, рѣшительнаго испытанія, долженствовавшаго окончательно опредѣлить судьбу какъ всего движенія, такъ и отдѣльных его представителей, раскольники явно распались на двѣ группы. Одни изъ нихъ, проникнутые лишь сомнѣніемъ относительно реформъ Никона, не предпрѣшали однако безповоротно вопроса

объ ихъ неправовѣрїи и готовы были пойти на убѣжденіе, выслушать и опѣнить, болѣе или менѣе спокойно и безпристрастно. доводы защитниковъ церковной реформы. Къ нимъ примыкали такіе люди, убѣжденія которыхъ въ порчѣ Никономъ древняго благочестія были гораздо прочнѣе обоснованы въ ихъ теоретическомъ сознаніи, но которые отступали передъ полнымъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ ихъ на практикѣ изъ чувства страха, вытекало ли это послѣднее изъ смутно чувствовавшагося еще уваженія къ авторитету вселенскихъ патріарховъ, долженствовавшихъ присоединиться къ дѣлу церковнаго исправленія, или сводилось оно на боязнь передъ мѣрами свѣтской власти, открыто и рѣшительно ставшей уже на сторону этого исправленія. Соотвѣтственно такой постановкѣ вопроса люди этой группы, отрeksiиися было отъ слѣдованія за русской церковной іерархіей, и вели себя передъ соборомъ: они или искали убѣжденія, или по крайней мѣрѣ поддавались ему. Такъ, епископъ вятскій Александръ, раньше возстававшій противъ реформъ Никона, обратился къ членамъ собора за разъясненіемъ безпокоившихъ его сомнѣній и, получивъ доказательства правовѣрности измѣненій, произведенныхъ въ обрядахъ и книгахъ церковныхъ, убѣдился ими и «сталъ поборать не по мятежницѣхъ, но по истинѣ». Такъ «предста волею» предъ соборъ іеромонахъ Сергій, числившійся до того въ рядахъ раскольниковъ, и подавъ покаянное писаніе, свидѣтельствуя о переѣмѣ своего взгляда на исправленныя книги; «нынѣ увѣрихся,—говорилъ онъ здѣсь,—добрымъ увѣреніемъ отъ древнихъ рукописныхъ славянскихъ святыхъ книгъ, паче же греческихъ». Равнымъ образомъ и нѣкоторые другіе изъ числа раскольниковъ передъ лицомъ собора отступились отъ своихъ убѣжденій, иные искренно, иные лишь по наружности, на дѣлѣ продолжая оставаться при прежнихъ взглядахъ. Но рядомъ съ этими поколебавшимися людьми стояли и другіе, твердо рѣшившіеся вести свое дѣло до конца, слишкомъ фанатически преданные ему, чтобы можно было думать о воздѣйствіи на нихъ путемъ какого бы то ни было убѣжденія, и слишкомъ твердые духомъ, чтобы отступить передъ грозившей имъ опасностью. По-

слѣдовательно проводя основной принципъ своей дѣятельности, заключавшійся въ сохраненіи русскаго правовѣрїя, которое противопологалось всякому другому, эти люди не отступали передъ непризнаніемъ авторитета вселенскихъ патріарховъ, въ ихъ глазахъ имѣвшаго крайне сомнительную цѣнность. При этомъ, будучи вполне увѣрены въ правотѣ своихъ идей, они не видѣли возможности никакого средняго пути между полной побѣдой ихъ и рѣшительнымъ пораженіемъ и, не надѣясь уже въ данное время на первую, заранѣе готовились къ мученичеству. На этой группѣ сосредоточивался весь жгучій интересъ настоящей минуты, на нее обращена была вся ненависть враговъ раскола и всѣ симпатіи его явныхъ и тайныхъ сторонниковъ. Среди же самой этой группы наиболѣе виднымъ лицомъ являлся Аввакумъ, уже раньше занявшій положеніе ея главнаго вожда.

По привозѣ Аввакума въ Москву церковныя власти сдѣлали было попытку склонить и его путемъ увѣщаній къ примиренію съ церковью, но она не имѣла никакихъ результатовъ, и вслѣдъ затѣмъ протопопъ былъ отвезенъ въ Пафнугевъ монастырь, вереть за девяносто отъ столицы, и отданъ тамъ подъ начало. Время отъ времени изъ Москвы прїѣзжали сюда по порученію собора духовныя лица уговаривать Аввакума смириться и принести покаяніе въ своихъ заблужденіяхъ. Среди самихъ этихъ увѣщателей однако находились повременамъ люди, втайнѣ раздѣлявшіе его взгляды и видѣвшіе въ немъ героя и мученика за истину, подражать которому они сами отказывались лишь за отсутствіемъ необходимыхъ для этого нравственныхъ силъ. Присланный отъ собора къ Аввакуму ярославскій дьяконъ Козма передъ людьми уговаривалъ его покориться, а наединѣ увѣщевалъ, напротивъ, мужественно стоять за свои убѣжденія.

— Протопопъ!—говорилъ онъ въ этихъ тайныхъ бесѣдахъ,—не отступай ты отъ стараго того благочестія! великъ ты будешь у Христа человекъ, какъ до конца претерпишь! не гляди на насъ, что погибаетъ мы!

Аввакумъ впрочемъ и не нуждался въ этихъ сочувствен-

ныхъ совѣтахъ и наставленіяхъ, чтобы остаться вѣрными своимъ взглядамъ. Всѣ уговоры присоединиться къ «никоніанамъ» не производили на него никакого дѣйствія, на всѣ доказательства несправедливости его мнѣнія относительно порчи церковныхъ книгъ и обрядовъ онъ отвѣчалъ упорными возраженіями и бранью, и такимъ образомъ десять недѣль прошло въ безуспѣшныхъ попыткахъ смирить непокорнаго протопопа путемъ словесныхъ увѣщаній и монастырскаго начала, пока наконецъ власти не отчаялись окончательно въ возможности прийти къ какому нибудь соглашенію съ нимъ. Его привезли обратно въ Москву и 13 мая поставили на судъ собора, зашедшаго въ патриаршей крестовой палатѣ. Но и предъ лицомъ всего собора онъ, говоря словами официального акта, «покаянія и повинovenія не принесъ, а во всемъ упорствовалъ, еше же и освященный соборъ укорялъ и неправославными называлъ». Тогда соборъ постановилъ лишить его сана, и это рѣшеніе было исполнено въ тотъ же день: въ соборной церкви Аввакумъ, вмѣстѣ съ дьякономъ Ѳеодоромъ, былъ разстриженъ и преданъ проклятію, какъ еретикъ. И теперь еще онъ нашелъ себѣ защитниковъ, даже въ самой царской семьѣ: царица Марья Ильинишна пыталась отстоять его отъ предстоявшаго униженія и по этому поводу у нея было даже «великое нестроеніе» съ Алексѣемъ Михайловичемъ, но послѣдній не находилъ уже возможнымъ вступаться далѣе за протопопа, разъ онъ не подчинился соборному авторитету, и разстриженіе Аввакума состоялось. Окончательное рѣшеніе судьбы его, равно какъ и другихъ вождей раскола, было однако отложено до пріѣзда патриарховъ, а пока восстановили опять заключить его въ монастырь. На этотъ разъ мѣстомъ такого заключенія избранъ былъ Угрѣшскій монастырь св. Николая, куда уже 15 мая отправили Аввакума подъ конвоемъ стрѣльцовъ. При этомъ, опасаясь проявленій симпатій со стороны народа къ разстриженному протопопу, его везли ночью и не прямой дорогой, а въ объѣздъ — «болотами да грязью».

Опасенія эти не лишены были нѣкотораго основанія. Не говоря уже о томъ, что и въ самой Москвѣ, и въ ея окрестностяхъ

въ это время много было раскольниковъ, явныхъ и тайныхъ, видѣвшихъ въ Аввакумѣ своего главнаго вожда и представителя, могучая фигура стойкаго протопопа привлекала къ себѣ вниманіе, а порою и сочувствіе даже лицъ, не раздѣлявшихъ тѣхъ взглядовъ, за которые онъ выносилъ страданія. И среди начавшейся уже борьбы далеко не всѣмъ въ обществѣ были ясны не только конечные ея результаты, но и рѣзкое, глубокое различіе борющихся партій, тѣмъ болѣе, что вся борьба происходила пока исключительно на церковной почвѣ и этимъ до нѣкоторой степени скрадывалось ея значеніе. Въ виду этого обстоятельства и люди, вполне искренно и сознательно перешедшіе на сторону никоновскихъ реформъ, могли однако находить у себя много общихъ точекъ соприкосновенія съ заклятымъ врагомъ Никона, Аввакумомъ, и видѣть въ послѣднемъ многія родственныя себѣ черты. Съ другой стороны многіе изъ тѣхъ, которые ступили на путь реформъ, толкаемые силою внѣшнихъ условий, далеко не оглядѣлись еще въ новомъ своемъ положеніи и не разорвали всецѣло съ прежнимъ міросозерцаніемъ, не отказались отъ многихъ, входившихъ въ его составъ взглядовъ, яркимъ представителемъ которыхъ являлся Аввакумъ. При такой неустойчивости и неопредѣленности общественного настроенія, при томъ условіи, что рѣзкое раздѣленіе на партіи только еще начинало пріобрѣтать себѣ общее признаніе, популярность протопопа, покоившаяся какъ на его нравственныхъ качествахъ и строгой жизни, такъ и на мужественномъ перенесеніи гоненій, распространялась на обѣ партіи и ея не уничтожилъ и не замкнулъ въ болѣе опредѣленныя границы даже послѣдній, рѣшительный шагъ церковной іерархіи по отношенію къ нему. Если раскольники смотрѣли на Аввакума, какъ на защитника правой вѣры, то противники ихъ видѣли въ немъ строгаго подвижника и ревнителя благочестія, и только уже за этими чертами, на второмъ планѣ открывали въ немъ присутствіе еретика, причемъ самое это еретичество не представлялось имъ настолько серьезнымъ, чтобы оно не могло уступить мѣста инымъ, болѣе правильнымъ взглядамъ.

Благодаря такой широкой популярности протопопа, не

успѣлъ совершиться привозъ его въ Угрѣшскій монастырь, какъ слѣдомъ за нимъ направились туда многочисленныя посѣтители. Самъ царь пріѣзжалъ въ обитель, но не рѣшился зайти къ Аввакуму, а только «около темницы походилъ и, постовавъ, опять пошелъ изъ монастыря». Посѣтили послѣдній и нѣкоторые бояре, но ихъ не допускали къ заключенному узнику. Постепенно однако строгость надзора за нимъ начала ослабѣвать, и если непосредственный доступъ въ его темницу по прежнему оставался закрытымъ для посѣтителей, то проникшіе въ монастырь богомольцы получили возможность по крайней мѣрѣ издали видѣть Аввакума и даже бесѣдовать съ нимъ черезъ окно тюрьмы. Этимъ воспользовались между прочимъ родственники протопопа, оставшіеся въ Москвѣ, чтобы завести съ нимъ сношенія. Два сына его, Иванъ и Прокопій, вмѣстѣ съ нимъ привезенные съ Мезени, захвативъ съ собою своего двоюроднаго брата, Макара, подъ видомъ обыкновенныхъ богомольцевъ пришли 7 іюля въ Угрѣшскій монастырь и раннимъ утромъ, когда большинство остальнаго населенія обители еще спало, успѣли побесѣдовать съ отцомъ. Не замедлили вскорѣ сказаться и плоды установившихся такимъ образомъ сношеній съ Аввакумомъ: со словъ послѣдняго стали циркулировать слухи, будто ему въ тюрьмѣ явился самъ Христосъ съ Богородицей и увѣщевалъ не бояться гоненій за правое дѣло. Когда эти слухи, постепенно распространяясь, дошли до московскихъ властей, они вызвали среди нихъ немалый переполохъ и смущеніе. Сыновья Аввакума немедленно были арестованы и, послѣ того, какъ на допросѣ подтвердился фактъ посѣщенія ими Угрѣшскаго монастыря и бесѣды съ отцомъ, были отосланы 10 августа въ Покровскій монастырь съ приказаніемъ «держати ихъ въ монастырскихъ трудахъ подъ надзоромъ». Легче отдѣлался двоюродный братъ ихъ, оставленный на свободѣ, благодаря тому обстоятельству, что нѣсколько москвичей дали по отцу его, Кузьмѣ, и по немъ самую поручную записку. Впрочемъ и сыновья Аввакума не долго оставались въ заключеніи, такъ какъ фактъ распространенія именно отъ нихъ слуховъ о видѣніи протопопа не былъ установленъ

слѣдствіемъ, а все остальное даже въ глазахъ подозрительно настроеннаго по отношенію къ нимъ московскаго правительства не могло составить особаго преступленія. Уже въ томъ же году они просили объ освобожденіи «для всемірныя радости рожденія государя благовѣрнаго царевича Ивана Алексѣевича» и 4 сентября дѣйствительно были выпущены на свободу съ порукою, «что имъ соборныя апостольскія церкви раскольникомъ не быть и ложныхъ сновъ отца своего Аввакума никому не рассказывать», являясь по первому требованію въ патриаршія приказъ и никуда изъ Москвы не уѣзжать.

Это слѣдствіе не прошло безслѣдно и для самого Аввакума, вызвавъ новую переменъ въ его судьбѣ. Изъ Угрѣшскаго монастыря власти рѣшили перевести его въ болѣе отдаленное мѣсто, сдѣлавъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе тяжелымъ и самое его заключеніе, что должно было пресѣчь ему возможность сообщенія съ послѣдователями и поклонниками и пропаганды своихъ ученій. Съ этой цѣлью онъ уже 3 сентября отправленъ былъ изъ Угрѣши въ Пафнутаевъ Боровской монастырь, а игумену послѣдняго послана была инструкція относительно содержанія его, заключающая въ себѣ слѣдующія приказанія: «вы бѣ его. Аввакума, приняли и велѣли посадить въ тюрьму и приказали его беречь накрѣпко съ великимъ опасеніемъ, чтобы онъ съ тюрьмы не ушелъ и дурна никакова бѣ надъ собою не учинилъ, и чернилъ и бумаги ему не давать, и никого къ нему пускать не велѣть». Первое время послѣ перевоза Аввакума въ Пафнутаевъ монастырь инструкція эта дѣйствительно исполнялась во всей своей строгости, и монастырскія власти въ своемъ рвеніи доходили до того, что, заключивъ скованнаго Аввакума въ темную тюрьму, не позволяли ему даже въ первый день Пасхи выйти посидѣть на порогъ своей кельи. Такого рвенія хватило однако лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Среди монаховъ Пафнутаевскаго монастыря, какъ и во многихъ кругахъ тогдашняго общества, не было твердой увѣренности въ неправотѣ Аввакума. Такую увѣренность сообщали имъ лишь приказанія высшихъ церковныхъ властей, но она, не будучи основана на прочномъ внутреннемъ убѣжденіи, не могла успѣшно выдержать столк-

новенія съ убѣжденной проповѣдью и стойкимъ мужествомъ протопопа. Послѣдній въ сознаніи монаховъ постепенно обращался изъ послушника царской воли и еретика въ мученика, терпящаго за правду, и по мѣрѣ того, какъ дѣлало усилѣніи такое представленіе, должно было наростать сочувствіе къ Аввакуму и раскаяніе въ производившихся ему притѣсненіяхъ, тѣмъ болѣе жгучее, что съ нимъ, по понятіямъ вѣка, почти неизбѣжно соединялось ожиданіе наказанія за мученіе праведника. Разъ назрѣвши, это настроеніе не замедлило проявиться и наружу, окруженное тѣмъ ореоломъ чудснаго, который сопровождалъ въ то время самыя обыденныя событія человѣческой жизни и тѣмъ болѣе охотно соединялся со всякаго рода нравственными переворотами. Случилось одному изъ наиболѣе усердныхъ притѣснителей Аввакума въ первое время, келарю Никодиму, заболѣть и вслѣдъ затѣмъ ночью ему приснилось, будто Аввакумъ исцѣлилъ его. Проснувшись и почувствовавъ себя дѣйствительно лучше, онъ немедленно отправился въ темницу Аввакума, повѣдалъ ему свое видѣніе и, принося покаяніе въ прошедшемъ, объявилъ, что онъ позналъ истину Аввакумова ученія, и просилъ совѣта, жить-ли ему по прежнему въ монастырѣ, или покинуть послѣдній и уйти въ пустыню. Аввакумъ не велѣлъ ему оставлять монастыря подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, хотя втайнѣ, «держалъ старое преданіе отеческое», и вмѣстѣ запретилъ рассказывать про бывшее ему видѣніе. Послѣдняго приказанія Никодимъ однако не соблюлъ и рассказъ его послужилъ поводомъ къ обнаруженію создавшагося уже среди монаховъ настроенія. Съ этихъ поръ характеръ содержанія Аввакума существенно измѣнился: не только онъ не подвергался уже притѣсненіямъ со стороны монаховъ, но и доступъ къ нему сдѣлался свободнымъ. Изъ окрестностей сходились люди къ протопопу за наставленіемъ и поученіемъ; бывшіе ученики его также не разъ приходили и пріѣзжали въ монастырь, ища указанія и совѣтовъ у своего учителя въ тяжелую годовую борьбу. Такъ, въ числѣ другихъ пришелъ къ нему юродивый Федоръ, бѣжавшій изъ Рязани, куда онъ былъ отданъ подъ начало архіепископу Иллариону, и просилъ совѣта: от-

даться-ли ему опять въ руки никоніантъ или скрываться и прекратить свой подвигъ юродства, который могъ бы обратить на него вниманіе. Аввакумъ присовѣтовалъ ему послѣднее.

Недолго уже однако пришлось заточенному протопопу пользоваться и этой сравнительной свободой. Восточные патріархи пріѣхали уже въ Москву, и близокъ былъ тотъ день, когда онъ долженъ былъ стать на ихъ судъ вмѣстѣ съ другими расколниками, подобно ему отказавшимися подчиниться русской церковной іерархіи. 30 апрѣля 1667 года его дѣйствительно вывезли изъ Пафнутьева монастыря въ Москву. Но цѣлые полтора мѣсяца прошли съ момента привоза его въ столицу до времени появленія передъ соборомъ и за этотъ промежутокъ времени духовныя власти истощили послѣднія усилія въ попыткахъ склонить его къ признанію церковныхъ реформъ. Всѣ эти попытки остались однако и теперь безплодными, встрѣтивъ рѣзкій отпоръ со стороны Аввакума, и въ результатѣ ихъ выяснилась только полная невозможность соглашенія между двумя спорящими сторонами, изъ которыхъ каждая отправлялась въ спорѣ отъ совершенно особыхъ—и притомъ прямо противоположныхъ между собою—точекъ зрѣнія, въ свою очередь стоявшихъ въ зависимости отъ всего склада ихъ міросозерцанія. Съ особенною рельефностью выступило наружу это коренное, принципиальное различіе сторонъ на соборѣ, когда духовенство, отказавшись отъ безплодныхъ попытокъ смирить Аввакума путемъ своихъ увѣщаній, рѣшилось поставить его предъ вселенскихъ патріарховъ. 17 іюня приведенъ былъ онъ на засѣданіе собора и патріархи долго, но тщетно, пытались убѣдить его въ правотѣ никоновскихъ измѣненій.

«Наконецъ—продолжаемъ рассказъ словами незамѣнимаго въ этомъ случаѣ рассказчика, самого Аввакума,—послѣднее слово ко мнѣ рекли: «что-де ты упрямя? вся-де наша Палестина и Серби, и Албанасы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, - все-де трема персты крестятся, одинь-де ты стоишь въ своемъ упорствѣ и крестишься пятію персты!—такъ не подобаетъ!» И я имъ о Христѣ отвѣщалахъ сице: Вселенстїи учителю! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонию, и Ляхи съ нимъ же погбли, до конца враги быша хрстіаномъ. А и у васъ православіе пестро стало

отъ насилія турскаго Махмета, — да и дивить на васъ нельзя: немощи есте стали. И впродъ приѣзжайте къ намъ учтица: у насъ, Божію благодатию, самодержавство. До Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и неворочно, и церковь нематужна»

Ярко и полно сказалась въ этомъ отвѣтѣ точка зрѣнія Аввакума, общая у него съ значительною частью тогдашняго русскаго общества и выработывавшая воззрѣніе, въ силу котораго Москва ставилась единственнымъ образцомъ правильнаго церковнаго и гражданскаго устройства. Не ей, успѣвшей сохранить у себя и православіе, и внѣшнюю независимость, предстояло у кого-нибудь учиться; къ ней должны были обращаться за поученіемъ народы, и въ томъ числѣ прежде всего тѣ, которые еще называли себя православными. При такой постановкѣ вопроса и самый споръ объ обрядахъ, независимо даже отъ той степени важности, какая непосредственно связывалась съ этими послѣдними въ сознаніи современниковъ, приобрѣталъ громадное значеніе. Признаніе неправильности какого-либо изъ обрядовъ, укоренившихся въ русской церкви, влекло за собою и отрицаніе всѣхъ тѣхъ ея преимуществъ, на которыхъ настаивали Аввакумъ и его единомышленники. Поэтому-то уже одно сомнѣніе въ правильности этихъ обрядовъ становилось въ ихъ глазахъ тяжелымъ грѣхомъ, а въ указаніи на невѣжество русскихъ іерарховъ и духовенства, допустившихъ такія погрѣшности, они видѣли оскорбленіе, наносимое всей церкви, и начало ереси. Обрядовый споръ, утративъ свое первоначальное самостоятельное значеніе, обратился въ почву для столкновенія двухъ рѣзко противоположныхъ направленій и самая противоположность эта дѣлала крайне труднымъ, если не невозможнымъ, всякій компромиссъ, всякое соглашеніе между ними. Объ уступкахъ, о добровольномъ подчиненіи со стороны раскольниковъ не могло быть и рѣчи: если такія уступки возможны еще были до нѣкоторой степени при первыхъ дѣятеляхъ раскола, когда личные интересы и мелкіе вопросы церковной практики въ значительной степени заслоняли еще собою главныя различія сторонъ, то теперь, когда создавшаяся и укоренившаяся въ годы первыхъ гоненій край-

няя фракція раскола съ Аввакумомъ во главѣ выдвинула на первый планъ именно принципиальную сторону вопроса и тѣмъ подчеркнула основное противорѣчіе въ воззрѣніяхъ партій, никакихъ уступокъ съ ея стороны не могло быть болѣе сдѣлано. Съ безпощадной послѣдовательностью развивая до послѣднихъ крайностей положенія, общія у нихъ съ первыми вождями движенія, члены этой фракціи и въ теоріи, и на практикѣ рѣшительно отвергали всякій авторитетъ, посторонній русской старинѣ, и самый судъ вселенскихъ патріарховъ, такъ сильно смущавшій ихъ предшественниковъ, у нихъ вызывалъ только ироническое отношеніе къ себѣ. Аввакумъ, уставъ стоять передъ увѣщавшимъ его соборомъ, отошелъ къ дверямъ и легъ на полъ со словами: «посидите вы, а я полежу». Русскіе духовные стали смѣяться и корить его: «дуракъ протопопъ! и патріарховъ не почитаетъ!» Эти насмѣшки не произвели однако, на него никакого впечатлѣнія и вызвали съ его стороны только отвѣтъ, смиренный по внѣшности, но проникнутый въ сущности глубокой самоувѣренностью и ироніей. «Мы уроды Христа ради, — говорилъ протопопъ, — вы славны, мы же безчестны! вы сильны, мы же немощны!» Объ эту броню крѣпкой увѣренности разбивались всѣ увѣщанія и убѣжденія, и Аввакумъ безъ всякаго результата былъ отпущенъ съ собора и отданъ опять подъ стражу. Точно также непоколебимыми въ своихъ убѣжденіяхъ остались и его единомышленники, вмѣстѣ съ нимъ призванные на судъ собора: протопопъ Никифоръ, священникъ Лазарь, дьяконъ Оедоръ и чернецъ Епифаній.

Еще нѣсколько времени держали ихъ подъ стражей то въ Москвѣ, то въ ея окрестностяхъ, то въ Угрѣшскомъ монастырѣ, продолжая въ то же время убѣждать смириться и признать власть патріарховъ и собора. Наконецъ, 5-го августа въ мѣста заключенія Аввакума, Лазаря и Епифанія явились посланные отъ царя и собора, архимандриты — владимірскій Филаретъ, хутынской Іосифъ и ярославскій Сергій, для снятія окончательнаго допроса съ узниковъ. Послѣднимъ предложены были три вопроса, отвѣтъ на которые долженъ

былъ окончательно опредѣлить ихъ отношеніе къ церкви и представлявшей ее духовной и свѣтской іерархіи. Вопросы эти заключались въ слѣдующемъ: православна ли русская церковь, православенъ ли государь Алексѣй Михайловичъ и православны ли вселенскіе патріархи? Въ отвѣтъ на нихъ протопопъ Аввакумъ сказалъ:

«Церковь православна, а догматы церковные отъ Никона еретика, бывшаго патріарха, искажены новонаданными книгами, — первымъ книгамъ, бывшимъ при пяти бывшихъ патріархахъ, во всемъ противны, въ вечерни и въ заутрени, и въ литургии, и во всей божественной службѣ не согласуютъ. А государь нашъ царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ православенъ, но токмо простою своею душою принялъ отъ Никона, мнимаго пастыря, внутреннего волка, книги, чая ихъ православны, не разсмотря плевель еретическихъ въ книгахъ виѣшнихъ ради брадей, понялъ тому вѣры, и впродъ чаю по писанному: праведникъ аще надетъ, не разбѣется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его. А про патріарховъ слышалъ я отъ братьевъ духовныхъ, что у нихъ въ три погруженія не крестятся, но обливаются по римски, и крестовъ на себѣ не носятъ, и въ сложеніи персть знаменующа, слагая три персты, и Христово вочеловѣченіе отъщущу, и сіе есть все не православно, но противно святой соборной и апостольской церкви.

Приблизительно такіе же по содержанию своему отвѣты дали на допросѣ и сотоварищи Аввакума по заключенію. Получивъ ихъ, патріархи и соборъ подтвердили проклятіе, возложенное на раскольниковъ въ предшествовавшемъ году, съ оговоркой, что «та клятва и проклятіе возводится нынѣ точію на Аввакума, бывшаго протопопа, и на Лазаря попа, и Никифора, и Елифанца чернца Соловецкаго, и на Федора діакона, и на прочихъ ихъ единомысленниковъ и единомудренниковъ и совѣтниковъ ихъ, дондеже пребудутъ во упрямствѣ и непокореніи». Послѣ того, какъ ученіе ихъ подверглось такому образомъ безповоротному осужденію, оставалось рѣшить личную судьбу его проповѣдниковъ, и это рѣшеніе должно было въ равной мѣрѣ зависѣть какъ отъ духовной, такъ и отъ свѣтской власти, равно въ данномъ вопросѣ враждебныхъ раскольникамъ.

Мы видѣли однако, что Аввакумъ въ своемъ отвѣтѣ на вопросы, предложенные ему отъ имени царя и собора, неоди-

наково повелъ себя по отношенію къ этимъ представителямъ духовной и свѣтской іерархіи. Самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждая Никона и всю послѣдовавшую за нимъ русскую іерархію, съ нѣкоторой — весьма слабой, впрочемъ, — условностью распространяя это осужденіе и на восточныхъ патріарховъ и ихъ церкви, онъ только по отношенію къ Алексѣю Михайловичу измѣняетъ свой рѣшительный тонъ. Грѣхъ царя, по его мнѣнію, невольный и бессознательный и подлежитъ еще полному исправленію и забвенію: «праведникъ, аще и надетъ, не разбѣется». Такая исключительная мягкость могла бы даже подать поводъ заподозрить Аввакума въ искаствѣ у царя, въ нѣкоторой слабости и нерѣшительности, еслибы не находилось для нея другого объясненія. Это объясненіе однако на лицо, заключааясь въ поведеніи самого царя, тѣмъ болѣе любопытномъ, что въ немъ отразились не только личные черты характера Алексѣя Михайловича, но и настроеніе извѣстной части общества того времени, поставленнаго между двумя различными путями.

Алексѣй Михайловичъ упорно и настойчиво старался о примиреніи Аввакума съ церковью, и съ этою цѣлью постоянно засылалъ къ нему разныхъ лицъ для уговоровъ. Но и послѣ того, какъ надежда на такое примиреніе становилась все болѣе призрачной, онъ не измѣнилъ своихъ личныхъ отношеній къ бывшему протопопу, и царскіе посланцы постоянно просили у послѣдняго благословенія царю и молитвъ за него. Даже тогда, когда судьба Аввакума представлялась уже почти окончательно рѣшенной, царь еще прислалъ къ нему сказать: «гдѣ ты ни будешь, не забывай насъ въ молитвахъ своихъ». Такое отношеніе и обнадеживало въ значительной степени Аввакума, порождая въ немъ мысль, что царь отъ сочувствія къ его личности можетъ перейти къ сочувствію его ученію, и эти ожиданія вызывали въ немъ болѣе мягкое, терпимое отношеніе къ царю, чѣмъ къ кому бы то ни было другому изъ лагеря никоніанъ. Въ нихъ, въ ожиданіяхъ этихъ, немало, однако въ свою очередь заключалось произвольнаго и субъективнаго, обращавшаго ихъ въ неисполнимыя

мечты. Алексѣй Михайловичъ любилъ Аввакума, какъ чело-
вѣка, стоявшаго съ нимъ нѣкогда въ близкихъ отношеніяхъ,
читилъ въ немъ строгаго ревнителя и подвижника благочестія,
относился съ большимъ уваженіемъ къ его нравственной стои-
кости, но не раздѣлялъ его мнѣній по поводу церковныхъ
обрядовъ и былъ твердо убѣжденъ въ ихъ несправедливости.
Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не видѣлъ однако въ этихъ мнѣніяхъ
той важности, которую имъ приписывали Аввакумъ и его то-
варищи: для царя, соединившаго въ своей личной жизни ста-
рое московское міровоззрѣніе со многими подробностями ино-
земной культурной обстановки, до нѣкоторой степени противъ
воли втянутого въ борьбу церковныхъ партій, непонятнымъ
оставалось фанатическое упорство бывшаго юрвецакаго прото-
попа, и онъ до послѣдней минуты продолжалъ питать надежду
на то, что какъ-нибудь удастся склонить Аввакума къ уступ-
камъ и покончить миромъ возникшій въ церкви разладъ,—на-
дежду, которую раздѣляли съ нимъ многіе люди, еще сохраняв-
шіе болѣе примирительное настроеніе, видѣвшіе исходъ въ
компромиссѣ между двумя рѣзко обозначившимися направле-
ніями. И послѣ того, какъ соборъ произнесъ уже свое вторич-
ное осужденіе надъ Аввакумомъ, Алексѣй Михайловичъ посы-
лалъ еще къ послѣднему разныхъ лицъ съ тѣмъ, чтобы они
увѣщаніями и угрозами склонили его покориться патріархамъ.
Съ такими порученіями отправлены были къ нему между про-
чимъ Артамонъ Матвѣевъ и Симеонъ Полоцкій, но они, какъ
и всѣ другіе, не имѣли никакого успѣха. Увѣщанія перехо-
дили въ ожесточенный споръ; съ Полоцкимъ у Аввакума, го-
воря его словами, «зѣло было стязаніе много: разошлись яко
нѣяни, не могъ и побѣть послѣ крику». Споры эти остава-
лись однако совершенно безплодными, такъ какъ самая
почва, на которой стояли противники, была у нихъ совер-
шенно различна. «Острота, острота тѣлеснаго ума!» говорилъ
Полоцкій Аввакуму, «да лихо упрямяство; а се не умѣть на-
уки!» Но именно эту-то науку, въ незнаніи которой кievскій
монахъ упрекалъ юрвецакаго протопопа, послѣдній и отри-
цалъ. Еще менѣе дѣйствовали на него, видѣвшаго мучениче-

скій подвигъ въ своей настойчивости, угрозы, какія употре-
блялъ Матвѣевъ. «Не грози мнѣ смертію», возражалъ онъ по-
слѣднему, «не боюсь тѣлесныя смерти, но развѣ грѣховныя». Не поддавался равнымъ образомъ Аввакумъ, наученный опы-
томъ, и на лъстивыя обѣщанія, на ласку. «Ты ищешь,—гово-
рилъ онъ тому же Матвѣеву,—въ словопреніи высокія науки,
а я прошу у Христа моего поклонами и слезами: и мнѣ кое
общеніе, яко свѣту со тьмою или Христу съ Велиаромъ?» И
смутившійся Матвѣевъ не нашелся ничего отвѣтить на это,
кромѣ того, что «намъ съ тобою не сообщно».

И дѣйствительно, именно «общенія», общей почвы, на ко-
торой возможно было бы соглашеніе между разошедшимися
людьми, не оказывалось, и по мѣрѣ того, какъ сознаніе этого
факта, благодаря рѣзкой постановкѣ вопроса со стороны рас-
кольниковъ, становилось все ярче, люди компромисса, созна-
тельно или бессознательно примирявшіе два крайнія направ-
ленія и желавшіе затупить разгорѣвшуюся борьбу, отступали
на задній планъ, въ свою очередь и съ другой стороны очи-
щая мѣсто представителямъ крайней партіи. Самъ царь, такъ
долго колебавшійся, долженъ былъ теперь прижнуть къ этой
послѣдней и руководиться ея совѣтами въ дѣлѣ раскольни-
ковъ. Сущность же этихъ совѣтовъ легко было предвидѣть.
Если для противниковъ раскола обряды, изъ-за которыхъ
шелъ споръ, и не имѣли того принципиальнаго значенія, какое
связывали съ ними его защитники, то, во всякомъ случаѣ, въ
представленіи тогдашняго русскаго общества—да и не только
его одного—обрядовая сторона сохраняла чрезвычайную важ-
ность, при которой отступленіе отъ правильнаго совершенія
обряда равнялось ереси, отношеніе же къ еретикамъ опредѣ-
лялось какъ предшествовавшей практикой церкви, такъ—и
еще въ гораздо болѣеи степени—господствовавшими въ со-
временномъ обществѣ взглядами и правами. Соборъ дѣйстви-
тельно и провозгласилъ раскольниковъ еретиками и, не огра-
ничиваясь возложеннымъ уже на нихъ проклятіемъ, объявилъ,
что «подобаетъ ихъ наказывать и градскими казнями». Эти
казни не заставили себя ожидать: Лазарю и Епифанію были

вырѣзаны языки, Аввакума царица отпросила отъ этой казни, но онъ, вмѣстѣ съ изувѣченными товарищами своими и дьякономъ Федоромъ, былъ сосланъ въ Пустозерскъ.

Съ этой минуты расколь ставится официально признаннымъ фактомъ въ жизни русскаго народа. Послѣдній въ церковномъ отношеніи окончательно распался на два враждебныхъ лагеря, изъ которыхъ одинъ занялъ положеніе преслѣдуемаго, другой—преслѣдующаго, и сообразно этому и намъ въ дальнѣйшемъ изложеніи придется имѣть дѣло уже не съ подготовкой и происхожденіемъ факта такого раздвоенія, а съ его послѣдствіями.

VI.

Жизнь въ Пустозерскѣ. Литературная дѣятельность Аввакума. Казнь его.

Въ послѣднихъ числахъ августа 1667 года Аввакумъ и его товарищи были вывезены изъ Москвы и отправлены въ Пустозерскъ. Примѣняя къ осужденнымъ вождямъ раскола эту мѣру, какъ наказаніе за ихъ неповиновеніе іерархіи, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ разсчитывало посредствомъ ея ослабить все движеніе, лишивъ участниковъ его непосредственной связи и возможности сношеній съ главными его представителями, заключенными въ далекій сибирскій городокъ. На дѣлѣ однако эти послѣдніе расчеты не оправдались. Какъ ни велико было разстояніе, отдѣлявшее Москву отъ Пустозерска, какъ ни строго стерегли въ послѣднемъ присланныхъ сюда узниковъ, ссылка не подрывала ихъ вліянія и не отняла у нихъ возможности вступать въ сношенія съ оставшимися въ Москвѣ и въ другихъ городахъ учениками и послѣдователями и поддерживать ихъ духъ по крайней мѣрѣ письменными наставленіями и увѣщаніями. Дѣйствительно, такія сношенія завязались уже вскорѣ по прибытіи ссыльныхъ въ Пустозерскъ, и эти люди, заключенные теперь въ дальнемъ углу Московскаго государства, на первыхъ же порахъ явились не менѣе дѣятельными защитниками и пропагандистами раскола, чѣмъ и раньше, когда они находились въ центрѣ страны. Только теперь дѣятельность ихъ на этой почвѣ въ силу обстоятельствъ неизбежно

выражалась почти исключительно въ литературныхъ произведенияхъ: дьяконъ Ѳеодоръ сообщая съ Аввакумомъ для поученія лицъ, примкнувшихъ къ расколу, составилъ обличеніе никоніанства, Лазарь написалъ два посланія, одно къ царю, другое къ патріарху, наконецъ Аввакумъ тоже изготавилъ два посланія, оба адресованныя къ Алексѣю Михайловичу, — и все это невѣдомыя руки таинственными путями перевезли въ Москву и доставили по назначенію. Одно, по всей вѣроятности второе изъ этихъ посланій Аввакума, написанное въ 1669 году, дошло до насъ и представляетъ немалый интересъ какъ по непосредственному своему содержанію, такъ и по имѣющимся въ немъ указаніямъ на характеръ жизни протопопа въ Пустозерскѣ.

По выраженію Аввакума, онъ въ этомъ посланіи «послѣднее плачевное моленіе приписать царю изъ темницы, яко изъ гроба», прося его «обратиться въ прежнее свое благочестіе». Напрасно, по его словамъ, обвиняли его и его товарищей въ еретичествѣ. «Что есть ересь наша, — спрашиваешь онъ, — или кій расколъ внесохомъ мы въ церковь, якоже блядословятъ о насъ никонианы...? Не вѣмы ни слѣду въ себѣ ересей коихъ, ниже раскольства». Доказывая свою правоту въ смыслѣ сохранения правотвѣрія, осуждая «богоотметника» Никона и греческую церковь, въ которой «изяче благочестіе по пророчеству святыхъ», Аввакумъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно отказывается имѣть дальѣе дѣло съ церковной іерархіей, даже не винить ее особенно, а всю отвѣтственность за осужденіе раскольниковъ и гоненіе на нихъ переносить всецѣло на личность царя. «Ты, самодержче, — говоритъ онъ, — судъ подымеши о сихъ всѣхъ, иже таково дерзновеіе имъ (т. е. никонианамъ) подавши на ны». «Нѣсть бо уже намъ къ нимъ ни едино слово, — повторяетъ онъ въ другомъ мѣстѣ своего посланія. — Все въ тебѣ, царю, дѣло затворися и о тебѣ единомъ стоить». Исключительно къ царю обращается онъ поэтому съ увѣщаніями и увѣжденіями, то доказывая правоту своего русскаго православія съ бѣдствіями, понесенными за послѣднее время русской землей, то угрожая страшнымъ Христовымъ судомъ. «Тамъ, — обращается онъ къ царю, — тамъ будетъ и тебѣ тошно, да тогда не пособнишь себѣ нямало. Здѣсь ты намъ праведнаго суда со отступниками не далъ: и ты тамо отвѣщати будещи самъ вѣмъ намъ». Суровый, фанатическій тонъ этихъ увѣщаній отчасти лишь смягчается привычнымъ любовнымъ отношеніемъ къ личности Алексѣя Михайловича, и теперь еще прорывающимся у сосланнаго имъ протопопа. Угрожая царю вѣчной гибелью въ случаѣ, если онъ не обратится, Аввакумъ тутъ же однако прибавляетъ: «Прости, Михайловичъ-свѣтъ, даже бы тебѣ вѣдомо было, да ни какъ не лгу, ниже притворяясь тебѣ говорю.

Въ темницѣ мнѣ, яко во гробѣ, сѣдящу что надобно, развѣ смерть? Ей тако». Горько и язвительно утѣкая Алексѣя Михайловича за вновь принятыя мѣры противъ раскола, выразившіяся въ лишеніи умершихъ раскольниковъ церковнаго погребенія, Аввакумъ и тутъ однако не обнаруживаетъ такъ свойственнаго ему яростнаго раздраженія. «Ты царствуй, — замѣчаетъ онъ только, — многа дѣла, а я мучуся многа дѣла: и пойдемъ вмѣстѣ въ дома своя вѣчныя, егда Богъ изволить. Ну, да хотя, государь, меня и собакамъ приказалъ выкинуть, да еще благословлю ты благословленіемъ послѣднимъ». Если раньше Аввакумъ отдѣлялъ царя отъ церковной іерархіи, видя въ немъ только невольную жертву Никонова лукавства, а не активнаго и сознательнаго дѣятеля реформы, то теперь это различіе уничтожается въ его представленіи, благодаря его собственному горькому опыту и вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно его общему взгляду на роль царя относительно церкви, выставившемуся имъ и раньше, на царя слагалась и главная доля отвѣтственности, онъ являлся въ глазахъ Аввакума если не главной причиной уклоненія русской церкви въ ересь, то по крайней мѣрѣ главнымъ условіемъ успѣха этой ереси и гоненія на благочестивыхъ. При такихъ условіяхъ лишь слабая надежда оставалась въ душѣ протопопа на обращеніе царя. «Нѣтъ, государь, — проговаривается онъ въ своемъ посланіи, — болше покинутъ плакать о тебѣ: вижу, не исцѣлять тебя». Только личное чувство, связывавшее Аввакума съ Алексѣемъ Михайловичемъ, сдерживало еще до нѣкоторой степени протестъ его противъ дѣйствій царя по отношенію къ расколу, придавая этому протесту болѣе мягкія формы.

Такимъ образомъ пустозерскіе узники не молчали, не оставались въ бездѣйствіи, къ какому ихъ желали принудить. Ссылка не сломила ихъ силы, какъ не порвала и ихъ сношеній съ послѣдователями ихъ ученія. Пропаганда ими своихъ мнѣній продолжалась, какъ продолжались и обличенія никоніанскихъ властей, даже непосредственно обращенныя къ послѣднимъ и принявшія еще болѣе рѣшительный характеръ, чѣмъ прежде, такъ какъ теперь они съ равной энергіей обращались и на свѣтскую власть, раньше не затрогивавшуюся ими. Отвѣтъ со стороны послѣдней не заставилъ себя ждать: изъ Москвы послѣдовали новыя репрессаліи надъ раскольниками, новыя, по выраженію Аввакума, «гостинцы» имъ. Гроза разразилась прежде всего надъ семьей Аввакума, жившей на Мезени. Кромѣ Настасьи Марковны съ тремя младшими дѣтьми, оставшейся здѣсь со времени отвоза мужа въ Москву на соборъ, здѣсь же жили и два старшіе сына Аввакума, Иванъ

и Проконій, вернувшіеся сюда изъ столицы послѣ ссылки отца: сверхъ того вокругъ этой семьи ютились еще нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ и домочадцевъ протопопа, вмѣстѣ съ нею укрывавшіеся отъ гоненія. Сюда-то и былъ отправленъ изъ Москвы въ качествѣ слѣдователя и судьи полуголова Иванъ Благинъ, ознаменовавшій свое появленіе на Мезени самыми крутыми и безпощадными мѣрами. Два человѣка изъ числа домочадцевъ Настасьи Марковны, открыто исповѣдавшіе свою принадлежность къ расколу, въ томъ числѣ юродивый Федоръ, были повѣшены. Та же участь грозила и старшимъ сыновьямъ Аввакума, но они не унаслѣдовали непреклонной энергіи своего отца и передъ лицомъ смерти вторично отреклись отъ его ученія. Такимъ отреченіемъ впрочемъ они спасли себя только жизнь, но не избавились совершенно отъ казни: вмѣстѣ съ матерью посадили ихъ въ земляную тюрьму. Младшій братъ ихъ, Аванасій, вмѣстѣ съ сестрами Маріей и Акулиной остался на свободѣ, не смотря на то, что онъ не уподобился братьямъ и ревностно отстаивалъ расколъ, открыто объявляя себя усерднымъ послѣдователемъ отца; должно быть, его сочли слишкомъ еще малолѣтнимъ и потому не опаснымъ. Съ Мезени проѣхалъ Благинъ и въ Пустозерскъ, привезя съ собою суровые наказы относительно здѣшнихъ узниковъ. Послѣ допроса, на которомъ они остались непреклонными въ своихъ убѣжденіяхъ, рѣшительно отказываясь отъ общенія съ церковной іерархіей и проклаиная «еретическое соборище», имъ объявленъ былъ приказъ московскаго правительства, которымъ повелѣвалось Лазарю, Вифанію и Федору вырѣзать языки и отрубить правыя руки, а Аввакума, не подвергая такой казни, посадить въ земляную тюрьму и давать ему только хлѣбъ да воду. Это новое исключеніе въ пользу Аввакума, явившееся конечно не безъ участія его доброжелателей при московскомъ дворѣ, такъ раздражило его на этотъ разъ, что онъ хотѣлъ-было уморить себя голодомъ, и только убѣжденія и просьбы товарищей по заключенію отклонили его отъ намѣренія.

Послѣ совершенія назначенной казни надъ товарищами Аввакума всѣ узники были переведены въ новую, специально

для нихъ приготовленную тюрьму: въ землѣ устроенъ былъ срубъ, собственно и представлявшій изъ себя темницу и окруженный снаружы другимъ срубомъ, выходъ изъ котораго оберегался стражей. Узники сидѣли отдѣльно другъ отъ друга и только по ночамъ, тайно выльзая черезъ окошки во внѣшнюю ограду, могли видѣться и бесѣдовать. Болѣе тяжелаго, болѣе жестокаго заключенія нельзя было ни создать, ни даже представить себя. Удаленные на громадное разстояніе отъ родины, отрѣзанные отъ всего внѣшняго міра, навѣки запертые въ четырехъ стѣнахъ своей засыпанной землею темницы, изъ которой они не могли сдѣлать шагу для удовлетворенія необходимѣйшихъ естественныхъ потребностей, узники осуждены были отнынѣ томиться какъ бы въ могилѣ, и недаромъ Аввакумъ съ этихъ поръ начинаетъ называть себя «живымъ мертвецомъ». Но въ этомъ заживо похорошенномъ человѣкѣ жизненный пульсъ бился еще съ лихорадочною быстротой и энергіей, мысль работала еще съ горячечнымъ жаромъ.

И въ эту тяжелую эпоху своей жизни Аввакумъ, какъ и раньше, находилъ главное утѣшеніе въ молитвѣ, въ ревностномъ исполненіи религіозныхъ обязанностей. Въ своей Пустозерской тюрьмѣ онъ оставался тѣмъ же строго-благочестивымъ человѣкомъ, истощающимъ свою плоть въ подвигахъ суроваго поста и молитвеннаго энтузіазма, какимъ былъ онъ нѣкогда въ Москвѣ. Одинъ эпизодъ изъ упомянутаго раньше посланія его къ Алексію Михайловичу ярко обрисовываетъ эту сторону его жизни. Въ великій постъ этого года заточенный протопопъ, какъ рассказываетъ самъ онъ, по своему обыкновенію втеченіе всей первой недѣли не принималъ никакой пищи, не исключая и хлѣба; тотъ же суровый постъ продолжалъ онъ и во вторую недѣлю и къ половинѣ ея ослабѣлъ уже до такой степени, что не могъ вслухъ молиться, а только про себя повторялъ псалмы. Тогда съ нимъ, по его убѣжденію, произошло чудо:

«распространился языкъ мой и бысть великъ зѣло, потомъ и зубы быша велики, а се и руки и ноги быша велики, потомъ весь широкъ и пространенъ подъ небесемъ и по всей земли распространился; а потомъ Богъ вмѣстилъ въ меня небо и землю и всю тварь. Миѣ же молитвы непрестанно творящу и лѣствицу перебираящу въ то время. И

бысть того времени на полчаса и болши. И потомъ вставшу жи отъ одра легко и поклонихся до земли Господеви».

Эти болѣзненные, но преисполненные неизъяснимаго и жгучаго наслажденія припадки, вызываемые высшею степенью религіознаго экстаза и знакомые всякому, кто слѣдил за жизнью мистиковъ и религіозныхъ энтузіастовъ,—припадки, во время которыхъ челоѣкъ теряетъ сознание своего отдѣльнаго, самостоятельнаго существованія и какъ бы сливается съ мировымъ бытіемъ, заставляли Аввакума забывать всѣ ужасы тюремной обстановки ради рѣдкихъ моментовъ неземного блаженства и даже дорожить этими ужасами, какъ средствомъ къ достиженію послѣдняго. «Ты владѣши,— обращается онъ къ царю, рассказавъ приведенный эпизодъ,— на свободѣ живучи, одною русскою землею; а мнѣ Сынъ Божій покорилъ за темничное сидѣніе небо и землю». Не довольствуясь тѣми лишеніями, какими сопровождалось тюремное заключеніе, онъ самъ создавалъ себѣ еще новыя, нещадно терзая свою плоть. Переведенный въ земляную тюрьму, онъ здѣсь сбросилъ съ себя все платье, даже рубашку, и остался нагимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ неуклонно соблюдать весь ритуалъ ежедневной молитвы, выставляя нерѣдко на ней до полного изнеможенія и потери всѣхъ силъ.

Но не одной молитвой и аскетическими упражненіями былъ наполненъ и теперь день ссыльнаго протопопа, не одни порывы религіознаго экстаза прерывали на рѣдкіе моменты монотонную по внѣшнему виду жизнь его въ земляной тюрьмѣ Пустозерска. Его личность и здѣсь настолько imponировала окружающимъ, что самая стража, къ нему представленная, прониклась уваженіемъ къ нему, и, благодаря этому, онъ внутри своей тюрьмы пользовался сравнительной свободой и могъ заняться литературной дѣятельностью, для которой раньше онъ мало находилъ времени среди своей кипучей и многострадальной жизни. Съ другой стороны многочисленные послѣдователи раскола, остававшіеся на свободѣ, не жалѣли ни средствъ, ни усилій для того, чтобы завести сношенія съ своими заточенными собратями и учителями и по возможности облегчить ихъ

участь. Находились такіе смѣльчаки и ревнители вѣры, которые, рискуя собственной свободой и жизнью, странствовали по тюрьмамъ, разнося утѣшеніе и матеріальную поддержку сидѣвшимъ въ нихъ раскольникамъ; другихъ за большія деньги нанимали перенести письмо или посылку одному изъ узниковъ. При этомъ преимущественное вниманіе раскольниковъ обращено было на Пустозерскъ, гдѣ находились въ заточеніи главнѣйшіе подвижники и столпы всей партіи, и сюда особенно часто являлись посланцы. Въ свою очередь тюремная стража, то изъ уваженія къ великому подвигу страдальцевъ, возбуждавшему въ ней невольное сочувствіе и сомнѣніе въ правотѣ ихъ гонителей, то соблазненная щедрымъ подкупомъ, содѣйствовала передаче писемъ и посылокъ, открывая доступъ въ темницу для лицъ, принесшихъ ихъ, и такимъ образомъ установились сношенія между Аввакумомъ и его учениками и почитателями,—сношенія, опредѣлившія собою характеръ послѣдующихъ годовъ его жизни.

Убогая земляная келья въ Пустозерской тюрьмѣ, гдѣ страдалъ и томился нагой челоѣкъ, приобрѣла характеръ умственного центра широкаго народнаго движенія, громадной волной прошедшаго по всей русской землѣ. Сюда, въ эту келью, стекались всѣ извѣстія, относившіяся къ судьбѣ раскола, и пахотили себѣ отзывкъ въ проповѣдяхъ ея обитателя, то торжествующихъ, то гнѣвныхъ, всегда исполненныхъ глубокаго убѣжденія и страстнаго энтузіазма. Сюда обращались за совѣтомъ и поученіемъ въ дѣлахъ вѣры, здѣсь искали наставленія въ самыхъ разнообразныхъ вопросахъ житейской практики, отсюда ждали утѣшенія и ободренія, и въ отвѣтъ на эти многообразные запросы, приходившіе изъ разныхъ мѣстъ Россіи, шли отсюда посланія, проникнутыя нѣжной любовью и яростной злобой, заключавшія въ себѣ защиту, утѣшенія раскольниковъ и рѣзкія обличенія «никоианства», содержавшія наконецъ практическія указанія и распоряженія насчетъ судьбы раскольничьихъ общинъ и отдѣльныхъ ихъ членовъ. Особенно дѣятельныя сношенія поддерживалъ Аввакумъ съ тремя мѣстностями — Москвою, гдѣ сосредоточивалось значительное количество

раскольниковъ, успѣвавшихъ укрываться отъ преслѣдованій правительства, — Мезеню, гдѣ жила его семья, и — Боровскомъ, куда съ 1673 года сослана была боярыня Морозова вмѣстѣ съ сестрой своей, княгиней Урусовой. Посланія его, часто написанныя на маленькихъ клочкахъ, такъ какъ у пустозерскаго узника не было бумаги, тщательно переписывались и расходились въ другія мѣста, служа могучимъ орудіемъ раскольничьей пропаганды. Благодаря обширному досугу и сильному запросу на произведенія Аввакума, постояннымъ обращеніямъ къ нему, его литературная дѣятельность приняла весьма значительные размѣры. За 14 лѣтъ его пребыванія въ Пустозерскѣ имъ было написано большое количество всякаго рода произведеній, изъ которыхъ до насъ дошли слѣдующія: автобіографія или «Жизніе протопопа Аввакума», составленное около 1673 года, 7 толкованій на различные псалмы, 9 другихъ сочиненій догматическаго и полемическаго характера и 42 посланія къ разнымъ лицамъ. Въ этихъ произведеніяхъ отразилась вся современная Аввакуму внутренняя жизнь раскола, главнѣйшимъ представителемъ котораго былъ самъ онъ, ярко выступили основныя идеи движенія и ихъ постепенныя модификаціи. Отъ изображенія жизни Аввакума, которое мы старались до сихъ поръ представить на фонѣ его общихъ идей, мы теперь и перейдемъ къ обрисовкѣ самыхъ этихъ идей, поскольку онѣ выразились въ его литературныхъ произведеніяхъ.

* * *

Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ послѣднихъ. Успѣхъ Аввакума, какъ апостола раскола, объяснялся не только его глубокой убѣжденностью, не только тѣмъ, что каждое слово своей проповѣди онъ подкрѣплялъ собственнымъ примѣромъ и запечатлѣвалъ кровью и мученическимъ подвигомъ; въ значительной степени этотъ успѣхъ зависѣлъ отъ самыхъ свойствъ Аввакума, какъ проповѣдника и писателя. Начать съ того, что Аввакумъ обладалъ весьма значительной по своему времени начитанностью и умѣло пользовался

ею. Начитанность эта носила, правда, односторонній характеръ, не простираясь за предѣлы Священнаго Писанія и примыкавшихъ къ нему книгъ церковнаго характера, житій святыхъ, сказаній и апокрифовъ, но за то въ этихъ предѣлахъ она поражаетъ своими размѣрами. Обладая громадной памятью, бывший юрьевецкій протопопъ наизусть зналъ всю Псалтырь, помнилъ массу мѣстъ изъ другихъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета и съ замѣчательной ловкостью пользовался этими знаніями для подбора текстовъ въ доказательство своихъ положеній. Послѣднія поэтому всегда почти имѣли у него видъ непосредственно изъ Писанія вытекающихъ истинъ, и читателю, не въ такой мѣрѣ знакомому съ духовной литературой, должны были представляться основанными на прочномъ фундаментѣ непреложнаго ученія православной церкви. Ловко подбирая и истолковывая тексты въ свою пользу, Аввакумъ не съ меньшею ловкостью нападаетъ на противниковъ своихъ, возводя каждое измѣненіе, совершенное Никономъ въ русскихъ церковныхъ книгахъ, на степень ереси, открывая сокровенный смыслъ въ такихъ словахъ, гдѣ, казалось бы, ничего подобнаго нельзя и найти. Правда, рядомъ съ этими обширными знаніями въ области богословской литературы и недюжиннымъ полемическимъ талантомъ протопопъ обнаруживаетъ глубокое невѣжество во всемъ остальномъ. сообщая самыя диковинныя свѣдѣнія по части исторіи и географіи, но и аудиторія, къ которой онъ обращался, въ большинствѣ не ушла дальше тѣхъ же свѣдѣній, заимствованныхъ изъ старинныхъ русскихъ хронографовъ и изборниковъ. Въ самихъ богословскихъ разсужденіяхъ протопопа далѣе не доставало глубокаго образованія, все вниманіе въ нихъ поглощалось мелочами, чисто формальной стороной дѣла, но при томъ условіи, что эти детали были проникнуты и освѣщены идеей, не имѣвшей прямого отношенія къ богословскому спору, они получали особый смыслъ и значеніе въ устахъ проповѣдника, умѣвшаго всякій разъ обставить ихъ авторитетными доказательствами. Что же касается того невѣжества протопопа, на которое мы сейчасъ указали, то намъ

придется еще говорить объ отношеніи Аввакума къ наукѣ и образованію.

Не менѣе, если еще не болѣе важное значеніе, чѣмъ начитанность проповѣдника и его умѣнье обращаться съ текстами, имѣлъ въ произведеніяхъ Аввакума самый языкъ писателя. Яркій, образный, переполненный смѣлыми сравненіями, выразившій всѣ оттѣнки чувства и настроенія, то иѣжный, то сжатый и энергичскій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не заключалъ въ себѣ и тѣни ничего искусственнаго, книжнаго, а былъ какъ бы прямо изъ устъ народа перенесенъ на бумагу. Это обстоятельство дѣлало писанія Аввакума равно понятными и дорогими для знатнаго и образованнаго боярина и плохо знающаго грамоту крестьянина и было особенно важно въ ту эпоху, когда литература образованнаго общества начала уже выдѣляться изъ собственно народной. Въ то время, какъ въ произведеніяхъ ученыхъ противниковъ Аввакума преобладала сухая, книжная форма изложенія, подавляющая массой риторическихъ оборотовъ, нерѣдко совершенно почти затемняющихъ смыслъ даннаго мѣста, въ то время, какъ они не могутъ обойтись безъ громаднаго количества иностранныхъ словъ, языкъ Аввакума блещетъ своей простотой и удобопонятностью, лишь изрѣдка встрѣчаются въ немъ иностранныя слова *), и вездѣ, не исключая и сочиненій догматическаго характера, онъ отличается замѣчательной жизненностью и энергіей. Присущая ему простота выражается не только въ лексическомъ составѣ его и въ оборотахъ языка, но и въ самомъ содержаніи, въ характерѣ тѣхъ образовъ и сравненій, какіе подбираетъ писатель для выраженія своей мысли, сравненій, берущихся имъ изъ самыхъ обыденныхъ явленій современной ему жизни и потому всегда понятныхъ и доступныхъ для читателя и тѣмъ сильнѣе на него дѣйствующихъ. Сообразно нравамъ вѣка, простота эта часто переходитъ въ грубость, временами приобрѣтая даже иѣ-

*) Таково напримѣръ слово «рѣши», отмѣченное у издателя сочиненій Аввакума вопросительнымъ знакомъ (Субботникъ Матеріалы, т. VIII с. 6), и представляющее не что иное, какъ польское слово «rzeszy» — государства.

сколько циническій характеръ. Всѣ отмѣченныя черты съ особенною рельефностью проявляются въ экзегетическихъ произведеніяхъ Аввакума, посвященныхъ истолкованію Св. Писанія, и для иллюстраціи сказаннаго достаточно будетъ привести изъ нихъ два болѣе крупные примѣра.

Рисголкивая въ одномъ изъ своихъ произведеній («Списаніе и собраніе о Божествѣ и о тварѣ, и како созда Богъ человека») исторію первыхъ людей, какъ она изложена въ Библии, Аввакумъ такъ рассказываетъ объ искушеніи Евы змѣемъ и его послѣдствіяхъ:

«Змія же, отклоняся отъ Адама, приде ко Еввѣ,—ноги у нея и крылья были, хорошей звѣрь, красной была, докамѣсть не своровала. И рече Еввѣ тѣ же глаголы, что и Адаму. Она же, послушавъ змія, приступи ко древу, вземъ грезнь и озоба его, и Адаму даде: поуже древо красно видѣнемъ и добро въ снѣдѣ,—смоковъ красная, ягоды сладкіе, слова межю собою ластивыя! Онѣ упиваются, а діаволь въ то время смѣется. Увы невоздержанія! увы небреженія заповѣди Господня! Оттолѣ и доднесь въ слабоумныхъ человекѣхъ такъ же леть творится. Подчиваютъ другъ друга зелѣемъ нераствореннымъ, снрѣчь зеленымъ виномъ процѣженнымъ и прочими питіи и сладкими брашны, а опослѣ и посмѣхаютъ другъ друга, упившагося до-пьяна! Слово въ слово, что въ раю было при дьяволѣ и при Адамѣ. Паки Бытія: И вкусита Адамъ и Евва отъ древа, отъ него же Богъ заповѣда, и обнажистася. О, миленькія! Придѣти стало некому! Ввалъ дьяволь въ бѣду, а самъ и въ сторону! Лукавий хозяинъ накормилъ, напоилъ, да и съ двора спехнулъ: пьяной валяется на улицѣ, ограбленъ, — никто не помилуетъ! Паки Библия: Адамъ же и Евва сниста себѣ листіе смоковинное отъ древа, отъ негоже вкусита, и прикрыта срамоту свою, и скрystala, подѣ древо возлегоста. Проснался бѣдныя съ похмѣлья, ано и самимъ себя соромъ: борода и усъ въ блевотинѣ... со здоровныхъ чашъ кругомъ голова и деть и на плечахъ не держится! А нить отца и честиова смилъ, пропився на кабацѣ, подѣ рогожею на нечи валяется! Увы тогдашнєва Адамова безумія и пьяншинухъ адамленковъ! Паки Бытія:... И паки рече Господи: что сотворишь еси? Онъ же отвѣща: жена, юже ми даде! Просто рещи: на што-де миѣ такую дуру сдѣлалъ! Самъ неправъ, да на Бога же пѣняетъ! И нымѣ похмѣлныя тоже, шпінная, говорить: на што Богъ и сотворишь хмѣл—еть! Весь пропился и ѣсть нечего! Да меня же де избилъ всево! А иной говорить: Богъ-де судить ево, —до пьяна ушолъ! Правится бѣдной, будто отъ неволи такъ сдѣлалось. А безпрестанно желаетъ тово. На лю-ей переводять, а сами ищутъ тово. Что Адамъ переводить на Евву».

Другой примѣръ: приведа евангельскую притчу о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ, Аввакумъ продолжаетъ:

«Видите-ли, братіе, како смри его мука? Прежде даже предѣ очима не видѣлъ Лазаря гнѣйна: а нымѣ зрѣть надѣлаче и милъ ся дѣсть

ко Аврааму, а Лазарю говорить соромъ, понеже не сотворилъ добра ничего. Возми, — пойдетъ Лазарь въ огонь къ тебѣ съ водою! Какое самъ былъ милостивъ: вотъ твоему празднеству отданіе! Любилъ вино и медъ пить, и жареные лебеди, и гуси, и рафленые куры: вотъ тебѣ въ то мѣсто жару въ горло, губитель души своей окаянноты! Я же Авраамъ, — не стану чадомъ звать: собака ты! За что Христа не слушай, нищихъ не миловалъ? Полно, милостивая душа, Авраамъ-отъ милликой — чадомъ зоветь, да разговариваетъ быть-то съ добрымъ человекомъ. Плюнулъ бы ему въ рожу-ту и въ брыхо-то толстое пхнулъ бы ногою!» («Беседа о нятыхъ дѣлателяхъ»).

Слова несомнѣнно въ весьма значительной степени служатъ отраженіемъ понятій и нравовъ. Было бы однако крупной ошибкой на основаніи приведеннаго счесть Аввакума грубымъ, жесткимъ и циничнымъ человекомъ. Данный способъ выраженія принадлежалъ не ему лично, а всей окружавшей его обстановкѣ и былъ имъ усвоенъ изъ послѣдней, составивъ внѣшнюю оболочку его произведеній. Но подъ этой неуклюжей оболочкой сквозило часто нѣжное чувство, какъ подъ грубой аскетической внѣшностью самого писателя скрывалось любящее сердце. Какъ въ догматическихъ и полемическихъ произведеніяхъ Аввакума выступаютъ наружу его недужинная эрудиція и діалектическія способности, какъ его проповѣдь и поученія отличаются своей простотой, мѣткостью наблюденій и энергіей выраженія, такъ въ наставленіяхъ, обращенныхъ имъ къ ближайшимъ своимъ ученикамъ, крупную характерную черту составляетъ глубоко-любовное отношеніе къ нимъ, поразительная деликатность въ обращеніи съ чувствами человека. Онъ такъ мягко и нѣжно до-трогивается въ этихъ случаяхъ до душевныхъ ранъ человека, такъ умѣетъ соединить порицаніе и даже наказаніе съ ободреніемъ и поддержкой, что въ немъ пришлось бы признать замѣчательно тонкаго психолога, еслибы для объясненія этой нравственной чуткости у насъ не имѣлось болѣе простого пути въ признаніи его человекомъ съ богато развитой духовной организаціей, съ глубоко любящимъ сердцемъ. Въ одномъ изъ посланій своихъ къ боярынь Морозовой, писанномъ въ то время, когда послѣдняя уже томилась въ боровской земляной тюрьмѣ, онъ вспоминаетъ о сынѣ ея Иванѣ, который ребенкомъ еще умеръ въ Москвѣ послѣ ея ссылки и о которомъ мать сильно

тосковала. Здѣсь Аввакумъ умѣетъ найти самыя нѣжныя, за душу берущія выраженія...

«Увы, чадо мое! — восклицаетъ онъ. — Увы! мой свѣте, утроба наша возлюбленная, — твой сынъ плотской, а мой духовной! Яко трава посѣченъ быть, яко лоза виноградная съ плодомъ къ землѣ преклонился и отыде въ вѣчныя блаженства со ангелы ликовать и съ лики праведныхъ предстоитъ святѣй Троицы. Уже ктому не печется о суетной многострастной плоти, и тебѣ уже неково чотками стегать, и не на ково поглядѣть, какъ на лошади поѣдетъ, и по головки неково погладить, — помнишь-ли? — какъ бывало! Миленькой мой государь! Последнее увидѣлся съ нимъ, егда причастилъ ево. Да пускай — Богу надобно такъ! И ты не больно о немъ кручинься: хорошо право Христосъ изволилъ. Явно разумѣемъ, яко царствію небесному достоинъ. Хотя бы и всѣхъ насъ побралъ, гораздо бы изрядно. Съ Федоромъ (повѣнчанымъ на Мезени юродивымъ) тамъ себѣ у Христа ликуютъ, — сподобилъ ихъ Богъ! А мы еще не вѣмы, какъ до берега доберемся».

Другой разъ, отправляя посланіе въ московскую общину учениковъ своихъ и налагая тяжелую эпитимію на одну изъ ученицъ своихъ, старицу Елену, за разлученіе жены съ мужемъ, Аввакумъ такъ заключаетъ свой приговоръ:

«Слушай-ко, игумень Сер... Иди во обитель Меланьи матери и прочти сіе писанное со Духомъ Святымъ на соборѣ Еленѣ при всѣхъ, да разумѣютъ сестры, яко короста на ней, даже не ошелудивѣютъ отъ нея и удаляются ея. А ты, Меланья, не яко врага ея ижѣй, но яко искреннюю. И всѣ сестры спомогайте ей молитвами. Другъ мой миленькой Еленушка! Поплач-ко ты хорошенко предъ Богородицею-свѣтомъ, такъ она скоренко очистишь тебя. Да вѣдь-су и я не выдамъ тебя: ты тамъ плачь, а я здѣсь. Дружнее дѣло: какъ мнѣ покинуть тебя? Хотя умереть, а не хочу отстать. Елена, а Елена! Съ сестрами тѣми не общайся: понеже онѣ чисты и святы. А со мною водися: понеже я самъ шелудивъ, не боюсь твоей коросты... — и своей много у меня! Припни мнѣ мащины. Я стану ѣсть — понеже я оглашенный, ты оглашенный, — другъ на друга не дивимъ, оба мы равны. Видала ли ты? земскіе зряшки другъ друга не осужаютъ... Тако и мы».

Даже осуждая за тяжкій грѣхъ и налагая суровое наказаніе, бывшій протопопъ вмѣстѣ заботится о томъ, чтобы не поселить унынія въ душѣ ученицы, и, отчуждая ее отъ общенія съ вѣрными, умышленно ставитъ себя на одну доску съ грѣшницей, наказывая, вмѣстѣ и ободряетъ. При такомъ отношеніи къ ученикамъ Аввакумъ не безъ основанія говорилъ имъ: «не имать власти таковыя надъ вами и патриархъ, якоже азъ о

Христъ,—кровію своею помазую душа ваша и слезами помываю». Насколько рѣзкія обличенія «никоніанства» и смѣлая проповѣдь привлекали людей къ расколу, настолько же эти заботы объ ученикахъ, нѣжность въ обращеніи съ ними, деликатное врачеваніе душевныхъ скорбей ихъ, вся эта особая чуткость къ страданію другого человѣка должны были прочными узами приковывать къ Аввакуму сердца его учениковъ.

За то не остается у Аввакума и слѣда этой нѣжности и снисходительности, какъ только онъ имѣетъ дѣло не съ обычнымъ прегрѣшеніемъ, а съ тѣмъ, что, по его понятіямъ, представляетъ изъ себя ересь. Въ такихъ случаяхъ онъ пользуется всѣмъ богатствомъ бранныхъ выраженій въ русскомъ языкѣ, обильными потоками изливая на людей, разошедшихся съ нимъ во мнѣніяхъ, крѣпкія слова, умышленно доводя свой языкъ до крайней степени грубости, неслыханно рѣжущей современное ухо. Для никоніанъ у него нѣтъ другихъ выраженій, какъ «воры», «страдники», «прелагатаи», «собаки», «шиши антихристовы» и другія, непередаваемые современной печатью слова. Тотъ же способъ выраженій сохраняетъ онъ и обращаясь къ своимъ единомышленникамъ, съ которыми онъ не согласился однако въ чемъ-нибудь, относящемся къ вопросамъ вѣры. «Не помышляй себѣ того, дуракъ,—пишетъ онъ къ одному изъ такихъ раскольниковъ,—еже отъ Бога тебѣ, кромѣ покаянія, помиловану быти; но изволися Духу Святому и мнѣ предати тя сатанѣ во озлобленіе, да духъ твой спасется: да придетъ на тя мечь Каинова и Исавова и Саулова, да пожжетъ тя огонь, яко содомлянтъ, аще не зазришь души своей треокаянной. Кайся трехглавный змій, кайся!.. Собака дура.» «Оедка, а Оедка!—обращается онъ въ другой разъ къ дьякону Федору, разошедшемуся съ нимъ въ пониманіи догмата Троицы, — охъ, б..... сынъ! собака косая! дуракъ, страдникъ!.. Гордоустъ, алгмѣй! собака!»

Такія и подобныя имъ ругательства и проклятія, которыми щедро осыпалъ Аввакумъ своихъ противниковъ, имѣли своимъ источникомъ однако не только грубость нравовъ эпохи, но и несдержанность самого проповѣдника; происхождение ихъ въ равной мѣрѣ коренилось въ общемъ взглядѣ послѣдняго на

еретиковъ и необходимое отношеніе къ нимъ. Но это приводитъ уже насъ къ вопросу о самомъ ученіи Аввакума, и мы попытаемся теперь представить его въ главнѣйшихъ чертахъ.

* * *

Исходнымъ пунктомъ всего этого ученія служитъ реформа Никона, произведшая, по мнѣнію Аввакума, переворотъ въ русской церкви, вовлекшая ее въ пагубную ересь. «Какъ онъ царя причастилъ антидоромъ,—говоритъ протопопъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, такъ съ тѣхъ мѣстъ возми, да понеси, да ломай все старое, давай новую вѣру римскую и протчая ереси клади въ книги; а кто обрящется противень, того осуждай въ ссылки и въ смерти, сажай живыхъ въ землю». Сообразно этому онъ съ крайнею враждою относится и къ личности Никона, всячески стараясь унижить и оскорбить бывшего патріарха и осыпая его самой дикою бранью. Въ этихъ видахъ онъ приписываетъ Никону инородческое происхожденіе, говоря, что отецъ его былъ черемисянь, а мать татарка, обвиняетъ его въ колдовствѣ, посредствомъ котораго онъ и обошелъ будто бы Алексѣя Михайловича, сравниваетъ его съ антихристомъ и наконецъ даже прямо заявляетъ, что «никоніанской духъ самого антихриста духъ». Дальше сравненій впрочемъ онъ не идетъ въ этомъ отношеніи и рѣшительно отказывается считать Никона антихристомъ, утверждая, что онъ только «предотеча» послѣдняго. Такъ или иначе, но именно черезъ Никона и благодаря его дѣйствіямъ проникла въ Московское государство ересь, которую Аввакумъ характеризуетъ такимъ образомъ: «Нарядна она, въ царской багрянницѣ ѣздить и изъ золотой чаши подчиваетъ. Упоила римское царство и польское и многія окрестныя рѣши, да и въ Русь нашу пріѣхала въ 160 году»...

Эта ересь, введенная Никономъ и заключавшаяся въ перемѣнѣ вѣры на новую, римскую, перешедшая изъ римскаго и польскаго государства, выразилась въ измѣненіи церковныхъ обрядовъ и богослужебныхъ книгъ. Въ ряду первыхъ едва-ли

не наиболѣе важное мѣсто принадлежало, по мнѣнію Аввакума, установленію троеперстія. Старинный православный обычай заключался, по увѣренію протопопа, въ двоеперстіи, и нарушеніе его, увлекая людей въ вѣчную погибель, заключаетъ въ себѣ глубокой и пагубный смыслъ.

«Отвергли никоніяныя, — писалъ онъ по этому поводу, — вѣчную правду церковную, не восхотѣли пятію персты, по преданію святыхъ отецъ, креститися, но нѣкакo странно тремя персты запечатлѣлися въ сокровищи всегубителя, — глаголю, печатію запечатлѣлася антихристовою, въ ней же тайна тайнамъ бѣ: змій, звѣрь и лжепророкъ. Всякъ, тремя персты знаменаяся, не можетъ разумѣти истины, омрачаетъ бо у такового духъ противный умъ и сердце его». Въ другомъ случаѣ Аввакумъ далъ еще болѣе распространенное и опредѣленное объясненіе. «Всякъ бо крестяся тремя персты, кланяется первому звѣрю папешю и второму русскому, творя ихъ волю, а не Божію: или рещи: кланяется и жертвуетъ душею тайно антихристу и самому дьяволу. Въ ней же бѣ, шепоти, тайна сокровенная: змій, звѣрь и лжепророкъ, сирѣчь: змій — дьяволъ, а звѣрь — царь лукавый, а лжепророкъ — папешъ римскій и прочіи подобни имъ». Такимъ образомъ троеперстіе представляется не простымъ измѣненіемъ обряда, притомъ согласованнымъ съ древнѣйшей практикой православной церкви, а искаженіемъ сущности вѣры, служеніемъ самому антихристу и папѣ римскому и, слѣдовательно, тяжкимъ грѣхомъ. «Ведя бо язва и неисцѣльна — утверждаетъ протопопъ — отъ трехъ перстовъ бываетъ души: лучше бо человѣку не родитися, нежели тремя персты знаменатися»; въ другомъ же мѣстѣ онъ утверждаетъ, что всякій, крестящийся тремя перстами, «будетъ мученъ огнемъ и жупеломъ». Однозначущимъ съ измѣненіемъ крестнаго знаменія представлялось и измѣненіе формы креста въ изображеніи изъ восьмиконечнаго на четвероконечный. Соглашаясь съ тѣмъ, что и четвероконечный крестъ находится въ церкви «по преданію св. отецъ», Аввакумъ рѣшаетъ однакоже, что онъ можетъ быть «только на ризахъ, и на стихаряхъ, и патрахилыхъ, и пеленахъ, идѣже положиша отцы». «А иже кто, — продолжаетъ онъ, — его учили въ просфиряхъ или папшеть на немъ образъ распятаго Христа, и положить его на престолѣ вмѣсто трикестнаго: таковъ мерзокъ есть и непотребенъ въ церкви, подобаетъ его пѣрнуть. Почто на владычнемъ мѣстѣ садитесь? Рабъ онъ Христову кресту и.и. предотеца. Знай свое мѣсто, не восхищай Господскія чести». Но и на этомъ условномъ лишь признаніи четвероконечнаго креста Аввакумъ не останавливается и, не задумываясь передъ рѣзкимъ противорѣчіемъ, въ томъ же самомъ сочиненіи своемъ обзываетъ эту форму креста то «римскимъ», то «польскимъ крыжемъ», и угрожаетъ признающимъ его: «въ неклѣдъ поидеши, во огнь неугасимый».

Не меньшее негодование возбуждала въ Аввакумѣ устано-

вившаяся было въ Москвѣ итальянская манера иконописанія, въ противоположность византійской школѣ, вносившая въ изображенія жизненную, реальную струю.

«Нимуть Спасовъ образъ Еммануила, — пронизировалъ онъ по этому поводу — лице одутловато, уста червонная, власы кудрявця, руки и мыщцы толстыя, персты надутыя, тако же и у ногъ бедра толстыя и весь, яко, нѣмчинъ брюхатъ и толстъ учиненъ, лишь сабли — той при бедрѣ не написано». «А все то, — повторяетъ онъ при этомъ удобномъ случаѣ, — Никонъ врагъ умыслилъ будто живыя писать. А устрояетъ все ко фряжьскому, сирѣчь по нѣмецкому».

Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что на этотъ разъ врагъ патріарха былъ совершенно неправъ въ своихъ обвиненіяхъ: Никонъ не только не былъ поклонникомъ этой реальной школы въ иконной живописи, которая явилась въ Москвѣ задолго до него, но и служилъ дѣятельнымъ ея противникомъ. Въ предствленіи Аввакума однако всѣ измѣненія русской церковной обрядности неразрывно сплелись съ именемъ Никона. Проявленіе ереси, искаженіе чистоты православія видѣлъ онъ далѣе и въ совершеніи службы надъ пятью просфирями вмѣсто семи, которыя употреблялись раньше. И здѣсь онъ находилъ тотъ же самый источникъ реформы — римскую вѣру, проникшую въ Москву чрезъ посредство Никона, и, не имѣя возможности доказать непосредственную связь этого измѣненія съ обычаями католической церкви, утверждалъ по крайней мѣрѣ, что данное измѣненіе служить лишь началомъ, а затѣмъ служба будетъ совершаться и на одной просфирѣ, и при томъ не кислой, а на опрѣснокѣ. къ чему будто бы истремится «папа съ Никономъ прѣснолюбды».

Сильно нападалъ также Аввакумъ на трегубую аллилуію.

«До Василія (Великаго), — писалъ онъ по этому поводу — пояху въ церкви ангельскія рѣчи: аллилуія, аллилуія, аллилуія. Егда же бысть Василій и повелѣлъ пѣти двѣ ангельскія рѣчи, а третію человѣческую, сице: аллилуія, аллилуія, слава тебѣ, Боже! У святыхъ согласно, у Діонисія и у Василія, — трижды воспѣвающе со ангелы славимъ Бога, а не четырежды, по римской бл... и. Мерзко Богу четверичное воспѣваніе сицево: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава тебѣ, Боже! Да будетъ проклятъ сице поюще». «Велика во аллилуіи хвала Богу, прибавлялъ онъ, а отъ зломудрествующихъ досада велика, — по римскіи Святую Троицу въ четверицу глаголютъ, Духу и отъ Сына исхожденіе являютъ: зло и проклято се мудрovanje Богомъ и святыми».

Измѣненія въ иноческомъ быту, замѣна круглыхъ клобуковъ монаховъ плоскодонными и ношеніе широкихъ рясъ, равнымъ образомъ являлись въ глазахъ Аввакума знаменіемъ ереси, пришедшей въ православную церковь извнѣ.

«Бысть въ лѣта наша,—говорить онъ,— въ русской земли Божіе ипущеніе, а діаволе злохитріе, изникаша изъ бездны мниси, нареченыя монахи, имѣюще на себѣ образъ любодѣйный, камплавки подклей и женскія и клобуки рогатыя. Получиша себѣ сію пагубу отъ кость а римскаго».

Разсказывая при этомъ извѣстный анекдотъ о женщинѣ, сдѣлавшейся римскимъ напой, Аввакумъ именно ей и приписываетъ введеніе такой формы клобуковъ. Если такіе клобуки представляютъ собою заимствованіе изъ католической церкви, то широкія рясы введены въ видахъ потворства тѣлесной похоти и въ этомъ смыслѣ также составляютъ отступленіе отъ отеческихъ преданій. Инокъ заповѣдано всегда глядѣть въ землю, памятовать страсти Господни и истощать свою плоть, но вновь введенная монашеская одежда представляетъ полную противоположность этимъ завѣтамъ.

по словамъ проповѣдника, современные ему иноки «Богомъ преданное скидали съ головъ и, волосы расчесавъ, чтобы бабы любили ихъ, выставля рожу всею, да препояшется по титкамъ, водѣвши на себя широкій жупанъ!» «Нагъ ты,—обращается Аввакумъ къ такому монаху,— благодати сталь и Христовыхъ страстей отвергся. На женскую подклейку платьишко наложилъ, да я-де су инокъ, Христовымъ страстемъ сообщникъ! Подобаеть истинному иноку дѣлы Христу подобитися, а не словеси глумными, и такъ творить, якоже святін. Помнишь ли? Иосифъ Предотеча подпоясывался по чресламъ, а не по титкамъ, поясъ же усевымъ, сирѣчь кожанымъ: чресла глаголются, подъ лукомъ обяснаться крѣпко, даже брюхо-то не толстѣеть. А ты, что чреватая женка, не извредить бы въ брюхѣ ребенка, подпоясываешься по титкамъ! Чему быть! И въ твоемъ брюхѣ-то не меньше ребенка бабья наложено бѣднотой, ягодъ мигдалныхъ, и репскова, и романей, и водокъ различныхъ съ виномъ процѣженнымъ налилъ: какъ ево подпоясать! Невозможное дѣло ядомое извредить въ немъ! А се и ремень надобѣ дологъ!»

Такой же горячій протестъ вызывали наконецъ со стороны Аввакума и измѣненія въ написаніи именъ, искаженныхъ русскими переписчиками или принявшихъ съ теченіемъ времени на Руси особую форму и восстановленныхъ никоновскими

справщиками въ ихъ первоначальномъ видѣ, равно какъ съ нескрываемою враждою встрѣчалъ онъ и все вообще измѣненія въ языкѣ и обычаяхъ, хотя бы и не входившія въ собственно церковную сферу.

«Не токмо,—жаловался онъ на никоніанъ,— не токмо святыя книги измѣнили, но и ризы, и мирскія обычаи, и вещи, и пословицы, и имена преложили: глаголютъ бо Христа Іеуса Іисусомъ, а Николу чудотворца Николаемъ,—той бо Николай при апостолѣхъ еретикъ бысть, а великій чудотворецъ Никола бысть при царѣ Константинѣ. Еще же прелагатаи нарицають Ивана именовъ женскимъ, пишуще безъ титла Анною. Вся сія Богови грубо, не подобаеть бо своего языка уничижать и странными языки украшать рѣчи»...

Таковы важнѣйшіе пункты разногласія по поводу церковной обрядности, важнѣйшія обвиненія, которыя выдвигаетъ Аввакумъ противъ Никона и его послѣдователей. Во избѣжаніе излишнихъ повтореній мы не будемъ еще останавливаться на указанныхъ ранѣе нами въ текстѣ обвиненіяхъ протопопа по поводу измѣненій Никономъ церковныхъ книгъ, якобы повлекшихъ за собою искаженіе догматовъ, такъ какъ въ существѣ этихъ обвиненій лежитъ недоразумѣніе, а въ способѣ ихъ опредѣленія и доказательства мы не встрѣтили бы уже ничего новаго сравнительно съ приведеннымъ. Не мѣсто здѣсь равнымъ образомъ и для полемики съ доводами протопопа, въ его нападеніяхъ на никоніанскую церковь: внутренняя несостоятельность этихъ нападеній ясна сама собою, а подробное обоснованіе ея лежитъ внѣ предѣловъ нашей ближайшей задачи. Обращаясь къ резюмированію отдѣльныхъ взглядовъ нашего проповѣдника, мы можемъ свести его мнѣнія къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ: /

Благодаря Никону, русскую церковь охватила пагубная ересь, выразившаяся въ дѣломъ рядѣ измѣненій церковной обрядности и жизни, причемъ эти измѣненія проявились въ двухъ направленіяхъ: мѣсто прежняго строгаго благочестія и истинно христіанской жизни заступили испорченность нравовъ, потворство плоти и угожденіе страстямъ; мѣсто древнихъ обрядовъ и догматовъ православныхъ заняли новые, еретическіе, заимствованные изъ чужихъ, невѣрныхъ странъ. Удѣляя не

мало мѣста обрисовкѣ первой стороны, строго проводя аскетическій идеаль, отождествлявшійся имъ съ христіанскимъ, и указывая на несоотвѣтствіе ему дѣйствительности, Аввакумъ однакоже главное свое вниманіе обратилъ на вторую сторону никоніанства, какъ онъ понималъ это послѣднее. Красною чертою проходить черезъ всѣ его обличенія реформъ Никона стремленіе связать эти реформы съ латинствомъ, съ ученіемъ и практикой римской и польской церкви, съ «фряжскими» или «нѣмецкими» порядками; даже въ томъ случаѣ, когда у него не имѣется уже рѣшительно никакихъ данныхъ для установленія этой связи, онъ пытается создать ее путемъ построенія совершенно произвольныхъ предположеній, принимаемыхъ въ дальнѣйшемъ ходѣ мыслей за доказанныя истины. На такихъ основаніяхъ онъ провозглашалъ русскую церковь, принявшую реформы Никона, неправославною, еретическою и отрицающею старину — проповѣдь Аввакума остановиться не могла. Тѣ реальныя условія, въ какихъ очутился расколъ съ момента своего возникновенія, заставили проповѣдника переступить грань, лежавшую между защитой стараго порядка и организаціей новаго, и выступить устроителемъ внутреннихъ отношеній раскола, заняться приведеніемъ ихъ въ сколько-нибудь упорядоченную систему.

Въ самомъ дѣлѣ, съ того времени, какъ расколъ потерпѣлъ неудачу въ своихъ претензіяхъ на официальное господство и былъ отвергнутъ духовной и свѣтской іерархіей, раскольники оказались въ положеніи, вызвавшемъ, уже въ силу самыхъ своихъ свойствъ, цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ теоретическаго и, еще болѣе, практическаго характера. Предстояло опредѣлить возможныя отношенія съ церковью, устроить внутренній свой бытъ примѣнительно къ новымъ условіямъ, отторгшимъ его отъ общаго церковнаго тѣла и поставившимъ въ связи съ іерархіей, наконецъ установить руководящія принципы жизни на будущее время, и эта дѣятельность естественно выпала на долю тѣхъ же самыхъ людей, которые были главными дѣятелями въ дѣлѣ обличенія Никона и отторженія отъ церкви.

Въ эту сторону, подъ вліяніемъ постоянно поступающихъ къ нему запросовъ, долженъ былъ направить свою проповѣдническую дѣятельность и Аввакумъ.

Первое мѣсто въ ряду подобныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ обстоятельствами, которыя сопровождали образованіе раскола, какъ отдѣльной религіозной общины, лишенной связи съ церковью, занялъ вопросъ объ отношеніи раскольниковъ къ православному или, употребляя терминологию партіи, къ «никоніанамъ». На этотъ вопросъ Аввакумъ давалъ вполне точное и определенное рѣшеніе, вытекавшее изъ самаго пониманія имъ «никоніанства». «Паче прежнихъ еретикъ никоніяня», говорилъ онъ и въ строгомъ согласіи съ этимъ общимъ взглядомъ устанавливалъ формы отношеній къ нимъ. «Христіанину сущу, по его словамъ, подобаеъ удалитися ихъ; не токио жертвы, но и селенія ихъ поганы суть и древнихъ еретиковъ поганѣе». «Не водись съ никоніяны, — писалъ онъ въ другой разъ, — не водись съ еретиками: враги они Богу и мучители христіаномъ, кровососы, душегубцы!» и не только надо избѣгать мирныхъ и дружескихъ сношеній съ никоніанами, но и всякихъ преній о вѣрѣ, хотя бы эти пренія не носили прямо враждебнаго характера. «Бѣги отъ еретика и не говори ему ничего о правобѣрїи, — предписывалъ на этотъ случай Аввакумъ, — токмо плюю на него. Аще онъ когда и мягко сътобою говоритъ, отклоняйся его, понеже ловить тебя, даже наведетъ бѣду душевную и тѣлесную». Полное отчужденіе, прекращеніе всякихъ сношеній съ никоніанами является такимъ образомъ идеаломъ, причемъ это отчужденіе должно было бы распространяться какъ на церковную, такъ и на частную жизнь. Этотъ общій принципъ въ житейской практикѣ встрѣчался однако съ такимъ случаемъ, къ которому онъ не могъ быть примѣненъ безъ предварительныхъ оговорокъ и дополненій. Раскольники даже тогда, еслибы они захотѣли всецѣло провести на практикѣ такое отчужденіе, не могли совершенно избѣжать столкновеній съ никоніанами, не могли отгородиться отъ нихъ такъ же прочно, какъ отгораживалась русская церковь въ ея цѣломъ отъ иноземнаго вліянія, такъ какъ это зависѣло не только отъ ихъ

воли. Православная іерархія, поддерживаемая силою свѣтской власти, вмѣшивалась въ ихъ жизнь, требовала подчиненія себѣ. и такимъ образомъ возникалъ вопросъ, какъ быть съ этимъ вмѣшательствомъ, какого рода мѣры практиковать по отношенію къ воинствующему православію. Наилучшій выходъ изъ этого положенія усматривалъ Аввакумъ въ мученичествѣ, на которое дѣятельно и возбуждалъ своихъ учениковъ, радуясь, что «русская земля освятилася кровію мученическою». «Само царствіе небесное валится въ ротъ,—писалъ онъ;—а ты отлаживаешь, говоря: дѣти малы, жена молода, разориться не хочется!.. Ну, дѣти-тѣ переженишь и жену-ту утѣшишь; а за-тѣмъ что? не гробъ ли? И та же смерть, да не такова: понеже не Христа ради, но общей всемірной конецъ». Смерть за вѣру—конецъ, наиболѣе достойный христіанина, даже и въ томъ случаѣ, когда эта смерть не наносится непосредственно гонителями, а является самоубійствомъ, къ которому человѣкъ обращается во избѣжаніе мученій. Получивъ первыя извѣстія о самосожженіи раскольниковъ, Аввакумъ отнесся къ нему съ большимъ одобреніемъ, величая умершихъ «самовольными мучениками». «Вѣчная имъ память во вѣки вѣковъ!—прибавляетъ онъ.—Добро дѣло содѣяли—надобно такъ! Разсуждали мы между собою и блажимъ кончину ихъ».

Но при своемъ ригоризмѣ, при всей строгой выдержанности убѣжденій Аввакумъ былъ все же настолько практическимъ человѣкомъ, чтобы видѣть, что такой исходъ—мученичество за открытое исповѣданіе вѣры—доступенъ лишь для отдѣльныхъ личностей, представляющихъ болѣе или менѣе рѣдкія исключенія изъ общей массы, и это вынуждало его смягчить тонъ своей проповѣди. Для тѣхъ, кто не можетъ понести подвига отстаиванія старой вѣры во всей его полнотѣ, проповѣдникъ рекомендовалъ поэтому дорогу компромисса—«належащаго ради страха еще плотски и соединяться съ никоніанъ, но внутрь горѣніемъ горѣть о истинѣ Христовѣ, ея же ради отцы и братія наша стражуютъ и умираютъ». Разъ ставъ на эту точку зрѣнія, протопопъ съ обычною прямою доводитъ свою мысль до конца, досказывая всѣ детали и не оставляя

никакого мѣста для сомнѣнія. Подавая совѣты на тотъ случай, какъ вести себя, если придется исповѣдываться у православнаго священника, онъ говоритъ:

«И ты съ нимъ въ церкви сказки сказывай, какъ лисца у крестьянина куры крали: прости-де, батюшко, я-де не отпалъ; и какъ собаки на волковъ лаютъ: прости-де, батюшко, я-де въ конуру собаки той не зашелъ. Да онъ сидя неповѣдаетъ, а ты лягъ передъ нимъ, да и ноги вверхъ подыми, да слюны пусти, такъ онъ и самъ отъ тебя побѣжить: черная-де немочь ударила».

Такъ же характерны совѣты, какъ вести себя въ томъ случаѣ, если православный поинъ придетъ въ домъ раскольника со святой водой:

«А съ водою-тою какъ онъ придетъ, такъ ты во вратѣхъ-тѣхъ яму выкопай, да въ ней роженъя натѣчь, такъ онъ набрушится тутъ, да и попадетъ. А ты охай, около ево бѣгая, бытто пенарокомъ. А буде ко-горой яму ту перелезеть и въ дому-томъ бытъ водою-тою намочить, а ты послѣ ево вымети метлою, а робятамъ-тѣмъ вели по запечью отъ него спрятаться. Онъ кропать, а ты рожу-ту въ уголь вороти, или въ молнию въ тѣ поры полѣзь, да деньги ему давай. А жена бы, и она собаку изъ-подъ лавки въ тѣ поры гоняй, да кричи на нее. Онъ ко кресту зоветъ, а она говори: бачко, недосугъ, еще собаку выгоняю, тебя же заѣсть. Да осердись на него, раба Христова,—бачко, какой ты человѣкъ»...

Другой вопросъ, выдвинутый впередъ при образованіи раскола, касался церковной іерархіи и таинствъ. Разорвавши съ іерархіей, признавъ ее нечестивою и еретическою, раскольники и сами оказались въ крайне затруднительномъ положеніи, такъ какъ ихъ церковныя общины остались безъ верховнаго пастыря и не могли получить его никакимъ правильнымъ путемъ. Отсюда уже въ первое время существованія раскола крайне серьезное значеніе приобрѣли для него вопросы о священствѣ и таинствахъ, настойчиво требуя того или иного рѣшенія. Нѣкоторые изъ среды раскольниковъ пытались рѣшить ихъ, отвергнувъ въполнѣ то и другое, доказывая, что за отступленіемъ іерархіи исчезла и дѣйствующая чрезъ нее благодать, почему не можетъ быть ни правильно поставленныхъ поповъ, ни правильно совершаемыхъ таинствъ, и на этомъ основаніи совершенно отри-

пали напр. причащеніе. Аввакумъ однако же энергично возсталъ противъ такого крайняго рѣшенія:

«А кои не причащаются люди,—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій,—и онѣ дѣлають не гораздо, своимъ умысломъ говорятъ: вѣта-де благодать. И послѣ антихриста послѣднева чорта благодать та не покинетъ вѣрныхъ своихъ... Какъ-то такъ дерзко глаголють, что не обращени святыхъ таинъ. Толоко то и людей святыхъ, что бытто оди мы, а то всѣ погибли; миленкіе батюшки, добро ревность по Бозѣ, да звать ей мѣра».

По его мнѣнію, благодать сохранилась въ церкви и таинства остаются дѣйствительными, если только они совершаются людьми, право вѣрующими и съ соблюденіемъ всѣхъ праведныхъ старыхъ обрядовъ; поэтому въ никоніанской церкви нѣтъ таинствъ въ настоящемъ ихъ видѣ; ни причащеніе, ни крещеніе ни другія таинства, совершаемыя никоніанами, не имѣють силы: причащая, никоніане «бѣсомъ жрутъ, а не Богови», «крещеніе еретическое нѣсть крещеніе, но оскверненіе», но дѣло здѣсь всетаки не въ исчезновеніи благодати, а въ еретическихъ обрядахъ, мѣшающихъ ей проявиться.

Не такъ опредѣленны были взгляды Аввакума въ вопросѣ о священствѣ. Рѣшительно заявляя въ одномъ мѣстѣ: «какъ же міру быть безъ поповъ?», онъ доказываетъ, что благодать сохранилась и въ священствѣ, и только печалится, что большинство «старопоставленныхъ» до Никона поповъ, услугами которыхъ могли пользоваться раскольники, хотя временно уклонялись въ никоніанство, причемъ прибавляетъ «а лучше тѣхъ нынѣ и не возможно обрѣсти праваго священства». Тѣмъ не менѣе фактъ отступничества такихъ священниковъ претитъ его прямой натурѣ, и онъ разрѣшаетъ прибѣгать къ нимъ только въ крайней нуждѣ: «крожъ же нужи никакоже отъ нихъ не принимай, понеже слюбодѣйствоваша въ догматѣхъ», въ другихъ же случаяхъ прямо совѣтуетъ обходиться безъ поповъ, говоря, что «мощно иноку простцу и простолюдину искреннымъ таинствомъ причащатися», равно какъ и совершать всѣ другія таинства.

Такое рѣшеніе является тѣмъ естественнѣе, что поповъ, получившихъ поставленіе послѣ Никона, онъ не считаетъ уже

правыми священниками, и такимъ образомъ количество послѣднихъ принимаетъ весьма ограниченныя размѣры. Тѣмъ не менѣе ученіе его въ этомъ случаѣ остается не вполне выясненнымъ и опредѣленнымъ, нося нѣсколько двусмысленный характеръ и заключаая въ себѣ какъ бы зародыши обѣихъ главныхъ сектъ позднѣйшаго времени, поповщинской и безпоповщинской.

Третьимъ общимъ вопросомъ въ судьбѣ раскола, по которому приходилось Аввакуму, въ виду обращенныхъ къ нему настояній, высказывать свой приговоръ, были споры среди самихъ раскольниковъ. Разъ возникшее движеніе не вылилось въ одну вполне опредѣленную форму, но, по мѣрѣ своего распространенія, принимая въ себя все новыя элементы, сообразно ихъ свойствамъ видоизмѣняло нѣсколько и свой характеръ. Подъ общимъ знаменемъ оппозиціи православной церкви объединялись различныя стремленія, расколъ дробился на отдѣльныя толки и члены этихъ послѣднихъ во взаимныхъ отношеніяхъ проявляли ту же рѣзкую фанатическую нетерпимость, которую управлялись ихъ дѣйствія относительно никоніанъ. Аввакумъ обыкновенно порицалъ такую вражду и старался сдерживать ея проявленія.

«Тѣло наше,—писалъ онъ въ одномъ изъ посланій своихъ, безъ души есть калъ, и пепель, и прахъ, а вы уже другъ друга гнушаетесь и хлѣба не ядите вмѣстѣ, глушцы, гордитесь другъ другомъ, а все одна земля и пепель». Самые споры являлись въ его глазахъ неизбежными, и даже полезными, такъ какъ они способствуютъ выясненію истины. «А что противается другъ другу,—писалъ онъ въ другой разъ,—пускай такъ! Тако истинна и правда больше сыскивается... Грызвитесь гораздо! Я о семъ не зазираю. Толоко праведити и чистою совѣстію разыскивайте истину».

Такой взглядъ не простирался однако у Аввакума на всю область богословскихъ споровъ, а имѣлъ свои опредѣленныя и притомъ довольно узкія границы. Каждый разъ, когда спорящія стороны касались вопроса, находившаго, по мнѣнію протопопя, свое рѣшеніе въ старинѣ, онъ смылся на эту послѣднюю, требуя безусловнаго ея признанія; точно также онъ относился и къ тѣмъ ученіямъ, которыя возникали, по его мнѣнію, изъ иноземной вѣры, порицая напримѣръ не призна-

вавшихъ иконы, какъ подражателей лютеранъ и кальвинистовъ; въ этихъ случаяхъ онъ прямо угрожалъ не слушавшимъ его проклятиемъ, какъ еретикамъ. При всемъ своемъ рвеніи къ старинѣ Аввакумъ, выступая въ роли законодателя раскола, самъ создалъ еретическое ученіе, начавъ именно отрицать единственность Троицы и утверждать, будто въ ней три существа, какъ три лица. «Не спрятався, сидятъ три Царя Небесная», писалъ онъ по этому поводу. Изъ-за этого ученія встала даже великая распря между заключенными въ Пустозерской тюрьмѣ, такъ какъ Лазарь принялъ сторону Аввакума и совмѣст- нымъ проклялъ дьякона Федора, вооружившагося противъ та- кого пониманія догмата о Троицѣ. «Что се, Господи, будетъ?— писалъ по этому случаю Федоръ. — Тамона Москвѣ клятвы всявла- сти налагають на мя за старую вѣру и здѣ у насъ между собою стали клятвы и свои друзи мене проклинають за несогласіе съ ними въ вѣрѣ же»... И послѣ смерти Аввакума эта часть его ученія продолжала еще вызывать сильные споры между расколь- никами, закончившіеся тѣмъ, что она была отвергнута, какъ несогласная съ ученіемъ церкви. И въ этомъ случаѣ однако, создавая несомнѣнно еретическое ученіе Аввакумъ опирался на старинѣ, ссылаясь въ числѣ своихъ доказательствъ на одну изъ старыхъ русскихъ книгъ, гдѣ, благодаря допущенной опеч- аткѣ, Троица была названа «трисущной».

Такимъ образомъ въ проповѣди Аввакума, была ли эта про- повѣдь направлена на обличеніе никоніанства или на устрое- ніе внутреннего быта раскола, исходнымъ пунктомъ ея и идеаломъ равно являлась старина, «старыя святыя книги», старыя обряды, малѣйшее отступленіе отъ которыхъ влечетъ за собою ересь. Но, слѣдя за примѣненіемъ имъ этого общаго положенія на практикѣ, нельзя избавиться отъ тягостнаго и досаднаго недоумѣнія при видѣ тѣхъ мелочей, на которыя исключительно направлена мысль проповѣдника, тѣхъ противорѣчій, въ кото- рыхъ безпомощно и повидимому безысходно запутывается она. Въ самомъ дѣлѣ, отчего можно три раза подрядъ славословить Бога, а тотъ, кто произнесетъ славословіе въ четвертый разъ, будетъ проклятъ? отчего четвероконечный крестъ почитается

въ одномъ случаѣ и отвергается съ проклятіями въ другомъ? и главное, отчего всежь этимъ мелкимъ, на нашъ взглядъ, обрядовымъ различіямъ придается такое громадное значеніе? Одна уость умственного кругозора проповѣдника, одно непо- средственное вліяніе его невѣжества не даютъ еще полнаго объясненія такого явленія. Попытаемся же ближе подойти къ основамъ мировоззрѣнія нашего писателя и съ этою цѣлью прежде всего разсмотримъ, что представляетъ изъ себя эта ста- рина, на которую онъ такъ часто ссылается и противъ измѣне- ній которой онъ ратуетъ.

Это опредѣляется до нѣкоторой степени уже тѣмъ отноше- ніемъ Аввакума къ измѣненіямъ въ церковной сферѣ, на кото- рое мы выше указывали. Все такія измѣненія понимаются имъ главнымъ образомъ, какъ заимствованія отъ иноземцевъ, и обобщаются подъ именемъ римской, польской или нѣмецкой вѣры. «Охъ, охъ, бѣдная Русь! — восклицаетъ онъ. — Чего-то тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ?» То же самое отношеніе сквозитъ и въ эпитетахъ, придаваемыхъ имъ виновникамъ и сторонникамъ церковной реформы, въ названіи ихъ напр. «другими нѣмцами русскими». Русское православіе противоплагается такимъ образомъ иноземной ереси. Дѣйстви- тельно, въ представленіи Аввакума правая вѣра сохранилась только въ Московской Руси, исчезнувъ во всѣхъ другихъ мѣ- стахъ, не исключая и Греціи, и Малороссіи, гдѣ православіе существуетъ только по имени, будучи на дѣлѣ давно искажено латинскою ересью. Москва единственная изъ всѣхъ государствъ древняго и новаго міра успѣла удержать у себя правую вѣру и въ силу такого взгляда все отличія отъ практики право- славной церкви, установившіеся на Руси, приобрѣтали харак- теръ преимущественнаго правотвѣрія. Это сохраненіе вѣры во всей ея чистотѣ придавало Москвѣ значеніе «третьяго Рима», главы православнаго міра, и понятно, что при такомъ воззрѣ- нии, въ которомъ религіозная исключительность сливалась съ національнымъ самолюбіемъ, мало оставалось мѣста для ка- кихъ-либо исправленій церковной жизни на основаніи практики другихъ православныхъ церквей. Такой результатъ еще уси-

ливался самымъ пониманіемъ правовѣрія. Въ послѣднемъ Аввакумъ усматривалъ двѣ стороны: сохраненіе неизмѣнными всѣхъ догматовъ и обрядовъ церкви и соблюденіе строгаго благочестія въ жизни. Но какъ первое при узости міровоззрѣнія обращалось у него всецѣло почти на обрядовую сторону, заключааясь въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы «гдѣ что положили святые отцы, тамъ бы оно и пребывало неизмѣнно», такъ второе при его аскетическомъ настроеніи переходило въ полное почти отреченіе отъ міра, въ жизнь, отрѣшенную отъ всякаго плотскаго наслажденія. «Дѣтей своихъ учите, Бога для, неослабно страху Божию; играть не велите», рекомендовалъ онъ своимъ ученикамъ, какъ бы воспроизводя поученія Домостроя. Вся жизнь при этомъ въ ея цѣломъ, какъ церковная, такъ и общественная, и частная, должна была управляться исключительно предписаніями религіи и стремиться къ удовлетворенію религіозныхъ интересовъ; рядомъ съ высшей религіозной истиной не оказывалось мѣста ни для какой другой, хотя бы даже въ подчиненномъ по отношенію къ первой положеніи. Человѣчскій разумъ не только всецѣло поглощался догмой въ области религіи, гдѣ ему только предстояло хранить завѣщанное вѣками преданіе, но и не имѣлъ для себя никакого самостоятельнаго поприща, такъ какъ все, не входившее въ церковную сферу, рѣшительно отвергалось. Всякая попытка проникнуть въ таинства природы являлась дерзновеніемъ, безплоднымъ и даже вреднымъ умствованіемъ, близкимъ къ ереси, а свѣтская наука, не имѣвшая своихъ корней въ религіи, считалась наслѣдіемъ языческихъ временъ и предавалась проклятію. Язычники «достигаюша съ сатаною разумомъ своимъ небесныхъ твердей и звѣздное теченіе поразумѣше», а христіане «достизаютъ не мудрости вѣшнія поразумѣвати и луннаго теченія, но на самое небо восходятъ смиреніемъ»; «богоотступное дѣло—бѣги небесныя читать». Только одна мудрость и цѣнна для христіанина—религіозная, но и здѣсь дѣло не въ изслѣдованіи, а въ усвоеніи и сохраненіи въ неизмѣнности готовой истины.

Такое міровоззрѣніе, отдѣльныя части котораго были прочно связаны между собою и которое слагалось съ одной стороны

изъ проникновенія всѣхъ жизненныхъ отношеній религіею, понимаемой притомъ преимущественно съ вѣшней ея стороны, а съ другой—изъ отождествленія религіи съ данной національностью, не допускало никакого воздѣйствія на жизнь народа со стороны. Всякое признаніе преимущества въ чемъ-либо другого народа, неправомерности того или другого порядка у себя дома сравнительно съ иноземцами посягало и на ту идею исключительнаго русскаго православія, на которой держалось все міросозерцаніе проповѣдника, и вотъ почему Аввакумъ такъ упорно держался за всякую мелочь и проявлялъ столько озлобленія въ самыхъ ничтожныхъ повидимому вопросахъ: отказаться отъ подробности значило вмѣстѣ своими руками подрвать и общую идею. Неубѣдительными далѣе являлись для него въ виду указанныхъ руководящихъ принциповъ его и возраженія, производившія особенности русской церковной жизни отъ невѣжества прежнихъ іерарховъ и призывавшія склониться передъ ученостью грековъ и малороссовъ. Въ его глазахъ православіе и невѣжество скорѣе могли быть синонимами, чѣмъ православіе и наука, и онъ съ особенной, понятной только съ точки зрѣнія всего его міросозерцанія, ироніей противопоставлялъ невѣждъ-русскихъ ученыхъ грекамъ. «Русаки бѣдныя, пускай глупы, рады мучителя дождались, полками въ огонь держаютъ за Христа Сына Божія-свѣта. Мудры б... дѣти греки, да съ варваромъ турскимъ съ одного блюда патріархи кушаютъ раоленные курки. Русачки же миленкіе не такъ,—въ огонь лѣзеть, а благовѣрія не предасть!» Исправленія, сопровождаемыя ссылками на практику иныхъ церквей и на авторитетъ чужестранныхъ ученыхъ, уже въ силу одного этого основанія своего, подрывавшаго ученіе объ исключительномъ русскомъ правовѣрїи, пріобрѣтали въ глазахъ Аввакума видъ ереси, готовой поглотить и послѣдній народъ, остававшійся еще чистымъ отъ нея, одержать побѣду надъ православіемъ въ послѣднемъ его убіищѣ. «Инаго же отступленія уже нигдѣ не будетъ: вездѣ бо бысть; послѣдняя Русь здѣ», писалъ онъ. Мотивъ религіозный въ его протестѣ такимъ образомъ не только сливался съ національнымъ, но въ значительной степени и вытекалъ

изъ послѣдняго, составляя по отношенію къ нему какъ бы внѣшнюю оболочку, возникшую какъ въ силу общей окраски міросозерцанія, такъ и въ зависимости отъ тѣхъ специальныхъ условій, при которыхъ произошло столкновеніе противоположныхъ воззрѣній. Не грекамъ, которые «потеряли своего царя», такъ какъ отреклись отъ «благочестія», предстояло учить чему-либо русскихъ людей; изъ Москвы долженъ былъ изливаться на народы свѣтъ православія и всякое дѣйствіе, знаменовавшее собою отступленіе отъ этого общаго взгляда, какъ бы оно ни было мелко по внѣшности, открывало собою и начало ереси. //

* * *

Отъ общихъ основъ міросозерцанія Аввакума, обусловившихъ разрывъ его съ церковью, перейдемъ къ другимъ, примающимъ сюда сторонамъ его ученія, опредѣлившимъ характеръ его отношеній къ противникамъ. Правовѣріе не опредѣляется, по его взгляду, личнымъ разумомъ отдѣльнаго чело-вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ судьба этого правовѣрія не зависитъ и отъ свободной воли отдѣльныхъ членовъ церкви. Охрана его возлагается на іерархію, которая и должна наблюдать за дѣйствіями и мнѣніями своей паствы, ведя послѣднюю по правому пути и требуя отъ нея безпрекословнаго повиновенія; такъ поступалъ самъ Аввакумъ, будучи священникомъ, того же требовалъ онъ и отъ другихъ. Обязанности такой охраны лежали далѣе, на его взглядъ, не только на духовной іерархіи, но и на свѣтской, по крайней мѣрѣ въ лицѣ главнаго ея представителя, царя: послѣдній долженъ заботиться о чистотѣ вѣры среди своихъ подданныхъ и отвѣчаетъ за нихъ передъ Богомъ. Къ царю, какъ къ верховному охранителю православія, обращается напр. Аввакумъ въ одномъ изъ своихъ посланій: кто бы рѣшился порицать русскую церковь, «аще бы не твоя держава попустила тому быти?» Такимъ образомъ главную роль въ дѣлѣ религіи играетъ не внутреннее самоопредѣленіе чело-вѣка, а внѣшняя принудительная сила власти, церковной и

свѣтской, которая получаетъ при этомъ въ свои руки и соот-вѣтствующія средства. Всякое отступленіе отъ опредѣляемыхъ религіей правилъ, будетъ ли оно совершено въ области практической жизни или въ сферѣ теоретической мысли, по взгляду протопопа, неизбѣжно должно повлечь за собою наказаніе, причемъ это послѣднее не ограничивалось собственно церковной сферой, отлученіемъ отъ церкви и проклятіемъ, но распространялось и на тѣлесную природу преступника. Въ рукахъ священника, какъ пастыря душъ, находилось не только духовное оружіе, но и палки, цѣпи и т. п., и тѣ же средства должны были служить и свѣтской власти при защитѣ ея вѣры. Грубая сила являлась средствомъ для поддержанія церковной дисциплины, она же служила охраной и для защиты самой вѣры. По отношенію ко всякаго рода еретикамъ проповѣдывалась полная нетерпимость и преслѣдованіе ихъ вмѣнялось въ обязанность и духовной іерархіи, и свѣтской власти. Факты біографіи Аввакума могутъ представить многочисленныя случаи проведенія имъ такихъ взглядовъ на практикѣ, но, и не возвращаясь къ нимъ, можно въ самыхъ произведеніяхъ протопопа встрѣтить не мало мѣстъ, достаточно ярко обрисовывающихъ данную мысль. Въ посланіи къ Алексію Копытовскому, одному изъ учениковъ своихъ, Аввакумъ совѣтуетъ побить палкой другого раскольника за неправильныя его мнѣнія и грозить проклятіемъ послѣдняго, если онъ и послѣ такого наказанія не исправится. Проклятіе — крайняя мѣра со стороны лица духовнаго, но упорныхъ еретиковъ должно передавать затѣмъ въ руки свѣтской власти, которая обязана казнить ихъ, такъ какъ еретики не заслуживаютъ пощады. Это общее положеніе Аввакумъ примѣняетъ и къ никоніанамъ. «Воли мнѣ нѣтъ да силы, — жалуется онъ въ одномъ изъ посланій своихъ, — перерѣзаль бы, что Илья пророкъ, студныхъ и мерзкихъ жеребцовъ всѣхъ, что собакъ... При такой фанатической нетерпимости, не останавливающейся передъ требованіемъ смертной казни за убѣжденія, идеальнымъ носителемъ государственной власти въ глазахъ проповѣдника является не кто иной, какъ самъ царь Грозный. Говоря о Никонѣ, Аввакумъ замѣчаетъ:

«какъ бы добрый царь, повѣсилъ бы ево на высокое древо... Миленькой царь Иванъ Васильевичъ скоро бы указъ сдѣлалъ такой собакѣ».

Итакъ, религіозная и національная исключительность, распространение религіи, понятой узко и односторонне, на всѣ сферы жизни, проповѣдь аскетизма и отреченія отъ свободы личнаго разума и отъ свѣтской науки, наконецъ нетерпимость, доходящая до апогеоза грубѣйшаго насилія, — вотъ главныя характерныя черты міросозерцанія Аввакума. Въ заключеніе приведемъ еще одно мѣсто изъ его произведеній, какъ нельзя болѣе ярко обрисовывающее и общія его идеи, и средства, намѣченныя имъ къ ихъ осуществленію.

«Вѣдаю разумъ твой, — обращается онъ къ Алексѣю Михайловичу въ своихъ „Толкованіяхъ на псалмы“, — умѣешь многими языки говорить: да што въ томъ прибыли? Съ симъ вѣкомъ останется здѣсь, а о грядущемъ ничимже пользуется. Воздохни-тко по старому, какъ при Стефанѣ бывало, добренько, и рцы по русскому языку: Господи, помози мнѣ грѣшнаго! А киріелейсонъ-отъ отставъ; такъ ельняня говорятъ; львонъ на нихъ! Ты, вѣдъ, Михайловичъ, русакъ, а не грекъ! Говори своимъ природнымъ языкомъ; не уничижай его и въ церкви, и въ дому, и въ послонцахъ. Какъ насъ Христось научилъ, такъ подобаетъ говорить. Любить насъ Богъ не меньше грековъ; предалъ намъ и грамоту нашимъ языкомъ Кирилломъ святымъ и братомъ его. Чего же намъ еще хочется лутче того? Развѣ языка ангельскаго? Да итѣтъ, ныиѣ не дадутъ, до общаго воскресенія. Да еще бы и ангельски говорилъ, Павелъ рече, любве же не измамъ, бяхъ яко мѣдъ звеняща или кимвалъ бряцающа — барабаны ваши!.. А ты, миленькой, посмотри-тко въ пазуху-ту, царь христіанскій! Всѣхъ-ли христіанъ-тѣхъ любишь?» Какъ мягкій тонъ всего этого мѣста, такъ въ особенности послѣднія фразы застаиваютъ ожидать, если уже не сознанія мелочности и естественности обрядовыхъ различій, то по крайней мѣрѣ проповѣди терпимости. Но пониманіе любви у Аввакума оригинально. «Итѣтъ больше, — продолжаетъ онъ, — отбѣже любовь и вселеня злоба. Еретиковъ никоніанъ тосно любишь, а насъ, православныхъ христіанъ, мучишь, правду о церкви Божіей глаголющихъ ти. Перестань-ко ты насъ мучити-тово. Возми еретиковъ-тѣхъ, погубившихъ душу твою, и пережги ихъ скверныхъ собакъ, латынниковъ и жидовъ, а насъ распусти природныхъ своихъ. Право, будетъ хорошо»...

Указанныя черты тѣсно связывали Аввакума съ предшествовавшимъ историческимъ моментомъ, являясь произведеніемъ послѣдняго, осложненнымъ только обстоятельствами даннаго

времени. Не все однако въ этомъ міровоззрѣніи осталось неизмѣннымъ: нѣкоторыя его стороны потерпѣли весьма существенныя видоизмѣненія подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ условий, которыя создала борьба двухъ партій — раскольниковъ и никоніанъ — въ церковной сферѣ. Говоря о такихъ измѣненіяхъ, мы не можемъ однако точно указать ни времени ихъ возникновенія, ни послѣдовательности, въ какой они появлялись, благодаря тому обстоятельству, что хронологія сочиненій Аввакума, по крайней мѣрѣ по отношенію къ значительному большинству ихъ, до сихъ поръ не установлена и не можетъ быть восстановлена при имѣющихся данныхъ. Но, если мы не можемъ соблюсти строгой хронологической послѣдовательности въ изображеніи измѣненій взглядовъ апостола раскола, зато не представляется никакого затрудненія въ опредѣленіи тѣхъ реальныхъ условий, которыя были непосредственной причиной этихъ измѣненій.

Съ того момента, какъ безусловные защитники русской церковной старины потерпѣли рѣшительное пораженіе въ разгорѣвшейся борьбѣ партій, попытки ихъ удержаться всецѣло на почвѣ этой старины и сохранить всю систему прежнихъ взглядовъ своихъ встрѣтили серьезныя препятствія въ самомъ фактическомъ положеніи, созданномъ для нихъ обстоятельствами. Въ составъ понятія старины входили между прочимъ признаніе власти церковной іерархіи въ дѣлахъ вѣры надъ папствою и присвоеніе царю значенія верховнаго охранителя православія, облеченнаго властью для наказанія еретиковъ. Но всѣ главные представители іерархіи, одни равнѣе, другіе позже, стали на сторону никоніанства, примкнула къ послѣднему и свѣтская власть, а раскольники очутились въ положеніи преслѣдуемой партіи. Всѣ тѣ громы, которые они призвали на своихъ противниковъ, обрушились теперь на ихъ собственныя головы: церковныя іерархіи и свѣтская власть равно вооружились противъ нихъ, равно клеймили ихъ именемъ еретиковъ, сыпали на нихъ увѣщанія и угрозы, пытки и казни. При такомъ оборотѣ дѣла оставленіе въ силѣ прежнихъ убѣжденій по даннымъ вопросамъ создавало безысходное противо-

рѣчіе въ ученіи раскольниковъ, совершенно невыносимое въ практической жизни, и, по мѣрѣ того, какъ суровая дѣятельность отнимала у нихъ всякую надежду на перемѣну настроенія властей въ ихъ пользу, среди нихъ, хотя, быть можетъ, не всплѣлъ ясно для нихъ самихъ, дѣлала успѣхи и мысль о необходимости перестройки данныхъ сторонъ ученія въ связи съ измѣнившимися условіями. Попытки такой перестройки были сдѣланы уже и Аввакумомъ, выразившись именно въ измѣненіи его взглядовъ на значеніе іерархіи и на средства религиозной пропаганды. То обстоятельство, что ему на практикѣ пришлось встать противъ церковной іерархіи и выдержать борьбу съ нею, уже очень скоро привело его въ теоріи къ отрицанію авторитета ея. Предвѣстникомъ такого отрицанія явились уже совѣты благочестивымъ со стороны Аввакума признавать не всякаго попа, но только такого, поведение и ученіе котораго по разсмотрѣнію скажутся согласными съ истиной. Въ дальнѣйшемъ Аввакумъ сталъ проводить уже совершенное отрицаніе безусловнаго авторитета іерархіи въ рѣшеніи вопросовъ вѣры, нападая какъ на признающихъ этотъ авторитетъ, такъ и на самихъ іерарховъ.

Про послѣднихъ онъ говорилъ, что они людьми «яко кабальными обладали, что они велятъ, то и творять: «такъ-де намъ государи патриархи указали, на нихъ-де Богъ положилъ то дѣло». А которой Богъ? скажи-тко, простолудинъ, развѣ богъ тмы ослабилъ сердца ваши, еже не возсияти вамъ истины и правды? Прозри, безумце! Велишь слѣполюдици власти, что брюха-те у нихъ толсты, что у коровъ, да о небесныхъ тайнахъ не смыслятъ, понеже живутъ скотски и ко всякому беззаконію волзски. Или на то глядишь, что они въздыхаютъ? Не гляди на въздохи-те ихъ! Воздыхаетъ чернецъ, что долго во власти не поставятъ а какъ докупится великия власти, вотъ уже и въздыхать перестанетъ»...

Дольше повидимому держался Аввакумъ за другой аналогичный тезисъ, провозглашавшій верховную власть царя въ церкви, тѣмъ болѣе, что и, разочаровавшись уже въ іерархію, онъ еще хранилъ надежду на обращеніе Алексѣя Михайловича въ «старое благочестіе». Но время шло, а то, что

казалось ему первоначально временнымъ ослѣпленіемъ царя, не только не проходило, а принимало все болѣе прочный характеръ, переходъ его на сторону никоніанства становился все очевиднѣе. При этихъ условіяхъ нельзя было продолжать повѣдь подчиненія царской власти въ религиозныхъ вопросахъ, не отказываясь отъ своего ученія или не становясь въ полное противорѣчіе съ нимъ, и Аввакумъ рѣзко перемѣняетъ свою точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ. «Въ коихъ правилѣхъ писано,—спрашивалъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій,— царю церковію владѣть и догматы измѣнять, святая кадитъ?» Ограничивая такимъ образомъ власть царя въ дѣлахъ церковныхъ, Аввакумъ не касался однако его свѣтской власти и, напротивъ, оговаривался, что этой послѣдней онъ не думаетъ «восхищать». Та же осторожность сказалась въ этомъ случаѣ у Аввакума и по отношенію къ личности царя: отвѣчая на вопросы своихъ учениковъ, слѣдуетъ ли молиться за царя, онъ совѣтовалъ молиться за живого, на обращеніе котораго еще можно питать надежду, а на молитвахъ за умершаго по крайней мѣрѣ не наставлялъ, а иногда даже рѣшительно отвергалъ ихъ. Такое устраненіе авторитета церковной и свѣтской іерархіи въ религиозныхъ вопросахъ неизбежнымъ послѣдствіемъ своимъ имѣло нѣкоторое освобожденіе личнаго разума. Правда, оно не могло быть ни полнымъ, ни даже особенно значительнымъ, такъ какъ въ основаніе всякаго вопроса полагался все-таки принципъ старинны, но по крайней мѣрѣ въ опредѣленіи этой старинны главная роль отводилась уже личной дѣятельности человека. Прежде всякихъ дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи предстояло докончить отстраненіе насильственной опеки надъ совѣстью человека путемъ отрицанія самыхъ средствъ грубаго насилия въ дѣлѣ религиозной пропаганды и мысль Аввакума подъ вліяніемъ испытаній, вынесенныхъ имъ самимъ и его товарищами отъ противниковъ, дѣйствительно обратилась въ эту сторону. Въ его произведеніяхъ начинаютъ попадаться мѣстами какъ бы слабые проблески идеи вѣротерпимости, принявшіе наконецъ уже довольно законченную форму въ знаменитомъ мѣстѣ:

«Житія», такъ мало гармонирующемъ съ извѣстнымъ намъ характеромъ проповѣдчика, какъ суроваго и непримиримаго фанатика.

«Чудо, — говоритъ онъ здѣсь про никоніанъ, — какъ то въ познание не хотѣть притти! Огнемъ, да кнутомъ, да вѣсѣлицею хотѣть вѣру утвердить! Которые то апостоли научили такъ? — не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, ежебы огнемъ, да кнутомъ, да вѣсѣлицею въ вѣру приводить. . . Татарской богъ Магметъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ ихъ главы мечемъ подклонити. А нашъ Христосъ ученикамъ своимъ никогда такъ не повелѣлъ. И тѣ учителя явны яко шипи антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предають; по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковы же».

Таковы тѣ стадіи, на которыхъ мы можемъ прослѣдить развитие общественной и религіозной мысли Аввакума. Послѣднія изъ нихъ не представляются при этомъ столь рѣзко очерченными и опредѣленными, какъ первыя: даже въ тѣхъ самыхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ заимствованы только что приведенныя нами мѣста, имѣются другія, стоящія въ противрѣчій съ ними, проводящія старыя взгляды, и особенно трудно въ этомъ смыслѣ дается Аввакуму идея вѣротерпимости, въ концѣ концовъ и усвоенная имъ только въ формѣ отрицанія казней за вѣру. Старыя идеи глубоко укоренились въ умѣ проповѣдника и не легко поддавались трансформации.

На основаніи всего сказаннаго мы можемъ теперь подвести и общіе итоги относительно возникновенія и значенія раскола за первое время его существованія, то время, когда Аввакумъ игралъ роль главнаго его борца и вдохновителя. Значеніе это не ограничивается тѣсными рамками церковной сферы. Послѣднія послужили лишь конкретной формой для воплощенія движенія, гораздо болѣе широкаго по своей сущности, основаннаго на идеяхъ, охватывавшихъ собою дѣльный жизненный строй. Появленіе на почвѣ русской дѣйствительности фактовъ, противорѣчившихъ господствовавшей идеѣ исключительнаго націонализма, повело къ критикѣ послѣдняго, которая вынудила его представителей точнѣе формулировать свои взгляды, свести ихъ въ болѣе строгую и стройную си-

стему, и въ дальнѣйшемъ породило борьбу двухъ противоположныхъ мировоззрѣній. Такая борьба и вызванное ею раздѣленіе общества прежде всего проявились на почвѣ церковныхъ порядковъ, такъ какъ и вся жизнь общественная и государственная того времени до послѣднихъ своихъ мелочей представлялась проникнутой религіознымъ принципомъ, въ которомъ она находила свою высшую цѣль и свое оправданіе. Борьба эта принимала все болѣе ожесточенный характеръ по мѣрѣ того, какъ становилось яснѣе принципиальное различіе сторонъ, и завершилась наконецъ рѣзкимъ раздѣленіемъ общества на двѣ отдѣльныя группы, образованіемъ раскола. Самый фактъ однако отпаденія отъ церкви значительнаго количества людей не изъ-за разногласія въ пониманіи христіанскихъ истинъ, не изъ-за различія догматовъ, а изъ-за мелкихъ обрядовыхъ различій не могъ возникнуть подъ вліяніемъ одного сведенія религіи на обрядовую форму и становился возможнымъ только при томъ условіи, что эти различія почерпали свой смыслъ и значеніе въ идеяхъ не только религіознаго, но и общественнаго порядка. Расколъ явился такимъ образомъ результатомъ того умственного кризиса, который переживало русское общество второй половины XVII вѣка, поставленное условіями государственной жизни въ необходимость провѣрить основы своего міросозерцанія на основаніи новыхъ фактовъ, расширившихъ его умственный кругозоръ: въ рамки раскола замкнулись лица, желавшія сохранить въ цѣлости все прежнее религіозно-націоналистическое мировоззрѣніе, и лишь позднѣе, въ то время, которое лежитъ уже за хронологическою гранью нашего разсказа, это чисто идейное движеніе было осложнено политическими и социальными факторами, первоначально въ немъ отсутствовавшими. Тѣмъ не менѣе значеніе раскола уже и на первыхъ порахъ его существованія не исчерпывалось одною реакціею религіозно-общественнаго характера: фактъ образованія отдѣльной религіозной общины, ставшей внѣ связи съ церковной іерархіей и вызвавшей противъ себя преслѣдованіе со стороны свѣтской власти, не только повлекъ за собою измѣненія во внѣшней организаціи церковныхъ

отношеній внутри этой общины, но и породилъ въ умахъ ея членовъ новыя представленія и идеи о церкви и государствѣ, въ свою очередь ставшія въ противорѣчіе даже съ тѣми сторонами стараго порядка, которыя находили себѣ полное признаніе у противниковъ раскольниковъ. Въ этой сторонѣ раскола коренились уже слабыя зародыши будущаго сектантства—проповѣдника свободы человѣческой мысли въ религіозной и общественной сферѣ.

Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно характерна и полна глубокаго трагизма и личная судьба Аввакума. Онъ хотѣлъ идти заодно съ церковью и всталъ къ ней въ оппозицію, приведшую къ изверженію его изъ церкви, искалъ союза съ государственною властью, а послѣдняя вооружилась противъ него. Его идеи не успѣли все же совершить такого быстрого и крутого поворота, какой произошелъ въ его фактическомъ положеніи, и онъ представляетъ собою одинъ изъ типичнѣйшихъ образцовъ того переходнаго момента, когда господствовавшая раньше въ обществѣ система становилась достояніемъ оппозиціонной партіи. Если бы онъ побѣдилъ въ борьбѣ, онъ былъ бы гонителемъ не менѣе, если еще не болѣе, беспощаднымъ и жестокимъ, чѣмъ тѣ, которые гнали и мучили его самого; но для исторіи онъ важенъ, какъ побѣжденный, и въ этомъ его значеніе. Какъ защитникъ націоналистическаго міровоззрѣнія, онъ принадлежитъ старому времени, какъ проповѣдникъ свободы совѣсти — новому.

* * *

Годы шли за годами, а въ положеніи Пустозерскихъ узниковъ не происходило никакой перемѣны. Но преждему были они заключены въ четырехъ стѣнахъ своей тюрьмы, по преждему не было никакого просвѣта въ ихъ мрачной судьбѣ. Даже Аввакумъ, сначала еще питавшій надежду на скорое освобожденіе, постепенно утрачивалъ ее. Проходили годы, совершались важныя перемѣны въ Московскомъ государствѣ. умеръ самъ царь Алексѣй, которому Аввакумъ приписывалъ

вину распространенія ереси и преслѣдованія благочестія, вступилъ на престолъ сынъ его Федоръ, а тяжелое заключеніе все тянулось и не предвидѣлось ему конца. Какъ ни силенъ духомъ и крѣпокъ тѣломъ былъ Аввакумъ, но и его закаленная въ бѣдствіяхъ натура подалась подъ тяжестью этого испытанія, становившагося наконецъ невыносимымъ при его шестидесятилѣтнемъ возрастѣ. Въ 1681 году онъ написалъ и отправилъ къ царю Федору Алексѣевичу посланіе, въ которомъ ясно сказалось не совсѣмъ уже нормальное состояніе узника, выразившееся въ беспорядочности его мыслей и въ полномъ отсутствіи способности владѣть собою.

Начинаеть Аввакумъ это посланіе крайне смиренно. «Благого и преблагого и всеблагаго Бога нашего благодатному устроенію, блаженному и треблаженному и всеблаженному, государю и шему свѣту, свѣтлу русскому, царю и великому князю Федору Алексѣевичу, не смѣю нарещися богомолецъ твой, но яко пѣкій извертъ и непричастенъ ногамъ твоимъ, издадече воюю, яко мытарь: милости въ буди ми, господи!». Помилуй мя страннаго, устранишагося грѣхми Бога и человекъ,—помилуй мя, Алексѣевичъ, дитятко красное церковное! Тобою хочется весь міръ просвѣтитися, о тебѣ люди Божія расточенныя радуются, яко Богъ намъ далъ державу крѣпкую и незбылему. Стради ми, отрасль царская, отради ми и не погуби мене со беззаконными мѣими... Заве ты еси царь мой и азъ рабъ твой; ты показавъ елеомъ радости, а азъ обложенъ узами желѣзными; ты, государь, царствуешь, а азъ во юдоли плачевной влчуся». Но не за одного себя просилъ Аввакумъ и, моля о милости и освобожденіи, не отказывался онъ отъ подвига всей своей жизни. «Аще не ты по Господѣ Божѣ,—продолжалъ онъ,—кто намъ поможетъ? Столпи поколебашася наѣтомъ сатаны, патриарси низмогоста, святители падоста и все священство еле живо, Богъ въеть, али и умроша. Спаси, спаси ихъ, Господи, имп-же вси судбами!» Но непосредственно за этими смиренными мольбами, обращенными къ царю и къ Богу, прорывался дикая вспышка фанатическаго изувѣрства, подкрѣпленнаго накопившимся втеченіи многихъ лѣтъ бессильнымъ раздраженіемъ: «А что, царь-государь, какъ бы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ, что Ілія пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и освятить, чаю». Среди дальнѣйшихъ, беспорядочно набросанныхъ фразъ посланія, Аввакумъ вспоминаетъ и о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: «Богъ судить,—говорить онъ,— между мною и царемъ Алексѣемъ. Въ мукахъ онъ сидитъ,—слышалъ я отъ Спаса: то ему за свою правду. Иноземцы, что знаютъ, что велѣно имъ, то и творили.

Своего царя Константина, потерявъ безвѣріемъ, предали Турку, да и моего Алексѣя въ безуміи поддержали»...

Въ недобрый часъ пришла Аввакуму мысль написать это посланіе. При московскомъ дворѣ мало уже осталось тѣхъ его доброжелателей, которые такъ долго отводили отъ него конечную бѣду, да и тѣ, которые были еще пощажены временно, или уже совсѣмъ одряхлѣли, или потеряли свой вѣсъ и значеніе со вступленіемъ на престолъ молодого царя. Самъ этотъ царь, къ которому обращался Аввакумъ, не былъ связанъ, какъ отецъ его, съ раскольниками ни узами личной дружбы, ни общностью многихъ взглядовъ: воспитанный кievскимъ монахомъ Полоцкимъ, наученный польскому языку и съ охотой читавшій на немъ книги, онъ являлся уже представителемъ поколѣнія, выросшаго на идеяхъ реформы, чуждаго того мучительнаго колебанія, которымъ для поколѣнія предшествовавшаго сопровождался разрывъ съ идеями и порядками старины. При такихъ условіяхъ осужденный соборомъ старикъ-раскольникъ, выступавшій съ рѣзкими и безповоротными осужденіемъ какъ церковной реформы, такъ и всякаго общенія съ иноземцами, рѣшавшійся поносить память покойнаго царя, не могъ рассчитывать ни на помилованіе, ни на сожалѣніе. «За великія на царскій домъ хулы» приказано было сжечь и Аввакума, и его товарищей по заключенію.

Въ день, назначенный для совершения казни, 1-го апрѣля 1681 года на площади Пустозерска воздвигнуть былъ костеръ изъ дровъ и на немъ привязали Аввакума съ товарищами. Раскольничье преданіе въ томъ видѣ, какъ его сохранилъ г. Мельниковъ, такъ рассказываетъ о послѣдовавшемъ затѣмъ:

«Собралися народъ и снялъ шапки... дрова подожгли,—замолчали всѣ: Аввакумъ сложилъ двуперстный крестъ и началъ говорить народу: «вотъ, будете этимъ крестомъ молиться, во вѣкъ не погибнете, а оставите его,—городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ; а погибнетъ городокъ,—настанетъ и свѣту конецъ!» Огонь охватилъ казнимыхъ и одинъ изъ нихъ закричалъ,—Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать... Такъ и сгорѣли».

Жизнь, представлявшая собою почти непрерывный рядъ страданій и мученій, закончилась на кострѣ. То ученіе, кото-

рое было непосредственной причиной этой трагической кончины, въ значительной степени, если не вполне, потеряло уже свой смыслъ и значеніе, условія жизни подверглись сильной перемѣнѣ, но свѣтъ этого костра, представляющаго одинъ изъ памятниковъ въ безконечномъ мартирологѣ исторіи, свѣтитъ еще и теперь, на разстояніи двухъ вѣковъ, личность погибшаго на немъ мученика способна еще и теперь вызывать къ себѣ уваженіе своею безпредѣльною нравственною стойкостью.

Эта казнь довершила дѣло, начатое ссылкой Аввакума, дорисовала его значеніе въ глазахъ современниковъ и ближайшаго потомства. Для раскольниковъ онъ являлся теперь не только мужественнымъ проповѣдникомъ, но и мученикомъ ихъ дѣла, и этотъ подвигъ мученичества въ сознаніи многихъ подкрѣплялъ и освящааъ самое ученіе, ради котораго онъ былъ предпринятъ. Особенно среди народныхъ массъ, вообще живущихъ болѣе чувствомъ, чѣмъ умомъ, страдальческая смерть проповѣдника приобрѣтала значеніе непоколебимаго, превосходящаго всѣ теоретическія доказательства, довода въ пользу его ученія. Такое отношеніе къ Аввакуму въ раскольничьей средѣ особенно ярко обнаружилось во время спора, раздѣлившаго было раскольничьи общины вскорѣ послѣ его смерти и возбужденнаго отголосками его же проповѣди. Выше мы упоминали, что Аввакумъ, хотя и не вполне, быть можетъ, сознательно, явился создателемъ еретическаго ученія о трисущности Троицы; наравнѣ съ остальными пунктами проповѣди бывшаго протопопа и этотъ былъ усвоенъ наиболѣе ревностными его послѣдователями, въ особенно значительномъ количествѣ населенными керженскіе скиты, гдѣ главою ихъ сдѣлался старецъ Ануфрій. Здѣсь почтеніе къ памяти Аввакума проявлялось въ особенно благоговѣйныхъ формахъ: раскольники писали иконы его и поклонялись имъ, сочиненія своего учителя, и въ томъ числѣ особенно его полемическія «письма» къ діакону Фодору, украшали богатыми бархатными переплетами, хранили въ церквахъ у образовъ и почитали ихъ почти какъ евангеліе. Ересь, заключавшаяся въ этихъ произведеніяхъ, скоро, правда, нашла

себѣ отпоръ въ самой раскольничьей средѣ: именно руководители московской общины, въ которой болѣе находилось людей съ богословскимъ образованіемъ, выступили съ обличеніемъ заблужденія Аввакума уже въ 1693 г. и успѣли добиться ихъ осужденія въ Москвѣ. Но на Керженцѣ не хотѣли признавать этого постановленія и долго еще продолжали упорно отстаивать святость и правоту Аввакумова ученія: «добры письма, говорили здѣсь, страдалецъ бо ихъ писалъ», «свѣтлѣ солнца письма Аввакумовы», заявляли наиболѣе ревностные изъ керженскихъ скитниковъ въ самой Москвѣ. Расколъ раздѣлился на двѣ партіи: на строгихъ послѣдователей Аввакума, прозванныхъ «ануфріевцами» отъ имени своего главнаго вождя, и на отвергавшихъ православіе нѣкоторыхъ его произведеній, которыхъ получили въ устахъ противоположной партіи имя «кривотолковъ». Уваженіе къ имени и страданіямъ бывшаго юрьевца протопопа было однако такъ велико, что даже эти противники его ученія относились къ нему далеко не съ обычной у нихъ въ подобныхъ случаяхъ страстностью: полемизируя съ ересью Аввакума, они старались не только не задѣвать, но по мѣрѣ возможности даже совсѣмъ выгородить изъ спора его личность, охотно предполагая, почти вопреки очевидности, что спорныя письма и не принадлежатъ Аввакуму, или что онъ отъ нихъ впоследствии отказался. Но даже и такая полемика, сосредоточенная исключительно на самомъ вопросѣ, независимо отъ личности человѣка, его возбудившаго, не достигала своей цѣли: подъ давленіемъ московскихъ раскольничьихъ богослововъ, изъ которыхъ повидимому наиболѣе видную роль игралъ въ этомъ дѣлѣ нѣкій Тимофѣй Матвѣевичъ, Ануфрій и его приверженцы соглашались отвергнуть все, что было въ «письмахъ» несогласнаго съ божественнымъ писаніемъ, но непосредственно вслѣдъ затѣмъ, припертые къ стѣнѣ всепросами самихъ письмахъ, они заявляли, что «не токмо единой строки, но ни чертицы несходной нѣсть въ письмахъ Аввакумовыхъ, но все въ нихъ сходно съ божественнымъ писаніемъ». Потребовалась новая, еще болѣе серьезная уступка со стороны защитниковъ догматовъ, чтобы склонить противниковъ къ признанію своего мнѣнія. Возник-

шій раздоръ былъ прекращенъ своего рода компромиссомъ, въ силу котораго Ануфрій и его приверженцы обязывались никогда не читать и не толковать спорныхъ писемъ Аввакума, но послѣднія и не подвергались никакой хулѣ или проклятію, а только «отлагались» т. е. изымались изъ обращенія. Только подъ такимъ условіемъ и то лишь въ 1710 году возстановленъ былъ миръ внутри раскольничьей общины. Такъ ревностно охраняли ученики Аввакума его имя отъ всякаго нареканія, такъ бережно вынуждены были относиться къ этому имени даже тѣ изъ раскольниковъ, которые видѣли въ Аввакумѣ человѣка, увлекшагося въ оресь. И въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ раскольниковъ, среди которыхъ уже не могло возникнуть спора по существу поднятаго Аввакумомъ догматическаго вопроса, съ теченіемъ времени правда и забытагося, за бывшимъ протопопомъ оставался эпитетъ «многострадальнаго мужа». Еще Денисовъ характеризуетъ его, какъ «мужа огненпальныя ревности, добраго страдальца, иже, ревнуя о благочестіи, всюду свободнымъ языкомъ проповѣдаше».

Не забыли Аввакума и съ другой стороны. Въ 1717 году арестованъ былъ въ Москвѣ, по обвиненію въ тайномъ исповѣданіи раскола, мужикъ Иванъ, оказавшійся на слѣдствіи сыномъ бывшаго юрьевца протопопа. Втеченіе многихъ лѣтъ томился онъ съ матерью и братомъ въ тяжкомъ заключеніи на Мезени, пока наконецъ его не освободило отсюда заступничество кн. Вас. Вас. Голицына, который и самъ въ то время находился уже въ опалѣ и черезъ Мезень проѣзжалъ въ мѣсто своей ссылки—Холмогоры. Его слово имѣло еще вѣсь у двоюроднаго брата его, кн. Бор. Ал. Голицына, стоявшаго тогда во главѣ правительства, и, благодаря ему, семья казненаго протопопа получила свободу. Проживъ нѣсколько лѣтъ на Москвѣ, Иванъ однако опять попалъ въ руки властей и на этотъ разъ уже не могъ освободиться. Напрасно онъ заявлялъ, что онъ «въ вѣрѣ православной и въ церкви православной каѳолической... въ соединеніи быть хощеть до кончины жизни своей непремѣнно», что онъ у исповѣди бывалъ и св. тайнъ причащался, а «крестное знаменіе полагаетъ онъ на себѣ

трехперстное первыхъ перстовъ», напрасно проклиналъ раскольниковъ и подтверждалъ, что «отца своего Аввакума за православнаго не пріемлетъ и вмѣняетъ его за сущаго святѣй церкви противника и всѣхъ злыхъ дѣлъ его отрицается»: слава отца громко говорила противъ сына и призракъ могучаго протопопа заслонялъ въ глазахъ судей мелкую фигуру Ивана Аввакумова. Дѣло о послѣднемъ все тянулось, и наконецъ, не смотря на всѣ его оправданія, его рѣшили «отослать въ монастырь дальній, куда надлежитъ, на вѣчное житіе». Только что успѣли однако назначить мѣстомъ его ссылки Кирилловъ монастырь, какъ 7-го декабря 1720 года Иванъ Аввакумовъ, «будучи въ С.-Петербургской крѣпости за карауломъ, умре».

Вопросы
ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

2

*Аксаковъ
С. Д. Смирновъ
С. Д. Смирновъ*

АКСАКОВЫ

ИХЪ ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

В. Д. Смирнова

Съ тремя портретами, гравированными въ Парижѣ и Петербургѣ.

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

К. Аксаковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕН. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
Больш. Подъяч., № 39

1895

Аксаков, С. Т.
С. Т. Аксаков
С. Т. Аксаков

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	стр.
I. Московскій кружокъ славянофиловъ	5
II. Центръ московскаго славянофильства — домъ Аксаковыхъ	19
III. Литературная дѣятельность С. Т. Аксакова	26
IV. Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ	34
V. Славянофильская доктрина	48
VI. Иванъ Аксаковъ.—Немезида славянофильства.—Славянофильство, какъ классовая теорія	66
VII. Заключение	78

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Мая 1895 г.

И С Т О Ч Н И К И.

- 1) Сочиненія С. Т., К. С. и И. С. Аксаковыхъ.
- 2) Критико-биографическій словарь С. Венгерова т. I.
- 3) Вл. Соловьевъ «Национальный вопросъ въ Россіи» т. II.
- 4) Мнх. Бо. . . . рнъ Происхожденіе славянофильства.

I. Московскій кружокъ славянофиловъ.

«Славянофильство или руссизмъ, не какъ теорія, не какъ ученіе, а какъ оскорбленное народное чувство, какъ темное воспоминаніе и массовый инстинктъ, какъ противодѣйствіе исключительно иностранному вліянію существовало со времени обрѣтія первой бороды Петромъ Великимъ».

Противодѣйствіе петербургскому «объевропеиванію» Россіи никогда не перемежалось; казенное, четвертованное, повѣшенное на зубцахъ Кремля и тамъ прострѣленное Меншиковымъ и другими царскими «потѣшными» въ видѣ буйныхъ стрѣльцовъ; убитое въ рavelинѣ петербургской крѣпости въ лицѣ царевича Алексѣя, оно—это противодѣйствіе—является какъ партія Долгорукихъ при Петрѣ II, какъ ненависть къ нѣмцамъ при Биронѣ, какъ разнузданная брань гениальнаго Ломоносова, какъ сама Елисавета, опирающаяся на тогдашнихъ славянофиловъ, чтобы сѣсть на престолъ: вѣдь народъ въ Москвѣ ждалъ, что при ея коронаваніи выйдетъ приказъ избить нѣмцевъ. Всѣ раскольники—славянофилы по настроенію. Солдаты, требовавшіе смѣны Барклая-де-Толли за его нѣмецкую фамилію, были предшественниками Хомякова и его друзей.

Война 1812 года сильно развила чувство народнаго сознанія и любви къ родинѣ, но патриотизмъ 1812 года не имѣлъ старообрядчески-славянскаго характера. Мы его видимъ въ Карамзинѣ и Пушкинѣ, въ самомъ императорѣ Александрѣ. Практически онъ былъ выраженіемъ того инстинкта силы, который чувствуютъ всѣ могучіе народы, когда ихъ задѣваютъ чужіе; потомъ это было торжественное чувство побѣды, гордое сознаніе даннаго отпора. Но теорія его была слаба; для того, чтобы любить русскую исторію, патриоты перекладывали ее на европейскіе нравы; они вообще переводили съ французскаго на русскій римско-греческій патриотизмъ Корнеля и Расина и не шли далѣе стиха:

Pour un soeur bien né, que la patrie est chère!
Какъ дорого отечество для благородно рожденнаго сердца!

Правда Шишковъ бредилъ уже и тогда о возстановленіи стараго слога, но вліяніе его было ограничено. Что же касается до настоящаго народнаго слога, то его зналъ одинъ офранцузившій

нѣтъ, что «это пробѣлъ недоразумѣнїа, грозный урокъ, данный народамъ—до чего отчужденіе и рабство могутъ довести». Это было покаяніе и движеніе. Оно и не прошло такъ. На минуту всѣ даже сонные и забытые воспрянули, испугавшись зловѣщаго голоса. Всѣ были изумлены, большинство было оскорблено, человекъ десять громко и горячо аплодировали автору».

Исторїя Россїи—грозный урокъ, данный народамъ, «до чего отчужденіе и рабство могутъ довести»,—такова основная мысль Чаадаева. Искренняя, выстрадавшая, она однако несправедлива до рѣзкости, до обиды. Комментируя ее, Чаадаевъ говорилъ: «въ Москвѣ каждаго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку и большой колоколь. Пушку, изъ которой стрѣлять нельзя, и колоколь, который свалился прежде, чѣмъ зазвонилъ. Удивительный городъ, гдѣ достопримѣчательности отличаются нелѣпостью; или можетъ быть этотъ большой колоколь безъ языка—гіероглифъ, выражающій эту огромную нѣмую страну, которую заселяетъ племя, назвавшее себя *славянами*, какъ бы удивляясь, что имѣетъ слово *человѣческое*»...

Нельзя было оставить безъ отпора такое неуваженіе. Чаадаевъ и славянофилы равно стояли передъ неразгаданнымъ сфинксомъ русской жизни; они равно спрашивали: «что же будетъ? Такъ жить невозможно; тягость и нелѣпость окружающаго очевидно невыносима—гдѣ же выходъ?»

«Его вѣтъ», отвѣчаетъ человекъ петровскаго періода, исключительно западной цивилизаціи, вѣрившій при Александрѣ I въ европейскую будущность Россїи. Онъ печально указывалъ, къ чему привели усилія цѣлаго вѣка: образованіе дало только новыя средства угнетенія, народъ стонетъ подъ игомъ, горшею прежняго. «Исторїя другихъ народовъ—говорить онъ—повѣсть ихъ освобожденія. Русская исторїя—развитіе крѣпостного состоянія». «Переворотъ Петра сдѣлалъ изъ насъ худшее, что могло сдѣлать изъ людей—просвѣщенныхъ рабовъ. Довольно мучались мы въ этомъ тяжеломъ, смутномъ нравственномъ состояніи, непонятые народомъ, отшатнувшись отъ него,—пора отдохнуть, пора свести въ свою душу миръ, прислониться къ чему-нибудь». Это почти значило, «пора умереть», и Чаадаевъ «прислонился» къ католицизму.

Славянофилы рѣшили вопросъ иначе.

Въ ихъ рѣшеніи лежало вѣрное сознаніе живой души въ народѣ, чутье ихъ было проникательнѣе ихъ разумѣнїа. Они поняли, что современное состояніе Россїи не смертельная, а лишь временная болѣзнь. И въ то время какъ у Чаадаева слабо мерцаетъ

возможность спасенія лицъ, а не народа, у славянофиловъ явно проглядываетъ мысль о гибели лицъ, захваченныхъ современной эпохой, и вѣра въ спасеніе народа—его будущность.

«Выходъ за нами,—говорили славянофилы,—выходъ—въ отреченіи отъ петербургскаго періода, возвращеніе къ народу, съ которымъ разобщило иностранное образованіе: *воротимся* къ прежнимъ допетровскимъ правамъ».

Вѣрное хорошее настроеніе воплотилось въ странную форму. Исторїя не возвращается; жизнь богата тканями, ей никогда не бываютъ нужны старыя платья. Всѣ возстановленія, всѣ реставраціи были всегда маскарадами: ни легитимисты не возвратились ко временамъ Людовика XIV, ни республиканцы—къ 8-ому Термидору. Случившееся стоитъ писанаго, его не вырубишь топоромъ... хотя бы самой гильотины.

Намъ сверхъ того и не къ чему возвращаться. Государственная жизнь допетровской Россїи была уродлива, бѣдна, дика,—а къ ней то и хотѣли славянофилы возвратиться, хотя они и не признаются въ этомъ: какъ же иначе объяснить всѣ археологическія воскрешенія, поклоненіе правамъ и обычаямъ прежняго времени и самыя попытки возвратиться не къ современной одеждѣ крестьянъ, а къ стариннымъ неуклюжимъ *боярскимъ* костюмамъ. И что это за ненависть къ фракамъ и брюкамъ нѣмецко-парижскаго покроя? Во всей Россїи кромѣ славянофиловъ никто не носилъ мурмолокъ. К. С. Аксаковъ одѣлся такъ «національно», что народъ на улицахъ принималъ его за персіянина, какъ рассказываетъ шутя Чаадаевъ.

Мурмолки и персидскіе кафтаны должны были набрасывать тѣнь на всѣ славянофильскія теорїи. Эта тѣнь по необходимости ступила, когда узкій, назойливый, даже наглый, націонализмъ нашель себѣ убѣжище и радушный приѣмъ въ славянофильскомъ лагерѣ.

«Такъ наприжѣръ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ былъ въ Москвѣ проѣздомъ панславистъ Гай. Москвитяне вѣрятъ вообще всѣмъ иностранцамъ; Гай больше чѣмъ иностранецъ, онъ былъ «нашъ братъ» славянинъ. Ему, стало быть, нетрудно было разжалобить нашихъ славянъ судьбою страждущихъ и православныхъ братьевъ въ Далмаціи и Кроаціи; огромная подписка была сдѣлана въ нѣсколько дней, и сверхъ того Гаю былъ данъ обѣдъ во имя всѣхъ сербскихъ и руснацкихъ симпатій. За обѣдомъ одинъ изъ нѣжнѣйшихъ по голосу и по занятіямъ славянофиловъ, чело-

вѣкъ *краснаго* православія, — К. Аксаковъ, — разгоряченный вѣроятно тостами за черногорскаго владыку, за разныхъ великихъ босняковъ, чеховъ и словаковъ, импровизировалъ стихи, въ которыхъ было слѣдующее «не совсѣмъ» христіанское выраженіе:

Упьюся я кровью мадыаровъ и нѣмецъ...

Всѣ неповрежденные съ отвращеніемъ услышали эту фразу. По счастью остроумный статистикъ Андросовъ выручилъ кроваваго пѣвца; онъ вскочилъ съ своего мѣста, схватилъ десертный ножикъ и сказалъ: «Господа, извините меня; я васъ оставляю на минуту; мнѣ пришло въ голову, что хозяинъ моего дома, старикъ настройщикъ Дизъ, — нѣмецъ; я сбѣгаю его прирѣзать и сей-часъ же возвращусь». Громъ смѣха заглушилъ негодованіе.

Письмо Чаадаева заставило славянъ организоваться. Въ началѣ 40-хъ годовъ они были въ полномъ боевомъ порядкѣ съ своей легкой кавалеріей подъ начальствомъ Хомякова и чрезвычайно тяжелой пѣхотой Шевырева и Погодина, съ своими застрѣльщиками, охотниками, ультра-якобинцами, отвергавшими все бывшее послѣ кievскаго періода, и умѣренными, отвергавшими только петербургскій періодъ; у нихъ были свои кафедры въ университетѣ, свое ежемѣсячное обозрѣніе, какъ бы символически выходившее всегда двумя мѣсяцами позже, чѣмъ слѣдовало, но все же выходившее. При главномъ штабѣ состояли православные гегеліанцы, византійскіе богословы, мистическіе поэты, множество женщинъ и пр., и пр. По всей линіи происходили ожесточенныя стычки съ западниками. Эти постоянныя, черезъ день повторявшіяся стычки очень интересовали литературные салоны въ Москвѣ. Надо замѣтить вообще, что Москва входила тогда въ ту эпоху возбужденности умственныхъ интересовъ, когда литературные вопросы, за невозможностью политическихъ, становятся во-просами жизни. Появленіе замѣчательной книги, напр. «Мертвыхъ Душъ», составляло событіе. Критики и антикритики читались и комментировались съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ бывало во Франціи или Англіи слѣдили за парламентскими преніями. Подавленность всѣхъ другихъ сферъ человѣческой дѣятельности бросала образованную часть общества въ книжный міръ и въ немъ одномъ дѣйствительно совершался глухо и полусловами протестъ противъ тяготы жизни. Въ лицѣ западниковъ и Грановскаго по преимуществу московское общество привѣтствовало равнуюсь къ

свободѣ мысль Запада, — мысль умственной независимости и борьбы за нее. Въ лицѣ славянофиловъ оно протестовало противъ оскорбленнаго чувства народности.

Все это, разумѣется, совершалось на вершинахъ общества, насколько не затронула массы. Въ то время и славянофильство и западничество по необходимости были эзотерическими, «внутренними» ученіями, истинный смыслъ которыхъ былъ доступенъ лишь немногимъ посвященнымъ.

«Я въ Москвѣ зналъ, — говоритъ одинъ современникъ, — два круга, два полюса ея общественной жизни. Сначала я былъ потереянъ въ обществѣ стариковъ гвардейскихъ офицеровъ временъ Екатерины, товарищей моего отца, и другихъ стариковъ, нашедшихъ тихое убѣжище въ странноприимномъ сенатѣ, товарищей его брата. Потомъ я зналъ другую, *молодую* Москву — литературно-свѣтскую. Что прозябало и жило между старцами пера и меча, дождавшимися своихъ похоронъ по рангу, и ихъ сыновьями или внуками, не искавшими никакого ранга и занимавшимся «книжками и мыслями», я не зналъ и не хотѣлъ знать. Промежуточная среда эта — настоящая николаевская Русь — была безцвѣтна и пошла, безъ екатерининской оригинальности, безъ отваги и удали людей 1812 года, безъ нашихъ стремленій и интересовъ... Говоря о московскихъ гостиницахъ и столовыхъ, я говорю о тѣхъ, въ которыхъ нѣкогда царилъ А. С. Пушкинъ, давали токъ декабристы, смѣялся Грибоѣдовъ, гдѣ М. Орловъ и А. Ермоловъ встрѣчали дружескій привѣтъ, потому что они были въ опалѣ; гдѣ наконецъ А. Хомяковъ спорилъ до 9-ти часовъ утра, начавши въ 9 вечера, гдѣ К. Аксаковъ съ мурмошкой въ рукѣ свирѣпствовалъ за Москву, на которую никто не нападалъ, гдѣ Р. выводилъ логически личнаго Бога ad majorem gloriam Hegelii, гдѣ Грановскій являлся съ своей тихой, но твердой рѣчью, гдѣ всѣ помнили Бакунина и Станкевича, гдѣ Чаадаевъ, тщательно одѣтый, съ нѣжными, какъ изъ воску, лицомъ, сердилъ оторопѣвшихъ аристократовъ и православныхъ славянъ колкими замѣчаніями, всегда отлитыми въ оригинальную форму и намбрено замороженными, гдѣ молодой старикъ А. И. Тургеневъ мило сплетничалъ обо всѣхъ знаменитостяхъ Европы отъ Шатобриана и Рекамье до Шеллинга и Рахели Варнгагенъ, гдѣ Боткинъ и Брюковъ нелететически наслаждались разсказами М. С. Щенкина и куда наконецъ падалъ, какъ конгревова ракета, Бѣлинскій, выжигая кругомъ все, что понадало...»

Въ этихъ кружкахъ за литературными чаями и литературными ужинами все волновалось и кипѣло. Москва принимала дѣятельное участіе въ спорахъ за мурмошку и противъ нихъ, барыни и барышни читали статьи очень скучныя, слушали пренія очень длинныя, спорили сами за К. Аксакова или за Грановскаго, жалѣли только, что Аксаковъ слишкомъ славянинъ, а Грановскій недостаточко патриотъ. Споры возобновлялись на всѣхъ литературныхъ и нелитературныхъ вечерахъ, на которыхъ встрѣча-

лись западники и славянофилы, а это бывало раза два или три въ недѣлю. Въ понедѣльникъ собирались у Чаадаева, въ пятницу—у Свербѣева, въ воскресенье—у Елагиной. Сверхъ участниковъ въ спорахъ, сверхъ людей, имѣвшихъ мнѣнія, на эти вечера прѣѣзжали охотники, даже охотницы, и сидѣли до двухъ часовъ ночи, чтобы посмотреть, кто изъ матадоровъ кого отдѣляетъ и какъ отдѣляютъ его самого: прѣѣзжали въ томъ родѣ, какъ встарѣ ѣздили на кулачные бои и въ амфитеатръ за Рогожской заставой.

Ильей Муромцемъ, развившимъ всѣхъ со стороны православія и славянизма, былъ А. С. Хомяковъ, «Горгіасъ, совопросникъ міра сего», по выраженію Морощкина. Умъ сильный, подвижной. Богатый средствами и неразборчивый въ нихъ, богатый памятью и быстрымъ соображеніемъ, онъ горячо и неутомимо проспорилъ всю свою жизнь. Боецъ безъ усталы и отдыха, онъ билъ и колоть, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ островами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ дѣсъ, откуда безъ молитвы выйти было нельзя.

Философскіе споры его состояли въ томъ, что онъ отвергалъ возможность разумомъ дойти до истины (одинъ изъ крайнихъ догматовъ славянофильства); онъ приписывалъ разуму одну формальную способность, способность развивать зародыши или зерна, даваемые откровеніемъ, получаема въ спорѣ. Если же разумъ оставленъ на самого себя, то, бродя въ пустотѣ и строя категорію за категоріей, онъ можетъ обличить свои заковы, но никогда не дойдетъ ни до понятія о духѣ, ни до понятія о безсмертіи. На этомъ Хомяковъ билъ на голову людей, оставившихся между религіей и наукой. Какъ они ни бились въ формахъ гегелевской методы, какія ни дѣлали построения, Хомяковъ шелъ за ними шагъ за шагомъ и подъ конецъ дулъ на картонный домъ логическихъ формулъ или подставлялъ ногу своимъ противникамъ и заставлялъ ихъ падать въ материализмъ, отъ котораго они стыдливо отрекались, или въ «атеизмъ», котораго они просто боялись. Хомяковъ торжествовалъ! Но, разумеется, онъ не могъ не пасовать передъ людьми, которые безбоязненно принимали *все* выводы науки, куда бы она ни вела ихъ.

Тутъ же были и другіе столпы славянофильства, братья Кирѣевскіе—Иванъ и Петръ. Оба они стоятъ печальными тѣнями на рубежѣ народнаго воскресенія; непризнанные живыми, недѣлившіе ихъ интересовъ, они не скидали савана, не разставались съ своей глубокой грустью.

«Преждевременно состарѣвшееся лицо Ивана Васильевича по-

сило рѣзкіе слѣды страданій и борьбы. Жизнь ему не улыбалась. Съ жаромъ принялся онъ въ своей юности за ежемѣсячное обозрѣніе «Европеецъ». Двѣ вышедшія книжки были превосходны, при выходѣ второй «Европеецъ» былъ запрещенъ. Онъ помѣстивъ въ «Денницу» статью о Новиковѣ. «Денница» была схвачена, и цензоръ Глинка посаженъ подъ арестъ. Кирѣевскій, разстроившій свое состояніе «Европейцемъ», уныло почилъ въ пустынь московской жизни; ничего не представлялось вокругъ—онъ не вытерпѣлъ и уѣхалъ въ деревню, затаивъ въ груди глубокую скорбь и тоску по дѣятельности. И этого человѣка, твердаго и чистаго, какъ сталь, разѣбла ржа. Черезъ 10 лѣтъ онъ возвратился въ Москву изъ своего отшельничества мистически настроенный.

Положеніе его въ Москвѣ было тяжелое. Совершенной близости, сочувствія у него не было ни съ западниками, ни съ славянофилами. Между нимъ и западниками была стѣна вѣры и церковныхъ, православныхъ догматовъ. Въ то же время поклонникъ свободы и принциповъ французской революціи, онъ не могъ раздѣлять пренебреженія ко всему европейскому новымъ старообрядцевъ-славянъ. Онъ однажды съ глубокой печалью сказалъ Грановскому: «Сердцемъ я больше связанъ съ вами, но не дѣлю многого изъ вашихъ убѣжденій; съ нашими я ближе вѣрой, но столько же расхожусь въ другомъ». Съ Иваномъ Кирѣевскимъ было больно спорить, какъ больно спорить съ разрушающимся человѣкомъ.

* * *

Характеристика славянофильскаго кружка вышла бы однако неполной, еслибы мы забыли упомянуть о самомъ фанатическомъ проповѣдникѣ правосвѣрія и народничества, К. Аксаковѣ. Мы еще часто будемъ встрѣчаться съ нимъ, пока—всего нѣсколько строкъ.

«Константинъ Аксаковъ не смѣялся, какъ Хомяковъ, въ диалектическомъ упоеніи мысли и не сосредоточивался въ безвыходномъ сѣтованіи, какъ Кирѣевскіе. Мужающій юноша, и притомъ вѣчный юноша,—онъ рвался къ дѣлу. Въ его убѣжденіяхъ мы видимъ не неувѣренное пытаніе почвы, не печальное сознаніе проповѣдника въ пустынь, не дальнія надежды, а фанатическую вѣру, нетерпимую, одностороннюю,—ту, которая могла бы сдвинуть съ мѣста горы. Аксаковъ былъ одностороненъ, какъ всякій воинъ. Онъ былъ окруженъ враждебной средой, средой сильной и имѣвшей надъ нимъ большія выгоды, ему надо было пробиваться черезъ ряды всевозможныхъ непріятелей и водрузить свое знамя. Какая ужъ тутъ терпимость!

«Вся жизнь его была безусловнымъ протестомъ противъ петровской Руси, противъ петербургскаго періода во имя непризнанной, подавленной жизни русскаго народа. Его діалектика уступала діалектикѣ Хомякова, онъ не былъ поэтъ-мыслитель, какъ И. Кирѣевскій, но онъ за свою вѣру пошелъ бы на площадь, пошелъ бы на плаху, а когда это чувствуется за словами, они становятся страшно убѣдительными. Онъ въ началѣ 40-хъ годовъ *проповѣдовалъ сельскую общину, мѣръ и артель*. Онъ научилъ Гакагоузна понимать ихъ и, послѣдовательный до дѣтства, первый опустил панталоны въ сапоги и надѣлъ рубашку съ кривымъ воротомъ. «Москва—столица русскаго народа, говорилъ онъ, а Петербургъ—только резиденція».

Аксаковъ остался до конца жизни вѣчно восторженнымъ и безпредѣльно благороднымъ юношей: онъ увлекался, былъ увлекаемъ, но всегда былъ чистъ сердцемъ. Въ 1844 году, когда споры славянофиловъ съ западниками дошли до того, что они уже не хотѣли болѣе встрѣчаться, Г. какъ-то шелъ по улицѣ, К. Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Г. дружески поклонился ему. Онъ-было пробѣжалъ, но вдругъ остановилъ кучера, вышелъ изъ саней и пошелъ къ Г. «Мнѣ было слишкомъ больно,—сказалъ онъ,—проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы понимаете, что послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вашу руку и проститься». Онъ быстро пошелъ къ своимъ санямъ, но вдругъ воротился. Г. стоялъ на томъ-же мѣстѣ; ему было грустно. Аксаковъ бросился къ нему, крѣпко обнялъ его и крѣпко поцѣловалъ. У него на глазахъ были слезы. Этому-то младенцу играть главную роль въ проповѣди славянофильства. Можно себѣ напередъ представить, сколько горячности было внесено въ эту проповѣдь и къ какимъ жизненнымъ практическимъ результатамъ могла она привести!

* * *

Быстро и далеко зашла ссора изъ-за теоретическихъ разногласій между западниками и славянофилами, и полемика за литературными чаями мало-по-малу перешла въ журнальную.

Грановскій, Г. и другіе кое-какъ еще ладили съ славянофилами. Не уступая началу, они не дѣлали изъ разномыслия личнаго вопроса. Бѣлинскій, страстный въ своей нетерпимости, шелъ дальше и горько упрекалъ своихъ друзей-западниковъ за покладистость.

«Я жидъ по натурѣ.—писалъ онъ одному изъ нихъ изъ Петербурга,—и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу. Грановскій хочеть знать, читалъ ли я его статью въ «Москвитянинѣ» (органѣ славянѣ)? Нѣтъ, и не буду читать. Скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія».

Зато честили его и славянофилы. «Москвитянинъ», раздраженный Бѣлинскимъ, раздраженный успѣхомъ «Отечественныхъ Записокъ» и успѣхомъ знаменитыхъ лекцій Грановскаго, защищался, чѣмъ попало, и всего менѣе жалѣлъ Бѣлинскаго; онъ прямо говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ опасномъ, жаждущемъ разрушенія, радующемся при зрѣлищѣ «пожара», и т. д.

«Москвитянинъ» былъ главнымъ образомъ выразителемъ профессорскаго славянофильства двухъ своихъ редакторовъ, Погодина и Шевырева—этихъ сіамскихъ близнецовъ, какъ ихъ тогда называли. «Москвитянинъ» мало-по-малу сталъ задѣвать уже не только Бѣлинскаго за его журнальныя статьи, но и Грановскаго—за его лекціи. И дѣлалось это къ сожалѣнію съ тѣмъ-же несчастнымъ отсутствіемъ такта, который возстановлялъ противъ славянскаго органа всѣхъ порядочныхъ людей. Шевыревъ и Погодинъ обвиняли Грановскаго въ пристрастіи къ западному развитію, къ извѣстному порядку опасныхъ идей. Грановскій поднялъ ихъ перчатку и смѣлымъ, благороднымъ возраженіемъ заставилъ ихъ покраснѣть. Онъ публично съ кафедръ спросилъ своихъ обвинителей, почему онъ долженъ ненавидѣть Западъ, и зачѣмъ, ненавидя его развитіе, сталъ бы онъ читать его исторію.

«Меня обвиняютъ,—сказалъ Грановскій,—въ томъ, что исторія служить мнѣ только для высказыванія моего воззрѣнія. Это отчасти справедливо, я имѣю убѣжденія и провожу ихъ въ моихъ чтеніяхъ; еслибы я не имѣлъ ихъ, я не вышелъ бы публично передъ вами для того, чтобы рассказывать въ большей или меньшей степени занимательно рядъ событій».

Отвѣты Грановскаго были такъ просты и мужественны, его лекціи такъ увлекательны, что славянскіе доктринеры притихли, а молодежь имъ рукоплескала. Послѣ курса былъ даже сдѣланъ опытъ примиренія. Западники давали Грановскому обѣдъ послѣ его заключительной лекціи. Славянофилы захотѣли участвовать. Пиръ былъ удаченъ; въ концѣ его послѣ многихъ тостовъ противники обнялись и поцѣловались. Но виноваты въ этомъ были лишь выпитые тосты.

Оказалось прежде всего невозможнымъ умиротворить Бѣлинскаго. Онъ слалъ своимъ друзьямъ грозныя письма изъ Петербурга, отлучалъ ихъ, предавалъ анаемѣ и писалъ все злѣе и злѣе въ «Отечественныхъ Запискахъ». Наконецъ онъ торжественно указалъ пальцемъ противъ «проказы» славянофильства и съ упрекомъ повторилъ: «вотъ вамъ она!»—онъ былъ правъ. Дѣло заключалось въ томъ, что нѣкогда любимый поэтъ, сдѣлавшійся святошей отъ болѣзни и славянофиломъ по родству, хотѣлъ стегнуть славянофиловъ умирающей рукою; по несчастію онъ избралъ для этого опять-таки полицейскую нагайку. Въ песнѣ подъ заглавіемъ «Не наши» онъ называлъ Чаадаева отступникомъ отъ православія, Грановскаго — лжеучителемъ, растлѣвающимъ юношество, Г. — слугой. носящимъ блестящую ливрею западной науки, и всѣхъ трехъ — измѣнниками отечеству.

Обстоятельство это, разумѣется, прибавило много горечи въ отношенія обѣихъ враждующихъ партій. Нашлись люди, которые съ восторгомъ носились съ доносомъ въ стихахъ и читали его, гдѣ только было возможно. Имя поэта, имя тѣща, кругъ, въ которомъ онъ жилъ, кругъ, который имъ восхищался, — все это раздражало умы. Славяне и западники стали другъ противъ друга съ обнаженными мечами, враждующіе, непримиримые, и это уже навсегда — вплоть до нашихъ дней.

Видимую побѣду на первыхъ порахъ одержали западники.

«На этотъ разъ, — говоритъ современникъ, — побѣдителями вышли не славяне. Общественное мнѣніе громко рѣшило въ нашу (западническую) пользу. Въ глухую ночь, когда «*Москвитянинъ*» тонулъ и «*Маякъ*» (другой славянофильскій органъ) не свѣтилъ ему больше изъ Петербурга, Бѣлинскій, вскормивши своей кровью «*Отечесто. Зап.*», поставилъ на ноги ихъ побочнаго сына («*Современникъ*» Н. Некрасова) и далъ имъ обоимъ такой толчекъ, что они могли нѣсколько лѣтъ продолжать свой путь съ одними корректорами и батырщиками, литературными мытарями и книжными грѣшниками. Бѣлинскаго имени было достаточно, чтобы обогатить два журнальныхъ прилавка и сосредоточить все лучшее въ русской литературѣ въ тѣхъ редакціяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе — въ то время, какъ таланты Кирѣевскаго и Хомякова не могли дать ни ходу, ни читателей «*Москвитянину*».

Побѣда западниковъ была однако, какъ мы скоро увидимъ, скорѣе мнимая, чѣмъ дѣйствительная. Славянофильство было только дискредитировано, но не уничтожено, и дискредитировано столько же статьями Бѣлинскаго, сколько собственной своей безтактностью. Основная его черта — полное отсутствіе политическаго

смысла, полная неопредѣленность гражданскихъ вождедѣній проявилась въ немъ на первыхъ же порахъ.

Мыслящая часть общества стала на сторону западниковъ. Эти послѣдніе все же звали впередъ, а не назадъ; эти послѣдніе все же знали, что имъ дѣлать, и, несмотря на тягостъ окружающаго, знали, чего хотѣть, чего искать. Въ славянофилахъ же была силенъ элементъ отчаянія, заставлявшій ихъ хвататься за соломинку и пытаться иллюзіями, чтобы спасти себя отъ полного маразма и унынія. Посмотрите, какъ разсуждали ихъ главари.

Хомяковъ твердилъ постоянно, что такъ какъ разумъ не можетъ дать никакого отвѣта на вопросы о Богѣ, безсмертіи души и т. д., то нужна вѣра. Въ сущности говоря, между недостаточностью разума и необходимостью вѣры никакой логической связи нѣтъ. Вѣра спасительна лишь въ томъ случаѣ, если она *есть*, никакая аргументація въ защиту ея необходимости не заставитъ меня проникнуться ею. Хомяковъ побуждалъ своихъ противниковъ лишь потому, что тѣ были робкіе люди, готовые постоянно прятать голову въ песокъ. Но однажды маленькій разговоръ съ поразительной ясностью открылъ всю несостоятельность его проповѣди.

«Присутствуя нѣсколько разъ при его спорахъ, — рассказываетъ одинъ современникъ, — я замѣтилъ, что Хомяковъ пугаетъ своихъ робкихъ противниковъ, и въ первый разъ, когда мнѣ самому пришлось помѣриться съ нимъ, самъ завлекъ его къ «страшнымъ» выводамъ. Хомяковъ щурилъ своей косою глазъ, потряхивалъ черными, какъ смоль, кудрями и (увѣренный въ побѣдѣ) улыбался.

— Знаете ли что, — сказалъ онъ вдругъ, какъ бы удивляясь новой мысли, — не только однимъ разумомъ нельзя дойти до разумнаго духа, развивающагося въ природѣ, но не дойдешь до того, чтобы понять природу иначе, какъ простое безпрерывное броженіе, не имѣющее цѣля, и которое можетъ и продолжаться, и остановиться. А если это такъ, то вы не докажете и того, что исторія не оборвется завтра, не погибнетъ съ родомъ человѣческимъ, съ планетой.

— Я вамъ и не говорилъ, — отвѣтилъ я ему, — что я беруъ это доказывать, — я очень хорошо зналъ, что это невозможно.

— Какъ? — сказалъ Хомяковъ, нѣсколько удивленный, — вы можете принимать эти страшные результаты свирѣпѣйшей имманенціи и въ вашей душѣ ничего не возмущается?

— Могу, потому что выводы разума независимы отъ того, хочу я ихъ, или нѣтъ.

— Ну, вы по крайней мѣрѣ *) *последовательны*; однако, какъ человеку надо *связнуть себя души*, чтобы примириться съ этими печальными выводами нашей науки и привыкнуть къ нимъ!

*) Хорошо это: «по крайней мѣрѣ»!

графъ Растопчинъ, да и тотъ частенько перевиралъ его, преобразовывая въ «балаганный стиль».

Но мѣръ того какъ война забывалась, патриотизмъ этотъ утихалъ и выродился наконецъ, съ одной стороны, въ подлую циническую лесть «Сѣверной Пчелы», съ другой—въ пошлый Загоскинскій патриотизмъ, называвшій Шую Манчестромъ, Шубуева—Рафаэлемъ, хваставшій штыками и дистанціей огромнаго размѣра «отъ стѣнъ Кремля до стѣнъ Китая»...

Только при императорѣ Николаѣ славянофильство изъ настроенія обратилось въ доктрину, теорію. Въ этомъ многое было по-вино, и прежде всего режимъ Николаевского царствованія. Удивительное время!

«Создалась,—говоритъ г. Любимовъ, большой сторонникъ Каткова и «Моск. Вѣд.», правительственная система, съ которой не могъ примириться ни одинъ независимый умъ, прилаживаясь къ которой свободная мысль могла, лишь заглушая себя, скрываясь, побѣждая себя, сосредоточивая вниманіе на свѣтлыхъ сторонахъ и закрывая глаза на темныя, удовлетворяясь довольствомъ личнаго положенія, лицемеря по-вольно или невольно, чтобы не прать противъ рожа.

«Государственная идея, высокая сама по себѣ и крѣпкая въ державномъ источникѣ ея, въ практикѣ жизни приняла исключительную форму «начальства». Начальство сдѣлалось все въ странѣ. Все Кесаревъ,—Богви оставалось весьма немногимъ. Все сводилось къ простотѣ отношеній начальника и подчиненнаго. Губернаторъ, при какой-то ссылкѣ на законъ, взявшій со стола томъ свода законовъ и сѣвшій на него съ вопросомъ: «гдѣ законъ?», былъ лицомъ типическимъ, въ частности добрымъ и справедливымъ человѣкомъ».

«Въ то время,—продолжаетъ г. Любимовъ,—купецъ торговалъ, потому что была на то милость начальства; обыватель ходилъ по улицѣ, спалъ послѣ обѣда въ силу начальническаго позволенія; приказный пилъ водку, женился, плодилъ дѣтей, бралъ взятки по милости начальническаго снисхожденія. Воздухомъ дышали, потому что начальство, снисходя къ слабости нашей, отпуская въ атмосферу достаточное количество кислорода. Рыба плавала въ водѣ, птицы пѣли въ лѣсу, потому что такъ разрѣшено было начальствомъ. Начальникъ былъ безответствененъ въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ, но имѣлъ, въ тѣхъ же условіяхъ, начальство и надъ собою. Для народа, несчаго тяготи и крѣпостныхъ, и государственныхъ повинностей, со включеніемъ тяжелой рекрутчины, то было время не легкой службы. Военные люди, какъ представители дисциплины и подчиненія, имѣли первенствующее значеніе, считались годными для всѣхъ родовъ службы. Гусарскій полковникъ засѣдалъ въ снудѣ, въ качествѣ обер-прокурора. Зато полковой священникъ, подчиненный обер-священнику, былъ служивый въ рясахъ, независимый отъ архіерея... Всякая независимая отъ службы дѣятельность человѣка считалась развѣ только терниной при незамѣтности и немедленно возбуждала опасеніе, какъ только чѣмъ-либо явно обнаруживалась... Тѣлесныя накаа-

нія считались главнымъ орудіемъ дисциплины и основой общественнаго воспитанія. Отъ ученія требовали только практической пригодности, наука была въ подозрѣніи. Съ 1848 года преслѣдованіе независимости во всѣхъ ея формахъ приняло мрачный характеръ».

При такихъ обстоятельствахъ, при такой тяжести жизни почва для утопіи, для всяческихъ мечтаній готова. Славянофилы не замедлили выдвинуть на сцену свою утопію, свои мечтанія, что было имъ такъ-же необходимо, какъ глотокъ свѣжаго воздуха задыхающемуся человѣку. Обстоятельства заставили ихъ организоваться, сплотиться и подыскать философскія подпорки для своихъ вождельнѣй.

Лѣтомъ 1836 г. въ одномъ изъ журналовъ того времени появилось знаменитое письмо Чаадаева. «Это былъ выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь; тонуло ли что и возвѣщало свою гибель, былъ ли это сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть объ утрѣ или о томъ, что его не будетъ,—все равно надо было проснуться».

Что, кажется, значать два-три листа, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ обзорѣніи? а между тѣмъ такова сила рѣчи сказанной, такова мощь слова въ странѣ мечтаній и непривыкшей къ свободному говору, что письмо Чаадаева потрясло всю мыслящую Россію. Оно имѣло полное право на это. «Послѣ «Горя отъ ума» не было ни одного литературнаго произведенія, которое сдѣлало бы такое сильное впечатлѣніе. Между ними—десятилѣтнее молчаніе. Мысль исподволь работала, но ни до чего не доходила. Говорить было опасно, да и нечего было сказать; вдругъ тихо поднялась какая-то печальная фигура и потребовала рѣчи для того, чтобы спокойно сказать: «lasciate ogni speranza».

«Со второй, третьей страницъ письма,—говоритъ современникъ,—меня остановилъ печально серьезный тонъ: отъ каждаго слова вѣяло долгимъ страданіемъ, уже охлажденнымъ, но еще озлобленнымъ. Такъ пишутъ только люди, долго думавшіе, много думавшіе и много испытавшіе въ жизни... Читаю далѣе—письмо растетъ, оно становится мрачнымъ обвинительнымъ актомъ, протестомъ личности, которая за все вынесенное хочетъ высказать часть накопившагося на сердцѣ».

«Каждый чувствовалъ тяготу. У каждаго было что-то на сердцѣ и все-таки всѣ молчали, наконецъ пришелъ человѣкъ, который по своему сказалъ—что. Онъ сказалъ только про боль, свѣтлаго ничего нѣтъ въ его словахъ, да нѣтъ ничего и во взглядѣ. Письмо Чаадаева—безжалостный крикъ боли и упрека петровской Россіи, она имѣла право на него; развѣ эта среда жалѣла, щадила автора; или кого-нибудь?»

«Разумѣется, такой голосъ долженъ былъ вызвать противъ себя оппозицію, или онъ былъ-бы совершенно правъ, говоря, что «прошедшее Россіи пусто, настоящее невыносимо, а будущаго для нея вовсе

- Докажите мнѣ, что *не наука* ваша истина, и я приму *ея* выводы также откровенно и безобязанно.
- Для этого надобно вѣру.
- Но, Алексѣй Степановичъ, вы знаете: «на нѣтъ и суда нѣтъ».

Хомяковъ утверждалъ недостаточность разума. Но что другое какъ не тотъ же недостаточный разумъ показалъ ему необходимость вѣры? Получилось безысходное противорѣчiе. Но надо было схватиться за соломинку, чтобы не принимать результатовъ «свирѣпѣйшей имманенціи», надо было за отсутствіемъ истинной вѣры изобрѣсть ея суррогатъ — недостаточность разума.

Такимъ же суррогатомъ питался и И. Кирѣевскій. По поводу общеизвѣстнаго его разсказа объ иконѣ, Влад. Соловьевъ дѣлаетъ немало остроумныхъ замѣчаній, говоря между прочимъ:

«По Кирѣевскому выходитъ, что предметъ народной вѣры всецѣло создается самой этой вѣрой: икона перестаетъ быть простой доской съ изображеніемъ и становится священнымъ и даже чудотворнымъ предметомъ лишь посредствомъ многовѣкового накопленія молитвъ и возношеній: она, такъ сказать, намагничивается обращенной на нее душевной силой вѣрующего народа. Но съ чего же этотъ народъ сталъ вдругъ въ обусловлена известными священными предметами, которые имѣютъ дѣйствительное значение сами по себѣ; икона не потому свята, что ей допустить съ Кирѣевскимъ, ей молятся, потому что она свята. Если иконѣ только накопленіемъ людскихъ молитвъ и слезъ,—то, спрашивается къ чему же первоначально обращались эти молитвы, передъ православіемъ родоначальника славянофильства; но сама эта народная вѣра, по его же взгляду, могла быть первоначально лишь какимъ-то случайнымъ самообогащеніемъ или бессмысленнымъ фетишизмомъ. Такъ, даже при самыхъ лучшихъ чувствахъ, не удается искусственное, преднамѣренное, субъективными мотивами вызываемое, обнищеніе внутренне чуждъ и непричастенъ народной вѣрѣ. Онъ вѣритъ въ народъ и въ его вѣру, но вѣдь народъ вѣритъ не въ самого себя и не въ свою вѣру, а въ независимые отъ него и отъ его вѣры религиозные предметы».

Сколько искусственнаго, дѣланнаго въ такой вѣрѣ и сколько душевнаго отчаянія въ этихъ попыткахъ. На совершенно справедливую мысль, что Россія велика и могуча, что у ней есть будущее, несмотря *ни на что*, славянофилы нагромождали настроенное зданіе — храмъ безъ Бога и украсили его иконами, къ вѣрѣ въ которыя возбуждали сами себя! Совершенно вѣрно замѣчено про нихъ:

«Въ первую минуту, когда Хомяковъ почувствовалъ пустоту

душевную, онъ поѣхалъ гулять по Европѣ во время соннаго и скучнаго царствованія Карла X-го, докончивъ въ Парижѣ свою забытую трагедію «Ермакъ» и потолковавши со всякими далматцами и чехами на обратномъ пути, — онъ воротился. Все скучно! По счастью открылась турецкая война, онъ пошелъ въ полкъ *безъ нужды, безъ цѣли* и отправился въ Турцію. Война кончилась и кончилась другая забытая трагедія «Дмитрій Самозванецъ». Опять скука!»

«Въ этой скукѣ, въ этой тоскѣ, при этой странной и страшной обстановкѣ, мелькнула какая-то новая мысль; едва высказанная, она была осмѣяна; *тѣмъ яростнѣе* бросился на отстаиваніе ея Хомяковъ, тѣмъ глубже она вошла въ плоть и кровь Кирѣевского. Сѣмя было брошено. На поствѣ и защиту всходовъ пошла сила первыхъ славянофиловъ. Надо было людей новаго поколѣнія, не свихнутыхъ, не подломленныхъ, которыми мысль ихъ была бы принята не страданіемъ, не болѣзнью, какъ до нея дошли учителя, а передачей, наслѣдіемъ. Молодые люди откликнулись на ихъ призывъ, люди Станкевича кружка примыкали къ нимъ, и въ ихъ числѣ такія сильныя личности, какъ К. Аксаковъ и Юрій Самаринъ».

II. Центръ московскаго славянофильства—домъ Аксаковыхъ.

Думаю, что, нисколько не преувеличивая дѣла, можно считать домъ Аксаковыхъ центромъ московскаго славянофильства. Здѣсь на самомъ дѣлѣ они любили собираться своимъ кружкомъ или «скопомъ», какъ они выражались: здѣсь ораторствовалъ Хомяковъ, здѣсь выросъ «пророкъ» славянства — Константинъ Аксаковъ, здѣсь же напитался славянскимъ духомъ его знаменитый братъ—Иванъ Сергѣевичъ. Обстановка этого дома, его обиходъ, мелкія и крупныя подробности его жизни - все это отпечатлѣлось на славянофильской доктринѣ въ ея окончательномъ видѣ. Все это носить на себѣ основной и рѣзко-замѣтный характеръ барства, — того барства, которымъ когда-то такъ славилась Москва. Полагаю, что барскаго характера разбираемой доктрины никто отрицать не станетъ, хотя почему-то никто до сей поры не подчеркивалъ его. А между тѣмъ, какъ увидитъ читатель, — здѣсь-то и кроется ключъ къ объясненію многихъ и многихъ особенностей славянофильства. Не хотѣли отмѣтить до сей поры, что и это

ученіе, какъ почти всѣ ученія, волновавшія до сей поры міръ и людей, — есть *классовое* порожденіе.

Характеристику «дома» начну съ отца — С. Т. Аксакова.

«Сергѣй Тимофеевичъ, — пишетъ Панаевъ, — былъ большой хлѣбосоль и гордился этою московскою добродѣтелью. Аксаковы тогда (въ 40-хъ годахъ) жили въ большомъ отдѣльномъ деревянномъ домѣ на Смоленскомъ рынкѣ. Для многочисленнаго семейства Аксакова требовалась многочисленная прислуга. Домъ его былъ биткомъ набитъ дворнею. Это была уже не городская жизнь въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, а патриархальная, ши-

С. Т. Аксаковъ.

рокая, помѣщичья жизнь, перенесенная въ городъ. Домъ Аксакова и снаружи, и внутри, по устройству и распоряженію совершенно походилъ на деревенскіе барскіе дома; при немъ были: «обширный дворъ, людскія, садъ и даже бани въ саду». «Домъ Аксаковыхъ, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ Панаевъ, — съ утра до вечера былъ полонъ гостями. Въ столовой ежедневно накрывался длинный и широкій столъ по крайней мѣрѣ на 20 кувертовъ. Хозяева были такъ просты въ обращеніи со всѣми посѣщавшими ихъ, такъ безцеремонны и радушны, что къ нимъ нельзя было не привязаться. Я по крайней мѣрѣ полюбилъ ихъ всею душою».

Во главѣ семьи и дома стоялъ Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ, знаменитый впоследствии авторъ «Семейной Хроники».

«Онъ былъ высокъ ростомъ, крѣпкаго сложенія и не обнаруживалъ еще ни малѣйшихъ признаковъ старости. Выраженіе лица его было необыкновенно симпатично, онъ говорилъ всегда звучно и сильно, но голосъ его превращался въ голосъ стентора, когда онъ декламировалъ стихи, а декламировать онъ былъ величайшій охотникъ». Характеръ добродушной патриархальности, лежавшій на всемъ складѣ домашней обстановки Сергѣя Тимофеевича, остался неизмѣннымъ вплоть до самой смерти его. Панаевъ знавалъ домъ Аксаковыхъ въ самомъ концѣ тридцатыхъ годовъ и началъ сороковыхъ. Но такимъ же его рисуютъ люди, которые столкнулись съ Сергѣемъ Тимофеевичемъ въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ. «Домъ Аксакова, — пишетъ Лонгиновъ, — былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ Москвѣ. Нравственное вліяніе Сергѣя Тимофеевича было ощутительно не въ одномъ семействѣ. Пріимѣрный супругъ, отецъ, братъ, онъ былъ и образцомъ друзей, къ которому шли за совѣтомъ и помощью его многочисленные друзья. Онъ умѣлъ съ перваго раза пріобрѣтать любовь и довѣріе всякаго и никому не отказывалъ въ своемъ содѣйствіи или участіи, а, напротивъ, самъ вызывался на услуги. Это была душа чистая, исполненная христіанскихъ чувствъ, и въ то-же время умъ свѣтлый, прямой, соединенный съ характеромъ откровеннымъ, возвышеннымъ и энергическимъ. Онъ сохранилъ до глубокой старости, среди тяжкихъ недуговъ, участіе ко всему прекрасному и силу воли вмѣстѣ съ какою-то младенческою ясностью души».

Эта-то «младенческая ясность души», переданная Сергѣемъ Тимофеевичемъ по наслѣдству обоимъ своимъ знаменитымъ сыновьямъ, и составляла, кажется, отличительное свойство характера главы дома Аксаковыхъ. Лонгиновъ говоритъ еще объ «энергій» и «возвышенности», но, думается, совершенно напрасно. По крайней мѣрѣ во всемъ, что вышло изъ-подъ пера Сергѣя Тимофеевича, ни энергій, ни возвышенности не видно, а видна, кромѣ огромнаго чисто стивіянскаго литературнаго таланта (кстати сказать и до сей поры неотдѣннаго), именно эта младенческая ясность души, это незлобіе духа, — цѣликомъ обломовскаго, и барскаго, словомъ, — духа легкой привольной жизни.

Сергѣй Тимофеевичъ — фигура замѣтная. Не напиши онъ ни одной строчки, все-же нельзя было-бы миновать его характеристики, такъ какъ онъ славенъ своими сыновьями: а ихъ именъ

не вычеркнетъ историкъ умственнаго развитія Россіи, какъ бы ни относился онъ къ славянофильству. Я посвящу ему нѣсколько страницъ, подчеркивая въ разсказѣ лишь тѣ черты, которыя характерны для настроенія «славянъ».

Онъ родился въ Уфѣ 20-го сентября 1791 года. Кто читалъ «Семейную Хроникку», тотъ помнитъ, до какихъ чрезвычайныхъ, рѣзкихъ проявленій доходила болѣзненная впечатлительность маленькаго Багрова. Это черта автобіографическая, какъ и все остальное въ «Семейной хроникѣ» и «Дѣтскихъ годахъ Багровавнучка», гдѣ надо только подставить вмѣсто Багровыхъ Аксаковыхъ, чтобы получить правдивую лѣтопись событій первыхъ лѣтъ жизни Сергѣя Тимофеевича. Обаятельная фигура интеллигентной, красивой, энергичной и вмѣстѣ съ тѣмъ безумно нѣжной матери маленькаго Багрова хотя и отзывается идеализаціей, но едва-ли слишкомъ противорѣчить дѣйствительности. Въ «Семейной Хроникѣ» есть страница классическая въ смыслѣ изображенія героизма материнскаго и вообще семейнаго чувства, и роль героини играетъ здѣсь мать Сергѣя Тимофеевича. Узнавши, что сыночекъ, отданный въ Казанскую гимназію, неожиданно захворалъ, — Аксакова бросила все и, несмотря на распутиду, пустилась въ путь.

«Въ десять дней, — сказано въ «Семейной Хроникѣ», — дотащилась моя мать до большаго села Мурашки на берегу Камы; здѣсь вышла уже большая почтовая дорога, крѣпче убѣжденная, а потому ѣхать по ней представлялось болѣе возможности, но зато изъ Мурашки надобно было переѣхать черезъ Каму, чтобы попасть въ село Шуранъ, находящееся въ 80 верстахъ отъ Казани. Кама еще не прошла, но надулась и посинѣла; накануне перенесли черезъ нее на рукахъ почту, но въ ночь пошелъ дождь, и никто не соглашался переправить мою мать и ея спутниковъ на другую сторону. Мать моя принуждена была поѣхать въ Мурашки; боясь каждой минуты промедленія, она сама ходила изъ дома въ домъ по деревнѣ и умоляла добрыхъ людей помочь ей, разсказывала свое горе и предлагала въ вознагражденіе все, что имѣла. Нашлись добрые и сильные люди, принимавшіе материнское сердце, которые обѣщали ей, что если дождь въ ночь уймется и къ утру хоть крошечку подмерзнетъ, то они берутся благополучно доставить ее на ту сторону и возьмутъ то, что она пожелаетъ имъ за труды. До самой зари молилась мать моя, стоя на коленяхъ передъ образомъ той избн, гдѣ провела ночь. Теплая материнская молитва была услышана: вѣтеръ разогналъ облака и къ утру морозъ высушилъ дорогу и тонкимъ ледочкомъ затащилъ лужи. На зарѣ шестеро молодыхъ, рыбаковъ по промыслу, выросшихъ на Камѣ и привывшихъ обходиться съ нею во всякихъ ея видахъ, каждый съ шестомъ или багровомъ, припавъ за спицу нетяжелую поклажу, перекрестясь на переконный крестъ, взяли подъ руки обѣихъ женщинъ, обутихъ въ мужскіе

сапоги, дали шесть Ѳедору, поручивъ ему тащить *чумань*, т. е. широкій лубокъ, загнутый спереди кверху и привязанный на веревкѣ, зная на тотъ случай, что неровно барыня устанетъ, — и отправились въ путь, пустивъ впередъ самаго расторопнаго изъ своихъ товарищей для ощущиванія дороги. Дорога лежала вкось, и надобно было пройти около трехъ верстъ. Переходъ черезъ громную рѣку въ такое время такъ страшенъ, что только привычный человекъ можетъ совершить его, не теряя бодрости и присутствія духа. Ѳедоръ и Параша просто рѣвѣли, прощались съ бѣлымъ свѣтомъ и со всѣми родными, и въ нихъ мѣстахъ надобно было силою заставлять ихъ идти впередъ, но мать моя съ каждымъ шагомъ становилась бодрѣе и даже веселѣе. Провожатыя поглядывали на нее и привѣтливо потрахивали головами. Надобно было обходить полниці, перебираться по сложнымъ вмѣстѣ шестамъ, черезъ трещины; мать моя ни за что не хотѣла съѣсть на чумань, и только тогда, когда дорога, подошедъ къ противоположной сторонѣ, пошла возлѣ самаго берега по мелкому мѣсту, когда вся опасность миновала, она почувствовала слабость; сейчасъ постлали на чумань мѣховое одеяло, положили подушки, мать легла на него, какъ на постель, и почти лишилась чувствъ: въ такомъ положеніи дотащили ее до ямскаго двора въ Шуранѣ. Мать моя дала сто рублей своимъ провожатымъ, но честные люди не захотѣли ими воспользоваться; они взяли по синенькой на брата (по пяти рублей ассигнаціями). Съ изумленіемъ слухая изъясненія горячей благода;ности и благословенія моей матери, они сказали ей на прощанье: «дай вамъ Богъ благополучно доѣхать», и немедленно отправились домой, потому что мѣшкатъ было некогда: рѣка прошла на другой день».

Безумно-нѣжно любимый, подъ крылышкомъ у матери, готовый воспринять смертнiю казнь, чтобы только сыну ея было хороше, — росъ Сергѣй Тимофеевичъ въ дворянскомъ гнѣздѣ. Жизнь была привольная, хотя и не роскошная, и это приволье чувствовалось во всемъ: и въ природѣ — тогда, въ началѣ нашего вѣка, неограбленной еще человекомъ, и въ воспитаніи, не подчиненномъ никакой ферулѣ, и въ окружающей помѣщичьей средѣ, провинціальной, тихой въ собственномъ кругу добродушной. Крѣпостной трудъ былъ тѣмъ пуховикомъ, на которомъ нѣжились и размякали холеные члены старыхъ и молодыхъ Обломовыхъ — отца Сергѣя Тимофеевича, добраго, мягкаго человека, неспособнаго ни на дурное, ни на хорошее, его самого, будущаго знаменитаго писателя, а большую часть жизни просто русскаго барина, про котораго трудно даже сказать что-нибудь опредѣленное. Нѣсколько противорѣчить этой картинѣ фигура Багрова — дѣда, энергическая, отчетливо выраженная, но и она въ сущности мало нарушала тишь и благодать Аксаковщины.

10-ти лѣтъ отъ роду Сергѣя Тимофеевича отдали въ Казанскую гимназію, а 4 года спустя онъ совершенно неожиданно по-

паль въ студенты. Что это былъ за студентъ 14-ти-лѣтній мальчикъ, плохо даже грамотный, — представить не трудно, но такъ какъ въ Петербургѣ распорядились открыть Казанскій университетъ, то очевидно нужны были и студенты. И вотъ, часть гимназій была отдана подъ университетъ, часть преподавателей назначена профессорами, а лучшіе изъ учениковъ старшихъ классовъ «произведены» въ студенты. Благодаря протекціи, въ число послѣднихъ попалъ и С. Аксаковъ, хотя самъ онъ сознается, что по познаніямъ своимъ далеко не заслуживалъ такого «производства» и, «слушая университетскія лекціи, онъ въ то же время весьма благообразно продолжалъ по нѣкоторымъ предметамъ учиться въ гимназій».

«Мало вынесъ я — рассказываетъ самъ Аксаковъ — научныхъ свѣдѣній изъ университета не потому, что онъ былъ еще очень молодъ, не полонъ и не устроенъ, а потому, что я былъ слишкомъ молодъ и дѣтски увлекался въ разныя стороны страстности своей природы. Во всю жизнь чувствовалъ я недостаточность этихъ научныхъ свѣдѣній, особенно положительныхъ знаній, и это много мѣшало мнѣ и въ служебныхъ дѣлахъ, и литературныхъ занятіяхъ».

Жизнь очень и очень многихъ старыхъ баръ складывалась безъ всякихъ душевныхъ бурь, безъ всякихъ тревоженій. Шла она благополучно въ гимназій, въ университетѣ, на службѣ и тихо угасала на перинѣ, безъ исканій, безъ уклоненій въ сторону. Своеобразный фатумъ, пожалуй даже предопредѣленіе, изложенное въ разныхъ грамотахъ, пожалованныхъ россійскому дворянству, — руководила ею. Надо было только выходить изъ рамокъ. Но въдѣ обломовщина справедливо считается основной чертой старо-русскаго характера, и «горе отъ ума» для него гораздо менѣе характерно, чѣмъ страданіе отъ ожирѣнія.

«Горя отъ ума» С. Аксаковъ не зналъ совершенно. Жизнь какъ-то проходила мимо него, не зацѣпляя его и лишь добродушно улыбаясь ему въ отвѣтъ на его постоянную добродушную улыбку. Въ немногія строки укладывается «бурный періодъ» его юности.

Въ 1808 г. семейство Аксаковыхъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и, по совѣту Карташевскаго, Сергѣй Тимофеевичъ опредѣляется переводчикомъ комиссіи составленія законовъ. Какъ это мѣсто, такъ и время опредѣленія на него было такого рода, что, не будь молодой чиновникъ всецѣло поглощенъ сцениче-

скими интересами, онъ могъ-бы весьма значительно расширить свой умственный кругозоръ. Онъ это не сдѣлалъ и даже его увлеченіе сценой прошло безслѣдно, ибо за всю жизнь Сергѣй Тимофеевичъ, если не считать переводовъ, не обмолвился ни единой драматической строчкой, и такимъ образомъ все его общеніе съ театральными сферами сводилось къ тому, что онъ вертѣлся за кулисами».

Прибавлять къ этому нечего: впечатлѣнія закулисной жизни нисколько не нарушали «младенческой ясности души», а когда эта послѣдняя захотѣла опредѣлиться, то естественно, что она вылилась въ теорію, вполне соотвѣтствующую ей по своей наивности.

Изъ воспоминаній С. Аксакова мы знаемъ, что еще студентомъ въ Казани онъ не долубливалъ Карамзина и пришель въ великій восторгъ отъ знаменитаго шишковскаго «Разсужденія о старомъ и новомъ слога» и прибавленій къ нему. «Эти книги совершенно свели меня съ ума — рассказываетъ Сергѣй Тимофеевичъ. — Я увѣровалъ въ каждое ихъ слово, какъ въ святыню. Русское мое направленіе и враждебность (откуда-бы быть ей, кажется?) ко всему иностранному укрѣпились сознательно, и темное чувство національности выросло до исключительности!» Еще болѣе великъ былъ восторгъ Аксакова, когда одинъ изъ его сослуживцевъ по комиссіи составленія законовъ — Казначеевъ — оказался роднымъ племянникомъ Шишкова и когда этотъ племянникъ, такой-же ярый славянофилъ, какъ и его дядя, узнавъ объ образѣ мыслей Сергѣя Тимофеевича, общался его на слѣдующій же день познакомить съ адмираломъ. Знакомство состоялось, и Сергѣй Тимофеевичъ сталъ домашнимъ человѣкомъ у творца теоріи, по которой слѣдовало говорить вмѣсто «министръ» «дѣловецъ государственный», вмѣсто «ассистентъ» — «присутственикъ», вмѣсто «аллея» — «прохожъ» и т. д.

Очевидно, что подъ такимъ вліяніемъ «русское мое направленіе» и «враждебность (!) ко всему иностранному» должны были еще укрѣпляться до крѣпости замороженной воды. Увлечись — или, лучше сказать, на обломовскомъ жаргонѣ — *допустишь* себя увлечь націонализмомъ, Аксаковъ восторгался напр. Николаевымъ и называлъ его безсмертнымъ, хотя Николаевъ знаменитъ лишь стихами, передъ которыми спасуетъ самъ Тредьяковскій. Возьмите хотя-бы такой вотъ апофеозъ Россіи:

Блесталъ конь бѣлъ подъ нимъ, какъ снѣгъ Атлантскихъ горъ,
Стрѣла летяща — бѣгъ, свѣча горяща — взоръ,

Дыханье — дымъ и огонь, грудь и копыта — камень,
На немъ Малекъ-Адель—или сраженій пламень.

Такиими стихами Аксаковъ восторгался. «Россія!» — твердилъ онъ. А вотъ удивительно, какъ напр. событія 1812 г. прошли совсѣмъ мимо него. По крайней мѣрѣ С. А. Венгеровъ говорить:

«Время нашествія Наполеона и слѣдующіе два года Сергѣй Тимофеевичъ провелъ въ деревнѣ. Онъ не только не принялъ никакого участія въ событіяхъ этихъ бурныхъ лѣтъ, но какъ-то они даже впечатлѣнія никакого на него не произвели, такъ что въ его воспоминаніяхъ, необыкновенно подробныхъ и прямо даже утомительныхъ тѣмъ, что въ нихъ обстоятельно говорится буквально о каждомъ пустякѣ, *для событий отечественной войны, какъ и для всѣхъ остальныхъ явленій общественной жизни, и мѣста не нашлось даже.* Не можемъ не подчеркнуть этого обстоятельства, потому что оно очень характерно для того, чтобы показать, до чего умственная жизнь молодого Аксакова была заповолнена декламацией и всякими театральными интересами».

Въ періодъ отечественной войны Аксаковъ не дѣлалъ даже того, что дѣлали всѣ остальные дворяне, — не кричалъ «ура» и не снаряжалъ батальоновъ изъ дворовыхъ. Онъ мирно почивалъ въ въ своей Аксаковкѣ — истинный Обломовъ во всемъ, что касалось общестственности.

Въ сущности его жизнь превращается въ календарь. Въ 1816 году онъ женился; 1816—1820 гг. прожилъ исключительно въ деревнѣ, въ 1826г. поселился на постоянное жительство въ Москвѣ; въ 1827 для увеличенія доходовъ сталъ цензоромъ и наввно жестоко преслѣдовалъ «Московскій Телеграфъ» Полевого, — лучший и весомиѣбно прогрессивный журналъ своего времени, служилъ въ Межевомъ училищѣ, сначала инспекторомъ, потомъ директоромъ. и вѣроятно умеръ-бы на перинѣ, еслибы нѣкоторыя обстоятельства не пробудили его громаднаго, но спавшаго все время литературнаго таланта.

III. Литературная дѣятельность С. Т. Аксакова.

Есть таланты дѣятельные, энергичные, ищущіе путей; есть другіе — вялые, совершенно безосновательные, безъ настоящаго внутренняго импульса, которые ждутъ, чтобы ихъ натолкнули на работу, указали-бы имъ настоящій родъ творчества, и только

въ такомъ случаѣ «исполняютъ они дѣло свое». Обломовъ-Аксаковъ 50 лѣтъ своей жизни подчинялся тому, про что ему говорили — «это хорошо». Онъ восторгался Шишковымъ, Николевымъ, Кукольниковымъ — даже водевилемъ Писаревымъ. Ему натолковали, что это «геній», и какъ-разъ *такимъ* гениемъ ему и хотѣлось быть. Онъ переводилъ Буало, ложноклассическія трагедіи, сочинялъ водевили и былъ какъ нельзя болѣе доволенъ собою. Онъ и не подозрѣвалъ даже, какая въ немъ скрыта громадная синтезирующая машина дѣйствительности! Онъ настойчиво приподнималъ свой слогъ до «высокаго штиля»; свои чувства — до «громъ побѣды»; свои мысли — до «теоріи русскаго націонализма», не подозрѣвая даже, что все это совершенно не нужно, что это — лишь обломовщина, приподнявшаяся съ кровати и старающаяся продрать глаза. Ему невѣдомо было, что онъ знаетъ, что онъ чувствовалъ: знанія и чувства дремали, а съ просонокъ можно было переkreщивать цѣлыя страницы «Московскаго Телеграфа» — якобы «вреднаго» и антипатріотическаго журнала русскаго.

Гоголь разбудилъ С. Т. Аксакова; Гоголь — это таинственно страшная сила, неоцѣнимая и неоцѣненная, чей смѣхъ, надѣясь, будетъ еще преслѣдовать и нашу русскую жизнь вообще — еще много и много лѣтъ, — показалъ Аксакову его самого.

С. Тим. сталъ писать очень рано — лѣтъ 16-ти; сначала — мадригалы, потомъ — пасторали и въ сущности всегда и повсюду перевоплощалъ свой первый мотивъ:

Другъ весны, пѣвецъ любезнѣйшій,
Будь единой мнѣ отрадою,
Уменьши тоску жестокою,
Что снѣдаетъ сердце страстное,
Пой красы моей возлюбленной,
Пой любовь мою къ ней пламенною,
Исчислай мой страданья всѣ,
Исчислай моей дни горести и т. д.

Неискренность и выдумка, самовзвинчиваніе и самоподыманіе на дыбы — вотъ краткая характеристика литературной дѣятельности Аксакова за первый періодъ. Знакомствомъ съ Гоголемъ начался второй — плодотворнѣйшій:

«Извѣстно, — говоритъ С. А. Венгеровъ, — что къ Гоголю дурно относились не только самые старинные литературные друзья Сергѣя Тимофеевича — разные ископаемые приверженцы Шишковскихъ теорій, но почти вся тогдашняя литература. Еще люди добродушные, вродѣ послѣдняго изъ прежнихъ знакомцевъ Сергѣя Тимофеевича — Загоскина, просто не понимали Гоголя, но большинство литераторовъ прямо

возненавидѣло малороссійскаго «шута», когда публика начала зачитываться его «сказками». Исключение составляла молодой московскій университетскій кружокъ, какъ въ профессорской своей части, такъ еще болѣе въ своей студенческой части, группировавшейся около проходившихъ тогда университетскій курсъ Константина Аксакова, Станкевича и Бѣлинскаго. Въ своихъ неоконченныхъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ и Сергѣй Тимофеевичъ прямо говоритъ, что только одна московская университетская молодежь и прозрѣла сразу, что въ лицѣ Гоголя народился гениальный писатель.

Во главѣ этихъ энтузіастовъ шелъ Константинъ Сергѣевичъ, сразу повисившій температуру отношеній, завязавшихся въ началѣ тридцатыхъ годовъ между домою Сергѣя Тимофеевича и Гоголемъ, до точки, которой они никогда бы не достигли, еслибы домо Аксаковыхъ имѣлъ своимъ представителемъ одного только степеннаго и уже пожилого тогда Сергѣя Тимофеевича. Константинъ Аксаковъ относился къ Гоголю съ такимъ молитвеннымъ восторгомъ, что заражалъ имъ рѣшительно всѣхъ окружающихъ, и въ результатѣ автора «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» такъ тепло принимали въ домѣ Сергѣя Тимофеевича, такъ баловали и окружали всякаго рода предупредительностью, что и онъ, въ свою очередь, не могъ не платить такимъ же отношеніемъ. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ, съ 1832 г. до самой смерти Гоголя, тянулась эта дружба, поддерживаемая и личными сношеніями, и перепиской, и вообще всякаго рода духовнымъ общеніемъ. Въ домѣ Сергѣя Тимофеевича Гоголь обыкновенно читалъ въ первый разъ свои новыя произведенія, и въ свою очередь Сергѣй Тимофеевичъ Гоголю первому читалъ свои беллетристическія произведенія еще въ то время, когда ни онъ самъ, ни его окружающіе не подозрѣвали въ немъ будущаго знаменитаго писателя.

Нельзя даже и сомнѣваться въ томъ, что самъ Сергѣй Тимофеевичъ не только-бы не оцѣнилъ Гоголя, а отнесся бы къ нему прямо враждебно, такъ какъ на самомъ дѣлѣ отъ «Мертвыхъ Душъ» къ соловьинымъ пѣснямъ никакого моста перекинуть нельзя. Къ счастью на этотъ разъ нашлись другіе «толкователи», и во главѣ ихъ стоялъ старшій любимый сынъ Сергѣя Тимофеевича — Константинъ, который, по поводу перваго тома «Мертвыхъ Душъ», издалъ свою извѣстную брошюру «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя...»

Основная мысль брошюры заключается въ томъ положеніи, что въ «Мертвыхъ Душахъ» мы видимъ величавое эпическое созерцаніе древнихъ, утраченное въ продолженіе вѣковъ и снова возстающее передъ нами во всей своей неувыдаемой красотѣ, и что у Гоголя мы встрѣчаемъ такую «полноту и конкретность» созданія, какою отличаются только созданія Гомера или Шекспира. «Только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь, — говоритъ К. Аксаковъ, — обладаютъ этой тайной искусства». Подобно тому, какъ у Гомера мы видимъ «всѣ образы природы человѣка, заключенные въ созерцаемомъ

міръ, и — соединенные чудно — глубоко и истинно шумятъ волны, несетъ корабль, враждуютъ и дѣйствуютъ люди», такъ и поэма Гоголя «представляетъ цѣлую сферу жизни, цѣлый міръ, гдѣ, какъ у Гомера, свободно шумятъ и блещутъ волны, всходитъ солнце, красуется вся природа и живетъ человѣкъ». Большинство читателей, по мнѣнію Аксакова, не подготовлено къ тому, чтобы вполне понять и оцѣнить поэму Гоголя, именно потому, что утратило вкусъ къ истинной классической красотѣ и приходитъ въ недоумѣніе передъ непривычнымъ или, лучше сказать, забытымъ характеромъ поэтическаго творчества. Въ первыхъ-же строкахъ брошюры К. Аксаковъ заявляетъ о «Мертвыхъ Душахъ», что передъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, является оправданіе цѣлой сферы поэзіи, — сферы, давно унижаемой, древній эпосъ возстаетъ передъ нами». Выясняя величіе и всеобъемлющее значеніе древняго эпоса, К. Аксаковъ отмѣчаетъ постепенное «обмеленіе его на Западѣ» и затѣмъ провозглашаетъ наступленіе новой эры художественнаго творчества въ поэмѣ Гоголя, гдѣ «тотъ-же глубоко проникающій и все видящій эпическій взоръ».

«К. С. Аксаковъ, — говоритъ Н. Шенрокъ, — замѣчаетъ, что «все — и муха, надобѣдающая Чичикову, и собаки, и дождь, и лошади отъ Засѣдателя до Чубараго, и даже бричка — все это, со всею своею тайною жизни. Гоголемъ постигнуто и перенесено въ міръ искусства». Въ грубую ошибку впадаютъ тѣ читатели и рецензенты, которые прежде всего хотѣли видѣть въ новомъ произведеніи анекдотъ, спѣшатъ искать завязку романа, «на все это молчитъ поэма», потому что такое воззрѣніе въ отношеніи къ ней слишкомъ близоруко и грубо, оно устремляется на мелочи и частности и не видитъ отраженія въ поэмѣ «безбрежнаго океана жизни». Столь-же недѣльнымъ представляется автору брошюры недовольство нѣкоторыхъ критиковъ тѣмъ, что «лица у Гоголя смѣняются безъ особенной причины, тогда какъ это именно и является естественнымъ слѣдствіемъ истиннаго эпическаго созерцанія, въ которомъ «одинъ міръ объемлетъ всѣ эти лица, связуя ихъ глубоко и неразрывно единствомъ внутреннимъ», и «древній, важный эпосъ является въ своемъ величавомъ теченіи!» Но особенно широкія надежды возлагаетъ К. С. Аксаковъ на продолженіе поэмы и видитъ въ первомъ томѣ, — безъ сомнѣнія, подъ влияніемъ самого Гоголя, — лишь начало рѣки, «дальнѣйшее теченіе которой, Богъ знаетъ, куда приведетъ насъ и какія явленія представитъ». Уже въ первомъ томѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ описаніи скорой ѣзды Чичикова, критикъ предполагаетъ отчасти вскрытіе завѣсы съ «общаго субстанціальнаго чувства русскаго».

Вся статья вообще преисполнена самаго восторженнаго молодого увлеченія, внушеннаго автору и личнымъ расположеніемъ къ Гоголю, и неувыдаемой прелестью его созданій, — увлеченія, доходящаго до

того, что, соглашаясь признать слогъ Гоголя не образцовымъ, критикъ неожиданно восклицаетъ: «И слава Богу! Это былъ бы недостатокъ».

Такіе восторженные и въ сущности далеко не безосновательныя рѣчи старшаго любимаго сына не могли не подчинить себѣ Сергѣя Тимофеевича. Художественное чутье подсказывало ему, что въ поэмѣ Гоголя дѣйствительно есть что-то высокое, неразгаданное, а съ другой стороны какъ прекрасно шла къ русофильскому міросозерцанію мысль, что у насъ «свой Гомеръ, свой Шекспиръ...» Но что дѣлалъ *нашъ* Гомеръ и Шекспиръ? Онъ только довѣрялся своему чувству, только описывалъ жизнь, какъ видѣлъ и понималъ ее. Такъ скоро сталъ поступать и самъ С. Т. Аксаковъ. Въ отношеніи къ нему, гений Гоголя былъ жезломъ Моисея, раскрывающимъ источникъ живой воды среди голой и мертвой пустыни.

«Близость съ Гоголемъ до страннаго скоро повліяла на Сергѣя Тимофеевича, сообщила его петербургской дѣятельности направленіе діаметрально-противоположное тому, котораго онъ до сей поры держался». Онъ пересталъ «выдумывать», пересталъ извинчивать себя на «высокій штиль», садясь за письменный столъ, — а это все, что требовалось. Онъ началъ рассказывать публикѣ то, что дѣйствительно зналъ, любилъ и помнилъ. Онъ зналъ природу средней полосы Россіи, любилъ ее и до мелочности помнилъ всѣ ея впечатлѣнія, зналъ, любилъ и помнилъ преданія собственного семейства и, довѣрившись своей любви, создалъ свои знаменитыя «Записки объ уженъ рыбы», «Записки ружейнаго охотника» и наконецъ свою «Семейную Хронику», — этотъ лучший изъ извѣстныхъ мѣст историческихъ документовъ стародворянской жизни.

Охотничьи записки Сергѣя Тимофеевича имѣли громкій успѣхъ. Имя автора, до тѣхъ поръ извѣстное лишь его литературнымъ пріятелямъ, прогремѣло по всей читающей Россіи. Его изложеніе было признано образцомъ прекраснаго «стиля», его описанія природы — дышущими поэзіей, его характеристика «птицъ и звѣрей» — мастерскими портретами. «Въ вашихъ птицахъ больше жизни, чѣмъ въ моихъ людяхъ», — говорилъ ему Гоголь. И правда, подъ перомъ Аксакова эти птицы жили своей несложной красивой жизнью...

Но «Записки объ уженъ рыбы» и «Ружейнаго охотника» были лишь пробами талантливаго пера. Весь облоховскій гений Аксакова проявился лишь въ его знаменитой «Семейной Хро-

никѣ». Такой преданности семейнымъ преданіямъ, такой любви къ родному углу, такой памяти о своей роднѣ — вы не найдете ни въ какой другой русской книгѣ. Раскрывши первую страницу, вы уже видите, чѣмъ упоено, вскормлено, на чемъ выросло сердце Сергѣя Тимофеевича Аксакова, что дало ему устои на всю жизнь, что образовало его взглядъ, его темпераментъ. Любовь къ прошлому, къ своему родному — проникаетъ каждую строку и неотрапимо дѣйствуетъ на читателя.

«Наряду съ пейзажемъ и общимъ колоритомъ свѣжести и непосредственности, — говоритъ С. А. Венгеровъ, — остается неизбѣжнымъ въ «Семейной Хроникѣ» и другой элементъ, сообщающій такую высокую художественную дѣйность звѣроловнымъ книжкамъ Сергѣя Тимофеевича, — его умѣнье давать яркія и выпуклыя характеристики. И такъ въ тѣхъ же звѣроловныхъ книжкахъ это умѣнье тоже имѣетъ своимъ источникомъ удивительную беллетрическую память Сергѣя Тимофеевича, пронесшую черезъ многія десятилѣтія сотни и тысячи характерныхъ подробностей. Само собою разумѣется, что человекъ, проявившій поразительную наблюдательность относительно нравовъ птицъ, рыбъ и звѣрей, тѣмъ въ большей степени долженъ былъ проявить ее, когда дѣло коснулось близкихъ ему людей и обстановки, среди которой онъ провелъ наиболѣе впечатлительные годы жизни. И дѣйствительно, число сохранившихся въ памяти Сергѣя Тимофеевича подробностей о помѣщицкой жизни было такъ велико, что въ дѣтскихъ годахъ Багровова-внука оно ему даже послужило весьма дурною службою, загромодивъ рассказъ чрезмѣрнымъ множествомъ богатства деталей придало всему произведенію удивительную сочность и живность. Кто знакомъ съ «Семейной Хроникой» даже только по вошедшему во всѣ хрестоматіи «Доброму дню Степана Михайловича», согласится конечно, что едва-ли во всей русской литературѣ есть другая болѣе полная физиологическая картина помѣщицкой жизни добраго стараго времени, съ ея удивительно смѣлымъ симпатичнѣйшаго добродушія и дикаго, подчасъ даже звѣрскаго самоудуштва. И какъ во всѣхъ истинныхъ шедеврахъ литературы яркость и полнота картинъ и характеристикъ «Семейной Хроники» отнюдь не связана съ болтливостью. Много-ли занимаютъ мѣста портреты добродѣтельнаго деспота Степана Михайловича, безцѣльно рвущейся куда-то Софьи Николаевны, ея кроткаго и симпатичнаго мужа, наконецъ характерной четы Куралеевыхъ? Какіихъ-нибудь 1. 1/2 листа. Да и вся-то «Семейная Хроника» со всей галлереей дѣйствующихъ лицъ ея, со всѣми ея разнообразными событіями, растянувшимися на пространствѣ многихъ лѣтъ, занимаетъ меньше 15 листовъ разгонистой печати. А между тѣмъ какъ все это рѣзко запечатлѣвается въ воображеніи читателя, какъ живо вырисовывается во весь свой ростъ. Такова сила истинно-художественныхъ пріемовъ».

Несомнѣнно, что горячая родственная любовь продиктовала Аксакову его книгу. А между тѣмъ можетъ-ли быть что-нибудь

отвратительнѣе правовъ, выведенныхъ въ ней? Добролюбовъ, человекъ другою класса, другого времени, не нашелъ въ «Хроникѣ» ничего кромѣ правдивой картины невыразимой мерзости: «Неразвитость нравственныхъ чувствъ, — пишетъ онъ, — извращеніе естественныхъ понятій, грубость, ложь, невѣжество, отвращеніе отъ труда, своеволие, ничѣмъ не сдержанное, — представляются намъ на каждомъ шагу въ этомъ прошедшемъ (изображенномъ въ «Хроникѣ»), теперь уже странномъ, непонятномъ для насъ и скажемъ, съ радостью, невозвратномъ... Да, всѣ эти поколѣнія, прожившія свою жизнь даромъ, на счетъ другихъ, — всѣ они должны были бы почувствовать *стыдъ*, горькій стыдъ при видѣ самоотверженнаго, безкорыстнаго труда своихъ крестьянъ. Они должны бы были вдохновиться примѣромъ этихъ людей и взяться за дѣло съ полнымъ сознаниемъ, что жизнь тунеядца презрѣнна и что только трудъ даетъ право на наслажденіе жизнью. Они не совѣстились присвоить себѣ это наслажденіе, отнимая его у другихъ. Горькое, тяжелое чувство сдавливаетъ грудь при воспоминаніи о давно-минувшихъ несправедливостяхъ и насиліяхъ...»

«Горькаго, тяжелаго чувства» не было и не могло быть у С. Аксакова; напротивъ, его отношеніе къ описываемому *чисто-родственное*. Пороли — по родственному, собирали оброкъ — по родственному, продавали людей — и это по родственному. Патриархальность правовъ — и все тутъ. Съ этой точки зрѣнія Хомяковъ былъ правъ, утверждая, что С. Т. Аксаковъ «первый изъ нашихъ литераторовъ взглянулъ на русскую жизнь положительно, а не отрицательно».

Hier ist der Hund begraben. Въ сущности говоря, то настроеніе, которое создало «Семейную Хронику», было распространено впоследствии Константиномъ Аксаковымъ на всю старо-русскую, допетровскую жизнь. Къ чему-же оно сводилось и какъ можетъ быть оно формулировано?

Старую пѣсню о томъ, что крѣпостныя отношенія въ значительной степени сглаживались и даже красились тѣмъ обстоятельствомъ, что они были отношеніями между живыми людьми, непосредственно близкими другъ къ другу, непосредственно знавшими другъ друга, — слышалъ, полагаю, всякій. Баринъ благожелательно относился къ своимъ Петрамъ и Иванамъ, а Петръ и Иванъ чувствовали преданность. «Вы наши отцы, а мы — ваши дѣти», — говорили Петры и Иваны, низко кланяясь господамъ, сидѣвшимъ подъ божницей. Что тамъ и здѣсь подобная идиллія существо-

вала на практикѣ — несомнѣнно, въ теоріи-же стародворянскаго быта она была господствующей. Личный характеръ отношеній — вотъ, словомъ, къ чему сводится преимущество крѣпостничества по словамъ его панегиристовъ. Какъ противоположностью, выставляють фабрику. Здѣсь между хозяиномъ и работниками отношенія совершенно другого рода. Нѣтъ ни любви, ни преданности, ни даже личнаго знакомства. Хозяинъ — это предприниматель и только, работникъ — рабочая сила, не больше. «Сердечная связь» замѣнена контрактомъ, все нравственное вытѣснено юридическимъ. Петръ и Иванъ обезпечены процессомъ производства, предприниматель одинаково обезпеченъ имъ. *Живой связи* между людьми нѣтъ.

Но эта-то *живая связь* и вдохновляетъ преимущественно С. Аксакова. Не подкапываясь подъ догматъ помѣщичьей власти, не заподозрѣвая даже его, онъ на самомъ дѣлѣ видитъ въ баринѣ отца, въ крѣпостныхъ — дѣтей. Отецъ порою бываетъ строгъ, дѣти — шаловливы, но все это въ порядкѣ вещей, и изъ этого порядка совершенно логично вытекають всякаго рода наказанія. Какое ни на есть, — передъ нами все-же единеніе и нѣтъ мертвѣщаго холода чисто правовыхъ, экономическихъ отношеній.

Поэтому «Семейная Хроника» и можетъ представиться положительнымъ произведеніемъ, но только для человека извѣстнаго класса, извѣстнаго слоя общества, выдающаго идеаль государственно-общественнаго устройства въ патриархальности. Такимъ и былъ С. Аксаковъ. Тотъ-же идеаль, значительно расширенный и распространенный, пѣликомъ перешелъ къ Константину Аксакову.

Для полноты характеристики Сергѣя Тимофеевича приведу пѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній лицъ, близко знавшихъ его:

«Аксаковъ отличался силою и крѣпостью тѣлосложенія, чему не мало способствовали частыя прогулки и занятіе охотою. Но здоровье его начало страдать еще дѣтъ за двѣнадцать до кончины. Болѣзнь глазъ принудила его надолго запереться въ темной комнатѣ, и, непріученный къ сидячей жизни, Аксаковъ разстроилъ отчасти свой организмъ, лихась притомъ одного глаза. Бодрость впрочемъ никогда не покидала его, даже въ послѣдніе годы жизни, когда болѣзнь его развивалась болѣе и болѣе и заставляла его почти постоянно сидѣть въ четырехъ стѣнахъ. Онъ былъ живъ и впечатлителенъ попрежнему; ясность духа его была невозмутима. Весною 1858 г. болѣзнь Аксакова приняла весьма опасный характеръ и стала причинять ему жесточайшія страданія, но онъ переносилъ ихъ съ необычайною энергіею и терпѣніемъ.

Последнее лѣто провелъ онъ на дачѣ близъ Москвы и, не смотря на тяжелую болѣзнь, имѣлъ силу въ рѣдкія минуты облегченія наслаждаться природою и диктовать новыя свои произведенія, которыя ничѣмъ не напоминаютъ того, въ какія тяжелыя минуты они созданы. Сюда принадлежатъ «Собраніе бабочекъ», вышедшее въ свѣтъ уже послѣ его смерти въ «Братчѣвѣ», — сборникъ въ пользу бѣдныхъ казанскихъ студентовъ, которыми онъ особенно интересовался. Осенью 1858 г. Аксаковъ переехалъ въ городъ и всю слѣдующую зиму провелъ въ ужасныхъ страданіяхъ. Ни помощь лучшихъ врачей, ни заботы семьи не могли спасти его жизни, однако онъ продолжалъ еще иногда заниматься и писать статью «Зимнее утро», «Встрѣчу съ маринистами», — послѣднее изъ напечатанныхъ при жизни его сочиненій, появившееся въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г., и повѣсть «Наташа», которая напечатана въ томъ-же журналѣ. Весной не оставалось уже надежды, и онъ умеръ 30 апрѣля 1859 г.»

IV. Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Внѣшній очеркъ жизни Константина Сергѣевича очень несложенъ. Родился онъ 29 марта 1817 г. въ селѣ Аксаковѣ, Бугурусланскаго уѣзда, Оренбургской губерніи. Въ Аксаковѣ-Багровѣ, тоже достаточно извѣстномъ всѣмъ читателямъ «Семейной Хроникѣ» хотя бы только отрывковъ изъ нея въ хрестоматіяхъ, — К. С. прожилъ до 9 лѣтъ, находясь въ постоянномъ общеніи съ багровскими крестьянами, которые, благодаря благодатнымъ климатическимъ условіямъ богатаго въ то время и неразграбленнаго еще Оренбургскаго края, во всѣхъ отношеніяхъ стояли выше зажитка крестьянства средней полосы Россіи. «И такъ какъ Константинъ Сергѣевичъ отличался необыкновенно раннимъ умственнымъ развитіемъ, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что именно диллиженнаго проповѣдника необходимости единенія интеллигенціи съ взглядъ его на возможность этого единенія. По крайней мѣрѣ самъ онъ неоднократно ссылается впоследствии на живыя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ личнаго общенія съ народомъ». Это общеніе продолжалось однако очень недолго, такъ какъ Аксаковы въ

1826 г. переселились въ Москву, гдѣ Константинъ Сергѣевичъ и прожилъ почти безвыѣздно всю свою недолгую жизнь.

До 15 лѣтъ его воспитаніемъ руководилъ отецъ, Сергѣй Тимофеевичъ, прививая къ сыну свое восторженное отношеніе къ русскимъ началамъ вообще, русской литературѣ въ частности: 15-ти же лѣтъ Константинъ Сергѣевичъ поступилъ студентомъ въ Московскій университетъ на словесное отдѣленіе. Онъ былъ, значить, сверстникомъ и сотоварищемъ Бѣлинскаго, Станкевича, Герцена. Онъ примкнулъ къ кружку Станкевича и долгое время находился подъ обаяніемъ этой свѣтлой, исключительной личности.

Слишкомъ извѣстна жизнь московской университетской молодежи 30-хъ годовъ, чтобы мы стали долго останавливаться на ней. Отголоски ея горячихъ, страстныхъ споровъ слышны еще и теперь. Существовало сплоченное товарищество, жажда познанія, тѣсная дружба среди кружковъ. Русская мысль просыпалась и въ этомъ пробужденіи больше всего повинна была нѣмецкая идеалистическая философія и главнѣйше философія Гегеля. Нисколько не преувеличеннымъ являются слѣдующія напримѣръ слова современника:

«Станкевичъ былъ первый послѣдователь Гегеля въ кругу московской молодежи. Онъ изучилъ нѣмецкую философію глубоко и эстетически; одаренный необыкновенными способностями, онъ увлекъ большой кругъ друзей въ свое любимое занятіе, и тѣмъ отъ всякаго приходившаго съ ними въ столкновеніе «требовали безусловнаго принятія феноменъ о нихъ въ общеніи безпрестанно, нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ (Гегелевской) логики, въ двухъ его эстетикѣ, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ людей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиду мнѣнія объ «абсолютной личности и о ея по себѣ бытіи». Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходящія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до питень, до паденія листовъ, въ нѣсколько дней».

Ничего страннаго въ преклоненіи передъ Гегелемъ нѣтъ, какъ нѣтъ вообще ничего страннаго въ преклоненіи чистой и искренней юности передъ несомнѣннымъ величіемъ.

«Прежде всего необходимо указать на плодотворнѣйшее начало всякаго прогресса, которымъ столь рѣзко и блистательно отличается нѣмецкая философія вообще и въ особенности гегелева система отъ тѣхъ лицемѣрныхъ и трусливыхъ воззрѣній, какія господствовали въ тѣ времена (начало XIX вѣка) у французовъ и

англичанъ: «истина—говорили нѣмецкіе философы—верховная цѣль мышленія; ищите истины, потому что въ истинѣ благо; какова-бы ни была истина—она лучше всего, что неистинно; первый долгъ мыслителя не отступать ни передъ какими результатами, онъ долженъ быть готовъ жертвовать истинѣ самыми любимыми своими мнѣніями. Заблужденіе—источникъ всякихъ пагубъ, истина—верховное благо и источникъ всѣхъ другихъ благъ». Чтобы оцѣнить чрезвычайную важность этого требованія, общаго всей нѣмецкой философіи со времени Канта, но особенно энергично высказаннаго Гегелемъ, надобно вспомнить, какими странными и узкими условіями ограничивали истину мыслители другихъ тогдашнихъ школъ: они принимались философствовать не иначе, какъ затѣмъ, чтобы оправдать дорогія для нихъ убѣжденія, т. е. искали не истины, а поддержки своимъ предубѣжденіямъ. Каждый бралъ изъ истины только то, что ему нравилось, а всякую неприятную для него истину отвергалъ, безъ церемоніи признаваясь, что пріятное заблужденіе кажется ему гораздо лучше безпристрастной правды. Эту манеру заботиться не объ истинѣ, а о подтвержденіи пріятныхъ предубѣждений нѣмецкіе философы, особенно Гегель, прозвали «субъективнымъ мышленіемъ», философствованіемъ для личнаго удовольствія, а не ради живой потребности истины. Гегель жестоко изобличалъ эту пустую и вредную забаву. Какъ необходимо предохранительное средство противъ поползновеній уклониться отъ истины въ угожденіе личнымъ желаніямъ и предразсудкамъ былъ выставленъ Гегелемъ знаменитый *диалектической методъ мышленія*. Сущность его состоитъ въ томъ, что мыслитель не долженъ успокаиваться ни на какомъ положительномъ выводѣ, а долженъ искать, *нѣтъ ли въ предметѣ, о которомъ онъ мыслитъ, качества и силы, противоположныхъ тому, что представляется этимъ предметомъ на первый взглядъ*. Такимъ образомъ мыслитель былъ принужденъ обозрѣвать предметъ со всѣхъ сторонъ, и истина являлась ему не иначе, какъ слѣдствіе борьбы всевозможныхъ противоположныхъ мнѣній. Этимъ способомъ, вмѣсто прежнихъ одностороннихъ понятій о предметѣ, мало-по-малу являлось полное, всестороннее изслѣдованіе и составлялось живое понятіе о всѣхъ дѣйствительныхъ качествахъ предмета. *Объяснить дѣйствительность стало существенной обязанностью философскаго мышленія*. Отсюда явилось чрезвычайное вниманіе къ дѣйствительности, надъ которой прежде не задумывались, безъ всякой церемоніи искажая ее въ угоду собствен-

нымъ одностороннимъ предубѣжденіямъ. Такимъ образомъ добросовѣстное, неутомимое исканіе истины стало на мѣстѣ прежнихъ произвольныхъ толкованій. Но въ дѣйствительности все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ условій времени и мѣста—и потому Гегель призналъ, что прежнія общія фразы, которыми судили о добрѣ и злѣ, не разсматривая обстоятельствъ и причинъ, по которымъ возникло данное явленіе, — что эти общія отвлеченныя изреченія неудовлетворительны. Каждый предметъ, каждое явленіе имѣетъ свое собственное значеніе, и судить о немъ должно по соображенію той обстановки, среди которой оно существуетъ. Дождь напр. можетъ быть благомъ, но можетъ быть и зломъ, война можетъ принести пользу, но можетъ принести и вредъ и т. д. Это правило выражалось формулою: «отвлеченной взятой внѣ обстоятельствъ времени и мѣста, истины нѣтъ; истина—конкретна», т. е. опредѣлительное сужденіе можно произнести лишь объ опредѣленномъ фактѣ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ зависитъ.

«Свободой изслѣдованія, свободой мысли—вотъ чѣмъ пахнуло на университетскую молодежь изъ книгъ гегелевой философіи, вотъ что увлекло ее до самозабвенія, вотъ что сдѣлало ее юношескую нетерпѣливую работу не только плодотворной, но и исторической».

Въ ряду энтузіастовъ гегелианства, одно изъ первыхъ мѣстъ, по силѣ приверженности къ ученію берлинскаго мудреца, занялъ Константинъ Аксаковъ, страстная натура котораго не умѣла ничего дѣлать наполювину. Но изъ любой системы, изъ любого ученія каждый беретъ лишь то, что онъ можетъ, что подходитъ къ его природѣ, его настроенію. Все равно какъ темпераментъ и обстоятельства жизни неумолимо вели Герцена въ лѣвый лагерь гегелианства и заставили его мысль объ относительности истины примѣнить безъ всякихъ уступокъ къ вопросамъ религіи, нравственности, политики и т. д., такъ темпераментъ и преданія семейства сдѣлали изъ Аксакова праваго гегелианца, такого т. е., который искалъ и, разумѣется, находилъ безусловные устои жизни. Для К. Аксакова этими безусловными устоями жизни были Россія, русскій народъ, православіе. Тѣсная связь между нимъ и слишкомъ свободомыслящимъ кружкомъ Станкевича скоро должна была порваться.

«Въ кружкѣ Станкевича (въ серединѣ 30-хъ годовъ),—вспоминаетъ онъ самъ,—выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ.—воззрѣніе болѣею частью отрицательное».

«Одностороннѣ всего, — продолжаетъ онъ, — были нападенія на Россію, возбужденныя казенными ей похвалами. Пятнадцатилѣтній юноша, вообще доверчивый и тогда готовый вѣрить всему, еще многого не передумавшій, еще со многими не уравнившійся, я былъ пораженъ такимъ направленіемъ, и мнѣ оно часто было больно; въ особенности болѣны были мнѣ нападенія на Россію, которую люблю съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Но, видя постоянный умственный интересъ въ этомъ обществѣ, слыша постоянныя рѣчи о нравственныхъ вопросахъ, я, развѣ познакомившись, не могъ оторваться отъ этого кружка и рѣшительно каждый вечеръ проводилъ тамъ».

Это отрицательное направленіе часто даже шокировало Аксакова, «русская душа» котораго ярко опредѣлилась, по свидѣтельству Гильфердинга, еще тогда, когда ему было 9, 10 лѣтъ. Съ болью сердечною воспоминаетъ Константинъ Сергѣевичъ о нападкахъ членовъ кружка на многія частности тогдашнихъ порядковъ.

Но всего ярче отрицательное направленіе кружка выразилось въ вопросахъ чисто-литературныхъ. Вспомнимъ въ самомъ дѣлѣ, что къ эпохѣ процвѣтанія кружка относятся «Литературныя мечтанія» Вѣлинскаго, гдѣ съ такою безпощадною «дерзостью», по выраженію пришедшихъ въ ужасъ литературныхъ старовѣровъ, было провозглашено, что собственно никакой-то у насъ настоящей литературы и нѣтъ.

«Искусственность россійскаго классическаго патріотизма. — продолжаетъ Константинъ Сергѣевичъ, — претензіи, наполнявшія нашу литературу, усилившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма, — все это породило въ членахъ кружка справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ».

Но когда это «справедливое желаніе» сопровождалось рѣзкой критикой, подкапываніемъ подъ всякій авторитетъ, К. Аксаковъ чувствовалъ, что онъ уже не дома въ кружкѣ Станкевича.

«Пока оппозиціонный характеръ былъ присущъ кружку Станкевича лишь *implicite*, пока одностороннее пониманіе формулы Гегеля (все существующее разумно) приводило къ такимъ проявленіямъ, какъ статья Вѣлинскаго о «Бородинской годовщинѣ» — этому апоэозу официальнаго патріотизма, — К. Аксаковъ могъ идти рука объ руку съ будущими ожесточенными своими противниками. Но около 1846 г. цѣлый рядъ обстоятельствъ приводитъ къ тому, что открытій оппозиціонный характеръ кружка переходитъ въ открытыя. Умираетъ во-первыхъ Станкевичъ, мягкая натура котораго ура-

вовѣшивала и сдерживала рѣзкія выходки другихъ членовъ кружка, а затѣмъ — наиболѣе близкій къ Константину Аксакову по кружку Станкевича человекъ — Вѣлинскій круто повернулъ въ противоположную сторону отъ праваго гегелианства и съ такою стремительностью, съ такой же неудержимой страстностью сталъ произносить «буйныя» — по выраженію Константина Аксакова — «хулы» противъ своихъ недавнихъ кумировъ. Вѣлинскій опомнился, увидѣлъ, куда ведетъ признаніе всего существующаго разумнымъ, въ немъ заговорилъ живой человекъ, несправедливо обездоленный, — и сжегъ свои корабли. Не вытерпѣвъ этого Аксаковъ, все болѣе и болѣе начинавшій сближаться послѣ смерти Станкевича и отъѣзда Вѣлинскаго въ Петербургъ съ Хомяковымъ, Кирѣевскими, Самаринымъ: онъ пошелъ направо, Вѣлинскій — налево.

«У каждого изъ нихъ при этомъ сердце кровью обливалось. Нужно перечитать напечатанныя въ «Руси» (1886 г.) письма Вѣлинскаго къ Константину Аксакову за 1837-ой годъ, чтобы понять, какая горячая, истинно братская привязанность соединяла обоихъ идеалистовъ. Но именно потому, что оба они были идеалистами, именно потому, что исканіе правды не было для нихъ высокопарною фразою, а насущною потребностью ихъ высокаго духовнаго существа, именно потому-то разрывъ между ними и сталъ неизбеженъ, какъ только они стали разво понимать истину. «Я по натурѣ жидъ» — писалъ Вѣлинскій по поводу своей ссоры съ Аксаковымъ, подразумевая подъ этимъ словомъ человекъ съ исключительными симпатіями, которому ненавистно все не свое, который не выноситъ ни малѣйшаго компромисса съ «филистимлянами». Но такимъ-же жидомъ по натурѣ былъ и Константинъ Аксаковъ. Для него тоже не существовало истины вообще, онъ тоже понималъ только *свою* истину, — только ту истину, которая окрашена въ любезный ему цвѣтъ, онъ тоже не понималъ какихъ бы то ни было уступокъ, компромиссовъ, соглашеній. И вотъ почему оба прежніе друга играютъ одну и ту-же роль въ тѣхъ лагеряхъ, къ которымъ они примкнули послѣ разрыва. Съ тою же необузданностью, съ какою «честовый Виссаріонъ» выступаетъ передовымъ бойцомъ западничества, Константинъ Аксаковъ выступаетъ передовымъ застрѣльщикомъ славянофильства въ его наиболѣе крайнихъ проявленіяхъ. Онъ первый надѣваетъ на себя «мурмолку», и первый же провозглашаетъ, что надо вернуться домой въ до-петровскую Русь». «Возвратъ» — вотъ слово, ставшее его знаменемъ».

Определение «субъективного элемента» в области мышления, хотя бы и руководимаго жаждою правды и истины, — является одной изъ главнѣйшихъ задачъ историка литературы. Не разрѣшивши ея, онъ, можно сказать, не сдѣлалъ и перваго шага. Анализъ биографическихъ данныхъ и обстоятельствъ времени долженъ быть увѣнчанъ возможно полнымъ и основательнымъ отвѣтомъ на вопросъ: почему человѣкъ думалъ такъ, а не иначе, почему онъ, насколько не лицебѣря, насколько не кривя душой, необходимо приходилъ къ такимъ-то и такимъ-то выводамъ. Процессъ мышления однообразенъ только повидимому, въ дѣйствительности у каждаго своя логика. Преданія семьи, классовыя симпатіи, любовь и ненависть — вотъ то прокрустово ложе, на которое даже сильные умы укладываютъ свою мысль, свои аргументы, *ad libitum* укорачивая и удлинняя ихъ по мѣрѣ надобности. Бѣлинскій напр. могъ увлекаться «эстетическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности», могъ писать оды вродѣ статьи о «Вородинской годовщинѣ», но все это лишь до той поры, пока въ немъ не заговорила «кровь», не згворилъ нищій, обездоленный человѣкъ. Какъ только это случилось — повязка сразу спала съ его главъ, и онъ круто повернулъ въ сторону протеста. Одинаково идеаль Аксакова — *patriarchальность* — питался отнюдь не историческими изученіями, а условіями его жизни, настроеніями его личнаго характера. Чтобы понять его теорію, надо понять его, какъ человѣка.

Константинъ Аксаковъ, — пишетъ Панаевъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, — въ житейскомъ, практическомъ смыслѣ оставался до сорока слишкомъ лѣтъ, то есть до самой смерти своей, совершеннымъ ребенкомъ. Онъ беззаботно всю жизнь провелъ подъ домашнимъ кровомъ и приросъ къ нему, какъ улитка къ родной раковинѣ, не понимая возможности самостоятельной жизни, безъ поддержки семейства. Въ своихъ ученыхъ и литературныхъ занятіяхъ, онъ не вмѣлъ никакого общественнаго положенія. Смерть отца и происшедшая отъ этого перемѣна въ домашнемъ быту вдругъ сломила его несокрушимое здоровье. Онъ не могъ пережить этой потери, и умеръ не только холостякомъ, даже дѣвственникомъ.

Въ сущности, до самой своей смерти онъ оставался «большимъ ребенкомъ», случайно прикомандированнымъ къ общественной жизни, которой онъ не понималъ и понять не могъ, потому что онъ понималъ и могъ понимать лишь одну «дѣтскую».

Окончивши университетъ, Константинъ Аксаковъ въ 1838 г. поѣхалъ за границу, но эта поѣздка по своей кратковременности прошла для него почти безслѣдно. Сохранился только рассказъ о томъ, что во время пребыванія въ Берлинѣ Константинъ Акса-

ковъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни пытался сблизиться съ женщиною.

«На перекресткѣ одной изъ берлинскихъ улицъ обратила на себя его вниманіе молоденькая продавщица цвѣтовъ. Милостивое личико нѣмочки показалось ему отраженіемъ столь-же притякательной души. И началъ онъ каждый день приходить на перекрестокъ и покупать по букету, отваживаясь при этомъ сказать продавщицѣ нѣсколько словъ о постороннихъ предметахъ. Продавщица ласково ему отгабчала и между ними установилась нѣкоторая интимность. Ободренный этимъ, молодой Аксаковъ началъ все дольше и дольше простаивать у прилавка продавщицы, началъ приносить съ собою Шиллера и читать изъ него наиболѣе возвышенныя и трогавшія душу мѣста. Нѣмочка внимательно слушала чтеніе и все болѣе и болѣе задумывалась во время его. Восхищенный Аксаковъ съ восторгомъ наблюдалъ это впечатлѣніе высокой поэзіи великаго поэта. Но вотъ, въ одно изъ посѣщеній цвѣточной лавочки, продавщица ему прямо заявляетъ, что Шиллеръ Шиллеромъ, а что онъ ей отбиваетъ покупателей, что объ его продолжительныхъ посѣщеніяхъ много говорятъ сосѣди, и что если онъ хочетъ продолжать знакомство, то ей болѣе-бы желательно получить отъ него что-нибудь посущественнѣе стиховъ, за что, въ свою очередь, она, не требуя отъ него наложенія на себя брачныхъ узъ, готова всецѣло отдаться въ его распоряженіе. Въ ужасѣ слушавъ эти рѣчи упавшей съ неба прямо въ лужу идеалистъ и въ ужасѣ бѣжалъ изъ цвѣточной лавочки, и когда впоследствии пріятель, узнавши отъ него въ минуту откровенности всю исторію, пробовали дразнить его ею, лицо Аксакова перекрашивалось отъ внутренняго страданія».

Подобная наивность очень характерна. Она-то и является основнымъ душевнымъ качествомъ знаменитаго славянофила, — качествомъ, ни на минуту не покидавшимъ его даже при ученыхъ и литературныхъ трудахъ. Что могло быть наивнѣе, какъ въ срединѣ XIX-го вѣка одѣваться въ безобразный до-петровскій костюмъ, возводить въ принципъ косоворотку и мурмолку, или предполагать, что бѣлокурая нѣмочка, дочь своего вѣка, будетъ всю свою жизнь слушать Шиллера, восторгаться Шиллеромъ, останется навсегда духовной невѣстой Шиллера?... Константинъ Аксаковъ однако не находилъ тутъ ничего страннаго.

Онъ хотѣлъ слиться съ народомъ не только духовно, но даже и наружно, и хотѣлъ поэтомъ измѣнить свой внѣшній обликъ. «Для этого онъ надѣлъ на голову мурмолку, нарядился въ рубашку съ косымъ воротомъ и отпустилъ бороду». Это было смѣшно, на улицѣ за нимъ бѣгали зѣваки и называли персіаниномъ; онъ жаловался на порчу нравовъ и винилъ въ ней Европу. «Назадъ», «домой», любовно «вперивши свой взоръ на Востокъ» — вотъ его символъ вѣры, воплощеніемъ котораго служили мурмолка и косо-

воротка. Характерно, гѣмъ вдохновлялась въ это время его муза. Онъ писалъ въ 1843 г.:

Прошли года тяжелые разлуки,
Отсутствія исполнень долгій срокъ,
Прельщенія, сомнѣнія и муки
Испытаны,—и взять благой урокъ!
Оторваны могущею рукою,
Мы бросили отечество свое.
Умчались вдаль, плѣняясь чужой землею,
Земля родной презрѣвши бытїе.
Преступно мы объ ней позабывали,
И голосъ къ намъ ея не доходилъ;
Лишь иногда мы смутно тосковали:
Нась жизни ходъ насильственный давилъ!
Предателей, измѣнниковъ не мало
Межь нами, въ долгомъ страствѣнн, нашлось:
Въ чужой землѣ ничто ихъ не смущало,
Сухой душѣ тамъ весело жилось!
Слетѣлъ туманъ! предъ нашими очами
Явилась Русь!.. Родной ея призывъ
Звучитъ опять, и нашими сердцами
Вновь овладѣлъ живительный порывъ.
Конецъ, конецъ томительной разлукѣ!
Отсутствію насталъ желанный срокъ.
Знакомые гѣснятся въ душу звуки
И взоръ впередъ съ любовью на Востокъ.
Пора домой! И пѣсни повторяя
Старинныя, мы весело идемъ.
Пора домой! Нась ждетъ земля родная,
Великая въ страданіи нѣмомъ!
Презрѣніемъ отягчена жестокииъ,
Народнаго столица торжества,
Опять полна значеніемъ глубокимъ
Является великая Москва.
Постыдное, безчестное презрѣніе
Скорѣ въ прахъ! Свободно сердце вновь,
И грудь полна тревоги и сматенья,
И душу всю наполнила любовь!
Друзья, друзья! Гѣсиѣ въ кругъ сомкнемся,
Покорные движенью своему,
И радостно, и крѣпко обоймемся,
Любя одно, стремясь къ одному!
Землѣ родной все, что намъ Небо дало,
Мы посвятимъ! Пускай заблещетъ мечъ,
И за нее, какъ въ старину бывало,
Мы радостно готовы стать и лечь.
Друзья, друзья! Грядущее обильно,
Надежды сладкой вѣруйте словаиъ,
И жизнь сама, насъ движущая сильно,
Поруюко за будущее намъ!..

Смотрите—мракъ ужъ робко убѣгаетъ,
На западѣ земли лишь онъ растетъ:
Востокъ горитъ, день не далекъ, свѣтаеть.
И скоро солнце красное взойдетъ!

Но, разумѣется, эта поразительная наивность большого, лучше сказать, «вѣчнаго ребенка» нисколько не мѣшала тому, чтобы личность Константина Аксакова представлялась въ высокой степени привлекательной для каждаго изъ близко знавшихъ его. Младенческая чистота души, дѣломудріе въ широкомъ смыслѣ этого слова—вотъ что находимъ мы во всѣхъ его характеристикахъ. Намъ необходимо познакомиться съ ними прежде, чѣмъ приступить къ разбору теорій и взглядовъ Константина Аксакова.

«Какое множество, быть можетъ, умныхъ людей,—начинаетъ г. Бидинъ свои воспоминанія,—съ высоты своего практическаго разумѣнія», считали Константина Сергѣевича ребенкомъ и даже дитей. Какъ они должны были забавляться его простодушной вѣрой въ людей и совершеннымъ невѣдѣніемъ тѣхъ, такъ называемыхъ практическихъ истинъ, что извѣстны даже весьма дюжиннымъ умникамъ наизусть. Но какъ вся эта масса свѣтскихъ мудрецовъ пасовала предъ нимъ, передъ этимъ «младенцемъ на злое», именно ради его неумолимаго и неподкупнаго нравственнаго чувства. Никакой сдѣлки съ совѣстью, никакого компромисса или способа уживчивости, никакого *modus vivendi* кривымъ съ правдой онъ не допускалъ. «Я ему руки не подаю»,—сказалъ мнѣ одинъ разъ Константинъ Сергѣевичъ про человѣка, весьма извѣстнаго тогда въ московскомъ свѣтѣ. Признаться, меня это удивило, именно потому, что личность, о которой шла рѣчь, пользовалась всеобщимъ вѣнчаніемъ почетомъ; трудно-бы было и избѣжать встрѣчъ въ обществѣ именно съ этимъ, бывшимъ тогда въ славѣ, общественнымъ дѣятелемъ.—«Я не знаю ничего безнравственнѣе свѣтской нравственности»,—продолжалъ, какъ бы въ поясненіе моей мысли, Константинъ Сергѣевичъ. «Случалось-ли вамъ слышать такое общепринятое про человѣка выраженіе (именно только въ свѣтѣ оно могло родиться): это разбойникъ, это безнравственный человѣкъ, mais c'est un homme tout à fait comme il faut, руку ему можно подать?»

Подавать руку «разбойнику», хотя бы тотъ и слылъ за человѣка совершенно приличнаго, Константинъ Аксаковъ не былъ способенъ. Онъ не шелъ никогда ни на малѣйшія уступки свѣтскимъ приличіямъ и свою правдивость доводилъ до ригоризма, не дѣлая никакого различія между важной и пустою ложью.

«Одинъ разъ,—разсказываетъ г. Бидинъ,—пришлось мнѣ просить Константина Сергѣевича удѣлить нѣсколько часовъ времени для выслушанія одной рукописи, а къ ней онъ относился и самъ съ живымъ участіемъ. Онъ назначилъ мнѣ быть на другой-же день. Чтеніе началось съ ранняго утра и продолжалось часу до четвертаго. Перелъ самымъ началомъ Конст. Серг. оговорилъ въ домѣ, что онъ будетъ занятъ и желающихъ видѣть собственно его не принимать никого. Скоро раздался звонокъ, человѣкъ вошелъ въ комнату и назвалъ фа-

милію прѣбывающаго. «Сказать, что я занятъ и принять не могу», — отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ. Въ самомъ непріятнѣйшемъ времени послѣдовалъ другой звонокъ, потомъ третій. Человѣкъ по-прежнему входилъ съ докладомъ. «Занятъ и принять не могу», — по-прежнему отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ. Не помню, послѣ котораго звонка и доклада я наконецъ не выдержалъ и спросилъ: почему бы не сказать въ такихъ случаяхъ общепринятаго «*дома нѣтъ*»? «Очень жаль, что это общепринято», — съ живостью возразилъ Константинъ Сергѣевичъ, — «но ни въ малыхъ, ни въ большихъ дѣлахъ лгать не вижу надобности. Неужели не проще сказать: *не могу принять*, чѣмъ *нѣтъ дома*? Тѣмъ болѣе, что, еслибы кому-нибудь встрѣтилась теперь дѣйствительная необходимость меня видѣть, мнѣ было бы даже совѣстно лишиться этой возможности, да еще и солгать передъ нимъ. Но, вотъ вы сами видите, насъ никто и не беспокоитъ. Мнѣ кажется даже, что, привыкнувъ къ моему обычаю, то-есть къ тому, что я не отказываю фразой *дома нѣтъ*, сами посѣтители тагуются теперь настаивать на непремѣнномъ свиданіи, а это бываетъ при лживомъ отвѣтѣ *нѣтъ дома*». Было и еще нѣсколько звонковъ. Послѣ одного изъ нихъ человѣкъ доложилъ фамилію одного изъ профессоровъ Московскаго университета, оговоривъ, что просятъ непременно принять хоть минуты на двѣ. Константинъ Сергѣевичъ, извиняясь за перерывъ чтенія, вышелъ къ тому посѣтителю и даже менѣе, чѣмъ чрезъ двѣ минуты, возвратился назадъ. «Вотъ видите-ли, — сказалъ онъ сияющій, — мы и опять свободны продолжать чтеніе; такой маленкій перерывъ почти не помѣшалъ намъ. А я радъ, что не отказалъ въ пріемѣ: профессоръ хлопочетъ объ одномъ бѣдномъ студентѣ; дѣло идетъ объ его опредѣленіи, а оно и вовсе не состоялось-бы, еслибы я не далъ себя видѣть; теперь-же дѣло кончено, и молодой человѣкъ устроенъ. И, повѣрьте мнѣ, люди чутки къ правдѣ болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Откажи я ему подъ предлогомъ, что меня дома нѣтъ и потому выйди къ нему по усиленной просьбѣ, онъ продержалъ-бы меня гораздо долѣе, чѣмъ теперь, когда ему сразу сказали, что я дома, но занятъ».

Быть можетъ все это и мелочи, но мелочи очень характерныя, почему мы позволимъ себѣ еще задержать вниманіе читателей на искреннихъ воспоминаніяхъ Вицына.

«Мнѣ припоминается, — сообщаетъ онъ, — рассказъ очевидца о диспутѣ Константина Сергѣевича при его магистерской диссертациі (Ломоносовъ). Это рассказъ Ѳ. М. Д.—ва, который въ шестидесятыхъ годахъ и самъ занималъ кафедру въ Московскомъ университетѣ, а магистерской диссертациі. На всѣ возраженія, — рассказывалъ этотъ очевидецъ, — Константинъ Сергѣевичъ отвѣчалъ живо и ничего не уступалъ изъ собственныхъ тезисовъ. Но послѣ одного сдѣланнаго ему замѣчанія магистрантъ вдругъ воскликнулъ: «ахъ, какое дѣльное возраженіе!» и это съ такой дѣтской искренностью и съ такимъ невольнымъ движеніемъ руки, поднесенной къ волосамъ, что вся аудиторія разразилась смѣхомъ. Ясно было, что не личное самолюбіе, а самый предметъ спора занималъ диспутанта.»

«Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ, теперь уже напечатанномъ въ полномъ изданіи его сочиненій, допустилъ такое выраженіе о Константинѣ Сергѣевичѣ: этотъ человѣкъ болѣе избыткомъ силъ физическихъ и нравственныхъ, тѣ и другія въ немъ накопились, не имѣя проходовъ извергаться. И въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи онъ остался дѣвственникъ. Какъ въ физическомъ, если человѣкъ, достигнувъ до тридцати лѣтъ не женился, то дѣлается болѣнъ, такъ и въ нравственномъ для него даже было-бы лучше, еслибы онъ въ молодости своей... (многозначіе въ печатномъ подлинникѣ). Но воздержаніе во всѣхъ разсѣяннѣхъ жизни и плоти устремило всѣ силы у него къ духу. Онъ долженъ неминуемо сдѣлаться фанатикомъ».

«Какъ нельзя сознательнѣй и свободнѣй относился Константинъ Сергѣевичъ даже къ своему дѣвственному состоянію, о чемъ говорится въ этомъ печатномъ письмѣ Гоголя. Были другіе комментаторы этого состоянія Констан. Серг.; они прямо считали его какимъ-то платоническимъ идеализмомъ; сама уже природа у него такая, это его физиологическая черта, не больше. На этотъ счетъ и тѣ, и другіе не правы. Это не было фанатизмомъ съ его стороны ни въ основѣ, ни въ послѣдствіяхъ, какъ могли-бы заключить иные изъ письма Гоголя; это не было и отсутствіемъ подвига, какъ легкомысленно объясняли другіе. Я посмѣлъ ему прямо это высказать какъ-то разъ во время нашей бесѣды».

«Говорить, — сказалъ я, — что въ самомъ организмѣ человѣка заключаются иногда условія для дѣвственнаго состоянія его; иной человѣкъ таковъ уже отъ природы, въ томъ нѣтъ и заслуги съ его стороны. Что вы скажете объ этомъ относительно васъ самихъ?» — «За чѣмъ такъ думать?» — возразилъ онъ съ живостью — «Даромъ чловѣку ничто не дается, достиженіе сего составляетъ нравственный подвигъ. Это подвигъ воли, и очень тяжелый». И столько же скромно, сколько гордо, онъ прибавилъ: «я скажу по крайней мѣрѣ о себѣ: нѣтъ, мнѣ это даромъ не далось». Последнее было имъ выговорено съ большимъ усиліемъ».

Какъ и можно было ожидать, Константина Сергѣевича сразила смерть его отца. Онъ захирѣлъ сейчасъ-же послѣ нея и уже не могъ поправиться. «Большой ребенокъ», оставшись одинъ, не могъ не погибнуть. 30-го апрѣля 1859 года умеръ Сергѣй Тимофеевичъ Я., рассказываетъ Вицынъ, зашедши въ редакцію «Русской Бесѣды», —

«услыхавъ мало утѣшительнаго: Константинъ Сергѣевичъ былъ безнадѣженъ; не только свои, и чужіе боялись за него. Его укоряли, что онъ не бережетъ себя, еще прямо и въ томъ, что онъ какъ-бы намѣренно убиваетъ себя. Къ этому прибавляли, что онъ страшно измѣнился. Хорошо предупрежденный на этотъ счетъ, я готовился быть особенно осторожнымъ при встрѣчѣ съ нимъ. Перебѣжавъ только улицу, ужъ я былъ на Кисловкѣ, а сдѣлавъ еще шагъ тридцать къ знакомому дому, ужъ видѣлъ насадникъ за перилами, большія ворота, и изъ воротъ, въ противоположную отъ меня сторону, медленными шагами удаляющуюся фигуру. Я нагналъ вслѣдъ; медленно отходявши отъ меня обернулся. Можно-ли было узнать прежняго, бодрога душевно и тѣлесно Константина Сергѣевича. Мало сказать: онъ страшно из-

мѣнился въ лицѣ нѣтъ, а отъ общей исхудалости и было еще что-то удлиненное и утонченное во всей фигурѣ. Цепельность бороды и усы, вдругъ взявшаяся простѣе, вмѣсто прежняго ихъ цвѣта; съ ногъ до головы чрезвычайная угрюмость во всемъ видѣ; неподвижный, какой-то внутри самого себя обращенный, самоуглубленный взоръ и тихость, жуткая тихость, — поразила меня. Я иду въ церковь, — сказала оиъ, — какъ служба отойдетъ — вернусь. Вы меня застанете дома, я жду васъ.

— Но, Константинъ Сергѣевичъ, поберегите себя, — вырвалось у меня совершенно невольно.

Тутъ-же, стоя на улицѣ, онъ отвѣчалъ очень серьезно, но тихимъ и задумчивымъ голосомъ, а не какъ бывало: «Да, меня упрекаютъ. На меня даже взводятъ обвиненіе, что я не удерживаюсь отъ горя, даю ему волю и намеренно разстраиваю себя. Не вѣрьте этому. А я просто не могу».

«Кто рассчитывалъ на время, — говорить въ другомъ мѣстѣ г. Бининъ, — надѣясь еще, что само время излечитъ, тотъ ошибся вдвойнѣ. «Время тутъ ничему не поможетъ, повѣрьте», — говорилъ онъ мнѣ еще тогда въ Москвѣ, и Аксаковъ былъ правъ. Въ горести, давившей все его существо, не было ничего эффектированнаго съ самаго начала; ничего такого, что было бы связано, какъ тамъ онъ говорилъ, съ нервнымъ расстройствомъ, а лишь въ такихъ случаяхъ и помогаетъ время. Это была, напротивъ того, скорбь, усиливавшаяся съ каждымъ днемъ, потому что каждый новый день приносилъ и большее разувѣреніе въ возможности будущаго и настоящаго безъ прошлаго».

Тоска одолевала Константина Сергѣевича и заполонила его наконецъ. Грустью и полной безнадежностью дышетъ отъ слѣдующихъ строкъ одного изъ послѣднихъ предсмертныхъ его писемъ:

«Вы приглашаете меня къ вамъ въ деревню, братъ показалъ мнѣ письмо ваше, приглашеніе ваше такъ искренно, въ немъ сказалось такое дружеское движеніе, что мнѣ захотѣлось непременно написать вамъ и вотъ я пишу. Я всегда очень много цѣнилъ въ жизни привѣтъ и всегда съ такою радостью на него отзывался, но привѣтъ вовсе не такъ часто встрѣчается въ жизни, какъ можетъ быть, думаютъ. Въ вашихъ словахъ мнѣ послышался именно этотъ привѣтъ, который такъ тогда я не пробѣдою къ Хомякову, а нарочно бы къ вамъ побѣдѣ. Но теперь, любезнѣйшій... все кончилось. Ни удовольствіе, ни радость жизни для меня существовать не могутъ. Однимъ словомъ, жизнь кончилась, — жизнь, какъ моя. Я здѣсь еще, подъ условіями этой жизни, но это не моя жизнь. Все доброе, все хорошее въ другихъ — я чувствую, отзываясь на это, какъ и на ваше приглашеніе, и только. Если бы вы предлагали мнѣ какое-нибудь удовольствіе, мнѣ было бы пріятно видѣть ваше желаніе, а отъ самаго удовольствія я бы отказался потому что его нѣтъ для меня. Такъ и теперь вы все сдѣлали, приглашаете меня, и дали мнѣ все, что я могу теперь принять. Прежде для меня было бы истиннымъ удовольствіемъ поглядѣть съ вами у васъ, взглянуть на юную семью въ обстановкѣ природы со всей ея недосказанной красотой, которую батюшка передаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ не-

подражаемо. Но этого прекраснаго удовольствія для меня теперь быть не можетъ. Это все кончилось. Вы знали Конст. Серг., который удитъ, куритъ, съ восхищеніемъ радуется жизни и природѣ въ каждомъ ея проявленіи, будь это зима или лѣто, будь это палищее солнце или дождь, промачивающій насквозь, — Конст. Серг., который любить слышать въ себѣ силы именно тогда, когда неудобство, стужа или что-нибудь подобное ихъ вызываетъ; который въ восхищеніи и крѣпнѣтъ на телѣтѣ, прыгающей по камнямъ, или подъ дождемъ, его всего обливающимъ, — Конст. Серг., который 28 верстѣ проходитъ не присаживаясь, выпиваетъ сливочкѣ, потомъ къ вазу и отправляется еще, взваливъ на себя огромныя удилица, — удить. Теперешній Конст. Серг. не удить, не куритъ, смотритъ и не видитъ природы, или болѣзненно ее чувствуетъ и даже отворачивается отъ нея; ибѣжкой оиъ не сдѣлается, слабымъ тоже, но не слышитъ въ себѣ этого пріятнаго ощущенія сплѣ, не ищетъ чего-нибудь понеудобнѣе и потяжелѣе; ему все равно, карета-ли или лѣбимая телѣга, въ которой онъ прежде даже и стихи писалъ. Да, все для меня кончилось, жизнь моя кончилась; жизнь была хороша и исполнена прекрасныхъ радостей, и вотъ я помянулъ себя въ письмѣ къ вамъ. Благодарю-же васъ... за все радушіе, какое я видѣлъ-бы у васъ. Обнимаю васъ крѣпко... Я занимаюсь довольно; это я считаю своимъ долгомъ, который я долженъ выполнить. Постараюсь сдѣлать все, что могу, на что имѣю способности, и такимъ образомъ расплатиться съ долгами. Я точно собираюсь переѣхать и укладываюсь. Прощайте... Вашъ Константинъ Аксаковъ». Быль и post-scriptum: «время дѣйствуетъ на меня совершенно наоборотъ противъ того, какъ полагаютъ».

Письмо это относится къ августу 1859 года.

Всю зиму К. С. чахнулъ; весной и лѣтомъ заболѣлъ такъ, что его отправили за границу; въ томъ-же 1860-мъ году онъ и скончался, 7-го декабря, вдали отъ родины, въ Греческомъ архипелагѣ, на островѣ Занте. За границей первоклассныя знаменитости, иноземные врачи дивились чахоткѣ и сухоткѣ этого богатыря, умирающаго съ тоски по своему отцѣ; собственно, вся и болѣзнь была въ этомъ. Доктора не давали лекарствъ, не прописывали рецептовъ, совѣтовали только развлекать его. Тогда Италия шумѣла именемъ Гарibaldi; въ ней пробуждалось народное движеніе, не совѣтовали пускаться туда, а указывали на какія-нибудь «увеселительныя» воды или даже на Парижъ, совѣтуя возить на разныя гулянья, а если въ театръ, то исключительно въ водевили, но жить такимъ образомъ для Конст. Серг. значило — не жить. Онъ уже умиралъ; послѣднія оставшіяся средства, хотъ для продленія послѣднихъ дней, медки свели на «теплый морской климатъ», и вотъ онъ попалъ на островъ Занте. Когда пароходъ везъ его къ этому послѣднему пристанищу, онъ съ болѣзненной грустью глядѣлъ въ волны и говорилъ своему неизмѣнному спутнику, сопро-

вождавшему его брату, Ивану Сергѣевичу Аксакову: «неужели однако ужъ и кончено? Какъ ни ожидалъ я, но чтобы такъ ужъ скоро, кто-бы думалъ?»

На пустынномъ островѣ не было русскаго православнаго священника для исповѣди больного; нашелся грекъ, едва говорившій порусски. У этого-то грека и исповѣдался умирающій на своемъ любимомъ языкѣ.

V. Славянофильская доктрина.

Теперь читатель знаетъ, съ кѣмъ имѣть дѣло. Очевидно Аксаковъ не покривитъ душой, не утаитъ ничего, что у него на сердцѣ, и будетъ говорить съ искренностью вѣрующаго на исповѣди. Тѣмъ легче и интереснѣе ознакомиться съ его ученіемъ. Выросшее на почвѣ любви и ненависти, оно старалось однако опереться на историческія данныя и явиться въ свѣтъ въ наукообразной формѣ. Съ большимъ усердіемъ и несомнѣннымъ знаніемъ дѣла К. Аксаковъ привлекалъ исторію на свою сторону, постоянно доказывая и передоказывая слѣдующія основныя свои положенія.

«1) Народъ не нуждается ни въ какихъ указаніяхъ, въ особенности со стороны нашихъ нахватавшихся верховъ европейской цивилизаціи «культурныхъ людей.

«2) У народа есть свое стройное и устойчивое міросозерцаніе, не только вполне пригодное для ежедневной, сѣрой крестьянской жизни, но способное выдержать натискъ міросозерцанія людей, безконечно превосходящихъ мужика образованіемъ и социальнымъ положеніемъ.

«3) Въ частности, у народа есть своя самобытная нравственность и своя, если и не самобытная, то все таки окрашенная самостоятельнымъ пониманіемъ религіозность, на совокупности которыхъ и строятся социальныя отношенія крестьянской общины.

«4) Народная нравственность основана на чувствѣ справедливости. Это чувство народъ никогда не понимаетъ въ формальномъ математическомъ смыслѣ. Вотъ почему, строго блудя интересы *всей* общины, онъ все-таки смотритъ затѣмъ, чтобы не только интересы меньшинства, но даже интересы отдѣльныхъ личностей не страдали бы отъ соблюденія мірскихъ выгодъ.

«5) Религіозность народа, какъ и нравственность его, не внѣш-

няя и не показная. Она есть удовлетвореніе внутренняго призыва къ добру.

«6) Источникъ нравственности и религіозности народа кроется въ исповѣдуемой имъ православной вѣрѣ. Когда староста Антонъ, пунктъ за пунктомъ, разрушилъ всю «цивилизационную» программу своего барина, между «сбитымъ совершенно съ толку» Луповицкимъ и его собесѣдникомъ произошелъ такой разговоръ *).

«*Луп.* Антонъ, ты гдѣ учился? *Стар.* Нигдѣ, батюшка. *Луп.* Грамотѣ умѣешь? *Стар.* Умѣю, батюшка. *Луп.* Что ты читалъ? *Стар.* Церковныя книги, батюшка».

«7) Совокупность всего вышесказаннаго создала глубоко-своеобразный правовой, экономической и нравственный институтъ, — крестьянскій «міръ», который есть хранитель истинно-народныхъ традицій и напередъ противъ тѣхъ золь, которыя при иномъ строѣ повели бы къ пѣлому ряду социальныхъ и индивидуальныхъ несправедливостей».

Въ сущности говоря, всѣ эти семь членовъ аксаковскаго символа вѣры являются прямымъ и косвеннымъ укоромъ западно-европейской жизни. Нечего даже и говорить, чѣмъ больше всего дорожитъ Константинъ Аксаковъ. Онъ очевидно дорожитъ *живою нравственною связью* между людьми, которая поддерживается общинными укладами. При нихъ нѣтъ формальной справедливости, защищающей лишь интересы большинства, при нихъ есть полная свобода для проявленія внутреннихъ позывовъ къ добру, есть мѣсто для непрестанно дѣйствующей религіозности.

Чего лучше? Въ сущности противники Константина Аксакова могли только сказать ему: «вы нарисовали прекрасную картину своеобразнаго правоваго, экономическаго института. Мы не думаемъ оспаривать его достоинствъ. Признаемъ вмѣстѣ съ вами, что крестьянскій міръ дѣйствительно держится на религіознонравственныхъ устояхъ, что справедливость жизни осуществляется въ его обстановкѣ лучше, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Только *покажите* намъ его, сдѣлайте для насъ очевиднымъ, что онъ дѣйствительно такъ хорошъ, какъ вы говорите, и мы—ваши».

Какъ бы предчувствуя эту оговорку, Константинъ Аксаковъ въ той же пьесѣ пошелъ ей на встрѣчу, и въ этомъ-то случаѣ особенно ясно и рѣзко проявилась «субъективная сторона его мышленія. Есть въ этой пьесѣ кое-что, что не сразу бросается въ глаза

*) Въ комедіи К. Аксакова «Князь Луповицкій».

и требуетъ кое-какихъ разъясненій, — разъясненій, тѣмъ болѣе необходимыхъ, что дѣло идетъ объ основной чертѣ мировоззрѣнія Константина Аксакова. Крестьянскій бытъ онъ характеризуетъ исключительно въ мажорномъ, какъ выражается С. Венгеровъ, тонѣ. Краски получаются сурдальскія — все больше красное съ золотомъ, — но въ высшей степени характерныя какъ для самого Аксакова, такъ и для всей славянофильской школы вообще. И является этотъ мажорный тонъ у Константина Аксакова потому, что происхождение его народолюбія не то, что у народолюбцевъ противоположнаго западнаго лагеря.

Если мы въ самомъ дѣлѣ присмотримся къ исторіи западнаго народолюбія, намъ не трудно будетъ убѣдиться, что источникъ его кроется въ *жалости* нравственно чуткихъ представителей русскаго культурнаго класса къ бѣдственному положенію мужика и въ чувствѣ раскаянія, которое они испытывали при мысли о своей причастности грѣху вѣковаго угнетенія крѣпостнаго раба.

«Когда въ началѣ сороковыхъ годовъ шедшія къ намъ изъ Франціи «филантропическія», по терминологіи того времени, идеи привели къ необыкновенно яркому пробужденію *общественныхъ* чувствъ и когда тѣ-же самыя «люди сороковыхъ годовъ», которые всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ тридцатыхъ годахъ, только и думали, что объ «абсолютахъ», о «святыняхъ искусства», о «вѣчной красотѣ», и тому подобныхъ метафизическихъ тонкостяхъ, теперь до мозга костей прониклись «политикой», вопросъ о народѣ не могъ не стать однимъ изъ центральныхъ вопросовъ времени. Поколѣніе, вся духовная жизнь котораго сосредоточилась на размышленіяхъ о томъ, справедливъ или несправедливъ существующій общественный строй, прежде всего стало болѣть душою за «униженныхъ и оскорбленныхъ» вообще и за русскаго крѣпостнаго мужика въ частности. Глашатай этого поколѣнія — «вѣстовый Виссаріонъ» съ тою же восторженною энергіею, съ которою онъ нѣкогда требовалъ отъ писателей служенія чистому искусству, началъ требовать отъ нихъ опредѣленной общественной тенденціи, подразумѣвая подъ нею, по преимуществу, все ту-же защиту «униженныхъ и оскорбленныхъ» вообще и мужика въ частности. И чутко внимавшіе вламывающему искателю истины молодые таланты того времени поддались неотразимому влиянію горячѣй убѣжденности Бѣлинскаго и, точно сговорившись, почти въ одинъ и тотъ же годъ предстали предъ изумленной публикою въ

рядомъ превосходныхъ произведеній, въ основѣ которыхъ лежали самыя широкія симпатіи къ загнанному простолыдину. Явился Григоровичъ съ «Деревней» и «Антономъ Горемыкой», въ которыхъ впервые былъ показанъ человѣкъ въ крѣпостномъ мужикѣ, явился Тургеневъ съ «Записками Охотника», въ которыхъ то-же желаніе очеловѣчить мужика было проведено съ еще большею теплотою, явились первыя стихотворенія на народныя темы Некрасова, бросившаго подъ новымъ влияніемъ прежніе «мечты и звуки» и посвятившаго отнынѣ свою музу народнымъ *страданіямъ* и психологіи народной души».

Для западниковъ, словомъ, мужикъ являлся несправедливо угнетеннымъ, несправедливо пресѣдуемымъ человѣкомъ. Его не столько любили, сколько жалѣли, иногда даже мучительно жалѣли, какъ загнаннаго раба.

Изъ діаметрально противоположнаго источника вытекло народолюбіе К. Аксакова. Мужикъ былъ дорогъ ему главнымъ образомъ, какъ хранитель истинно русскихъ преданій. Не потому онъ любилъ мужика, что мужикъ — нашъ меньшой братъ, имѣющій въ силу своего человѣческаго достоинства равное съ нами право на участіе въ жизненномъ прішествіи, а потому что онъ видѣлъ въ мужикѣ «живой обломокъ дорогаго ему древне-русскаго быта». И вотъ почему, совершенно закрывая глаза на реальную дѣйствительность и на тѣ печальныя условія, среди которыхъ протекала жизнь крѣпостнаго мужика, — К. Аксаковъ, нисколько не кривя душой, а просто опираясь на впечатлѣнія дѣтства, изображалъ эту жизнь въ самомъ розовомъ свѣтѣ — больше даже, какъ жизнь поистинѣ богатырскую, полную красоты, мощи, поэзіи. Такъ напр., въ «Князѣ Луповицкомъ» всѣ крестьяне очень зажиточны и въ порывѣ *великодушія* даютъ 800 рублей, изъ которыхъ сто приходится на долю старосты, представляющаго изъ себя опять таки не какого-нибудь вора-буржистра, а высоко-честнаго человѣка, важившагося исключительно «добродѣтелью», т. е. изъ источника доходовъ, совершенно въ наши дни дискредитированнаго. Дальше, когда еще неузнанный своими крестьянами Луповицкій стороною спрашиваетъ одну изъ пошавшихся бабъ, какъ живетъ мужикамъ его деревни, она прямо говоритъ ему: «намъ грѣхъ Бога гнѣвить, намъ хорошо».

Заподозривать К. Аксакова въ неискренности и въ предвѣренномъ разукрашиваніи — совершенно невозможно. Мужичьей жизни онъ въ сущности не зналъ и не видѣлъ, по характеру-же своему

онъ былъ склоненъ разсматривать все черезъ розовыя очки. «Все дѣло тутъ въ томъ, что, упрекая другихъ въ кабинетности и незнаніи народа, К. Аксаковъ, какъ улитка, прожившій всю свою жизнь въ раковинѣ отцовскаго дома, самъ болѣе другихъ былъ въ этомъ повиненъ и считалъ «знаніемъ» народа изученіе былинъ Владимірова цикла и лѣтописей». Поневолѣ ему все мерещились Ильи Муромцы, да Микулы Селяниновичи. Живые-же люди, съ которыми ему пришлось водить дружбу послѣ разрыва съ кружкомъ Станкевича и Бѣлинскаго, — всѣ эти Хомяковы, Аксаковы, Кирѣевскіе, наконецъ собственный отецъ его — были люди очень богатые и добрые, не имѣвшіе рѣшительно никакой надобности и никакого расположенія сколько-нибудь дурно обращаться съ своими крестьянами. «Если мы вспомнимъ, — говоритъ С. А. Веселовъ, — съ какимъ добродушіемъ относился Сергій Тимофеевичъ къ крѣпостному праву, то намъ станеть вполне понятнымъ, что и въ смыслъ его, разъ онъ жизни не зналъ, только теоретическіе импульсы могли создать иное, болѣе озлобленное отношеніе. Но именно теоретическіе-то импульсы и направляли его на иные пути борьбы. Тѣ импульсы, которые вдохновляли бывшихъ друзей Константина Сергѣевича на возможно рѣзкій протестъ противъ темныхъ сторонъ крѣпостнаго права, для него были несимпатичны уже въ источникѣ своемъ, потому что помимо того, что они шли съ Запада, они говорили о враждѣ и фрондерствѣ, столь нелюбимыхъ имъ. Общее-же его міросозерпаніе и складъ восточно-русской природы гнули въ сторону усматриванія положительныхъ сторонъ. Конечно это не умаляло степени нелюбви Константина Сергѣевича къ крѣпостному праву, въ ненависти къ коему онъ едва ли уступалъ кому-бы то ни было. Но со стороны, т. е. для читателя, — получалось очень странное впечатлѣніе, получался тотъ совершенно неумѣстный мажорный тонъ, то идиллическое изображеніе крѣпостнаго быта, по поводу коего каждый крѣпостникъ могъ сказать: «зачѣмъ отмѣнять крѣпостное право, когда при немъ такъ хорошо живетъ народу?»

Живую нравственную связь между людьми К. Аксаковъ нашелъ въ крестьянскомъ мірѣ. Но этотъ міръ былъ не чѣмъ инымъ, какъ обломкомъ древне-русскаго строя, къ выясненію и во схваленію котораго направлялись всѣ успѣха К. Аксакова, какъ историка. Нечего и говорить, что субъективные элементы его мышленія находили и здѣсь обширное для себя поприще — ничуть не

меньше, чѣмъ въ исторической комедіи «Князь Дуповицкій». Въ сущности Аксаковъ — это рѣзко выраженная, чуткая индивидуальность — не зналъ себя никогда удержу. Онъ не могъ сообщить факта, тѣмъ менѣе истолковать его, не придавши ему окраски собственной личности. «Вѣрю, потому-что люблю, и хочу вѣрить, отрицаю — потому что ненавижу и не хочу вѣрить» — вотъ до чего доходилъ его субъективизмъ. Вообще, мнѣ думается, что защитникамъ субъективнаго мышленія въ социологіи или гдѣ тамъ было-бы не бесполезно перечитать сочиненія К. Аксакова. Передъ нимъ — они робкія дѣти, слѣпцы, поющіе Лазаря и неуверенно ступающіе за повадыремъ. «Учитель» не боялся. Онъ извѣстенъ напр., какъ авторъ многихъ прекрасныхъ филологическихъ работъ, и несомнѣнно что онѣ были-бы образцовыми, еслибы не этотъ излюбленный нѣкоторыми нашими профессорами «субъективизмъ мышленія». Образчики его преинтересны.

Начать съ того, что въ самые мелочные, чисто спеціальные вопросы онъ вносилъ весь запасъ своего обычнаго страстнаго отношенія. Какъ уже замѣтилъ П. А. Безсоновъ, Константинъ Аксаковъ «особенно *любилъ* звукъ *г*, играющій столь видную роль у насъ и столь много способствующій разысканію филологическому; въ ту-же мѣру онъ *возненавидѣлъ* противника — звукъ *сг*, тою ненавистью, которую можетъ питать добрейшее сердце къ чему либо гнусному (!). Онъ расточалъ этому врагу прозвища «надобѣднаго», «назойливаго», «вторгавшагося пролазы», «служливаго», «рабскаго»; онъ перенесъ сюда смыслъ приторной угодливости, чуждый собственному его лицу и проникшій къ намъ въ видѣ поддакиванія, какъ рабское «да-съ», «нѣтъ-съ»: по тому, какъ самъ говорилъ обыкновенно съ твердостью «да» или «нѣтъ», такъ навѣрное можно было считать признакомъ, что Аксаковъ недоволенъ или гнѣвенъ, когда онъ употреблялъ «да-съ», «нѣтъ-съ».

П. А. Безсоновъ констатируетъ приведенные факты съ чувствомъ умиленія, видя въ нихъ доказательство того, что Константинъ Сергѣевичъ держалъ свое знамя «грозно и честно», поражая имъ въ самое сердце ненавистное «сг»... Зато филологическія теоріи распускались пышно и разноцвѣтно.

Главная теорія заключалась въ вредоносномъ вліяніи на русскую грамматику иностранныхъ вѣяній. Эти воззрѣнія принадлежали не только иностранцамъ по паспорту, но и иностранцамъ въ сердцѣ своемъ, хотя-бы и чистокровно-русскимъ.

«Выѣстѣ съ нашествіемъ иноземнаго вліянія на всю Россію, на

весь ея бытъ, на всё начала, и языкъ нашъ подвергся тому-же; его подвели подъ формы и правила иностранной грамматики. ему совершенно чуждой, и какъ всю жизнь Россіи, вздумали и его коверкать и объяснять на чужой ладъ. И для языка должно настать время освободиться отъ этого стѣсняющаго ига иностраннаго. Мы должны генеръ обратиться къ самому языку, изслѣдовать, сознать его и цѣль его духа и жизни вывести начала и разумъ его, его грамматику. Она не будетъ противорѣчить грамматикѣ общечеловѣческой, но *только и строго* общей, а совсѣмъ не общечеловѣческой выразившейся извѣстнымъ образомъ у другихъ народовъ и только представляющей свое самобытное проявленіе этого общаго... Въ ней, въ русской грамматикѣ, можетъ быть, полнѣе и глубже явится оно, нежели гдѣ-нибудь. Кто изъ насъ станетъ отвергать общее человѣческое? Русскій на него самъ имѣетъ прямое право, а не чрезъ посредство какого-нибудь народа; оно самобытно и самостоятельно принадлежитъ ему, какъ и другимъ, и кто знаетъ? можетъ быть *ему болѣе*, нежели другимъ, и можетъ быть мѣръ не видалъ еще того общаго человѣческаго, какое явить великая славянская, именно русская природа... Да возникнетъ-же вопльъ вся русская самобытность и національность! Гдѣ-же національность шире русской? Да освободится-же и языкъ нашъ отъ наложеннаго на него ига иноземной грамматики, да явится онъ во всей собственной жизни и свободѣ своей» (т. II, стр. 405, 406).

Словомъ, «намъ непременно нужно внести свои русскія воззрѣнія въ русское языкованіе, и это тѣмъ болѣе необходимо, что русскія грамматическія формы гораздо совершеннѣе». «Я—говорить К. С. Аксаковъ—нисколько не завидую другимъ языкамъ и не стану натягивать ихъ поверхностныхъ формъ на русскій глаголъ». Выражаясь метафорически, можно сказать, что иностранная воззрѣнія заставили щеголять русскій глаголъ въ нѣмецкихъ брюкахъ и пиджакѣ, тогда какъ ему слѣдовало-бы исключительно держаться мурмолки и полукафтана.

Сущность историческихъ трудовъ К. Аксакова сводится, по словамъ его біографа, къ четыремъ основнымъ положеніямъ: 1) что укладъ первоначальной русской жизни былъ не родовою, а общинно-вѣчевой, 2) что русскій народъ рѣзко отдѣлялъ понятія земли отъ понятія о государствѣ, 3) что древне-русская допетровская Россія представляетъ собою картину высоко-идеальныхъ общественныхъ отношеній и 4) что русскій народъ есть носитель спеціально ему присущихъ высокихъ доблестей, которыя отводятъ ему особое, высокое мѣсто во всемірной исторіи.

Указаніе на могущественную роль общинно-вѣчевого начала въ старорусской жизни является несомнѣнно главной и прекрасной исторической заслугой К. Аксакова. Въдѣ Шлецеръ, Карамзинъ

и ихъ послѣдователи совершенно игнорировали «народъ», занимаясь исключительно «государствомъ». Чутье подсказало К. Аксакову, куда должно быть направлено вниманіе новыхъ изслѣдователей. Но мы только отмѣтимъ заслугу Аксакова; останавливаться-же на ней, какъ прямо не относящейся къ дѣлу, мы не можемъ. Переходимъ поэтому ко 2-му пункту ученія, особенно основательно изложенному въ знаменитой «Запискѣ», поданной К. Аксаковымъ Александру II-му въ 1859 году.

«Русскій народъ,—говоритъ здѣсь К. Аксаковъ,—есть народъ не государственннй, т. е. не стремящійся къ государственной власти, не желающій для себя политическихъ правъ, не имѣющій въ себѣ даже зародыша народнаго властолюбія. Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ. Не желая государствовать, народъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную. Взамѣнъ того русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа».

Этотъ второй пунктъ славянофильской доктрины—самый существенный. Устанавливая его, Аксаковъ хотѣлъ провести рѣзкую непереступаемую границу между русской исторіей и исторіей западноевропейской. Онъ хотѣлъ дальше показать, что за этой границей живутъ совсѣмъ особенные люди, принципиально противоположные остальнымъ представителямъ рода человѣческаго. Съ спокойной гордостью принялъ К. Аксаковъ знаменитый тезисъ Гегеля, что землю обитаютъ «die Menschen und die Russen», т. е. люди и русскіе, и придавъ ей то толкованіе, что русскіе — это *Uebermensch*'и, т. е. сверхчеловѣки или «всечеловѣки», какъ выражался покойный Достоевскій. Почему-же? А потому, что они не хотятъ и не ищутъ, не хотѣли и не искали, не должны хотѣть и не должны искать ни права, ни власти, а лишь любви и правды.

Такъ ли оно въ дѣйствительности? Одинъ публицистъ, полвергнувъ рѣзкою критикѣ этотъ пунктъ славянофильства, пришелъ къ интереснымъ выводамъ, съ сущностью которыхъ мы сейчасъ-же и ознакомимся.

Два важныя событія русской исторіи—привзаніе варяговъ и избраніе въ цари Михаила Федоровича Романова—напрасно приводятся Аксаковымъ въ подтвержденіе его мысли. Сознаніе необходимости государственнаго строя и возможности учредить его собственными средствами, вслѣдствіе постоянныхъ междоусобицъ, заставило новгородскихъ славявъ съ окрестными чудскими племенами при-

звать изъ-за моря объединяющій правительственный элементъ. Это призваніе чужой власти показало дѣйствительную нравственную силу русскаго народа, его способность освобождаться въ рѣшительныя минуты отъ низкихъ чувствъ національнаго самолюбія или народной гордости; но видѣть отреченіе отъ государственности, въ этомъ рѣшеніи создать государство во что-бы то ни стало — нельзя. Въ тѣ отдаленныя времена никакихъ абсолютныхъ государственныхъ формъ Европа (кромѣ Византіи) не знала, исторія непреложно свидѣтельствуетъ, что русскій народъ съ призваніемъ варяговъ нисколько не отказался отъ дѣятельнаго участія въ государственной жизни. Второе событіе, на которое ссылается Аксаковъ, — избраніе на царство Михаила Федоровича, какъ законнаго преемника прежней династіи, столь же мало годится для подтвержденія славянофильскаго взгляда. Не задолго до нашего смутнаго времени въ самой передовой странѣ западной Европы произошли аналогичныя событія; когда среди междоусобій и смуть погибъ послѣдній король изъ дома Валуа, французскій народъ не учредилъ ни республики, ни постоянного представительнаго правленія, а передалъ полноту власти Генриху Бурбону, при внукѣ котораго государственный абсолютизмъ достигъ крайней степени своего развитія. Неужели однако изъ этого можно выводить, что французы — народъ не государственный, чуждающійся политической жизни и желающій только «свободы духа».

Если разсуждать, какъ Аксаковъ, то тотъ-же антиполитическій характеръ слѣдуетъ признать и за испанскимъ народомъ, который послѣ революціонныхъ смуть конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, какъ только избавился отъ нашествія иноземцевъ (подобно русскимъ въ 1612 г.), призвалъ къ себѣ законнаго государя и предоставилъ ему неограниченную монархическую власть. То-же и въ другомъ случаѣ.

Вообще для характеристики русскаго народа въ государственномъ отношеніи нѣтъ причины ограничиваться московской и петербургской эпохами. Если-же мы обратимся къ кievской Руси, то тутъ тезисъ Аксакова оказывается уже вполне несостоятельнымъ. По справедливому замѣчанію одного безпристрастнаго критика, этотъ тезисъ всего лучше опровергается собственными сочиненіями Константина Аксакова, въ которыхъ показывается положительное и рѣшающее участіе *народнаго* земскаго элемента въ русской политической жизни до-монгольскаго періода.

А между тѣмъ этотъ тезисъ о разграниченіи русскимъ наро-

домъ земли отъ государства былъ очень важенъ для К. Аксакова, ибо, принявши его, можно сразу провести рѣзкое различіе между русскимъ и западно-европейскими народами: эти послѣдніе политиканствуютъ, первый-же смиренно подаетъ мнѣнія, когда его о томъ спрашиваютъ. — Изъ своего тезиса К. Аксаковъ дѣлалъ слѣдующіе выводы:

Правительству — неограниченная власть государственная, политическая; народу — полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова). Единственно, что самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству — это мнѣніе (слѣдовательно сила чисто нравственная), — мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять. Правительству — право дѣйствія, народу — право мнѣнія и слѣдовательно слова.

Не трудно видѣть, сколько метафизическаго тумана напущено въ эти немногія строки. Кто на самомъ дѣлѣ поручилъ К. Аксакову говорить отъ имени народа русскаго? «Взглядъ русскаго народа на затронутый предметъ, — говоритъ Вл. Соловьевъ — въ точности не извѣстенъ, позволительно однако думать, что значительное большинство этого народа рѣшительно предпочло-бы свободу отъ податей и отъ военной повинности самой полной свободѣ слова». На самомъ дѣлѣ странно было-бы воображать себѣ англоманствующихъ подлиповцевъ, но Аксаковъ съ наивностью кабинетнаго челоуѣка выдаетъ свои культурныя вожделѣнія за общенародныя. Въ подтвержденіе своей мысли онъ ссылается на то, что «нашъ народъ во время призванія варяговъ хотѣлъ оставить для себя свою внутреннюю собственную жизнь — жизнь мирную духа». Что хотѣлъ и чего не хотѣлъ нашъ народъ во время призванія варяговъ, — вещь темная, и приписывать ему можно какія угодно желанія. Только кому какое дѣло до того, о чемъ мечтали Гостомысли IX-го вѣка?

Такимъ образомъ аргументація К. Аксакова, несмотря на благородство и чистоту его намѣреній, оказывается совершенно неубѣдительною. Онъ не замѣчаетъ даже, въ какое жестокое противорѣчіе приходится ему впасть. Разъ полновластное правительство и безвластный народъ — догматы, то какъ можно даже заикаться о какой-бы то ни было свободѣ слова? «Вѣдь свобода слова — одно изъ крупнѣйшихъ политическихъ пріобрѣтеній западныхъ народовъ».

Не политическій, а нравственный путь развитія считаетъ Аксаковъ истинно русскимъ путемъ. Къ этому взгляду приспо-

соблено и пригнано все пониманіе имъ русскаго прошлаго. «Онъ твердитъ каждую минуту, что русскій народъ никогда не хотѣлъ власти, всегда даже отрецивался отъ нея, какъ отъ навожденія. Онъ не признаетъ никакихъ исключеній изъ этой своей всеобъемлющей формулы. «Многіе думаютъ о Новгородѣ — пишутъ отъ напр. — какъ о наиболѣе мнѣвшемъ князей, что онъ былъ республика: совершенно можно! Новгородъ не могъ оставаться безъ князя. Возьмите новгородскую лѣтопись, прочтите, съ какимъ ужасомъ говорить лѣтописецъ о томъ, что они три недѣли были безъ князя».

По мнѣнію Аксакова, черезъ всю исторію Россіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ ея и вплоть до междоусобствія и Петра, проходить это рѣшительное отреченіе отъ власти. «Государство (т. е. власть) никогда у насъ не обольщала собой народа, не плѣняло народной мечты; вотъ почему, хотя и были случаи, не хотѣлъ народъ нашъ облечься въ государственную власть, а отдавалъ эту власть избранному имъ и на то назначенному государю, самъ желая держаться своихъ внутреннихъ, жизненныхъ началъ.

Поэтому-то наше развитіе совершенно другое, чѣмъ европейское. Европейскіе народы шли путемъ *внѣшней* правды, русскій — путемъ *внутренней*. Говоря подробнѣе, видно, что дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ:

«Нравственное дѣло, — пишетъ Аксаковъ, — должно и совершаться нравственнымъ путемъ, безъ помощи внѣшней, принудительной силы. Вполнѣ достойный путь одинъ для человѣка, путь свободнаго убѣжденія, путь мира, тотъ путь, который открылъ намъ Божественный Спаситель, и которымъ шли Его Апостолы. Это путь *внутренней правды*».

Существуетъ однако и «другой» путь, гораздо повидимому болѣе удобный и простой: внутренней строй переносится во внѣ, и духовная свобода понимается только какъ *устройство, порядок*; основы, начала жизни понимаются какъ правила и предписанія. Все формулируется. Этотъ путь не внутренней, а *внѣшней правды*, не совѣсти, а принудительнаго закона».

Последнимъ путемъ, «путемъ внѣшней правды, путемъ государства двинулось западное человѣчество». Такой путь губителенъ. «Формула, какая-бы то ни была, не можетъ обнять жизни; потомъ налагаясь извнѣ и являясь принудительною, она утрачиваетъ самую главную силу, силу внутренняго убѣжденія и свободнаго

ея признанія; потомъ далѣе, давая такимъ образомъ человѣку возможность опираться на законъ, вооруженный принудительной силой, она усыпляетъ склонный къ лѣни духъ человѣческой, легко и безъ труда успокоивая его исполненіемъ наложенныхъ формальныхъ требованій и избавляя отъ необходимости внутренней нравственной дѣятельности и внутренняго нравственнаго возрожденія».

Русскій-же народъ пошелъ путемъ *внутренней* правды. «Подъ вліяніемъ вѣры въ нравственный подвигъ, возведенный на степень исторической задачи цѣлаго общества, «создался «мирный и кроткій характеръ древне-русскаго народа», благодаря которому онъ, не желая государствовать, *добровольно* призвалъ государственную власть извнѣ. Добровольность призванія государства имѣетъ въ глазахъ Конст. Сергѣевича особенную дѣйствительность, потому что оно рѣзко отдѣляетъ процессъ народнаго рожденія государства въ Россіи отъ процесса его рожденія на Западѣ, гдѣ онъ совершился путемъ завоеванія. Вслѣдствіе добровольности призванія въ Россіи земля и государство, хотя «и не смѣшались, а отдѣльно стояли», все-таки находились «въ союзѣ другъ съ другомъ». Въ призваніи добровольномъ означились уже отношенія земли и государства — взаимная довѣренность съ обѣихъ сторонъ. Не брань, не вражда, какъ это было у другихъ народовъ вслѣдствіе завоеванія, а миръ — вслѣдствіе добровольнаго призванія».

Этотъ-то миръ между властью и народомъ, эта-то живая нравственная связь между государствомъ и землею были, по А. Аксакову, нарушены реформою Петра. До той поры все шло, какъ слѣдуетъ: правительство не вмѣшивалось въ народную жизнь, ничѣмъ не стѣсняло ея свободу, а народъ не вмѣшивался въ дѣла управленія... При Петрѣ Великомъ правительство измѣнило русскому идеалу, уклонилось съ русскаго пути, отнявши у народа свободу жизни и мнѣній, подчинявши его бюрократической регламентаціи и т. д. Теперь правительство должно взять голосу вновь возникшаго (въ славянофильствѣ) русскаго самознанія и возстановить нарушенное имъ истинное отношеніе между государствомъ и землею; оно должно возратить народу полноту его жизненной свободы, оставляя себѣ полноту власти и политическихъ правъ. «Въ противномъ случаѣ слѣдуетъ, по мнѣнію Аксакова, ожидать, что народъ, испорченный послѣ-петровскою исторіею и соблазненный дурнымъ примѣромъ государства, въ свою очередь измѣнитъ истинному-русскому пути съ своей

стороны, нарушить идеаль русскаго строя, станеть добиваться политическихъ правъ, вступить на западно-европейскій путь».

Чтобы избѣгнуть этого, К. Аксаковъ даетъ свой знаменитый совѣтъ «назадъ», въ до-петровскую Русь, которая представлялась ему чѣмъ-то вродѣ Аркадіи, гдѣ мудрые пасли стада смиренномудрыхъ вѣрнопопданыхъ. Мы нисколько не преувеличиваемъ дѣла. Излагая древнерусскую исторію, Аксаковъ говоритъ между прочимъ:

«Явился великій князь и потомъ царь московскій и всея Руси, наследственный и самодержавный. Отношеніе земли и государства, народа и правительства, прежняя взаимная довѣренность—были основой ихъ отношеній. Подобно тому, какъ князь созывалъ вѣче, царь созывалъ земскую думу или земскій соборъ. Народъ не требовалъ, чтобы государь спрашивалъ его мнѣнія. Государь не опасался спрашивать мнѣнія народа. Кто читалъ эти думы, тотъ знаетъ, какъ просто излагалось въ нихъ дѣло. Спрашивали обыкновенно выборныхъ отъ всѣхъ сословій; они говорили: мысль наша такова, а тамъ, какъ будетъ угодно государю. Не личное самолюбіе, не гордость западной свободы была здѣсь, а общедное искреннее желаніе пользы. Здѣсь не ораторствовали, а говорили, и слово не превышало дѣла».

Или:

«Русь не понимала рабства,—намѣчалъ въ общихъ чертахъ Константинъ Сергѣевичъ свою главную мысль,—къ тому-же въ ней нѣтъ ни либерализма, ни рабства. Свободная страна, Западъ началъ съ рабства, прошелъ сквозь бунтъ и хвастаетъ холопской дерзостью либерализма...

«Западъ имѣетъ опытность грѣха; онъ ужъ узналъ всѣ мерзости и установилъ свои отношенія. Кому-же, какъ не лисѣ, всѣ лисьи норки знать? Русь не имѣла этой опытности и поневолѣ попала въ рабство.

«*Большая разница между грѣхомъ и порокомъ. Въ древней Руси есть грѣхи, но нѣтъ пороковъ*». Вотъ бы гдѣ побывать!!

* * *

Читатель навѣрное спроситъ, съ какой это стати такъ долго удерживали его вниманіе на ученіи, которое, созданное кабинетнымъ иллюзионеромъ и мечтателемъ, давнымъ-давно отжило свой вѣкъ.

Но, во-первыхъ, чѣмъ богаты—тѣмъ и рады. Славянофильство—во всякомъ случаѣ единственная оригинальная система русской философской мысли, во-вторыхъ,—сила ея совсѣмъ не въ аргументахъ, вообще слабыхъ и слишкомъ произвольныхъ.

Аргументы эти едва-ли могутъ убѣдить когонибудь въ настоящее время, но они какъ нельзя болѣе характерны для пониманія духа создавшей ихъ эпохи и того класса общества, къ которому принадлежали ихъ защитники.

Какъ видить всякій, въ системѣ Аксакова все сводится къ противорѣчію между понятіями «моральность» и «легальность». Одна сила свѣтлая, другая—темная. Одно начало западно-европейское, другое—наше, русское, историческое и въ то же время національное. «Моральность» опирается на любовь, на довѣріе, вообще на внутренняго человѣка, на божественную искру, заложенную въ каждомъ изъ насъ; легальность—на сводъ законовъ, статьи и уставы, словомъ,—на виѣшнюю силу и на права, пріобрѣтенныя насиліемъ. Никто и теперь не можетъ сомнѣваться въ томъ, что моральность выше легальности, что жить «по Божию» куда лучше, чѣмъ по уставу или по принужденію; но развѣ исторія выбираетъ когданибудь между лучшимъ или худшимъ въ нравственномъ смыслѣ этихъ словъ? Она идетъ своей дорогой и эта дорога удобства или, вѣрнѣе, соотношенія общественныхъ силъ. Она всегда давала и даетъ перевѣсъ сильному надъ слабымъ и прежде чѣмъ наградитъ человѣка правами, говоритъ ему: сначала пріобрѣти ихъ, а потомъ сумѣй защищать. Ничего сентиментальнаго, сердечнаго нѣтъ въ прошлыхъ лѣтописяхъ земли, страданіе и жалость доступны личностямъ, а не массамъ, любовь руководитъ отдѣльными поступками, но бессильна противъ хода общественной жизни. Эта послѣдняя знаетъ свою богасправедливость, но и справедливость является часто механической, и виѣшной. Успѣхъ исторической борьбы обусловливается не *нравственны*мъ превосходствомъ одной изъ борющихся сторонъ надъ другой, а превосходствомъ ея силы вообще, причемъ нравственная сила входитъ лишь какъ элементъ всей совокупности силъ—физическихъ, умственныхъ, матеріальныхъ. Вооружившись любовью, и добродѣтелью, нельзя выступать противъ скорострѣльныхъ ружей, и исторія международныхъ отношеній Европы ежеминутно подтверждаетъ эту простую и элементарную истину.

Но она была совершенно недоступна К. Аксакову, какъ недоступна она теперь графу Толстому. Напротивъ, все толкало славянофильскаго пророка въ сторону ея отрицанія и полнаго пренебреженія ею. Онъ органически не могъ не признавать превосходства моральности надъ легальностью уже потому, что ключемъ для пониманія всѣхъ жизненныхъ явленій, основой, на которой онъ воздвигалъ всѣ свои идеалы, была *семья*, гармонически сложившаяся, живущая въ мирѣ, любви и спокойствіи,—такая т. е., среди которой онъ выросъ самъ.

Жизнь западно-европейскихъ народовъ представлялась ему хо-

лодной и мертвой. Онъ не могъ восторгаться культурой и цивилизаціей. потому что ясно и основательно видѣлъ, какъ культура и цивилизація обездушиваютъ человѣка, опустошаютъ его нравственный міръ и дѣлаютъ изъ него живого мертвеца, въ которомъ совершенно изсякло духовное, любовное начало. Онъ ненавидѣлъ отношенія между людьми, основанныя лишь на контрактѣ. Онъ хотѣлъ живой связи, живого общенія. Гдѣ-же найти ихъ? Семья, разумѣется, даетъ первый и лучшій примѣръ такого рода жизни. Отецъ — глава семьи, ея руководитель, ея царь, у него полнота правъ и власти, но эти права и эта власть охотно признаются всѣми чадками и домочадцами, потому что въ ихъ проявленіяхъ нѣтъ ничего принудительнаго, насильственнаго. Отецъ править, но править любовно, вліяя лишь авторитетомъ своей нравственной силы, и такимъ путемъ подчиненіе и свобода мирно уживаются другъ съ другомъ. Въ семьѣ нѣтъ начальства, а есть руководитель, нѣтъ насилія, а есть убѣжденія, нѣтъ рабства, а есть свобода личности, добровольно повинующейся.

То-же самое К. Аксаковъ мечталъ найти и въ старорусской исторіи. Онъ восторгался былинами и эпосомъ, даже московскими порядками, потому что прежняя Россія казалась ему такой похожей на любезную сердцу Аксакову. Власть и народъ находились между собой въ живомъ общеніи; ничто не стояло между ними, никто не стремился воплотить въ статьи и формулы связующую ихъ любовь.

Угловатости славянофильской доктрины исчезли или заглохли другими, но ея настроеніе, это настроеніе національной гордыни, — живо еще и понынѣ. Вѣдь недавно еще одинъ профессоръ, чуть не академикъ, торжественно заявилъ: «насъ не можетъ радовать похвала нѣмцевъ, но можетъ радовать ихъ порицаніе: значитъ, мы не похожи на нихъ». Но къ этой живучести славянофильства мы еще вернемся, пока же нѣсколько словъ о его положительной роли въ русской жизни, положительной къ тому-же совершенно случайно.

Нечего, я думаю, и пояснять, что между народническими идеями К. Аксакова и идеалами управы благочинія не было ничего общаго. Онъ ошибался: обманывая себя, онъ обманывалъ другихъ, — это грѣхъ передъ исторіей, но онъ не гнулъ своей совѣсти, не напаяливалъ на нее видундира; онъ защищалъ достоинство человѣческой личности и ея свободу, какъ могъ, какъ понималъ ихъ. Свобода слова — вотъ самый конкретный практическій пунктъ его уче-

ній, и онъ потратилъ на него не меньше страсти, чѣмъ на защиту до-петровской всероссійской добродѣтели. Позволю себѣ привести одно стихотвореніе, сохранившееся въ его бумагахъ. Онъ пишетъ:

Ты — чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты — мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты — лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты — намъ челоуѣчества знамя...
Ты гонишь невѣжество ложь,
Ты вѣчно жизнiю ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово.

Лишь духу власть духа дана. —
Въ животной-же силѣ нѣтъ прока:
Для истины — гибель она,
Спасеніе — для лжи и порока;
Враждуетъ-ли съ ложью — равно
Живить его жизнiю новой...
Неправдѣ — опасно одно
Свободное слово!

Ограды властямъ никогда
Ни зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство — тамъ бунтъ и бѣда.
Защита отъ бунта — свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей,
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...
Оружье свободныхъ людей
Свободное слово!

О слово, даръ Бога святой,
Кто слово, даръ божескій, свяжетъ,
Тотъ путь челоуѣку иной. —
Путь рабства преступный укажетъ,
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ жъ и цѣленіе готово,
О, духа единственнiй мечъ
Свободное слово!

(С. А. Венгеровъ, т. I, стр. 227.)

Одно уже это стихотвореніе должно сдѣлать очевиднымъ для читателя тотъ фактъ, что К. Аксаковъ, несмотря на свою безусловную преданность устоямъ русской жизни, числился въ ряду оппозиціи и признавался краснымъ. Въ этомъ отношеніи онъ раздѣлялъ участь, общую всѣмъ главарямъ славянофильства. Въ нихъ находили слишкомъ много свободы и самостоятельности, было подозрительно уже то, что они рѣшались говорить и думать, когда все

вокругъ молчало. Когда въ 1852 г. они задумали издавать «Московской Сборникъ», долженствовавшій замѣнить всѣ прежніе неудачные журналы, благополучно проскочилъ черезъ цензуру лишь первый томъ, а второй томъ и не появился на свѣтъ Божій.

Любопытно поэтому привести документъ, изъ котораго видно, какъ относилась къ К. Аксакову цензура того времени. Въ запискѣ министра народнаго просвѣщенія С. Уварова, перепечатанной въ «Исторіи русской цензуры» А. М. Скабичевскаго, мы читаемъ между прочимъ:

«Въ статьѣ Аксакова о богатыряхъ—читаемъ мы—изображеніе характера и подвиги Добрыни Никитича, Ильи Муромца, Ставра, Рахдая и другихъ богатырей, а равно пиры и домашняя жизнь самого Владимира не такъ, какъ повѣствуетъ исторія, а какъ описывается въ древнихъ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ».

«Подобно Хомякову, К. Аксаковъ старается отыскать въ сказкахъ и пѣсняхъ признаки того же небывалаго въ Россіи общиннаго порядка дѣлъ. Въ одной пѣснѣ сказано, что Владимиръ, дѣлая пиръ у себя, приказалъ брать со всякаго званаго по 10 рублей, и К. Аксаковъ говоритъ: «Весьма замѣчательное указаніе: и такъ этотъ княжескій пиръ—складчина; пиры складчиною—явленіе совершенно русское и древнее; вспомни *братчины* напирмѣръ, братчину Никольщину, гдѣ складочный пиръ и вмѣстѣ союзъ, въ которомъ выбирается и пировой староста, это также чисто общинное явленіе; это вольное видоизмѣненіе *саморядной общины*, ея открыскъ... Къ такимъ же *общиннымъ явленіямъ*, возникшимъ изъ самой *коренной общины*, причисляемъ мы *артель и даже казакское устройство*». Этого мало, даже въ хорождѣ сочинитель видитъ образъ *русской общины*.

«Изъ другихъ пѣсней К. Аксаковъ выводитъ, что богатыри сидѣли у Владимира не по аристократическому праву награды, и представляетъ, что «аристократическое понятіе, образовавшееся на Западѣ рыцарствомъ, не существовало въ древней Руси; на богатырской скамьѣ сидѣли и Ставръ, богатый бояринъ, и Алеша, сынъ попа, Иванъ, сынъ гостя (куппа), и наконецъ Илья Муромецъ, крестьянинъ: *всѣмъ имъ равный почетъ*». Отношенія богатырей къ великому князю *почтительны, но не подбострастны; они вольно собирались вокругъ него, зовутъ его краснымъ солнцемъ, солнцемъ Киевскимъ, охотно служатъ ему службы, но нисколько не выражается униженіе или придворное ихъ отношеніе къ великому князю; битвы, подвиги, свадьбы и пиры со-*

ставляютъ въѣшвій строй этой жизни, въ которой слышатся *воля и приволье*».

«К. Аксаковъ указываетъ на мѣста въ пѣсняхъ, гдѣ *Соловей-разбойникъ* называетъ князя воромъ; богатырь *Туаринъ-Змѣевичъ* дѣлуетъ великую княгиню въ уста сахарныя, а *Алеша Поповичъ* чуть не назвалъ ее сукою... Сверхъ того К. Аксаковъ обращаетъ вниманіе на пѣсню, въ которой описывается нашествіе на Кіевъ татарскаго царя Калины. Хотя это и непріятельскій царь, но все неприлично, что сочинитель выписываетъ изъ пѣсни слѣдующіе стихи:

Собака, проклятый ты, Калинъ царь!
Всѣхъ то дарей не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ!

«Пѣсни и сказки, на которыхъ К. Аксаковъ основалъ статью свою, большею частью напечатаны; всѣ читали ихъ, относя безцеремонные поступки богатырей къ простотѣ древнихъ нравовъ или вымыслу составителей сказокъ: одинъ К. Аксаковъ могъ вывести изъ нихъ—небывалая въ Россіи—общину, вольницу и держитъ богатырей ставить противъ великаго князя!..

«Константинъ Аксаковъ написалъ еще «Примѣчаніе къ статьѣ Шеннига: «Купало и Коляда». Въ этихъ примѣчаніяхъ онъ нѣсколько разъ опять упоминаетъ *объ общинной жизни* въ древней Руси, утверждая, будто бы *общинное начало неотъемлемо соединено съ существомъ славянина*. Онъ говоритъ также: *лѣсъ, поле, рѣка принадлежатъ всѣмъ: такъ семья исчезаетъ*». Мысль совершенно коммунистическая.

«Еще въ «Московскомъ Сборникѣ» находятся два стихотворенія К. Аксакова, ничтожныя по содержанію, но и въ нихъ есть непонятныя мысли и говорится о человѣкѣ, котораго *духъ свободенъ и открытъ*». Вообще-же К. Аксакову дана слѣдующая характеристика:

«Константинъ Аксаковъ, магистръ московскаго университета, живетъ въ Москвѣ, пропитанъ славянофильствомъ. Въ 1846 году онъ напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статью: «Семистолѣтіе Москвы». Въ этой статьѣ, сверхъ неумѣстныхъ доказательствъ и преимуществъ Москвы, какъ столицы имперіи, передъ С.-Петербургомъ, высказывались вообще мысли, несообразныя съ монархическимъ правленіемъ. За эту статью и сочинителю, и цензору слѣдано было строгое замѣчаніе. Этотъ молодой человѣкъ не безъ ума и образованъ, добросовѣстенъ и хорошей нравственности, но его, какъ фанатика, трудно убѣдить въ ложности его мнѣній».

Но онъ былъ подозрителенъ еще и по другой причинѣ. Какъ сказано выше, его идеалъ свободно укладывается въ формулы: «патріархальность» и живая нравственная связь между государствомъ и землей. Припомните теперь характеристику николаевской эпохи, сдѣланную Любимовымъ, и вы сейчасъ поймете, что нельзя было не заставить замолчать московскаго милленарія. Съ точки зрѣнія К. Аксакова чиновничество и было тѣмъ средостѣніемъ, которое мѣшало установленію живой нравственной связи, тѣмъ узурпаторомъ, который отнялъ у народа свободу духа и замѣнилъ ее предписаніями.

К. Аксаковъ былъ наконецъ подозрителенъ просто потому, что отличался отъ другихъ своими рѣчами, взглядами и даже костюмомъ. Онъ носилъ мурмолку и бороду... а вѣдь чортъ ихъ знаетъ, что значатъ мурмолка и борода. А нѣтъ ли тутъ измѣны? спрашивали Амосы Ѳедоровичи, и, разумѣется, измѣна нашлась. Въ 1853 г. вышелъ знаменитый указъ министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ объявлялось несомвѣстнымъ съ дворянскимъ званіемъ ношеніе бороды.

VI. Иванъ Аксаковъ. — Немезида славянофильства. — Славянофильство, какъ классовая теорія.

«Внутреннее противорѣчіе между требованіями истиннаго патріотизма, желающаго, чтобы Россія была какъ можно лучше, и фальшивыми притязаніями націонализма, утверждающаго, что она и такъ всѣхъ лучше, — это противорѣчіе погубило славянофильство какъ ученіе, но оно же составляетъ несомнѣнное преимущество старыхъ славянофиловъ, какъ людей и дѣятелей, сравнительно съ ихъ позднѣйшими преемниками — псевдопатріотами. Они питались иллюзіями — это такъ, но, благодаря своему возвышенному неліцемерному настроенію, — въ важныя критическія минуты для русскаго общества, когда вопросы ставились на жизненную практическую почву, старые славянофилы бросали въ сторону мечты и претензіи народнаго самолюбія, думали только о дѣйствительныхъ нуждахъ и бѣдахъ Россіи, говорили и дѣйствовали какъ истинные патріоты.

«Во время осады Севастополя, — пишетъ Ю. Ѳ. Самаринъ, — въ самую пору мучительнаго для нашего самолюбія отрезвленія, когда очарованія одно за другимъ спадали съ нашихъ глазъ и передъ нами

выступали все безобразіе, вся нищета нашей дѣйствительности на одномъ вечерѣ, въ пріятельскомъ кругу, Хомяковъ былъ какъ то особенно веселъ и безпеченъ и на неудомѣніе одного изъ друзей, какъ можетъ онъ смѣяться въ такое время, отвѣчалъ: «я плакалъ про себя тридцать лѣтъ, пока вокругъ меня все смѣялось. Поймите же, что мнѣ позволительно радоваться при видѣ всеобщихъ слезъ ко спасенію». Говорить о спасеніи Россіи, да еще посредствомъ самоосужденія, путемъ горькаго сознанія во всемъ безобразіи и во всей нищетѣ нашей дѣйствительности — не явнялись эта измѣна и отступничество? И дѣйствительно Хомяковъ и его единомышленники подверглись хотя и запоздалой, но все-таки внушительной анафемѣ отъ представителей «новѣйшаго зоологическаго патріотизма».

Еслибы «любовь» была не производной, а производящей силой, еслибы историческая дѣйствительность подчинялась мечтамъ человѣка, еслибы жизнь народа была свободой, а не необходимостью, — славянофильство, въ виду громадныхъ затраченныхъ на него нравственныхъ и умственныхъ силъ, могло бы быть плодотворнымъ. Но благородство, добродѣтель, искренность, сопровождаемые иллюзіями, не копируются на биржѣ дѣйствительности. «У славянофиловъ, какъ и у насъ, — говоритъ одинъ ихъ теоретическій противникъ, — запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы — за пророчество, чувство безграничной, охватывающей все существованіе любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны въ то время, какъ сердце билось одно».

Но дѣйствительность мститъ за невниманіе къ себѣ и мститъ подъ-часъ очень жестоко. Какъ и чѣмъ отомстила она славянофильству — увидимъ сейчасъ.

Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ умеръ съ небольшимъ 40-ка лѣтъ, успѣвши достаточно разочароваться въ жизни, но не въ своей теоріи. Онъ умеръ тѣмъ самымъ «большимъ ребенкомъ», про котораго отецъ его писалъ какъ-то: «кажется, остается желать, чтобы онъ на всю жизнь оставался въ своемъ пріятномъ заблужденіи, ибо презрѣніе невозможно безъ тяжкихъ и горькихъ утратъ: такъ пусть его живетъ да вѣритъ Руси совершенству». Не то случилось съ братомъ его, Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, младшій сынъ Сергѣя Тимофеевича, родился 26 сент. 1823 г., въ селѣ Надеждинѣ, Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губерніи. Деревенскія впечатлѣнія его еще слабѣе, чѣмъ у старшаго брата Константина, потому что всего 4-хъ лѣтъ отъ роду его перевели въ Москву. Учился онъ однако не здѣсь, а въ Петербургѣ, въ «институтѣ» правовѣдѣнія, которое и закончилъ въ 1842 году. Идя по обычной дорогѣ, онъ поступилъ въ «страшнопримный» Сенатъ московскій, тогда еще существовавшій. Естественно, что у молодого, горячаго юноши, поклонника Шиллера и Гёте, еще въ ученическіе свои годы исходившаго лѣтомъ всю Германію и поклонявшагося разнымъ святынямъ поэзіи и философіи, нисколько не лежало сердце къ чиновничьей карьерѣ. Въ написанной имъ въ то время «Мистеріи въ трехъ періодахъ», — «Жизнь чиновника» — герой перваго періода «будущій чиновникъ» задаетъ себѣ гамлетовскій вопросъ:

Служить или не служить? да, вотъ вопросъ!
Какъ сильно онъ мою тревожитъ душу!
Не я-ль мечталъ для общей пользы жить?
Ужель теперь я свой обѣтъ нарушу?

Демонъ службы шепчетъ ему:

И начальство высшее, дорожа тобою,
Грудь украсить лентою, осѣнить звѣздой...
Не ища фортуны милости случайной,
Будешь ты дѣйствительный, будешь ты и тайный...

Во второмъ періодѣ, когда герой «Мистеріи» поступилъ уже на службу, прежніе порывы и прежнія колебанія исчезли. Онъ мечтаетъ теперь лишь о крестѣ, который и получаетъ за свою угодливость и льстивость.

Въ третьемъ періодѣ герой «Мистеріи», ставшій генераломъ, подводитъ итоги своей жизни, и что же долженъ сказать онъ о себѣ передъ судомъ проснувшейся совѣсти?

Да, счастье пошлое судьба мнѣ даровала,
Занятія «дѣльные» мой иссушили умъ,
И грудь чиновника ничто не волновало:
Лишь служба — вотъ предметъ моихъ привычныхъ думъ.

Съ грустью вспоминая прежнее, онъ говоритъ:

А памяты мнѣ прежніе тѣ годы.
Когда былъ молодъ я и на своемъ пути
Такъ смѣло выжидалъ житейскія невзгоды...
Но жизнь прожить — не поле перейти.
Душа тогда прекрасное любила,
Порывы доблести мнѣ волновали грудь.
Но жизнь бумажная въ ней свѣжесть погубила

И охватилъ меня избранный мною путь.
И грустно думать мнѣ, что тщетно я трудился,
Что даромъ отдалъ жизнь на жертову службѣ я,
Что труженникомъ здѣсь ничтожнымъ я явился,
Что не своей я шель дорогой бытія!
Что отъ моей усердной, долгой жизни,
Отъ моего служебнаго труда
Ни пользы никому, ни блага для отчины,
Ни свѣтлой памяти, ни яснаго слѣда.

Легко понять, кѣмъ было навѣяно такое отрицательное отношеніе къ бюрократическимъ идеаламъ. Не говоря уже о «Горѣ отъ ума» и «Ревизорѣ», Иванъ Сергѣевичъ въ славянофильскомъ кружкѣ наслушался не мало самыхъ страстныхъ репликъ противъ чиновничества «этого средостѣнія», этой «гангрены русской жизни».

Послѣ недолгой, бесполезной и томительной по своей бесполезности службы въ московскомъ сенатѣ, — этомъ удивительномъ архивѣ государственныхъ старцевъ, Ивана Сергѣевича потянуло въ народъ. «И вотъ онъ уѣзжаетъ въ глушь, ступаетъ въ уголовную палату, сначала калужскую, потомъ астраханскую. Какъ совершенно вѣрно сказалъ кто-то послѣ смерти Аксакова, отъѣздъ въ провинцію изъ столицы, гдѣ, при огромныхъ связяхъ Сергѣя Тимофеевича и славянофильскаго кружка, онъ могъ бы сдѣлать самую блестящую карьеру, былъ свѣго рода хожденіемъ въ народъ». Честный, молодой, горячій, онъ попалъ въ ту обстановку, которая бросала мрачную тѣнь на всю русскую жизнь. Россія въ то время, по словамъ Хомякова, была «въ судахъ черна неправдой черной»... Тяжела, утомительна, не по силамъ одному человѣку была борьба съ этой черной неправдой.

«Знавшіе Ивана Сергѣевича въ эту пору его дѣятельности, — сообщаютъ одинъ изъ наиболѣе обстоятельныхъ некрологистовъ Аксакова, — знаютъ, какъ томилась и мучилась молодая еще тогда душа его въ эту суровую эпоху и какъ поборолъ онъ въ себѣ чувство личнаго отвращенія, чтобы нести эту тяжелую службу, зная, что несеніемъ этого креста ему удастся все-таки уменьшить хотя немного количество обильно расточаемыхъ плетей, пролагать хотя ничтожный просторъ правдѣ и справедливости. Извѣстная литературному міру Авдотья Петровна Елагина послала ему въ этотъ періодъ его отчужденія отъ Москвы иражорное распятіе, на которомъ ликъ облеченнаго терновымъ вѣнкомъ Спасителя представлялся ей особенно хорошо выражающимъ глубокія нравственнаго страданія. Въ письмѣ, которымъ сопровождалась эта послышка, старая уже и тогда Авдотья Петровна писала, что,

взирая на этотъ ликъ представителя высшаго страданія, она всегда вспоминала о тѣхъ внутреннихъ мукахъ, о той нравственной пыткой, которую приходится переживать Н. С. на добровольномъ поприщѣ его служенія».

Если Авдотья Петровна и хватила значительно черезъ край, то все же это нисколько не мѣшало судебскимъ впечатлѣніямъ Ивана Сергѣевича быть очень и очень тяжелыми. «Да возродится наконецъ правда и милость въ судахъ», — сказалъ въ началѣ 90-хъ годовъ императоръ Александръ III, и какъ далеко отъ этого «накопецъ» было полѣвка тому назадъ. Ивану Сергѣевичу надо было или прать противъ рожна цѣлой клики уголовныхъ мародеровъ, или уйти совсѣмъ изъ палаты. Онъ выбралъ послѣднее и все въ тѣхъ же поискахъ живой работы поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Съ обычной своей энергіей исполнялъ онъ самыя тяжелыя порученія и, одинъ изъ немногихъ чиновниковъ того времени, умѣлъ даже быть гуманнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ раскольникамъ. Между прочимъ ему пришлось столкнуться съ таинственной сектой «бѣгуновъ», о которой онъ написалъ обширное изслѣдованіе.

Въ 1852 г. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ вышелъ въ отставку. Эпизодъ, сопровождавшій его удаленіе со службы, былъ бы, пожалуй, и смѣшонъ, еслибы не былъ такъ грустенъ. По словамъ С. А. Венгерова, онъ заключался въ слѣдующемъ: «За Аксаковымъ открылись разные изъяны. Такъ, ярославскій губернаторъ сообщилъ въ Петербургъ, что молодой чиновникъ читаетъ знакомыя какую-то подозрительную рукопись. Потребовали объясненій у Ивана Сергѣевича. Онъ переслалъ рукопись, которая оказалась извѣстной его поэмой «Вродяга». Поэму прочли и не нашли въ ней ничего предосудительнаго. Но тѣмъ не менѣе молодому поэту были поставлены на видъ два обстоятельства. Во первыхъ, ему письменно предложили вопросъ: «почему онъ, Аксаковъ, *безнапортиаго* челоѣвка выбралъ себѣ въ герои?», а затѣмъ, возвращая поэму, сдѣлали при этомъ конфиденціальное сообщеніе, что «занятіе стихотворствомъ не приличествуетъ челоѣвку, облеченному довѣріемъ правительства».

Аксаковъ въ отвѣтъ на это подалъ прошеніе объ отставкѣ, которую и получилъ съ чиномъ надворнаго совѣтника. Онъ рѣшился посвятить себя журналистикѣ и, вернувшись въ Москву, занялся редактированіемъ «Московского Сборника». 1-ый томъ этого изданія благополучно прошелъ цензурныя мытарства и по-

явился въ свѣтъ безъ всяческихъ ампутацій. Но какъ-бы въ догонку ему — этому благополучно проскользнувшему сборнику, министръ народнаго просвѣщенія, князь Ширинскій-Шахматовъ, обратилъ вниманіе на «предосудительность направленія», находилъ, что «хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть одностороннее и безусловное: иначе безъотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и вмѣсто пользы принести существенный вредъ». Въ виду этого было приказано ко II тому сборника отнестись возможно «внимательно». Разумѣется, онъ не появился совсѣмъ, а его молодой редакторъ оказался въ разрядѣ крайне подозрительныхъ. Ему не только было предписано, какъ и остальнымъ членамъ славянофильскаго кружка, представлять свои произведенія для цензуры непосредственно въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, но кромѣ того его лишили права быть когда бы то ни было издателемъ или редакторомъ журнала. Мало того, когда Аксаковъ хотѣлъ было поѣхать на военномъ кораблѣ вокругъ свѣта, — его не пустили.

Будучи не у дѣлъ, Аксаковъ съ удовольствіемъ взялся за порученіе Географическаго Общества описать малороссійскія ярмарки и, проработавъ полтора года, выпустилъ въ свѣтъ обширное изслѣдованіе о малороссійской торговлѣ вообще. Въ промежутокъ между собираніемъ матеріаловъ и обработкой ихъ Аксаковъ въ тяжелые дни севастопольской кампаніи поступилъ въ ополченіе и былъ казначеемъ серпуховскаго отряда. Тутъ онъ «удивилъ весь оффиціальныи міръ мужествомъ своей честности. Командующій московскимъ ополченіемъ—графъ Строгоновъ — даже не рѣшился подписать отчетъ, представленный изумительнымъ казначеемъ, ибо отчетъ этотъ былъ, въ силу великаго экономіи, обвинительнымъ актомъ чуть ли не всѣхъ другихъ поголовно. Отчетъ такъ и остался не подписаннымъ, не смотря на всѣ настоянія Аксакова». «Ополченская служба Ивана Сергѣевича, — говоритъ Гиляровъ-Платоновъ, — сопровождалась полемикою литератора-ополченца съ командовавшимъ всею Московскою дружиною графомъ Строгоновымъ. Оригинальная полемика, философская и политическая, ведшаяся подъ видомъ оффиціальныхъ приказовъ и оффиціальныхъ рапортовъ, гдѣ Аксаковъ-ополченецъ былъ тотъ же непреклонный боецъ за меньшую братію, какъ Аксаковъ, редакторъ «Дня» и «Москвы». «Это Аксаковское влі-

яніе!»—воскликнулъ Строгоновъ, когда при роспускѣ ополченія, собравъ дружину, обратился къ рядамъ съ предложеніемъ, не хочеть ли кто изъ ратниковъ перейти въ военную службу, и когда въ отвѣтъ на его слова: «кто хочеть, ребята, пусть подниметь руку»,—послышался каламбуръ: «Кто же, Ваше Сіятельство, на себя руку подниметь?»...

Послѣ войны Аксаковъ, въ виду новыхъ вѣяній, возвратился къ извѣстному своему призванію — журналистикѣ. На самомъ дѣлѣ это былъ настоящій публицистъ, пламенный, искренній, безконечно увѣренный въ себѣ и своихъ убѣжденіяхъ. Съ молокомъ матери, съ атмосферой родительскаго дома, съ дружбой брата воспринялъ онъ славянофильскіе догматы. Вмѣстѣ съ Константиномъ Сергѣевичемъ онъ вѣрилъ и исповѣдывалъ: «что русскій народъ есть народъ не государственный, т. е. не стремящійся къ государственной власти, не желающій для себя государственныхъ правъ, не имѣющій въ себѣ даже зародыша народнаго властолюбія», — и хотѣлъ лишь того, чтобы между властью и земщиной установились живыя нравственныя отношенія, уничтоженныя реформою Петра. Въ истинномъ смыслѣ слова онъ былъ plus royaliste que le roi, въ мистическомъ ореолѣ представлялось ему самодержавіе, онъ падалъ передъ нимъ ницъ съ религіознымъ уваженіемъ. Непонятное исключеніе. Но все равно, какъ не дозволялось доводить до крайности идею народности, такъ и идея самодержавія въ формѣ, приданной ей Иваномъ Сергѣевичемъ, оказалась неподходящей къ требованіямъ высшей политики. Въ 1859 г. Аксакову разрѣшили издавать газету «Парусъ» и запретили очевидно по недоразумѣнію на 2-мъ № за статью *Погодина*. Желая изгладить неблагоприятное впечатлѣніе, Аксакову намекнули, что онъ можетъ издавать еженедѣльный журналъ «Пароходъ», но съ тѣмъ условіемъ, чтобы идея самобытности развитія народностей, какъ славянскихъ, такъ и иноплеменныхъ, не имѣла мѣста въ газетѣ и все, что до сего предмета относится, было бы изъ нея исключено». Аксаковъ не согласился и занялся неофициальнымъ редактированіемъ «Русской Бесѣды». Въ 1861 г. онъ выхлопоталъ право издавать еженедѣльную газету «День», съ тѣмъ, чтобы въ ней не было политическаго отдѣла. «День» выходилъ благополучно вплоть до 1865 г. Въ 1867 году Аксаковъ затѣялъ ежедневную «Москву», — газету, которая за 22 мѣсяца своего существованія получила девять предостереженій и слѣдовательно три раза была приостановлена — въ общей сложности втеченіи 13-ти мѣсяцевъ. За «Москвой» послѣдовала «Русь».

73

А К С А К О В Ы.

Какъ публицистъ, Ив. Аксаковъ составилъ себѣ крупное имя. Особеннымъ успѣхомъ пользовалась его газета «День», гдѣ провозвѣдывались лучшія идеи стараго славянофильства. Аксаковъ — издатель «Руси» — былъ по преимуществу глашатаемъ русской самобытности и связанной съ нею національной исключительности.

И. С. Аксаковъ.

глашатаемъ ожесточенной вражды ко всему тому, что дорого прогрессивной части русской интеллигенціи. Аксаковъ же — издатель «Дня», поддавшись общему теченію эпохи, рѣже направлялъ свой талантъ на бесплодную и часто отрицательнаго значенія позировку съ оторванными отъ нивы прогрессистамъ, а предпочиталъ посвящать его положительнымъ задачамъ времени, восторженному комментированію реформъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою. Наибольше горячія симпатіи «Дня» принадлежали крестьянскому дѣлу. Ни одинъ изъ органовъ тогдешней печати не посвящалъ столько мѣста выясненію разныхъ деталей, которыя возникли при

практическомъ выполненіи крестьянской реформы. «День» славился своими обстоятельными корреспонденціями по крестьянскому дѣлу, въ которыхъ всегда отстаивались интересы мужика.

Почему же Аксаковъ, въ принципѣ отрицавшій какія бы то ни было политическія преобразованія, — Аксаковъ, постепенно все болѣе и болѣе сближавшійся съ партіей застоя, не ладилъ и не могъ ладить съ цензурой? Вина вата въ этомъ, думается, не столько сущность его идей, сколько форма, которую онъ придавалъ имъ, — форма, всегда рѣзкая, непримиримая, вызывающая? Онъ слишкомъ подчеркивалъ свое право, какъ земскаго вѣрноподаннаго человѣка, говорить все, что ему кажется справедливымъ. Голосъ общественнаго мнѣнія — хотя бы одной только части его — находилъ себѣ въ немъ слишкомъ смѣлаго трибуна. Лучшимъ образчикомъ указанныхъ сторонъ его дѣятельности можетъ служить знаменитая рѣчь, произнесенная имъ въ 1878 г., какъ предѣдателя Славянскаго благотворительнаго комитета и человѣка, наиболѣе волновавшагося по поводу войны за освобожденіе, — при первыхъ же слухахъ о результатахъ берлинскаго конгресса.

Это случилось, повторяю, въ 1878 году.

Въ это время, какъ извѣстно, происходилъ печальной памяти берлинскій конгрессъ. Мирный трактатъ еще не былъ ратификованъ, но уже содержаніе его было установлено почти окончательно и, какъ выражался Иванъ Сергѣевичъ, «корреспонденціи и телеграммы ежедневно, ежечасно, на всѣхъ языкахъ, во всѣ концы свѣта разносили изъ Берлина позорныя вѣсти о нашихъ уступкахъ». Не могъ перенести Иванъ Сергѣевичъ этого «надругательства» надъ Россією; въ засѣданіи московскаго Славянскаго комитета отъ 22 іюня 1878 г., разразился самой пылкой изъ всѣхъ своихъ рѣчей, въ которой далъ полную волю своему патристическому негодованію. «Мы собрались сегодня, — говорилъ онъ, — хоронить милліоны людей, дѣляя страны, свободу болгаръ, независимость сербовъ, хоронить великое, святое дѣло, завѣты и преданія предковъ, наши собственные обѣты, хоронить русскую славу, русскую честь, русскую совѣсть». Развѣ «плѣнныя турецкія арміи подъ Плевной, Шипкой и на Кавказѣ, зимній переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы и геройскіе подвиги нашихъ солдатъ, потрясшіе міръ изумленіемъ, торжественное шествіе ихъ вплоть до Царьграда, эти необычайныя побѣды, купленные десятками тысячъ русскихъ жизней, эти несмѣтныя жертвы, принесенныя русскимъ народомъ, эти по-

рывы, это священнодѣйствіе народнаго духа, — развѣ все это сказки, мифы, порожденіе распаленной фантазіи, можетъ быть даже «измысленіе московскихъ фанатиковъ»? «Ты-ли это, Русь-побѣдительница, сама добровольно разжаловавшая себя въ побѣжденную? Ты-ли на смѣхъ подсудимыхъ, какъ преступница, кашься въ святыхъ, подъятыхъ тобою трудахъ, манишь простить твои побѣды?.. Едва сдерживая веселый смѣхъ, съ презрительной ироніей похваляя твою политическую мудрость, западныя державы, съ Германіей впереди, нагло срываютъ съ тебя побѣдныя вѣнцы, преподносятъ тебѣ взамѣнъ шутовскую съ гремушками шапку, а ты послушно, чуть ли не съ выраженіемъ чувствительнѣйшей признательности, подклонаешь подъ нее свою многострадальную голову!..» Но не хочетъ всему этому повѣрить ораторъ. «Ложь!» восклицаетъ онъ. «Если въ такомъ чудовищномъ образѣ и представляется Россія изъ берлинскихъ писемъ и телеграммъ, то самая чудовищность служить лучшей порукой, что этому не бывать».

«Что-бы ни происходило тамъ на конгрессѣ, какъ бы ни распиналась русская честь, но живъ и властенъ ея вѣчный оберегатель, онъ же и мститель! Если въ насъ при одномъ чтеніи газетъ кровь закипаетъ въ жилахъ, что же долженъ испытывать Царь Россіи, несущій за нее отвѣтственность предъ исторіей? Не онъ ли самъ назвалъ дѣло нашей войны «святымъ»? Не онъ ли, по возвращеніи изъ-за Дуная объявилъ торжественно привѣтствовавшимъ его депутатамъ, Москвы и другихъ русскихъ городовъ, что «святое дѣло будетъ доведено до конца? Страшные ужасы брани, и сердце Государа не можетъ легкомысленно призывать возобновленія смертей и кровопролитія для своихъ самоотверженныхъ подданныхъ, — но не уступками, въ ущербъ чести и совѣсти, могутъ быть предотвращены эти бѣдствія. Россія не желаетъ войны, но еще менѣе желаетъ позорнаго мира. Спросите любого русскаго изъ народа, не предпочтетъ ли онъ биться до истощенія крови и силъ».

«Долгъ вѣрноподаннхъ велитъ всѣмъ надѣяться и вѣрить, — долгъ-же вѣрноподаннхъ велитъ намъ не безмолвствовать въ эти дни беззаконія и неправды, воздвигающихъ средостѣіе между царемъ и землей, между царской мыслью и землей, между царской мыслью и народной думой.»

Эта рѣчь — прекрасный образчикъ краснорѣчія Аксакова. Вы какъ-бы видите передъ собой страстнаго и даже дерзкаго въ своей страст-

ности человѣка и слышите его взволнованный, убѣжденный голосъ. Онъ весь въ этой рѣчи съ своей безконечной вѣрой въ русскій народъ, его непреборимое могущество, чуткій ко всѣмъ обидамъ національнаго достоинства, весь съ своими мечтами о всеславянскомъ царствѣ, которое должно явить человѣчеству образецъ жизни, основанной на довѣрїи и любви другъ къ другу племенъ и народовъ. Освободительная война 77—78 гг. была праздникомъ его жизни. Казалось, что достигнуто уже все, къ чему такъ долго и напрасно стремились предыдущія поколѣнія. Смытъ позоръ Севастопольской войны, золотой крестъ засіялъ на куполѣ Св. Софїи, полумѣсяцъ изгнанъ въ Азію и древняя Византія возстала изъ гроба, чтобы явиться міру въ еще невѣдомомъ величіи... И вдругъ берлинскій конгрессъ!.. Всю силу своего «патріотическаго негодованія», всю мощь своей рѣчи И. Аксаковъ направилъ противъ дипломатїи, которая являлась въ его глазахъ однимъ изъ видовъ бюрократическаго средостѣвїя. Разумѣется, это не могло пройти ему даромъ и, не смотря на весь поистинѣ гравіозный авторитетъ, которымъ пользовался Аксаковъ, — онъ былъ вызванъ изъ Москвы для успокоенія себя на деревенскомъ воздухѣ, хотя и не надолго...

Въ 1880 году онъ принялся за послѣднее свое дѣло — изданіе «Руси». Оптимистическая гарь славянофильства особенно рѣзко выступала въ этомъ органѣ Аксакова. Охлаждѣлъ реформаторскій пылъ юности, поддержка устоевъ стала главнѣйшей задачей. Друзья Аксакова объясняютъ неуспѣхъ «Руси» слѣдующимъ образомъ:

«Со второго-же года изданія «Руси» оказалось, что людей, смотрящихъ строго и трезво на русскую дѣйствительность вѣсть съ Аксаковыми, слишкомъ немного. Общество, не привыкшее къ простой и серьезной русской мысли и ждавшее отъ «Руси» эффектной борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей, той страстной и смѣлой борьбы, которая велась въ «Москвѣ» и «Москвичѣ», разочаровалось. Аксаковъ, при всемъ невысокомъ мнѣніи о ставшемъ у дѣлъ консерватизмѣ, не объявилъ ему открытой войны... «Правильно это было или нѣтъ, пока не будемъ судить, но несомнѣнно, что это обстоятельство было одной изъ причинъ, обуславливавшихъ неуспѣхъ «Руси» даже у людей, способныхъ выслушать и прочувствовать сердцемъ русское слово».

«Русь» Аксакова оставила по себѣ не особенно лестную память, хотя и не во всѣхъ кружкахъ общества. Но все-же не-

видно, чтобы газета гдѣ нибудь пользовалась особеннымъ вліяніемъ и уваженіемъ. На этотъ разъ несомнѣнно, что знаменитаго публициста совершенно покинулъ его тактъ, самая чуткость оставила, и онъ совсѣмъ не «во благовременіе» сталъ выдвигать на сцену съ особенной энергіей и даже не безъ озлобленности правую сторону славянофильства съ ея оптимистическою гарью. Какъ ни измѣнилась эпоха, сущность этой правой стороны все-же сводилась къ тому, что у насъ все благополучно. И въ доказательство этого всеобщаго царящаго на Руси благополучія Аксаковъ раздражительно нападалъ даже на тѣхъ, кто указывалъ на ставшую очевидной недостаточность крестьянскихъ надѣловъ. «Это — ложь и клевета», — говорилъ онъ, полагая, что какая-нибудь фраза можетъ прикрыть цифры. Не того ждали отъ Аксакова, особенно послѣ славнаго періода 77-го и 78-го годовъ, когда даже его увлеченія, его крайность и гиперболы чувства такъ гармонически сливались съ общимъ горячимъ настроеніемъ. Въ немъ привыкли видѣть либерала, прогрессиста, хотя и на почвѣ самаго строгаго и даже правовѣрнаго націонализма. Никто еще не забылъ, да и некогда было забыть, какъ онъ своимъ пламеннымъ перомъ привѣтствовалъ реформы Александра II-го, какъ, смѣшивая свои личныя воспоминанія о черной неправдѣ, парящей въ судахъ, съ вожделѣніями каждаго мыслящаго и честнаго человѣка, я онъ видѣлъ въ новыхъ судахъ зарю новой, свѣтлой жизни. И вдругъ онъ, какъ бы поддаваясь старческой слабости, кашляетъ, брющитъ и ворчитъ, нападая на слабѣйшихъ, ломясь въ открытую дверь. Въ той области, гдѣ онъ теперь сталъ дѣйствовать, онъ могъ играть лишь второстепенную роль. Ему не сравняться было съ Катковымъ, и даже искренніе его почитатели съ неудовольствіемъ замѣчали порой, что многія и многія статьи «Руси» являются лишь бесполезнымъ придаткомъ къ статьямъ «Московскихъ Вѣдомостей». Дойти до полной прямолинейности Аксаковъ не могъ, не смѣлъ, и вся его страсть, весь его талантъ тратился на вѣтеръ, попустому. Онъ переставалъ быть истиннымъ журналистомъ и только пребывалъ въ журнализмѣ... Съ ужасомъ и огорченіемъ сталъ онъ замѣчать, что надъ Русью начинаютъ просто подсмѣиваться (съ «Московскими Вѣдомостями» всегда *сигналилъ*); что статьи о русскомъ народѣ, его величіи, благополучїи не производятъ должнаго впечатлѣнія, ибо требовалось, чтобы подъ эти отвлеченные термины подставлялись реальныя понятія, цифры, факты у Аксакова — увъ! — ихъ не было въ распоряженїи. Только подъ

конецъ жизни Аксаковъ, какъ бы прощаясь съ нею и вызванный къ тому исключительными обстоятельствами, собралъ свои послѣднія силы и явился передъ публикой въ прежнемъ грозномъ величии...

Обстоятельства эти состояли въ слѣдующемъ.

«Въ одной изъ статей по болгарскому вопросу, появившейся въ концѣ 1885 года, Иванъ Сергѣевичъ, со свойственной ему рѣзкостью, напалъ на нашу дипломатію. Онъ утверждалъ, что у заправилъ нашей иностранной политики нѣтъ ни ума, ни сердца, ни совѣсти, ни чести. Подобныя нападки неоднократно уже появлялись на страницахъ «Руси», все равно какъ мысли, высказанныя Аксаковымъ въ рѣчи о берлинскомъ конгрессѣ, тоже не были новостью для постоянныхъ его слушателей и читателей. Но, какъ и во время произнесенія этой рѣчи, политическій моментъ появленія вышеупомянутой статьи былъ затруднительный и «Руси» было дано предостереженіе, мотивированное тѣмъ, что газета *«обсуждаетъ текущія событія тономъ, несовмѣстнымъ съ истиннымъ патриотизмомъ».*

Исполняя точную букву закона, «Русь» напечатала предостереженіе безъ всякихъ оговорокъ, но въ слѣдующемъ же № (22) Иванъ Сергѣевичъ помѣстилъ совершенно неслыханную по своей рѣзкости отвѣдь на тему о томъ, чтѣ должно считаться «истиннымъ» патриотизмомъ, — отвѣдь на этотъ разъ уже не по адресу дипломатовъ, а по адресу министерства внутреннихъ дѣлъ.

Статья, о которой только что шла рѣчь, появилась въ декабрѣ 1885 г., а 27-го января 1886 г. Ивана Сергѣевича не стало. Его сразила болѣзнь сердца.

VII. Заключение.

Читатель видитъ, на какой мысли построенъ предыдущій очеркъ. Постоянно и ежеминутно приходилось мнѣ повторять знаменитыя слова Антонія въ его надгробной рѣчи Бруту: «Но Брутъ былъ доблестнымъ человѣкомъ». Доблестными, честными, даже чистыми въ лучшемъ смыслѣ этого слова были и первые славянофилы. Не знаю, какъ не подписаться подъ строками, принадлежащими человѣку другого лагеря, всю жизнь боровагося съ славянофильствомъ и нанесшему ему самыя жестокія діалектическія удары, — строками слѣдующаго содержанія:

«Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ сдѣлали свое дѣло; долголи, коротко-ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаниемъ, что они сдѣлали то, что хотѣли сдѣлать, и если они не могли остановить фельдъ-егерской тройки посланной Петромъ и въ которой сидѣлъ Биронъ и колотилъ ящика, чтобы тотъ скакалъ по нивамъ и давилъ людей, то они оставили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призрѣваться всѣхъ серьезныхъ людей. «Съ нихъ начинается переломъ русской мысли. И когда мы (западники) это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи. «Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была одна любовь, но не одинаковая. «У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы — за пророчество, — чувство безграничной, охватывающей все существованіе любви къ русскому народу, русскому быту, русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны въ то время, какъ сердце билось одно. «Они всю любовь, всю нѣжность перенесли на угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ, да потому, что ея пѣснь была для насъ родицею водевилей; мы сильно полюбили ее, но жизнь ея была слишкомъ тѣсна. Въ ея комнатѣ было намъ душно; все почернѣлыя лица изъ-за серебрянныхъ окладовъ... даже ея вѣчный плачь объ утраченномъ счастьѣ раздиралъ наше сердце; мы знали, что у нея нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній, мы знали и другое, что ея сердце впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ, — это нашъ меньшой братъ, которому мы безъ чечевицы уступимъ старшинство».

Къ этимъ теплымъ, прочувствованнымъ словамъ приходится прибавить очень мало. Еслибы нравственная чистота была всѣмъ и единственнымъ, что мы можемъ требовать отъ общественнаго дѣятеля, — такіе «подвижники», какъ Кирѣевскіе или Константинъ Аксаковъ, были бы людьми, достойными памятника въ сердцѣ cadaго русскаго человѣка. Еслибы искренность и правдивость освобождали писателя отъ промаховъ логики, отъ невѣрнаго толкованія дѣйствительныхъ потребностей жизни, статьи Кирѣевскаго, Аксакова, Хомякова могли бы явиться каноническими — для насъ по крайней мѣрѣ. Къ сожалѣнію между желаніями человѣка, на-

строениемъ его сердца и ходомъ жизни—цѣлая пропасть. Неподатливый, суровый, почти не считающійся съ нашими вожделѣніями ходъ жизни одинаково ломаетъ нравственное или безнравственное, разъ оно не истинное, разъ оно хочетъ повернуть его въ ту, сторону, по которой онъ не можетъ идти.

Положительная сторона старого славянофильства вся безъ остатка исчерпывается его протестомъ противъ крѣпостного строя современной ему Россіи, противъ закабаленія личности, какіе-бы виды оно ни принимало. Во имя чего возникъ этотъ протестъ? Отчасти уже знакомые читателю историческіе взгляды К. Аксакова являются лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

Въ своемъ критическомъ разборѣ «Исторіи Россіи» Соловьева К. Аксаковъ указалъ, какъ недостаточно сводить исторію Россіи къ исторіи правительства въ Россіи, внѣшнимъ образомъ и насильственно преобразующаго косный народъ. Начало государственное—это лишь формальная сторона въ исторіи, ограничивающая, сдерживающая, охраняющая. Воинскій станъ и канцелярскій приказъ, князь—собиратель дани, великій князь московскій, дающій перевѣсъ интересамъ государственнымъ надъ родовыми отношеніями, наконецъ императоръ, какъ просвѣтитель, преобразователь, — вотъ постоянная тема всѣхъ предыдущихъ историковъ, разрабатывая которую они едва имѣли досугъ бросить какой-то боковой взглядъ на стоящій въ глубинѣ сцены безмолвный, бездѣятельный, безвольный народъ; и невольно у читателя является вопросъ, зачѣмъ, для какой нужды, для выраженія какой мысли стоитъ этотъ народъ?

Начало общинное столь же постоянно и также повсюду прорикаетъ русскую исторію, какъ родовое—западно-европейскую. Такова основная мысль К. Аксакова, высказанная имъ въ статьѣ «О древнемъ бытѣ славянъ вообще и у русскихъ въ особенности». Это общинное начало выразилось въ *стическомъ* строѣ древней Руси; актомъ собравшагося въ Новгородѣ вѣча было самое призваніе князей, начало государственности: народъ не безмолвствуетъ, не стоитъ, не занимаетъ только мѣста на громадной территоріи восточной Европы, но дѣйствуетъ, мыслить, творить, какъ живая нравственная сила. И по призваніи князей вѣче сохраняется во всѣхъ городахъ, т. е. община продолжаетъ жить подъ всѣми тѣми внѣшними передвиженіями, которые одни повидимому наполняютъ исторію, производятъ въ ней шумъ оружія, перипетіи княжескихъ отношеній. Позднѣе, съ объединеніемъ княжествъ подъ Московою.

общинная жизнь городовъ сливается и находитъ для себя выраженіе въ земскихъ соборахъ: это земля, призываемая на совѣтъ свободно избраннымъ, поставленнымъ ею надъ собою государствомъ. Первый царь созываетъ первый земскій соборъ. Ему принадлежить землю неоспариваемое, но съ любовью утверждаемое право дѣятельности, закона, силы; землѣ принадлежитъ царемъ неоспариваемое, но бережно выслушиваемое право мнѣнія, сужденія по совѣсти, область духа. Высшее начало соборности, согласія, любви отражается въ этихъ отношеніяхъ.

Легко понять, какъ сущность этихъ мыслей не мирилась съ крѣпостническимъ строемъ Николаевской Руси, какъ она возставала противъ него во всеоружіи своего ореола, своего пониманія прошлаго, своей любви. Но только сущность. Форма, облекающая ее, далека отъ исторической истины, ибо возможно ли напр. умѣстить царствованіе Грознаго въ такія строки: «Государь поступаетъ, какъ ему Богъ указываетъ, земля не поперечитъ его дѣламъ, она присоединяетъ къ нимъ лишь свою думу, свободно выраженную, которой послѣдовать или не послѣдовать свободенъ царь»? Разумѣется, нельзя; однако свободолобтивное настроеніе Аксакова, заставившее его вскрыть старо-русскую исторію до вѣча, нисколько не теряетъ своей цѣнности.

Почему же славянофильство не оправдало надеждъ своихъ сторонниковъ, почему оно начало разлагаться почти на ихъ глазахъ? На эти вопросы можетъ быть только одинъ отвѣтъ: славянофильская доктрина была не болѣе, какъ утопіей. Какъ утопія, она подверглась обвиненію со стороны жизни и выслушала свой обвинительный приговоръ. На восхваленіе прошлаго историческая наука отвѣчала: «это невѣрно»; на призывъ назадъ, домой, ходъ жизни сказалъ: «это невозможно». Сами дѣятели славянофильства были поставлены въ такія условія, что, не будь у нихъ иллюзій, они должны бы давнымъ-давно признать себя побѣжденными. Они были благороднѣйшими представителями стараго родовитаго дворянства; выйдя изъ его среды, они всѣмъ сердцемъ прониклись его идеаломъ—патріархальнымъ строемъ жизни, они распространили этотъ идеалъ на всю совокупность общественныхъ отношеній; страстные, фанатичные увѣжденные, почерпавшіе свой аргументъ изъ воспоминаній дѣтства, изъ преданій цѣлаго поколѣнія семей,—они не хотѣли знать, что идеалъ, строй жизни—историческая категорія, что патріархальность отношеній не мыслима во второй половинѣ XIX-го вѣка.

Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ изъ себя жизнь Ивана Серг. Аксакова. Онъ—послѣдній изъ могиканъ стараго славянофильства.—человѣкъ съ громадными дарованіями, — сильный публицистъ, словомъ, — богато одаренная натура въ любомъ смыслѣ этого слова—истрагилъ свою жизнь на созданіе такихъ плановъ и поддержку такихъ цѣлей, которыя не могутъ теперь привлечь никого. Вѣра въ славянство, надежда, возлагаемая на него, — не оправдались. Даже насчетъ войны 1877—78 гг. многіе когда-то самые горячіе ея сторонники и защитники принуждены спрашивать себя: «да изъ-за чего же мы воевали? да стоило ли отвлекаться отъ своихъ внутреннихъ дѣлъ, отъ всѣхъ насущныхъ заботъ, чтобы преслѣдовать романтическія задачи?» А вѣдь изъ-за этихъ романтическихъ задачъ Ив. Аксаковъ гремѣлъ на всю Россію, шумѣлъ и волновался, какъ только можетъ шумѣть и волноваться искренне убѣжденный человѣкъ. Берлинскій конгрессъ — вотъ жестоко-ироническій отвѣтъ жизни на панславистскія идеи Аксакова, но онъ не понималъ и не хотѣлъ понять этого.

Личная его жизнь одинаково претерпѣла то же самое жестоко-ироническое отношеніе вмѣшательства судьбы. Мы знаемъ, что защита общинныхъ укладовъ, артели, міра — была краеугольнымъ камнемъ его блестящей, общественной пропаганды. Община, артель, міръ — это три устоя, на которыхъ онъ строилъ будущее счастье русскаго народа. Онъ былъ ихъ истиннымъ наладникомъ и, закрывая глаза на факты (что, вообще говоря, должны были дѣлать всѣ славянофилы), не хотѣлъ знать и видѣть, что уже и въ его время община, міръ, артель начинали трещать и разлагаться. Но—спросимъ себя—что же содѣйствовало этому процессу разложенія и даже обуславливало его? Очевидно сила денегъ, сила капитала и капиталистическій духъ жаживы, индивидуализма, имущественнаго неравенства, который съ каждымъ днемъ все болѣе широкой волной вторгался подъ сѣнь «вѣковыхъ устоевъ» и подмывалъ ихъ. Между тѣмъ личная жизнь Ив. Аксакова устроилась такимъ образомъ, что самъ онъ, какъ директоръ богатаго московскаго банка, былъ однимъ изъ первыхъ и самыхъ видныхъ пионеровъ капитализма въ Россіи!! Увеличивая операціи своего банка, разбѣвая по лицу родной земли денежную силу, строя дороги, развивая кредитъ, создавая могущественный финансово-промышленный планъ, онъ, этотъ утопистъ, невольнo и незамѣтно для самого себя разрушилъ или содѣйствовалъ разрушенію той почвы,

при безусловной устойчивости которой его идеалы только и могли имѣть какую-нибудь жизненную цѣнность!..

Такъ метить жизнь.

Ив. Аксаковъ былъ несомнѣнно такимъ же честнымъ и доблестнымъ рыцаремъ своей идеи, какъ и его братъ, какъ и тѣ люди, подъ восторженныя рѣчи которыхъ прошло его дѣтство и юность. Тѣмъ характернѣе и поучительнѣе то обстоятельство, что онъ очутился во главѣ капиталистическаго предпріятія и былъ вынужденъ правой рукой разрушить то, что создавалъ лѣвой...

Въ еще болѣе поучительномъ видѣ представитъ передъ нами паденіе славянофильства, если мы прослѣдимъ хотя бы вкратцѣ процессъ его вырожденія. Въ своей первоначальной, очевидно слишкомъ уже непрактичной, формѣ оно не могло долго оставаться; во что же оно превратилось?

«Исторія славянофильства, — говоритъ Влад. Соловьевъ, — есть лишь постепенное обличеніе той внутренней двойственности непримиренныхъ и непримиримыхъ мотивовъ, которая съ самаго начала легла въ основу этого искусственнаго движенія. Кто-то изъ русскихъ писателей довольно хорошо выразилъ эту роковую для славянофиловъ двойственность, назвавъ ихъ археологическими либералами. Прежде всего славянофилы хотѣли бороться противъ петровской реформы, противъ западно-европейскихъ началъ во имя древней, московской Руси. Но рядомъ съ этимъ реакціонно-археологическимъ мотивомъ столь же существенный интересъ имѣла для нихъ прогрессивно-либеральная борьба противъ дѣйствительныхъ золь современной имъ Россіи, — той Россіи, которая, по словамъ Хомякова, была

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймлена —

въ которой, по словамъ И. Аксакова,

Сплошного зла стоитъ твердыня
Царить безсмысленная ложь.

Мы видѣли, какъ рѣзко и рельефно отразилось это непримиренное и непримиримое противорѣчіе въ дѣятельности И. Аксакова, который положительно смущалъ своихъ читателей, являясь передъ ними то въ качествѣ гонимаго и даже выселяемаго изъ столицы, то—хориста Катковскаго хора. Но ему, какъ славянофилу ума и сердца, ничего другого не оставалось дѣлать.

«Въ доктринѣ славянофиловъ не было бы никакого противорѣ-

чія, еслибы все русское зло было у насъ произведеніемъ европейской образованности, еслибы оно не существовало въ Россіи до Петра, и еслибы противъ него можно было бороться во имя какихъ-нибудь особыхъ «русскихъ началъ». Но на самомъ дѣлѣ все было какъ-разъ наоборотъ. «Клеймо рабскаго ига» и «черная неправда судовъ» были прямымъ наслѣдіемъ старой московской Руси, остаткомъ до-петровскаго времени, и бороться противъ этихъ самобытно-русскихъ явленій славянофиламъ приходилось вмѣстѣ съ западниками во имя чужихъ, европейскихъ идей. Они не могли не знать, что современное имъ крѣпостное право было лишь смягченною (благодаря Петру Великому и его преемникамъ) формою стариннаго холопства, и что до-петровскіе суды и приказы еще менѣе отличались неподкупностью, нежели бюрократическія учрежденія Николаевскихъ временъ. При всемъ желаніи сваливать на Европу всѣ наши грѣхи, славянофилы никакъ не могли однако видѣть въ безправномъ холопствѣ и въ шемакинскихъ судахъ плоды европейничанья; они должны были, напротивъ, волей-неволей признать, что постепенное смягченіе нашихъ туземныхъ язвъ происходило со временъ Петра Великаго подъ вліяніемъ европейскаго образованія, а въ такомъ случаѣ странно было бы искать окончательнаго исцѣленія въ анти-европейской реакціи, въ поворотѣ къ до-петровскимъ началамъ. Никакъ нельзя было отдѣлаться отъ того очевиднаго факта, что крѣпостники-помѣщики и взяточники-чиновники менѣе причастны были европейскому образованію, гораздо ближе по духу стояли къ старо-русской жизни, нежели ихъ противники и обличители, какъ западники, такъ и сами славянофилы, которые могли бороться противъ нашей общественной неправды *единственно только въ качествѣ европейцевъ*, ибо только въ общей сокровищницѣ европейскихъ идей могли они найти мотивы и оправданіе для этой борьбы».

Надо посмотреть теперь, какъ развивалось это противорѣчіе. Разумѣется, пока критики не трогали его, оно существовало совершенно мирно. Кирѣевскій, Хомяковъ, К. Аксаковъ какъ нельзя лучше умѣшали его въ своей груди и даже не подозрѣвали, до чего оно грозное. Но вотъ что случилось.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, разъяснившій въ 1853 г. несовмѣстимость бороды съ дворянскимъ мундиромъ, былъ если и не самымъ основательнымъ, то во всякомъ случаѣ самымъ успѣшнымъ изъ всѣхъ министерскихъ циркуляровъ. Онъ сразу и навсегда положилъ конецъ тому фазису славянофильства, въ ко-

торомъ вопросъ о «русскомъ направленіи» сливался съ вопросомъ о русскомъ платьѣ. Когда нѣсколько лѣтъ спустя всѣмъ русскимъ подданнымъ возвращено было право облекаться въ какую угодно, хотя бы азіатскую, одежду, славянофильство этимъ правомъ уже не воспользовалось, и слова Хомякова о необходимости «слиться» съ жизнью русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и, такъ сказать, «обряднымъ единствомъ, какъ средствомъ достиженія единства истиннаго и еще болѣе какъ видимымъ его образомъ», — остались безъ всякаго послѣдствія.

Итакъ, славянофильство вдругъ оказалось гонимымъ, и притомъ съ двухъ сторонъ: правительствомъ за либерализмъ (мурломка, борода и пр.), либералами—за «археологію». Доктрина, какъ свѣщавшая въ себѣ непримиримыя противорѣчія, никому не показала по вкусу. Съ одной стороны говорилось: «разъ вы ненавидите современный строй, то вы—преступники, хотя бы и терпимые еще», съ другой: «разъ вы ненавидите современный строй, то будьте искренни. Ибо съ какой точки зрѣнія ненавидите вы его? Съ точки зрѣнія собственнаго достоинства? Личной свободы? Прекрасно: все это—западно-европейскія начала. Итакъ, искренне и открыто примкните къ намъ».

Но сдѣлать это славянофилы не хотѣли и не могли. Самые преданные изъ нихъ, «идеологи», позволили развиваться противорѣчію до того, что, вроде Ив. Аксакова, проповѣдывали общину, артель и пр., служа директорами въ банкѣ; другіе, понявъ существованіе противорѣчія, рѣшились отдѣлаться отъ него, превративъ «славянофильство» въ «націонализмъ».

Что такое націонализмъ? Это именно одна, *правая* сторона славянофильства.

Славянофилы всегда исходили изъ мысли, что русскій народъ особенный, т. е. такой, которому указаны другіе пути, чѣмъ народамъ западно-европейскимъ. У тѣхъ—индивидуализмъ и борьба личности съ личностью за счастье; у насъ—община; у тѣхъ политическая свобода—намъ этого не надо и т. д. Но русскій народъ не только особенный, онъ—*лучшій* народъ изъ всѣхъ существующихъ. Онъ совокупляетъ въ себѣ всѣ блестящія качества, онъ переустройтъ жизнь по идеальному христіанскому образу. Эта часть славянофильской доктрины пришла какъ нельзя болѣе къ дому, Кирѣевскій, Хомяковъ, Аксаковъ твердили, что прошлое наше безупречно, какъ чисто-русское, не загрязненное западно-европейскими началами, но современность полна грѣхами. Ихъ

преемникамъ, чтобы выбраться изъ рокового противорѣчія, оставалось объявить грѣхи добродѣтелю. Они такъ и сдѣлали.

«Законные наследники славянофильства, — говоритъ Влад. Соловьевъ *) — уже не находятъ нужнымъ подставлять небывалыя совершенства подѣ действительные недостатки: въ самыхъ этихъ недостаткахъ они видятъ настоящее преимущество Россіи передъ человѣчествомъ. Главный недостатокъ нашей духовной жизни — это неосмысленность нашей вѣры, пристрастіе къ традиціонной буквѣ и равнодушіе къ религіозной мысли, склонность принимать благочестіе за всю религію, а само благочестіе отождествлять съ обрядомъ. Этотъ несомнѣнный недостатокъ, и теперь бросающійся у насъ въ глаза, сообщилъ весьма печальный характеръ и единственному значительному религіозному движенію въ русской исторіи — расколу старообрядчества. И вотъ оказывается, что это ненормальное пристрастіе къ традиціонной обрядности въ ущербъ другимъ, умственнымъ и нравственнымъ элементамъ религіи, — что эта болѣзнь русскаго духа есть настоящее здоровье и великое преимущество нашего благочестія передъ религіозностью западныхъ народовъ. Тѣ, если вѣрятъ, то и мыслятъ о предметахъ своей вѣры и стараются познать ихъ какъ можно лучше; — мы вѣримъ безъ всякихъ разсужденій, предметовъ вѣры мы не считаемъ предметами мышленія и познанія, т. е., другими словами, мы вѣримъ сами не зная во что, — не очевидно ли наше преимущество? Иностранцы, разсуждая о религіи, предаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозной дѣятельности, организуютъ благотворительныя учрежденія у себя дома, просвѣтительныя миссіи среди дикихъ народовъ и т. п.; мы вообще воздерживаемся отъ этого суетнаго подвижничества, предаваясь главнымъ образомъ подвигамъ молитвеннымъ, утѣшаясь обиліемъ земныхъ поклоновъ, продолжительностью и благолѣпіемъ церковныхъ службъ. Не ясно ли наше превосходство: мы служимъ только Богу, а служеніе страждущему человѣчеству предоставляемъ должнымъ религіямъ гнилого Запада».

Такъ же легко совершается превращеніе недостатковъ въ достоинства и въ области гражданской жизни. Главная наша немощъ здѣсь состоитъ въ слабомъ развитіи личности, а чрезъ это и въ слабомъ развитіи общественности; ибо эти два элемента соотносительны между собою. И вотъ культъ, доходящій до апо-

теоза Ивана Грознаго, возводитъ въ принципъ коренное бѣдствіе нашей жизни, указываетъ въ немъ наше главное превосходство надъ западной цивилизаціей, погибающей будто бы отъ доктринерскихъ идей законности и права. Эту ненависть къ юридическому элементу въ народной жизни наши новѣйшіе патриоты раздѣляютъ со старыми славянофилами, съ тою впрочемъ разницею, что закону и праву противопоставляется какъ высшее начало у однихъ — братская любовь, а у другихъ — кулакъ и палка. При всей неудовлетворительности этого послѣдняго принципа, въ немъ по крайней мѣрѣ нѣтъ никакой фальши, тогда какъ братская любовь, выставляемая какъ дѣйствительное историческое начало общественной жизни у какого-бы то ни было народа, есть просто ложь».

Такимъ образомъ роковое развитіе противорѣчій необходимо привело къ превращенію славянофильства въ націонализмъ, — т. е. въ обоготвореніе существующаго, въ идеализацію самихъ себя. Ничего не можетъ быть опаснѣе этого для народной жизни. Самодовольство и самохвалство — первые враги всякаго развитія, всякаго движенія впередъ. Особность русскаго народа, его якобы оригинальность является постояннымъ тормазомъ необходимаго развитія дѣйствительныхъ началъ его жизни. Бросить славянофильскія фразы — давно пора. Надо же понять наконецъ, что нашъ путь развитія и путь Западной Европы — тотъ-же самый.

*) „Национальный вопросъ“ т. II, стр. 93—94.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЕТСЯ НОВОЕ ИЗДАНИЕ

Ф. ПАВЛЕНКОВА:

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ПИСАРЕВА.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и статьей Е. СОЛОВЬЕВА (при шестомъ томѣ).

СОДЕРЖАНІЕ ТОМОВЪ:

1-й томъ. Первые литературные опыты. — Несоразмѣрная претензія. — Народныя книжки. — Идеализмъ Платона. — Физиологическіе эскизы Молешота. — Процессъ жизни. — Схоластика XIX вѣка. — Столчая вода. — Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ. — Женскіе типы въ романахъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова. — Библиографическія замѣтки. — Меттернихъ.

2-й томъ. Аполлоній Тианскій. — Московскіе мыслители. — Русский Донъ-Кихотъ. — Вольные русскіе переводчики. — Генрихъ Гейне. — Пчелы. — Физиологическія картины. — Базаровъ. — Очерки изъ исторіи печати во Франціи. — Зарожденіе культуры.

3-й томъ. Наша университетская наука. — Историческіе эскизы. — Цвѣты невиннаго юмора. — Мотивы русской драмы. — Прогрессъ въ мѣрѣ животныхъ и растений. — Историческое развитіе европейской мысли.

4-й томъ. Реалисты. — Кукольная трагедія. — Промахи незрѣлой мысли. — Романъ кисейной дѣвушки. — Сердитое безсиліе. — Прогулка по садамъ россійской словесности. — Переломъ въ умственной жизни средневѣковой Европы. — Мысли Вирхова о воспитаніи женщинъ. — Педагогическіе софизмы. — Разрушеніе эстетикъ. — Школа и жизнь.

5-й томъ. Пушкинъ и Бѣлинскій. — Подвиги европейскихъ авторитетовъ. — Посмотримъ! — Подростающая гуманность. — Историческія идеи Огюста Конта. — Погибшіе и погибающіе. — Политизаторы отрицательныхъ доктринъ. — Взгляды англійскихъ мыслителей на умственные потребности современнаго общества. — Льюисъ и Гексли.

6-й томъ. Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. — Образованная толпа. — Борьба за жизнь. — Романы Андре Лео. — Старое барство. — Французскій крестьянинъ 1739 г.

Цѣна каждаго тома 1 руб. Пересылка за 7 фуп. и разстоянію.

[Всн 5]

ЖИЗНЬ ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕННОВА

Александр Македонский

и Юлий Цезарь

АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКИЙ

И

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

ИХЪ ЖИЗНЬ И ВОЕННАЯ ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКОІЙ ОЦЕРКЪ

Е. Орлова.

портретами Александра Македонскаго и Юлія Цезаря, гравированными въ Петербургѣ К. Адомъ.

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

Александръ Македонскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

БИОГРАФИИ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩ. „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“
Большая Подъячская, №39.

1898

Handwritten notes in the top left corner, including the number '2' and some illegible text.

Handwritten notes in the top right corner, including the name 'Александръ Македонскій' and other illegible text.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Александръ Македонскій.

	Стр.
ГЛАВА ПЕРВАЯ.	5
ГЛАВА ВТОРАЯ.	20

Юлій Цезарь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.	39
ГЛАВА ВТОРАЯ.	60
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.	84

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ, 14 Января 1898 г.

АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ.

ИСТОЧНИКИ:

- 1) Плутархъ. Vitae Alexander. Paris Ed. Didot. 1846. Rec. Th. Doehner *)
- 2) Arriani de Expeditione Alexandri. Paris. 1846. Ed. Didot. Rec. C. Müller. *)
- 3) Quintus Curtius Rufus—De rebus gestis Alexandri Magni. Лейпцигъ 1862 Ed. Teubner. Rec. K. Foss.
- 4) Justinus—Historiae Philippicae. кн. XI и XII. Лейпцигъ. 1830. Rec. C. Benecke.
- 5) G. Grote—A History of Greece. Лондонъ. 1872, главы 91—95 *)
- 6) A. Holm—Griechische Geschichte Berlin. 1891. III томъ. Главы 20—28.
- 7) J. G. Droysen—Geschichte des Hellenismus. Gotha. 1877. 1-ая часть *)
- 8) R. Geier Ueber Erziehung und Unterricht Alexanders des Grossen. Halle. 1848.
- 9) L. Joubert—Alexandre le Grand Paris. 1889.
- 10) P. Meyer Alexandre le Grand dans la litterature française de moyen-âge 2 тома Paris. 1886.
- 1) C. Caesaris Commentarii. Лейпцигъ. 1864—76. Ed. Teubner. Rec. B. Linter *)
- 2) Suetonius Tranquillus—Vitae XII Caesarum. Caesar. Лейпцигъ. Ed. Teubner. Rec. C. Roth. *)
- 3) Plutarchus—Vitae. Caesar. Pompejus Paris. 1846. Ed. Didot. Rec. Th. Doehner. *)
- 4) Arrianus Alexandrinus—De Bello civili. Paris. 1884. Ed. Didot. *)
- 5) Th. Mommsen—Römische Geschichte. Berlin 1875. 6-ое изд. III томъ. 5-ая книга *)
- 6) Th. Mommsen—Die Rechtsfrage zwischen Caesar und dem Senat. Breslau. 1857.
- 7) Napoleon III—Histoire de Jules César. 2 тома. Paris 1865—1866. *)
- 8) G. Boissier—Ciceron et ses amis. Paris. 1865. *)
- 9) J. A. Froude—Caesar. London. 1886.
- 10) W. W. Fowler—Julius Caesar. London. 1892
- 11) Th. A. Dodge Great Captains. Caesar. Boston 1892

*) Сочинения, означенныя звѣздочкою, имѣются и въ русскомъ переводѣ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Фигура Александра. — Родители и воспитатели. — Духовныя и физическія особенности. — Разногласія съ отцомъ. — Восшествіе на престоль. — Первые шаги. — Умирненіе Греціи и походъ за Дунай. — Второе возстаніе Греціи. — Встрѣча съ Диогеномъ. — Миссія Александра. — Состояніе Персеи и Дарія Кодаманъ. — Выступленіе Александра въ походъ. — Его силы. — Посѣщеніе Трои. — Битва при Граникѣ. — Подчиненіе М. Азии. — Взятіе Милета. — Дальнѣйшія движенія. — Паденіе Галикарнасса и расчлененіе Гордіева узда. — Подчиненіе малоазійскихъ сатраповъ. — Болѣзнь Александра и его великодушіе. — Дарій при Иссъ. — Сраженіе при Иссъ — Паденіе Дамаска и судьба военнопленныхъ. — Александръ въ Финикіи и первое письмо Дарія. — Штурмъ Тира. — Второе письмо Дарія. — Подчиненіе Палестины и взятіе Гацы. — Походъ въ Египетъ. — Празднества и основаніе Александрии. — Поворотъ въ карьерѣ Александра.

Романтическая фигура Александра Македонскаго представляеть едва-ли не высшій типъ завоевателя, какой когда-либо видала исторія. Въ противоположность Ганнибалу, Цезарю, Фридриху Великому и даже Наполеону, Александръ былъ истый, если можно такъ выразиться, художникъ своего дѣла, у котораго конечный моментъ, даже практическій результатъ отступали на задній планъ передъ внутреннимъ импульсомъ творчества. Не ища ничего, не руководясь никакими соображеніями матеріальнаго или идеальнаго характера, онъ во все продолженіе своей карьеры не зналъ иного мотива къ дѣятельности, кромѣ безмѣрной жажды завоеванія, и не видалъ удовлетворенія нигдѣ, кромѣ какъ въ самомъ завоевательномъ процесѣ, въ самомъ упражненіи своихъ способностей. Оттого было-бы не кстаті сравнивать его съ гениемъ разрушенія, какъ это принято иногда дѣлать: уничтожать такъ же мало входило въ его расчеты, какъ и строить; онъ просто отдавался войнѣ, какъ поэтъ отдается своему созданію, — всецѣло и беззавѣтно, не внося никакихъ сознательныхъ тенденцій и повинаясь исключительно инстинкту своей природы. Увлечаться имъ въ

конецъ XIX в. было-бы, конечно, невозможно: дѣло вѣдь въ послѣднемъ счетѣ сводится ни къ чему иному, какъ къ ужасной охотѣ на людей; но тѣ глубокіе слѣды, которые его личность и дѣятельность оставили на умы и жизнь человѣчества, даютъ ему право на наше вниманіе, не смотря на все зло, причиненное міру.

Александръ принадлежалъ къ героическому роду, восходившему къ Гераклу, съ одной стороны, и къ Эаку, судьѣ Аида и дѣду Ахилла, съ другой. Его отецъ былъ Филиппъ, царь Македонскій, который силою оружія столько же, сколько и дипломатіей, служилъ въ короткое время сдѣлаться господиномъ всего эллинскаго міра. Его мать была Олимпиада, дочь эпирскаго царя, натура огненная и полудикая, съ особенною страстностью предававшаяся таинственнымъ ученіямъ Діонисія и Деметры. Никто бѣшенѣе ея не носился въ вакхическомъ изступленіи по горамъ и долинамъ, никто безумнѣе ея не размахивалъ зажженнымъ факеломъ и священными змѣями и никто съ такимъ неукротимымъ пыломъ не отдавался ночнымъ оргіямъ, заставляя говорить о себѣ весь сѣверъ Греціи. Филиппъ встрѣтился съ нею на Самооракскихъ таинствахъ и, прельщенный ея красотою, женился на ней въ 357 г. Спустя годъ, въ бурную октябрьскую ночь, когда въ Эфесѣ пылалъ знаменитый храмъ Діаны, зажженный кощунственной рукою Герострата, родился Александръ, и Филиппъ, только-что взявшій Потидею, получилъ извѣстіе объ этомъ одновременно съ извѣстіемъ о великой побѣдѣ, одержанной его полководцемъ Пармениономъ надъ иллирійцами, и о присужденіи приза его лошади на Олимпійскихъ состязаніяхъ. Появленіе на свѣтъ Александра сопровождалось такимъ образомъ рядомъ знаменательныхъ событій. Недаромъ, говорятъ, Олимпиада въ послѣдствіи утверждала, что въ ночь передъ свадьбою ей снилось, будто молнія ударила ей въ чрево и зажгла огонь, быстро распространившійся во всѣ стороны: младенцу предстояло покорить міръ, и самъ Зевсъ-громовержецъ давалъ этому знаменіе!

Филиппъ, въ бытность свою въ юности заложникомъ въ Фивахъ, испилъ изъ золотой чаши греческой культуры, и теперь, занятый мечтою объединить Грецію подъ своей властью и стать носителемъ ея назначеній, рѣшилъ дать своему сыну эллинское образованіе. Онъ удалил его въ небольшой городъ Миезу и отдалъ на попеченіе Леонида изъ Эпира, родственника царицы, и Лизимаха изъ Акарнаніи, ученаго, хотя и не особенно талантливаго, риторика. Подъ ихъ руководствомъ Александръ быстро изучилъ предметы тогдашняго образованія и въ 10 лѣтъ удивлялъ прибывшихъ къ Филиппу въ качествѣ пословъ Демосеена и Эхина знаніями по

литературѣ и изящною декламаціей монологовъ изъ греческихъ драмъ. Но еще шире развились его способности, когда, по достиженію 13-ти-лѣтняго возраста, онъ поступилъ подъ руководство Аристотеля, величайшаго мыслителя древности. Аристотель, какъ извѣстно, былъ сынъ Никомаха, семейнаго врача и друга Филиппа и послѣдній, говорятъ, еще въ 356 г. писалъ стагирійскому философу письмо, въ которомъ извѣщалъ о рожденіи сына и изъявлялъ свою радость по поводу того, что это случилось въ его, Аристотеля, жизнь. Это преданіе нынѣ дискредитируется, но совпаденіе, на которое оно указываетъ, было несомнѣнно дѣломъ большого счастья. Мощный умъ завоевателя міра пришелъ въ соприкосновеніе съ мощнымъ умомъ «завоевателя мысли», и результаты были таковы, что въ послѣдствіи Александръ самъ говаривалъ, что если отцу онъ обязанъ жизнью, то Аристотелю онъ обязанъ еще большимъ—*осмысленною* жизнью. Онъ проводитъ три года въ занятіяхъ высшимъ науками и прибрѣтаетъ такое уваженіе къ знанію и просвѣщенію, что долго спустя, среди жестокостей войны, его мечъ постоянно опускался передъ созданіемъ мысли и ея творцомъ. Онъ получаетъ необычайную любовь къ поэзіи, и позднѣе, заброшенный въ пустынный уголокъ Азіи, онъ выписываетъ изъ Македоніи кипучіи книги—драмы Эсхила, Софокла и др. Онъ особенно привязывается къ «Илладѣ», воспѣвающей подвиги его предка Ахилла: онъ носитъ экземпляръ ея съ собою повсюду во всѣ экспедиціи и кладетъ его на ночь вмѣстѣ съ оружіемъ подъ подушку. Онъ изучаетъ риторичскую политику и вообще государственныя науки, и выноситъ изъ нихъ тотъ своеобразный космополитизмъ, который онъ старается провести въ жизнь въ послѣдніе свои годы. Словомъ, всѣ тѣ гуманитарныя симпатіи, которыя онъ обнаружилъ втеченіе своей карьеры, онъ носитъ зародышами уже въ отроческой своей душѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ были вложены ему его гениальнымъ учителемъ.

Параллельно развивались и другія стороны его натуры. Сильный и безстрашный отъ природы, унаслѣдовавъ отъ матери ея пылкій и энергичный характеръ, а отъ отца—его настойчивость и выдержку, онъ безпрерывными упражненіями довелъ свой организмъ до высшей степени выносливости и ловкости. Онъ съ рѣдкимъ умѣньемъ переносилъ голодь, холодъ и усталость: онъ металъ копье и скакалъ верхомъ лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ и любилъ идти на встрѣчу рискамъ и опасностямъ. Однажды къ Филиппу, страстному любителю лошадей, привели кроваваго вессалійскаго скакуна Буцефала. Царь пришелъ въ восторгъ отъ его граціи и силы, но когда стали пробовать его бѣгъ, то оказалось, что

онъ рѣшительно не поддается уздѣ и никому не позволяетъ на себя сѣсть. Лучшіе конюхи и жокеи ничего не могли подѣлать съ нимъ, и раздосадованный царь приказалъ уже было увести его, когда наблюдавшій всю сцену молодой Александръ выступилъ впередъ и попросилъ позволенія попытаться счастье. Придворные разсмѣялись, но царевичъ продолжалъ настаивать, и Филиппъ уступилъ. Замѣтивъ, что Будефалъ боится своей собственной тѣни, Александръ повернулъ его лицомъ къ солнцу и, успокоивъ его ласками, легко вскочилъ ему на спину. Строптивый конь началъ было свои прежніе маневры, но Александръ сидѣлъ, словно приросшій, и потихонько пустилъ его рысью. Мало по малу рысь перешла въ галопъ, а потомъ въ карьеръ, и Александръ, оскакавъ нѣсколько разъ дворъ, подвелъ къ Филиппу усмиренаго коня. Всѣ разсыпались въ похвалахъ, и царь, обнимая сына, со слезами на глазахъ проговорилъ: «ищи себѣ другого царства, сынъ мой: Македонія для тебя мала».

И нужно признаться, мальчикъ вполне соглашался съ нимъ. Съ ранняго возраста онъ обнаруживалъ крайне честолюбие и самоувѣренность, отчасти унаслѣдованныя отъ матери, отчасти же благопріобрѣтенныя въ атмосферѣ лести и поклоненія. Спрошенный однажды, не приметъ ли онъ участія въ состязаніяхъ въ бѣгѣ на олимпійскихъ играхъ, онъ отвѣтилъ, что да, но лишь въ томъ случаѣ, когда соперниками его будутъ цари. Всякій разъ, когда гонцы привозили извѣстіе о новой побѣдѣ Филиппа, онъ впадалъ въ раздражительность и меланхолію, говоря, что отецъ покоряетъ и покоряетъ, пока ему, Александру, не останется ничего, что покорять. Къ счастью для репутаціи нашего героя, за этими выходками скрывался блестящій геній. 17-ти лѣтъ онъ уже отличался при взятіи города Перинта и тогда же былъ назначенъ регентомъ на время отсутствія Филиппа въ Херсонесѣ. Онъ повелъ тогда свою первую армію противъ одного изъ сосѣднихъ племенъ, основалъ свой первый городъ во Фракіи и принялъ впервые иностранное посольство. Последнее прибыло отъ персидскаго царя, и Александръ сыгралъ свою роль съ такимъ достоинствомъ и тактомъ, что окружающіе были поражены. Сами послы не знали, что думать, когда, вмѣсто обычныхъ банальностей, онъ сталъ подробно расспрашивать ихъ о маршрутахъ и путяхъ сообщенія Персіи, о ея силахъ, политическомъ устройствѣ и пр. Они на все отвѣчали съ охотою, не предчувствуя, что этотъ красивый юноша думаетъ крѣпкую думу и черезъ 5—6 лѣтъ воспользуется сообщенными свѣдѣніями, чтобы разбить ихъ монархію.

Въ 338 г. онъ участвовалъ въ Херонейской битвѣ, отдавшей Филиппу всю Грецію. Александръ командовалъ однимъ изъ крыль-

евъ, и его бѣшенный натискъ на священный отрядъ оивчанъ рѣшилъ день. За это льстивые царедворцы провозгласили его виновникомъ побѣды, и съ этихъ поръ замѣчается въ отношеніяхъ между нимъ и отцомъ значительное охлажденіе. Въ 337 г. дѣло дошло до разрыва. Филиппъ, только что провозглашенный на пан-эллиномъ съѣздѣ главнокомандующимъ греко-македонскихъ силъ для войны съ Персіей, вздумалъ развестись съ Олимпиадой и жениться на молодой Клеопатрѣ, дочери одного изъ его полководцевъ Аттала. Предлогомъ была выставлена супружеская невѣрность первой, и на свадебномъ пиру новый тестъ царя осмѣлился провозгласить тостъ за молодыхъ съ пожеланіемъ Филиппу имѣть поскорѣ законнаго наслѣдника. Присутствовавшій при этомъ Александръ вспыхнулъ и, схвативъ со стола тяжелый кубокъ, бросилъ имъ въ лицо Атталу, крикнувъ: «Такъ ты меня считаешь бастардомъ?». Моментально все пришло въ смѣтеніе, и полупьяный Филиппъ, вскочивъ на ноги, бросился съ мечомъ на сына; къ счастью, онъ споткнулся и грузно упалъ, и Александръ, презрительно замѣтивъ, что человекъ, мечтающій переправиться въ Азію, долженъ былъ-бы умиѣть, по крайней мѣрѣ, свободно перейти съ одного мѣста на другое, вышелъ изъ комнаты и вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ съ матерью въ Эпиръ, а оттуда самъ въ Иллирію.

Ссора продолжалась не долго, но вскорѣ едва не возобновилась опять по винѣ Олимпиады. Филиппъ, желая заручиться дѣльнымъ союзникомъ для войны съ Персіей, рѣшилъ женить своего побочнаго сына Аридія на дочери Пиксодара, сатрапа Лидіи и Пизидіи; но Олимпиада, узнвъ въ этомъ какую-то опасность для Александра, подговорила послѣдняго самому послать сватовъ и забрать невѣсту себѣ. Царь, узнавъ объ этомъ, страшно разгнѣвался и, прервавъ переговоры, сурово наказалъ всѣхъ сообщниковъ дѣла. Но самъ Александръ былъ пощаженъ: Филиппъ боялся мести со стороны Олимпиады и ея брата Неоптолема, царя Эпира, который могъ въ его отсутствіе въ Азіи причинить Македоніи не мало хлопотъ. Онъ даже показалъ видъ, что не придаетъ инциденту никакого значенія, и предложилъ Неоптолему жениться на его дочери; но проницательную и мстительную Олимпиаду не такъ легко было обмануть и умиротворить. Какъ разъ въ это время новая царица родила сына, и разъяренная эпиротянка рѣшила заплатить вѣроломному македонянину за всѣ нанесенныя ей оскорбленія. Она вошла въ соглашеніе съ молодымъ пажемъ Павзаніемъ, и въ одно сентябрьское утро 336 г. заговоръ былъ приведенъ въ исполненіе: когда на празднествахъ въ Эгеяхъ, древней столицѣ Македоніи, Филиппъ во главѣ пышной процессіи входилъ въ театръ, рука

убійцы всадила ему кинжалъ въ бокъ, и царь упалъ мертвымъ. Немедленно всѣ скрылись по домамъ, а Александръ, извѣщенный о случившемся, обошелъ армію и былъ провозглашенъ царемъ.

Такъ неожиданно взошелъ на престолъ молодой 20-ти лѣтній юноша, будущій властитель всего извѣстнаго тогда міра. Какъ подобаеть сыну, чтущему память отца, онъ похоронилъ прахъ убитаго съ надлежащею торжественностью и казнилъ всѣхъ замѣшанныхъ въ заговоръ, кромѣ одного, который первый далъ ему знать о катастрофѣ. Заразъ уже, по обычаю тѣхъ временъ, онъ позаботился устранить всѣхъ, кто могъ ему быть опасенъ: Аттала, дѣйствовавшего тогда противъ персовъ, Аминта, сына Пердикки, устраненнаго Филиппомъ отъ престола, новорожденнаго сына Клеопатры и, наконецъ, Клеопатру самоѣ. Послѣдніе двое впрочемъ были убиты. Говорятъ, Олимпіадою въ отсутствіи сына, и Александръ долгое время выражалъ свое сожалѣніе по поводу этихъ ненужныхъ жертвъ.

Первое дѣло, на которое былъ призванъ молодой монархъ, было усмиреніе Греціи. Какъ только разнеслась вѣсть о смерти Филиппа, главныя государства ея пришли въ движеніе, привѣтствуя поступокъ Павзанія, какъ актъ великаго гражданина, избавившаго человѣчество отъ тирана. Въ своей восторженной рѣчи по этому поводу знаменитый Демосеенъ поздравлялъ согражданъ съ зарею новой свободы, требовалъ немедленнаго изгнанія македонскихъ гарнизоновъ и презрительно отзывался о новомъ царѣ, какъ о мальчишкѣ, съ которымъ и считаться было-бы смѣшно. Но патриотъ жестоко ошибся: прежде чѣмъ что-либо могло толкомъ съорганизоваться, на сцену появился Александръ и съ сильными, хотя и малочисленными, войскомъ безпрепятственно прошелъ къ самому Истму. «Подъ стѣнами Аѣнъ—сказалъ онъ.— я покажу Демосеену, что я не мальчишка!» Къ счастью, до исполненія угрозы дѣло не дошло: Греція была застигнута въ располхъ, и послы отъ различныхъ государствъ поспѣшили съ изъявленіями покорности. Въ Коринѣ собрались представители всѣхъ державъ, кромѣ гордой Спарты, и за Александромъ были утверждены всѣ почести, какими пользовался его отецъ,— въ томъ числѣ и гегемонія для борьбы съ персами.

Раннею весною 335 г. торжествующій царь воротился домой и дѣятельно занялся усмиреніемъ оракійцевъ, иллирійцевъ и другихъ племенъ, угрожавшихъ его сѣвернымъ границамъ. Онъ перешелъ рѣку Несосъ и въ десять дней провикъ къ Балканамъ, гдѣ его ждалъ непріятель. Узнавъ, что онъ занялъ единственную въ той мѣстности горную тропу, окруживъ себя тяжелыми телѣгами, въ намѣреніи скатить ихъ на македонянъ при первомъ ихъ появ-

леніи, Александръ приказалъ своимъ солдатамъ разомкнуть рядъ и унасть, по данному сигналу, ничкомъ, дабы пропустить катящіяся телѣги надъ собою, по разставленнымъ щитамъ. Маневръ удался, и плохо вооруженныя орды были разбѣяны. Александръ прошелъ тогда Балканы и, переправившись черезъ Дунай, разгромилъ тамошнихъ гетовъ и ихъ селенія. Этого было достаточно со всѣхъ сторонъ прибыли посольства съ богатыми дарами и знакомъ мира, и побѣдитель могъ вернуться обратно. Онъ прошелъ страну агріоновъ и пэоновъ и принялся за усмиреніе Иллирійской страны, когда получилъ извѣстіе о вторичномъ возстаніи Греціи. Въ странѣ, разнесся ложный слухъ о смерти Александра во Фракіи, и Фивы, которыя терпѣли больше всѣхъ, благодаря присутствію македонскаго гарнизона въ ихъ цитадели Кадмеѣ, рѣшили поднять знамя мятежа. Остальные государства обѣщали имъ свою помощь, и рѣшили повременить, пока слухи подтвердятся. Ихъ политика была благоразумна: не успѣли Фивы раздѣлаться съ гарнизономъ, какъ Александръ уже былъ въ Беотіи, пройдя весь путь отъ Иллира до Фермопиль въ 10—12 дней. Впечатлѣніе было потрясающее: но Фивяне рѣшили лучше погибнуть, чѣмъ сдаваться. Послѣ отчаяннаго сопротивленія городъ былъ взятъ штурмомъ, мужское населеніе вырѣзано, 6,000 человѣкъ казнено и 30 тысячъ предано въ рабство. Стѣны и жилища были превращены въ развалины, территория могучей нѣкогда республики распредѣлена между сосѣдними общинами, и только домъ великаго поэта Пиндара уцѣлѣлъ по приказу просвѣщеннаго завоевателя. Это былъ страшный урокъ, и вся Греція была повергнута въ прахъ. Александръ даровалъ однако миръ на прежнихъ основаніяхъ и ограничился лишь ссылкой двухъ незначительныхъ ораторовъ изъ патристической партіи. Опять, какъ въ прошлый разъ, онъ созвалъ обще-греческую съѣздъ въ Коринѣ, на которомъ онъ изложилъ свой планъ экспедиціи противъ персовъ, и былъ вторично утвержденъ гегемономъ Эллады. Между прочимъ здѣсь состоялась назидательная встрѣча его съ Діогеномъ Синопскимъ, про которую намъ рассказываютъ всѣ учебники исторіи. Прибывъ во главѣ блестящей свиты къ тому мѣсту, гдѣ знаменитый циникъ, ставившій ни во что блага міра сего, лежалъ въ бочкѣ и грѣлся на солнцѣ, Александръ спросилъ его, не можетъ ли онъ что нибудь для него сдѣлать. «Отстранись-ка немного отъ солнца», отвѣтилъ презрительно мудрецъ. Повелитель Греціи отступилъ въ смущеніи, встрѣтивъ впервые такого же гордеца, какъ и онъ самъ. «Клянусь богомъ.» воскликнулъ онъ въ непритворномъ восторгѣ: «не будь я Александромъ, я бы хотѣлъ быть Діогеномъ!»

Въ концѣ 335 г. Александръ вернулся на родину и всю зиму провелъ въ приготовленіяхъ къ походу, про который онъ такъ много слышалъ отъ отца и о которомъ онъ самъ такъ много мечталъ. Съ тѣхъ поръ, какъ полтора вѣка тому назадъ полчища Ксеркса перешли Геллеспонтъ, Эллада не переставала мечтать о реваншѣ. въ надеждѣ овладѣть цѣннымъ восточнымъ берегомъ Средиземнаго моря и возсоединить съ собою богатыхъ малоазійскихъ грековъ-подвластныхъ Великому Монарху. Съ теченіемъ времени, какъ это нерѣдко бываетъ, идеологическій моментъ совершенно заслонилъ матеріальный, и антагонизмъ къ Персіи сталъ признаваться за необходимый элементъ эллинизма, а разгромъ ея—за національную миссію. Естественно, что когда Филиппъ захотѣлъ легитимизировать свое положеніе въ обще-греческой семьѣ, онъ начерталъ на своемъ знамени девизъ «реваншъ» и сталъ во главѣ антиперсидскаго движенія, какъ давно уже предлагалъ ему Исократъ. То же теперь сдѣлалъ и Александръ, и, заявивъ себя носителемъ и исполнителемъ исторической миссіи Эллады, онъ придалъ своему предпріятію религіозно-культурный характеръ крестоваго похода. Чѣмъ, конечно, завоевалъ симпатіи многихъ патріотовъ.

Персидская же монархія въ это время представляла внѣшнюю мощь, небывалую со времени Ксеркса. На необъятномъ пространствѣ отъ Ливійскихъ песковъ до Паропамиза и отъ Сыръ-Дарья до Индійскаго океана она вмѣщала многочисленныя страны, населенныя народностями разнообразнѣйшихъ бытовъ, религій и культуръ. Тутъ были египтяне, греки, финикіяне, армяне, персы, мидяне, вавилоняне, аракіяцы, скифы, обитатели Бактріи, Гедрозии, Дрангіаны, Арии, Согдіаны и масса другихъ. Это было тѣло огромное и пестрое, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишенное того объединяющаго начала, которое дѣлаетъ изъ человѣческаго общества компактный организмъ, а не механически составленный аггломератъ. Разбитая на множество отдѣльныхъ, почти самостоятельныхъ сатрапій, не соединенныхъ ни историческими традиціями, ни общимъ національнымъ чувствомъ, Персія держалась въ цѣлости, лишь благодаря инертности, столь свойственной дикому востоку, ея частей и сравнительно легкому правительственному режиму, оставлявшему въ большинствѣ случаевъ неприкосновенными мѣстные нравы и обычаи. Механизмъ центральной власти никогда не былъ силенъ: громоздкость и медленно двигавшійся, онъ, не смотря на внѣшній абсолютизмъ царей, предоставлялъ значительную свободу намѣстникамъ и даже населенію провинцій; но связь между послѣдними слабѣла еще и отъ того, что на престолѣ нерѣдко возсѣдали неспособные

люди, болѣе преданные созерцанію своего могущества, нежели консолидаціи его. Дарій Кодоманъ, теперешній владыка Персіи, и былъ именно таковъ: посаженный на престолъ внукомъ Боагасомъ, отравившимъ двухъ его предшественниковъ, онъ былъ игрушкой своихъ женъ и собственнаго тщеславія и, проводя дни среди своихъ сокровищъ, не хотѣлъ ни о чемъ слышать, ничего видѣть. Только тогда, когда Филипповы полководцы Атталъ и Парменионъ стали дѣйствовать въ М. Азіи, рѣшился онъ принять кой-какія мѣры и поручилъ двумъ родосцамъ, Ментору и Мемнону, организацію обороны. Смерть врага на время прервала приготовленія, но вѣсть о готовящемся нашествіи Александра вновь вывела Дарія изъ его апатіи и заставила его нехотя возобновить операціи.

Александръ выступилъ въ походъ весною 334 г., имѣя съ собою лишь 70 талантовъ (талантъ—ок. 2400 руб.) деньгами и 30 тысячъ пѣхоты и 4500 конницы. Съ такими незначительными средствами мечтать покорить міръ казалось смѣшнымъ, но Александръ не совсѣмъ ошибался, когда говорилъ друзьямъ, что ему, кромѣ надеждъ, ничего не надо: за нимъ стоялъ его геній и удивительная организація арміи. Ядро ея составляла знаменитая фаланга, введенная и сформированная Филиппомъ по идеѣ Эпаминонда. Она являлась результатомъ всего накопленнаго опыта греческаго тактическаго искусства и представляла величайшую боевую силу древности вплоть до появленія на сцену римскихъ когортъ. Ея единица было карре изъ 256 человѣкъ, расположенныхъ въ 16 линій по 16 человѣкъ въ глубь, на интервалахъ въ три фута другъ отъ друга. Одѣтые въ панцири и наколѣнники, съ короткимъ мечомъ сбоку и небольшимъ круглымъ щитомъ на лѣвомъ локтѣ, фалангеры держали обѣими руками длинную пику въ 21 футъ, утолщенную на одномъ концѣ такъ, чтобы центръ тяжести ея лежалъ на разстояніи 15 футовъ отъ острія. Первые пять человѣкъ линіи держали ее на перевѣсъ такъ, чтобы острія пикъ выходили за фронтъ на 15, 12, 9, 6 и 3 фута соответственно, въ то время какъ остальные 11 человѣкъ клали ее на плечи впереди ихъ стоящихъ. Въ результатѣ получалась живая, хотя и не совсѣмъ подвижная, стѣна, неприступная въ оборонѣ и страшная въ натискѣ. Единственно, что могло ее опрокинуть, это нападеніе съ фланга, но съ этой стороны ее защищали всегда конница и легкая пѣхота, вооруженная дротиками и длинными мечами.

Двигаясь форсированными маршами, Александръ въ двадцать дней достигъ Геллеспонта и при помощи флота въ 160 триремъ переправилъ войска на противоположный берегъ, въ Абидосъ. Тѣмъ

временемъ, движимый историческими воспоминаніями и желая провозгласить культурно-національное значеніе похода, онъ самъ сѣзидилъ къ развалинамъ Трои, посѣтилъ гробницы Ахилла и Пріама и, давъ рядъ военныхъ и музыкальныхъ игръ, вернулся назадъ къ арміи, которая готовилась уже къ первому бою съ персами. Послѣдніе, совершивъ крупную ошибку тѣмъ, что дали врагу безпрепятственно перейти Геллеспонтъ, стояли въ числѣ 20 тысячъ пѣхоты и столько же конницы близъ города Зелен. Сгорая нетерпѣніемъ помѣряться съ Александромъ силою. По плану Мемнона, Персія должна была строго придерживатся оборонительной тактики въ Азіи и наступательной, при помощи первокласснаго флота, въ Европѣ: опасаясь за свои македонскія и греческія владѣнія и не имѣя возможности прокормить армію въ опустошаемыхъ мѣстностяхъ, Александръ былъ бы вынужденъ вернуться и отложить свое предпріятіе на неопредѣленное время. Но такой планъ казался Дарію слишкомъ оскорбительнымъ, и малоазійскіе сатрапы получили приказъ встрѣтить врага въ полѣ. Сраженіе произошло въ маѣ 334 г. на берегахъ рѣчки Граники. Не внимая совѣту своихъ полководцевъ, Александръ приказалъ наступать и самъ во главѣ конницы первый бросился въ рѣку. По листому дну, подъ градомъ стрѣлъ, съ быстрымъ теченіемъ поперекъ себя, онъ пробрался къ противоположному берегу и завязалъ бой по всей линіи. Схватка была жаркая. Александръ въ своемъ шлемѣ съ бѣлыми перьями мчался по полю битвы, воодушевляя солдатъ и самъ сражаясь какъ левъ. Повсюду, гдѣ онъ вѣздался, падали убитые, пока, наконецъ, ему не удалось пробиться къ зятю Дарія Митридату. Однимъ ударомъ копья онъ свалилъ его съ лошади и затѣмъ бросился на его брата Резацеса, мчавшагося на него съ поднятымъ мечомъ. Сильнымъ взмахомъ Резацесъ разбиваетъ ему шлемъ, но сейчасъ же падаетъ мертвымъ отъ руки Александра, на котораго теперь сзади бросается съ сѣкирою сатрапъ Спиридатъ. Послѣдній запоситъ уже руку надъ головою Александра: еще моментъ, и нашъ герой лежалъ бы съ разсѣченнымъ черепомъ; но его другъ Клитъ успѣлъ подбѣжать и однимъ ударомъ меча отдѣлилъ занесенную руку перса отъ туловища. Сраженіе было выиграно: весь цвѣтъ персидской арміи легъ на полѣ битвы, и лишь немногіе успѣли спастись. Македоняне же потеряли не больше сотни, и имъ Александръ велѣлъ воздвигнуть памятники, а ихъ родственниковъ освободить отъ государственныхъ платежей на вѣчныя времена. Онъ отослалъ въ Аѳины 300 персидскихъ деспотовъ въ знакъ національнаго значенія побѣды, и приказалъ на нихъ на-

чертать надпись: «отнято у варваровъ Александромъ, сыномъ Филиппа, въ союзѣ съ греками, исключая лакедемонянъ». Онъ взялъ въ плѣнъ 2000 греческихъ наемниковъ и какъ измѣнниковъ общеэллиническому дѣлу, отправилъ въ цѣпяхъ въ македонскіе рудники.

Значеніе битвы было огромно: вся М. Азія лежала у его ногъ. Въ самое короткое время онъ безъ боя овладѣлъ Фригіей, Лидіей и Эфессомъ и встрѣтилъ сопротивленіе лишь у Милета. Разсчитывая на помощь крейсировавшаго неподалеку персидскаго флота, комендантъ Милета заперся и не захотѣлъ сдаться, но Александръ провелъ свою флотилію въ портовую бухту раньше персовъ и взялъ городъ приступомъ. Населеніе было страшно наказано, но самъ городъ уцѣлѣлъ и былъ объявленъ свободнымъ. Александръ послѣ этого безпрепятственно пошелъ на югъ, овладѣлъ послѣ страшныхъ усилій Галикарнассомъ, забралъ безъ боя Памфилу и Пизидію и въ мартѣ 333 г. очутился во Фригіи, гдѣ располагается отдыхать послѣ утомительной кампаніи. Здѣсь, въ городѣ Гордіѣ, произошелъ послѣ извѣстный инцидентъ съ узломъ. Первыми парями этого города были два крестьянина Гордій и Мидасъ, на память о которыхъ сохранялась въ цитадели города ихъ телѣга. Дышло и остова ея были соединены лыкомъ, но узелъ былъ такой хитрый, что сколько ни бились надъ нимъ втеченіе вѣковъ, ни одному не удалось его развязать. Межъ тѣмъ преданіе гласило, что тотъ, кто съумѣетъ это сдѣлать, будетъ властелиномъ Азіи. Александръ, конечно, не замедлилъ испробовать свое искусство: при огромномъ стеченіи народа онъ прилежался за узелъ, но всѣ его старанія были бесплодны. Разсодованный и не желая предоставить другому оправдать предсказаніе, онъ вынулъ тогда мечъ и разрубилъ узелъ. Оказалось, что это и было истинное разрѣшеніе: по крайней мѣрѣ, такъ увѣряли мѣстные пророки, судившіе по пронесшейся тою же ночью грозѣ съ громомъ и молніей.

Александръ выступилъ изъ Гордіи въ маѣ мѣсяцѣ и, подкрѣпленный свѣжими контингентами изъ Греціи, быстро овладѣлъ Памфалией и Каппадокіей, прошелъ безпрепятственно Киликійско-Памфалийскій и Каппадокійскій проходы, достигъ Киликійскаго ущелья и забралъ первоклассную сирійскую крѣпость Тарсъ. Здѣсь его побѣдоносное шествіе внезапно прерывается: отъ переломленія или отъ простуды, схваченной при купаньи въ студеной водѣ, онъ заболѣваетъ горячкой и едва бы въ случаѣ неуспѣшного леченія всѣми врачами, опасавшимися, какъ бы въ случаѣ неуспѣшного леченія не поплатиться головою. Его спасъ врачъ изъ Акарнаніи Филиппъ, давъ ему энергическое потогонное. Рассказываютъ, что, довѣрившись Филиппу, онъ въ тотъ моментъ, какъ врачъ вышелъ въ другую комнату готовить питье, получаетъ отъ Пармениона

письмо, въ которомъ вѣрный полководецъ извѣщаетъ, что Филиппъ подкупленъ Даріемъ и готовится его отравить. Александръ смолчалъ и, когда Филиппъ вернулся, принялъ отъ него микстуру, подавъ ему одновременно полученное письмо. Врачъ сталъ читать, дрожа всѣмъ тѣломъ; Александръ же, пристально глядя ему въ лицо, молчаливо и медленно опорожнилъ чашу. Его довѣріе оказалось не напраснымъ: послѣ временнаго кризиса онъ сталъ выздоравливать и, наконецъ, всталъ съ ложа при ликованіи солдатъ и своего вѣрнаго врача.

Тѣмъ временемъ Дарій собралъ свое войско для генеральнаго сраженія. Въ Месопотаміи у него набралось болѣе 600 тысячъ человекъ разныхъ племенъ, языковъ, одеждъ и оружія. Тутъ были персы, дербикки, армяне, курды, гирканы, бактрійцы и поджидались еще подкрѣпленія изъ другихъ мѣстностей. Зрѣлище было импозантное и живописное, и царедворцы наперерывъ разсыпались въ гимнахъ царю, восхваляя его мудрость и непобѣдимость. Одинъ лишь Харидемъ, — повидимому, одинъ изъ тѣхъ двухъ афинскихъ ораторовъ, которые должны были покинуть Грецію послѣ втораго ея возстанія, — увлыло качаль головою, выражая сомнѣніе относительно годности этой пестрой и беспорядочной толпы: на вопросъ Дарія, онъ откровенно сказалъ, что вмѣсто этихъ полудикихъ ордъ, которыя разбѣгутся при первой же встрѣчѣ съ врагомъ, царю слѣдовало не жалѣть своихъ сокровищъ и нанять побольше грековъ. Со всѣхъ сторонъ раздавался крикъ негодованія, и ужаленный въ своемъ восточномъ самолюбіи Дарій собственноручно схватилъ его за поясъ и передалъ палачамъ. Увы! событія вскорѣ показали, что афинянинъ былъ правъ, и что суровая расправа съ говорящимъ истину столь же мало измѣняетъ дѣло, какъ наказаніе розгами Геллеспонта.

Стоя на прекрасной равнинной мѣстности, гдѣ его конница могла имѣть полный просторъ развернуться, Дарій, не получая, по случаю болѣзни Александра, никакихъ свѣдѣній о немъ, рѣшилъ, что непріятель боится его и избѣгаетъ съ нимъ встрѣчи. И вотъ, увѣдомленный, что онъ въ Киликіи, Дарій направляется къ нему и во главѣ своихъ массъ, со всей своей гвардіей, пѣхотою и конницею, со своей матерью, женою и дѣтьми, 360 наложницами, золотомъ и серебромъ, нагруженными на 600 муловъ и 300 верблюдовъ, со всей, словомъ, пышностью восточнаго владыки переваливаетъ черезъ Аманскій хребетъ и останавливается у горъ Иссы. Здѣсь, въ ноябрѣ 333 г., и происходитъ знаменитая битва, отдавшая Александру всю переднюю Азію. Обѣ арміи были отдѣлены рѣчкою Пинаромъ, и персы, заключенные въ узкій проходъ — едва въ 10 стадій (стадія — около 80 сажень) — между горнымъ хреб-

томъ съ востока и Исскимъ заливомъ съ запада, были поставлены въ крайне невыгодное положеніе, не имѣя возможности развернуть свои силы. Боевая линія ихъ состояла изъ 90 тысячъ человекъ; вся же остальная громада принуждена была стоять позади въ хаотической массѣ, скученная, бездѣйствующая и запертая, какъ въ мышеловкѣ. Но Дарій не отчаявался: въ великолѣпномъ одѣяніи изъ златотканнаго пурпура, съ наброшенною на плечи мантией, устланной драгоценными камнями, съ поясомъ изъ золотыхъ колецъ и въ высокой тиарѣ съ повязкою, онъ сидѣлъ позади центра боевой линіи на колесницѣ изъ золота и слоновой кости, окруженный 10 тысячами «безсмертныхъ», и готовился смотрѣть, какъ побѣждаютъ его войска, какъ исчезаетъ вражескій туманъ передъ лучами персидскаго солнца. Но одного удара Александра въ лѣвое крыло было достаточно, чтобы опрокинуть всѣ его надежды: оно дрогнуло и побѣжало, и Дарій, увидѣвъ себя открытымъ фланговому движенію, потерялъ голову, велѣлъ повернуть свою колесницу и бросился стремглавъ съ поля, растерявъ свой лукъ, щитъ и мантию. Это было сигналомъ для всеобщаго бѣгства: въ паникѣ, усугубленной недостаткомъ мѣста, огромныя орды мчались, словно загнанныя звѣри, убивая и затанывая другъ друга. Бойня была ужасная: 100 тысячъ пѣхоты и 10 тысячъ конницы легло на мѣстѣ и столько же плѣнныхъ досталось въ руки побѣдителей. Добыча была огромная — 3000 талантовъ и весь лагерь, съ матерью, женою, сестрой, двумя дочерьми и малолѣтнимъ сыномъ царя, равно какъ и весь безчисленный ихъ штатъ работъ и рабынь. Самъ Александръ не ожидалъ ничего подобнаго: осматривая всю эту роскошь, видя все великолѣпіе царской палатки съ ея мебелью, коврами, картинами и цѣлымъ арсеналомъ туалетныхъ принадлежностей, онъ могъ только воскликнуть въ простодушномъ изумленіи: «Такъ это значитъ быть царемъ?». Одновременно же сдался и Дамаскъ, куда Дарій еще до сраженія отправилъ значительную часть обоза, и найденная здѣсь добыча была еще колоссальнѣе. Плѣнныхъ понало столько, что не было ни одной знатной персидской семьи, которой бы не пришлось оплакивать кого-нибудь изъ своихъ членовъ. Между прочимъ Александръ находитъ здѣсь Ификрата, сына знаменитаго афинскаго полководца, и оиванца Діонисодора: послѣдняго онъ отпускаетъ на свободу во имя того, что онъ нѣкогда былъ побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ, а перваго онъ обладалъ и пригласилъ къ себѣ на службу. Столь же пріятливымъ онъ обошелся съ плѣннымъ семействомъ Дарія: хорошо понимая его значеніе, какъ заложниковъ, онъ окружилъ его

парской пышностью и изъ всего, что ему принадлежало, взялъ себѣ лишь шкатулку, въ которой персидскій монархъ хранилъ свои притравива: «для Гомера», скромно добавилъ просвѣщенный побѣдитель.

Александръ могъ теперь проникнуть въ самое сердце персидской монархіи, не рискуя встрѣтить сопротивленіе; но согласно плану, составленному послѣ взятія Милета, онъ рѣшилъ предварительно овладѣть западомъ, чтобъ обезопасить себя съ тылу и достать флотъ. Немедленно поэтому послѣ сраженія при Иссъ онъ отправляется въ Финикію и овладѣваетъ рядомъ городовъ, въ томъ числѣ и славнымъ въ исторіи и у Гомера Сидономъ. Здѣсь, между прочимъ, онъ получаетъ письмо отъ Дарія, въ которомъ несчастный царь, указавъ на то, что Александръ первый началъ — и то безъ всякаго повода — враждебныя дѣйствія, просить у него его дружбы и союза, а также возвращенія своего семейства. На это Александръ отвѣтилъ перечисленіемъ всѣхъ проступковъ персидскихъ царей отъ Ксеркса до Дарія включительно и приглашеніемъ прійти къ нему съ покорностью, какъ къ своему владыкѣ. Получивъ такой надменный отвѣтъ, Дарій пріостановилъ переговоры и сталъ готовиться къ послѣдней борьбѣ.

Въ январѣ 332 г. Александръ подступилъ къ важнѣйшему по богатству и культурности городу Финикіи — Тиру. Потребовавъ позволенія войти въ городъ съ цѣлью принести въ тамошнемъ храмѣ жертву Гераклу, онъ получилъ отказъ и немедленно принялся за осаду. Такъ какъ Тиръ, сильно укрѣпленный, былъ расположенъ на островѣ въ разстояніи одной версты отъ берега, то Александръ пробовалъ было построить моль на всемъ этомъ протяженіи; но видя, что безъ флота это не удастся, онъ бросился на сѣверъ Финикіи, досталъ 200 кораблей и въ нѣсколько мѣсяцевъ выстроилъ моль. Онъ подкатилъ тогда стѣннотыныя орудія, свалилъ одну изъ стѣнъ и, перебросивъ мостъ, проникъ въ городъ. Тиряне защищались геройски и, за исключеніемъ царя и его приближенныхъ, спасшихся въ святилищѣ Геракла, погибли почти всѣ: 8000 было убито, 2000 повѣшено и 30 тысячъ продано въ рабство. Это была чудовищная гекатомба Гераклу, и Тиръ, знаменитый своимъ цурцуромъ и сказаніями о Дидонѣ, исчезаетъ съ лѣтописей исторіи.

Въ это время, въ началѣ іюля, Александръ получаетъ второе письмо отъ Дарія, въ которомъ царь предлагаетъ ему 10 тысячъ талантовъ и всю территорію къ западу отъ Евфрата въ видѣ выкупа за свою семью. Онъ вновь просить у побѣдителя его дружбы и предлагаетъ ему свою дочь въ жены. «Еслибы я былъ Александромъ», воскликнулъ Парменионъ, прочтя это письмо: «я бы, не

задумавшись, принялъ предложеніе!». «И я тоже», возразилъ Александръ: «еслибы былъ Пармениономъ», и немедленно шлетъ отвѣтъ Дарію, въ которомъ смѣется надъ тѣмъ, что онъ предлагаетъ ему часть того, что ему, Александру, принадлежитъ уже по праву меча. «Всѣми твоими богатствами», писалъ онъ ему грубо: «и всей территоріей я уже владѣю и безъ твоихъ подарковъ, и если захочу, то возьму твою дочь, не спрашивая твоего согласія». Онъ безсердечно отвергаетъ его просьбу и совѣтуетъ ему лучше готовиться къ рѣшительной встрѣчѣ. Дарій опять замолчалъ и на этотъ разъ окончательно.

Послѣ Финикіи подчинилась Палестина, послѣ чего Александръ направляется въ Египетъ, чтобъ отрѣзать персовъ отъ сношеній съ Греціей. Подорогѣ, у самаго входа въ пустыню между Сиріей и Египтомъ, онъ наталкивается на гор. Гацу, расположенную на высокой скалѣ, и беретъ ее штурмомъ послѣ двухъ-мѣсячной осады. Жители были вырѣзаны до единаго, и комендантъ ея подвергнутъ позорной казни. Говорятъ, что Александръ привязалъ его за кольца, продѣтые черезъ ноги, къ колесницѣ и поволокъ его трижды вокругъ городскихъ стѣнъ, какъ Ахиллъ нѣкогда поступилъ съ тѣломъ Гектора. Историки однако отказываются вѣрить этому преданію, такъ какъ авторитетъ его весьма сомнительнаго достоинства.

Въ октябрѣ 332 г. Александръ вступилъ въ Египетъ и былъ встрѣченъ населеніемъ, какъ избавитель. Прибывъ въ Мемфисъ, онъ устроилъ праздники греческимъ и египетскимъ богамъ — въ частности Апису, и выписалъ спеціально для этого лучшихъ музыкантовъ и актеровъ изъ Греціи. Онъ внимательно изслѣдовалъ дельту Нила и, пораженный мѣстоположеніемъ о. Фароса, прославленнаго еще Гомеромъ, велѣлъ на немъ и на противолежащемъ берегу построить городъ его имени. Онъ самолично распланировалъ улицы, площади и главныя общественныя зданія и обвелъ чертою то мѣсто, гдѣ должны быть выстроены стѣны. То была знаменитая впоследствии Александрія, центръ міровой торговли, науки и философіи въ продолженіе 11-ти вѣковъ. Соединенный съ Фаросомъ посредствомъ мола съ двумя цѣпными мостами у концовъ его, этотъ городъ черезъ одно поколѣніе сталъ расширяться и богатѣть и остался наиболѣе достойнымъ уваженія памятникомъ гевія его основателя.

Закладка Александріи знаменуетъ собою рубежъ двухъ періодовъ дѣятельности великаго полководца. Выступивъ на завоеваніе Азіи подъ предлогомъ — искреннимъ или нѣтъ, рѣшить теперь трудно — распространенія и проведенія въ жизнь національныхъ эллинскихъ идеаловъ, онъ до сихъ поръ довольно послѣдовательно выполнялъ свою программу, освобождая малоазійскихъ гре-

ковъ отъ персидскаго ига, вводя повсюду демократическое правленіе, праздную память греческихъ героевъ и устраивая гимнастическія и поэтическія состязанія. Но варварскія его расправы при взятіи Тира и Гацы, а особенно его отвѣтъ Дарію на второе письмо, отмѣчаютъ довольно рѣзкій поворотъ сознанія Александра въ сторону восточнаго деспотизма и самоніянія. Онъ перестаетъ отождествлять свой личный геній съ коллективнымъ геніемъ Эллады и начинаетъ смотрѣть на себя преимущественно, какъ на владыку Азіи—какъ на преемника Дарія на престолѣ, завѣщанномъ силами высшими, нежели человѣческія. По знойной пустынѣ онъ пробирается къ оракулу Зевса Аммона, гдѣ жрецы прѣвѣтствуютъ его сыномъ Зевса, и оставляетъ тамъ послѣдніе остатки своихъ культурныхъ традицій и идеаловъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Возобновленіе кампаніи и сраженіе при Гавгамелѣ. — Паденіе Вавилона и Сузы. — Взятіе Персеполья. — Погоня за Даріемъ и Бессомъ. — Смерть Дарія. — Операніи въ центральной Азіи. — Убіеніе Филата и Пармениона. — Александръ въ Гедрозіи и сосѣднихъ сатрапіяхъ. — Походъ противъ Бесса и казнь его. — Истребленіе Бранхидовъ. — Убіеніе Крита. — Женитьба на Роксанѣ. — Опала Каллисена и заговоръ Гермолая. — Походъ въ Индію. — Битва съ Поромъ. — Возмущеніе солдатъ и возвращеніе Александра. — Обратное путешествіе. — Прибытіе въ Персеполь и Сузу. — Мѣропріятія Александра. — Ориентализмъ и реформы въ арміи. — Недовольство солдатъ и возмущеніе въ Описѣ. — Подготовленіе къ Аравійскому походу. — Смерть Гефестіона. — Возвращеніе Александра въ Вавилонъ и смерть его. — Погребеніе его. — Александръ, какъ герой скаваній. — Романъ Александра. — Личность Александра и значеніе его дѣятельности.

Въ началѣ февраля 331 г. Александръ, подкрѣпленный войсками изъ Фракіи, воротился въ Финикію и оттуда, послѣ пышныхъ празднествъ подъ Тиромъ, направился на западъ, перешелъ Евфратъ, а затѣмъ Тигръ, и очутился невдалекѣ отъ города Арбеллъ, гдѣ на широкой, урвненной природою и инженернымъ искусствомъ долинѣ Гавгамельской стоялъ Дарій съ милліонною арміею. Неравенство силъ было столь чудовищное и очевидное, что Парменионъ совѣтовалъ Александру, располагавшему лишь 40 тысячами человѣкъ, напасть ночью, но тотъ отказался и съ пылкостью гомеровскаго Ахилла заявилъ, что онъ не хочетъ красть побѣды. Конечно, это

была лишь красивая фраза, какъ Александръ самъ впоследствии блистательно доказалъ при встрѣчѣ съ Поромъ; вѣроятно, онъ отлично зналъ слабые пункты этой безпорядочной толпы и въ совершенствѣ разсчиталъ свои шансы на успѣхъ. Дѣйствительно, Дарій опять, какъ при Иссъ, обнаружилъ полнѣйшее непониманіе тактическаго искусства, вытянувъ часть своей арміи въ одну линію и помѣстивъ остальную массу въ видѣ резерва позади, безъ системы и порядка: скученная вмѣстѣ, она была осуждена на бездѣйствіе и была лишь способна на то, чтобы увеличить панику на случай отступленія. Такъ оно впоследствии и оказалось. Отразивъ высланныя противъ него колесницы, вооруженныя серпами и пиками, Александръ повелъ по методу Эламинонда діагональную атаку на растянутое лѣвое крыло персовъ и привелъ его въ замѣшательство. Дарій опять увидѣлъ себя открытымъ со стороны, и когда въ то же время македонская фаланга съ дикимъ крикомъ ударила въ его центръ, онъ не выдержалъ, повернулъ колесницу и опять, какъ при Иссъ, бѣжалъ, растерявъ оружіе и мантию. Александръ бросился за нимъ въ догонку и, навѣрное, наступилъ бы его, если бы не былъ отозванъ въ этотъ моментъ на помощь Пармениону, командовавшему лѣвымъ крыломъ. Онъ немедленно бросается туда черезъ все огромное поле сраженія, но на полдорогѣ узнаетъ, что Парменионъ управился своими собственными силами и опрокинулъ непріятеля. Персы были разбиты: чуть ли не 300 тысячъ ихъ легло костью, прочіе же бѣжали въ страхѣ и безпорядкѣ. Александръ гналъ ихъ вплоть до полуночи, кося направо и налево: онъ остановился лишь тогда, когда, достигнувъ Арбеллъ, онъ узналъ, что Дарія тамъ уже нѣтъ. Несчастный монархъ только пробѣжалъ черезъ городъ и, перемѣнивъ колесницу на коня, помчался дальше, оставивъ лагерь съ обозомъ и казною на произволъ судьбы.

Побѣда была колоссальная: потерявъ лишь нѣсколько сотъ человѣкъ, Александръ сталъ владыкою исполинской монархіи, основанной нѣкогда великимъ Киромъ. Немедленно сдались ему столицы Азіи, Вавилонъ и Суза, и все населеніе ихъ, предводимое халдейскими жрецами, вышло ему на встрѣчу съ дарами, цѣтами и жертвенными животными. Казна, найденная въ первой, была такъ велика, что онъ могъ дать каждому солдату отъ 200 до 600 драхмъ (драхма—около 30 к.), смотря по роду оружія, а богатства второй. говорить, доходили до 50 тысячъ талантовъ въ однихъ слиткахъ. Таковы несмѣтные сокровища Востока, свидѣтели алчности царей и рабства безымянныхъ человѣческихъ поколѣній! Между прочимъ

тамъ найдено было множество драгоценныхъ вещей и произведений искусства, вывезенныхъ Ксерксомъ 150 лѣтъ тому назадъ изъ Греціи. Среди нихъ были бронзовые изваянія Гармодія и Аристогитона, тиранноубійцъ и основателей афинской свободы: эти статуи Александръ отослалъ въ столицу Атики, какъ даръ отъ новаго царя Персіи старой демократіи Эллады.

Въ концѣ января 330 г. онъ двинулся въ Персиду, зерно Даріевой монархіи. По дорогѣ онъ подчинилъ дикое и независимое племя Уковъ, взымавшихъ дань даже съ персидскихъ царей всякій разъ, какъ они проѣзжали эту мѣстность, и взялъ хитростью неприступныя Персидскія ворота, гдѣ засѣлъ сатрапъ Персиды въ надеждѣ остановить его шествіе. Персеполисъ, священная столица «сыновъ солнца», лежалъ теперь беззащитный, и Александръ торжественно вступилъ въ него со всей арміей. У воротъ онъ встрѣтилъ 800 грековъ, въ разное время забранныхъ въ плѣнъ персами: изуродованные, безъ ушей, носовъ и рукъ, они кинулись на встрѣчу своимъ соотечественникамъ, вопія отъ радости и моля о помощи. Александръ заплакалъ при видѣ такого зрѣлища: онъ предложилъ отправить ихъ на родину, но несчастные калѣки отказались, стыдясь показаться своимъ согражданамъ въ такомъ ужасномъ видѣ. Щедрый монархъ отвелъ имъ тогда землю и далъ имъ много скота и денегъ. Въ Персеполисъ было главное казнохранилище персидскихъ царей: оно простиралось до 180 тысячъ талантовъ въ однихъ слиткахъ, такъ что побѣдитель могъ нагрузить ими 10 тысячъ муловъ и 5 тыс. верблюдовъ. Самъ городъ былъ отданъ на разграбленіе, и солдатчина бушевала втеченіе нѣсколькихъ дней, разоряя дворцы, храмы и частныя жилища. Все мужское населеніе было изрѣзано, а женщины и дѣти были проданы въ рабство. Цитадель была сожжена, а вмѣстѣ съ нею и древній царскій дворецъ, по настоянію, говорятъ, знаменитой куртизанки Таисы, пожелавшей этимъ отомстить за сожженіе Афинъ Ксерксомъ.

Въ мартѣ мѣсяцъ Александръ выступилъ на поиски Дарія. Послѣдній находился въ Экбатанѣ, главномъ городѣ Мидіи, но узнавъ о приближеніи врага, онъ отослалъ свой багажъ и гаремъ въ Гирканію (Дагестанъ) и самъ черезъ Каспійскія ворота убѣжалъ въ Бактрію (Бухару). Александръ кинулся ему вслѣдъ, но по дорогѣ узнаетъ, что Дарій низложенъ съ престола сатрапомъ Бактріи Бессомъ: заковавъ его въ золотыя цѣпи и помѣстивъ въ закрытую колесницу, послѣдній погналъ несчастнаго царя впередъ въ надеждѣ укрыться отъ преслѣдованія. Александръ бросился его догонять: захвативъ съ собою лишь оружіе да съѣстные

припасы на два дня, онъ съ отборной горстью конницы помчался къ тому лагерю, гдѣ, какъ ему говорили, произошло низложеніе. Проскакавъ съ небольшимъ перерывомъ двѣ ночи и одинъ день, онъ прибылъ въ этотъ лагерь, но никого уже не засталъ. Онъ немедленно погнался дальше и, проскакавъ опять цѣлую ночь и слѣдующій день до полудня, достигъ въ изнеможеніи деревни, гдѣ наканунѣ находился Бессъ. Опять онъ прибылъ слишкомъ поздно и въ отчаяніи не зналъ уже, что дѣлать, когда мѣстные жители указали ему путь черезъ безводную пустыню, по которому онъ могъ бы настичь бѣглецовъ. Въ тотъ же вечеръ онъ съ товарищами опять пускается въ путь и, отхвативъ за ночь около 60 верстъ, догналъ Бесса по утру. Увидавъ его неожиданно передъ собою, персы въ ужасѣ разбѣжались, и самъ вѣроломный сатрапъ, пронзивъ своего плѣнника копьемъ, ускакалъ, не пытаясь даже сопротивляться. Когда послѣ долгихъ поисковъ Дарій былъ найденъ однимъ изъ солдатъ, онъ уже едва дышалъ и просилъ лишь испытать. Солдатъ зачерпнулъ шлемомъ воды и подаль ему, и бывший владыка Азіи, сжимая ему руку, со слезами на глазахъ проговорилъ: «Я тебѣ ничѣмъ не могу отблагодарить за твое благодѣяніе, и это завершеніе моихъ несчастій. Пусть уже заплатитъ тебѣ Александръ. Да вознаградятъ его боги за все, что онъ оказалъ моей матери, женѣ и дѣтямъ. Передай ему мой привѣтъ». Александръ былъ немедленно извѣщенъ о случившемся и прибѣжалъ, но было уже поздно: Дарій лежалъ бездыханный, такъ-таки ни разу не видавъ своего врага. Александръ сорвалъ съ себя мантию, прикрылъ трупъ и приказалъ воздать ему царскія почести.

Теперь оставалось покарать Бесса, и мандатъ, данный Александру на коринвскомъ съѣздѣ, былъ бы выполненъ; но побѣдитель не спѣшилъ и провелъ слѣдующіе мѣсяцы въ покореніи Гирканіи, Аріи (Герата) и Дрангианы (Сеистанъ и часть Кандагара). Въ главномъ городѣ этой области, Профгазіи, происходитъ печальная драма, въ которой Александръ впервые фигурируетъ въ качествѣ восточнаго деспота. Филать, сынъ Парменіона, былъ однимъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ Александру людей, состоя начальникомъ его гвардіи и имѣя къ нему доступъ во всякое время дня и ночи. Выходя однажды изъ царскихъ покоевъ, онъ встрѣтилъ молодого офицера Цебалина, который сообщаетъ ему, со словъ своего брата Никомаха, что итѣкій Динивъ, простой солдатъ, подъ хмелькомъ признавался въ существованіи заговора на жизнь царя. Филать немедленно возвращается къ Александру, но ничего ему не докладываетъ. Проживавъ нарочно день или два и получая на всѣ

свои запросы Филату уклончивые отвѣты, Цебалинъ заподозрилъ и его самого и черезъ пажа далъ обо всемъ знать Александру. Немедленно Димнъ былъ арестованъ, но успѣлъ заколоть себя и никого не выдалъ; Филатъ же объяснилъ свое молчаніе тѣмъ, что считалъ источникъ, откуда шли свѣдѣнія, слишкомъ незначительнымъ, чтобъ обращать на него вниманіе. Александръ рѣшилъ его наказать: еще въ Египтѣ до него доходили темные слухи о нелояльности Филата, а теперь измѣна была на лицо. Тою же ночью онъ велѣлъ его арестовать и привести, какъ полагалось по обычаю македонскихъ клановъ, на судъ солдатъ. Солдаты осудили Филата на смерть, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ, поименованныхъ Никомахомъ. Говорили, что передъ казнью его пытали въ надеждѣ вырвать признаніе, но онъ не выдалъ ни себя, ни другихъ. До сихъ поръ дѣло шло довольно сносно: хотя участіе Филата въ заговорѣ не было доказано, но онъ совершилъ преступленіе уже тѣмъ, что смолчалъ о донесеніи Цебалина. Но вотъ Александръ рѣшаетъ устранить и Парменіона. Послѣдній уже навѣрное ни въ чемъ не былъ повиненъ, а напротивъ, въ качествѣ стараго генерала, служившаго честно и вѣрно двумъ повелителямъ и, къ тому еще, потерявшаго на службѣ имъ двухъ своихъ сыновей, имѣлъ всякое право на довѣріе и состраданіе; вмѣсто этого Александръ шлетъ въ Экбатану, гдѣ тогда находился Парменіонъ, гонца съ инструкціями убить его, опасаясь его мести. Гонецъ мчится во весь опоръ, прибываетъ въ Экбатану ночью и вручаетъ инструкціи кому слѣдуетъ. На завтра утромъ онъ представляется маститому генералу во время прогулки и вручаетъ ему письмо Александра, полное завѣреній въ дружбѣ. Тотъ начинаетъ читать, но въ этотъ моментъ къ нему подкрадываются сады и наносятъ смертельный ударъ по черепу. Немедленно дали знать о случившемся гарнизону, и тѣло было предано землѣ, а голова отослана къ Александру.

Убийство стараго служака оказало тяжелое впечатлѣніе на всю армию, и число недовольныхъ стало такъ велико, что царь, спасаясь принимать крутыя мѣры, принужденъ былъ въ видахъ безопасности выдѣлать ихъ въ отдѣльный отрядъ. Гвардія же была разбита на двѣ части, и командованіе ими вручено лучшимъ царскимъ друзьямъ, Гестіону и Клиту.

Всю осень и зиму 330 г. Александръ провелъ въ покореніи Гедрозій (Велуджистана), Арахозій (Афганистана) и Паропамизадъ. Основавъ въ Аріи, Арахозіи и Паропамизадѣ три города его имени, нынѣшніе Гератъ, Кандагаръ и Кабуль (?), онъ въ февралѣ 329 г., среди снѣга, льда и безчисленныхъ пропастей, по

высотамъ въ 13 тыс. футовъ перешелъ исполинскій Гинду-Кушъ — предпріятіе, съ которымъ можетъ соперничать лишь Ганнибалово столѣтіемъ позже. Онъ находился теперь въ Бактріи и, подчинивъ ее въ два мѣсяца, перешелъ черезъ Оксъ (Аму-Дарью) въ Согдіану, гдѣ находился тогда Бессъ. Птоломей былъ посланъ впереди съ легкой кавалеріей и быстрымъ маршемъ настигъ сатрапа. Бактріецъ былъ закованъ въ цѣпи и въ этомъ унижительномъ видѣ былъ поставленъ у дороги, вдоль которой долженъ былъ прослѣдовать Александръ. Поровнявшись съ нимъ, послѣдній сурово спросилъ его, какъ онъ смѣлъ убить своего повелителя, и, получивъ уклончивый отвѣтъ, велѣлъ наказать его прутьями и обрѣзать ему носъ и уши. Говорятъ, что Бессъ подвергся мучительной казни: онъ былъ привязанъ за ноги къ двумъ сдвинутымъ вершинамъ деревьевъ и разорванъ по выпрямленію ихъ на части. Вѣрно ли это или нѣтъ, мы не знаемъ; но несомнѣнно все обращеніе съ Бессомъ отзывалось варварствомъ, чуждымъ греческому духу.

Столь же варварски Александръ поступилъ при взятіи въ слѣдующемъ году небольшого города въ Согдіанѣ, населеннаго Бранхидами. То были потомки малоазійскихъ грековъ изъ подъ Милета, которые, завѣдуя извѣстнымъ въ свое время храмомъ Аполлона, сдали всю его сокровищницу Ксерксу. Этимъ они навлекли на себя ненависть всего эллинскаго міра, и спасаясь отъ преслѣдованій соплеменниковъ, они всѣмъ селеніемъ удалились въ глубь Азіи, гдѣ персидскій монархъ далъ имъ небольшія земли въ Согдіанѣ. Съ теченіемъ времени они «оварварились», и теперь, при приближеніи греко-македонскихъ войскъ, вышли имъ на встрѣчу съ знаками покорности. Но Александръ, въ желаніи быть больше грекомъ, нежели греки сами, рѣшилъ жестоко наказать ихъ за измѣну предковъ ихъ 150 лѣтъ тому назадъ. Призвавъ солдатъ, вышедшихъ изъ Милета, онъ предоставилъ имъ опредѣлить казнь, какой подлежатъ преступные Бранхиды; но не получивъ отвѣта, онъ опредѣлилъ ее самъ. Беззащитный городъ былъ окруженъ войсками, и все населеніе, мирное и не сопротивлявшееся, было вырѣзано до одинаго. Священные рощи, окружавшія селеніе, были вырублены, стѣны сравнены съ землею и пѣвущая дотолѣ мѣстность превращена въ голую пустыню.

Въ томъ же 328 г. онъ овладѣлъ Маркандою (Самаркандомъ) и основалъ городъ Александрію (Ходжентъ) на берегахъ Яксарты (Сырь-Дарьи). Въ первой изъ нихъ происходитъ другая драма, жертвою которой является на этотъ разъ Клитъ. Подъ влияніемъ страшнаго нервнаго переутомленія Александръ сбѣлся въ выс-

шей степени раздражительнымъ и въ послѣднее время сталъ искать стимуловъ въ винѣ, охотно засиживаясь съ друзьями до поздней ночи. На одной изъ такихъ пооекъ въ Маркандѣ Александръ, подогрѣтый виномъ, сталъ вспоминать свои подвиги и удивляться своему генію и счастью; сидѣвшіе тутъ же гости въ одинъ голосъ вторили ему, превознося его до небесъ и сравнивая его съ Геракломъ. Между прочимъ, одинъ изъ полководцевъ затулилъ шутиливую пѣсенку, сложенную про македонскій отрядъ, отступившій въ недавней схваткѣ съ варварами. Честный Клитъ, бывшій однимъ изъ гостей, вышелъ изъ себя и рѣзко оборвалъ пѣвшаго, говоря, что солдаты, потерпѣвшіе неудачу, ничуть не хуже тѣхъ, которые проводить ночи въ царскихъ шатрахъ. На это Александръ колко замѣтилъ, что, вѣроятно, Клитъ хлопочетъ за себя, обзывая трусость неудачею. Клитъ почувствовалъ себя задѣтымъ. «А все таки», вскричалъ онъ, потрясая рукою: «эта трусость спасла тебя, сына Зевса, отъ меча Сперидата», и тутъ же изливая всю долго сдерживаемую досаду на хвостовство Александра, принялся перечислять его пороки и проступки, доказывая, чѣмъ онъ обязанъ генію своего отца и талантамъ своихъ полководцевъ. Александръ въ свою очередь разсвирѣпѣлъ: забывъ, что Клитъ спасъ ему жизнь и что его сестра кормила его своимъ молокомъ, онъ крикнулъ гвардіи схватить его и самъ бросился было за мечомъ; но гвардія не тронулась съ мѣста, а мечъ былъ спрятанъ предусмотрительными друзьями. Въ ярости Александръ готовъ былъ броситься на Клита и задуть его, но Пердикка, Птоломей и другіе схватили его за руки въ то время, какъ другіе насильно уводили бѣснующагося Клита. Послѣднему однако удалось вырваться и, подкочивъ къ царю, барахтавшемуся въ рукахъ друзей, кинуть ему двустипшіе Эврипида: «Такъ это твой обычай? Такъ этимъ путемъ награждаетъ Греція своихъ бойцовъ? Ужель одинъ человекъ будетъ требовать себѣ трофей, добытые тысячами?». Александръ бѣшено рванулся и, отбросивъ державшихъ его, схватилъ копье у близъ стоящаго часового и метнулъ въ Клита. Преступленіе свершилось, и несчастный царь, блуждая помутѣвшимъ взоромъ, увидѣлъ у своихъ ногъ облитое кровью тѣло своего любимаго друга. Въ ту же минуту онъ опомнился: среди гробовой тишины раздался его пронзительный вопль, и онъ тяжело упалъ на тѣло Клита, покрывая его поцѣлуями и зовя его по имени. Но напрасно: Клитъ лежалъ бездыханный, и Александръ, вырвавъ копье изъ раны, хотѣлъ тутъ же пронзить и себя. Къ счастью, его удержали, и, шатаясь подъ тяжестью горя, онъ упалъ въ свою спальню и легъ на кровать.

продолжая рыдать и звать любимаго сподвижника. Три дня пролежалъ онъ такимъ образомъ, не принимая пищи и отказываясь кого бы то ни было видѣть; только на четвертый день друзьямъ удалось проникнуть къ нему и мольбами, упреками успокоить его. Спустя 10 дней Александръ вышелъ изъ палатки и приказалъ торжественно похоронить Клита.

Всю зиму 328 г. онъ провелъ въ Согдианѣ. При взятіи одной изъ крѣпостей ему попалась вся семья мѣстнаго князя Оксартана, между прочимъ, красавица дочь его Роксана. Молодой царь плѣнился ея красотой и, отвезши ее въ Бактрію, въ слѣдующемъ же году пышно отпраздновалъ свою свадьбу съ нею. 16 вѣковъ спустя, когда Марко Поло проѣзжалъ по этой мѣстности, онъ во всѣхъ преданіяхъ и пѣсняхъ находилъ намеки на это событіе: большинство тамошнихъ князей считали себя даже отпрысками этого союза и любили давать своимъ дѣтямъ имя Искандера (ориентализованный Александръ). Такъ долго жило эхо свадебныхъ пиршествъ въ горахъ средней Азій!

Къ сожалѣнію, эти пиршества омрачились трагедіей, уже третьей по счету. Среди многочисленныхъ философовъ и ученыхъ, сопровождавшихъ Александра въ его походахъ, двое пользовались его особенною дружбою. Анаксархъ и Каллисоевъ, племянникъ Аристотеля. Первый изъ нихъ, наглый и льстивый, вздумалъ по случаю свадьбы возвести Александра, по восточному обычаю, въ божество, для чего и условился съ нѣкоторыми персами и мидянами предложить, въ видѣ пробнаго шара, введеніе церемоніала паденія передъ царемъ ницъ. Александра позондировали и нашли весьма благосклонно расположеннымъ къ затѣѣ. И вотъ, на пиру, когда вино уже порядкомъ разогрѣло всѣмъ головы, Анаксархъ встаетъ и произноситъ длинную и искусную рѣчь, въ которой восхваляетъ дѣянія царя, объявляетъ ихъ превышающими все, доселѣ достигнутое сынами человеческими, напоминаетъ объ оракулѣ Зевса Аммона и рекомендуетъ оказать ему божескія почести. Персы и мидяне разразились шумными аплодисментами, но македонскіе и греческіе гости хранили угрюмое молчаніе, не смѣя противорѣчить, но и не желая одобрить. Тогда поднялся со своего мѣста Каллисоевъ и выразилъ отъ имени своего и своихъ друзей протестъ противъ этого вельбнаго предложенія. Ему отвѣтомъ были рукоплесканія македонянъ и грековъ, но Александръ молчалъ, тая злобу. Когда подъ конецъ вечера царь и его гости стали обмѣниваться лобзаваніями, Каллисоевъ одинъ не получилъ поцѣлуя и долженъ былъ уйти безъ привѣтствія. Философъ тогда шутиливо замѣтилъ, что онъ въ смѣ-

ности ничего не потерялъ, кромѣ поцѣлуя, но онъ ошибался: онъ потерялъ милости своего владыки и вскорѣ жестоко поплатился.

У него былъ другъ и ученикъ Гермолай, молодой пажъ царя. Сопровождая однажды Александра на охоту и вилля несущагося на нихъ вешря, Гермолай бросилъ въ животное копые и убилъ его. Царь разсердился: пажъ отнял у него добычу, и за это былъ наказанъ прутьями и лишенъ коня. Гермолай поклялся отомстить и вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами составилъ заговоръ съ цѣлью убить царя. Объ этомъ однако узнали, и молодые заговорщики были арестованы и казнены. Передъ смертью ихъ пытали, но они никого не выдали. чтѣ не помышало Александру впутать и Каллисена. обвиняя его въ подстрекательствѣ. Дѣло ничѣмъ не было доказано, но Каллисенъ былъ подвергнутъ пыткамъ, а потомъ казненъ къ всеобщему негодованію старыхъ македонянъ.

Пробывъ два года въ Согдіанѣ и Бактріи, Александръ въ апрѣлѣ 326 г. переходитъ Индъ и, покоривъ тамошнее княжество Таксилу, подступаетъ къ первой изъ рѣкъ Пенджаба—Идаспу (Джеземъ). По ту сторону стоялъ, поджидая его, знаменитый Поръ, князь индійскій, имѣвшій въ своемъ распоряженіи прекрасно вооруженную армию съ цѣлымъ отрядомъ дрессированныхъ слоновъ. Это былъ самый сильный врагъ, съ какимъ когда либо Александру приходилось имѣть дѣло, и побѣда, одержанная здѣсь въ юнѣ, дѣлаетъ честь его гению больше, нежели всѣ предыдущія. Рядомъ съ дѣланыхъ и столь же смѣло выполненныхъ маневровъ ему удалось обмануть бдительнаго Пору и переправиться черезъ рѣку съ частью фаланги и конницы. Разсѣявъ встрѣчный отрядъ въ 2000 человекъ, онъ искусной диверсіей заставилъ Пору открыть всю свою первую линію для атаки фаланги, послѣ чего ему было не трудно опрокинуть раньше центръ, а потомъ и оба крыла. Почти двѣ трети индусской арміи легло на полѣ сраженія; остальные же, раненные и обжавшіе, попали въ плѣнъ, и въ томъ числѣ самъ Поръ. При веденный въ дѣлахъ къ побѣдителю, онъ держался однако гордо и независимо, и на вопросъ, какъ съ нимъ обращаться, отвѣтилъ съ достоинствомъ: «какъ съ царемъ». Александръ сразу оцѣнилъ этого человѣка: возвративъ ему всѣ его владѣнія, онъ заключилъ съ нимъ дружбу и союзъ на вѣчныя времена.

Дебютъ въ Индіи былъ такимъ образомъ весьма удаченъ, и торжественно отпраздновавъ побѣду, царь двинулся дальше на востокъ. Предварительно однако онъ приказалъ заложить два города: одинъ—Никею, на восточномъ берегу Идаспа, въ честь побѣды, а другой—Буцефалію, на западномъ, на память о любимомъ конѣ,

который палъ въ этомъ мѣстѣ. Назидательные историки старательно отмѣчаютъ фактъ, что знаменитому коню было тогда 30 лѣтъ—ровно столько, сколько его господину. Александръ побѣдоносно прошелъ всю мѣстность вплоть до второй рѣки Пенджаба, переправился черезъ нее по плоту изъ лодокъ и набитыхъ соломою шкуръ, столь же безпрепятственно перешелъ третью и, разрушивъ столицу тамошняго княжества Саугалу, подступилъ къ четвертой рѣкѣ Гифазису. По ту сторону лежала большая безводная пустыня въ 10-ть или 12-ть дней пути, а за нею, у желтыхъ водъ священнаго Гавгеса, обитало племя Гавдоридовъ, самое многочисленное во всей Индіи. Разказы о чудесахъ и сокровищахъ этой невѣдомой страны давно уже наполняли воображеніе Александра обольстительными картинками, и теперь, стоя на берегу Гифазиса, онъ могъ съ волненіемъ грезить о томъ, какъ онъ проникнетъ въ этотъ край, куда доселѣ не ступала нога европейца, и удостовѣрится своими глазами въ справедливости слуховъ. Но каково было его разочарованіе, когда на приказаніе наводить мосты, солдаты отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ! Они прошли безчисленныя страны; они видели края, не посѣщенные даже Геркулесомъ и Діонисіемъ; они одержали множество побѣдъ и овладѣли несметными богатствами. Ужели имъ надо еще углубляться въ мѣста, про которыя никто не знаетъ, гдѣ они и что они? Не лучше ли вернуться домой и наслаждаться плодами своихъ многолѣтнихъ трудовъ? Вѣдь, многие, что съ ними вышли изъ дому, погибли отъ голода, холода, болѣзней и меча, не вкусивъ никакихъ радостей: ужели и имъ, состарѣвшимся въ бояхъ, предстоитъ никогда не увидѣть своей родины и своихъ близкихъ—отцовъ, матерей, женъ и дѣтей? Нѣтъ, пора возвращаться: пусть Александръ отведетъ ихъ назадъ въ Македонію и тогда пускай предпринимаетъ, если захочетъ, новыя экспедиціи съ новыми людьми. Съ нихъ довольно: «умѣренность въ успѣхѣхъ—лучшая добродѣтель».

Александръ былъ внѣ себя отъ боли и негодованія: но какъ онъ ни старался, какъ ни упрекалъ, молил и угрожалъ, солдаты оставались непреклонными. Послѣ двухдневной борьбы ему пришлось уступить: воздвигнувъ на берегахъ Гифазиса 12 колоссальныхъ алтарей для обозначенія крайняго предѣла своихъ завоеваний, онъ далъ рядъ военныхъ празднествъ и осенью 326 г. вернулся назадъ къ Идаспу. Это было его первое поражение и потому отъ руки собственныхъ солдатъ,—и, затаявъ мечь, онъ поклялся добиться своего безъ ихъ помощи.

Вмѣсто того, чтобы пойти обратно тою же дорогою, какую пришедъ, онъ рѣшилъ возвращаться южнымъ побережьемъ Азіи и за-

разъ, въ видахъ будущей экспедиціи, изслѣдовать морской путь отъ Инда до Евфрата: въ случаѣ годности его онъ думалъ перевести войска прямо къ тому мѣсту, гдѣ ему пришлось отступить, и возобновить завоеванія съ того пункта, на которомъ онъ остановился. Съ этой цѣлью онъ выстроилъ флотъ въ 2000 кораблей и, помѣстивъ его подъ начальство Нearcha, самъ поплылъ съ нимъ къ устью Инда въ то время, какъ армія слѣдовала вдоль обонхъ береговъ. Путешествіе длилось 9 мѣсяцевъ, вплоть до іюня 325 г., прерываясь частыми экспедиціями въ прилежащія мѣстности. Въ одной изъ нихъ онъ едва не погибъ жертвой своей безразсудной смѣлости. Жители города Малловъ заперлись въ своей цитадели и ни за что не хотѣли сдаться. Александръ рѣшился на приступъ и, не дожидаясь, пока принесутъ всѣ лѣстницы, схватилъ одну изъ нихъ, приставилъ къ стѣнѣ и подъ градомъ стрѣлъ взобрался на стѣны. За нимъ поспѣшили двое изъ его тѣлохранителей и солдатъ Абреасъ, и всѣ вчетверомъ принялись очищать стѣны отъ непріятеля. Стоявшіе внизу солдаты молили его спрыгнуть обратно имъ на руки; но онъ, крикнувъ, чтобы всѣ, любящіе его, слѣдовали за нимъ, соскочилъ вмѣстѣ съ товарищами въ самую цитадель. Въ мигъ масса индусовъ лежала убитыми и ранеными, но Абреасъ палъ, пронзенный стрѣлою, и самъ Александръ получилъ тяжелую рану въ грудь. Онъ еще продолжалъ драться, пока хватало силъ; но истощеніе взяло свое, и онъ упалъ замертво. Вѣроятно, онъ тутъ бы и погибъ, если бы въ этотъ моментъ не ворвалась оставшая армія и не отбила его. За это, конечно, Маллы были разгромлены до тла, но и Александръ чуть не умеръ отъ раны. Къ счастью, онъ выздоровѣлъ, и тотъ день, когда онъ впервые могъ выйти къ арміи, былъ свидѣтелемъ необычайнаго зрѣлища: горы и доли дрожали отъ рукоплесканій и криковъ ликующихъ солдатъ. Со слезами радости они обступали своего вождя со всѣхъ сторонъ, цѣловали ему руки, ноги, платье, закидывали цвѣтами и всячески выражали свою безграничную преданность и любовь. Онъ былъ тронутъ и, щедро наградивъ армію, онъ нѣкоторое время провелъ въ отдыхѣ и празднествахъ. Но вскорѣ онъ опять принялся за прерванное путешествіе. Онъ доплылъ съ флотомъ до того мѣста, гдѣ Индъ развѣтвляется на два рукава, и, изслѣдовавъ ихъ во всемъ теченіи, велѣлъ Нearchу плыть дальше по Персидскому заливу до Тигра. Самъ же со своей арміей онъ пошелъ сушею, дабы подробно изучить мѣстность. Онъ прошелъ страну Арабитовъ и Ористовъ и углубился въ пустыню Гедрозіи (Белуджистанскій Мекранъ), самую большую и страшную, какую онъ когда либо проходилъ. Но раска-

ленному песку, страдая отъ зноя, голода, жажды и жгучихъ вѣтровъ, онъ шелъ съ арміей втеченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, оставляя за собою каждый день множество труповъ. Три четверти войска и скога погибли въ этомъ ужасномъ маршѣ, и только горсть, истощенная и полубезумная, достигла какимъ-то чудомъ Пуръ, главного города сатрапіи. Говорятъ, что двое солдатъ, нашедши однажды небольшую лужу, зачерпнули изъ нея въ свои шлемы и принесли Александру испить; но онъ отказался отъ такого подарка и, выливъ воду на песокъ, сказалъ, что онъ предпочитаетъ терпѣть жажду наравнѣ съ остальными. Это поддержало бодрость солдатъ и успокоило ихъ строптивость.

Слѣдующую сатрапію Карманію—последнюю, не доходя Персиды—онъ, на память о томъ, что ее нѣкогда проходилъ богъ Діонисій на пути изъ Индіи, приказалъ пробѣжать вакхическимъ кругомъ среди вина, веселья и общаго разгула, и самъ, увѣчавъ шлемъ и съ тирсомъ въ рукѣ, ѣздивъ впереди войска. На границѣ онъ отрядилъ Гестіона съ частью арміи прослѣдовать въ Персиду вдоль морского берега, а самъ съ остальнымъ направился туда кратчайшимъ путемъ черезъ горы. Онъ прибылъ въ Персеполь въ концѣ января 324 г., а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ торжественно вступилъ въ Сузу, послѣ шестилѣтняго отсутствія на востокѣ.

Александръ завершилъ предпріятіе, ради котораго онъ оставилъ Европу въ 334 г. Высадившись на берегъ Геллеспонта съ горстью людей и ничтожной казною, онъ въ 10 лѣтъ покорилъ весь извѣстный тогда міръ, и теперь, возсѣвъ на древній престолъ «великихъ царей», могъ смѣло утверждать, что то, что онъ совершилъ, не удалось совершить ни одному человѣческому существу до него. Кругомъ, на необъятномъ пространствѣ, не было племени или страны, которыя не были бы ему подвластны, и, оставшись свободнымъ отъ походовъ—впервые съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ сознавать себя мужемъ,—онъ могъ заняться работою по консолидаціи своихъ колоссальныхъ владѣній. А эта задача была не изъ легкихъ: властелинъ четырехъ міровъ—эллинскаго, египетскаго, семитическаго и собственно персидскаго, ему предстояло слить всѣ эти разнородные элементы въ одно единое цѣлое, проникнутое и связанное общей культурой и общей духовной жизнью. Безъ этого его монархія представляла-бы неустойчивое, лишь внѣшнимъ образомъ сколоченное строеніе, осужденное на участь, подобную той, какая постигла монархію Дарія. Александръ видѣлъ эту задачу созданія новой націи съ рѣдкою отчетливостью, но принявшись за разрѣшеніе ея, страшно обчелся въ методѣ и средствахъ.

Вмѣсто того, чтобъ производить амальгаму, принявъ за базисъ высшую культуру, вмѣсто того, чтобъ положить въ ея основу эллинизмъ и стараться поднять низшіе народы на тотъ уровень, на которомъ стояли греки въ ихъ общественной и духовной жизни, онъ отчасти изъ желанія примирить съ собою персовъ, а больше всего въ силу развившихся въ немъ симпатій къ ориентализму, сдѣлалъ базисомъ сліянія персидскую культуру, стараясь подогнать подъ нее всѣ остальные. Онъ первый далъ примѣръ «новаго курса», устроивъ въ Сузѣ пышный дворъ съ азіатскимъ этикетомъ и церемоналомъ. Онъ снялъ съ себя простую одежду грековъ, равную для царя и послѣдняго водоноса, и облачился въ пышное одѣяніе персидскихъ царей, обшитое пурпуромъ и драгоценными камнями. Для вящаго самоотожествленія съ сынами солнца онъ даже рѣшилъ завести многоженство, столь несвойственное греческому міру, и къ своей первой жевѣ Роксанѣ прибавилъ двухъ другихъ, дочерей Дарія и Артаксеркса III. Онъ сталъ требовать того же и отъ своихъ подданныхъ и, для поощренія междубрачія, щедро одарилъ 80 своихъ полководцевъ, женившихся на знатныхъ персіанкахъ. Онъ изъ своихъ частныхъ средствъ далъ приданое 10 тыс. персидскихъ дѣвухекъ, вышедшихъ замужъ за македонянъ, и мужьямъ ихъ далъ отличныя мѣста по администраціи и военному вѣдомству. Наконецъ, въ іюнѣ 324 г. онъ послалъ въ Грецію приказъ причислить его къ сонму небожителей и честить его, какъ бога, алтарями и жертвоприношеніями.

Но эти реформы сопровождались другими, еще болѣе важными, въ другомъ направленіи. Состоя первоначально изъ 35 тысячъ челоѣкъ, главнымъ образомъ македонянъ и грековъ, армія Александра съ теченіемъ времени возрасла до 130 тысячъ, набранныхъ изъ разныхъ мѣстностей Азіи. Какъ это всегда дѣлалось въ древности, представители каждой народности въ ихъ національномъ костюмѣ и вооруженіи составляли отдѣльные корпуса, занимавшіе и въ боевомъ строю и въ лагеряхъ особыя мѣста, и игравшіе второстепенную роль вспомогательныхъ отрядовъ. Ядромъ же арміи—войскомъ *par excellence*—продолжали состоять македоняне и греки, которые, скорѣе въ качествѣ сподвижниковъ царя, нежели его подданныхъ, ревниво оберегали свое положеніе и привилегіи отъ посягательства на нихъ азіатовъ. Но вотъ уже послѣ Гавгамельской битвы Александръ сталъ замѣчать нѣкоторую переѣбну въ отношеніяхъ къ нему солдатъ и полководцевъ: проникнутые чувствомъ равенства и независимости, они стали обнаруживать явные признаки нежеланія слѣдовать за нимъ въ его завоевательныхъ

стремленіяхъ, а при Гифазисѣ даже заставили его остановиться. Александръ увидѣлъ, что съ такимъ матеріаломъ ему не удастся довершить то, что онъ такъ блистательно началъ: ему нужны для этого безличныя рабы, которые были бы привязаны къ его особѣ и не знали бы ничего на свѣтѣ, кромѣ его воли. Оттого въ бытность еще въ Индіи онъ разослалъ въ отдаленныя провинціи приказы набрать для его лейбъ-гвардіи 30 тысячъ знатнѣйшихъ юношей и обучить ихъ македонской тактикѣ; а теперь въ Сузѣ онъ принялся раздавать высшіе военные посты персидскимъ офицерамъ и заполнять ряды выходцами изъ Азіи. Раньше конница, а затѣмъ самая фаланга наполнялась персами и мидянами, и всѣ прежніе барьеры рухнули, низведши греко-македонянъ на ступень простыхъ ничѣмъ отъ другихъ не отличающихся солдатъ.

Это вызвало страшное озлобленіе среди старыхъ сотоварищей Александра, и въ іюлѣ 324 г. въ городкѣ Описѣ вспыхнулъ сильный мятежъ. Это случилось по поводу прибытія вышеупомянутыхъ 30 тыс. юношей, многозначительно названныхъ Александромъ эпигонами—преемниками,—и рѣшенія его отослать домой часть македонянъ, неспособныхъ уже дальше нести службу. Лишь только солдаты объ этомъ узнали, какъ они подняли въ одинъ голосъ протестъ и, схвативъ оружіе, потребовали, чтобъ царь либо измѣнилъ рѣшеніе, либо расчиталъ ихъ всѣхъ. Они честно и вѣрно служили ему 10 лѣтъ, они проливали за него свою кровь и покорили для него весь міръ—и теперь онъ думаетъ бросить ихъ, какъ ненужное тряпье, и замѣнить ихъ варварами? Александръ былъ взбѣшенъ: соскочивъ съ возвышенія, съ котораго говорилъ, онъ бросился въ возбужденную толпу солдатъ и, схвативъ 13 изъ нихъ, приказалъ казнить ихъ тутъ же, какъ зачинщиковъ. Толпа присмирѣла, и Александръ, вернувшись къ своему мѣсту, произнесъ рѣчь, гнѣвную и страстную, полную упрековъ и сдержанной скорби. Онъ перечислил все, чѣмъ они обязаны Филиппу и ему самому, и, крикнувъ имъ: «Уходите!» повернулся и ушелъ къ себѣ. По лагерю распространилось уныніе: вздыхая и плача, солдаты терпѣли два дня, но на третій покорились и пошли просить прощенія. Подслупивъ къ его дому, они побросали оружіе и со стенами и слезами стали молить о пощадѣ. Александръ смягчился и, вышедъ къ нимъ изъ покоевъ, самъ заплакалъ и обѣщалъ забыть ихъ вину.

Мѣсть за Гифазисъ была полная, и 10 тысячъ старыхъ ветерановъ были отобраны и отосланы съ щедрыми дарами въ Македонію. Сомнительно однако, чтобъ они успѣли вернуться домой при жизни Александра, такъ какъ черезъ 10 мѣсяцевъ его уже не стало.

Онъ былъ занятъ въ это время проектомъ одновременнаго нашествия на Аравію и съ суши, и съ моря, и съ этой цѣлью приказалъ финикианамъ построить большой флотъ, а самъ удалился въ Экбатану для приготовления обозовъ и военныхъ матеріаловъ. Здѣсь во время празднествъ онъ лишается друга дѣтства Гефестіона, заболѣвшаго нѣсколько дней тому назадъ лихорадкою. Случилось это такъ неожиданно, что Александръ получилъ эту вѣсть въ театрѣ: онъ поспѣшно поднялся и побѣжалъ, но не засталъ уже друга въ живыхъ. Съ крикомъ упалъ онъ у постели покойнаго и долго рыдалъ, не будучи въ силахъ оторвать взоръ отъ любимаго лица. Его едва могли уговорить отойти, но еще цѣлыхъ два дня онъ отказывался отъ пищи и не хотѣлъ никого видѣть. Онъ обрилъ себя, по восточному обычаю, голову, приостановилъ празднества, казнилъ врача, лечившаго Гефестіона, и велѣлъ ассигновать 10 тыс. талантовъ на сооруженіе погребальнаго костра. Онъ послалъ гонца просить у оракула Аммона позволенія воздать умершему апофеозъ полубога и поручилъ Пердиккѣ во главѣ торжественнаго кортежа отвезти тѣло въ Вавилонъ. Самъ же со всѣмъ дворомъ и арміею онъ оставался въ Экбатанѣ до конца зимы, стараясь заглушить сердечныя муки въ попойкахъ и военныхъ экспедиціяхъ. Наконецъ, весной 323 г. онъ медленно двинулся въ Вавилонъ. По дорогѣ ему представлялись посольства изъ близкихъ и дальнихъ сторонъ, пришедшія засвидѣтельствовать свою покорность и удивленіе. То были пришельцы изъ Ливіи, Карфагена, Сициліи, Сардиніи, Иллиріи, Фракіи, Эѳіопіи, Скиѳіи, Галліи и даже, говорятъ, изъ Рима. Всѣ они пришли съ богатыми дарами, а греки, увѣнчанные цвѣтами и въ бѣлой одеждѣ, поднесли ему золотой вѣнокъ, какъ божеству.

Александръ вступилъ въ Вавилонъ, не смотря на предостереженіе халдейскихъ маговъ, видѣвшихъ дурныя предзнаменованія. Онъ засталъ тамъ уже готовый флотъ и, давъ ему приказъ отплыть въ Аравію, рѣшилъ остаться до окончанія похоронъ Гефестіона съ тѣмъ, чтобы потомъ самому выступить въ походъ. Но судьба рѣшила иначе: не успѣли умолкнуть отголоски торжественныхъ празднествъ, не успѣлъ еще истлѣть съ золою Гефестіона гигантскій, пропитанный драгоцѣнными благоуханіями костеръ, какъ Александръ схватилъ простуду и, слегши въ постель, черезъ 5 дней скончался. Онъ долго не вѣрилъ въ свою близкую кончину, стараясь выполнять свои обычныя обязанности и отдавая послѣдніе передъ выступленіемъ приказы своимъ полководцамъ; но на четвертый день онъ понялъ, что все кончено и что о походахъ ему

уже больше не мечтать. Тихо, со слезами на глазахъ простоявъ съ солдатами, дефилировавшими съ плачемъ мимо его кроватки, передавъ перстень Пердиккѣ, смежилъ глаза на вѣки. Онъ жилъ 32 г. и 2 мѣс. и процарствовалъ 12 лѣтъ и 2 мѣс., ожививъ престолъ, какъ онъ самъ заявилъ, достойнѣйшему.

Тому, кто не находилъ себя мѣста при жизни, не суждено было долго найти себя мѣсто и послѣ смерти. Въ подымавшейся вокругъ его овра свалкѣ изъ-за наслѣдства о немъ совершенно забыли; наконецъ, Аридій, его сводный братъ, вспомнилъ о плаченномъ еще послѣднемъ долгѣ и рѣшилъ отплатить тѣло Зевсу Аммону въ великолѣпной, неслыханной по своей роскоши лесницѣ. Эта послѣдняя однако простояла въ Вавилонѣ цѣль два года, пока Пердикка, направляясь въ Египетъ противъ Птолемея, не взяла ея съ собою. Какъ извѣстно, Пердикка былъ битъ и погибъ, и Птоломеемъ отвезъ останки своего бывшего владѣльца и друга въ Мемфисъ, а оттуда, черезъ нѣкоторое время въ Александрію. Въ этомъ городѣ, созданіи рукъ Александра, наконецъ, нашли покой: заключенные въ могучій мѣдный гробъ они оставались тамъ вплоть до 3-го в. по Р. Хр., послѣ чего исчезаетъ даже слѣдъ ихъ.

Но не исчезъ вмѣстѣ съ ними самый образъ Александра. Необычайною силою отпечатлѣвшись въ памяти людей, онъ даже еще продолжалъ жить въ воображеніи изумленнаго человѣчества какъ центръ безчисленныхъ анекдотовъ и сказаній, умножавшихъ и разроставшихся вплоть до позднихъ вѣковъ нашей исторіи. одна личность древняго или новаго времени не сверкнула такъ яркимъ метеоромъ, какъ Александръ, и ужъ, навѣрное, ни одна не сдѣлалась такимъ любимымъ героемъ во всемирной литературѣ, какъ онъ. Мы имѣемъ легенды о немъ, въ сущности, на всѣхъ языкахъ Востока и Запада, но за колыбель ихъ мы должны признать Египетъ. Тамъ, въ неизвѣстную намъ эпоху, — во всякомъ случаѣ весьма раннюю — появился романъ на тему о приключеніяхъ Александра, который приписывался Каллисѣну, столь безвременно погибшему въ пустыняхъ Азіи. Обработанный Юліемъ Валеріемъ IV в. и архипресвитеромъ Львомъ въ X., этотъ романъ былъ переведенъ въ французскую литературу Альберикомъ Безансонскимъ въ серединѣ XII в. и вскорѣ затѣмъ въ нѣмецкую Лампрехтомъ. Наилучшая однако редакція была сдѣлана въ концѣ того же XII в. Ламбертомъ Турскимъ и Александромъ де-Бернуа: написанная 12-ти стопными стихами, навсегда получившими названіе «Александрійскихъ», она по тонкости вымысла и силѣ выраженій о

лась образчикомъ для всевозможныхъ вариантовъ и переводовъ, которыми наполнился народный эпосъ европейскихъ странъ. Романъ Александра проникъ въ Англію, Швецію, Испанію, Италію, Сербію, Болгарію, Богемію, Польшу, а черезъ Византію и въ Россію, гдѣ въ 1861 г. Общество Любителей Древней Письменности издало подъ заглавіемъ «Александрія» факсимиле древней рукописи изъ бібліотеки кн. П. И. Вяземскаго. Одновременно же романъ распространился и на востокъ въ версіяхъ персидской, арабской, еврейской, сирійской, эіопской, коптской, малайской, сіамской и др. Первая изъ нихъ, изъ подъ пера великаго Фирдуси, внесшаго дѣянія Искандера въ свою знаменитую поэму «Шахнаме», является, безъ сомнѣнія, наиболѣе художественною, а вторая, написанная Масуди, замѣчательна тѣмъ, что въ ней Александръ отождествляется съ Зуль Гарнаимомъ (или Дулкарнаимомъ), который фигурируетъ въ Коранѣ въ качествѣ пророка, построившаго желѣзную стѣну между Гогомъ и Магогомъ.

Передавать содержаніе этого романа намъ невозможно: отсылая читателя къ классическому сочиненію П. Мейера, мы можемъ лишь упомянуть, что по египетской версіи Александръ является сыномъ не Филиппа, а египетскаго царя Некталеба, который, будучи низверженъ съ престола, проникъ въ Македонію подъ видомъ астролога и влюбилъ въ себя Олимпіаду. Александръ, плодъ этого союза, беретъ не только Фивы, но и Аѳины и Римъ, послѣ чего странствуетъ по міру, подвергаясь всевозможнымъ приключеніямъ: огромные муравьи нападаютъ на его войско, онъ встрѣчаетъ шестирукихъ и шестиногихъ людей, видитъ рыбъ съ свѣтящимся камнемъ въ желудкѣ и т. д. Онъ умираетъ отъ отравы и передъ смертію является вѣрный Буцефалъ, оплакиваетъ его и убиваетъ раба, поднесшаго ядъ.

Все это не имѣло бы прямого отношенія къ нашему очерку, еслибы эти легенды не служили разительнымъ доказательствомъ впечатлѣнія, которое личность и карьера Александра оказали на умы человѣчества. Красавецъ съ влажно-свѣтящимся взоромъ и лицомъ, озареннымъ страстью и вдохновеніемъ, онъ магнетизировалъ своимъ неукротимымъ пыломъ, своей огромной душою, неисчерпаемою, подобно морю, въ своихъ движеніяхъ, своей вѣчной порывистостью, одинаково направленною на добро и зло, любовь и ненависть, нѣжность и месть. Его сердце, страшное въ бою и безжалостное въ наказаніи, было до болѣзненности чутко: оно способно было на рѣдкое великодушіе и безпощадное самобичеваніе, которыя, казалось, испуляли его преступленія и мирилы съ нимъ людей. Вся его натура была проникнута и горѣла неудержимымъ

огнемъ: она то жгла, то согрѣвала, то уничтожала, то оживляла. И его умственные силы были совершенно подѣ-стать душевнымъ его мозгомъ, словно поле подѣ интенсивною культурою, никогда не переставала работать, и его воображеніе, необъятное въ своей ширинѣ и энергіи, никогда не переставало выбрасывать идеи, одна другой грандіознѣе и ярче. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ замѣчательнымъ практическимъ чутьемъ, и какъ бы онъ ни уносился своими проектами въ высъ, какъ бы онъ, пораженный неподобною красотою ихъ узоровъ, ни поддавался подѣ ихъ вліяніе, онъ никогда не терялъ чувства мѣры и никогда не отрывался отъ земной дѣйствительности. Оттого всѣ его концепціи, не смотря на ихъ смѣлыя размахъ, неизмѣнно оставались осуществимыми: подобно высокому радугѣ, онъ обоими концами упирался въ землю, касаясь и въ отправной, и въ конечной точкѣ твердой почвы. Прибавимъ къ этому необычайный организаторскій и комбинирующий талантъ соединенный съ не знающей препятствій рѣшимостью при выполненіи, и мы получимъ портретъ человѣка, какихъ исторія насчитываетъ не много. Естественно возникаетъ вопросъ, на что пошла всѣ эти громадныя силы, и отвѣтъ можетъ быть лишь одинъ: подобно другимъ своимъ гениальнымъ собратьямъ по мечу, Александръ въ общей суммѣ силъ, управляющихъ поступательнымъ движеніемъ человѣчества, былъ крупною отрицательной величиною. Вся его дѣятельность была лишь однимъ сплошнымъ разгромомъ городовъ, опустошеніемъ полей, избіеніемъ человѣческихъ существъ и разрушеніемъ вѣковыхъ цивилизацій. Его побѣдоносное шествіе декорировалось потоками крови, рабствомъ, голодомъ и морями слезъ, и его триумфальныя празднества оглашались воплями, стонами и проклятіями милліоновъ жертвъ. По пѣлой части свѣта распространились мракъ и ужасъ, и приближеніе человѣчества къ своему конечному счастью было отодвинуто на много десятковъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе завоевательной карьерѣ Александра мы обязаны однимъ весьма крупнымъ положительнымъ результатомъ: она сблизила долотѣмъ незнакомые другъ съ другомъ Востокъ и Западъ и подвела первый подѣ кругъ вліянія второго. Плодомъ этого сближенія было то своеобразное міросозерцаніе, которое извѣстно въ исторіи подѣ именемъ эллинизма: получивъ распространеніе въ по-Аристотелевскій періодъ, оно подѣ конецъ языческой эры покорило римскій міръ и нашло себѣ выраженіе въ пѣломъ рядѣ философскихъ и религиозныхъ системъ, оказавъ могучее вліяніе даже на христіанство. Сами апостолъ Павелъ и евангелистъ Іоаннъ исполнились изъ этого источника, и черезъ нихъ эллинизмъ напечатлѣлся на всю

позднѣйшую европейскую мысль. Ставить все это въ заслугу македонскому завоевателю, какъ нѣкоторые историки дѣлаютъ, было бы ничѣмъ не оправдываемою смѣлостью: историческій опытъ научилъ насъ, что культурныя миссиіи менѣе всего по плечу военнымъ гениямъ, а жизнь Александра не даетъ намъ никакого права думать, чтобъ онъ былъ исключеніемъ. Мы должны скорѣе смотрѣть на него, какъ на одно изъ самыхъ неуклюжихъ орудій, которыми когда-либо пользовался историческій процессъ для достиженія своихъ цѣлей: сдѣлать его бѣльшимъ, значило бы приписать его сознательной волѣ то, что случилось вопреки ея.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Юлій Цезарь.

Мѣсто Цезаря въ римской исторіи. — Происхожденіе и семья. — Образование. — Демократическія симпатіи и столкновеніе съ Суллою. — Нравственные и умственные качества. — Пребываніе на Востокахъ. — Выступленіе въ судебныхъ процессахъ. — Поездка въ Родосъ и плѣнь у пиратовъ. — Участіе въ Митридатской войнѣ. — Дружба съ Помпеемъ. — Панегирикъ Марію. — Квестура въ Испани. — Захватываніе Анніевой дорогой. — Предложеніе Габинія и Манлія. — Судимость. — Реабилитация Марія. — Аграрный проектъ Рулла. — Процессъ на Катилла. — Предложеніе Метелла. — Стичка съ сенатомъ. — Процессъ Клодія. — Пропреторство въ Испаніи. — Консульство и триумфировать. — Публикованіе сенатскихъ бюллетеней. — Аграрный законъ. — Союзъ съ всадниками. — Назначеніе проконсуломъ Галлій. — Неудачныя нападенія на Цезаря и отношеніе его къ Циперону.

Исторія древняго міра не знаетъ переворота болѣе глубокаго и всезахватывающаго, нежели тотъ, который пережила Италія за послѣдніе два съ половиною вѣка до Р. Хр., со времени 2-ой Пунической войны. Подъ двойнымъ давленіемъ безчисленныхъ войнъ, подолгу отрывавшихъ крестьянина отъ сохи, и вновь введеннаго орудія производства — раба, требовавшаго, въ силу своей непродуктивности, крупной системы хозяйства, мелкая собственность стала разлагаться и исчезать, уступая мѣсто широкому плантаціонному землевладѣнію, неслыханному по своимъ размѣрамъ вплоть до нашихъ дней. Итало-римское населеніе, дотошъ однородное, разслоилось въ силу этого на два класса: неимущихъ пролетаріевъ и богатыхъ латифундистовъ, и прежнія государственно-правовыя понятія и отношенія подверглись коренному измѣненію. Въ то время, какъ для однихъ, ничтожной горсти въ двѣ-три тысячи человекъ, государство фактически превратилось въ ихъ частную собственность, для другихъ, составлявшихъ подавляющее большинство, оно потеряло свой прежній реальный смыслъ и значеніе: лишившись своего надѣла, они тѣмъ самымъ лишились и того своего пая въ національномъ имуществѣ, именуемомъ республикою (respublica такъ буквально и означаетъ: общее имущество), которыми опредѣлялись ихъ гражданскія права какъ въ объектѣ, такъ и въ содержаніи. Что, въ самомъ дѣлѣ, въ томъ, что онъ,

пролетарій, имѣть возможность участвовать въ государственномъ правленіи—въ выборѣ и контролѣ должностныхъ лицъ, въ утвержденіи бюджета, въ проведеніи законовъ, въ объявленіи и заключеніи войны и т. д.—когда все, что онъ ни сдѣлаетъ, пойдетъ на чужое дѣло, до него ни одной стороной не касающагося? Вѣдь для того, чтобы править, нужно имѣть, надъ чѣмъ править, а этого какъ разъ у него нѣтъ, такъ какъ все отошло къ другимъ, сдѣлалось ихъ собственностью. Слова «civis romanus», которыми онъ нѣкогда такъ гордился, стали для него пустымъ, ничего не значащимъ звукомъ, и по скольку это касается его, республиканскій строй, приди въ противорѣчіе съ своими основными принципами равенства интересовъ и правъ, могъ бы вовсе перестать существовать. Вопросъ лишь въ томъ, какимъ образомъ онъ перестанетъ существовать, и на это борьба предыдущихъ поколѣній дала свой отвѣтъ. Съ того момента, какъ разорившійся крестьянинъ, забросивъ землю, сталъ стекаться въ столицу, наполняя воздухъ жалобами и стономъ, начали раздаваться голоса о грядущей гибели италійскаго населенія и о необходимости предотвратить катастрофу возстановленіемъ мелкой собственности путемъ передѣла общественныхъ земель и ограниченія хищничества богатыхъ сословія. На сцену появились братья Гракхи и другіе, требовавшіе экономическихъ реформъ въ этомъ смыслѣ; но ихъ попытки оканчивались ничѣмъ, разбиваясь объ оппозицію правящихъ классовъ. Началась упорная борьба, стойшая многимъ благороднымъ личностямъ ихъ свободы и жизни, пока демократическая партія, выдвигавшая ихъ, не убѣдилась, что всякія попытки на реформы при существующемъ политическомъ порядкѣ заранѣе осуждены на неудачу: государственная машина находилась въ рукахъ латифундистовъ, а тѣ отлично знали, какъ ею управлять въ своихъ интересахъ. Необходимо было эту машину передѣлать или вырвать, и вотъ на знамени демократовъ появляется новый лозунгъ: диктатура. Борьба сразу переходитъ съ чисто экономической на политическую почву, и всѣ надежды и стремленія реформаторовъ сосредоточиваются на захватѣ власти и учрежденіи единоличнаго правленія въ интересахъ пролетариата. Опять цѣлый рядъ лицъ, какъ Марій, Серторій и Катилина, погибаетъ въ своемъ безсиліи надломить сложившуюся вѣками государственную организацію, пока выпавшее изъ ихъ рукъ знамя не было поднято Цезаремъ и водружено надъ обломками разбитой республики.

Какъ Юлій Цезарь родился 12-го іюля 100-го, а по Момизену 102-го года до Р. Хр., и принадлежалъ къ знаменитому римскому

роду Юліевъ, потомковъ Юла или Асканія, основателя Альба Лонги. Какъ завѣряетъ и Виргилій, Юль былъ сынъ Энея, а потому внукъ Анхиза и Венеры; Цезарь, слѣдовательно, имѣлъ право возводить свою генеалогію къ самымъ богамъ, что въ торжественные случаи онъ не разъ и дѣлалъ: въ своей надгробной рѣчи надъ теткой Юліей онъ съ гордостью указываетъ на ея происхожденіе; въ битвахъ при Фарсалѣ и Мундѣ онъ даетъ лозунгомъ «Венера-родительница», а на монетахъ Иліона, легендарнаго обиталища его предковъ, онъ приказываетъ чеканить рядомъ портреты свои и Энея. Подобно большинству другихъ римскихъ родовъ, Юліи состояли изъ двухъ вѣтвей, патриціанской и плебейской, и Цезарь принадлежалъ къ первой изъ нихъ, получившей около 1-го вѣка до Р. Хр. прозвище Цезарь. Что означало послѣднее, въ точности неизвѣстно: одни полагаютъ, что оно взято отъ слова «caesarius», косматый, какимъ могъ уродиться одинъ изъ родоначальниковъ, а другіе—отъ «caesus», сѣчене, посредствомъ котораго одинъ изъ Юліевъ былъ будто бы извлеченъ изъ утробы матери. Первое предположеніе вѣроятнѣе, хотя и повнифъ въ акушерской хирургіи существуетъ операція, именуемая кесаревымъ сѣченіемъ. Отецъ нашего героя, носившій то же имя, былъ одно время преторомъ, а мать Аврелія сама принадлежала къ именитой фамиліи Коттъ, насчитывавшей много курульныхъ магистратовъ и ученыхъ юристовъ. О личностяхъ ихъ намъ, къ сожалѣнію, мало извѣстно: отецъ умеръ внезапно, когда сыну было около 16 лѣтъ, а мать, хотя и прожила гораздо дольше, появляется на сцену всего дважды: когда Цезарь отправлялся на выборы въ Верховные Жрецы, и когда въ его домѣ былъ найденъ Клодій. Мы знаемъ лишь, что сынъ до конца своихъ дней сохранилъ о ней самую свѣтлую память, какъ о женщинѣ умной, нѣжной и заботливой, всѣ свои силы посвятившей на его воспитаніе. Въ чемъ это послѣднее состояло, мы опять таки не знаемъ: отданный на руки ученому галлу, но натурализованному римлянину, Марку Антонію Гнифону, Цезарь могъ обучиться у него лишь языкамъ и литературѣ, отечественной и греческой, и пріобрѣсти хорошія манеры; но изучалъ ли онъ что-нибудь дѣйствительно серьезное,—математику, исторію, право, философію,—намъ осталось неизвѣстнымъ. Несомнѣнно однако, что, въ отличіе отъ многихъ другихъ его круга, Цезарь получилъ чисто римское образованіе безъ примѣси иностранныхъ элементовъ: родившись римляниномъ, онъ всю жизнь оставался такимъ, не смотря на господствовавшія тогда эллискія моды и вѣянія.

Въ 87 г., когда ему было всего 13 лѣтъ, онъ былъ избранъ въ жрецы Юпитера — *flamen dialis*. Это былъ одинъ изъ главныхъ постовъ въ тогдашней духовной іерархіи, и странный фактъ занятія его мальчикомъ объясняется тѣмъ, что Марій, располагавшій тогда судьбами Рима, былъ женатъ на сестрѣ отца Цезаря, Юліи. Это былъ рѣзкій случай царившаго въ то время непопизма, напоминающій во многомъ подобные же факты изъ исторіи средних вѣковъ, когда папская тиара доставалась отрокамъ. Естественно, что уже съ той поры Цезарь дѣлается приверженцемъ Маріа и начинаетъ обнаруживать демократическія симпатіи; онъ продолжаетъ питать ихъ даже по смерти своего патрона и въ 83 году расходится съ невѣстою изъ богатой всаднической семьи съ тѣмъ, чтобы жениться на Корнелии, дочери демократическаго вождя Цинны. Когда же вскорѣ затѣмъ вернулся съ дальняго Востока Сулла и повелъ ультра-аристократическую реакцію, Цезарь, одинъ изъ немногихъ, продолжалъ свою дѣятельность и знакомства, не скрывая своихъ убѣжденій и смѣясь надъ проскрипціями. По приказу всесильнаго диктатора, М. Пизопъ принужденъ былъ развестись съ Анніей, вдовою Цинны, а Помпей — съ Антистіей; но когда подобное же требованіе было предъявлено Цезарю, онъ на отрѣзъ отказался, говоря, что Сулла нѣтъ дѣла до его частной жизни. За это онъ былъ лишенъ жреческаго сана, женинаго приданаго и, наконецъ, собственного имущества, и самъ, переодѣтый крестьяниномъ, принужденъ былъ бѣжать въ Сабинскія горы. Говорятъ, что агенты Суллы узнали его, но онъ спасся, умилившись вожакъ партіи взяткою въ два таланта (талантъ — около 2.400 руб.). Только послѣ долгихъ и настойчивыхъ моленій друзей, но, добавилъ онъ: «смотрите только, какъ бы въ одинъ прекрасный день вашъ протезе не оказался палачомъ аристократіи: въ немъ сидитъ не одинъ Марій».

Предсказаніе Суллы, какъ извѣстно, сбылось до буквы; пока же что, Цезарь уже могъ похвалиться своей первой побѣдою надъ врагами. Слабый въ тѣлосложеніи и изнѣженный, дѣлвшій свое время между заботами о туалетѣ и галантными приключеніями, этотъ «юноша съ небрежно подвязаннымъ поясомъ» обнаружилъ рѣшимость и отвагу, изумившую всѣхъ, знавшихъ его. «Во всѣхъ его проектахъ и поступкахъ» говорилъ о немъ впоследствии Цицеронъ: «я замѣчаю страшное честолюбіе и властолюбіе; но когда я вижу, съ какою тщательностью онъ прилаживаетъ свои волосы, чтобы скрыть лысину, и какъ изящно онъ почесываетъ себѣ голову ми-

зипцемъ, мнѣ, право, не вѣрится, чтобъ онъ замышлялъ какіе либо планы объ уничтоженіи римскаго государства». И такимъ Цезарь оставался всю свою жизнь. Безпечный кутила, не знавшій различія между своими деньгами и чужими, неотразимый сердцеѣдъ, прослышавшій на весь міръ мужемъ всѣхъ женъ, инициаторъ скандаловъ и продѣлокъ, заставлявшихъ говорить о себѣ весь городъ, онъ подъ оболочкою типичнаго представителя золотой молодежи таилъ энергію, силу, смѣлость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдержку, несравненныя въ эту эпоху духовнаго обнищанія и умственной тупости. Съ великодушнымъ, почти женскимъ по своей теплотѣ и гуманности сердцемъ онъ соединялъ ясный и разсчетливый умъ, не превзойденный въ нормальности и уравновѣшенности ничѣмъ другимъ въ исторіи. Никто лучше его не понималъ событій и людей, никто зорче не различалъ будущаго и точнѣе не взвѣшивалъ обстоятельствъ и шансовъ, и никто такъ неуклонно не умѣлъ стремиться къ развѣ намѣченной цѣли, скрывая свои карты до послѣдняго рѣшительнаго момента. Шагъ за шагомъ, то поддаваясь, то наступая, умѣлъ онъ съ желѣзною настойчивостью готовить почву для окончательнаго удара, и тогда съ молниеносною быстротою онъ бросался на ничего не чающихъ враговъ, ошеломляя ихъ своей дерзостью и силою. Всѣ эти качества, качества кошки безъ ея чертвости и кровожадности, онъ, разумеется, развернулъ въ болѣе позднюю пору своей жизни; но нѣкоторыя изъ нихъ проглядываютъ достаточно ясно и въ столкновеніи съ Суллою.

Жизнь въ Римѣ, управляемомъ тяжелою рукою диктатора, была не изъ пріятныхъ, и Цезарь въ 81 г. рѣшилъ поѣхать въ Азію для ознакомленія съ военнымъ дѣломъ. Онъ поступилъ адъютантомъ къ тамошнему правителю М. Минуцію Терму, занятому покореніемъ малоазійскихъ острововъ. Посланный имъ въ Военію, къ царю Никодему III, за флотомъ, онъ исправно выполнялъ порученіе и, вернувшись, успѣлъ принять участіе во взятіи Митилены на о. Лесбосъ, причемъ спасъ жизнь солдата и былъ за то награжденъ цивическимъ вѣнкомъ. Цезарь оставался при Термѣ всего полтора года, послѣ чего онъ перешелъ было къ П. Сульпицію, проконсулу Киликіи; но здѣсь онъ вскорѣ узнаетъ, что Сулла умеръ, и немедленно возвращается на родину.

Обстоятельства въ Римѣ были, повидимому, благоприятны для демократическаго дѣла: его злѣйшій врагъ сошелъ со сцены, а одинъ изъ консуловъ Лепидъ былъ въ открытомъ возстаніи противъ сената. Тѣмъ не менѣе Цезарь не принялъ участія въ движеніи: осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ незначительность его шансовъ

на успѣхъ и не хотѣлъ, связавшись съ нимъ, скомпрометтировать свою карьеру и отрѣзать себѣ путь къ дальнѣйшей дѣятельности. Дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ Лепидъ съ своимъ войскомъ потерпѣлъ поражение, и всѣ участники предпріятія были наказаны смертью или изгнаніемъ. Цезарь предпочелъ обычный методъ оппозиціи, которымъ пользовались всѣ вожакі демократіи до него. Для молодого человѣка, желавшаго обратить на себя вниманіе народа, не было средства лучше, нежели выступленіе защитникомъ какого-либо популярнаго законопроекта или изблечителемъ злоупотребленій какого-либо члена правящей олигархіи. Такъ поступилъ, напр., Цицеронъ, такъ сдѣлалъ и Цезарь. Въ 77-мъ и 76-мъ гг. онъ притянулъ къ отвѣтственности двухъ аристократовъ Кн. Долабеллу и К. Антонія, обвиняя ихъ въ грабежѣ и вымогательствахъ въ вѣреннхъ имъ провинціяхъ Македоніи и Греціи; онъ проигралъ—судьи сами принадлежали къ сенатской аристократіи; но онъ приобрѣлъ значительную извѣстность въ народныхъ кругахъ и завоевалъ симпатіи многихъ демократовъ. Повидимому, онъ приписывалъ свою неудачу недостатку ораторскаго образованія, потому что въ томъ же 76 г. онъ отправляется на о. Родосъ, гдѣ подвизался въ качествѣ учителя риторики знаменитый Аполлоній Молонъ, наставникъ Цицерона. Путь его лежалъ мимо западныхъ береговъ М. Азіи, гдѣ были расположены главныя квартиры пиратовъ, державшихъ въ рукахъ все Средиземное море. Эти пираты составляли обширную организацію, въ которой состояли пайщиками многіе знатные римляне: они раскидывали свои операціи по всѣмъ островамъ Архипелага и другимъ, грабя берега даже Италіи, радостая населеніе и увозя въ плѣнъ именитыхъ гражданъ съ цѣлью достать выкупъ. Цезарь пошаль имъ въ руки недалеко отъ Милета, у о. Фармакузы, и былъ вынужденъ прожить съ ними 38 дней, пока друзья его собирали въ сосѣднихъ городахъ требуемые 50 талантовъ. Говорятъ, что разбойники потребовали съ него первоначально лишь 20, но онъ разсмѣялся имъ въ лицо, говоря, что они не знаютъ, какая птица имъ попалась, и обѣщаль дать имъ 50. Вообще онъ велъ себя въ ихъ обществѣ такъ, какъ только могъ вести себя Цезарь: онъ непринужденно принималъ участіе въ ихъ забавахъ, какъ-бы снисходя, читаль имъ свои стихи, а когда они не рукоплескали, обзывалъ ихъ невѣжественнымъ дурачьемъ, обѣщаясь когда нибудь переловить ихъ и распять. Конечно, его слова принимались за шутку, но Цезарь думаль, что говорилъ: освободившись, онъ раздобылъ нѣсколько кораблей, напаль на пиратовъ, забралъ въ плѣнъ и, отвезши въ Пергамъ, предалъ ихъ обѣщанной

казни. Тамонній проконсулъ вздумаль было сердиться за такое самоуправство: онъ предлагаль продать плѣнниковъ въ рабство; но Цезарь не обращаль вниманія и продолжалъ уже свой путь.

Онъ пробылъ у Молона не долго: вспыхнувшая въ Азіи Митридатская война привлекла его къ театру дѣйствій и, насобравъ на свои частныя средства небольшую армію, повелъ кампанію на личный страхъ. Говорятъ, что онъ успѣлъ даже разбить наголову одного изъ непріятельскихъ генераловъ, когда, узнавъ о назначеніи своемъ жрецомъ на мѣсто умершаго дяди, К. Аврелія Котты, онъ рѣшилъ, не докончивъ дѣла, снова вернуться домой. Отнынѣ начинается его регулярная политическая дѣятельность, приведшая его къ вершинѣ власти.

Главнымъ человѣкомъ въ Римѣ былъ тогда Помпей. Недавно еще любимецъ Суллы и вѣрный слуга олигархіи, онъ теперь, встрѣчая нѣкоторую холодность со стороны родовой знати, сталъ заигрывать съ демократіей, все еще обезсиленной ударами покойнаго диктатора. Въ 70-мъ году онъ былъ избранъ консуломъ и, предпринявъ рядъ реформъ съ цѣлью ослабить правящую аристократію, встрѣтилъ дѣятельнаго союзника въ лицѣ Цезаря. Съ его помощью ему удалось возстановить отмѣненные Суллою законодательныя прерогативы трибуновъ, провести амнистію приверженцамъ злополучнаго Лепида и вырвать суды изъ-подъ исключительнаго вѣдѣнія сената, распредѣливъ личный составъ ихъ между сенатомъ, въ числѣ одной трети, и всадниками, въ числѣ остальныхъ двухъ третей. Содѣйствіе Цезаря въ проведеніи этихъ мѣръ было весьма цѣнно, и молодой честолюбецъ однимъ ударомъ приобрѣлъ вліятельнаго друга и широкую популярность. Плоды не замедлили сказаться уже въ слѣдующемъ году, когда онъ значительнымъ большинствомъ былъ выбранъ въ квесторы—провинціальныя интенданты—на первую ступень въ служебной іерархической лѣстницѣ республики. Ему досталась въ вѣдомство Дальняя Испанія, нынѣшняя Португалія и Андалузія; но отъѣздъ пришлось отложить по случаю смерти жены Корнеліи и тетки Юліи. Надъ послѣднюю, по обычаю, онъ произнесъ надгробную рѣчь, въ которой восхваляль доблести какъ мужа, великаго Марія, друга и поборника демократовъ. Собравшійся народъ восторженно рукоплескаль, внимая дившимся изъ устъ Цезаря двоирамбамъ, но энтузіазмъ еще болѣе усилился, когда, по приказу благотиваго племянника, изображенія Марія были пронесены въ торжественной процессіи—въпервые съ тѣхъ поръ, какъ его статуи были сброшены рукою Суллы и самъ онъ объявленъ врагомъ отечества. Цезарь сдѣлался героемъ

дня, и онъ могъ теперь спокойно уѣхать въ свою провинцію, увѣренный, что народъ не такъ скоро забудетъ его подвига.

Онъ пробылъ въ Испаніи съ годъ, послѣ чего, вернувшись, онъ былъ назначенъ надсмотрщикомъ Аппіевой дороги, — этой грандіозной артеріи, прорѣзывавшей полуостровъ отъ Рима до Бриндизи. Зная, какъ цѣнить ее народъ, онъ не скупился на ея улучшеніе и украшеніе, расходуя на это не только отпускаемая ему изъ казны деньги, но еще большія суммы изъ своего собственнаго кармана. Благодаря этому, конечно, онъ влѣзъ въ страшные долги, но онъ зналъ, что рано или поздно все окупится, да еще съ лихвою. Тогда же онъ породнился со своимъ новымъ другомъ Помпеемъ, женившись на Помпее, дочери Кв. Помпея Руфа и внучкѣ Суллы. Политическая атмосфера въ Римѣ была въ то время насыщена электричествомъ: рядъ скандальныхъ процессовъ разоблачилъ хищническіе разбой сенатскихъ намѣстниковъ въ провинціяхъ, а побѣды Митридата въ Азіи и безпрепятственное владычество пиратовъ въ Средиземномъ морѣ обнаружили полнѣйшую неспособность олигархіи справляться съ врагами внѣшними и внутренними. Банкротство ея было очевидно для всякаго, даже для нея самой, и демократы рѣшили воспользоваться этимъ моментомъ, чтобъ учредить диктатуру и вручить ее одному изъ своихъ сторонниковъ. Помпей, только-что вернувшійся послѣ блестящихъ побѣдъ въ Испаніи, казался наиболѣе подходящимъ кандидатомъ на этотъ постъ, и народный трибунъ Габиній вышелъ къ народу съ предложеніемъ облечь его неограниченными средствами и властью надъ всѣмъ бассейномъ Средиземнаго моря съ тѣмъ, чтобъ, уничтоживъ разбойничьи гнѣзда, онъ поѣхалъ на Востокъ на смѣну Лукуллу. Ярость и оппозиція аристократіи были безпредѣльны, но Габиній побѣдилъ, имѣя на своей сторонѣ блестящую риторичку Цицерона и неутомимое краснорѣчіе и дипломатическія способности Цезаря.

Помпей получилъ свою диктатуру на три года, но миссія была выполнена въ три мѣсяца: пиратскія суда были перехвачены, гнѣзда разорены, сокровища забраны, и Римъ, послѣ страшной дороговизны, сталъ опять безпрепятственно получать свой хлѣбъ изъ Сициліи и Иллиріи. Урокъ, который сенатъ получилъ, былъ наглядный; но его оппозиція ничуть не уменьшилась, когда въ слѣдующемъ, 66-мъ, году на очередь поступилъ вопросъ о назначеніи Помпея вторично диктаторомъ — на этотъ разъ для войны съ Митридатомъ. Предложеніе вошло въ комиссію по инициативѣ трибуна Манилія, и олигархія употребляла всѣ средства, чтобъ его

провалить; но Цезарь и Цицеронъ опять взялись за дѣло, и вопросъ прошелъ при рукоплесканіяхъ народа.

Положеніе нашего героя было теперь прочно, и въ 65 г. онъ былъ избранъ курульнымъ эдиломъ. Должность эта, открывавшая передъ исполняющимъ ее двери сената, нѣкогда завѣдывала полицейско-санитарнымъ положеніемъ города; но теперь она превратилась въ нѣчто вродѣ почетной повинности по украшенію города новыми общественными зданіями и по устройству публичныхъ празднествъ, угощеній и игръ. Она требовала бѣшеныхъ средствъ, а у Цезаря какъ-разъ ничего, кромѣ долговъ, не было: по увѣренію Плутарха, они доходили до чудовищной суммы въ 1300 талантовъ, и мѣстные ростовщики рѣшительно отказывались одолжать больше. На счастье, аристократы дали Цезарю въ товарищи по должности нѣкоего М. Вибула, человѣка очень богатаго, хотя и скупенькаго: его-то капиталами сталъ теперь распоряжаться Цезарь, выстраивая отъ своего имени новые портики и базилики, и украшая форумъ и Капитолій статуями и картинами. Конечно, Вибулу такое безперемонное со стороны Цезаря присвоеніе себѣ одного чести, принадлежащей по справедливости имъ обоимъ, не особенно нравилось; онъ нерѣдко жаловался на свою горькую участь, сравнивая ее съ участіемъ Поллукса, имѣвшаго въ Римѣ храмъ, посвященный совмѣстно ему и Кастору, но обыкновенно обзывается именемъ послѣдняго; но онъ ничего не могъ дѣлать, опасаясь быть обвиненнымъ въ скаредности и зависти къ своему коллегѣ. А коллега отлично пользовался обстоятельствами, привлекая къ себѣ народныя сердца играми, на которыхъ выставлалъ 320 паръ гладиаторовъ въ серебряныхъ латахъ, и представленіями цирка, ради которыхъ выписывались невѣдомые звѣри изъ дальнихъ странъ. Сюрпризамъ, которые онъ устраивалъ публикѣ, не было конца, и однажды утромъ городъ проснулся, чтобъ увидѣть на Капитолѣ блещущія ирматоромъ и свѣжей позолотой статуи Марія и картины его главнѣйшихъ побѣдъ надъ Кимврами и Югуртою. Сенсация была всеобщая: весь народъ повалилъ смотрѣть давно уже не виданныя изображенія своего идола и его славы, запрещенныя со времени Суллы и выставленныя теперь публично на главномъ мѣстѣ города. Никто не зналъ имени смѣлчача, дерзавшаго нарушить законъ; но всякъ о немъ догадался, и всякъ хвалилъ Цезаря. Маріанскіе ветераны со слезами на суровыхъ щекахъ и огнемъ въ потухшихъ взорахъ толпились вокругъ Капитолія, глядя на дорогое лицо и крича, что Цезарь — единственный родственникъ, достойный великаго человѣка. Сенатъ былъ

разъяренъ: онъ собрался на экстренное засѣданіе, и старикъ Луціаній Катулъ произнесъ обвинительную рѣчь противъ демагога, говоря, что онъ не только тайно подкапывается подъ республику, но даже открыто разрушаетъ ее таранами. Однако изъ этихъ нападковъ ничего не вышло: Цезарь ловко защитился, и «собраніе царей» не посмѣло его тронуть. Оно однако отмстило тѣмъ, что провалило его предложеніе народу назначить его эмиссаромъ въ Египетъ для упрядоченія тамошнихъ дѣлъ.

Въ слѣдующемъ году, въ качествѣ бывшего эдила, Цезарь помогалъ городскому претору въ отпращиваніи судебныхъ обязанностей и предсѣдательствовалъ въ уголовно-слѣдственномъ департаментѣ. Онъ энергично преслѣдовалъ исполнителей Сулловыхъ проскрипцій и осудилъ на смерть двухъ главныхъ изъ нихъ. Но особенно богатъ былъ событіями 63-й годъ, когда въ защиту аристократической олигархіи поднялся вновь избранный консуломъ Цицеронъ, еще за годъ до этого ратовавшій за демократію. Свѣже испеченный «охранитель незыблемыхъ основъ общества» занялся искорененіемъ крамолы, и между нимъ и его недавними союзниками вспыхнула борьба, въ которую не замедлил ввязаться и Цезарь. Первая схватка произошла по поводу аграрнаго законопроекта трибуна П. Сервиля Рулла, предложившаго назначить комиссію изъ 10 членовъ съ неограниченными полномочіями по закупкѣ и раздѣлу земель въ Кампаніи и выселенію колоній туда и въ другія мѣстности. Цезарь дѣятельно поддерживалъ это предложеніе, но противъ него выступилъ Цицеронъ и послѣ нѣсколькихъ рѣчей заставилъ Рулла взять свой проектъ обратно. Тогда Цезарь перенесъ борьбу на другую почву. 36 лѣтъ тому назадъ народный трибунъ Сатурнинъ, сподвижникъ Маріа, потерпѣлъ поражение на улицахъ Рима и былъ принужденъ съ товарищами спасаться бѣгствомъ. Они укрылись въ Капитолій, но такъ какъ водопроводныя трубы были перерѣзаны, то они скоро сдались. Ихъ отвели въ зданіе сената на временное заключеніе и здѣсь заперли въ ожиданіи разбора дѣла. Но золотая молодежь не осталась довольна формалистикою почтенныхъ отцовъ: вскарабкавшись на зданіе, она изломала крышу и черепицами убила заключенныхъ. Среди нея особенно усердствовалъ нѣкій К. Рабирій, парадировавшій на улицахъ съ головою Сатурнина; теперь, въ 63 г., онъ превратился въ серьезнаго сенатора, погрязшаго въ сословные предрасудки и упрямо борющагося противъ реформъ. Его-то Цезарь вздумалъ наказать не столько за его преступленіе, сколько ради острастки его соумышленникамъ. И вотъ, по его просьбѣ, трибунъ Т. Лабіенъ, вно-

слѣдствія его правая рука, а затѣмъ врагъ, откопалъ это старое дѣло и привлекъ Рабирія къ отвѣтственности на основаніи устава рѣлаго закона о государственной измѣнѣ. Вопросъ разбирался передъ двумя судьями, назначенными преторомъ и какъ на грѣхъ оказавшимися Цезаремъ и родственникомъ его, — и Рабирій былъ всконечно, осужденъ. Но такъ какъ каждый римскій гражданинъ обвиненный въ уголовномъ преступленіи, имѣлъ право апеллировать къ народу, то дѣло Рабирія поступило въ коммиціи, гдѣ приговоръ могъ быть либо утвержденъ, либо кассированъ. Олигархія выслала защитникомъ подсудимаго своего покорнаго слугу Цицерона, но она, вѣроятно, проиграла-бы, еслибы преторъ, по совѣту, повидимому, самого Цезаря, нисколько не желавшаго смерти стараго сенатора, не разстроилъ собранія, снявъ съ Яникула военный флагъ: въ тѣ отдаленныя времена, когда римская община, заключенная въ тѣсныя предѣлы между этимъ холмомъ и Ватиканскимъ, легко могла подвергнуться неожиданному нападенію этрускинъ, исчезновеніе благаго военного флага съ Яникульского сторожевого поста означало опасность, и граждане должны были бросить всѣ дѣла, чтобъ взяться за оружіе. Теперь этотъ обычай, конечно, вышелъ изъ употребленія, но выходка претора показала остроумною, и толпа съ миромъ разбрелась по домамъ, смѣясь надъ тѣмъ, какъ ее одурачили.

Около этого времени умеръ верховный жрецъ. Кв. Метеллъ Пій. и кандидатомъ на вакансію выступилъ извѣстный намъ Кв. Луціаній Катулъ и Кв. Сервилій Исаврійскій—оба бывшіе консулы и ярые приверженцы сенатскаго режима. Санъ этотъ, помимо чисто религіознаго, имѣлъ еще большое политическое значеніе: стоя во главѣ духовной іерархіи и имѣя подъ собою коллегіи весталокъ и фламинновъ, верховный жрецъ былъ истолкователемъ каноническаго права, публичнаго и частнаго, главнымъ авторитетомъ по части предсказаній и авгуръ, и неограниченный властелинъ календаря, опредѣлявшаго время выборовъ, праздниковъ и т. д. Стоило только народу собраться для разсмотрѣнія «демагогическаго» проекта, какъ жрецъ торжественно объявлялъ, что авгуръ не благопріятны и собраніе потому состояться не можетъ; нужно было оттянуть опасный по своимъ разоблаченіямъ и послѣдствіямъ процессъ до другого года, когда и консулы, и преторы, заправлявшіе судомъ, были на сторонѣ сената, — и жрецъ узаконялъ длинные праздники въ честь какого-либо бога, и затѣмъ объявлялъ годъ закончившимся. Словомъ, это было могучее боевое орудіе въ рукахъ господствующаго класса, и демократы давно уже силились

захватить его. Къ несчастью, по одному изъ Сулловыхъ законовъ мѣста въ жреческой коллегіи пополнялись самими членами ея, и стоявъ ея такимъ образомъ могъ быть всегда огражденъ отъ вторженія нежелательныхъ элементовъ. Въ виду этого трибунъ Лабіенъ, за нѣсколько недѣль до выборовъ, внесъ въ коммиціи предложеніе отнять эту привилегію у жрецовъ и передать ее народу самому, и послѣ бѣшенной оппозиціи аристократіи предложеніе прошло и стало закономъ. Тогда демократы рѣшили выставить своего кандидата и выборъ палъ на Цезаря. Молодой щеголь, не исполнявшій ни одной высшей государственной должности, а взмѣвъ того прогрѣвшій по всему Риму своими любовными авантюрами, нужно сознаться, мало подходилъ къ священному сану представителя боговъ на землѣ; но такъ какъ дѣло касалось политики, а не теологіи или этики, то лучшаго кандидата трудно было и придумать. Напрягая всѣ свои силы, олигархія стала съ нимъ бороться и правыми, и неправыми средствами; Сервилій вступилъ даже съ нимъ въ конфиденціальныя переговоры, предлагая въ видѣ отступного уплатить всѣ его долги; но Цезарь, зная цѣну призу, отвергъ предложеніе, говоря, что въ случаѣ чего онъ готовъ признаться еще. И дѣйствительно, онъ такъ всецѣло окупился въ долги, что утромъ, въ день выборовъ, онъ на прощанье говорилъ матери, что либо вернется къ ней верховнымъ жрецомъ, либо не вернется совсѣмъ, а уйдетъ въ изгнаніе. Но счастье было на его сторонѣ: онъ одержалъ блистательную побѣду, получивъ даже въ тѣхъ трибахъ, къ которымъ принадлежали его соперники, больше голосовъ, нежели они.

Это было жестокое пораженіе для аристократіи, и Цезарь могъ тѣмъ болѣе торжествовать, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя былъ избранъ и въ преторы на будущій 62-й годъ. Но борьба 63-го еще не была исчерпана и въ декабрѣ вспыхнула съ новою силою по поводу неудавшейся попытки Катилины свергнуть сенатское правленіе. Исторія этого пресловутаго «заговора» относится всецѣло къ біографіи Цицерона: къ ней мы читателя и отсылаемъ; здѣсь же мы коснемся лишь роли, которую при этомъ игралъ нашъ герой. Что онъ зналъ или догадывался о замыслахъ Катилины, не можетъ подлежать сомнѣнію: онъ принадлежалъ съ нимъ къ одной и той-же партіи и былъ слишкомъ видный тогда дѣятель, чтобъ остаться чуждымъ проектовъ товарища; но принималъ-ли онъ, дѣйствительно, участіе въ предпріятіи, какъ утверждали его враги, — болѣе, чѣмъ гадательно. Онъ былъ слишкомъ проницателенъ, чтобъ не видѣть безумія его, и слишкомъ практиченъ,

чтобъ, видя это, связать свою судьбу съ нимъ. Впрочемъ, какъ и въ 78 г. во время возстанія Лепида, онъ предпочиталъ стоять въ сторонѣ, сохраняя благосклонный нейтралитетъ. Когда поэтому 5-го декабря въ сенатѣ сталъ разбираться вопросъ объ участіи арестованныхъ заговорщиковъ Лентуллы и другихъ, и вновь избранный консулъ Д. Силанъ предложилъ предать ихъ смерти безъ суда и апелляціи, Цезарь не поколебался выразить свое неодобреніе проектамъ Катилины, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на незаконность и непрактичность Силанова предложенія, совѣтуя лучше отправить преступниковъ въ какой-нибудь Италійскій городъ, гдѣ они жили-бы подѣ постояннымъ надзоромъ. Рѣчь его, горячая, негодующая и полугрожающая, оказала сильное впечатлѣніе: самъ Силанъ сталъ колебаться, а за нимъ многіе другіе; но Катонъ и Цицеронъ продолжали настаивать на смертной казни, и предложеніе Силана было принято. Говорятъ, что Цезарь продолжалъ еще и послѣ этого протестовать, но вынужденъ былъ умолкнуть передъ недвусмысленными угрозами стоявшихъ тутъ же добровольныхъ тѣлохранителей Цицерона: они приставили къ его груди свои мечи и онъ насилу спасся.

А олигархія это было очень жаль: она все время надѣялась скомпрометтировать Цезаря и даже уговаривала и подкупала Цицерона объявить его, на основаніи мнѣшескихъ документовъ, соумышленникомъ Катилины; но дѣло не выгорѣло: Цицеронъ боялся мести толпы и на-отрѣзъ отказался дать требуемыя показанія. И хорошо поступилъ: когда черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго Цезарь пришелъ въ сенатъ съ нѣтью отвѣтить на сдѣланныя на него нападки, и засѣданіе затянулось долѣе обыкновеннаго, толпа, боясь за участь своего любимца, подступила къ курии и грозила разнести ее въ дребезги, если ей не представятъ Цезаря цѣлымъ и невредимымъ. Только когда послѣдній вышелъ къ ней со словами успокоенія, а Катонъ обѣщаль ей устроить даровую раздачу хлѣба, толпа притихла и разошлась по домамъ.

62-ой годъ былъ не менѣе буренъ и занимателенъ, нежели предыдущій. Цезарь, какъ было упомянуто, былъ преторомъ, а двумя выдающимися трибунами были Кв. Метеллъ Непотъ и М. Порцій Катонъ (Младшій). Первый былъ клевететъ Помпея, спеціально пріѣхавшій отъ его имени и въ его интересахъ занять трибунатъ, а второй, извѣстный поборникъ сенатской аристократіи, также спеціально заставилъ себя выбрать на эту должность, чтобъ оппонировать Метеллу. Аттака началась по всей линіи. Въ самый день вступленія въ должность, 1-го января, Цезарь предложилъ

въ народномъ собраніи отнять у Кв. Лутация Катула, его соперника по выборамъ въ понтификатъ, честь достроить Капитолій: этотъ именитый аристократъ, глава сената, взялъ на себя эту почетную обязанность еще въ 83 г., когда Капитолій сильно пострадалъ отъ пожара, и теперь, израсходовавъ огромныя суммы, готовился начертать свое имя на вновь отстроенныхъ храмахъ и портикахъ. Лишить его, послѣ многолѣтнихъ ожиданій, столь желаннаго момента было жестоко, но Цезарь имѣлъ не столько личныя, сколько политическія расчеты, желая доставить завершенье дѣла Помпею, а въ его лицѣ—демократіи. Попытка однако не удалась: сенатъ поднялъ такой протестъ, что Цезарь принужденъ былъ взять свое предложеніе обратно. Но, проигравъ въ этомъ, онъ выигралъ въ другомъ. Въ день сдачи Цицерономъ отчета въ своемъ консульствѣ, Метелль выступилъ впередъ и запретилъ ему говорить, обвиняя его, въ качествѣ предсѣдателя сената, въ превышеніи власти—въ незаконномъ осужденіи на смерть римскихъ гражданъ и лишеніи ихъ правъ апеллировать къ народу. Онъ намеркалъ на задушенныхъ въ капитолійской тюрьмѣ Лентулла, Цетега и другихъ соумышленниковъ Катилины, которыхъ сенатъ, не обладавшій судебными прерогативами, велѣлъ казнить, не смотря на протесты Цезаря. Поднялся скандалъ, въ шумѣ котораго обвиняемый успѣлъ лишь поклясться, что спасъ республику; ему отвѣтомъ были дружныя рукоплесканія собравшихся несмѣтною толпою всадниковъ и сенаторовъ, и Цицеронъ былъ спасенъ. Тогда Метелль потребовалъ дня для разсмотрѣнія вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли пригласить съ Востока Помпея для искорененія существующаго сенатскаго беззаконія и примѣрнаго наказанія преступниковъ. Аристократія пришла въ оцѣпенѣніе: это значило явно уничтожить конституцію и передать республику въ руки новому Марію. Началась сильнѣйшая агитація, и въ назначенный день сенаторы толпами повалили на форумъ, твердо рѣшившись разстроить затѣю. Авгуры не помогли—ими манипулировалъ Цезарь; оставалась грубая сила, и ею respectable аристократія надѣялась взять. Главнокомандующимъ явился Катонъ: завидѣвъ Метелла и Цезаря сидящими другъ подлѣ друга, онъ протиснулся черезъ толпу и преспокойно занялъ мѣсто на трибунѣ между ними, гдѣ прервавъ ихъ переговоры. Метелль приказалъ писцу читать предложеніе, но Катонъ вырвалъ бумагу изъ его рукъ и, разорвавъ ее въ клочки, занялъ прежнее мѣсто. Тогда Метелль принялся читать его на память, но третій трибунъ при всеобщемъ смѣхѣ закрылъ ему ротъ рукою. Это было сигналомъ къ свалкѣ, и Ка-

тонъ со своею челядью былъ выкинутъ изъ собранія. Но его не такъ легко было побѣдить: вернувшись во главѣ многочисленной и хорошо вооруженной банды, онъ въ свою очередь напалъ на Метелла и его друзей, и послѣ жаркой схватки, въ которой гуляли не только палки, но и мечи, разбѣялъ собраніе. Сенатъ немедленно постановилъ отрѣшить мятежнаго трибуна и претора отъ должностей: хотя это было незаконно, и сенатъ рано или поздно принужденъ былъ-бы взять постановленіе обратно, но Метелль, испугавшись, бѣжалъ къ Помпею докладывать о случившемся. Цезарь же продолжалъ попрежнему отправлять свои обязанности, пока сенатъ не послалъ вооруженныхъ гонцовъ стащить его силою съ трибунала; онъ медленно тогда сложилъ свою тогу и знаки власти, распустилъ своихъ ликторовъ и спокойно ушелъ къ себѣ домой. Вечеромъ вокругъ его дома собралась огромная толпа и предложила ему пойти на сенатъ: но онъ успокоилъ ее, попросилъ разойтись, говоря, что почтенные отцы не замедлятъ сами одуматься. И дѣйствительно, перепугавшись демонстраціи, сенатъ черезъ два дня взялъ свое рѣшеніе обратно, послалъ знатныхъ делегатовъ просить прощенія и пригласилъ его прійти въ курію.

Опять Цезарь одержалъ побѣду, за которою впрочемъ послѣдовала другая, еще болѣе блестящая. Л. Веттія и Кв. Курій—тотъ самый Курій, который вмѣстѣ съ любовницею своею Фульвіей игралъ роль провокатора въ дѣлѣ Катилины,—торжественно объявили въ сенатѣ, что у нихъ имѣются документы, сильно компрометирующіе Цезаря, какъ соучастника въ заговорѣ. Аристократія очень обрадовалась: не одну круглую сумму она пожертвовала уже, чтобъ впутать ненавистнаго демократа въ это злополучное предпріятіе; но ее опять постигла неудача. Обвиняемый громогласно спросилъ Цицерона, не онъ-ли, Цезарь, первый сообщилъ ему свѣдѣнія о заговорѣ, и бѣдный ораторъ, потупивъ глаза, принужденъ былъ подтвердить эту ни съ чѣмъ несообразную ложь, побаиваясь рѣшительнаго претора и городской толпы. Сенату пришлось проглотить показаніе своего героя и для соблюденія формальности бросить Веттія въ тюрьму, а Курія лишить обѣщанной ему за шпіонство награды.

Но кампанія 62-го года еще не утихла. Въ концѣ его имѣлъ мѣсто скандалъ съ Клодіемъ, надѣлавшій столько шума въ тогдашнемъ бомондѣ и политическомъ мірѣ. Клодій, изъ фамиліи Клавдіевъ, отличался дерзостью и легкими нравами и имѣлъ связь съ женою Цезаря. Во время празднества Доброй Богини, когда въ домѣ верховнаго жреца собрались на таинства всѣ знатныя ма-

троны Рима, молодой Донъ Жуанъ въ одеждѣ флейтистки — мужчины были исключены изъ этихъ тайнствъ — пробрался къ Помпее и былъ узнавъ матерью Цезаря. На завтра весь городъ ходуномъ ходилъ — казусъ даже въ скандальной хроникѣ Рима былъ неслышанный, и сенатъ вкупѣ и влюбѣ съ жрецами рѣшили, что совершенно было кощунство. Въ сущности, никто не вѣрилъ ни въ Добрую Богиню, ни въ ея мистеріи, но такъ какъ Клодій принадлежалъ къ демократамъ и представлялся случай унижить Цезаря, то отчего не покрывать душою? Къ тому же, самъ Цезарь, повидимому, шелъ въ разставленную ловушку, подтвердивъ приговоръ жреческой коллегіи о богохульствѣ и разведшись съ женою, — и сенатъ рѣшилъ устроить Клодію процессъ. Но ему опять суждено было обмануться: большинство судей оказалось политическими единомышленниками Клодія и нашли его не виновнымъ въ возводимомъ преступленіи, а Цезарь на вопросъ, зачѣмъ же онъ отослалъ Помпею, со своей обычной находчивостью и дерзостью отвѣтилъ, что его жена должна стоять выше даже подозрѣній. Сенатской партіи ничего не оставалось, какъ покориться и злобствовать на свое безсиліе.

Въ 61 г. Цезарю, въ качествѣ бывшаго претора, предстояло управлять провинціею, и воля сената опредѣлила ему ту же Дальнюю Испанію, въ которой онъ уже однажды былъ квесторомъ. Онъ долженъ былъ уѣхать туда немедленно, но многочисленные кредиторы не хотѣли его отпустить, пока они не достали себѣ поручителя на сумму 800 талантовъ въ лицѣ М. Красса. Это задержало его вплоть до лѣта, послѣ чего онъ могъ, наконецъ, тронуться въ путь. По дорогѣ, гласить извѣстный разсказъ, ему съ друзьями пришлось ночевать въ небольшой деревушкѣ, заброшенной среди горъ и дышавшей уютомъ и спокойствіемъ. «Какъ ты думаешь, — спросили Цезаря его спутники: — что и въ Римѣ?» «Врядъ ли, — отвѣтилъ онъ: — но я предпо- этому анекдоту существуетъ pendant изъ его пребыванія въ Испаніи въ первый разъ. Посѣтивъ городъ Гадесъ (Кадиксъ), гдѣ находилась статуя Александра Великаго, онъ, говорятъ, остановился передъ нею въ глубокой задумчивости и глаза его увлажнились слезами. Другъ спросилъ его о причинѣ тоски. «Ахъ, — воскликнулъ онъ: — въ мои годы Александръ завоевалъ уже весь міръ, а я еще ничего не сдѣлалъ!». Анекдоты очень любопытны, но въ ихъ правдивости позволительно усомниться: и по возрасту,

и по темпераменту Цезарь былъ менѣе всего способенъ на подобныя выходки юношескаго честолюбія. Годъ, проведенный имъ въ Испаніи, прошелъ въ неустанныхъ занятіяхъ по гражданскому и военному вѣдомствамъ. Провинція, бывшая еще недавно театромъ военныхъ дѣйствій Помпея, лежала въ развалинахъ и стояла подъ тяжестью безчисленныхъ поборовъ и налоговъ. Цезарь прежде всего снялъ съ нея подать, наложенную однимъ изъ его предшественниковъ, и объявилъ различныя льготы по уплатѣ натуральныхъ и денежныхъ повинностей. Онъ кассировалъ множество рѣшеній о продажѣ съ молотка имуществъ недоимочныхъ и издалъ запрещеніе кредиторамъ, въ случаѣ несостоятельности должника, забирать его землю, скотъ или инвентарь. Онъ запретилъ также обращать кого либо въ рабство за долги. Этими мѣрами онъ сразу поставилъ хозяйство страны на ноги, и съ его правленія беретъ начало то благосостояніе Испаніи, которое сдѣлало много городовъ ея, какъ, напр., Гадесъ, самыми цвѣтущими въ имперіи. Одновременно же шли успѣшныя завоеванія на окраинахъ: онъ покорилъ горныя племена Лузитаніи, овладѣлъ главными селеніями ихъ и забралъ ихъ сокровища. Солдаты провозгласили его императоромъ, а сенатъ, радуясь, что хоть на время избавился отъ него, продекретировалъ ему торжественное молебствіе. Главное же, онъ успѣлъ насобирать такую огромную добычу, что по возвращеніи въ Римъ лѣтомъ 60 г. могъ расплатиться со всѣми долгами.

Былъ канунъ консульскихъ выборовъ. Желая во что бы то ни стало выставить свою кандидатуру, Цезарь, не дожидаясь прибытія преемника, сдаетъ дѣла своему квестору и мчится въ Римъ. Ему предстояла трудная дилемма: въ качествѣ кандидата на должность онъ обязанъ былъ по закону быть въ городѣ и присутствовать при выборахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, если желалъ получить триумфъ, на который, въ качествѣ императора, онъ имѣлъ право, онъ долженъ былъ оставаться за стѣнами и тамъ ждать рѣшенія сената. Въ виду этого онъ обратился съ ходатайствомъ къ послѣднему изъять его, на основаніи нѣкоторыхъ прецедентовъ, изъ общаго закона и позволить ему явиться въ городъ и имѣть триумфъ. На это послѣдовалъ отказъ, и Цезарь, къ досадѣ почтенныхъ отцовъ, надѣявшихся помѣшать его кандидатурѣ, выкинулъ за бортъ триумфъ. Сомскателями на должность были, кромѣ Цезаря, еще Л. Луккей, демократъ, и М. Бибуль, бывший коллега Цезаря по эдильству и претурѣ. Аристократія употребляла всѣ усилія, чтобъ провалить Цезаря: она даже устроила для подкупа

избирателей специальную кассу, куда самъ добродѣтельный Катонъ внесъ свою лепту; но усилія были напрасны—Цезарь прошелъ съ громаднымъ большинствомъ, и все, что успѣли сдѣлать,—это дать ему въ со товарищи его неизмѣннаго спутника, М. Бибула, вѣрнаго палачина аристократіи. Тогда-то и составилъ знаменитый триумvirатъ между Цезаремъ, Помпеемъ и Крассомъ, превратившій республику въ частное владѣніе этого trio. Помпей вернулся въ Римъ въ концѣ 62 г., блистательно окончивъ войну съ Митридатомъ. Вопреки всеобщимъ ожиданіямъ, которыя давала основаніе питать миссія Метелла Непота, да и само предложеніе Манилія, онъ не вошелъ въ Римъ вторымъ Маріемъ, не объявилъ себя диктаторомъ и владыкою государства, а спокойно распустилъ свою армию и со скромностью, подобающей благонамѣренному мѣщанину, занялъ свое старое мѣсто въ куріи. Сенатъ вздохнулъ свободно—опасность миновала, и съ признательностью трусливаго раба онъ отказался подтвердить распоряженія Помпея въ Азіи и его обѣщаніе солдатамъ надѣлать ихъ землею. Подобнаго тупоумія и непониманія своихъ собственныхъ интересовъ сенатъ даже въ послѣднее время—время своего вырожденія—еще не обнаруживалъ: онъ оттолкнулъ единственнаго талантливаго человѣка, который могъ быть его защитникомъ, и заставилъ его раскаиваться въ оплошности, которую онъ сдѣлалъ, выпустивъ, вопреки совѣтамъ и предостереженіямъ друзей, власть изъ своихъ рукъ. Помпей рѣшилъ впредь быть умнѣе и, сблизившись съ Цезаремъ и Крассомъ, заключилъ съ ними союзъ для совмѣстнаго достиженія власти.

Наступилъ 59 г., когда Цезарь отправлялъ консульскую должность. Первымъ дѣломъ онъ узаконилъ публикованіе протоколовъ сенатскихъ засѣданій съ тѣмъ, чтобъ поставить почтенный конклавъ въ большія противъ прежняго зависимость и воздѣйствіе со стороны публики. Это былъ крупный шагъ въ сторону демократіи, и отцамъ онъ очень не понравился. Затѣмъ, согласно постановленію его и его товарищей, онъ внесъ, въ интересахъ Помпеевыхъ ветерановъ, аграрный законъ на подобіе Руллова 63 г. и Флавіева 60-го. Онъ имѣлъ въ виду назначеніе комиссіи изъ 20 человѣкъ съ неограниченными правами по закупкѣ и преимущественно тѣми, у которыхъ семья состояла изъ трехъ и болѣе дѣтей. Внесенный въ сенатъ, этотъ проектъ привелъ отцовъ въ ужасъ и послѣ бурныхъ дебатовъ, напоминавшихъ шабашъ вѣдьмъ на Брокенѣ, провалился съ большимъ трескомъ. Тогда

Цезарь перенесъ его въ комицію. Въ день голосованія на форумѣ высыпала вся знать, и Бибуль, поклявшійся, что, покудовавъ на консуль, законъ не пройдетъ, ударилъ во главѣ вооруженныхъ добровольцевъ на мирно стоящую толпу и принялся ее разгонять. Катонъ же, бывший тогда опять трибуномъ, протиснулся къ рострѣ и оттуда старался перекричать голоса говорившихъ въ пользу проекта. Видя, что добромъ тутъ ниче не подблаетъ, Цезарь приказалъ своимъ ликторамъ стащить его съ ростры силою, а Помпеевымъ ветеранамъ, пришедшимъ съ оружіемъ подъ платомъ, напасть въ свою очередь на Бибула. Произошла настоящая битва и не мало было переломаныхъ реберъ и череповъ. Старый аристократъ и полководецъ Лукуллъ едва не поплатился жизнью и спасся только тѣмъ, что бросился къ ногамъ Цезаря, слезно моля о пощадѣ. Демократы выиграли, не только законъ прошелъ, но и весь сенатъ принужденъ былъ поклясться въ томъ, что свято и ненарушимо будетъ соблюдано его. Одинъ лишь человѣкъ не уговорился,—то былъ Бибуль. Собравъ на другой день сенатъ, онъ предложилъ было объявить аграрный законъ Цезаря недѣйствительнымъ; но, встрѣтивъ угрожаемое молчаніе коллегъ, все еще памятовавшихъ вчерашнее побоище, ушелъ къ себѣ домой, заперся и съ той поры уже больше не показывался въ публикѣ вплоть до конца года. Онъ довольствовался лишь отъ времени до времени обнародованіемъ протестовъ противъ «нелегальныхъ» поступковъ своего товарища по должности, выпускалъ пасквили на его политической и частный характеръ и издавалъ свои собственные распоряженія. Но на него никто не обращалъ вниманія, и этотъ годъ такъ и прозванъ былъ шутниками годомъ консульства Юлія и Цезаря.

Послѣ этого Цезарь безъ большой оппозиціи могъ провести и другіе законы—объ утвержденіи Помпеевыхъ распоряженій въ Азіи, о возвращеніи правъ гражданства Капуѣ, лишившейся ихъ за помощь, оказанную нѣкогда Ганнибалу, и съ тѣхъ поръ, не смотря на старанія демократовъ, не получившей ихъ обратно, и т. д. Главнымъ же мѣропріятіемъ его было дарованіе льготныхъ условий могущественной компаніи азіатскихъ публиканъ, державшей на откупъ подати и налоги восточныхъ провинцій Рима. Позарившись на богатую добычу, эта компанія, въ которой состоялъ членомъ и Крассъ, согласилась платить весьма высокую откупную цѣну: но вскорѣ, убѣдившись въ невыгодности такой сдѣлки, принялась хлопотать о сложеніи съ нея трети условленной суммы. Ея старанія до сихъ поръ были неудачны: не смотря на протекцію Ципе-

рона, сенатъ, предводимый Катонъ, отказывался слушать о какихъ либо сбавкахъ; но теперь, когда Цезарь былъ консуломъ, они увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Этимъ Цезарь расторгъ союзъ, заключенный во время заговора Катилины между сенатомъ и всадническимъ сословіемъ (чьимъ представителемъ была эта компанія), и аристократія осталась окончательно изолированной.

До сихъ поръ вновь составленный триумvirъ работалъ на пользу главнымъ образомъ Помпея и Красса; теперь дошла очередь до Цезаря. По обычаямъ того времени, каждый преторъ или консулъ по окончаніи своего должностного года получалъ въ управленіе какую нибудь изъ провинцій, гдѣ въ качествѣ почти независимаго администратора онъ могъ, сообразно своимъ вкусамъ и способностямъ, стяжать богатство или славу, или то и другое вмѣстѣ. Эти провинціи распредѣлялись сенатомъ еще до выборовъ магистратовъ, получавшихъ ихъ въ управленіе, такъ что кандидатамъ на должность заранее извѣстно было, гдѣ черезъ годъ имъ придется исполнять пріятныя обязанности намѣстника. Въ 60-мъ году однако, когда соискателемъ на консульскій санъ былъ Цезарь, сенатъ вмѣсто провинцій—съ цѣлью вѣроятно надсадить демагогу—опредѣлилъ въ вѣдомство будущихъ консуловъ надзоръ за общественными дѣлами и угодами Италіи. Постъ весьма почтенный и полезный, но назначить его Цезарю было насмѣшкою. Понятно, что теперь, въ концѣ 59 г., послѣдній сталъ хлопотать объ отмѣтѣ сенатскаго опредѣленія; и по его инструкціямъ трибуны Ватиній вошелъ къ народу съ предложеніемъ предоставить ему, Цезарю, въ управленіе Цизальпійскую Галлію и Иллирику съ тремя легіонами на пять лѣтъ. Предложеніе это былъ довольно дерзкое: провинціи сдавались обыкновенно на годъ и уже никоимъ образомъ съ такою большою арміею; но такъ какъ тому были прецеденты—Помпей получилъ диктатуру для искорененія пиратовъ на три года, а для войны съ Митридатомъ на десять лѣтъ,—то Цезарь имѣлъ нѣкоторое право его дѣлать. Конечно, оппозиція сената была бѣшена, — Катонъ, его Роланъ, неистовствовалъ больше всѣхъ; но въ концѣ концовъ онъ вынужденъ былъ не только сдаться, но еще и отъ себя — по рекомендаціи Помпея—добавить и Трансальпійскую Галлію съ однимъ легіономъ.

Пораженіе сената было полное: его неуклюжій маневръ лишить Цезаря провинцій не удался, — и новому намѣстнику оставалось теперь убраться во ввѣренныя ему области. Политическія дѣла однако задержали его на нѣкоторое время. Консулы 58 г., Кальпурній Пизонъ и А. Габиній, были оба приверженцы триумvirовъ: первый — новый тестъ Цезаря, который въ прошломъ году женился

на дочери Кальпурнія, выдавъ одновременно свою собственную дочь замужъ за Помпея, а второй — креатура и во всемъ послѣднее орудіе послѣдняго. Но преторы принадлежали къ противоположному лагерю и, лишь только вступили во власть, предложили сенату уничтожить всѣ узаконенія Цезаря. Конечно нападеніе окончилось ничѣмъ: Цезарь многозначительно взглянулъ на сенаторовъ и послѣдніе въ одинъ голосъ поспѣшили заявить, что распоряженія бывшаго консула вполне законны, а потому отмѣнѣ подлежатъ не могутъ. Столь же плачевно окончилось и другое нападеніе, сдѣланное трибуномъ Антистіемъ.

Въ это время рѣшалась участь Цицерона и Цезарь принужденъ былъ пробывать въ окрестностяхъ Рима вплоть до конца апрѣля. Приглашенный послѣ раскрытія Катилинова заговора спасителемъ республики и отцомъ отечества, тщеславный ораторъ сталъ обижать такое самоувѣреніе и такія притязанія на всеобщее поклоненіе, что надоѣлъ рѣшительно всѣмъ, а душе всего триумвирамъ, которымъ онъ досаждалъ на каждомъ шагѣ, обиженный тѣмъ, чѣмъ его не пригласили въ члены конкордата. Новые владыки Рима долго терпѣли его несносныя вмѣшательства въ ихъ дѣла, но не рѣшились его спровадить. Цезарь предложилъ ему мѣсто въ комиссію 20-ти, завѣдывавшую передѣломъ Кампанскіе земли, а когда послѣдовалъ отказъ—постъ легата въ Галліи. Видя, что это не помогаетъ, триумвиры рѣшили дѣйствовать силою и съ этою цѣлью напустили на него Клодія. Оскорбитель Доброй Богини давно уже былъ разъяренъ на Цицерона за то, что онъ далъ противъ него показаніе въ пресловутомъ его процессѣ: когда Клодію, униженному матерью и рабами Цезаря, принялся доказывать, что какъ разъ въ моментъ совершенія кощунства онъ былъ въ отсутствіи въ другомъ городѣ, суетливый ораторъ поднялся и подъ присягою показалъ, что всего за нѣсколько часовъ до преступленія обвиняемый былъ у него на дому. Клодію поклялся отмстить: при помощи Цезаря и Помпея онъ приписался къ плебейской семьѣ, сдѣлался трибуномъ и повелъ атаку на врага, предложивъ народу наказывать изгнаніемъ всякаго, кто когда-либо былъ повиненъ въ смерти римскаго гражданина. Имя Цицерона не было упомянуто, но ораторъ, взявъ за собою грѣшокъ по дѣлу Левтулла и его товарищей, погналъ, вѣроятно, кого мѣтитъ трибунъ, и послѣ короткой борьбы удался въ добровольное изгнаніе. Вотъ эту-то трагикомедію Цезарь наблюдалъ стоя за стѣнами Рима, и когда занавѣсъ упалъ, онъ могъ только пожать плечами и произнести въ духѣ Мольеровскаго персонажа «Tu l'as voulu, George D'indim!»

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Цезарь въ Галліи. — Характеръ провинцій. — Война съ Гельветами и Ариовитомъ. — Операции въ Бельгіи и завоеваніе сѣверной Галліи. — Дѣла въ Римѣ и конференціи въ Лукѣ. — Первое возстаніе въ Галліи. — Пролонгация проконсульства Цезаря еще на пять лѣтъ. — Война съ германцами и первая переправа черезъ Рейль. — Двѣ высадки въ Британію. — Второе возстаніе въ Галліи и второй переходъ за Рейль. — Третье возстаніе Галліи подъ предводительствомъ Вердингеторикса. — Опасное положеніе Цезаря, его маневры. — Осада Алезии и конецъ кампаніи. — Умиротвореніе Галліи. — Смерть Красса и взаимное охлажденіе Помпея и Цезаря. — Поворотъ Помпея вправо. — Смуты въ Римѣ и единоличное консульство Помпея. — Попытка отнять у Цезаря власть. — Куріоны и борьба въ сенатѣ. — Двусмысленное поведеніе Помпея. — Примирительная политика Цезаря. — Разрывъ. — Силы противниковъ. — Переговоры. — Занятіе Аресія и другихъ городовъ. — Бѣгство Помпея и сената. — Перелазы. — Отплытіе Помпея въ Грецію. — Цезарь — владыка Итали. — Цезарь въ Римѣ. — Операции въ бассейнахъ Средиземнаго моря. — Цезарь у Массилии и въ Испаніи. — Паденіе Массилии и усмиреніе военнаго бунта въ Плацентіи. — Диктатура Цезаря. — Переправа въ Грецію. — Критическое положеніе Цезаря. — Первые успѣхи. — Цезарь и его счастье. — Прибытіе Антонія и отступленіе изъ-подъ Нотры. — Стратегическіе планы Помпея и битва при Фарсалу. — Бѣгство Помпея. — Поведеніе Цезаря послѣ побѣды. — Преслѣдованіе Помпея и смерть его. — Цезарь въ Египтѣ. — Опасность и счастливый исходъ. — Связь съ Клеопатрою. — Цезарь въ Понтѣ и пораженіе Фарнака. — Возвращеніе въ Римъ. — Распоряженіе Цезаря и подавленіе возстанія легіонеровъ. — Высадка въ Африкѣ. — Первые неудачи. — Сраженіе при Тапсѣ. — Смерть Катона въ Утикѣ.

Пребываніе Цезаря въ Галліи составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ военной исторіи Европы. Проведши большую половину своей жизни на гражданскомъ поприщѣ, не имѣя за собою никакого военнаго опыта, кромѣ кратковременной службы на Востокѣ въ дни своей молодости, онъ, поставленный внезапно во главѣ небольшого войска въ 20—25 тысячъ чело-вѣкъ, въ девять лѣтъ успѣлъ покорить многочисленныя племена, населявшія обширную территорію такъ называемой Трансальпійской Галліи. Въ отличіе отъ Александра, которому приходилось имѣть дѣло съ выродившимися народами, Цезарь былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ врагомъ, полнымъ жизни, энтузіазма, патриотизма, отваги и воинственности, — достойными во всѣхъ отношеніяхъ предками нынѣшнихъ обитателей упомянутой страны. Одно имъ недоставало — единства и организаціи, и этимъ воспользовался великій полководецъ и дипломатъ, чтобъ подчинить ихъ гордыя головы римскому игу. Рассказывать подробно, какимъ образомъ это удалось, далеко выходило бы за скромныя предѣлы настоящаго

очерка; мы можемъ лишь вкратцѣ отмѣтить событія каждаго года, отсылая за болѣе подробнымъ разсказомъ къ самому Цезарю.

Какъ было уже упомянуто, Цезарь получилъ въ управленіе три провинціи: Иллирику, Цизальпійскую Галлію и Трансальпійскую Галлію. Первая, вдоль сѣверо-западнаго побережья Балканскаго полуострова, принадлежала Риму съ половины II в. до Р. Х. Вторая включала нынѣшнюю Ломбардію и вообще весь сѣверо-Италію отъ Альпъ до рѣки Рубикона (нынѣ Пизателло близъ Рими). Покоренная въ концѣ II вѣка, она, не смотря на свое культурное развитіе, все еще была лишена правъ римскаго гражданства и потому состояла въ постоянной оппозиціи къ сенату. Цезарь, завязавшій тамъ обширныя знакомства во время пребыванія своего въ ней по возвращеніи изъ Испаніи во второй разъ, потому естественно и избралъ ее предпочтительно передъ болѣе богатыми восточными провинціями, что она представляла сплошной и легковоспламеняющійся матеріалъ и вѣсть съ тѣмъ могла служить отличнымъ постомъ для наблюденія за событіями въ Римѣ. Третье же провинція, Трансальпійская Галлія, вовсе еще не была покорена, за исключеніемъ юговосточной окраины ея, извѣстной подъ именемъ Нарбовской Галліи или Римской Провинціи (нынѣ Провансъ). Она населялась множествомъ племенъ — Эдуями, Аквитанами, Гельветами, Секванами, Арвернами, Венетами и другими, изъ которыхъ лишь первые находились въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Риму, пользуясь его протекторатомъ. Постоянно раздражаемая междоусобицами и подвергаясь нападеніямъ изъ-за Рейна, эта богатая страна давно уже служила предметомъ вождѣльній римскаго сената; но до сихъ поръ его орлы дальше Женевского озера не пролетали, и Галльскія общины продолжали быть самостоятельными и независимыми. Проконсульство Цезаря имѣло поэтому особенное значеніе: это была завоевательная миссія, по своимъ послѣдствіямъ культурная, а по ближайшимъ цѣлямъ — хищническая, и наш герой выполнилъ ее съ рѣдкимъ успѣхомъ.

Прибывъ въ Женеву, на границахъ Провинціи, черезъ 8 дней послѣ отбѣзда изъ Рима, онъ узналъ, что Гельветы, обитавшіе нынѣшнюю Швейцарію, собираются эмигрировать на западъ, по ту сторону Юры, и съ этой цѣлью намѣреваются пройти черезъ Провинцію. Онъ послалъ имъ сказать, чтобъ они отказались отъ своего замысла и искали себѣ другой дороги. Гельветы исплопотали себѣ тогда свободный пропускъ у Секвановъ, и въ числѣ 368 тысячъ чело-вѣкъ, изъ которыхъ больше 90 тысячъ были способны носить оружіе, тронулись въ путь, прошли Секванію и напали на

Эдуевъ, друзей Рима. Это тѣмъ болѣе не понравилось Цезарю, что присутствіе воинственнаго племени въ самомъ сердцѣ Галліи, близи римскихъ владѣній, было довольно опасно, а потому, имѣя съ собою лишь одинъ легіонъ, онъ кинулся обратно въ Цизальпійскую Галлію, досталъ тамъ три другихъ, набралъ на свой страхъ еще два, и съ ними бросился въ догонку Гельветамъ. Онъ снахалъ арьергардъ у рѣки Араръ (Саону) и, изрубивъ его, по наведенному мосту перебрался на противоположный берегъ и быстро пошелъ дальше. У Бибракты (Отэвъ) произошло кровопролитное сраженіе, длившееся отъ полудня до заката, и окончившееся полнымъ пораженіемъ Гельветовъ. Они пробовали было бѣжать, но были окружены и сдались безусловно. Цезарь приказалъ имъ вернуться на старыя пепелища, и сильно порѣдѣвшія массы въ числѣ 100 тысячъ принуждены были пойти назадъ.

Слава Цезаря мгновенно разнеслась, и Давиціакъ, вождь Эдуевъ, попросилъ его помощи противъ германскаго царя Аріовиста, угнетавшаго ихъ по подстрекательствамъ сосѣднихъ Арверновъ и Секвановъ. Аріовистъ получилъ отъ римскаго сената титулъ царя и союзника, и Цезарь попросилъ его теперь прекратить свои нашествія и возвратить Эдуйскихъ заложниковъ. Храбрый германецъ гордо отказалъ, и Цезарь, направившись къ нему, забралъ у Секвановъ ихъ городъ Везонцію (Безавсонъ) и черезъ нѣсколько дней разбилъ на-голову его самого. Аріовистъ съ горстью дружинниковъ успѣлъ бѣжать за Рейнъ, но вся его армія была изрублена римской конницей. Это было уже къ концу лѣта, и Цезарь, совершивъ двѣ кампаніи въ нѣсколько мѣсяцевъ, отправилъ войска на зимнія квартиры, а самъ поѣхалъ въ Цизальпійскую Галлію заняться римскими дѣлами.

Въ слѣдующій 57-ой годъ Цезарь возобновилъ свои операціи съ 8-ю легіонами. Ему пришлось на этотъ разъ имѣть дѣло съ бельгійскими племенами, населявшими территорію между Севернами и Рейномъ: испугавшись его близости, они объединились въ числѣ 300 тысячъ и заняли угрожающее положеніе передъ самыми его аванпостами. Требовалось во что бы то ни стало раздробить ихъ силы, и Цезарь блестяще выполнилъ задачу, отрядивъ часть войска опустошить ихъ территорію. Въ самое короткое время они были разбиты, и Цезарь могъ сосредоточить свои силы противъ Нервіевъ, наиболѣе сильное и многочисленное племя во всей Бельгіи. Въ началѣ онъ терпѣлъ неудачи и однажды даже былъ застигнутъ врасплохъ въ лѣсистой мѣстности, гдѣ его армія чуть не погибла; но его геній и личная храбрость взяли перевѣсъ, и Нервіи потеряли

страшное пораженіе: изъ 60 тысячъ ихъ осталось въ живыхъ едва 500 человекъ. Имъ на помощь выступили было сосѣдніе атики, но, узнавъ о случившемся, вернулись обратно и заперли въ свою крѣпость. Цезарь потребовалъ сдачи, но они отказались, тѣмъ же менѣе, увидавъ чудовищныя стѣннотбитныя машины, они поняли свое безразсудство и открыли ворота. Но это лишь маневръ: тою же ночью они пытались напасть врасплохъ на ничего не чаявшій римскій лагерь; но попытка не удалась — паденіе было отражено, и Адуатики, числомъ 53 тысячи человекъ, были въ наказаніе за вѣроломство проданы въ рабство. Одновременно подъ начальствомъ легата П. Красса шли усиленныя покоренія Венетовъ, Унелловъ и другихъ племенъ сѣверо-западной Галліи, такъ что къ концу лѣта вся сѣверная половина Галліи была уже въ рукахъ Цезаря. Онъ отвелъ войско на зимнія квартиры въ область Эдуевъ, а самъ опять уѣхалъ въ Цизальпійскую Галлію. Онъ послалъ въ Римъ докладъ о своихъ побѣдахъ, и сенатъ, продолжая его, послалъ ему 15-ти дневное молебствіе, небывалое по своей продолжительности за все время существованія республики, такъ какъ даже Помпей, по заключеніи Митридатской войны, получалъ молебствіе лишь въ 10 дней.

Весну 56 г. Цезарь провелъ въ большихъ хлопотахъ. Помпей и Крассъ стали ссориться, и въ надеждѣ на распаденіе триумвирата Л. Домицій Агенбарбъ, кандидатъ на консульство, сталъ угрожать отнятіемъ у Цезаря его провинцій и легіоновъ. Подвѣяніемъ тѣхъ же надеждъ повелъ атаку и Цицеронъ, толкая, что вернувшійся изъ ссылки: въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ произнесъ восхитившую сенаторовъ рѣчь, въ которой требовалъ пересмотрѣнія положеній о Помпеевыхъ ветеранахъ, т. е. по-просту уничтоженія аграрной комиссіи, учрежденной Цезаремъ, и обѣщался черезъ мѣсяць, 15-го мая, внести въ этомъ смыслѣ формальное предложеніе. Обстоятельства такимъ образомъ требовали немедленнаго дѣйствія, и Цезарь, свидѣвшись раньше съ Помпеемъ, пригласилъ обоихъ своихъ коллегъ на совѣщаніе въ Лукъ (нынѣ Лукка). Въ назначенному времени туда прибыли Крассъ и Помпей, а за ними съ поклонами и увѣреніями въ преданности, большая часть знавшихъ 200 сенаторовъ и столько магистратовъ, настоящихъ и бывшихъ. Это было на улицахъ города можно было видѣть не менѣе 120 тысячъ. Это былъ настоящій съѣздъ могущественной партіи, походившій на собраніе царскаго двора, и результаты были чрезвычайно важны: оба врага были примирены обаятельными Цезаремъ и условились сдѣлаться консулами въ будущемъ году съ тѣмъ, чтобы

томъ получить въ управление: Крассъ — богатую Сирію, а Помпей — объ Испаніи. Въ замѣнъ этого проконсульство Цезаря имѣло быть продлено еще на 5 лѣтъ, а оплата военныхъ расходовъ произведена на счетъ государства: колоссальныя богатства, награбленныя въ Галліи, потребны были самому Цезарю на подкупъ всевозможныхъ должностныхъ лицъ, сенаторовъ, судей и т. п. Плоды не замедлили сказаться: получивъ строгое внушеніе отъ Помпея, Цицеронъ публично раскаялся, обозвалъ себя осломъ и 15-го мая, вмѣсто обѣщанной рѣчи, произнесъ въ сенатѣ пламенный панегирикъ генію и добродѣтелямъ Цезаря...

Позднею весною 56 г. побѣдоносный триумвиръ отправился къ войску. Недавно покоренная сѣверо-западная Галлія вплоть до моря составила союзъ и возстала, и Цезарь принужденъ былъ вести кампанію въ четырехъ пунктахъ: самъ съ небольшимъ флотомъ онъ дѣйствовалъ противъ Венетовъ въ Бретани, Т. Сабинъ — въ Нормандіи, Т. Лабіенъ въ прирейнской области Тревировъ, съ цѣлю предупредить нападеніе съ фланга Бельговъ и Германцевъ, а П. Крассъ въ Аквитаніи противъ беспокойныхъ Васковъ. Планъ былъ выполненъ блестяще: Венеты были разгромлены и проданы въ рабство, и союзники ихъ подверглись той же участи. Вся Галлія лежала теперь у ногъ Цезаря послѣ трехлѣтней борьбы; тѣмъ не менѣе она продолжала волноваться, и прошло еще много времени, пока она успокоилась.

Въ 55 г. постановленія Лукскаго съѣзда были приведены въ исполненіе: Помпей и Крассъ были выбраны въ консулы, а трибунъ Требоній внесъ предложеніе о назначеніи имъ въ провинціи Испаніи и Сиріи и о продленіи Цезарю срока его проконсульства вплоть до марта 49 г. Оппозиція аристократіи была свирѣпая: по обыкновенію, произошла кровавая свалка на форумѣ при знакомой уже намъ обстановкѣ съ неблагоприятными авгурами и чудесами храбрости Катона; но триумвиры одержали побѣду и предложеніе прошло.

Въ этомъ году Цезарь рано оставилъ Италію. Два германскихъ племени, Узипеты и Тенктеры, тѣснимые третьимъ — Свевами, перешли Рейнъ недалеко отъ его устья и стали основываться въ Галліи. Цезарю это не понравилось и, быстро пододвинувшись къ нимъ, онъ приказалъ имъ убираться назадъ. Начались переговоры, во время которыхъ Узипетская конница напала на часть Цезаревой и изрубилъ ее въ куски. На завтра германскіе вожди пришли къ Цезарю съ извиненіями, но онъ приказалъ ихъ задержать и прервалъ переговоры. Искуснымъ маневромъ онъ окружилъ злопо-

лучныхъ варваровъ со всѣхъ сторонъ и, сдѣлавъ внезапную атаку, разбилъ ихъ на-голову. Большая часть ихъ погибла, но немногіе успѣли бѣжать и перейти обратно за Рейнъ. Цезарь бросился за ними въ догонку: въ десять дней онъ выстроилъ черезъ эту рѣку мостъ, описаніе котораго и понынтѣ приводитъ въ удивленіе инженеровъ, и, переправившись въ Германію, опустошилъ область гамбровъ и другихъ. Онъ вернулся назадъ въ концѣ лѣта и, хотя наступали уже холода, рѣшилъ сдѣлать высадку въ Британію не столько ради завоеванія ея, сколько въ видахъ рекогносцировки. Съ двумя лишь легіонами онъ переправился черезъ Ламаншъ, разсылая войска туземцевъ; они немедленно послали къ нему словъ съ изъявленіемъ покорности, но, когда черезъ нѣсколько дней часть римскаго флота погибла отъ бури, они опять возстали и опять были побѣждены. Въ другое время Цезарь сурово наказалъ бы ихъ, но такъ какъ осень уже давала о себѣ знать, и пора было отбѣжать на зимовку, то онъ удовольствовался лишь тѣмъ, что, побивъ ихъ, двояго противъ прежняго числа заложниковъ и вернулся назадъ. Нужно сознаться, что кампанія этого года была довольно бесплодна: набѣги на Германію и Британію, не дававшіе никакихъ положительныхъ результатовъ, могли и не быть вовсе, но въ ознаменованіе того, что римскіе легіонеры впервые проникли въ эти, дотолѣ неизвѣстныя, страны, сенатъ постановилъ 20-дневное молебствіе. Немногіе лишь возставали противъ такой чести: одинъ только Катонъ бушевалъ, говоря, что за вѣроломство и отношенію къ священнымъ особамъ Узипетскихъ пословъ Цезарю не стоило давать награды, а казни.

Въ 54 г. послѣ короткой экспедиціи въ Иллирію и усмиреніи возставшихъ Тревировъ, Цезарь сдѣлалъ вторичную высадку въ Британію, на этотъ разъ съ пятью легіонами. Отплывъ изъ портовъ Идіи, между нынѣшними Калэ и Булонью, онъ быстро овладѣлъ всѣмъ полуостровомъ Тэнетомъ, разбилъ британскія силы при Тэнетѣ, перешелъ рѣку и покорилъ значительную часть теперешняго графства Эссекса и Миддлсекса. Взятъ заложниковъ и определенъ ежегодный дань, но не оставивъ ни гарнизоновъ, ни крѣпостей, онъ вернулся къ концу лѣта въ Галлію, совершивъ опять бесполезную военную прогулку. Въ виду сильнаго недорода хлѣба Цезарь принужденъ былъ на этотъ разъ расположить свою армію въ различныхъ пунктахъ, чѣмъ нѣкоторые племена — Эроны, Нервіи и Адутики — воспользовались, чтобъ организовать возстаніе. Кампанія была упорная, и нѣкоторые легіоны потерпѣли сильное пораженіе; но Цезарь подоспѣлъ къ нимъ во время на по-

и разбилъ непріятеля на голову. 60-ти-тысячное войско послѣдняго было разсѣяно, но Цезарь принужденъ былъ всю зиму оставаться въ Галліи, чтобъ подавлять отдѣльныя вспышки.

Лѣто 53 г. было лишь продолженіемъ предыдущаго. Галлія продолжала быть неспокойною, и Цезарь вынужденъ былъ на подмогу вызвать еще два легіона: одинъ, собственный, изъ Цизальпійской Галліи, а другой — специально одолженный у Помпея. Значительно подкрѣпленный, онъ вновь покорилъ Нервіевъ, Секвановъ, Корнутовъ и Тревировъ. Послѣднимъ помогали нѣкоторыя германскія племена, и Цезарь, покончивъ на время съ Галлами, перешелъ вторично за Рейнъ, покорилъ Убіевъ, опустошилъ страну Свевовъ и тѣмъ заставилъ ихъ удалиться въ лѣса и болота. Вернувшись, онъ опять имѣлъ дѣло съ Эбуронами и послѣ нѣкоторыхъ побѣдъ заставилъ ихъ вновь признать власть Рима. Усмиривъ затѣмъ вторично Сеноновъ и Карпатовъ, онъ расположилъ свои войска на зимнія квартиры въ Бельгін и самъ по прежнему поѣхалъ въ Цизальпійскую Галлію.

Въ Римѣ, въ началѣ 52 г., былъ убитъ Клодій и осложнившіяся дѣла требовали присутствія Цезаря въ Италіи. На это рассчитывали Галлы, чтобъ сдѣлать послѣднее усиліе и сбросить ненавистное иго. Загорѣлся всеобщій и страшный пожаръ, охватившій всѣ племена, даже дружественныхъ Эдуевъ: подъ предводительствомъ храбраго и гениальнаго Верцингеторикса, они съ замѣчательнымъ единодушіемъ и энтузіазмомъ возстали, грозя разрушить плоды всѣхъ шестилѣтнихъ трудовъ Цезаря. Послѣднему пришлось волеяневолей оставить свой наблюдательный постъ и предпринять дѣло покоренія Галліи съ-изнова. Его ждало крупное затрудненіе на первыхъ же порахъ: онъ имѣлъ съ собою лишь незначительное войско, всѣ же главные силы его находились въ сердцѣ Галліи, окруженныя со всѣхъ сторонъ возставшими племенами, и потому совершенно отрѣзанными отъ Италіи. Надлежало соединиться съ ними и сосредоточиться въ одномъ пунктѣ, и Цезарь употребилъ хитрость. Перебравшись черезъ Севенны глубокой зимой, по снѣгу въ шесть футовъ толщины, онъ очутился въ странѣ Арверновъ, менѣе всего помышлявшихъ о нападеніи съ этой стороны, и обрушился на нихъ со всею силою. Немедленно они послали Верцингеториксу сказать, чтобъ онъ поспѣшилъ къ нимъ на помощь, и Цезарь, только и желавшій, что привлечь вниманіе непріятеля на этотъ пунктъ, оставилъ Децима Брута съ незначительнымъ отрядомъ продолжать военныя дѣйствія, а самъ поспѣшилъ въ страну Лингоновъ, гдѣ стояли два его легіона. Передвигаясь необычайно

скорыми маршами, онъ прибылъ туда прежде, чѣмъ Верцингеториксъ могъ узнать, гдѣ что происходитъ, и, соединившись съ арміею, быстро овладѣлъ всѣми окружными городами, въ томъ числѣ и Аварикумомъ (Буржъ), главною крѣпостью Битуриновъ, и, естественно пощаженной среди всеобщаго опустошенія. Онъ раздѣлилъ тогда свои силы на двѣ части и, отправивъ Т. Лабіена преемникомъ Сеноновъ и Паризіевъ, самъ съ 6-ю легіонами вторгся опять въ Арвернамъ. Здѣсь онъ осадилъ было столицу ихъ Герговикъ, возстаніе Эдуевъ и захватъ ими Новіодунума (Нуана), гдѣ находились его магазины, заставилъ его снять осаду и воссоединить со своимъ легатомъ. Это было чрезвычайно трудное предпріятіе, оно удалось благодаря искуснымъ маневрамъ. Въ это время Верцингеториксъ, во главѣ огромныхъ силъ, сталъ угрожать Римской Провинціи, и Цезарь немедленно рѣшилъ отправиться ему во слѣдъ. Онъ побѣдилъ его въ рукопашной, заставилъ его отступить къ Алезіи (Алеза въ Бургундіи) и заперъ его тамъ съ 70 тысячами человѣкъ. Началась осада, и Цезарю уже удалось обвести его валами, когда въ свою очередь былъ окруженъ 300 тысячами римскихъ воиновъ. Положеніе было едва ли не самое критическое за все время пребыванія Цезаря въ Галліи; но гевій его спасъ: онъ раздѣлилъ армію на непріятельскія полчища и вслѣдъ затѣмъ, хотя и не безъ трудностей, взялъ городъ и самого Верцингеторикса. Предпріятіе Галловъ кончилось ничею, и, послѣ усмиренія Эдуевъ и Арверновъ, Цезарь могъ расположиться среди первыхъ на зимнихъ квартирахъ и послать въ сенатъ извѣстіе о счастливомъ окончаніи труднѣйшей войны. Восхищенный сенатъ продекретировалъ ему опять 20-ти дневное молебствіе.

Возстаніе было такимъ образомъ сломлено, но искры вспыхивали еще тамъ и сямъ, такъ что Цезарю пришлось все лѣто 52 г. провести въ окончательномъ усмиреніи Галліи. Ему опять пришлось имѣть дѣло съ Карнутами, Белловаками, Кардуками, Аквитанами, послѣ чего онъ провелъ зиму въ Бельгін. Предвидя, что ему вскорѣ придется вернуться въ Италію, онъ занялся дѣломъ умиротворенія покоренной страны и устраненіемъ поводовъ къ недоразумѣніямъ и мятежамъ. Онъ не накладывалъ большаго податей, предоставилъ многимъ городамъ самоуправленіе и щедро одарилъ вождей. Наученные горькимъ опытомъ послѣднихъ лѣтъ, видя въ то же время мягкое обращеніе съ ними Цезаря, Галлы теперь смирились и безропотно приняли римскія законы и римскую администрацію. Они живо и вполне претворили новую культуру во всѣхъ ея формахъ и вскорѣ сдѣлались достойнѣйшими послѣднихъ

лями ея, передавъ черезъ рядъ вѣковъ ея духъ и тенденціи своимъ отдаленнымъ потомкамъ.

Весною 50 г. Цезарь вернулся въ свою Цизальпійскую Галлію и съ тревогою сталъ наблюдать все болѣе и болѣе омрачавшійся политическій горизонтъ Рима. За послѣднія нѣсколько лѣтъ произошли крупныя перемѣны: въ сентябрѣ 54 г. умерла отъ родовъ Юлія, дочь Цезаря и жена Помпея, а въ 53-мъ г., во время похода на парянъ, погибъ Крассъ. Помпей и Цезарь остались одни владыками государства, но насколько измѣнились отношенія между ними, видно изъ того, что когда Цезарь, съ цѣлю вновь породниться и тѣмъ закрѣпить союзъ, предложилъ своему товарищу жениться на его племянницѣ Октавіи, женѣ К. Марцелла съ тѣмъ чтобы онъ, Цезарь, въ свою очередь взялъ дочь Помпея, тогда замужемъ за Фаустомъ Суллою, Помпей отказалъ, женившись на другой. Дѣло въ томъ, что теперь впервые побѣдитель Востока, еще такъ недавно считавшійся первымъ военнымъ талантомъ своего времени, сталъ чувствовать, какъ почва ускользаетъ изъ подъ его ногъ, благодаря блестящимъ успѣхамъ Цезаря въ Галліи. Вообще лишенный прозорливости и дипломатическихъ способностей, онъ однако не былъ на столько слѣпъ, чтобы не видѣть, что какъ демократія, такъ и аристократія дѣлать его лишь потому, что видятъ въ немъ кандидата на диктатуру, столь необходимую для нихъ спасенія. Если же его слава и престижъ, какъ величайшаго полководца Рима, теперь отойдутъ къ другому, то что останется отъ его значенія въ политическомъ мірѣ, какъ призъ для той или другой партіи? Помпей задумался и, видя, какъ народъ сталъ переносить свое вниманіе все болѣе и болѣе на его соперника, рѣшилъ потихоньку повернуть вправо. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благоприятствовали ему. 54-й годъ прошелъ въ непрерывныхъ смутахъ, не дававшихъ возможности дѣлать выборы: подкупъ съ обѣихъ сторонъ гулялъ въ такихъ гомерическихъ размѣрахъ, что деньги вздорожали и процентъ повысился съ 4 на 8. Консулы 53-го были по этому выбраны лишь лѣтомъ того же года, такъ что въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ римское государство управлялось регентами (*interrex* 'ами) изъ сенаторовъ, смѣнявшимися каждые 5 дней. Ржавая государственная машина пришла въ застой, и новый 52-ой годъ открылся при дурныхъ предзнаменованіяхъ. Въ январѣ на Аппіевой дорогѣ Клодія былъ убитъ Милономъ, сенатскимъ кандидатомъ на консульство, и народное раздраженіе перешло въ мятежъ: сенатское зданіе было сожжено, и Милонъ вмѣстѣ съ *interrex*'омъ Лепидомъ были осаж-

дены на домъ. Когда олигархія, радуясь возвращенію къ ней Помпея, своего блуднаго сына, объявила осадное положеніе и назвала его, по предложенію Бибула и Катона, столпомъ республиканской конституціи, единоличнымъ консуломъ, т. е. консуломъ безъ коллегъ. Это было вопіющее нарушеніе законовъ: помимо того, мѣсяце трибунъ было спршено, Помпей не имѣлъ права, въ качествѣ проконсула, войти въ Римъ, и во всякомъ случаѣ не могъ отправлять консульской должности безъ сотоварища. Но какъ значеніе имѣла конституція и сама прославленная республиканская свобода, когда дѣло идетъ объ интересахъ правящихъ классовъ? О нихъ можно даже должно кричать, когда нарушителями являются демократы; когда же на очереди стоитъ вопросъ о участи аристократіи, ими можно вполне пренебречь. *Quod licet Jovi, non licet bovi*, гласила житейская мудрость, а сенатская олигархія была какъ разъ мудра, какъ змій. Конечно, Помпею это было какъ нельзя больше на руку: усмиривъ военною силой «державный» народъ, онъ въ пять мѣсяцевъ поставилъ дѣло ната на прочую ногу и, избравъ своимъ коллегой своего новоявленнаго Кв. Цецилія Метелла Сципіона, заклятаго аристократа, стался, какъ въ былыя времена, надеждою и оплотомъ знати. Этого моментъ начинается его двусмысленная политика по отношенію къ Цезарю. Проконсульство послѣдняго, какъ было упомянуто, оканчивалось собственно 1-го марта 49 г.; но такъ какъ преемникъ его изъ консуловъ того же года не могъ смѣниться его раньше начала 48-го, то Цезарь имѣлъ возможность оставаться во власти весь 49 годъ. Этимъ обстоятельствомъ онъ и хотѣлъ воспользоваться, чтобы выставить свою кандидатуру на консульство 48 г., дабы ни минуты не оставался частнымъ лицомъ, лежащимъ суду и сенатскому гнѣву, которымъ грозился Катонъ. Но для этого требовалось формальное изъятіе изъ общаго закона необходимости кандидатамъ присутствовать при выборахъ, — и въ трибуны, друзья Цезаря, начинаютъ хлопотать въ этомъ смыслѣ сената. Помпей, державшій фактически всю олигархію въ рукахъ, даруетъ это изъятіе, но черезъ нѣкоторое время издаетъ подвѣденіе закону предыдущаго года, въ силу котораго между консульствомъ и проконсульствомъ одного какого нибудь лица должно впредь протечь промежутокъ въ 5 лѣтъ. Этимъ, только подъ нею формою, онъ сразу уничтожилъ льготу, дарованную Цезарю, агенты послѣдняго должны были прибѣгнуть къ угрозамъ, чтобы заставить его внести прибавочный пунктъ о томъ, что законъ 49 г. къ Цезарю не относится. Онъ сдѣлалъ это однако своей лич-

властью, не спросясь коммий, а потому могъ при случаѣ легко увернуться, ссылаясь на его незаконность и недѣйствительность. Цезарю мораль этого была болѣе, чѣмъ понятна, а событія 51 г. еще больше разъяснили ее. Въ январѣ новый консулъ М. Клавдій Марцеллъ, игнорируя узаконенія предыдущаго года, внесъ въ сенатъ предложеніе о томъ, чтобъ отозвать Цезаря, окончившаго уже Галльскую войну, и лишить его права выставлать кандидатуру въ отсутствіи. Помпей счелъ за благоразумное уѣхать изъ города, и сенатъ, не рѣшаясь что либо предпринять безъ его согласія, разошелся ни съ чѣмъ. Въ октябрѣ однако Марцеллъ возобновилъ свое предложеніе, и такъ какъ Помпей на этотъ разъ заявилъ, что воля сената священна и рѣшеніямъ его должно повиноваться, почтенные отцы рѣшили 1-го марта слѣдующаго года формально обсудить вопросъ о передѣлѣ провинцій между новыми наместниками. Они однако черезъ чуръ уже смѣло дѣлали свои выкладки: одинъ изъ новыхъ консуловъ Л. Эмилиій Павелъ оказался подкупленнымъ кругленькою суммою въ 1500 талантовъ, которые онъ тогда же истратилъ на постройку знаменитой базилики его имени, а другое важное должное лицо — энергичный и способный трибуны К. Скрибоній Куріонъ — тоже обязанъ былъ Галльскому Аладдину за ссуженные ему 60 милліоновъ сестерцій (сестерція — ок. 10 коп.). Естественно, что когда наступило роковое 1-ое марта 50 г., дѣло пошло совсѣмъ не такъ, какъ того ожидали отцы: Куріонъ внесъ контръ-предложеніе о томъ, чтобы оба соперника — и Помпей, и Цезарь — сложили свою власть и распустили свои легіоны, дабы никому изъ нихъ не было обидно и государство не осталось въ распоряженіи одного лица. Сенатъ былъ застигнутъ врасплохъ и опять долженъ былъ разойтись, не придя ни къ какому заключенію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вопросъ поднялся опять: на этотъ разъ безъ всякихъ эквивокъ предлагалось назначить Цезарю преемника къ 13-му ноябрю текущаго года; но Куріонъ наложилъ свое veto, повторилъ свою поправку и сильною, полною угрозъ рѣчью такъ подѣйствовалъ на умы слушателей, что полубѣда была блестяща, и собравшійся у куріи народъ привѣтствовалъ побѣдоноснаго трибуна бѣшенными рукоплесканіями и устлалъ его путь домой цвѣтами. Цезарь зналъ, какой товаръ покупать!

Но на этомъ дѣло не кончилось. Помпей не былъ на послѣднемъ засѣданіи сената и теперь, узнавъ о случившемся провалѣ, опротивѣвъ кинулся въ Римъ на подмогу оплошавшимъ друзьямъ. Конечно, заявилъ онъ, воля сената надлежитъ повиноваться, и

никто болѣе его не готовъ ее уважить; тѣмъ не менѣе, изъ дружбы къ Цезарю, которому, какъ онъ достовѣрно зналъ, было бы весьма пріятно вернуться въ Римъ послѣ столькихъ лѣтъ отсутствія, онъ осмѣливается просить отцовъ пересмотрѣть свое недавнее рѣшеніе и назначить Цезарю преемника. Но на сцену опять появился отважный Куріонъ: въ горячей рѣчи онъ протестовалъ противъ оказаннаго предпочтенія какой либо изъ сторонъ и требовалъ отъ обоихъ проконсуловъ безусловнаго повиновенія принятому сенатомъ рѣшенію под угрозой быть объявленными государственными измѣнниками. Помпей, не отступавшій передъ градомъ стрѣлъ, отступилъ передъ градомъ словъ, и Куріонъ торжествующе закрылъ засѣданіе. Тѣмъ не менѣе, чтобъ не казаться побѣжденнымъ и въ то-же время ослабить Цезаря, сенатъ потребовалъ отъ обоихъ проконсуловъ по легіону будто-бы для войны съ пароянами: этимъ онъ лишалъ Цезаря двухъ легіоновъ — одного собственнаго, а другого, одолженнаго Помпею въ 53 г. у Помпея. Уловка была прозрачна, но приказъ былъ исполненъ въ точности: солдаты, щедро одаренные, прибыли изъ Галліи, вмѣсто отправки на востокъ, были размѣщены вокругъ Капуи.

Для Цезаря теперь не могло уже быть никакихъ сомнѣній, что спорный вопросъ разрѣшится не иначе, какъ при помощи оружія. Оставивъ поэтому свою армію на зимнихъ квартирахъ въ Бельгѣ и среди Эдуевъ, онъ съ однимъ легіономъ прошелъ въ Цизальпійскую Галлію и, пододвинувшись къ самой границѣ ея, расположился въ городѣ Равеннѣ. Отсюда онъ могъ легче манипулировать своими агентами и друзьями въ Римѣ и однимъ маршемъ провинуть въ Италію. Въ концѣ года онъ рѣшилъ сдѣлать съ своей стороны формальное предложеніе сенату: онъ выразилъ свою готовность сложить власть и распустить легіоны, если то-же сдѣлаютъ и Помпей. Письмо было прочитано въ сенатѣ М. Антоніемъ, сподвижникомъ Цезаря и вновь избраннымъ трибуномъ; но поднявшій гвалтъ помѣшалъ ему окончить и собраніе разошлось ни съ чѣмъ. Тогда Цезарь сдѣлалъ послѣдній шагъ: онъ послалъ вторично письмо черезъ Куріона, въ которомъ, не упоминая уже о Помпеѣ, онъ отказывался отъ Трансальпійской Галліи и просилъ лишь Цизальпійскую и Иллирику съ двумя легіонами. Такое скромное предложеніе пришлось по-вкусу, и сенаторы съ Циперономъ во главѣ готовы были поддержать компромиссъ, но Помпей заупрямился и настаивалъ на полнѣйшемъ разоруженіи Цезаря. Тогда, среди шуму и протестовъ со стороны Куріона, Антонія и др., было постановлено, вопреки разъ уже принятому рѣшенію, чтобы Цезарь къ значенному дню распустилъ всю свою армію и передалъ Трансаль-

пійскую Галлію Л. Домицію Агенобарбу, а Цизальпійскую съ Иллирикою — М. Сервилію Ноніану. Это было равносильно объявленію войны, и Антоній съ Куріономъ, опасаясь репрессалій, принужденны были бѣжать изъ Рима. 6-го января сенатъ объявилъ осадное положеніе, а 7-го, собравшись за городомъ, вручилъ Помпею главное командованіе надъ всѣми силами государства, на случай если Цезарь откажется повиноваться его декрету и начнетъ военныя дѣйствія.

Роковой шагъ былъ сдѣланъ, и 11-го Цезарь уже зналъ о случившемся черезъ курьеровъ. Рѣшеніе давно уже было принято имъ: хотя съ собою у него было лишь около 5000 человекъ, но онъ зналъ, что и у враговъ дѣло обстоитъ не лучше, такъ какъ изъ 10 легионовъ, на которые они могли рассчитывать, семь находились въ Испаніи, два — на югѣ Италіи, около Капуи, и лишь одинъ въ окрестностяхъ Рима. Правда, Помпей сильно надѣялся еще на Сулловыхъ ветерановъ, расположенныхъ въ кампанскихъ колоніяхъ, и увѣрялъ всѣхъ и каждого, что стоитъ ему лишь топнуть ногою, какъ вокругъ него выростутъ солдаты; но это было чрезвычайно гадательно, и Цезарь былъ увѣренъ, что, куда его противникъ успѣетъ осмотрѣться, онъ, Цезарь, овладѣетъ уже всѣмъ сѣверомъ Италіи. Тѣмъ временемъ подоспѣютъ и другіе его девять легионовъ изъ Трансальпійской Галліи, и онъ сможетъ пойти на самый Римъ. Заручившись поэтому согласіемъ своего легиона и пославъ остальныхъ приказъ выступить немедленно ему на помощь, онъ 15-го января двумъ отсылаетъ впередъ нѣсколько когортъ, а самъ съ остальными догоняетъ ихъ ночью, недалеко отъ Рубикона, въ 30 верстахъ отъ Равенны. За этой рѣкою начинались владѣнія сената, вѣздъ въ которыхъ проконсуламъ былъ воспрещенъ, и Цезарь, какъ гласитъ извѣстный, хотя и довольно сомнительнаго достоинства, анекдотъ, остановился въ этомъ мѣстѣ въ раздумьи, колебаясь, вернуться ли ему назадъ, пока не поздно, или пойти впередъ. Наконецъ, онъ рѣшился: встряхнувъ головою, онъ воскликнулъ: «жребой брошень!» и первый вошелъ въ рѣку. Онъ немедленно, не давъ войску передохнуть, направился къ Аримину, небольшому городу при Адриатическомъ морѣ, и на зарѣ достигъ его и взялъ безъ боя. Здѣсь нашель онъ направлявшихся къ нему Антонія и Куріона, равно какъ и посланца отъ Помпея съ письмомъ, въ которомъ двулчичный другъ извивается въ своемъ недавнемъ поведеніи и выражаетъ желаніе помириться. Конечно, это было сдѣлано лишь съ цѣлью выгадать время, но Цезарь, желавшій показать свое миролюбіе, отвѣтилъ изъявленіемъ своей готовности сложить власть, если то-же сдѣлаетъ и Помпей, и просилъ личнаго съ нимъ сви-

данія. Гонцы помчались теперь обратно къ Помпею, но его уже не было въ Римѣ: лишь только разнесся слухъ о переходѣ Цезаря черезъ Рубиконъ и о паденіи Аримина, какъ всѣмъ почтеннымъ сословіемъ сенаторовъ овладѣла смертельная паника, и всѣ они, со своимъ вождемъ, напрасно топавшимъ ногою, бросились бѣжать на югъ, забывъ въ попыхахъ даже захватить государственную казну. Вся Аппіева дорога была покрыта знатными бѣглецами въ носилкахъ и верхомъ, опрометью скакавшими къ Капуѣ, гдѣ стояли два жалкихъ ихъ легиона: насилу гонцы догнали ихъ, не добывая этого города, и вручили Помпею письмо Цезаря. Отвѣтъ заставилъ себя нѣсколько ждать — утомленные бѣглецы едва переводили духъ; наконецъ, черезъ два дня онъ былъ врученъ и отвезенъ обратно. Оказалось, что отъ Цезаря требуютъ безусловной покорности и разпущенія войска, послѣ чего только и могутъ начаться переговоры о мирѣ! Это было уже слишкомъ, и Цезарь въ свою очередь отвѣтилъ на это занятіемъ Арціи и цѣлаго ряда другихъ важныхъ пунктовъ, какъ Игувій, Ависимъ, Фанумъ, Пизанумъ и др.

Такъ началась междоусобная война, приведшая къ гибели республиканскаго строя. Прежде чѣмъ раздался выстрѣлъ съ той или другой стороны, вся сѣверная половина Аппенинскаго полуострова была уже въ рукахъ Цезаря; но вмѣсто того, чтобы идти на беззащитный Римъ, побѣдитель предпочелъ направиться къ Капуѣ, чтобъ отрѣзать Помпею отступленіе изъ Италіи и помѣшать ему переправиться на Востокъ: тамъ еще была жива память о его подвигахъ, и обаяніе его имени могло привлечь большія силы подъ его знамена. Путь Цезаря лежалъ черезъ область Тирену, и здѣсь ему впервые пришлось встрѣтить сопротивленіе со стороны города Корфинія. Это былъ весьма важный стратегическій пунктъ, господствовавшій надъ всей центральной Италіей, и туда бросился съ многочисленной знатью знакомый намъ Л. Домицій Агенобарбъ, чтобъ задержать Цезаря. Послѣдній приступилъ къ его осадѣ, и черезъ семь дней гарнизонъ, не получая отъ Помпея помощи, заставилъ Домиція капитулировать. Всѣ запасы, арсеналы и вся знать попали въ руки Цезарю; но отчасти изъ великодушія, отчасти изъ расчета онъ всѣхъ отпустилъ на свободу, отдавъ имъ даже ихъ казну. Этимъ онъ привлекъ на свою сторону многихъ нерѣшительныхъ людей, оттого лишь не пристававшихъ къ нему, что видѣли въ немъ второго Марія или Суллу и опасались проскрипцій. Даже Цицеронъ, еще незадолго до того обзывавшій его воромъ и грабителемъ, перемѣнилъ теперь тонъ и въ частныхъ письмахъ выражаетъ увѣренность, что къ Цезарю пристанетъ вся Италія, если онъ и

впередъ такъ будетъ поступать, какъ поступалъ до сихъ поръ. И ораторъ не ошибся: весь путь Цезаря представлялъ триумфальное шествіе, сопровождаемое отовсюду изъявленіями восторга и покорности. За то, подойдя къ Капуѣ, ему пришлось узнать, что Помпей улизнулъ изъ его рукъ: удалившись въ Бриндизи, главный портъ Италіи для Востока, послѣдній уже дѣятельно занимался переправою своихъ войскъ въ Эпиръ и готовился вскорѣ самъ послѣдовать за ними. Цезарь, располагавшій шестью легіонами, бросился туда съ необыкновенною быстротою: онъ осадилъ городъ 6-го марта и пробовалъ было вступить съ противникомъ въ переговоры; но тотъ отказался, ссылаясь на отсутствіе консуловъ и сената, а 17-го очистилъ городъ, отчаливъ съ послѣдними остатками арміи въ Грецію. Цезарю, не имѣвшему ни одного корабля, пришлось отступить, но во всей Италіи уже не было ни одного врага.

Черезъ 2½ мѣсяца послѣ перехода черезъ Рубиконъ, Цезарь подступалъ теперь къ Риму его полновластнымъ владыкою. Такъ какъ консулы уѣхали изъ Италіи вмѣстѣ съ Помпеемъ, трибуны М. Антоній и Кв. Кассій Лонгинъ, пользуясь древнею прерогативою, созвали за городомъ сенатъ для выслушанія отчета Цезаря въ его послѣднихъ дѣйствіяхъ. Это было жалкое собраніе: составленное отчасти изъ давнишнихъ жрецовъ галльскаго золота, но болѣею частью изъ помпейцевъ, пытавшихся было бѣжать, но вернувшихся съ полдороги, оно, какъ спуганное стадо, внимало вѣжливому рѣчамъ Цезаря и робко отвѣчало аплодисментами на его завѣренія въ миролюбіи и патриотизмѣ. Оно выразило свое искреннее пожеланіе скорѣйшему окончанію братоубійственной войны и уполномочило Цезаря вступить въ переговоры съ Помпеемъ. Послѣ этого оно съ миромъ разошлось, и Цезарь, забравъ казну и назначивъ М. Лепида префектомъ города, а М. Антонія — начальникомъ Италійскихъ войскъ, оставилъ Римъ послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ его окрестностяхъ.

За неимѣніемъ флота онъ все еще не могъ преслѣдовать Помпея и потому обратилъ теперь свое вниманіе на Средиземное море, гдѣ много важныхъ пунктовъ находилось въ рукахъ его противниковъ. Прежде всего подъ самымъ бокомъ были Сицилія и Сардинія, житницы Рима, занятія Катонемъ; съ другой стороны была Илирика, тоже хлѣбородная провинція, въ недалекомъ разстояніи отъ Эпира, также въ рукахъ помпейцевъ; на крайнемъ же западѣ была Испанія, провинція Помпея, гдѣ стояли семь легіоновъ, цвѣтъ римской арміи, готовые ежеминутно отправиться на соединеніе съ своимъ вождемъ. Оттого еще изъ

Бриндизи Цезарь отрядилъ вѣрнаго Куріона съ четырьмя нами въ Сицилію прогнать Катона, а немного позже посла подобныя же миссіи Кв. Валерія въ Сардинію и К. Антонъ Илирику. Теперь же, посѣтивъ Римъ, онъ рѣшилъ самъ отправиться въ Испанію. Ему пришлось ѣхать черезъ Римскую Провинцію здѣсь городъ Массилія (Марсель), важный торговый и культурный центръ, населенный греками, войдя въ переговоры съ сировавшимъ тутъ же А. Домиціемъ, заперъ передъ нимъ воюющую армію. Онъ пробовалъ было его осадить, но, видя, что дѣло можетъ тянуться на долго, передалъ веденіе осады К. Требонію Бруту, а самъ поспѣшилъ далѣе. Испанскіе ветераны находились подъ начальствомъ помпеевыхъ легатовъ: Л. Афранія, имѣвшаго три легіона, М. Петрея, имѣвшаго два, и М. Теренція Варрона, знаменитаго ученаго, имѣвшаго также два. Цезарю впервые стояло имѣть дѣло съ арміей, прошедшей ту же школу дисциплины и тактики, что и его, и первое время онъ, дѣйствительно проигрывалъ: Афроній и Петрей соединились и нанесли вѣскопѣе жестокія пораженія непобѣдимо дотоле полководцу; но послѣдній взялъ верхъ, и оба легата принуждены вскорѣ сложить оружіе. Сами они, по обычаю Цезаря, были щены на всѣ четыре стороны, но лучшая часть изъ арміи присоединена къ арміи побѣдителя, и только новобранцы чили расчетъ. Немного спустя и Варронъ, понимавшій въ гадъ больше, нежели въ военномъ дѣлѣ, сдался безъ боя Кордовы, и Цезарь, блестяще окончивъ кампанію въ сорокъ мѣсяцевъ, могъ вернуться обратно въ Италію. Одновременно, нужно было вѣдѣть, и Куріонъ выжилъ изъ Сициліи Катона, съ достоинствомъ удалившагося въ Эпиръ, и Валерій овладѣлъ Сардиніей; но въ то время, когда Цезарь началъ свои дѣйствія въ Африку, вскорѣ послѣдовавшая борьба съ Юбиемъ, царемъ Мавританскимъ, а К. Антоній игралъ рѣшительное сраженіе въ Илирии и былъ взятъ плѣнъ. Цезарь возвращался домой тою же дорогою, которою ѣхалъ, и по пути опять остановился передъ Массиліей, въ державшейся, не смотря на инженерное искусство осаждающихъ. Узнавъ, что Цезарь вернулся изъ своей экспедиціи побѣдителемъ и что ей, стало быть, нечего ждать уже помощи изъ Испаніи, она теперь капитулировала, сдавшись на дискреціонныхъ условіяхъ. Не смотря на досаду за ея упорство и на недвусмысленныя требованія солдатъ предать богатый городъ грабежу, благородный побѣдитель не сдѣлалъ Массиліи никакого зла и даже велѣлъ ей ея самоуправленіе и хартии. Это ему даромъ не пр

стоявшіе въ Плацентіи (Пьяченца), въ долині По, нѣско-
легионовъ давно уже волновались, не получая обѣщанныхъ на-
градъ, и теперь, по прибытіи изъ подъ Массиліи солдатъ, обману-
тыхъ въ своихъ надеждахъ на грабежъ, открыто возмутились,
брани своего полководца и требуя разсчета. Немедленно Цезарь
кинулся туда: онъ изъявилъ свою готовность раскассировать
всѣхъ ихъ тутъ же на мѣстѣ и, вмѣсто обычнаго своего обраше-
нія: солдаты, обозвалъ ихъ словомъ Quirites. Это имѣло маги-
ческий эффектъ: не только, значить, Цезарь, ведшій ихъ къ столъ-
кимъ побѣдамъ, не нуждался въ нихъ, но еще презрительно на-
зывалъ ихъ квиритами — простыми гражданами, не носившими
оружія. Военная честь была затронута, и съ крикомъ раскаянія
мятежные солдаты бросились къ его ногамъ, умоляя простить
ихъ и принять снова на службу. Цезарь долго отказывался, но,
наконецъ, уступилъ, предавъ однако казни 12 зачинщиковъ.

Цезарь, послѣ десятилѣтняго отсутствія, прибылъ теперь въ
Римъ, провозглашенный Лепидомъ диктаторомъ. Это было далеко
не законно: преторъ не имѣлъ права назначать диктаторовъ, а
сенатъ даже не былъ спрошенъ. Но годъ близился уже къ концу
и требовалось настоятельно созвать комицію для выбора бу-
дущихъ должностныхъ лицъ, — что могъ сдѣлать только санов-
никъ высшій, нежели Лепидъ, а именно — консулы или дикта-
торъ. Такъ какъ первые были въ отсутствіи, то оставалось на-
значить второго, и Цезарь вступилъ въ столицу, облеченный
магистратурою, неслыханною, кромѣ какъ въ Суллово правленіи.
за послѣднія 120 лѣтъ. Онъ продержалъ однако власть только
11 дней — до окончанія комицій: избранный самъ съ нѣкимъ
П. Сервиліемъ Ветгіей консуломъ на 48 г., онъ сложилъ свой
санъ и немедленно опять уѣхалъ изъ Рима.

Въ Бриндизи его ждали теперь нѣсколько транспортныхъ су-
довъ и войско, сильно порѣдѣвшее за время пребыванія въ Испаніи.
Помпей же успѣлъ къ этому времени собрать въ Греціи, Египтѣ
и Азіи — театрѣ его прежней славы — сильную армію въ 80 тыс.
человѣкъ и большой флотъ, передъ которымъ жалкіе корабли Це-
заря были совершенно безсильны. Этимъ флотомъ командовалъ
М. Вибулъ, и Цезарю, благодаря его безопасности, удалось 4-го ян-
варя переправить въ Эпаръ около 15 тысячъ пѣхоты и 600 чело-
вѣкъ конницы. Онъ высадился въ 150 верстахъ къ югу отъ Дир-
рахіа, гдѣ были расположены главныя квартиры Помпея, и тот-
часъ же отослалъ обратно свою флотилію въ Бриндизи, что
привести Антонія съ остальными легионами. Но Вибулъ уже не

дремалъ: онъ переловилъ корабли, сжегъ тридцать изъ нихъ
раздосадованный на свою недавнюю оплошность, перебилъ
экипажъ ихъ. Положеніе Цезаря стало критическимъ, но онъ
пошелъ на сѣверъ, взявъ безъ боя города Орикъ и Аполлонъ.
очутился въ 75 верстахъ отъ Диррахіа. Онъ пробовалъ было
дальше по тому же направленію, но подойдя къ Опсу, небол-
рѣкѣ между Аполлоніей и непріятельскими квартирами, онъ
ткнулся на Помпея, занявшаго правый берегъ, и принужденъ
остановиться. Здѣсь оба противника стояли лицомъ къ лицу
членіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ — отъ января до мая, — не рѣши-
начать дѣйствій: Цезарь хотѣлъ вступить въ переговоры, но
разстроилось по настояніямъ Т. Лабіена, нѣкогда его дру-
главнаго лейтенанта въ Галліи, а нынѣ перешедшаго на сто-
сената. Цезарь съ нетерпѣвіемъ ждалъ остального войска, что-
перейти въ наступленіе: онъ посылалъ къ Антонію приказы за-
казами поскорѣе послѣшить, но тотъ самъ почти былъ блокиро-
въ Бриндизи помпеянскимъ флотомъ и не могъ тронуться съ мѣ-
Говорили впослѣдствіи, что, не понимая причины такой пр-
лочки, Цезарь нанялъ 12-ти весельную лодку и рѣшилъ самъ
смотря на опасности, переправиться въ Бриндизи. Но буря да-
на рѣкѣ была такая, что корабль долго не рѣшался пуститься
море, пока Цезарь не успокоилъ его, говоря, что онъ «везетъ
заря и его счастье». Приблизившись однако къ устью рѣки,
зарь самъ увидѣлъ безразсудство предпріятія и вернулся на
къ всеобщему ликованію солдатъ.

Наконецъ, въ маѣ мѣсяцѣ, появился флотъ Антонія и
завидѣвъ почти одновременно изъ обоихъ лагерей. Немедленно
досская эскадра Помпея бросилась изъ Диррахіа перенимать
но буря развѣяла и разбила ее, и весь экипажъ попалъ въ
Цезарю. Опять, какъ въ прошлые разы, онъ отпустилъ своихъ
враговъ съ миромъ, а Антоній тѣмъ временемъ успѣлъ благо-
лучно пристать къ небольшой Нимфейской бухтѣ, въ 70 верс-
къ сѣверу отъ Диррахіа. Помпей бросился также на сѣверъ, что-
помѣшать соединенію обоихъ армій, но Цезарь пошелъ ему
обходъ и соединился съ своимъ помощникомъ въ то время,
Помпей лежалъ въ засадѣ, поджидая Антонія по кратчайшей
рогѣ. Обманутый и выбитый изъ прекрасной позиціи, онъ поди-
теперь выше къ Диррахію, къ городу Аспарагію, и здѣсь ра-
ложился лагеремъ. Цезарь, увѣренный теперь въ своихъ силахъ,
предложилъ ему сраженіе, но, получивъ отказъ, ловкимъ манев-
выбилъ его и изъ этой позиціи и заставилъ отступить еще въ

къ высокой мѣстности Пётрѣ, гдѣ тотъ и занялъ почти неприступное положеніе. Цезарь вздумалъ блокировать его: имѣя только 22 тысячи человекъ, онъ сталъ обводить его огромными валами въ 15 верстъ окружностью, съ тѣмъ, чтобъ отрѣзать его сношенія съ моремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезопасить себя самому подвозъ припасовъ; но попытка окончилась плачевно: онъ разбросалъ свои немногія силы, и Помпею не трудно было сдѣлать вылазку и опрокинуть всѣ его сооруженія. Завязался бой, и Цезарь съ тяжелымъ урономъ принужденъ былъ отступить назадъ къ Аполлоніи, благодаря небеса и за то, что противникъ не заставилъ его принять генеральное сраженіе. «Помпей не умѣетъ побѣждать», сказалъ онъ тогда, и былъ совершенно правъ: споръ могъ окончиться въ тотъ часъ совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ окончился мѣсяцемъ позже. Въ Аполлоніи однако Цезарь не остался. Въ маѣ, когда прибылъ Антоній, онъ выслалъ Домиція Кальвина съ двумя легіонами въ Фессалію, съ цѣлю задержать тестя Помпея, приближавшагося съ подкрѣпленіями съ Востока. Кальвинъ удачно выполнилъ порученіе и, занявъ горные проходы, спокойно оставался всѣ эти мѣсяцы vis-à-vis Сципіону, не пуская его ни на шагъ дальше. Къ нему то теперь, обезсиленный пораженіемъ при Пётрѣ, Цезарь отправился на соединеніе, а одновременно и Помпей выступилъ на выручку тестя. Обѣ стороны благополучно совершили соединеніе и очутились недалеко отъ Лариссы, у равнины Фарсальской. До сихъ поръ Помпей всячески избѣгалъ сраженія въ открытомъ полѣ: хотя на его сторонѣ и былъ численный перевѣсъ, но его армія состояла большей частью изъ новобранцевъ, и онъ справедливо рассчитывалъ постепенно пріучить ее къ дисциплинѣ, ослабляя въ то-же время противника маневрами и частыми, но небольшими нападеніями. Но теперь, когда Цезарь уже разъ потерпѣлъ пораженіе, а войско Помпея было подкрѣплено контингентами съ востока, знать, окружавшая его, стала роптать и требовать немедленнаго сраженія. Она упрекала своего вождя въ нерѣшительности, жаловалась, что ей не удастся въ этомъ году ѣсть свѣжія фиги въ Тускулѣ, и была такъ увѣрена въ исходѣ, что передѣлила уже между собою провинціи и должности. Очевидно, молодые кавалеры, не знавшіе пораженія въ гостиницъ Рима, были увѣрены въ своей непобѣдимости и на бранномъ полѣ, и Помпей, не смотря на свое нежеланіе, принужденъ былъ уступить. Утромъ 9-го августа онъ вывелъ свое 50-ти-тысячное войско на равнину и занялъ выгодную позицію, имѣя холмы съ тылу и рѣку съ обрывистымъ берегомъ справа; лѣвое же крыло, замыкавшееся 7000 всадниками, было

растянуто такъ, чтобъ обойти правый флангъ Цезаря и напасть на него съ тылу. Цезарь это понялъ и, имѣя лишь 22 тысячи пѣхоты и 1000 конницы, сосредоточилъ свои главныя силы на своемъ правомъ крылѣ, поставивъ туда всю кавалерію и знаменитый египетско-времени Галльской кампаніи десятый легіонъ. Онъ отдалъ имъ приказъ не метать копій, а бить ими помпеянскимъ кавалерамъ прямо въ лицо, и расположилъ остальную армію въ три линіи, отрядивъ лишь передъ самымъ началомъ боя нѣсколько когортъ въ подкрѣпленіе правому крылу. Самъ онъ сталъ туда же и повелъ атаку двумя первыми линіями сразу. Одновременно однако помпеева конница ударила въ десятый легіонъ, но прежде, чѣмъ она могла понять положеніе, на нее посыпались удары въ глаза, и храбрые щеголи не выдержали: быть изуродованнымъ казалось имъ хуже пораженія, и, закрывъ лицо руками, они пустились бѣжать. Тотъ-часъ ряды Помпея пришли въ смятеніе, и Цезарь, выславъ третью линію, нѣсколькими натисками опрокинулъ ихъ. Начались бѣгство и рѣзня, и около 15 тысячъ человекъ, въ томъ числѣ 10 сенаторовъ и 40 всадниковъ, остались на полѣ убитыми. Цезарь же потерялъ всего около 200 и съ удвоенной энергіей ударилъ въ непріятельскій лагерь, гдѣ Помпей сидѣлъ въ своей палаткѣ, погруженный въ глубокое раздумье и не зная, въ припадкѣ горя что дѣлать. Услыхавъ однако штурмъ, онъ быстро поднялся съ мѣста и, приказавъ бить отступленіе, ускорилъ съ немногими приближенными по направленію къ Лариссѣ. Цезарю достался весь лагерь со всѣми запасами и амуницией, а на другой день ему сдались безъ боя 20 тысячъ человекъ, бѣжавшихъ одновременно съ Помпеемъ, но настигнутыхъ цезаревыми легіонами. Побѣдителей обошелся съ плѣнными, по своему обыкновенію, великодушно: онъ не только никого не наказалъ, но еще всѣхъ обладалъ и отпустилъ на свободу. Тогда же прибылъ къ нему съ мольбою о пощадѣ и Маркъ Брутъ, который пробовалъ было удалиться съ Помпеемъ въ Лариссу: Цезарь простилъ его, тепло обнялъ и привлекъ къ себѣ, чтобъ впоследствии часть полъ его кинжаломъ

Фарсальская битва рѣшила судьбу государства, и какъ только вѣсть о ней пришла въ Римъ, Цезарь, въ ознаменованіе новаго порядка вещей, былъ провозглашенъ диктаторомъ на годъ и облеченъ трибунискимъ саномъ на всю жизнь. Онъ однако не пошелъ въ Римъ, а отославъ туда лишь М. Антонія съ частью арміи, отправился съ горстью конницы и однимъ легіономъ вѣлѣвъ за Помпеемъ, удалившимся въ Египетъ. Онъ прорѣзалъ Фессалію до Афинополиса, а оттуда вдоль берега дошелъ до Геллесонта и

перевравшись на противоположный берегъ, прошелъ всю Малую Азію. Принявъ покорность этой провинціи и водворивъ въ ней порядокъ, онъ съ 3200 пѣхоты и 800 конницы перешелъ въ Египетъ и высадился въ Александрію. Но Помпей уже не было въ живыхъ. Бѣжавъ изъ Фарсалы черезъ Лариссу къ морскому берегу, а оттуда по Эгейскому морю на о. Лесбось, онъ забралъ поджидавшихъ его тамъ жену и младшаго сына и вмѣстѣ съ ними направился къ Кипру, надѣясь найти тамъ убѣжище. Но ему отказали; отказала также и Сирія, и бывший владыка Рима бѣжалъ въ Египетъ, съ покойнымъ царемъ котораго онъ нѣкогда былъ друженъ. Онъ приблизился къ Нилу, и молодой Птоломей XII, узнавъ о его прибытіи, выслалъ ему лодку съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему въ Пелузію. Оставивъ на корабляхъ близъ берега жену и сына со всею свитою, Помпей сѣлъ въ лодку, но не успѣла она доплыть до пристани, какъ сидѣвшій съ нимъ Ахилласъ, царскій адъютантъ, и Септимій, бывший его легіонеръ, напали на него сзади и умертвили его. Его голова, передъ однимъ видомъ которой дрожали нѣкогда Востокъ, была отдѣлена отъ туловища, и черезъ нѣсколько дней, когда прибылъ Цезарь, преподнесена ему со всею торжественностью. Но гуманный соперникъ съ отвращеніемъ отвернулся: онъ вспомнилъ, что Помпей былъ нѣкогда его родственникъ и другъ, и приказалъ похоронить его ужасные останки съ подобающими почестями.

Цезарь прибылъ въ Александрію въ октябрѣ 48 г., и обстоятельства задержали его тамъ вплоть до іюня слѣдующаго. Египетъ въ это время былъ раздираемъ междоусобицами изъ-за престолонаслѣдія: находясь подъ римскимъ протекторатомъ, онъ управлялся однако собственными царями, и въ данный моментъ на тронѣ должны были сидѣть 17-ти-лѣтній Птоломей и его сестра, знаменитая красавица Клеопатра, 19-ти лѣтъ. Но, подстрекаемый опекунами, Птоломей сестру прогналъ, и арміи обѣихъ враждующихъ сторонъ находились теперь недалеко отъ Пелузій при устьѣ Нила. Прибытіе Цезаря внесло новый факторъ въ борьбу, и соперники кинулись къ властителю міра за содѣйствіемъ. Желобивый Цезарь взялъ, конечно, сторону Клеопатры, и, пригласивъ къ себѣ въ Александрію Птолемея, удержалъ его въ плѣну. Немедленно уличная толпа стала волноваться, и извѣщенная о случившемся птолемея армія въ Пелузіи пошла на выручку царя. Положеніе Цезаря, имѣвшаго подъ рукою небольшой отрядъ, стало незавиднымъ, и чтобъ выгадать время, пока подоспѣютъ подкрѣпленія изъ Азіи, онъ пошелъ на уступки, отпустивъ Птолемея на

волю и отдавъ Арсиноѣ, его младшей сестрѣ, провозгласивъ себя царицей вмѣсто Клеопатры, островъ Кипръ. Но волненіе улицахъ перешло въ буйный мятежъ, и Цезарь, чтобъ не былъ блокированнымъ, принужденъ былъ дѣйствовать открытою силою: онъ занялъ главные пункты города, захватилъ о. Фарось и сжегъ стоявшій тамъ флотъ вмѣстѣ съ арсеналомъ. Всыхнулъ страшный пожаръ, и пламя, перебросившись на берегъ, уничтожило большую часть бібліотеки съ 400 тысячами книгъ. Тѣмъ не менше толпа не унималась, и Цезарь, быть можетъ, не вышелъ бы изъ Александріи живымъ, еслибы въ это время не прибыла наконецъ помощь съ Востока. При Нилѣ произошло кровавое сраженіе, Птоломей вмѣстѣ съ своимъ войскомъ погибъ. Александрія притихла и на престолъ возшла Клеопатра вмѣстѣ съ младшимъ своимъ братомъ.

Все это время, не смотря на опасности, Цезарь прожилъ однимъ пріятномъ весельемъ. Счастливый любовью волшебной египтянки и вмѣстѣ съ тѣмъ не желая показать толпѣ, какъ сильна его безпокойство, онъ проводилъ дни и ночи въ блестящихъ пиррахъ, устраивая безконечные праздники съ фейерверками и театральными представленіями. Онъ хотѣлъ даже, говорятъ, во главу пышной флотилии подняться съ царицей вверхъ по Нилу, къ истокамъ его, но проектъ не былъ выполненъ, вѣроятно потому, что никто о немъ серьезно и не думалъ. Говорили также, что родившійся вскорѣ у Клеопатры сынъ, названный Цезариономъ, былъ его сынъ; но, насколько это вѣрно, никто въ точности не зналъ; Октавіанъ однако, сдѣлавшись римскимъ императоромъ, позаботился устранить его и убилъ, когда ему было 16 лѣтъ.

По окончаніи египетской или, скорѣе, александрійской войны Цезарь, распростившись съ прекрасной царицей, пошелъ черезъ Сирію въ Понтъ. Царь этой страны Фарнакъ былъ посаженъ на престолъ Помпеемъ по низверженіи его отца, Митридата, и въ время недавней борьбы, естественно, взялъ сторону своего благодѣтеля. Послѣ битвы при Фарсалѣ онъ сталъ мечтать о возрожденіи Понта, какъ независимаго государства, и теперь находился въ открытомъ возстаніи противъ Цезаря, успѣвъ даже разбить его легата Кв. Децима Кальвина и овладѣть сосѣдними и дружественными съ Римомъ царствами Арменіи и Каппадокіи. Но это сразу пережилось, когда на сцену появился Цезарь: знавъ, что онъ спѣшитъ въ Италію, Фарнакъ пробовалъ было затянуть дѣло переговорами; но тотъ не дался въ обманъ и 2-го августа окружилъ его со всѣхъ сторонъ при Зелѣ. Здѣсь, на томъ самомъ

полѣ, гдѣ Митридатъ когда то одержалъ блестящую побѣду надъ римскими легіонами, произошла кровавая битва, и Фарнакъ былъ разбитъ на голову. Его войско легло почти до одинаго, и онъ самъ бѣжалъ и вскорѣ погибъ. Все это взяло лишь пять дней, и Цезарь могъ съ полнымъ правомъ послать въ Римъ свою знаменитую депешу: «пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ!».

Теперь Цезарю оставалось овладѣть Африкою, гдѣ находились Сципіонъ и Катонъ, чтобъ быть полновластнымъ господиномъ римскаго міра; но неотложныя дѣла звали его въ столицу. Онъ былъ въ отсутствіи уже болѣе полутора года, и за это время Римъ оставался безъ высшихъ должностныхъ лицъ. Срокъ же его диктатуры близился уже къ концу, и надо было обязательно поспѣшить, чтобъ держать выборныя комиціи во-время. Къ тому же, онъ получилъ извѣстіе о новомъ возмущеніи своихъ солдатъ, находившихся на этотъ разъ въ Кампаніи, среди которыхъ былъ и любимый его десятый легіонъ: все еще не получая обѣщанныхъ наградъ въ видѣ земли и денегъ, но получивъ взамѣнъ того приказъ готовиться къ выступленію въ Африку, они возстали, изломали значки, убили нѣсколькихъ офицеровъ и изуродовали посланныхъ къ нимъ Антоніемъ для разбора дѣла двухъ сенаторовъ. Дѣло было въ высшей степени серьезное, и Цезарь, какъ только покончилъ съ Фарнакомъ и кое-какъ устроилъ азіатскія дѣла, помчался въ Римъ, куда и прибылъ въ октябрѣ. Немедленно, назначенный снова диктаторомъ на годъ, онъ созвалъ комиціи и заставилъ выбрать въ консулы на остатокъ года Кв. Калена и П. Ватинія, а на слѣдующій, 46-й, себя и Лепида. Пока же онъ назначилъ послѣдняго начальникомъ конницы, а М. Антонія—городскимъ префектомъ. Въ это время мятежные легіоны, прогнавъ посланнаго къ нимъ Цезаремъ Саллюстія, двинулись на городъ и, подступивъ къ самымъ стѣнамъ, потребовали къ себѣ диктатора. Цезарь безстрашно вышелъ къ нимъ и спросилъ, чего имъ надо.— «Разчета и уплаты обѣщаннаго», отвѣчали они, и Цезарь немедленно велѣлъ раскассировать ихъ всѣхъ. Поднялся шумъ, и разгнѣванный полководецъ, какъ въ прошлый разъ, обозвалъ ихъ квиридами. Опять бушующая толпа, глубоко ужаленная, въ мгновеніе притихла и стала просить прощенія, крича, что они—его солдаты и готовы идти за нимъ повсюду. Цезарь простилъ, но лишилъ главарей надѣла и одной трети добычи. Позднѣе онъ воспользовался первымъ подвернувшимся поводомъ, чтобъ распустить десятый легіонъ, съ которымъ онъ одержалъ столько побѣдъ.

Спустя нѣсколько недѣль, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, онъ отправился

въ Африку. Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ сицилійскій портъ Лилибей; но Цезарь съ отборнымъ отрядомъ въ 3000 пѣхоты и 150 конницы двигался такъ быстро, что не засталъ еще всѣхъ войскъ и принужденъ былъ переправиться въ Африку, не дожидаясь ихъ. Говорятъ, что, вступивъ на берегъ, онъ споткнулся и упалъ, такъ что суевѣрные солдаты уже готовы были видѣть въ этомъ дурную примѣту; но Цезарь быстро нашелся и воскликнулъ: «Африка, я держу тебя!». Солдаты пришли въ восторгъ и въ пылу надѣ энтузіазма просили повести ихъ противъ непріятеля немедленно же. Цезарь такъ и сдѣлалъ и, двинувшись къ Утикѣ, гдѣ находился Катонъ, подступилъ къ городу Адрумету. К. Консидержавшій его, не хотѣлъ сдаться, и Цезарь, не желая терять временч, пошелъ дальше, взявъ безъ боя Лептисъ и здѣсь оставившись, пославъ приказъ своимъ подкрѣпленіямъ поспѣшить. Когда же онъ двинулся теперь съ многочисленнымъ войскомъ его бывшаго сподвижника Лабіенъ, и Цезарь, опрометчиво принявъ предложенное сраженіе, проигралъ и вынужденъ былъ отступить. Онъ укрылся теперь на морскомъ берегу и простоялъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не прибыли его войска изъ Сардиніи и Азіи. Тотчасъ же сдѣлавъ перешель въ наступленіе и, выбивъ Сципіона изъ блестящаго позиціи близъ Узиты, заставилъ его 6-го августа принять генеральное сраженіе. Дѣло происходило при Тапсѣ, и ветераны 10-го легіона, не дожидаясь команды, ринулись впередъ и увлекли за собою все остальное войско и самого Цезаря. Битва продолжалась недолго: помпейцы не выдержали и бросились бѣжать, но на пути лагерь свой уже занятымъ. Они отступили къ сосѣднимъ высотамъ, но тутъ были окружены и взяты въ плѣнъ. Потеря ихъ была огромная—почти всѣ генералы ихъ погибли, и Цезарь потерялъ лишь 50 человекъ, остался фактичъ ски господиномъ Африки. Тутъ временемъ Катонъ жилъ въ Утикѣ, делая безплодную надежду. Узнавъ 8-го числа о пораженіи при Тапсѣ, онъ однако повякъ, что дѣло республики погибло безвозвратно, и рѣшилъ не пережить. Усадивъ своихъ друзей и приближенныхъ на корабли и отплывъ къ Цезарю просить пощады гарнизону, онъ съ семействомъ и наиболѣе близкими людьми оставался до тѣхъ поръ, пока не узналъ о близости врага. Онъ собралъ ихъ тогда вечеромъ и събиралъ на ужинъ, побесѣдовалъ съ ними на стоическія темы о судьбѣ мудреца и, удалившись въ свою спальню, занялся чтеніемъ Платоновскаго «Федра» о безсмертіи души. Въ полночь, легши въ кровать, онъ взялъ свой мечъ и вонзилъ его себѣ въ животъ. Смерть не сразу умеръ, и сбѣжавшіеся на его стоны люди принялись бѣжать.

зашивать ему рану, но онъ сорвалъ бинты, раскрылъ своими руками шовъ, и истекъ кровью. Такъ погибъ послѣдній изъ республиканскихъ идеологовъ, Донъ-Кихоть аристократіи, искренній, но мало талантливый человѣкъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи его имя окружено было ореоломъ и стало лозунгомъ оппозиціи, и самъ Цезарь, найдя его мертвымъ, принужденъ былъ выразить сожалѣніе, что своей смертью Катонъ отнялъ у него удовольствіе простить человѣка, который былъ его лютейшимъ врагомъ. Крышка гроба теперь окончательно захлопнулась надъ могучею нѣкогда республикою, и Римъ, послѣ долгихъ столѣтій, вновь увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ монархію, хотя и подъ другимъ именемъ и съ другимъ содержаніемъ, чѣмъ прежде.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Новое государственное уложеніе.—Старія формы и новое содержаніе.—Государственно-правовое положеніе Цезаря.—Его прерогативы, титулы и почете.—Примирительная политика по отношенію къ республиканцамъ.—Внѣшнее, оказываемое народу.—Реформы Цезаря: ограниченіе ростовщичества, огражденіе и насажденіе мелкой собственности, заботы о провинціяхъ и упорядоченіе календаря.—Историческое значеніе Цезаревыхъ реформъ.—Неудовольство оппозиціи.—Стремленіе Цезаря къ царскому титулу.—Составленіе завѣщанія и участіе его.—Иды марта и смерть Цезаря.—Цезаризмъ—историческое значеніе.—Литературная дѣятельность Цезаря.

На развалинахъ разбитаго зданія Цезарь, вернувшись въ Римъ въ концѣ іюля, принялся строить новое, на новыхъ основаніяхъ. Старыя политическія формы пережили себя: сенатъ превратился въ совѣтъ частныхъ землевладѣльцевъ, должностныя лица — въ послушныхъ исполнителей его воли, а коммиціи — въ старую ржавую машину, подававшую манипуляціямъ со стороны всевозможныхъ лицъ. Республика стала химерою, но открыто провозгласить это было тѣмъ опаснѣе, что люди, послѣ пяти вѣковъ глубокой вѣры въ нее, все еще не отказывались видѣть въ ней нѣчто дѣйствительно существующее, подлежащее лишь нѣкоторымъ измѣненіямъ сообразно новымъ условіямъ жизни. Цезарь, достигши власти, не смелъ поэтому нужнымъ, да и возможнымъ, объявить во всеуслышаніе конецъ стараго строя, зная, какъ людямъ дороги не только убѣжденія ихъ, но и предрасудки, онъ задался цѣлью вложить въ старыя формы новое содержаніе такъ, чтобы переходъ не былъ рѣзокъ и люди продолжали вѣрить въ то, во что вѣрили до сихъ поръ. Сенатъ, магистратуры и коммиціи остались попрежнему основными элементами государственнаго порядка; непреж-

нему они исполняли свои административныя, исполнительныя и законодательныя функціи, какъ онѣ выработаны были втеченіе предыдущихъ столѣтій; но надъ ними всѣми господствовала отнынѣ единоличная воля Цезаря, лишившая ихъ реальнаго значенія. Составъ сената былъ увеличенъ до 900 и, лишившись многихъ своихъ членовъ за время послѣдней борьбы, онъ былъ восполненъ принятыми на креатурами Цезаря, менѣе всего мечтавшими о самостоятельной роли. Чисто преторовъ было увеличено до 16, квесторовъ до 40, эдиловъ до 6, а консулы, хотя и остались въ числѣ двухъ, избирались теперь на шесть, на три и разъ даже на два мѣсяца. Этимъ значеніе и авторитетъ ихъ были упразднены, и изъ орудій сената они всѣ превратились въ орудіе владыки. Самый источникъ, откуда они черпали свою власть, лишился самостоятельности: не имѣя уже болѣе возможности выбирать между кандидатами разныхъ партій, потому что сами партіи исчезли, коммиціи въ сущности лишь подтверждали назначенія Цезаря, который нерѣдко самъ обходилъ трибуны, рекомендуя народу своихъ людей. Удержавъ формы державности, народъ потерялъ ея сущность, и если раньше у него не было надъ чѣмъ править, то теперь онъ править совсѣмъ пересталъ.

Съ другой стороны, и для опредѣленія своего собственнаго положенія Цезарь не внесъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ государственно-правовой порядокъ страны. Зная, что власть его покоится не на юридическихъ формулахъ, а на дѣйствительной логикѣ вещей, выдвинувшей его какъ поборника демократическихъ интересовъ, онъ рѣшилъ до поры до времени щадить предрасудки народа и ничѣмъ не напоминать ему о ненавистныхъ царяхъ до республиканскаго періода. Все, что онъ сдѣлалъ для легитимациіи своего положенія, состояло лишь въ расширеніи и соединеніи въ своемъ лицѣ главныхъ изъ существующихъ должностей, которыя давали ему законныя прерогативы въ тѣхъ или другихъ областяхъ государственнаго управленія. Конечно, и это было значительнымъ отклоненіемъ отъ республиканскаго уложенія въ сторону монархіи; но формы все-таки были соблюдены, а это было главное. Такъ, онъ прежде всего былъ облеченъ консульскою властью на десять лѣтъ съ тѣмъ, чтобы онъ могъ созывать и предсѣдательствовать въ сенатѣ и народномъ собраніи и быть главнокомандующимъ на случай войны всѣхъ войскъ государства. Затѣмъ, не исполняя, въ силу своего патриціанскаго происхожденія, самой магистратуры, онъ возложилъ на себя пожизненную трибунскую власть, дававшую ему возможность вносить въ коммиціи законопроекты и опротестовать любое рѣшеніе сената или должностнаго лица. Онъ былъ назначенъ по-

жизненнымъ цензоромъ съ титуломъ префекта нравовъ для того, чтобы имѣть возможность контролировать личный составъ сената, удаляя изъ него неблагонадежные элементы. Онъ былъ провозглашенъ далѣе пожизненнымъ императоромъ или, другими словами, начальникомъ внѣ-италійскихъ владѣній Рима, что дѣлало его верховнымъ правителемъ всѣхъ провинцій и полнымъ владыкою всѣхъ войскъ, тамъ находящихся. И къ довершенію всего этого, какъ бы для отгѣненія одного лишь формальнаго значенія всѣхъ перечисленныхъ должностей, онъ былъ назначенъ диктаторомъ республики на всю свою жизнь: этимъ вся страна была какъ бы поставлена въ постоянное осадное положеніе и Цезарь сдѣланъ полновластнымъ вершителемъ ея судьбы. Монархія, такимъ образомъ, царя уже полная, но отсутствіе соответствующаго дѣйствительнаго положенію дѣлѣ терміна давало людямъ возможность обманывать себя на счетъ истиннаго характера новаго порядка и значительно облегчало дѣло примиренія съ нимъ.

Общій характеръ положенія Цезаря былъ, слѣдовательно, таковъ, какъ еслибы онъ былъ лишь *primus inter pares*—первый среди равныхъ; но работный сенатъ дѣлалъ съ своей стороны все, чтобы придать этому первенству его настоящее значеніе. Поднесши ему почетный титулъ отца отечества—тотъ самый, который получилъ нѣкогда Цицеронъ за свои услуги по дѣлу Катилины,—онъ позволилъ ему постоянно носить пурпурное платье триумфатора и имѣть на головѣ вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ. Онъ окружилъ его гвардіей изъ знатнѣйшихъ юношей, объявилъ его особо неприкосновенною и поклялся поголовно беречь его жизнь рискомъ своей собственной. Его сенатское кресло было поставлено между креслами консуловъ на небольшомъ кресло было поставлено между кресломъ и кресломъ возвышеніи; его статуя изъ слоновой кости была поставлена въ Капитолійскомъ храмѣ Юпитера, среди изображеній боговъ, а другая статуя изъ бронзы, изображавшая его на шарѣ, было помѣщена въ храмѣ Квирина съ надписью: «непобѣдимому божеству». Мѣсяцъ, въ который онъ родился, былъ въ честь его переименованъ изъ Квинтилія въ іюль, а на золотыхъ монетахъ Рима появляется его профиль,—обычай, существовавшій дотолѣ лишь на азіатскомъ Востокѣ.

Теперь посмотримъ, что Цезарь успѣлъ совершить за свое кратковременное правленіе. Его первая мысль была объ умиротвореніи страны, о подавленіи тѣхъ инстинктовъ вражды и раздора, которые были пробуждены въ послѣдней междоусобной войнѣ. Его политика по отношенію къ помпеянцамъ была поэтому съ самаго начала примирительная, и какъ онъ однажды писалъ своимъ друзь-

ямъ, высшее наслажденіе, которое онъ находилъ въ побѣдѣ, состояло въ томъ, что онъ могъ прощать людей, поднимавшихъ противъ него оружіе. Конечно, природная и просвѣщенная гуманность играла тутъ не послѣднюю роль; но и простой расчетъ подсказывалъ ему то дружелюбіе и незлобивость, которыя онъ обнаружилъ по отношенію къ Бруту, Домицію, Цицерону и многимъ другимъ политическимъ противникамъ, попавшимъ ему въ руки. За исключеніемъ всѣхъ тѣхъ, которые сражались противъ него подъ знаменами Юбы—союзника Помпея, но все же варвара,—помпеянцы, начиная отъ солдатъ и кончая генералами, были все прощены и получили назадъ свое имущество. Лишь нѣкоторые, особенно упорствовавшіе, были объявлены стоящими внѣ законовъ, но и изъ нихъ многіе вернулись въ послѣдствіи по прошенію и хатайству своихъ друзей. Тѣхъ ужасовъ—политическихъ процессовъ, доносовъ, убійствъ и казней, которыхъ римское общество насмотрѣлось вдоволь во времена Марія и Суллы,—не было теперь и тѣни, и даже бумаги, найденныя въ лагеряхъ при Фарсаль и Тапсѣ были Цезаремъ сожжены не прочитанными, дабы не могло быть лишнихъ поводовъ къ репрессаліямъ. Оставалось лишь реабилитировать память самого Помпея, и это было сдѣлано въ 44 г. приказомъ возстановить его статуи, сброшенныя Антоніемъ послѣ Фарсальской побѣды. «Этимъ Цезарь поставилъ вѣчную статую самому себѣ», замѣтилъ по этому поводу Цицеронъ, и лесть была не безъ основанія.

Но дѣлая все, отъ него зависящее, чтобы примирить оппозицію, Цезарь главное вниманіе свое посвящалъ нуждамъ и желаніямъ той партіи, въ интересахъ которой онъ держалъ мандатъ. Онъ не забывалъ своего политическаго происхожденія и всѣми поступками и мѣрами ясно показывалъ, въ какихъ общественныхъ элементахъ онъ видитъ источникъ своей власти и на какихъ классахъ онъ думаетъ опираться. Объявляя амнистію помпеянцамъ, онъ, напр., одновременно вернулъ изъ ссылки всѣхъ пострадавшихъ за время диктатуры Суллы и единоличнаго консульства Помпея: онъ воротилъ имъ ихъ гражданскія права, отдалъ имъ имущество и щедро вознаграждалъ за повесенные убытки. И какъ бы для того, чтобы подчеркнуть истинное значеніе это мѣры, онъ изыалъ изъ манифеста Милона, проживавшаго въ изгнаніи въ Массиліи: этотъ сенатскій клеветъ убилъ Клодія, и Цезарь, ужъвшій прощать своихъ личныхъ враговъ, не могъ простить врагу народа. Публика отъ этого пришла въ восторгъ, и диктаторъ позаботился закрепить настроеніе веселыми праздниками и угощеніемъ. Возвратить

шись тогда какъ разъ изъ Африки, онъ далъ каждому легионеру по 24 тысячи сестерцій и участку земли, а за разъ уже каждому нуждающемуся гражданину по 400. Онъ дважды угощалъ населеніе обѣдомъ, и 200 тысячъ человѣкъ пировали за 22 тысячами столовъ, получивъ сверхъ того еще по 10 мѣръ хлѣба, 10 фунтовъ масла и освобожденіе на годъ отъ квартирной платы. Но все это были лишь подачки, а потому ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ предпринялъ для излеченія язвъ, которыми страдало римское общество. Многое изъ того, что онъ совершилъ, осталось намъ неизвѣстнымъ; многое было лишь начато и не dokonчено, и многое задуманное такъ и не успѣло осуществиться; но и то незначительное, что мы знаемъ, свидѣтельствуетъ о дѣятельности, поразительной по своей разнообразности и плодотворности, во всѣхъ отношеніяхъ превосходящей все, совершенное республикой за послѣднія два столѣтія. То былъ цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ устраненію золь, надъ которыми въ безсиліи надломилась аристократическая олигархія, — цѣлая серія реформъ во всѣхъ областяхъ общественной и экономической жизни, которая съ такою настойчивостью требовали Гракхи 100 лѣтъ тому назадъ. Описать ихъ всѣ на двухъ-трехъ страницахъ невозможно, и мы поэтому ограничимся лишь перечисленіемъ главныхъ изъ нихъ.

Мы имѣемъ прежде всего мѣры, принятія имъ къ облегченію участи должниковъ. Кулацкая эксплуатація, какъ первая форма господства денежнаго капитала, возникающая при разложеніи натурального хозяйства, процвѣтала въ древней Италіи, и борьба съ нею, въ видахъ освобожденія свободного землепашца изъ кабалы, была однимъ изъ главныхъ пунктовъ въ программѣ тогдашнихъ демократовъ. Цезарь установилъ максимальный процентъ въ 12 въ годъ, запретилъ насчитывать проценты на недоимки процентовъ и приказалъ кредиторамъ засчитать въ счетъ капитальнаго долга уплаченные уже имъ %%, производя расчетъ по цѣнамъ, господствовавшимъ до послѣдней междоусобной войны. Значеніе этихъ мѣръ станетъ ясно, когда вспомнимъ, что даже добродѣтельный Врутъ не стѣснялся драть по 48%, и что за послѣднія нѣсколько лѣтъ земля, подъ залогъ которой выдавалась ссуда, пала въ цѣнѣ на четверть и даже половину ниже своей дѣйствительной стоимости. Одновременно же Цезарь запретилъ имѣть при себѣ болѣе, нежели 60 тысячъ чист. деньгами, дабы ограничить размѣры свободныхъ капиталовъ, могущихъ быть отданными въ ростъ, и направить ихъ въ производительные каналы.

Но оградивъ, насколько могъ, мелкую собственность отъ хищни-

чества кулаковъ, Цезарь позаботился въ то же время и о наденіи ея. Мы уже видѣли, какъ вѣрныя традиціямъ Гракховъ, въ бытность свою консуломъ выселилъ 20 тыс. чел. въ кампанскія колоніи; теперь, задавшись мыслью уничтожить пролетаріатъ и становить крестьянство, какъ основу экономической жизни страны, онъ предпринялъ колонизаціонное дѣло въ широчайшихъ размѣрахъ. 6 небольшихъ выселковъ было устроено въ самой Италіи, двѣ огромныя колоніи для 80 тысячъ человѣкъ были заложены въ Кареагенѣ и Коринѣ. Это имѣло быть лишь началомъ колоссальнаго эмиграціоннаго предпріятія, но уже и его было достаточно, чтобъ уменьшить число неимущихъ гражданъ, получавшихъ давой хлѣбъ, съ 320 тысячъ на 150 тысячъ. Параллельно же, въ видахъ ослабленія конкуренціи рабскаго труда и доставленія работковъ аграрному пролетаріату, онъ узаконилъ, чтобъ число свободныхъ работниковъ на фермахъ составляло впредь, по крайнѣму, одну третью всѣхъ рабочихъ рукъ. Для увеличенія же числамъ этихъ фермъ и вообще для поднятія земледѣлія и промышленности, сильно пострадавшихъ за послѣднее время, онъ издалъ цѣлый рядъ законовъ противъ непроизводительнаго потребления богатствъ, ограничивъ количество предметовъ роскоши — пурпурнаго золота и драгоценныхъ камней, — могущихъ быть во владѣніи личности, и опредѣливъ максимумъ расходовъ на столъ и постройки. Онъ собирался вдвоемъ осушить понтийскія болота, расширить гавань Остію, прорѣзать коринѣйскій перешеекъ и издать своипубличнаго и частнаго права.

Все это было сдѣлано главнымъ образомъ для самой Италіи, но много было сдѣлано и для провинцій. Положеніе послѣднихъ, высасываемыхъ намѣстниками и публиканами, было ужасно: многомъ схожее съ положеніемъ испанскихъ колоній XVI-го вѣка и Индіи подъ владычествомъ современной Англіи, оно всецѣло опредѣлялось взглядомъ на нихъ, какъ на «добычу римскаго народа» (Цицеронъ), подлежащую безошадной эксплуатаціи и разхищенію. Еще въ 60-мъ году въ качествѣ консула Цезарь провелъ усиленные законы противъ вымогательства въ провинціяхъ, расширилъ компетенцию существующихъ судовъ на опредѣленіе не только характера проступка, но и лицъ, его совершившихъ, и на казанія, которому они подлежатъ. Теперь онъ подтвердилъ эти законы и внесъ рядъ измѣненій въ фискальную систему, облегчившихъ какъ самую тяжесть налоговъ, такъ и способъ платежа ихъ. Откупъ прямыхъ податей, ложившійся такимъ гнетомъ на Азію, Африку и Сицилію, былъ совершенно отиѣненъ и хлѣбъ изъ этихъ

мѣстностей, собираемый до того публиканами, теперь поступалъ непосредственно въ казну. Косвенные же налоги сдавались попрежнему на откупъ, но число и размѣры ихъ, какъ напр. въ Сициліи и обѣихъ Испаніяхъ, были значительно уменьшены и дѣйствія публиканъ при сборѣ ихъ подвергнуты контролю. Самое же главное, что успѣлъ совершить въ этой области Цезарь, было дарованіе многимъ провинціямъ и провинціаламъ правъ римскаго гражданства: этой мѣрою, которая также была *prim desiderium* демократовъ втеченіе столѣтія, цѣлыя общины и множество отдѣльных личностей были уравнины въ юридическомъ отношеніи съ коренными жителями Италіи и поставлены въ одинакое съ ними положеніе относительно податныхъ изыятій и другихъ привилегій въ области экономической, судебной и политической. Такими были вся Цизальпійская Галлія, многіе города Испаніи, Римской Провинціи и Азіи. Цѣлый легионъ Трансальпійской Галліи, отличившійся своею преданностью, получилъ римское гражданство, а также всѣ люди либеральныхъ профессій—ученые, философы, врачи, художники и проч. Послѣднее показываетъ намъ заботы Цезаря по просвѣщенію, и въ связи съ этимъ можно упомянуть о задуманномъ имъ проектѣ устроить въ Римѣ публичную бібліотеку на подобіе Александрійской.

Изъ остальныхъ реформъ остается упомянуть о приведеніи въ порядокъ календаря. Римскій годъ со времени Нумы состоялъ изъ 354 дней, къ которымъ каждые два года прибавлялся мѣсяцъ изъ 22-хъ и 24-хъ дней попеременно, такъ что въ среднемъ онъ имѣлъ 365 дней и 6 часовъ. Самъ по себѣ несложный, процессъ прибавленія этого мѣсяца давалъ однако жрецамъ возможность производить различные фокусы и орудовать календаремъ въ интересахъ той или другой партіи и личности. Ко времени Цезаря результатомъ такого безцеремоннаго обращенія съ гражданскимъ годомъ было то, что онъ спѣшилъ на 67 дней противъ солнечнаго, и осенніе праздники выпадали лѣтомъ, а весенніе—зимой. Получался невозможный абсурдъ, и Цезарь, при содѣйствіи александрійскаго математика Созигена и писца М. Флавія, принялся въ 46 году за исправленіе ошибокъ. Онъ вычислилъ погрѣшность, прибавилъ къ текущему году 90 дней, отиѣнилъ систему прибавочныхъ мѣсяцевъ совсѣмъ и, взявъ въ основаніе годичный кругооборотъ земли, установилъ годъ въ 365 дней и 6 часовъ. Этимъ онъ самъ сдѣлалъ небольшую ошибку: солнечный годъ равенъ приблизительно 365 днямъ 5 час. 48 мин. и 48 сек.; но она такъ незначительна, что едва составляетъ 1 день въ 150 лѣтъ. Календарь этотъ,

извѣстный подъ именемъ Юліанскаго, находится понынѣ еще употребленіи въ Россіи и Греціи; на Западѣ же его смѣнилъ Григоріанскій въ XVI в., основанный на болѣе точномъ исчисленіи времени.

На этомъ мы остановимся. Что большинство этихъ мѣръ, смотря на добрыя намѣренія автора ихъ, были лишь палліативы, которыя не въ состояніи были уничтожить зло въ самомъ корнѣ, является виною самаго историческаго процесса, не выработавша еще тѣхъ высшихъ формъ жизни, переходъ къ которымъ разрѣшилъ бы тогдашнія проблемы вседѣло: мелкая собственность, какъ она ни неустойчива въ борьбѣ противъ силъ экономическаго прогресса, все же была единственнымъ, хотя и временнымъ, исходомъ изъ затруднительнаго положенія, и Цезарь, стремясь къ возстановленію и укрѣпленію ея, дѣлалъ все, что только могъ дѣлать человѣкъ въ то время.

Негодваніе, съ какими латифундисты встрѣчали всѣ эти реформы, легко понятно: они видѣли, съ какою безцеремонностью попираются священнѣйшія права крупнаго капитала—денежнаго и поземельнаго,—и воочію убѣждались, какъ не напрасны были ихъ опасенія передъ наступленіемъ царства «дмагогін». Но бороться противъ новаго режима было бы неблагодарно: за Цезаремъ стояла вся народная масса, и въ сознаніи своего безсилія аристократическая оппозиція принуждена была затануть злобу въ ожиданіи удобнаго момента, когда сипатин публики нѣсколько остынутъ. Такой повидимому моментъ наступилъ скорѣе, чѣмъ даже смѣли рассчитывать, и въ этомъ не мало виноватъ былъ самъ Цезарь, рѣшившійся перервать съ прошлымъ и, не обращая вниманія на республиканскія традиціи, возстановить царскій санъ. Первые симптомы обнародовались въ 45 г. Въ концѣ предыдущаго получило извѣстіе возстанія Испаніи подъ предводительствомъ двухъ сыновей Помпея, Кнея и Секста. Движеніе было широкое и опасное, и хотязаваленный работой, Цезарь принужденъ былъ самолично отправиться подавлять его. Это взяло не долго: 17 марта 45 инсургенты потеряли рѣшительное сраженіе при Мундѣ, едивпрочемъ не стоившее жизни самому Цезарю, и въ сентябрѣ побѣдитель могъ уже вернуться въ Римъ праздновать побѣду. По обычаю, освященному древностью и практикою, триумфъ полководцу полагался только за покореніе иноземныхъ враговъ: римскіе граждане, даже объявленные измѣнниками государству, оставались со тещественниками, праздновать пораженія которыхъ

считалось неумѣстнымъ и оскорбительнымъ для гражданскаго достоинства общества. Оттого, когда Цезарь вернулся изъ Африки, онъ всѣ свои четыре триумфа справлялъ надъ иноземцами: галлами, египтянами, понтийцами и мавританцами; побѣда же его надъ Помпеемъ не признавалось побѣдою, а потому и не была отпразднована. Но теперь, въ 45 г., возвратясь изъ Испаніи, онъ отпраздновалъ триумфъ не только надъ испанцами, но и надъ сыновьями Помпея и ихъ приверженцами: этимъ онъ какъ бы обнаружилъ недостатокъ уваженія къ званію римскаго гражданина и желаніе низвести его въ положеніе подданнаго. Естественно, что хотя сенатъ и продекретировалъ ему 50-ти дневное молебствіе, народъ былъ недоволенъ и сталъ поговаривать о тираніи. Между тѣмъ намѣренія диктатора стали обнаруживаться все яснѣй и яснѣй. Однажды утромъ статуя его подлѣ ростры (ораторской трибуны на форумѣ) была найдена съ царской повязкою на головѣ: это былъ своего рода пробный шаръ, пущенный друзьями «новаго курса» съ цѣлью позондировать общественное мнѣніе; но публика приняла его недружелюбно и бѣшено рукоплескала трибунамъ Марцеллу и Цезетію, сорвавшимъ вѣнокъ, называя ихъ вторыми Брутами. Спустя нѣкоторое время, въ январѣ 44 г., когда Цезарь отправлялся на Альбанскую гору, чтобъ принять участіе въ національномъ праздествѣ, чьи-то голоса въ толпѣ привѣтствовали его царемъ: опять отвѣтомъ было негодованіе народа, схватившаго крикуновъ и поволокшаго ихъ въ тюрьму. Самъ Цезарь, видя, что дѣло не налаживается, принужденъ былъ съ достоинствомъ заявить, что онъ не царь, а Цезарь, — что, впрочемъ, не помѣшало ему потомъ выразить свое неодобреніе трибунамъ, взявшимъ на себя исполненіе народнаго приговора. Но рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ 15 февраля того же года, во время праздника Луперкалій—римскаго карнавала. Сидя на золотомъ креслѣ близъ ростры, Цезарь наблюдалъ, какъ вся родовая и должностная знать нагишомъ, съ небольшимъ поясомъ у бедра, обгѣгала улицы и форумъ, ударяя вѣтками вѣтрѣнныхъ женщинъ и тѣмъ, по народному повѣрью, предохраняя ихъ отъ безплодія. Въ самомъ разгарѣ этой курьезной церемоніи къ нему подбѣгаетъ запыхавшійся М. Антоній, тогдашній консулъ, и, вынимая изъ-за пояса діадему, подноситъ ее Цезарю, какъ «народный подарокъ». Въ стоявшей кругомъ толпѣ раздались жиденькіе аплодисменты, но такъ какъ въ общемъ она безмолвствовала. Цезарь счелъ за благоразумное отклонить, чѣмъ и вызвалъ громъ рукоплесканій. Антоній приостановился, но

точасъ же снова протянулъ діадему при одобрительныхъ крикахъ клакеровъ; толпа попрежнему угрюмо молчала, и Цезарь вторично покачалъ головою къ общему ликовацію публики. Но вторять пантомиму было бы излишне: ея смыслъ былъ ясенъ. Цезарь, привставъ, приказалъ снести діадему въ Капитолію къ Юпитеру.

Ярость оппозиціи при видѣ подобныхъ сценъ не знала границъ, и, убѣжденная въ сочувствіи народа, она рѣшила, что настало время ковать. Вести борьбу въ открытую было не мыслимо: для этого не хватало ни силъ, ни мужества; оставалось заговоръ — и этотъ путь былъ избранъ. Въ немъ приняло участіе до 60 человекъ, и по странной ироніи судьбы, большинство изъ нихъ оказалось помпейскими дезертирами, прощенными и даже облагодѣтельствованными Цезаремъ. Таковъ былъ, напр., К. Требоній, только-что назначенный диктаторомъ въ намѣстники провинцій; таковъ былъ П. Каска, назначенный въ трибуны; Д. Брутъ, правитель Галліи и консулъ будущаго года, М. Базилл, преторъ прошлаго года, и мн. др. Одинъ лишь Сульпицій Гальба на сколько намъ извѣстно, имѣлъ личную обиду противъ Цезаря, получивъ отказъ въ консульствѣ, да, пожалуй, еще Л. Таллій Цимберъ, братъ котораго былъ изгнанъ изъ Рима, не смотря на заступничество друзей. Остальные были всѣ чѣмъ либо обязаны диктатору, и больше всѣхъ сами вожди К. Кассій Лонгинъ и М. Ювій Брутъ. Первый, заклятый аристократъ и важный сподвижникъ Помпея, командовалъ республиканскимъ флотомъ въ послѣдней войнѣ и постыдно сдался Цезарю безъ боя немедленно послѣ Фарсалы. Побѣдитель не особенно долюблялъ его за его желчный и скрытный характеръ: «я боюсь этихъ блѣдныхъ худыхъ людей», говорилъ онъ про него однажды; тѣмъ не менѣе онъ оказывалъ ему всевозможные знаки вниманія, сдѣлавъ его преторомъ и предназначивъ для него на 43 годъ богатую провинцію Сирію. Второй, племянникъ и зять Катона, потомокъ, какъ говорили того Брута, который почитался за основателя республики, пользовался особеннымъ довѣріемъ Цезаря: онъ первый прибѣжалъ къ нему послѣ Фарсальскаго сраженія и былъ принятъ, какъ родной. Стоикъ и ростовщикъ, онъ не отличался однако силою характера, какъ можно было бы заключить, судя по этимъ двумъ излюбленнымъ римскимъ «профессіямъ»; онъ былъ вовлеченъ въ заговоръ Кассіемъ скорѣе изъ-за тщеславія, чѣмъ въ силу республиканскихъ убѣжденій: отправляя должность претора, онъ часто находилъ на своей скамьѣ записочки обиднаго

и въ то же время лестнаго содержанія, вродѣ того: «ты спишь. Брутъ?» или «ты—не Брутъ». а однажды кто-то начертилъ на статуѣ Л. Брута слова: «о, еслибы ты жилъ!». Все это сильно задѣвало его и, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ присталъ къ предпріятію, увлекши въ него, благодаря своему имени, и множество другихъ.

Цезарь въ это время собирался въ походъ противъ парянъ. Такъ какъ въ священныя сивиллиныхъ книгахъ оказалось, что паряне могутъ быть побѣждены только царемъ, друзья диктатора, къ которымъ принадлежали, разумѣется, и мудрые истолкователи предсказанія, рѣшили въ Иды (15-го марта) поднять въ сенатѣ вопросъ о томъ, не надлежитъ ли объявить Цезаря царемъ хотя бы на виѣ-италійскія владѣнія Рима. Это, конечно, должно было послужить переходомъ къ провозглашенію Цезаря царемъ и въ Римѣ, и заговорщики рѣшились въ этотъ день нанести ударъ. Слухъ о готовящемся покушеніи проникъ и въ публику, и народная молва устами вѣщихъ прорицателей довела его и до ушей Цезаря, предостерегая его на 15-ое марта; но самоувѣренный диктаторъ не обращалъ вниманія и даже распустилъ свою гвардію. Рассказываютъ, что вечеръ 14-го марта онъ провелъ за ужиномъ въ обществѣ Лепида, Антонія и другихъ друзей. Имѣя массу работы—завтра между прочимъ, въ виду скорого отъѣзда на Востокъ, онъ долженъ былъ сдать консульство Долабеллѣ—онъ удалился въ сосѣднюю комнату и погрузился въ разбираніе бумагъ и писемъ. Среди занятій онъ вдругъ слышитъ, какъ друзья его обсуждаютъ вопросъ, какого рода смерть самая пріятная. «Неожиданная!» кричитъ онъ имъ черезъ полудворенную дверь, и друзья, до которыхъ тоже дошли неопредѣленные слухи о готовящемся, пришли въ сильное смущеніе и молчаливо разошлись. Утромъ, въ роковой день, жена ни за что не хотѣла пустить его въ сенатъ: находясь подъ впечатлѣніемъ тѣхъ же темныхъ слуховъ, она видѣла ночью недобрый сонъ и, принявъ его за голосъ боговъ, упрашивала мужа остаться дома. Цезарь, самъ чувствовавшій нѣкоторое недомоганіе, рѣшилъ уже послушаться ее, когда въ комнату вошелъ Д. Брутъ и принялся убѣждать его пойти въ курію, гдѣ сенаторы съ нетерпѣніемъ ждали его прихода. Ничего не оставалось, какъ покориться, и диктаторъ, въ сопровожденіи Брута, отправился въ сенатъ. Говорятъ, что встрѣтивъ по дорогѣ одного изъ прорицателей, совѣтовавшихъ ему остерегаться 15-го марта, онъ сказалъ: «Видишь, Иды уже пришли, а ничего не случилось». «Пришли, но не прошли», отвѣтилъ тотъ. Но Цезарь только усмѣхнулся и продолжалъ свой

путь. Не доходя куріи, какой-то неизвѣстный человѣкъ протиснулъ черезъ толпу и, всунувъ ему въ руку записку съ именами заговорщиковъ и подробнымъ изложеніемъ плана ихъ дѣйствій, сейчасъ скрылся, попросивъ лишь немедленно прочитать ее; но Цезарь привыкшій получать такимъ образомъ различныя прошенія, бережно вложилъ бумагу среди другихъ, которыя держалъ въ рукахъ, намѣреваясь прочитать ее на досугѣ. Онъ вошелъ въ сенатъ поздоровавшись съ членами его, занявъ свое обычное мѣсто статуи Помпея. Немедленно подошелъ къ нему Цимберъ съ просьбою простить брата, а за нимъ понемногу собрались остальные заговорщики, столпившись вокругъ Цезаря какъ бы для поддѣжанія трибуна. Тѣмъ временемъ К. Требоній отвелъ М. Антонія въ дальній уголокъ комнаты и, подъ предлогомъ важнаго разговора стараясь отвлечь его вниманіе отъ того, что дѣлается вокругъ Цезаря упорно отвѣчалъ отказомъ на просьбу заговорщиковъ. Цимберъ какъ бы умоляюще схватилъ его за тогу, оттягивая внизъ вмѣстѣ съ заложенными подъ нею руками. Цезарь пробовалъ освободиться, но въ это время подкраившійся зади Каска нанесъ ему кинжаломъ ударъ въ затылокъ. Раненый обернулся «Каска, негодяй, что ты дѣлаешь?» вскричалъ онъ, выхвативъ желѣзный стилъ, которымъ обыкновенно писалъ. Но въ его глазахъ уже сверкали кинжалы другихъ заговорщиковъ и дальѣйшій сопротивленіе было бесполезно. Замѣтивъ среди нападающихъ лица своего любимца Брута, онъ успѣлъ лишь съ укоромъ воскликнуть «И ты, Брутъ?» и, закрывъ голову тогою, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и упалъ бездыханный у подножія Помпеевой статуи, прозенный 23-мя ударами.

Цезарь погибъ, но дѣлу, котораго онъ былъ творцомъ, суждено было жить еще многіе вѣка. Черезъ 15 лѣтъ, послѣ кровавыхъ междоусобицъ, Августъ окончательно установилъ монархію и тѣхъ же началъ, что и его дядя, и съ тѣхъ поръ «цезаризмъ» сталъ живымъ принципомъ въ государственной жизни человѣчества, не исчерпавшимъ своей силы и понынѣ. Черезъ Карла Великаго онъ перешелъ въ Западную Европу, гдѣ посетителями его были германскіе императоры среднихъ вѣковъ и оба Наполеона, а черезъ Восточную Римскую Имперію или Византію онъ проникъ къ намъ въ Россію, гдѣ Іоаннъ III приставилъ къ собственному оруду орель римскій, а его внукъ Іоаннъ IV Грозный принялъ титулъ царя, т. е. Цезаря.

Два слова въ заключенія о литературной дѣятельности Цезаря. Величайшій человѣкъ не только своего времени, но, пожалуй, и

всей древности, онъ обладалъ умомъ, замѣчательнымъ по своей силѣ и всесторонности; онъ былъ полководецъ, дипломатъ, государственный дѣятель, юристъ, ораторъ, поэтъ, историкъ, филологъ, математикъ и архитекторъ. Въ каждой изъ этихъ областей онъ отличался такъ, что, по единогласному приговору современниковъ и потомковъ, могъ, еслибы хотѣлъ, побѣдить любого специалиста и быть величайшимъ мастеромъ. О его военныхъ и государственныхъ способностяхъ краснорѣчиво говоритъ вся его карьера: о его дарѣ слова свидѣтельствуетъ Цицеронъ, провозглашавшій его первымъ послѣ себя ораторомъ того времени, а о его литературныхъ дарованіяхъ намъ говорятъ дошедшіе до насъ мемуары его о Галльской и Междоусобной войнахъ. Писательствомъ, собственно говоря, Цезарь занимался всю свою жизнь: онъ оставилъ послѣ себя собраніе рѣчей, писемъ и поэмъ, излѣдованія по религіи и латинской филологіи, трактатъ по астрономіи и политическій памфлетъ противъ Катона; но только мемуарамъ его суждено было уцѣлѣть и дойти до нашихъ временъ. Написанные отъ третьяго лица, они распадаются на исторію Галльской войны, трактующую о первыхъ семи годахъ Цезарева проконсульства въ семи же книгахъ, и исторію междоусобной войны вплоть до Александрійской въ трехъ книгахъ. Къ первой добавлена и восьмая книга изъ подъ пера, какъ полагаютъ, Гирція, а ко второй — Азиніемъ Полліономъ, вѣроятно, исторіи александрійской, африканской и испанской кампаній. По своему образцовому языку, легкому слогу и ясности изложенія, эти мемуары представляютъ зенитъ латинской прозы, не превзойденной ни до, ни послѣ. Единственное, что можетъ сравниться съ ними, это произведенія Цицерона; но и тѣ далеко уступаютъ имъ по силѣ выраженій, безъискусственности оборотовъ и, главное, кристально-чистой и прозрачной формѣ, могущей стать въ рядъ съ лучшими образчиками греческихъ мастеровъ. Недаромъ же Цезарь, подобно Ксенофону, былъ прозванъ аттической пчелою за свою легкость и изящество, и легъ въ основу классическаго преподаванія и изученія во всѣхъ европейскихъ странахъ.

А н д е р с е н ь .

[10310.6]

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Павленков
Павленков
Павленков

Г. Х. АНДЕРСЕНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. А. Бенетовой

Съ портретомъ Андерсена, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Н. Худякова. Владимірскій пр., № 12.

1892.

*Андрей Петрович
Андерсен
В. С. Соловьев*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Глава I. Введеніе. — Дѣтство Андерсена. — Его отецъ и мать. — Первые впечатлѣнія. — Мечтательность и фантазерство. — Игры и занятія. — Начало ученія. — Смерть отца. — Первые знакомства. — Первые попытки писать. — Конфирманционная школа. — Увлеченіе театромъ. — Отъѣздъ изъ одного города.	5
Глава II. Жизнь въ Копенгагенѣ. — Первые шаги. — Знакомство съ Зибони. — Новый кругъ знакомыхъ и покровителей. — Сношенія съ театромъ. — Танцевальная и хоровая школа. — Критическое положеніе. — Неудачныя попытки писать для сцены. — Отъѣздъ въ Слягельзе	18
Глава III. Жизнь въ Слягельзе. — Директоръ школы. — Поѣздки въ Соро. — Переходъ въ Эльзиноръ. — Поѣздки въ Копенгагенъ. — Первые стихи Андерсена. — Отношеніе къ своему директору и угнетенное состояніе. — Возвращеніе въ Копенгагенъ. — Занятія со студентомъ. — Поступленіе въ университетъ. — Новыя знакомства. — Гейбергъ и Мендслегеръ. — Андерсенъ появляется въ печати. — Престрастіе и непріязненное отношеніе общества. — Первая книга Андерсена. — Успѣхъ его первой пьесы. — Университетскій экзамень.	28
Глава IV. Лѣтнее путешествіе по Даніи. — Несчастливая любовь. — Угнетенное состояніе. — Путешествіе по Германіи. — Оперныя либретто. — Отношеніе критики и публики. — Новый сборникъ стиховъ. — Pamфлетъ Герца. — Полученіе путевой стипендіи.	36
Глава V. Путешествіе по Европѣ. — Жизнь въ Римѣ. — Знакомство съ Торвальдсеномъ. — Поэма «Агнета и Морьякъ». — Письма съ родины. — Возвращеніе въ Данію. — Романъ «Импровизаторъ». — Сочувствіе публики и нападки критики.	43
Глава VI. Поѣздка въ Швецію. — Скандинавскія симпатіи. — Степенныя обстоятельства. — Пожизненная пенсія. — Театральныя пьесы. — Еще поѣздка въ Швецію. — Овація въ Лундѣ. — «Что рассказывалъ мѣсяцъ». — Второе путешествіе за границу. — «Базаръ поэта». — Андерсенъ въ Копенгагенѣ. — Вниманіе къ нему короля. — Возрастающее значеніе въ Даніи. — Счастливая жизнь въ кругу друзей. — Особенности характера. — Сказки.	51

Дозволено цензурою. Спб. 3 дек. 1892 года.

Глава VII. Андерсенъ въ славѣ.—Еще о его сказкахъ.— Поэма «Агасферъ». — Автобіографія Андерсена.—Его нѣмецкіе друзья.—Война 1848 года.—Популярность Ан- дерсена за границей.—Страсть его къ путешествіямъ.— Нѣкоторыя черты его характера.—Отношенія къ жен- щинамъ	62
Глава VIII. Празднества въ честь Андерсена.—Семидеся- тилѣтняя годовщина.—Начало болѣзни —Памятникъ.— Послѣдніе дни жизни и смерть Андерсена.	74

ИСТОЧНИКИ.

Пособіями при составленіи этого очерка по-
служили:

«Das Märchen meines Lebens», автобіографія
Андерсена. Полнаго собранія его сочиненій.
Томы 1-й и 2-й. Strassburg, neu übersetzt mit
Anmerkungen von Emil Jonas.

H. C. Andersen's Briefwechsel. Leipzig, I Band.

ГЛАВА I.

Введеніе.—Дѣтство Андерсена.—Его отецъ и мать.—Первыя впечат-
лѣнія. — Мечтательность и фантазерство. — Игры и занятія. — Начало
ученья. Смерть отца Андерсена.—Новыя знакомства —Первыя попытки
писать.—Конфирмаціонная школа.—Увлеченіе театромъ.—Отъѣздъ изъ
родного города.

Немногіе писатели, пользуются такой популярностью, какъ
Андерсенъ. Онъ написалъ очень много, но русскія пуб-
ликѣ хорошо извѣстно только собраніе его сказокъ, составляю-
щее лучшую, но меньшую часть его произведеній. Сказки эти,
переведенныя на всѣ языки и выдержавшія множество изда-
ній, и доставили главнымъ образомъ славу своему автору. Не-
сравненная поэзія въ соединеніи съ такимъ юморомъ, съ чи-
стотою и искренностью чувства составляетъ особенность этихъ
оригинальныхъ произведеній. Умѣнье придавать жизнь всему
существующему и воплощать въ живые образы рѣшительно всѣ
окружающіе насъ предметы дѣлаетъ сказки Андерсена осо-
бенно близкими сердцу, такъ сказать, интимными. Въ нихъ
нѣтъ ничего грандіознаго, ничего величаваго, но тѣмъ не ме-
нѣ всякая подробность ихъ безконечно интересна. Способность
Андерсена придавать человѣческой образъ и вызывать со-
чувствіе читателя къ неодушевленнымъ предметамъ вродѣ ка-
кого-нибудь уличнаго фонаря, составляетъ особенность его та-
ланта. Если прибавить къ этому широкую гуманность, необык-
новенно простой и сжатый языкъ и самое свѣтлое міросозер-
даніе, то всемірная извѣстность Андерсена будетъ вполне по-
нятна.

Родился Андерсенъ въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія
(въ 1805 году) и умеръ недавно—въ 1875-мъ. но весь

складъ его ума, весь характеръ принадлежать къ доброму и здоровому времени. Родина его—датскій городъ Одензе на остр. Фюнн. Андерсенъ былъ единственнымъ сыномъ своихъ родителей. Мать его, простая женщина безъ всякаго образованія, отличалась нѣжнымъ и любящимъ сердцемъ, отецъ-же былъ въ своемъ родѣ очень замѣчательный человекъ. Занимаясь сапожнымъ мастерствомъ, онъ всю жизнь не могъ помириться съ тѣмъ, что плохія семейныя обстоятельства помѣшали ему получить то образованіе, о которомъ онъ мечталъ. Супруги очень любили другъ друга и жили въ полномъ согласіи. Тѣмъ не менѣе отецъ Андерсена не чувствовалъ себя счастливымъ. У него была совершенно исключительная натура, глубоко поэтическая и вмѣстѣ съ тѣмъ склонная къ анализу. Жена не понимала его, окружающая среда была безконечно ниже его по развитію. Онъ чуждался людей, мало по малу уходилъ въ себя и годъ отъ году становился все урюмѣе и сосредоточеннѣе. Любимое его занятіе было чтеніе вслухъ. Кромѣ того онъ охотно дѣлалъ игрушки, рисовалъ и вырѣзывалъ картинки для сына. Лѣтомъ онъ часто бралъ его съ собою за городъ въ лѣсъ и пролежалъ тамъ многіе часы, погруженный въ размышленія. Мальчикъ росъ одинъ: онъ рвалъ цвѣты и ягоды, плелъ вѣнки и т. д. Эти одинокія прогулки повторялись все чаще и чаще. Мать Андерсена участвовала въ нихъ только разъ въ годъ, передъ весеннимъ праздникомъ. Она ходила въ лѣсъ лишь для того, чтобы нарвать свѣжихъ вѣтокъ и убрать ими комнату. Мужъ, очевидно старался развить жену чтеніемъ вслухъ, но изъ этого ничего не вышло. Она не скучала за книгами, но и только. Это была женщина неинтеллигентная, хотя не безъ нѣкотораго поэтическаго чутія.

Молодой отецъ все больше и больше сближался съ сыномъ и проводилъ съ нимъ все свободное время. Первые книги, которыя онъ читалъ ему, были басни Лафонтена, комедіи датскаго писателя Гольберга и сказки изъ «Тысячи и одной ночи». И мать, и отецъ нѣжно любили сына и позволяли ему дѣлать все, что ему хотѣлось, но отъ этого не происходило никакихъ неудобствъ. Унаслѣдовавъ отъ отца мечтательный и вдумчивый нравъ, мальчикъ былъ еще вдобавокъ мягокъ и тихъ, какъ

дѣвочка. Онъ не любилъ никакихъ шумныхъ игръ и даже не водился съ дѣтьми. Игралъ онъ постоянно одинъ, причемъ фантазія его работала неутомимо. Наклонность къ мечтательности развилась въ немъ еще сильнѣе подъ вліяніемъ обстановки. Одензе—старинный городъ, а во времена дѣтства Андерсена въ немъ сохранялись еще многіе средневѣковые обычаи, праздники, оригинальныя процессіи и т. д. Все это дѣйствовало на воображеніе ребенка, но еще больше почерпалъ онъ изъ сношеній со своей бабушкой—матерью его отца. Это была кроткая и печальная женщина. Мужъ ея, когда-то зажиточный фермеръ, испыталъ цѣлый рядъ неудачъ и сошелъ съ ума послѣ пожара, истребившаго почти все его имущество. Бабушка Андерсена переселилась въ Одензе вмѣстѣ съ мужемъ и сыномъ. Тамъ купила она на оставшіяся деньги маленькій домикъ при больницѣ умалишенныхъ, гдѣ и жила вмѣстѣ съ большимъ мужемъ. Помѣшательство его было тихое, такъ что онъ никому не дѣлалъ вреда и не требовалъ постоянного ухода жены. Бабушка нѣжно любила внука и заходила къ его родителямъ каждый день хоть на нѣсколько минутъ, чтобы его повидать. По субботамъ бабушка всегда приносила своему любимцу цвѣтовъ изъ госпитальнаго сада. Чѣмъ доставляла ребенку большую радость.

Мальчикъ и самъ часто бывалъ у бабушки. Бродя по двору госпиталя, онъ часто видѣлъ тамъ тихихъ помѣшанныхъ. Со страхомъ смотрѣлъ онъ на нихъ и съ любопытствомъ слушалъ ихъ странныя рѣчи и пѣсни. Разъ, оставшись совсѣмъ одинъ въ госпитальномъ корридорѣ, по обѣимъ сторонамъ котораго шли больничныя камеры, мальчикъ лежалъ на полу и увидалъ въ дверную скважину голую женщину съ распушенными волосами, сидящую на пучкѣ соломы. Несчастная пѣла пронзительнымъ голосомъ, потомъ вдругъ съ крикомъ бросилась къ двери и ударила въ нее съ такой силой, что раскрылось оконце, черезъ которое подавали ей пищу. Выглянувъ въ это отверстіе, она увидала мальчика и протянула къ нему руку. Тотъ закрылъ отъ страха, вичкомъ упалъ на полъ и пролежалъ такъ до тѣхъ поръ, пока не подошли сторожа. Это страшное впечатленіе навсегда осталось въ его памяти. Маленькій Андерсенъ часто

ходилъ въ комнату, гдѣ пріали госпитальныя старушки, которыя очень его любили и говорили, что мальчикъ такъ уменъ, что едва-ли долго проживеть на свѣтѣ. Это очень льстило его самолюбію, но еще больше нравились ему длинныя сказки, которыя рассказывали ему старушки.

Странная обстановка больницы, видъ сумасшедшихъ, раннія книги, своеобразныя игрушки и картинки, которыя дарилъ ему отецъ, и сказки госпитальныхъ старухъ—все это составило въ головѣ маленькаго Андерсена какой-то смутный хаосъ съ удивительно поэтической и таинственной окраской. Мальчикъ жилъ въ мірѣ фантазіи, и это сдѣлало его очень нервнымъ и впечатлительнымъ. Онъ сталъ такъ боязливъ, что съ наступленіемъ темноты не соглашался выйти изъ дому. Какъ только закатывалось солнце, Хансъ ложился въ большую постель своихъ родителей. Лежа подъ ея цвѣтнымъ пологомъ, онъ чувствовалъ себя вполне хорошо и безопасно. Сквозь занавѣски мальчикъ видѣлъ свѣтъ и слышалъ все, что говорилось въ комнатѣ, но это только успокаивало его. Самъ же онъ былъ вполне уединенъ за своимъ цвѣтнымъ пологомъ въ большой постели, и предавался безконечнымъ мечтамъ. Ребенокъ лежалъ очень спокойно, и мать приписывала это его благопріямію. «Какъ тихо лежитъ дорогой мой мальчикъ», говорила она. А мальчикъ ея въ это время уносился въ роскошное царство своей фантазіи и мало-помалу засыпалъ, убаюканный несвязными золотыми грезами.

Такъ прошло почти все дѣтство Андерсена. Но цѣлымъ часамъ занимался онъ игрушками, которыя дѣлалъ ему отецъ. Особенно же любилъ шить платяя своимъ многочисленнымъ кукламъ. Для этого мальчикъ усаживался подъ кустомъ ежевики, который росъ у стѣны, и разстилалъ надъ нимъ материнъ передникъ, прикрѣпивши его къ стѣнѣ. Этотъ передникъ защищалъ его отъ непогоды. Ребенокъ тихонько сидѣлъ подъ нимъ со своими куклами. Сладкія и фантастическія грезы до того одолгивали его, что у него явилась привычка закрывать глаза, такъ что близкіе начали думать, что у него слабое зрѣніе, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ мальчикъ видѣлъ прекрасно.

Вообще Андерсенъ былъ странный ребенокъ, не похожій на

обыкновенныхъ дѣтей, что не мѣшало ему быть очень счастливымъ. Мать и отецъ баловали его на всѣ лады. При всей ихъ бѣдности, мальчикъ ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка. Его старались особенно хорошо одѣвать, для него нарочно звали старую швею, которая шила ему наряды изъ разнаго старья. Странно, что читать выучили Андерсена не дома. Его отдали для этого въ школу. Тамъ старая учительница сидѣла на стулѣ, окруженная дѣтьми, съ длинной розгой въ рукахъ. Дѣти проносили буквы и читали хоромъ, а старуха водворяла между ними порядокъ посредствомъ своей розги. Маленькаго Андерсена мать отдала въ школу съ тѣмъ, чтобы его не били. Въ первый же разъ, когда розга дошла до него, онъ всталъ съ своего мѣста, взялъ книгу и прийдя домой, попросилъ, чтобы своего мѣста, и ласкалъ его и во время игръ постоянно держалъ за руку, чтобы старшіе ученики какъ-нибудь его не обидѣли. Впоследствии старикъ очень любилъ называть себя первымъ учителемъ знаменитаго Андерсена.

У Карстена въ школѣ маленькій Андерсенъ подружился съ той дѣвочкой, о которой уже была рѣчь. Онъ принялся рассказывать ей фантастическія исторіи, вродѣ тѣхъ, которыми восхищалъ прежде госпитальныхъ старухъ, но на этотъ разъ эффектъ получился иного рода. Дѣвочка была практическая особа и мечтала о томъ, какъ она сдѣлается современемъ фермершей въ большой барской усадьбѣ.

— Ты будешь служить у меня въ замкѣ,—сказалъ ей на это ея маленькій товарищъ.

Онъ даже нарисовалъ ей свой замокъ и рассказалъ еще, какъ къ нему приходятъ разговаривать золотые ангелы и какой онъ вообще счастливый мальчикъ.

Услышавъ это, дѣвочка сказала кому-то изъ товарищей:

— Онъ сумасшедшій, какъ его дѣдушка.

Такой выводъ очень огорчилъ и удивилъ Андерсена: онъ

думалъ поразить дѣвочку своимъ умомъ и ужь никакъ не ожидалъ прослыть сумасшедшимъ.

Андерсенъ былъ еще очень малъ, когда родители въ первый разъ повели его въ театръ. Представленіе давалось на нѣмецкомъ языкѣ и вѣроятно потому мальчикъ не вынесъ никакого впечатлѣнія. Увидѣвъ массу зрителей, онъ сказалъ: «если-бы у насъ было столько бочекъ масла, сколько здѣсь людей, вотъ ужь я-бы поѣлъ!» Это прозаическое замѣчаніе показываетъ, что маленькій Андерсенъ былъ здоровый ребенокъ, и его чрезмѣрное фантазерство не заключало въ себѣ ничего болѣзненнаго, а свидѣтельствовало о задаткахъ поэтическаго таланта. Какъ бы то ни было, театръ скоро сдѣлался любимымъ мѣстомъ маленькаго Андерсена, хотя его водили туда только разъ въ годъ. Онъ подружился съ разнощикомъ афишъ, и тотъ каждый день давалъ ему театральную афишу. Сидя гдѣ-нибудь въ углу съ этой афишей, мальчикъ разыгрывалъ цѣлыя комедіи, сочиняя ихъ по названіямъ пьесъ и по дѣйствующимъ лицамъ. Это было начало творчества.

Очень походя на отца по натурѣ и по складу ума, Андерсенъ очевидно больше любилъ мать и находился подъ ея вліяніемъ. Мать его была очень суевѣрна и совсѣмъ необразована. Отецъ-же напротивъ отличался здравыми понятіями, и своимъ недюжиннымъ умомъ понималъ многое, недоступное его жепѣ, роднымъ и знакомымъ. Онъ много думалъ надъ тѣмъ, что читалъ, и высказывалъ иногда своеобразныя и очень здравыя сужденія, пугавшія его жену и мать, какъ нѣчто новое и непонятное.

— Нѣтъ никакого чорта, кромѣ того, что живеть въ нашемъ сердцѣ,—сказалъ какъ-то отецъ Андерсена.

Эти слова, понятыя буквально, привели въ ужасъ его маленькаго сына. Со страхомъ думалъ онъ о душѣ отца. Страхъ этотъ еще усилился, когда однажды отецъ его проснулся съ двумя ранами на рукѣ. Вѣроятно онъ укололся во снѣ иглой, воткнувшейся въ постель, но сосѣдка говорила, что это посѣтилъ его ночью чортъ, чтобы показать, что онъ есть на самомъ дѣлѣ, и маленькій Андерсенъ этому вполнѣ вѣрилъ.

Когда появилась комета 1811 года, мать передала сыну всѣ страшныя сказки, ходившія на этотъ счетъ—и ребенокъ

находился подъ этимъ впечатлѣніемъ. Разъ вечеромъ мальчикъ стоялъ на площади съ матерью и съ сосѣдками и со страхомъ смотрѣлъ на комету, ожидая свѣтопреставленія. Въ это время мимо проходилъ его отецъ и объяснилъ происхожденіе кометы, думая разсѣять суевѣрные страхи, но это ни къ чему не повѣло: всѣ смотрѣли на него, покачивая головами, и никто ему не вѣрилъ. Видя это, онъ засмѣялся и пошелъ своей дорогой. Маленькій Андерсенъ почувствовалъ какой-то ужасъ при видѣ невѣрія отца. Вечеромъ къ нимъ пришла бабушка, и невѣстка разсказала ей случай съ кометой. Мальчикъ сидѣлъ на колѣняхъ у бабушки, смотрѣлъ ей въ глаза и ожидалъ, что вотъ, вотъ комета задѣнетъ землю хвостомъ и наступитъ конецъ міра. Онъ не понималъ того, что говорили женщины, но былъ зараженъ во всемъ съ ними согласенъ. Очевидно, отца его считали еретикомъ и безбожникомъ, хотя онъ былъ глубоко религіозный человекъ, часто читалъ библію и много надъ ней думалъ.

Рознь съ окружающими его людьми очень тяготила отца Андерсена. Онъ всячески старался найти выходъ изъ своего положенія, но это ему не удавалось. Любимой его мечтой было жить въ деревнѣ. Ему представился даже разъ прекрасный случай, но и тутъ вышла неудача. Одинъ богатый землевладелецъ на островѣ Фіовінъ пожелалъ имѣть своего сапожника, причемъ давалъ ему домикъ и землю въ деревнѣ по близости отъ замка. Андерсены были въ восторгѣ, маленькій Гансъ моллился о томъ, чтобы отцу его удалось получить желанное мѣсто. Тотъ взялся шить хозяйкѣ замка бальныя башмаки, но работа его не понравилась, и всѣ мечты разомъ рухнули. Между тѣмъ его лѣсныя прогулки повторялись все чаще и чаще. Душа его не знала покоя и жаждала уединенія. Мечтательный сапожникъ увлекся личностью Наполеона и рѣшилъ поступить солдатомъ въ одинъ изъ союзныхъ полковъ, мечтавъ о томъ, какъ онъ вернется лейтенантомъ. Жена плакала, сосѣди его оуждали; но человеку этому очевидно хотѣлось чего нибудь необычнаго, не похожаго на окружавшую его жизнь. Въ то утро, когда долженъ былъ двинуться полкъ, отецъ Андерсена казался очень веселымъ и оживленнымъ, только порывистая страстность, съ которой онъ прощался съ сыномъ,

выдала его волненіе. Мальчикъ лежалъ въ то утро больной. Къ нему пришла бабушка, а мать со слезами провожала мужа. Это было первое печальное утро, которое помнитъ Андерсенъ въ своемъ счастливомъ дѣтствѣ. Отецъ его скоро вернулся съ полкомъ, не побывавши въ дѣлѣ, такъ какъ въ то время заключили миръ. Онъ дошелъ только до Голштинии, но непривычные переходы тяжело отразились на его здоровьѣ. Недолго пожалъ онъ со своими. Въ одно прекрасное утро онъ проснулся въ горячкѣ, бредя войной и Наполеономъ. Мать послала сына къ знахаркѣ. Та продѣлала съ мальчикомъ много разныхъ таинственныхъ вещей и подъ конецъ сказала ему «Иди домой вдоль рѣки; если отецъ твой долженъ умереть, ты встрѣтишь его призракъ». Со страхомъ вернулся маленькій Гансъ и разсказалъ матери, что сказала ему знахарка.

— И ты никого не встрѣтилъ? спросила мать.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ съ бьющимся сердцемъ.

Отецъ его умеръ на третій день послѣ этого случая.

Послѣ смерти отца мальчикъ былъ еще больше прежняго предоставленъ себѣ самому. Мать ходила на работу въ чужіе дома, а Гансъ по цѣлымъ днямъ оставался одинъ и игралъ въ кукольный театръ. Въ это время онъ свелъ знакомство съ семьей одного умершаго пастора, который считался довольно извѣстнымъ датскимъ стихотворцемъ. Это было первое образованное семейство, въ которое пошелъ Андерсенъ. Здѣсь онъ впервые услышалъ слова «поэтъ» и «писатель», произносимыя съ большимъ почтеніемъ, и возмечталъ самъ сдѣлаться писателемъ. Здѣсь-же ему пришлось прочесть Шекспира, который остался на всю жизнь однимъ изъ его любимыхъ авторовъ. Сейчас-же принялся онъ разыгрывать Шекспировскія пьесы на своемъ кукольномъ театрѣ, — нѣсколько видоизмѣняя подлинникъ. Чѣмъ больше лицъ умирало въ его трагедіяхъ, тѣмъ больше это ему нравилось. Дѣти, какъ извѣстно, любятъ катастрофы. Потомъ онъ сочинилъ трагедію, заимствовавъ ея сюжетъ изъ одной старой пьесы. Въ концѣ трагедіи всѣ умирали. Андерсенъ воображалъ, что написалъ прекрасную вещь, и многіе поддерживали его въ этомъ заблужденіи. Только одна сосѣдка поспѣшила надъ его произведеніемъ, что его очень обидѣло.

— Это она оттого говоритъ, что ея сынъ не можетъ такъ написать, — утѣшала его мать.

Мальчикъ успокоился и принялся за другую трагедію. Это было произведеніе высшаго полета. Въ немъ участвовали только коронованныя лица. Андерсенъ видѣлъ, что у Шекспира короли и принцы говорятъ такъ же, какъ и простые смертные, но ему казалось, что это невѣрно. Онъ спрашивалъ объ этомъ у матери и у сосѣдокъ. Тѣ могли ему сказать только то, что король, который былъ когда-то давно въ Одензе, говорилъ на иностранныхъ языкахъ. Мальчикъ понялъ это по своему. Онъ досталъ гдѣ-то книжку съ французскими, нѣмецкими и англійскими вокабулами и составилъ рѣчи своихъ королей такъ, что вышла какая-то мозаика изъ иностранныхъ языковъ. Вотъ что говорила, напримѣръ, одна принцесса своему отцу: «Guten Morgen, mon père, haben sie gut sleeping?» Въ такомъ родѣ написаны были всѣ діалоги. Андерсену было вѣроятно лѣтъ десять, когда начались эти литературныя упражненія. Вообще онъ не дѣлалъ тогда ничего похожего на то, что дѣлаютъ обыкновенно мальчики его званія. Онъ и не начиналъ еще работать, а только забавлялся, забавы же эти были совсѣмъ особаго рода: игра въ театръ и въ литературу... Въ одинъ прекрасный день матери его пришло въ голову отдать его на фабрику, куда ходилъ сынъ одной ея знакомой. «По крайней мѣрѣ я буду знать, гдѣ сынъ», говорила она. На фабрику отвела Андерсена бабушка, которая дѣлала это очень неохотно и была повидимому права. Тамъ оказалось много нѣмецкихъ рабочихъ. Они работали съ пѣснями и шутками, очень грубаго свойства. Маленькій Андерсенъ скоро заслужилъ всеобщее расположеніе. У него былъ прекрасный, необыкновенно высокій голосъ. Онъ охотно пѣлъ не только разныя пѣсни, но и цѣлыя сцены изъ Шекспира и Гольберга съ импровизированной музыкой. Это производило большой эффектъ. Мальчику аплодировали и дѣлали за него работу. Первые дни ему было прескучно. Но вотъ однажды, когда онъ увлекся своимъ пѣніемъ и выводилъ необыкновенно высокія ноты, кто-то изъ рабочихъ сказалъ про него: «Да это совсѣмъ не мальчикъ, это навѣрно дѣвчонка!» — и грубо схватилъ его. Шутка эта понравилась. Маль-

чика схватили за ноги и за руки. Онъ съ громкимъ крикомъ вырвался, убѣжалъ съ фабрики домой къ матери и больше ужъ не возвращался.

Между тѣмъ мать Андерсена вторично вышла замужъ. Новый мужъ ея былъ тоже сапожникъ, но совсѣмъ не походилъ на перваго. Это былъ простой и добрый малый, очень веселаго нрава. Онъ нисколько не мѣшался въ воспитаніе пасынка и предоставлялъ ему полную свободу. Мальчикъ ходилъ въ семью пастора-поэта и читалъ тамъ книги, а дома занимался своимъ кукольнымъ театромъ и упражнялся въ шитьѣ. Это было нужно для кукольнаго театра. Особенно нравилось ему шивать вмѣстѣ разноцвѣтные куски матеріи. Мать его находила, что такое занятіе можетъ пригодиться въ будущемъ. Она полагала, что сынъ ея созданъ быть портнымъ; онъ-же съ своей стороны говорилъ, что будетъ комедіантомъ. Съ этимъ мать рѣшительно не соглашалась. Она понимала подъ словомъ комедіантъ только плясунъ на канатѣ и странствующихъ актеровъ, причемъ ставила тѣхъ и другихъ на одну доску.

Слова матери не производили на Андерсена никакого дѣйствія. Онъ продолжалъ дѣлать все, что хотѣлъ, и между прочимъ пѣлъ по цѣлымъ часамъ все, что приходило ему въ голову. Это было своеобразное пѣніе; но прелестный голосъ и фантазіи поэтическаго ребенка вѣроятно создавала при этомъ нѣчто прекрасное и оригинальное. Пѣлъ онъ очень часто и на улицѣ. Особенно любилъ онъ забираться на большой камень въ рѣкѣ, протекавшей по близости отъ ихъ дома, и, стоя на камнѣ, заливался своими странными пѣснями, какъ жаворонокъ, «упоенный зарею и свѣтомъ», по выраженію Франциска Ассизскаго. Но не одна страсть къ пѣнію играла роль въ этомъ препровожденіи времени. Мальчикъ былъ очень самолюбивъ. Онъ отлично зналъ, что его слушаютъ изъ сосѣднихъ домовъ и сада, и это придавало ему еще больше азарта. Многіе въ городѣ обращали вниманіе на этого страннаго и интереснаго ребенка, и у него завязалось немало знакомствъ среди богатаго населенія Одензе.

Особенно участливо относилось къ нему семейство полковника Гульдберга. Самъ полковникъ былъ знакомъ съ наследнымъ принцемъ Христіаномъ, который жилъ въ то время въ

Одензейскомъ дворцѣ. Полковникъ былъ первымъ покровителемъ Андерсена. Онъ настолько заинтересовался своимъ маленькимъ другомъ, что захотѣлъ свезти его къ принцу Христіану, причемъ далъ ему слѣдующій совѣтъ: «Если принцъ спроситъ васъ, чего вы хотите, отвѣчайте, что самое большее ваше желаніе попасть въ высшую школу». Андерсенъ не чувствовалъ никакого влеченія къ наукамъ, но послушно сказалъ принцу то, что внушилъ ему его покровитель. Принцъ отвѣтилъ ему не особенно ободряющимъ образомъ. Онъ замѣтилъ, что ученые вещи очень трудная, что пѣть и хорошо говорить стихи еще не значитъ быть гениемъ и что лучше-бы онъ выбралъ себѣ какое-нибудь хорошее ремесло.

Этотъ совѣтъ не очень-то понравился маленькому Андерсену, мечтавшему о славѣ и о сказочномъ счастьѣ. Такимъ образомъ изъ разговора съ принцемъ пока ничего не вышло. Поэтому мать вторично отдала Андерсена въ школу. На этотъ разъ это была школа для бѣдныхъ, гдѣ учили только Законъ Божьему, письму и счету. Школа была плохая, и Андерсенъ пробылъ въ ней недолго. Во время пребыванія тамъ онъ сочинилъ стихи въ честь дня рожденія школьнаго учителя, и разсказывалъ товарищамъ интересныя исторіи своего сочиненія. Но разсказовъ этихъ было недостаточно для того, чтобы устоять противъ хорошаго отношенія между Андерсеномъ и его товарищами завидовавшими его привилегированному положенію въ богатыхъ семействахъ. Дѣло дошло до того, что въ одинъ прекрасный день когда онъ шелъ изъ школы, уличные мальчишки бѣжали за нимъ толпой съ криками: «Вонъ бѣжитъ комедіантъ!» Чувствительный и трусливый мальчикъ убѣжалъ домой, забился въ уголъ и со слезами сталъ молиться Богу.

Тѣмъ временемъ ему шелъ уже четырнадцатый годъ. Онъ былъ высокій, худощавый мальчикъ съ кудрявыми бѣлокурымъ волосами. Мать начинала подумывать о томъ, что нужно-бы ея Гансу дѣлать «что-нибудь разумное», какъ она выражалась. Она хотѣла подтвердить его, а послѣ отдать въ портныя полагая въ этомъ его призваніе.

Для подготовки къ конфирмаціи мать отдала Андерсена къ пастору, у котораго обучались дѣти изъ дворянскихъ семействъ.

И самъ пасторъ, и дѣти смотрѣли свысока на сына бѣднаго сапожника. Пасторъ считалъ его выскочкой, товарищи сторонились. Бѣдный мальчикъ оставался постоянно одинъ. Онъ нимало не завидовалъ богатству своихъ товарищей и вздыхалъ только по книгамъ, которыхъ у нихъ было гораздо больше, чѣмъ у него. Разъ Андерсенъ вздумалъ декламировать сцену изъ какой-то комедіи въ присутствіи пастора и его знакомыхъ. Пасторъ строго остановилъ его и сказалъ, что если онъ еще разъ повторитъ то-же самое, его отправятъ домой. Андерсенъ не понималъ, за что на него напали. Единственное существо, относившееся къ нему хорошо, была одна дѣвочка, готовившаяся къ конфирмаціи у того-же пастора. Въ видѣ особаго вниманія она даже разъ подарила ему розу, о чемъ Андерсенъ помнилъ всю жизнь съ благодарностью.

На этотъ разъ Андерсенъ благополучно окончилъ свою задачу и конфирмовался вмѣстѣ съ другими. Послѣ конфирмаціи мать хотѣла отдать его въ ученье къ портному, но сынъ упрямилъ ее этого не дѣлать. За послѣдніе годы онъ накопилъ изъ денегъ, которыя ему иногда давала, небольшую сумму въ 30 рейхсталеровъ (23 рубля). Считая себя настоящимъ богачемъ, онъ просилъ мать отпустить его въ Копенгагенъ искать счастья, думая, что это первый городъ въ мірѣ.

— Что-же тамъ изъ тебя выйдетъ?—спросила его мать.

— Я сдѣлаюсь знаменитъ—отвѣтилъ мальчикъ и началъ рассказывать ей, что онъ читалъ въ книгахъ про великихъ людей.

— Сначала ужасно много страдаютъ, а потомъ дѣлаются знаменитыми—заклучилъ онъ.

Съ какимъ-то неопытнымъ, инстинктивнымъ влеченіемъ мальчикъ со слезами и рыданіями умолялъ мать исполнить его желаніе. И мать уступила ему, предварительно спросившись у знахарки, которая сказала:

— Вашъ сынъ сдѣлается великимъ человѣкомъ, въ честь его будетъ илюминація въ Одензе.

Мать заплакала отъ радости и больше не противилась желанію сына ѣхать въ Копенгагенъ.

Между тѣмъ четырнадцатилѣтній Андерсенъ составилъ въ головѣ нѣчто вродѣ плана. Онъ не сомнѣвался, что будетъ

счастливъ и знаменитъ, и думалъ сдѣлаться актеромъ. Лѣтомъ передъ его конфирмаціей пріѣзжала въ Одензе труппа актеровъ изъ Копенгагена. Они играли оперы и комедіи, и Андерсенъ въ качествѣ друга разнощика афинъ нетолько видѣлъ всѣ пьесы, но часто бывалъ за кулисами, перезнакомился со всѣми актерами и даже исполнялъ раза два роли пажа и пастуха. На актеровъ смотрѣлъ онъ какъ на боговъ, а имъ нравился его живой и восторженный нравъ. Они были съ нимъ очень ласковы. Раньше еще его голосъ и способность разыгрывать наизусть цѣлыя сцены наводила его на мысль поступить на сцену, теперь же онъ окончательно рѣшилъ, что будетъ актеромъ. Андерсенъ слышалъ между прочимъ что-то такое о балетѣ и о Копенгагенской танцовщицѣ Шаль. Изъ рассказовъ этихъ онъ заключилъ, что балетъ еще лучше оперы и комедіи, а танцовщица Шаль нѣчто вродѣ царицы. Восторженный юноша хотѣлъ поѣхать въ Копенгагенъ познакомиться съ ней и съ ея помощью попасть на сцену. Для этого онъ предварительно отправился къ старому книгопродавцу Иверсену, который зналъ всѣхъ пріѣзжихъ актеровъ и долженъ былъ по догадкѣ Андерсена знать также танцовщицу. Остальное не безпокоило нашего театрала. Старый Иверсенъ, въ первый разъ въ жизни видѣвшій Андерсена, съ участіемъ выслушалъ просьбу мальчика, но отговаривалъ его ѣхать въ Копенгагенъ, совѣтуя заняться какимъ-нибудь ремесломъ.

— Это было бы большимъ грѣхомъ!—отвѣтилъ ему Андерсенъ такимъ тономъ, что старикъ сейчасъ-же имъ заинтересовался.

Онъ не зналъ лично танцовщицы, но все таки написалъ къ ней рекомендательное письмо, которое и далъ Андерсену. Получивши желанное письмо, Андерсенъ былъ въ восторгѣ и считалъ, что уже нашелъ ключъ къ счастью.

Мать уложила въ узелокъ его пожитки, взяла ему мѣсто въ diligencs и со слезами проводила до воротъ, гдѣ стояла его бабушка. Въ моментъ прощанья съ матерью и съ бабушкой юноша почувствовалъ большое горе, но скоро развлекся новизной мѣста и всей обстановки. Полный надеждъ и безъ всякихъ опасеній за будущее, пустился онъ въ свѣтъ со своими

тридцатью рейхсталерами (23 рубля) въ карманѣ. Когда Андерсенъ очутился на пароходѣ и оставилъ за собой родной островъ, онъ почувствовалъ одиночество, но простодушная и жаркая молитва тотчасъ-же вернула ему спокойствіе.

ГЛАВА II.

Жизнь въ Копенгагенѣ.—Первые шаги.—Знакомство съ Зибони.—Новый кругъ знакомыхъ и покровителей.—Сношенія съ театромъ.—Танцевальная и хоровая школа.—Критическое положеніе.—Неудачныя попытки писать для сцены.—Отъѣздъ въ Слегельве.

Четырнадцать лѣтъ отъ роду прѣѣхалъ Андерсенъ въ Копенгагенъ. По незнанію жизни и безграничной вѣрѣ въ будущее онъ походилъ на ребенка, смѣло ступающаго въ пустое пространство въ полномъ невѣдѣніи опасности и въ увѣренности, что его кто-нибудь поддержитъ. Андерсенъ началъ съ того, что, имѣя въ карманѣ меньше 10-ти рейхсталеровъ (8 рублей), взявъ номеръ въ гостинницѣ, конечно самой скромной. Потомъ онъ пошелъ бродить по улицамъ. Городекая суета его не смутила. Это отвѣчало его представленію о первомъ городѣ въ мірѣ. Первой цѣлью его прогулокъ былъ театръ. Онъ осматривалъ со всѣхъ сторонъ это наиболее интересное для него зданіе, которое онъ считалъ въ вѣкоторомъ родѣ своимъ будущимъ отечествомъ. На площади какой-то барышникъ сталъ предлагать ему билетъ. Андерсенъ горячо поблагодарилъ его, будучи увѣренъ, что тотъ даритъ ему билетъ. Человѣкъ этотъ подумалъ, что Андерсенъ надъ нимъ смѣется, и такъ разсердился, что мальчикъ испугался и убѣжалъ.

На слѣдующій день Андерсенъ нарядился въ свой конфирмаціонный костюмъ, который считалъ верхомъ изящества и великолѣпія, надѣлъ между прочимъ и шляпу, доходившую ему до самыхъ глазъ, и отправился съ рекомендательнымъ письмомъ Иверсена къ танцовщицѣ Шаль. На лѣстницѣ передъ дверью ея квартиры онъ всталъ на колѣни и началъ горячо молиться Богу. Тутъ пришла служанка съ провизіей. Увидѣвъ Андерсена, она приняла его за нищаго и съ улыбкой протянула ему какую-то мелкую монету. Мальчикъ былъ очень оскорбленъ,

возвратилъ деньги и потребовалъ, чтобы его впустили въ квартиру. Танцовщица смотрѣла на него съ большимъ удивленіемъ. Она не знала того, кто рекомендовалъ Андерсена, а видъ его и манеры показались ей очень странными. Ни мало не смущаясь, заговорилъ онъ о томъ, какъ счастливъ, что можетъ поступить на сцену. На вопросъ ея, въ какой пьесѣ онъ думаетъ играть, онъ сказалъ: «Въ «Сандрильонѣ»,—я такъ люблю эту вещь». Онъ видѣлъ эту пьесу въ Одензе и зналъ наизусть всю главную роль. Желая показать свое искусство, онъ тутъ-же попросилъ позволенія снять салоги для большей легкости, взялъ въ руки шляпу вмѣсто тамбурина и принялся танцевать по комнатѣ и пѣть какое-то мѣсто изъ роли Сандрильоны. Необычайная живость и рѣшительность его манеръ въ соединеніи со смѣшнымъ костюмомъ производили странное впечатлѣніе. Впоследствии Андерсенъ узналъ, что танцовщица приняла его за помѣшаннаго и постаралась скорѣе сроводить, но тогда онъ ничего этого не понималъ. Послѣ этого визита онъ отправился къ директору театра. Это былъ довольно важный господинъ, что его нисколько не смутило.

Директоръ сказалъ ему между прочимъ что онъ слишкомъ худощавъ для сцены.

— О,—возразилъ Андерсенъ:—если я буду получать хотя тысячу рейхсталеровъ за ангажементъ, то я конечно постою.

Это очень не понравилось директору. Онъ строго посмотрѣлъ на мальчика и сказалъ, что принимаетъ въ группу только тѣхъ, кто хорошо воспитанъ.

Андерсенъ не понималъ, въ чемъ заключалась его вина, и былъ очень огорченъ. Съ горькими слезами молился онъ Богу и думалъ, что вѣроятно уже начались тѣ страданія, которыя должны привести его къ славѣ. Въ утѣшеніе горячей театраль взялъ себѣ билетъ на представленіе оперы «Навель и Виргинія». Въ моментъ разставанія влюбленной пары онъ горько раслакался, чѣмъ возбудилъ участіе двухъ сосѣдокъ. Онѣ стали его утѣшать, а одна даже дала ему порядочный кусокъ бутерброда съ колбасой. Андерсенъ объяснилъ, что плачетъ о своей собственной судьбѣ, представляя себѣ, что театръ—его Виргинія и разстаться

Добрые люди не дали умереть съ голоду бездомному и безпомощному скитальцу. Гульдбергъ, Вейзе и нѣкоторые другіе, сложившись, составили извѣстную сумму, на которую Андерсенъ могъ жить нѣкоторое время. Ему выдавали 16 рейхсталеровъ (12 рублей) въ мѣсяцъ. За эти деньги ему удалось получить у хозяйки дома, гдѣ онъ жилъ раньше, большую пустую комнату безъ оконъ и обѣдъ. Андерсенъ былъ несказанно радъ этому новому своему жилищу. Хозяйка потребовала сначала 20 рейхст. (15 рублей) и прежде чѣмъ согласилась на 16 рейхсталеровъ, онъ успѣлъ ватерпиться много горя. Его огорчала настолько возможность остаться безъ крова, сколько перспектива разстаться съ хозяйкой, къ которой юноша уже успѣлъ сильно привязаться, и смотрѣлъ на нее, какъ на мать. Его мягкое сердце располагалось сразу рѣшительно ко всѣмъ, съ кѣмъ сводила его судьба.

Итакъ онъ помѣстился у этой женщины, но отдавать ей всѣ свои деньги. Она посылала его иногда съ какими-нибудь порученіемъ и за это давала ему 19 пфеннинговъ въ мѣсяцъ. На эти деньги онъ покупалъ себѣ бумагу и старыя книги. Безъ платы Андерсенъ продолжалъ обходиться точно такъ же, какъ и прежде. За это время кругъ его знакомства очень расширился. Съ одной стороны онъ пріобрѣталъ знакомства черезъ Зибони, а съ другой—черезъ Гульдберга и старую свою знакомую г-жу Лундъ, замужнюю даму, жившую въ Копенгагенѣ. Это была та самая дѣвочка, которая оказала ему ласку во время его пребыванія въ конфирмаціонной школѣ. Познакомился онъ между прочимъ съ профессоромъ Нирупомъ, но этимъ знакомствомъ обязанъ былъ только самому себѣ. Узнавши, что Нирупъ сынъ крестьянина и учился въ Одензе, Андерсенъ безъ церемоній явился къ нему и объяснилъ, что онъ тоже изъ Одензе. Старый ученый заинтересовался своеобразнымъ характеромъ мальчика. Онъ позволилъ ему брать книги изъ своей библіотеки «только съ тѣмъ, чтобы снова ставить ихъ на мѣсто»—говорилъ онъ. Андерсенъ исполнялъ это правило, и такимъ образомъ подъ руками его очутилось цѣлое богатство. Это была для него большая радость, но скоро испыталъ онъ новое удовольствіе. Гульдбергъ познакомилъ его съ актеромъ Линдгреномъ, который началъ готовить его къ сценѣ. Они вмѣстѣ изучали нѣсколько ролей простаковъ и смѣшныхъ слугъ. Эти роли были вѣроятно по

плечу Андерсену, но онъ ими не удовольствовался и вздумалъ выучить большую трагическую роль Кореджіо изъ какой-то драмы. Въ одинъ прекрасный день онъ съ жаромъ продекламировалъ ее передъ актеромъ. Линдгрень съ улыбкой потрепалъ его по плечу и сказалъ: «У васъ есть чувство, но едва-ли изъ васъ выйдетъ актеръ. Одинъ Богъ знаетъ, что изъ васъ выйдетъ. Скажите Гульдбергу, чтобы онъ научилъ васъ по латыни. Латынь поможетъ вамъ сдѣлаться студентомъ». Эта мысль показалась Андерсену очень странной и совершенно новой. Тѣмъ не менѣе онъ поговорилъ объ этомъ съ Гульдбергомъ и тотъ нашелъ ему дарового учителя латинскаго языка. Кромѣ драматическаго искусства Андерсенъ имѣлъ возможность познакомиться также и съ танцевальнымъ. Здѣсь помогъ ему танцмейстеръ Даленъ, въ домѣ котораго онъ былъ принятъ. Жена Далена была талантливая актриса и добрая женщина, такъ что Андерсенъ очень пріятно проводилъ у нихъ время. Онъ поступилъ въ танцевальную школу Далена, но танцевальное искусство не пошло на ладъ. Андерсенъ оказался къ этому неспособенъ. Тѣмъ не менѣе въ качествѣ ученика школы Далена онъ имѣлъ доступъ за кулисы и часто посѣщалъ театръ. Этого было достаточно для его счастья. Время отъ времени онъ исполнялъ какую-нибудь выходную роль, и одно то, что онъ являлся на сценѣ, приводило въ восторгъ маленькаго мечтателя. Его имя стояло нѣсколько разъ на афишѣ, и это тоже было для него источникомъ великихъ радостей.

Между тѣмъ время шло, а средства Андерсена не увеличивались. Платежъ его окончательно износился, сапоги развалились. Онъ часто голодалъ и сильно мерзъ въ своемъ худенькомъ платьѣ, но это не мѣшало ему чувствовать себя счастливымъ. Его поддерживала твердая вѣра въ Бога, въ людей и въ свои силы, а фантазія окрашивала весь мѣръ въ самые радужные цвѣта.

Года черезъ два къ нему вернулся голосъ. Это доставило ему хоровую школу, которая была при театрѣ. Это доставило ему новые случаи бывать на сценѣ. Онъ жилъ въ театральной атмосферѣ, бредилъ театромъ и артистической карьерой.

Между тѣмъ его латинскія книги были въ полномъ загоны. Онъ безпрестанно ходилъ въ театръ, гдѣ у него постоянно

бывали даровыя мѣста, и разъ отъ разу забывалъ про латинскую грамматику, повинувшись исключительно влеченію своего сердца, говорившаго ему, что латынь скучнѣе театра.

Когда Гульдбергъ открылъ этотъ грѣхъ юнаго Андерсена, онъ очень расчѣдился и сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ, который совершенно ошеломилъ нашего безпечнаго фантазера. Въ первый разъ въ жизни довелось ему услышать подобное внушеніе.

Выговоръ Гульдберга до нѣкоторой степени подѣйствовалъ. Андерсенъ сталъ заниматься латынью, но не особенно прилежно, такъ какъ началъ писать комедію, щедрой рукой заимствуя матеріалъ изъ своихъ любимыхъ авторовъ. Жена поэта Рабека, которой онъ прочелъ свое произведеніе, замѣтила ему во время чтенія. «Но вѣдь у васъ цѣлыя сцены взяты цѣликомъ у Ингемана и Эленшлегера». — Да, но онъ такъ восхитителен! — наивно отвѣтилъ Андерсенъ и продолжалъ свое чтеніе.

Та-же г-жа Рабекъ однажды шутя назвала его поэтомъ. Это было, когда онъ шелъ отъ нея къ г-жѣ Кольбернсенъ, а она дала ему букетъ розъ со словами:

— Г-жѣ совѣтницѣ будетъ конечно очень пріятно получить цвѣты изъ рукъ поэта.

Слова эти произвели на Андерсена необыкновенно сильное впечатлѣніе и глубоко запали ему въ душу, такъ какъ онъ принялъ ихъ за чистую монету, а поэтомъ его назвали первый разъ въ жизни.

Эта фраза г-жи Рабекъ хорошо рисуетъ отношеніе къ Андерсену копенгагенскихъ дамъ. Его живость, чудачество и большія претензіи, которыя онъ въ простотѣ душевной выражалъ совершенно открыто, забавляли многихъ. Надъ нимъ смѣялись и дали ему въ шутку прозваніе «маленькаго декламатора». Андерсенъ былъ настолько наивенъ, что не всегда умѣлъ отличить насмѣшку отъ правды, но иногда его самолюбіе сильно страдало.

Одной изъ лучшихъ его знакомыхъ того времени была старушка Юргенсенъ, умная, тихая и очень добрая женщина. Андерсенъ находилъ у нея ласку и участіе. Ея бесѣда была очень занимательна и пріятна. Она любила вспоминать старину и часто рассказывала объ ней своему юному другу. Андер-

сенъ читалъ ей между прочимъ свою дѣтскую комедію. Это была слабая и вполнѣ несамостоятельная попытка. Тѣмъ не менѣе, прослушавъ ее до конца, старушка сказала самымъ серьезнымъ тономъ:

— Можетъ быть, вы такой-же поэтъ, какъ Эленшлегеръ; тѣтъ черезъ 10, когда я умру и буду уже въ могилѣ, вспомните обо мнѣ.

При этихъ словахъ Андерсенъ почувствовалъ такое волненіе, что слезы навернулись у него на глазахъ, но воображеніе его отказывалось вѣрить въ возможность того, что предсказывала ему старушка.

— Вы непременно должны учиться, — прибавила она. — Всѣ дороги ведутъ въ Римъ, и вы будете тамъ-же.

Многіе говорили Андерсену, что нужно учиться. Онъ и самъ начиналъ серьезно объ этомъ подумывать, только не зналъ, гдѣ-бы взять на это денегъ. Съ этою цѣлью онъ началъ писать трагедію для театра. Сюжетомъ послужилъ какой-то переводный нѣмецкій рассказъ, прочитанный имъ въ журналѣ. Трагедія вскорѣ была окончена и написана въ стихахъ. Но Андерсенъ никому не сказалъ о своей новой затѣѣ. Онъ посвятилъ въ свою тайну одну только г-жу Лундъ. Она нашла ему переписчика, и трагедія была послана въ театральную дирекцію. Черезъ шесть недѣль, послѣ ряда дней, полныхъ тревожнаго и сладкаго ожиданія, трагедія была возвращена автору съ замѣчаніемъ, что дирекція желала-бы не получать болѣе пьесъ, свидѣтельствующихъ въ такой мѣрѣ, какъ эта, о полномъ отсутствіи самаго элементарнаго образованія въ авторѣ. Въ то же время Андерсенъ получилъ изъ дирекціи другое письмо непріятнаго содержанія: его увольняли изъ хоровой и танцевальной школы, находя, что дальнѣйшее обученіе не принесетъ ему никакой пользы. Такимъ образомъ Андерсенъ остался, такъ сказать, за бортомъ. Положеніе его было довольно затруднительно, но онъ и тутъ не упалъ духомъ и рѣшилъ непременно написать такую пьесу, которую примутъ и поставятъ на сцену. Скоро новая трагедія подъ названіемъ «Ассоль», дѣйствительно была готова, причѣмъ сюжетъ ея Андерсенъ заимствовалъ изъ разсказа одного датскаго писателя. По своимъ достоин-

ствамъ произведеніе это стояло не выше двухъ первыхъ его трагедій, но самъ онъ былъ отъ него въ восторгѣ и читалъ его напропалую и нальво, не стѣсняясь даже тѣмъ, что не всегда былъ знакомъ съ тѣми, кому хотѣлъ прочесть свою пьесу. Такъ дважды онъ явился, къ известному переводчику Шекспира на датскій языкъ, адмиралу Вульфъ, который потомъ сдѣлался однимъ изъ его лучшихъ друзей. Самъ Вульфъ вспоминалъ впоследствии про это оригинальное посѣщеніе, нѣсколько спущая краски, но въ общемъ, очень вѣрно рисуя характеръ Андерсена.

Юный поэтъ безъ церемоніи явился къ этому незнакомому человѣку и сейчасъ-же объявилъ ему:

— Вы переводчикъ Шекспира, который мнѣ такъ нравится, но я также напишу трагедію. Вотъ послушайте.

Вульфъ пригласилъ его сначала позавтракать, но Андерсенъ ничего не хотѣлъ ѣсть и тотчасъ-же принялся за чтеніе. Покончивъ съ трагедіей, онъ сказалъ:

— Не правда-ли, изъ меня кое-что можетъ выйти? Я-бы такъ этого хотѣлъ!

Потомъ онъ положилъ рукопись въ карманъ. Когда Вульфъ пригласилъ его придти въ другой разъ, онъ сказалъ:

— Да, я приду, когда напишу другую трагедію.

— Но въ такомъ случаѣ мнѣ придется васъ долго ждать— сказалъ Вульфъ.

— О, нѣтъ,—отвѣчалъ Андерсенъ,—вѣроятно я напишу ее черезъ двѣ недѣли». И съ этими словами онъ исчезъ.

Трагедія «Ассоль» нашла доступъ въ дирекцію театровъ черезъ посредство пастора Гутфельда, съ которымъ Андерсенъ встрѣтился у физика Эрштедта. Пасторъ Гутфельдъ настолько заинтересовался трагедіей «Ассоль», что далъ Андерсену рекомендательное письмо къ директору театровъ Юнасу Коллину. Трагедія была послана въ дирекцію вмѣстѣ съ рекомендательнымъ письмомъ, и опять начались для Андерсена дни ожиданія и надеждъ.

Все это время терпѣлъ онъ нужду, но никому въ этомъ не признавался. Дѣло въ томъ, что нашъ поэтъ не особенно страдалъ отъ своей бѣдности, находя утѣшеніе въ мечтахъ и въ

книгахъ. Онъ прочелъ первый разъ въ жизни романы Вальтеръ-Скотта. Это чтеніе привело его въ восторгъ и открыло ему новый міръ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ охотно тратить на покупку романовъ Вальтеръ-Скотта тѣ деньги, которыя должны были идти на пищу или на платье.

Трагедія «Ассоль», разумѣется, не была принята на сцену, но Андерсена призвали въ дирекцію и отъ имени Рабека объявили, что нашли въ его произведеніи немало «золотыхъ блестокъ» и надѣются, что при помощи серьезныхъ научныхъ занятій изъ его таланта можетъ выработаться нѣчто замѣчательное, такъ что со временемъ произведенія его будутъ достойны датской сцены.

Кромѣ такого сравнительно лестнаго отзыва, трагедія Андерсена доставила ему случай познакомиться съ директоромъ театровъ Коллиномъ. Этотъ въ высшей степени почтенный и образованный человѣкъ принялъ въ немъ такое живое участіе, что могъ считаться въ нѣкоторомъ родѣ его вторымъ отцомъ. Правда, первое впечатлѣніе было непріятно: Коллинъ казался Андерсену сухимъ и холоднымъ человѣкомъ, но впоследствии онъ убѣдился, что подъ наружной сдержанностью Коллина скрывалось истинно доброе сердце. Коллинъ выхлопоталъ Андерсену королевскую стипендію для обученія въ Слягельзейской школѣ.

Андерсенъ былъ совершенно пораженъ такимъ исходомъ, но пораженъ не непріятно. Въ тотъ же день онъ отправился въ Слягельзе; и новое, неизвѣстное будущее показалось ему заманчивымъ. Передъ отъѣздомъ онъ еще разъ посѣтилъ Коллина, чтобы поблагодарить его за участіе. На этотъ разъ Коллинъ произвелъ на него лучшее впечатлѣніе, онъ просилъ Андерсена писать ему на него лучшее впечатлѣніе, онъ просилъ Андерсена писать ему о своихъ нуждахъ и вообще о новой жизни въ школѣ. Утѣшая, Андерсенъ успѣлъ помѣстить къ какому-то издателю двѣ рукописи: трагедію «Ассоль» и еще одинъ рассказъ. Обѣ вещи были напечатаны подъ псевдонимомъ Вильямъ Христіанъ Вальтеръ. Такимъ образомъ наивный поэтъ хотѣлъ соединить свое имя съ именами любимыхъ авторовъ: Шекспира и Вальтеръ-Скотта.

Передъ отъѣздомъ онъ написалъ матери очень веселое письмо. Этимъ заканчивается періодъ отроческихъ скитаній Андерсена, полный мечтаній и золотыхъ грезъ, буквально замѣнявшихъ ему порою насущный хлѣбъ.

ГЛАВА III.

Жизнь въ Слягельзе.—Директоръ школы.—Появка въ Соро.—Переходъ въ Эльзиноръ.—Появки въ Копенгагенъ.—Первые стихи Андерсена.—Отношеніе директора и угнетенное состояніе Андерсена.—Возвращеніе въ Копенгагенъ.—Занятія со студентомъ.—Поступленіе въ университетъ.—Новыя знакомства.—Гейбергъ и Эленшлегеръ.—Андерсенъ появляется въ печати.—Пристрастное и непріязненное отношеніе общества.—Первая книга Андерсена.—Успѣхъ его первой пьесы.—Университетскій экзаменъ.

Андерсенъ поступилъ въ Слягельзейскую школу почти 17-ти лѣтъ отъ роду и былъ до такой степени плохъ въ наукахъ, что его посадили въ предпоследній классъ. Онъ помѣстился у какой-то вдовы въ прехорошенькой комнаткѣ съ видомъ на лѣсъ и на садъ. Въ школѣ ему пришлось сидѣть на одной скамейкѣ съ маленькими мальчиками. Съ полнымъ смиреніемъ и съ большимъ прилежаніемъ принялся онъ за дѣло. Способности у него были хорошия, и ученые пошло очень успѣшно. Тѣмъ не менѣе оно давалось ему не легко, вслѣдствіе непривычки къ правильнымъ занятіямъ. Товарищами и учителями былъ онъ доволенъ, городъ ему нравился, но несчастье его составлялъ директоръ школы, талантливый и знающій человекъ, но совсѣмъ не педагогъ по натурѣ. Его саркастическій умъ и насмѣшливая манера пугали и обезкураживали учениковъ и въ особенности чувствительнаго и мягкосердечнаго Андерсена, который несмотря на свое самолюбіе, отнюдь не былъ самоувѣренъ и постоянно сомнѣвался въ своихъ силахъ. Впослѣдствіи Андерсенъ узналъ, что директоръ очень высокаго мнѣнія объ его способностяхъ, но пока онъ не видѣлъ отъ директора ничего, кромѣ строгости и самыхъ обидныхъ насмѣшекъ. Андерсенъ бывалъ у директора на дому, куда тотъ приглашалъ его вмѣстѣ съ другими товарищами. Тамъ директоръ былъ другимъ человекомъ:—игралъ въ солдатики вмѣстѣ со своими учениками, смѣялся и шутилъ съ ними очень добродушно, но въ школѣ всѣ боялись его насмѣшекъ и строгаго вида. Онъ любилъ ставить учениковъ въ тупикъ напримѣръ тѣмъ, что на экзаменѣ, если они недостаточно бойко отвѣчали, внезапно оборачивался къ печкѣ и начиналъ задавать ей вопросы.

Въ школѣ Андерсенъ писалъ стихи на разные торжествен-

ные случаи, но вообще слушался своихъ друзей и покровителей, которые всѣ въ одинъ голосъ твердили ему, чтобы онъ поменьше писалъ и побольше думалъ объ ученьи. Подъ влияніемъ школьной жизни юноша совершенно утратилъ свою ребяческую отвагу и безпечность.

За время пребыванія Андерсена въ школѣ умерли его дѣдъ и бабушка, оставившіе ему въ наслѣдство всего 20 рейхсталеровъ (15 рублей), что однако казалось Андерсену большимъ богатствомъ. Онъ съ восторгомъ мечталъ о томъ, какъ отправится въ родной городъ, и осуществилъ свою мечту на праздникахъ. Мать очень гордилась его успѣхами въ жизни. Всѣ въ Одензе знали, что Андерсенъ воспитывается на королевскій счетъ, и это внушало большое уваженіе къ его особѣ. Когда онъ шелъ по улицѣ, на него смотрѣли изъ оконъ домовъ. Мать съ гордостью говорила ему: «сынъ башмачницы Маріи совсѣмъ ужъ не такъ глушь, какъ думали люди!» Пребываніе въ родномъ городѣ оставило въ умѣ Андерсена впечатлѣніе какого-то величія. Но все это исчезло, какъ только онъ вернулся въ Слягельзе. Директоръ не давалъ ему заноситься. Бѣдный Андерсенъ все больше и больше терялъ мужество подѣ его строгимъ и насмѣшливымъ взглядомъ. Единственнымъ утѣшеніемъ его были праздники. Въ эти дни онъ ѣздилъ по окрестностямъ Слягельзе и скоро изучилъ всѣ памятники старины—разумѣется не какъ ученый, а какъ поэтъ. Но лучшимъ мѣстомъ его путешествій былъ городокъ Соро, гдѣ жилъ его копенгагенскій знакомый, поэтъ Ингеманъ со своей молодой женой. Онъ проводилъ каждое воскресенье въ ихъ уютномъ домыкѣ по близости отъ моря. Обитатели его были интересные, живые и добрые люди. Жена Ингемана обращалась съ Андерсеномъ, какъ добрая старшая сестра. Онъ совершено отдыхалъ тамъ, среди веселаго общества молодежи. Ингеманъ занималъ мѣсто профессора въ такъ называемой «рыцарской академіи» города Соро. Въ числѣ его слушателей было двое молодыхъ поэтовъ, которые скоро сошлись съ Андерсеномъ, несмотря на большое различіе въ характерахъ. Насколько Андерсенъ былъ мягокъ и женствененъ по натурѣ, настолько тѣ были мужественны и рѣшительны. Все, чего недоставало Андерсену въ школѣ, находилъ онъ у Ингемановъ. Здѣсь даровитый юноша

не боялся насмѣшекъ, не пряталъ своихъ мыслей и чувствъ и наслаждался интересной бесѣдою.

Андерсенъ выдерживалъ одинъ за другимъ переходные экзамены и дошелъ до четвертаго класса, когда ему минуло 20 лѣтъ. Въ это время онъ велъ дневникъ, по отрывкамъ изъ котораго можно видѣть, что его тогда занимало и до какой степени онъ былъ дѣтски наивенъ и чистъ душой. Его интересовали исключительно книги и ученье. Въ перемежку съ упоминаніемъ о вновь прочитанныхъ книгахъ, попадаются замѣчанія вродѣ слѣдующихъ: «хорошо выдержалъ изъ математики. Боже, благодарю Тебя отъ всего сердца!» или «Великій Боже, я слабъ, но Ты видишь мою душу. Помоги мнѣ перейти въ четвертый классъ!» и т. д.

Въ это время директора школы перевели въ Эльзиноръ по его собственной просьбѣ. Каково-же было удивленіе Андерсена, увѣреннаго въ томъ, что директоръ считаетъ его дуракомъ, когда тотъ выразилъ желаніе, чтобы и Андерсенъ перешелъ вмѣстѣ съ нимъ и продолжалъ курсъ подъ его руководствомъ. Андерсенъ написалъ объ этомъ Коллину, который все время переписывался съ нимъ и слѣдилъ за его успѣхами, и Андерсенъ дѣйствительно перешелъ въ Эльзиноръ, хотя ему было очень жаль разстаться со Слягильзе, гдѣ у него все-таки были знакомые, а главное такіе пріятные сосѣди, какъ Ингемамы. но робкій юноша не осмѣлился возразить директору и покорно исполнилъ его волю.

Вначалѣ въ Эльзинорѣ директоръ нѣсколько оживился подъ впечатлѣніемъ новой обстановки, сталъ охотнѣе заниматься съ учениками и проявлялъ болѣе теплоты, но потомъ это прошло: онъ сдѣлался саркастичнѣе чѣмъ когда-либо и совершенно замучилъ Андерсена своими издѣвательствами. Тому и въ голову не приходило, что директоръ самаго лучшаго мнѣнія какъ объ его способностяхъ, такъ и объ его поведеніи и характерѣ. Въ письмахъ къ Коллину директоръ прямо называетъ Андерсена выдающимся, талантливымъ юношей. Непонятно, что заставляло его скрывать свое настоящее мнѣніе. Андерсену было-бы необыкновенно полезно всякое поощреніе, а онъ не видѣлъ ничего похожаго на это. Его поддерживалъ только Коллинъ, постоянно писавшій ему ободрительныя письма.

Андерсенъ страдалъ все больше и больше. Въ Слягильзе у него были товарищи, прогулки и веселія поѣздки въ Соро. Здѣсь же ни одного знакомаго. Гулять ему не позволяли. Когда кончались занятія, онъ сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ. Товарищи не смѣли къ нему ходить, боясь строгаго директора. Однако на праздники его отпускали изъ школы. Въ эти дни онъ ѣздилъ въ Копенгагенъ и оставался тамъ обыкновенно у адмирала Вульфа, въ семьѣ котораго его принимали всегда какъ роднаго. Эти поѣздки казались ему чѣмъ то сказочнымъ, до такой степени унылая школьная жизнь не походила на жизнь въ Копенгагенѣ. Здѣсь былъ у Андерсена обширный кругъ знакомыхъ. Если онъ и страдалъ иногда отъ сознанія своей неловкости и плохого костюма, то это выкупалось съ лихвою интересными разговорами и обществомъ такихъ людей, какъ поэтъ Эленшлегеръ, котораго онъ боготворилъ. Надъ Андерсеномъ нерѣдко смѣялись за его угловатая манеры, провинціальное произношеніе и излишнюю откровенность. Вообще онъ такъ не мало терпѣлъ въ Копенгагенскомъ «свѣтѣ» изъ за своей бѣдности и низкаго происхожденія. Слѣды перенесенныхъ имъ уколовъ самолюбія и горечи зависимаго положенія юноши живящаго всегда болѣе или менѣе на чужой счетъ, можно видѣть во многихъ его произведеніяхъ. Но въ общемъ поѣздки въ Копенгагенъ были для него истиннымъ счастьемъ, и онъ всю жизнь вспоминалъ объ нихъ съ благодарнымъ чувствомъ.

Никогда не дремавшая фантазія, которую всячески парализовали въ школѣ насмѣшками и которую Андерсенъ самъ старался держать на привязи, все таки иногда прорывалась наружу. Во время своего пребыванія въ Слягильзе и Эльзинорѣ онъ написалъ-таки нѣсколько стихотвореній. Два изъ нихъ «Душа» и «Къ моей матери» вошли впоследствии въ собраніе его сочиненій. Другіе два «Новогодняя ночь» и «Умирающее дитя», единственныя, написанныя въ Эльзинорѣ, онъ читалъ въ Копенгагенѣ. Многимъ они понравились, но большинство старалось ему внушить, чтобы онъ не зазнавался и не мнилъ себя поэтомъ. Одна дама выразила это въ такой формѣ: «Ради Бога, не воображайте себя поэтомъ оттого только, что вы написали нѣсколько стихотвореній. Въдѣ это сдѣлается у васъ *idée fixe*. Ну что бы было, если-бы я вообразила, что я бразилльская королева!»

Грѣхъ сказать, чтобы Андерсена поощряли въ дни его юности. Рѣдко, рѣдко доставалось ему услышать слово сочувствія. Въ своей автобіографіи онъ увѣряетъ, что въ то время не считалъ себя поэтомъ, но мы думаемъ иначе. Безъ сомнѣнія, Андерсенъ чувствовалъ въ себѣ присутствіе таланта, но, какъ всѣ истинные художники, часто сомнѣвался въ своихъ силахъ.

Одинъ изъ немногихъ, ободрявшихъ Андерсена своимъ хорошимъ отношеніемъ, былъ Эленшлегеръ, который считался въ то время первымъ датскимъ поэтомъ, такъ что малѣйшее вниманіе съ его стороны принимали за великую честь. На какомъ-то вечерѣ въ ярко-освѣщенномъ салонѣ Андерсенъ чувствовалъ себя настолько неловко въ своемъ плохомъ сюртукѣ, что спрятался за длинныя занавѣси. Проходя мимо него, Эленшлегеръ остановился и дружески пожалъ ему руку. Андерсенъ былъ совершенно счастливъ. Онъ никакъ не ожидалъ такого вниманія со стороны знаменитаго поэта. Вообще онъ вращался въ то время въ очень блестящемъ интеллигентномъ кругу, гдѣ постоянно встрѣчался съ выдающимися литераторами, учеными и музыкантами.

Послѣ одной изъ поѣздокъ въ Копенгагенъ, оставившей въ его умѣ впечатлѣніе сказочнаго сна, Андерсенъ вернулся въ Эльзиноръ. Тамъ ждала его большая непріятность. Директоръ узналъ, что онъ читалъ въ Копенгагенѣ свое стихотвореніе «Умирающее дитя», и съ самымъ суровымъ видомъ потребовалъ, чтобы оно было ему показано, причемъ благосклонно замѣтилъ, что если онъ найдетъ въ немъ хоть искру поэзіи, то проститъ своему дерзкому ученику его страшный проступокъ.

Андерсенъ дрожа подалъ ему стихи. Директоръ прочелъ ихъ, осмѣялъ и объявилъ, что они безсмысленны и сантиментальны. Потомъ сдѣлалъ строгій выговоръ бѣдному поэту.

Тяжелый гнетъ, который онъ испытывалъ вслѣдствіе отношенія къ нему директора, былъ замѣченъ другими учителями. Одинъ изъ нихъ написалъ объ этомъ Коллину, прося какъ-нибудь измѣнить положеніе бѣднаго юноши. Коллинъ сейчасъ-же рѣшилъ, что Андерсену нужно выйти изъ заведенія, вернуться въ Копенгагенъ и тамъ частнымъ образомъ готовиться къ университетскому экзамену. Такое рѣшеніе очень огорчило директора. Этотъ страшный человѣкъ повидимому искренно жалѣлъ, что ему

приходится разставаться со своимъ талантливымъ ученикомъ. Тѣмъ не менѣе онъ остался вѣренъ себѣ и при прощаньи сказалъ Андерсену, что ему никогда не быть студентомъ, а стихи его, если ихъ напечатать, пойдутъ на макулатуру. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели на Андерсена эти жестокія слова. Много лѣтъ спустя, когда вышелъ въ свѣтъ первый романъ Андерсена «Импровизаторъ», имѣвшій большой успѣхъ, его бывший директоръ встрѣтился съ нимъ въ Копенгагенѣ и, дружески протянувъ ему руку, сказалъ, что онъ въ немъ ошибался и невѣрно объ немъ судилъ.

Итакъ, Андерсенъ переѣхалъ въ Копенгагенъ. Тамъ нашли ему прекраснаго молодого учителя, это былъ студентъ-богословъ Мюллеръ, впоследствии пасторъ. Онъ готовилъ Андерсена по всѣмъ предметамъ и нашелъ, что его ученикъ слабъ въ тѣхъ наукахъ, въ которыхъ считался сильнѣе въ Эльзинорѣ, и наоборотъ. Молодой студентъ съ жаромъ занимался со своимъ даровитымъ ученикомъ. Въ промежуткахъ между занятіями они вели длинныя богословскіе споры и были очень довольны другъ другомъ.

Андерсенъ поселился въ маленькой комнаткѣ подъ самой крышей съ далекимъ видомъ на городскія башни и крыши. Обѣдать Андерсенъ ходилъ къ знакомымъ по очереди, занимался очень прилежно и кромѣ того много читалъ. Два раза въ день ходилъ онъ къ своему учителю, причемъ по дорогѣ на урокъ думалъ только о книгахъ, на обратномъ-же пути давалъ волю своей фантазіи. Теперь онъ позволялъ себѣ писать, когда ему хотѣлось. Но школьные годы не прошли ему даромъ. Привычка подавлять сердечные порывы такъ въ него въѣлась, что юный поэтъ усвоилъ обыкновеніе смѣяться надъ собственными чувствами. Всѣго стихотворенія того времени носятъ ироническій характеръ, что не свойственно его натурѣ. Когда больныя мѣста его сердца нѣсколько зажили, онъ сталъ проще. Но въ началѣ это налагало на него отпечатокъ извѣстной неестественности. Рѣдко находились люди, понимавшіе его натуру. Въ числѣ этихъ немногихъ была Генриетта Вульфъ, дочь адмирала Вульфа, которая до самой смерти была вѣрнымъ другомъ Андерсена и имѣла на него большое вліяніе.

Въ то время въ датской литературѣ было не мало талантовъ.

Особенно много удачнаго въ новомъ родѣ писалось для сцены. Гейбергъ впервые выступилъ съ водевилемъ и веселой комедіей. Съ этимъ талантливымъ человѣкомъ Андерсенъ познакомился въ первый разъ за обѣдомъ у физика Эрштедта, извѣстнаго своими работами по электричеству. Гейбергъ необыкновенно понравился Андерсену своимъ изяществомъ и остроуміемъ и былъ съ нимъ очень любезенъ. Андерсенъ сталъ бывать у него въ домѣ, и вскорѣ юмористическія стихотворенія Андерсена начали появляться въ еженедѣльной газетѣ «Летучая почта», издаваемой Гейбергомъ. Тутъ началось то, что долгіе годы отравляло жизнь Андерсена. Стихи его, какъ и большинство его первыхъ произведеній, имѣли успѣхъ только тогда, когда онѣ появлялись безъ подписи, но какъ только дѣлалось извѣстно имя автора, интересъ ослабѣвалъ. Удивительно, сколько недоброжелательныхъ и несправедливыхъ сужденій пришлось выслушать Андерсену, прежде чѣмъ его имя стало извѣстно во всемъ образованномъ мірѣ стараго и новаго свѣта. Критики, свѣтскіе знакомые и даже близкіе друзья—всѣ, точно сговорившись, топтали въ грязь его талантъ. Изрѣдка доставался ему на долю слабый и мимолетный успѣхъ, но вообще онъ видѣлъ только самое слабое поощреніе. Безъ снисхожденія, его первыя произведенія гораздо ниже его сказокъ, но въ нихъ уже виднѣлись сильный и свѣжій талантъ, поэзія и оригинальность, а извѣстную наивность ихъ можно простить автору въ виду его молодости. Вначалѣ стихотворенія Андерсена появлялись въ газетѣ Гейберга подѣ инициаломъ Г... Это значило *Гансг Христианг Андерсенг*; но публика, которой очень нравились эти стихи, думала, что они написаны самимъ Гейбергомъ. Разъ случилось, что Андерсенъ былъ въ гостяхъ у однихъ знакомыхъ, которые не признавали его стиховъ и выражали ему это въ вѣжливой формѣ. Вдругъ въ комнату вошелъ хозяинъ дома съ номеромъ «Летучей Почты» въ рукахъ и съ сіяющимъ видомъ объявилъ всему обществу: «Сегодня напечатаны въ газетѣ два прелестныхъ стихотворенія. Что за чуткій человѣкъ этотъ Гейбергъ!» Ионъ прочелъ вслухъ два стихотворенія Андерсена, причемъ авторъ сидѣлъ въ углу съ бьющимся сердцемъ, но ничего не сказалъ. Одна дѣвушка, присутствовавшая при этомъ и знавшая, кому принадлежать стихи, не выдержала и сказала: «Это

стихи Андерсена!» Тутъ послѣдовало неловкое молчаніе, а хозяйка дома не нашла ничего лучшаго, какъ выйти изъ комнаты.

Въ то время Гейбергъ былъ одинъ изъ немногихъ, открыто признававшихъ талантъ Андерсена. Онъ постоянно печаталъ его стихотворенія и даже охотно перепечатывалъ ихъ изъ другихъ изданій, куда они изрѣдка попадали.

Въ сентябрѣ 1828 года, т. е. 23 лѣтъ отъ роду, Андерсенъ поступилъ въ университетъ. Сбросивъ съ плечъ тяжелое бремя экзаменовъ, онъ далъ волю своей фантазіи, и тутъ всѣ пестрые образы, толпившіеся въ его головѣ во время приготовленія къ экзаменамъ, вылились въ формѣ оригинальной, фантастической повѣсти, полной мысли и юмора. Эта первая его книга называлась «Путешествіе ибшкомъ отъ Гольменскаго канала до острова Амагера». Не найдя издателя, онъ напечаталъ ее самъ и вскорѣ послѣ ея выхода въ свѣтъ у него купилъ право втораго изданія книгопродавецъ Рейцель, который впоследствии издалъ ее въ третій разъ. Книга эта была вскорѣ переведена на шведскій языкъ и имѣла большой успѣхъ въ Копенгагенѣ. Андерсенъ былъ студентомъ и признаннымъ писателемъ. Какое счастье для него послѣ столькихъ лѣтъ обиднаго презрѣнія и недовѣрія въ его славу.

Весь этотъ годъ былъ благопріятенъ для Андерсена. Все ему удавалось. Послѣ удачныхъ экзаменовъ и первой книги, имѣвшей успѣхъ, онъ написалъ небольшую вещьцу для сцены. Это была одноактная пьеса въ стихахъ, подѣ названіемъ: «Любовь на Николаевой башнѣ или что говорить партеръ». Пьеса эта, принятая на сцену, имѣла неожиданный и громадный успѣхъ. Студенты сдѣлали Андерсену шумную овацію, которая привела его въ неописанное волненіе. Чувствительные нервы молодого автора не выдержали этой радости. Точно преслѣдуемый фуріямъ, выбѣжалъ онъ изъ театра, добѣжалъ до квартиры Коллинновъ и тамъ разразился истерическимъ плачемъ. Дома была только хозяйка дома, относившаяся къ Андерсену какъ мать. Видя его состояніе, она думала, что его освистали, и стала его утѣшать, говоря, что не надо такъ близко все принимать къ сердцу, что освистывали даже великихъ поэтовъ и даже самого Эленшлегера.

— Но меня не освистали, — рыдая воскликнул Андерсенъ, — мнѣ аплодировали и кричали ура!

На другой день Андерсенъ, совершенно счастливый, переходилъ отъ однихъ знакомыхъ къ другимъ, празднуя свою побѣду надъ публикой. На этотъ разъ его встрѣчали сочувственно и не портили его радости кислыми замѣчаніями.

Въ тотъ-же годъ Андерсенъ издалъ первый томъ своихъ стихотвореній, тоже имѣвшихъ успѣхъ. Точно будто судьба хотѣла его побаловать передъ началомъ испытаній. Въ концѣ года онъ прекрасно сдалъ переходные университетскіе экзамены. Литературныя занятія не мѣшали ему очень усердно заниматься и правильно посѣщать лекціи. Такъ завершился этотъ счастливый годъ жизни Андерсена.

ГЛАВА IV.

Лѣтнее путешествіе по Даніи. — Несчастливая любовь. — Угнетенное состояніе. — Путешествіе по Германіи. — Оперныя либретто. — Отношеніе критики и публики. — Новый сборникъ стиховъ. — Намфлетъ Герца. — Полученіе путевой стипендіи.

Лѣтомъ 1829 года Андерсенъ сдѣлалъ небольшое путешествіе. Онъ объѣхалъ Ютландію до Сѣвернаго моря и весь островъ Фіонію и узналъ теперь болѣе подробно свое отечество. Путешествіе произвело на него самое лучшее впечатлѣніе. Между прочимъ онъ убѣдился въ томъ, что имя его извѣстно уже во всей Даніи. Путешествіе это Андерсенъ описалъ въ двухъ книгахъ «Картины западнаго берега Ютландіи» и «Фантазіи Сѣвернаго моря». Въ это-же время онъ написалъ нѣсколько юмористическихъ стихотвореній и принялся за историческій романъ, который никогда не былъ оконченъ. Но тутъ начинается новый періодъ въ жизни Андерсена. Произошло событіе, которое имѣло большое вліяніе какъ на него самого, такъ и на характеръ его произведеній. На возвратномъ пути онъ остановился въ одномъ маленькомъ городкѣ, гдѣ увидѣлъ дѣвушку, въ которую страстно влюбился. Потомъ онъ встрѣтился съ ней въ Копенгагенѣ и вскорѣ узналъ, что она любитъ другого и выходитъ за него замужъ.

Это простое обстоятельство произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на Андерсена. Его глубокая и нѣжная натура была болѣзненно потрясена. Но это имѣло свою хорошую сторону. Не даромъ говоритъ Гейне, что художникъ то самое дитя, которое плачетъ жемчужинами. Страданія Андерсена тоже породили перлы. Принужденная пронія, несвойственная его характеру, совершенно исчезла изъ его произведеній, онъ сдѣлался вполне самимъ собой, не стыдился заставлять звучать всѣ струны своего сердца, отчего все, выходящее изъ подъ его пера, сильно выигрывало.

Тогда-же Андерсенъ впервые прочелъ только-что появившіяся стихотворенія Гейне, которыя, разумеется, пришлись ему особенно по сердцу, такъ какъ необыкновенно подходили къ его настроенію. Гейне, Вальтеръ-Скоттъ и Гофманъ производили на него особенно сильное впечатлѣніе во времена его молодости, но Гейне остался его любимцемъ на всю жизнь.

Первое, что вышло изъ подъ пера Андерсена въ этотъ новый періодъ его жизни, былъ сборникъ стихотвореній (фантазіи и эскизы) и комедія «Разлука и свиданіе», которая впоследствии игралась на сценѣ. Это была исторія его собственной любви съ благополучнымъ концемъ. И то и другое написано въ 1830 году.

Несчастливая страсть Андерсена продолжалась довольно долго. Вслѣдствіе этого онъ сталъ мрачнымъ и чувствительнымъ до болѣзненности и склоненъ былъ видѣть во всемъ только печальную сторону. Это настроеніе могло-бы развѣяться подъ вліяніемъ ободряющихъ впечатлѣній, такъ какъ Андерсенъ былъ по природѣ оптимистъ и глубокой поэтъ, способный къ чистѣйшимъ и безкорытнымъ наслажденіямъ художника. Но въ это трудное переходное время своей жизни онъ встрѣтилъ мало поддержки. Одно повидимому пустое обстоятельство причинило ему массу неприятностей. Дѣло въ томъ, что Андерсенъ отличался очень плохимъ правописаніемъ. Извѣстно, что это искусство дается не всѣмъ. Многие образованные люди до конца жизни пишутъ съ ошибками. То-же было и съ Андерсеномъ.

И какъ-же доставалось ему за эти несчастныя ошибки! Дѣло доходило до того, что совсѣмъ забывали обращать вниманіе на поэтическую сторону его произведеній. Въ критикѣ и въ частной жизни повторялось одно и то-же. Нерѣдко въ какомъ-нибудь зна-

комомъ домѣ въ присутствіи поэта осмѣивали его стихотворенія, причѣмъ не оставляли въ нихъ камня на камнѣ и каждое слово, читали въ искаженномъ видѣ. Такая безцеремонность «друзей» Андерсена объясняется вѣроятно тѣмъ, что онъ постоянно вращался въ высшемъ кругу или во всякомъ случаѣ среди дворянъ, гдѣ очень часто смотрѣли свысока на плохо одѣтаго, незловкаго и некрасиваго юношу. То, что онъ обѣдалъ за однимъ столомъ съ ними и вообще былъ принятъ въ ихъ общество, вѣроятно считалось уже достаточно большой честью, чтобы безцеремонно издѣваться въ его присутствіи надъ его стихами. Въ своей автобіографіи Андерсенъ осторожно умалчиваетъ объ этихъ причинахъ своихъ неудачъ въ Даніи, хотя и жалуется на несправедливость публики. Но въ его произведеніяхъ часто встрѣчается типъ талантливаго человѣка, вышедшаго изъ народа и страдающаго среди покровительствующихъ ему аристократовъ. Это заставляетъ думать, что онъ прекрасно понималъ и чувствовалъ свое зависимое положеніе.

Среди множества знакомыхъ Андерсена попадались иногда люди, искренно его любившіе. Участіе ихъ было необыкновенно утѣшительно для страждущаго сердца и измученнаго самолюбія бѣднаго поэта. Къ числу лучшихъ друзей Андерсена принадлежалъ сынъ Коллина Эдуардъ. Эдуардъ Коллинъ былъ человѣкъ мужественный и трезвый, и эти черты его характера, по преимуществу отсутствовавшія въ женственной натурѣ Андерсена, имѣли на него подчасъ прекрасное дѣйствіе, хотя повидному уроки здраваго смысла и житейской мудрости нелегко доставались болѣзненно чувствительному и нервному Андерсену и дѣйствовали на подобіе полезныхъ, но мучительныхъ операций.

Между прочимъ Эдуардъ Коллинъ былъ очень полезенъ своему непрактическому другу при сношеніяхъ съ издателями, при держаніи корректуръ и т. д.

Другимъ другомъ Андерсена была г-жа Лессоэ, дочь поэта Абрагамсона, уже пожилая женщина, отличавшаяся умомъ и образованіемъ. Своей чуткой и женственной натурой она понимала всѣ сокровенныя струны души Андерсена. Съ нею онъ былъ откровененъ, не сожалѣя объ этомъ. Она умѣла его утѣшить въ самыя тяжелыя минуты, относилась къ нему со-

вершенно по-матерински и имѣла большое вліяніе на Андерсена. «Если мнѣ удавалось нарисовать типъ женственности и чистоты, то этихъ обязанъ я ей», говоритъ онъ въ своей автобіографіи.

Угнетенное состояніе Андерсена начало беспокоить его друзей. Эдуардъ Коллинъ совѣтовалъ ему съѣздить за-границу. За время своего студенчества Андерсенъ скопилъ небольшую сумму денегъ, которая и пригодилась ему для этой цѣли. Онъ съѣздилъ въ Германію, побывалъ въ Гамбургѣ, Любекѣ и Берлинѣ, свелъ нѣсколько полезныхъ и пріятныхъ знакомствъ и вернулся домой значительно освѣженный. Въ Германіи онъ сошелся съ поэтомъ Шамисо, который понималъ датскій языкъ и былъ первымъ переводчикомъ стиховъ Андерсена въ Германію. Свои путевыя впечатлѣнія поэтъ изобразилъ въ книгѣ «Тѣмныя картины путешествія по Гарцу и по Саксонской Швейцаріи». Книга эта была впоследствии переведена на нѣмецкій языкъ, но у насъ также неизвѣстна, какъ и большинство произведеній Андерсена, кромѣ его сказокъ. Кое-гдѣ раздавались голоса, находившіе, что въ послѣдней книгѣ Андерсена есть шагъ впередъ, но въ большинствѣ случаевъ онъ встрѣчалъ только насмѣшки и мелочныя придирки. Несмотря на это, онъ имѣлъ безтактность постоянно читать въ обществѣ свои произведенія, прекрасно зная, что это считается большимъ самоувѣреніемъ съ его стороны. Такую безтактность можно объяснить только тѣмъ, что Андерсенъ, искренно любя тѣхъ, кто постоянно задѣвалъ самыя чувствительныя струны его сердца, не могъ удержаться отъ чисто дѣтской болтливости и по привычкѣ сообщалъ знакомымъ все, что съ нимъ случалось.

Раздраженный постоянными насмѣлками и полнымъ непониманіемъ его натуры и таланта, Андерсенъ написалъ сатирическое стихотвореніе, за которое ему сильно досталось во всѣхъ журналахъ и газетахъ, а также и въ обществѣ. Среди всѣхъ этихъ невзгодъ онъ прекрасно кончилъ курсъ въ университетѣ съ званіемъ кандидата философіи. Начиная съ 1829 года Андерсенъ пересталъ получать какія-бы то ни было пособія и жилъ исключительно литературой, а такъ какъ платили ему очень плохо, то средства его были очень невелики. Онъ едва перебивался, да еще долженъ былъ заботиться о приличномъ костюмѣ,

такъ какъ постоянно бывалъ въ богатыхъ кругахъ, и если-бы не даровые обѣды у знакомыхъ, то ему пришлось-бы очень плохо.

Андерсену противно было писать только ради денегъ, для этого онъ избралъ *особый* родъ литературы: онъ перевелъ нѣсколько французскихъ пьесъ и началъ писать оперныя либретто. У Андерсена было нѣсколько знакомыхъ композиторовъ, которые охотно писали музыку на предложенные имъ тексты. Сюжетами для либретто послужили ему между прочимъ романы Вальтеръ-Скотта: «Ламермурская невѣста» и «Замокъ Бенильвортъ». Андерсенъ очень рано научился владѣть стихомъ; простота и сжатость его языка и поэтичность его образовъ служили порукой за то, что онъ могъ хорошо обработать для оперы взятые имъ сюжеты. Композиторы были имъ очень довольны, но публика смотрѣла на эти работы, какъ на плагиатъ, вездѣ раздавались негодующіе голоса и презрительныя рѣчи. На Андерсена посыпались даже анонимныя письма самаго оскорбительнаго содержанія.

Не смотря на все это, онъ издалъ въ свѣтъ новый сборникъ стихотвореній «Четыре времени года». Тогда эта книга не имѣла никакого успѣха, но впоследствии она была признана едва-ли не лучшимъ сборникомъ стихотвореній Андерсена.

Однимъ изъ самыхъ завзятыхъ его враговъ въ критикѣ былъ историкъ Мольбехъ. Самъ Андерсенъ выставляетъ его какъ человѣка талантливаго, но очень пристрастнаго и односторонняго, Мольбехъ былъ одно время директоромъ театровъ и, разумѣется, Андерсену это было крайне невыгодно. Но когда его смѣнили поэтъ Палуданъ Мюллеръ, сверстникъ и товарищъ Андерсена по университету, то стало еще хуже. Мюллеръ просто ненавидѣлъ Андерсена. Причиною этому была отчасти авторская зависть, а отчасти и личная антипатія.

Въ періодъ студенчества Андерсена, т. е. въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ Даніи появилось произведеніе поэта Генриха Герца, надѣлавшее много шуму и послужившее поводомъ для новаго униженія Андерсена. Герцъ написалъ нѣчто вродѣ памфлета въ стихахъ, гдѣ оцѣнивалась вся датская литература. Поэты Багезенъ, Эленшлегеръ и Гейбергъ были выставлены въ наидущемъ свѣтѣ, но Андерсену сильно досталось. Опять вы-

ставлялись его орфографическіе грѣхи и самъ онъ былъ представленъ въ комическомъ видѣ. Эта вещь имѣла необыкновенный успѣхъ, благодаря ловкому приему автора, написавшаго свое произведеніе стилемъ покойнаго Багезена подъ названіемъ «Писемъ умершаго». Въ этихъ письмахъ Багезенъ будто-бы полемизируетъ съ живущими на землѣ. Удачное подражаніе его языку приводило датчанъ въ восторгъ, и нѣкоторое время произведеніе это положительно вскружило имъ головы: никто не замѣчалъ его слабыхъ сторонъ и пристрастныхъ сужденій.

Конечно «Письма умершаго» еще болѣе понизили фонды Андерсена. Тѣмъ не менѣ послѣ ихъ появленія онъ издалъ сборникъ стиховъ «Фантазіи и эскизы», выбравши эниграфъ изъ произведенія Герца. Самъ онъ отдавалъ полную справедливость таланту автора, втоптавшаго его въ грязь. Въ этомъ отношеніи Андерсенъ безупреченъ. Онъ всегда умѣлъ отдѣлять талантъ отъ личности человѣка и судилъ людей не по ихъ отношенію къ себѣ, а по всей ихъ жизни.

«Письма умершаго» не долго пользовались безусловнымъ успѣхомъ. Скоро нашлись критики, оцѣнившіе ихъ по достоинству и указавшіе на ихъ слабыя стороны. Тѣмъ не менѣ они сильно повредили Андерсену въ глазахъ публики. «Фантазіи и эскизы» и изданныя вслѣдъ затѣмъ «Виньетки къ датскимъ поэтамъ» не имѣли никакого успѣха. Последний сборникъ былъ не что иное, какъ характеристика всѣхъ датскихъ поэтовъ въ рядѣ мелкихъ стихотвореній. Критика даже не упомянула о немъ. Такое положеніе длилось нѣсколько лѣтъ. Андерсенъ едва перебивался, живя на скудный доходъ отъ своихъ книгъ, изданія его не шли, и онъ видѣлъ со всѣхъ сторонъ полное пренебреженіе къ своему таланту.

Друзья совѣтовали ему просить у короля такъ называемую «путевую стипендію», дававшуюся выдающимся поэтамъ и ученымъ. Андерсенъ началъ съ того, что посвятилъ недавно вступившему на престолъ королю Фридриху IV свою книгу «Четыре времени года». Затѣмъ, по совѣту друзей, ему слѣдовало явиться къ королю съ прошеніемъ и, преподнеся книгу, объяснить ему свое бѣдственное положеніе. Церемонія эта сильно не нравилась Андерсену, но онъ рѣшилъ сдѣлать все, какъ ему совѣтовали. На

пріемъ у короля произошла забавная и характерная сцена. Съ бьющимся сердцемъ преподнесъ Андерсенъ свою книгу. Король взглянулъ на нее мелькомъ и спросилъ, что это за книга.

— Это цикль стихотвореній,—отвѣтилъ Андерсенъ.

— Цикль! Цикль!—Что вы этимъ хотите сказать?—спросилъ король.

— Это нѣсколько стихотвореній про Данію,—отвѣтилъ поэтъ.

— Это должно быть очень хорошо,—съ улыбкой сказалъ король:—благодарю васъ!—и онъ сдѣлалъ прощальный поклонъ.

Тутъ Андерсенъ приступилъ къ нему съ рассказомъ о томъ, какъ онъ учился и пробивалъ себѣ дорогу.

— Это очень похвально,—сказалъ король.

Андерсенъ прибавилъ, что онъ хотѣлъ-бы получить путевую стипендію.

— Въ такомъ случаѣ подайте прошеніе,—отвѣтилъ король.

— Да, ваше величество,—сказалъ Андерсенъ,—оно уже со мной. Это ужасно, что я принесъ его вмѣстѣ съ книгой, но мнѣ сказали, что такъ принято, и я долженъ былъ это сдѣлать. По моему, это отвратительно, мнѣ это такъ противно!

При этихъ словахъ даже слезы навернулись на глаза у наивнаго поэта. Король громко засмѣялся, привѣтливо кивнулъ головой и взялъ прошеніе.

Андерсенъ получилъ стипендію, но ему пришлось представить письменное свидѣтельство его знакомыхъ литераторовъ въ подтвержденіе того, что онъ дѣйствительно поэтъ. Они составили нѣчто вродѣ аттестата, въ которомъ были выражены за ихъ подписью мнѣнія объ разныхъ свойствахъ его таланта. Ни одному изъ датскихъ писателей не пришлось испытать такого униженія. Ихъ произведенія сами по себѣ служили достаточной гарантіей для признанія ихъ таланта. И подобнаго рода рекомендація попалабилась тому, кто впоследствии затмилъ своей славой всѣхъ, благосклонно согласившихся поддержать его своимъ словомъ.

Въ концѣ мая 1835 года (28 лѣтъ отъ роду) Андерсенъ уѣхалъ на пароходѣ изъ Копенгагена въ самомъ печальномъ настроеніи. Онъ не подозрѣвалъ, что путешествіе это будетъ началомъ его славы.

ГЛАВА V.

Путешествіе по Европѣ.—Жизнь въ Римѣ.—Знакомство съ Торвальдсеномъ.—Поэма «Агнета и морякъ».—Письма съ родины.—Возвращеніе въ Данію.—Романъ «Ижировизаторъ».—Сочувствіе публики и нападки критики.

Андерсенъ путешествовалъ больше года. Онъ посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію и Италию. Путешествіе въ экипажѣ (въ то время еще не было желѣзныхъ дорогъ) чрезвычайно его утомляло. Повидному здоровье его никогда не отличалось особенной крѣпостью: Тѣмъ не менѣе онъ страстно любилъ путешествовать и умѣлъ наслаждаться окружающей природой и жизнью, причемъ все производило на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе: Андерсенъ провелъ мѣсяца два въ Парижѣ, довольно долго жилъ въ Швейцаріи и провелъ съ мѣсяцъ въ Вѣнѣ (на обратномъ пути). Но дольше всего онъ оставался въ Италіи. Эта страна была предметомъ его мечтаній и превзошла всѣ его ожиданія: Андерсенъ началъ съ Милана и проѣхалъ съ остановками въ нѣсколько дней до Рима, гдѣ основался на нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ осмотрѣлъ окрестности, а также ѣздилъ въ Неаполь, гдѣ прожилъ довольно долго, но послѣ опять вернулся въ Римъ. Все путешествіе въ цѣломъ произвело на него самое лучшее впечатлѣніе. Онъ отдохнулъ отъ ряда мелкихъ и крупныхъ непріятностей, измучившихъ его на родинѣ: За границей Андерсенъ повсюду встрѣчалъ радостный пріемъ и поддержку, не смотря на очень плохое знаніе языковъ, которые не давались ему всю жизнь. Не только иностранцы, но и земляки его, жившіе тамъ, относились къ нему очень сочувственно. Онъ перезнакомился съ массой художниковъ, музыкантовъ и артистовъ и завязалъ со многими изъ нихъ переписку. Его общительность и способность легко сходитьсь, а главное любовь къ людямъ и широкая гуманность дѣлали его настоящимъ космополитомъ. Не было народа, который казался-бы ему антипатичнымъ самъ по себѣ. Начиная съ близкихъ по духу нѣмцевъ и кончая евреями, Андерсенъ отдавалъ справедливость всякой націи и во всѣхъ видѣлъ хорошія стороны. Да и вообще сужденія его о людяхъ отличались необыкновенной терпимостью инисходительностью.

Онъ очень пріятно провелъ время въ Парижѣ, гдѣ познакомился между прочимъ съ Гейне и Викторомъ Гюго, но на этотъ разъ онъ не могъ, какъ слѣдуетъ, изучить французской жизни. Это зависѣло не только отъ плохого знанія французскаго языка, но также и оттого, что, живя въ Парижѣ, онъ все время держался въ кругу своихъ соотечественниковъ. Андерсенъ осматривалъ всѣ достопримѣчательности Парижа, побывалъ и въ Версали, и въ Луврѣ, но все это ограничивалось поверхностными наблюдениями. Парижъ ему нравился, но въ описаніи его мы не видимъ той теплоты, которой отличается все, что говоритъ онъ объ Италіи, «странѣ его мечтаній и счастья», какъ выражается Андерсенъ въ своей автобіографіи. Швейцарія произвела на него болѣе сильное впечатлѣніе, что и отразилось впоследствии въ его сочиненіяхъ. Французская жизнь его не вдохновляла вѣроятно потому, что онъ не находилъ въ ней ни отвлеченной поэзіи нѣмцевъ, ни артистической поэзіи итальянцевъ.

Самое яркое воспоминаніе его жизни послѣ дѣтскихъ лѣтъ это Италія. Всего болѣе нравился ему Римъ, а затѣмъ Неаполь. Въ Неаполѣ восхищала его несравненная красота мѣста, южное море, горы и Везувій. Въ Римѣ-же поражало все, начиная съ грандіознаго величія древности и кончая уличной жизнью. Общество художниковъ, извѣстное своимъ радушіемъ ко всѣмъ національностямъ, приняло его прекрасно. Онъ примкнулъ къ скандинавскому кружку, и здѣсь впервые проснулось въ немъ сознаніе общности датчанъ со шведами и норвежцами. Нигдѣ не веселился Андерсенъ такъ, какъ въ Римѣ въ кругу художниковъ. Въ общей сложности онъ провелъ тамъ мѣсяцевъ шесть, въ томъ числѣ и дни Рождества и Карнавала. Красота мѣста, теплыя южныя ночи, итальянская живость и милая артистическая непринужденность художниковъ, все его восхищало. Онъ участвовалъ въ веселыхъ попойкахъ художниковъ, сочинялъ застольныя пѣсни, игралъ видную роль при организаціи праздниковъ—словомъ, всею душою отдавался веселью. Въ Римѣ поэтъ приобрѣлъ немало друзей, но болѣе всего сошелся со скульпторомъ Торвальдсеномъ. Они подружались какъ-то сразу и навсегда сохранили другъ къ другу самыя теплыя чувства. Торвальдсенъ былъ значительно старше

Андерсена, но это не мѣшало ихъ близости. Мало кто выказалъ Андерсену столько участія, какъ его знаменитый соотечественникъ. Но для того, чтобы сдѣлать настоящую оцѣнку ихъ отношеній, слѣдуетъ вернуться нѣсколько назадъ.

Уѣхавъ изъ Даніи, Андерсенъ долгое время не имѣлъ съ родины ни одного письма; это его очень огорчало. Первое, что получилъ онъ изъ Даніи послѣ цѣлаго мѣсяца пребыванія въ Парижѣ, была посланная ему кѣмъ-то вырѣзка изъ газеты съ анонимными стихами самаго обиднаго содержанія. Въ нихъ говорилось между прочимъ о томъ, что прѣжде чѣмъ ѣхать въ чужіе края, Андерсену слѣдовало-бы поучиться родному языку и еще кое-чему. Его насмѣшливо призывали на родину, говоря, что за границей, некому слушать его скучныхъ стиховъ и т. д.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвѣлъ на Андерсена этотъ первый привѣтъ съ любимой родины. Онъ былъ совершенно подавленъ. Но новизна впечатлѣній, сочувствіе окружающихъ, а главное живой родникъ фантазіи, который только пробивался наружу изъ его ума и сердца, все это спасло его и не дало ему окончательно упасть духомъ.

Еще въ Парижѣ, Андерсенъ задумалъ новую вещь. Онъ написалъ живя въ Швейцаріи. Это была поэма на сюжетахъ народной пѣсни «Агнета и морякъ». Окончивъ ее, онъ послалъ ее въ Данію, гдѣ она вскорѣ была напечатана и встрѣчена очень холодно. Живя въ Италіи, Андерсенъ получилъ письма отъ нѣсколькихъ друзей. Всѣ писали ему приблизительно одно и то-же. Въ послѣднемъ произведеніи его не нашли ничего новаго, а между тѣмъ ожидали замѣтить вліяніе путешествія. Эта поэма имѣла всѣ недостатки его прежнихъ стиховъ и т. д. Всѣ заканчивали свои письма просьбой поменьше писать и всецѣло отдаться впечатлѣніямъ путешествія. «Нельзя столько писать, говорилъ одинъ изъ его друзей; съ вашей стороны непростительный эгоизмъ описывать свои путешествія. Оставьте заботу о деньгахъ (?) и о писательствѣ. Всѣ одного мнѣнія о вашей новой поэмѣ, и сочувствіе къ ней очень слабо» и т. д.

Въ эти письма производили на Андерсена удручающее впечатлѣніе. Послѣ каждаго изъ нихъ онъ становился мрачнѣе

тучи, и видя его печальнымъ, римскіе друзья спрашивали у него. «Что, опять получили письма съ родины?». «Я-бы на вашемъ мѣстѣ не обращалъ на нихъ вниманія»—сказалъ ему разъ Торвальдсенъ. Когда-же Андерсенъ разсказалъ ему про анонимное стихотвореніе, полученное имъ въ Парижѣ, Торвальдсенъ гнѣвно сжалъ зубы и сказалъ съ сердцемъ:

— Да, да, знаю я, каковы они тамъ на родинѣ! Если-бы я не уѣхалъ оттуда, мнѣ-бы вѣроятно не дали сдѣлать ни одной статуи. Хорошо, что я во время ушелъ!

Въ его жизни было тоже тяжелое время. Въ молодости ему такъ не везло на родинѣ, что онъ уѣхалъ въ Италію и много лѣтъ провелъ въ Римѣ. Тамъ талантъ его быстро развернулся, онъ достигъ большой извѣстности и уже старикомъ вернулся на родину, гдѣ его встрѣтили съ большими почестями. Торвальдсенъ былъ уже въ большой славѣ, когда Андерсенъ познакомился съ нимъ въ Римѣ. Его примѣръ и горячая дружба имѣли на него самое благотворное дѣйствіе. Андерсенъ прочелъ ему свою новую поэму. Великій скульпторъ одобрилъ ее и сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Это звучитъ точно изъ родного лѣса и моря». При чтеніи поэмы присутствовалъ также прежній врагъ Андерсена Генрихъ Герцъ, который пріѣхалъ въ Римъ и, встрѣтившись съ Андерсеномъ, первый подошелъ къ нему съ сочувственнымъ словомъ, дружески протянулъ ему руку и сознался, что былъ къ нему несправедливъ. Онъ увидѣлъ Андерсена въ очень тяжелую для него минуту. Только-что передъ тѣмъ получилъ онъ извѣстіе о смерти матери. Въмѣстѣ съ этой горестной вѣстью совпали неприятныя письма о плохомъ впечатлѣніи, произведенномъ на родинѣ новой поэмой Андерсена. Онъ былъ въ большомъ уныніи. Ему казалось, что нѣтъ на свѣгѣ существа, которому онъ нуженъ, въ его никто не любитъ и онъ совсѣмъ одинокъ на землѣ. Въ такомъ печальномъ настроеніи былъ Андерсенъ, когда встрѣтился съ Герцемъ, и вѣроятно искренность его горя тронула этого человека.

Большимъ утѣшеніемъ для Андерсена было письмо его старшей пріятельницы госпожи Лессоз. Это письмо дышало участіемъ и теплотой, она называла его своимъ сыномъ, писала ему о

матери и между прочимъ дѣлала справедливую оцѣнку его новой поэмы, признавая ея поэтическія красоты и находя неудачнымъ только выборъ сюжета, слишкомъ хорошо знакомаго датчанамъ въ своемъ первоначальномъ безыскусственномъ видѣ. Неусиѣхъ поэмы приписывала она злостной несправедливости къ Андерсену. Это было единственное сочувственное письмо, полученное имъ съ родины за это время. Повидимому даже друзья его находились тогда подъ влияніемъ его враговъ. Удивительно, какъ много злобы и недоброжелательства сумѣлъ онъ возбудить на родинѣ, между тѣмъ какъ за границей у него везде были друзья и почитатели.

Какъ ни старались внушить Андерсену его датскіе друзья, чтобы онъ оставилъ писать, это не помогло. Заставить его не писать въ то время значило-бы то-же, что заставить рѣку—не течь. Андерсену было въ то время 28 лѣтъ, а по свѣжести чувствъ, по наивности и силѣ впечатлѣній онъ казался еще моложе. Талантъ его еще не установился, мысли и образы тѣснились въ его головѣ, лица исхода послѣ новыхъ и яркихъ впечатлѣній. Во время пребыванія въ Итали въ умѣ его зародилось новое произведеніе—«Импровизаторъ». Эта повѣсть изъ итальянской жизни есть живое отраженіе его впечатлѣній. Въ ней много достоинствъ, но много существенныхъ недостатковъ. Все, что касается до итальянской народной жизни, полно интереса, живо, ярко, юмористично. Дѣтство героя, его отношенія къ старой пріемной матери и къ покровительствующему ему аристократическому семейству, жизнь въ школѣ—все это очень хорошо, но романтическая сторона крайне слаба. Здѣсь мы видимъ наивность и мелодраматичность, доведенныя иногда до смѣшнаго. Описаніе итальянскихъ страстей не дается мечтательному и наивному Андерсену, не испытавшему ни до, ни послѣ того ничего подобнаго. Но за то вполне удалось ему воспроизвести горькое чувство зависти и непонятнаго ему воспронзвѣстнаго чувства зависимаго и непонятаго поэта, столько разъ испытанное имъ самимъ. Андерсенъ началъ писать свой романъ еще въ Итали. На обратномъ пути въ Данию онъ остановился на нѣкоторое время въ Соро у Ингемановъ, гдѣ и кончилъ первую часть романа (вторая часть написана въ Копенгагенѣ).

Андерсенъ медлилъ возвращаться на родину и дѣлалъ это

только потому, что деньги его приходили къ концу. Возвращаясь изъ за границы, онъ останавливался въ разныхъ нѣмецкихъ городахъ, повсюду встрѣчая радушный приемъ и доброжелательное отношеніе. Съ тяжелымъ чувствомъ подвигался путешественникъ къ Коенгагену. Онъ боялся будущаго. И дѣйствительно общество встрѣтило его холодно и неприязненно. Всѣ говорили ему: «Мы ошибались въ вашемъ талантѣ». Съ трудомъ удалось Андерсену издать свой новый романъ. Для изданія ему пришлось собирать деньги по подпискѣ и выпрашивать ихъ у своихъ друзей. Выручка была разумѣется самая жалкая. Андерсенъ посвятилъ книгу семейству Коллиновъ. Когда романъ вышелъ въ свѣтъ, успѣхъ его былъ настолько великъ, что вскорѣ потребовалось второе изданіе. Критика долго молчала, но съ разныхъ сторонъ раздавались сочувственные голоса. Первый, кто осмѣлился похвалить печатно «Импровизатора» былъ поэтъ Баггеръ, редакторъ «Воскреснаго листка». Въ рецензіи его мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: «Андерсенъ пишетъ хуже прежняго, онъ исписался, мы давно этого ожидали—такъ говорилось во многихъ столичныхъ кружкахъ, быть можетъ въ тѣхъ самыхъ, гдѣ сначала его наиболѣе превозносили. Но то, что онъ не исписался, а напротивъ того поднялся на огромную высоту, доказалъ онъ самымъ блестящимъ образомъ въ своемъ романѣ «Импровизаторъ». Эти слова заставили плакать отъ радости бѣднаго Андерсена, измученнаго долгой несправедливостью и презрѣніемъ.

«Импровизаторъ» былъ началомъ успѣховъ Андерсена, а поѣздка за границу послужила толчкомъ для его таланта. Вернувшись на родину Андерсенъ съ сожалѣніемъ. Онъ оставилъ за собой столько свѣтлыхъ воспоминаній и къ тому-же думалъ, что ему больше не придется быть за границей. Особенно жаль ему было Италіи. Пылкій мечтатель считалъ ее потеряннымъ раемъ, въ который онъ больше никогда не вернется. Послѣдующія его путешествія тоже имѣли на него большое вліяніе, но первыя впечатлѣнія уже не повторялись. Никогда не представлялась ему Италія въ такомъ праздничномъ видѣ. Всѣ народныя и уличныя сцены, описанныя въ «Импровизаторѣ», взяты имъ съ натуры, и послѣ ему уже не приходилось такъ

много и удачно наблюдать итальянскую жизнь. Въ Италіи-же Андерсенъ впервые получилъ вкусъ къ живописи и скульптурѣ, въ первый разъ услышалъ настоящее хорошее нѣмецкое произведеніе на него потрясающее впечатлѣніе. Его прекрасныя сказки: «Мѣдный кабанъ» и «Психея» служатъ отголоскомъ впечатлѣній, произведеннаго на него итальянскимъ искусствомъ и жизнью Флоренціи и Рима.

Съ «Импровизатора» начинается новая эра въ жизни Андерсена. Книга эта приобрѣла ему массу друзей и почитателей, какъ въ Даніи, такъ и за границей. Она была переведена на всѣ языки и выдержала много изданій. Иностранныя журналы отзывались объ ней съ большой похвалой, между тѣмъ какъ въ Даніи, несмотря на сочувствіе публики, критика по большей части относилась къ этому произведенію или холодно, или несочувственно. Такъ напримѣръ въ одномъ изъ иностранныхъ журналовъ проводилась параллель между «Импровизаторомъ» Андерсена и «Коринной» г-жи Сталь, причемъ отдавалось полное предпочтеніе Андерсену. «Андерсенъ навивень, г-жа Сталь сентиментальна, — говорилось въ статьѣ, датчанинъ поэтиченъ, тогда какъ французка риторична» и т. д. Въ одномъ изъ датскихъ журналовъ дѣлалось то же сопоставленіе, но при этомъ говорилось, что произведеніе г-жи Сталь вѣроятно есть первообразъ «Импровизатора». Очень скоро начались обычныя нападки на и правильную орфографію словъ, на этотъ разъ итальянскихъ. Тѣмъ не менѣе успѣхъ книги и поворотъ общественнаго мнѣнія въ пользу Андерсена были очевидны. Ободренный этимъ успѣхомъ Андерсенъ продолжалъ писать. Въ 1836 году онъ выпустилъ въ свѣтъ романъ «О. Т.» *), а въ 1837. «~~У~~ только скрипачъ». Оба эти романа имѣли нѣкоторый успѣхъ въ Даніи и большой за границей. Между прочимъ ихъ перевели и охотно читали въ Швеціи, гдѣ произведенія Андерсена дѣлались все болѣе и болѣе популярны. «О. Т.» — произведеніе чисто юмористическое; «Это

*) Романъ такъ и озаглавленъ двумя буквами. Онъ означаетъ имя героя «Отто Тосуръ», а также, Odense Tugthuis (Оденский домъ умалишенныхъ).

только скрипачъ» напротивъ отличается меланхолическимъ характеромъ. Здѣсь изображаетъ Андерсенъ пережитую имъ самимъ борьбу поэтической натуры съ тяжелыми житейскими обстоятельствами. Оба эти романа были очень извѣстны въ свое время, но ни одинъ не былъ такъ популяренъ, какъ «Импровизаторъ». На русский языкъ были переведены «Импровизаторъ» и «Это только скрипачъ».

Не смотря на сочувствіе публики, положеніе Андерсена было нелегкое. За него раздавались открыто очень немногіе голоса. Противъ него были почти всѣ критики и многіе литераторы, въ томъ числѣ всеобщій любимецъ Рейбергъ, считавшійся непогрѣшимымъ. Онъ, когда-то поддерживавшій Андерсена въ качествѣ начинающаго писателя, теперь относился къ нему съ замѣчательнымъ недоброжелательствомъ и не мало способствовалъ умаленію его значенія въ обществѣ. Нарадки критики обратились наконецъ противъ самой личности Андерсена. Въ какой-то критической статьѣ писателя упрекали въ неблагодарности къ его благодѣтелямъ, выставляя на видъ сходство между его собственнымъ положеніемъ и положеніемъ героя въ романѣ «Импровизаторъ». На этотъ разъ въ защиту Андерсена выступилъ его бывший врагъ, поэтъ Палуданъ Мюллеръ, находя неприглядными инсинуаціи критика.

Одинъ изъ друзей Андерсена, профессоръ университета, опытный въ корректурномъ дѣлѣ, предложилъ Андерсену редактировать его романъ «О. Т.». Онъ сдѣлалъ это самымъ совѣстнымъ образомъ, желая избавить Андерсена отъ обычныхъ придирокъ. Но и это не помогло. Въ одной изъ датскихъ газетъ стояла фраза: «Обычныя грамматическія ошибки, свойственныя Андерсену, находимъ мы и въ этой книгѣ».

Нѣтъ, это ужъ слишкомъ—сказалъ профессоръ,—я былъ такъ-же внимателенъ, какъ со своими собственными книгами. Къ вамъ явно несправедливы».

Подобныхъ примѣровъ можно насчитать много, но, не смотря на пристрастіе критики, недоброжелательство литераторовъ и шаткость общественнаго мнѣнія, легко поддававшася чужимъ вліяніямъ, положеніе Андерсена въ обществѣ было теперь все-таки гораздо лучше, чѣмъ до выхода въ свѣтъ «Импровизатора».

ГЛАВА VI.

Поѣздка въ Швецію.—Скандинавскія симпатіи.—Сѣщенныя обстоятельства.—Пожизненная пенсія.—Театральныя пьесы.—Еще поѣздка въ Швецію.—Оваціи въ Лундѣ.—«Что разсказывалъ мѣсяцъ».—Второе путешествіе за границу.—«Базаръ поэта».—Андерсенъ въ Копенгагенѣ.—Вниманіе къ нему короля.—Возрастающее значеніе въ Даніи.—Счастливая жизнь въ кругу друзей.—Особенности его характера.—Сказки.

Въ 1837 году Андерсенъ поѣхалъ въ Швецію. Онъ посвятилъ этой поѣздкѣ все лѣто и вынесъ изъ нея самое пріятное впечатлѣніе. Его поразила живописность шведской природы, а радушный приѣмъ и сочувствіе, встрѣченные имъ повсюду, оставили въ его душѣ чувство живѣйшей благодарности. Андерсенъ завязалъ въ Швеціи не одно пріятное знакомство. Между прочимъ онъ встрѣтился на пароходѣ съ извѣстной писательницей Фредрикой Бремеръ. Она не знала его произведеній и только во время плаванія прочла «Импровизатора», получивъ его изъ рукъ автора. Это послужило поводомъ къ ихъ сближенію, такъ какъ романъ чрезвычайно ей понравился.

Въ то время между Швеціей и Даніей было очень мало сношеній. Все еще помнилась старинная вражда, и это разъединяло сосѣднія націи. Андерсенъ находилъ большое сходство между датскимъ и шведскимъ языками и съ удовольствіемъ замѣчалъ, что шведы его понимаютъ. Ему казалось, что Швеція есть не болѣе, какъ продолженіе Даніи; сходство обѣихъ націй бросалось ему въ глаза, а радушный приѣмъ встрѣченный имъ въ Швеціи, окончательно утвердилъ его въ братскихъ чувствахъ къ этой странѣ. Подъ такимъ впечатлѣніемъ онъ сочинилъ скандинавскую пѣсню, начинавшуюся словами «Мы всѣ одинъ народъ, мы скандинавы». Эта пѣсня очень понравилась въ Швеціи, но когда Андерсенъ вернулся на родину и пѣсня сдѣлалась извѣстна его соотечественникамъ, ему сейчасъ-же сказали: «По всему видно, что васъ чествовали въ Швеціи». Въ то время еще не были въ модѣ скандинавскія симпатіи, а нѣсколько лѣтъ спустя, когда близость между скандинавскими народами вошла въ моду—въ Даніи нашлись люди, которые говорили Андерсену, что скандинавская пѣсня есть лучшее его произведеніе и переживетъ все, что онъ написалъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ «Импровизатора» появился первый выпускъ сказокъ Андерсена. Можно было бы подумать, что критики встрѣтятъ сочувственно этотъ новый и совершеннѣйшій родъ его поэзій. Но не тутъ-то было. Датскіе критики съ сожалѣніемъ говорили о томъ, что Андерсенъ впасть въ прежнее ребяческое направленіе...

Помимо мелочныхъ придирокъ и равнодушія критики Андерсену приходилось терпѣть также и отъ недостатка средствъ. Онъ жилъ одной литературой и получалъ самые жалкіе гонорары. Такъ напримѣръ за «Импровизатора» ему было заплачено немногимъ больше ста рублей. Въ томъ-же родѣ платили ему и за другія произведенія. Андерсену приходилось писать изъ за денегъ, а это само по себѣ было ему прогибно; заработокъ его былъ такъ незначителенъ, что желая какъ нибудь увеличить свои средства, онъ пробовалъ хотя и безуспѣшно достать себѣ мѣсто при одной изъ библиотекъ. Изъ затруднительнаго положенія помогли ему выйти старые друзья Эрстедтъ и Коллинъ, а такъже новый другъ его голштинскій графъ Ранцау Брейтенбургъ. Графъ Ранцау заинтересовался Андерсеномъ, прочтя «Импровизатора», и явился самъ въ уютную квартиру поэта, причемъ спросилъ его, не можетъ ли онъ быть ему чѣмъ нибудь полезенъ. Тотъ въ краткихъ словахъ описалъ ему свое затруднительное положеніе. Графъ Ранцау обѣщалъ писателю свое содѣйствіе и вскорѣ выхлопоталъ ему у короля ежегодную пенсію въ 200 рублей. Такія пенсіи давались изъ государственныхъ суммъ бѣднымъ ученымъ, литераторамъ и художникамъ. Имъ пользовались между прочимъ Эленшлегеръ, Ингеманъ, Герцъ и другіе.

Теперь Андерсенъ могъ жить спокойно, вполне предаваясь своему призванію, такъ-какъ зналъ, что у него есть вѣрная средства на случай болѣзни. Онъ вздохнулъ свободнѣе, но испытанія его еще не кончились. Особенно часто приходилось Андерсену терпѣть неудачи при его попыткахъ писать для сцены, тѣмъ болѣе, что въ то время въ копенгагенскомъ театральномъ мірѣ господствовали очень странные нравы, а дирекція продолжала относиться лично къ Андерсену весьма недоброжелательно. По странно укоренившейся модѣ почти всѣ новыя пьесы, дававшіяся на копенгагенской сценѣ, осмистывались на первомъ же пред-

ставленіи. Этой участи подвергались даже любимые авторы, какъ Эленшлегеръ и Гейбергъ. Свистать начинали часто прежде, чѣмъ поднимался занавѣсъ. Это вошло въ обыкновеніе и сдѣлалось какой-то своеобразной забавой. Всякое представленіе начиналось всеобщимъ свистомъ, затѣмъ въ оркестрѣ раздавались трубы. Если свистки не унимались, вмѣшивалась полиція. Удивительно еще, какъ могъ держаться какой нибудь репертуаръ при такомъ порядкѣ вещей. Вотъ при какихъ тяжелыхъ условіяхъ выступилъ Андерсенъ въ качествѣ драматурга. Онъ писалъ въ стихахъ и въ прозѣ, пробовалъ свои силы и въ комедіи, и въ драмѣ. Большинство его пьесъ дирекція отсылала ему назадъ, тѣ-же, которыя доходили до сцены, иной разъ все-таки имѣли успѣхъ. Это показываетъ, что положеніе Андерсена въ обществѣ до нѣкоторой степени уже установилось въ то время. Наибольшій успѣхъ, изъ того, что писалъ онъ для сцены въ тотъ періодъ, т. е. до 1842 года, имѣла пьеса, передѣланная имъ изъ французской повѣсти «Les éraives» подъ названіемъ «Мулатъ». Въ день представленія этой пьесы по городу были расклеены огромныя афиши и у театральной кассы стоялъ длинный хвостъ. Но вслѣдствіи внезапной смерти короля Фридриха VI-го представленіе не состоялось, и пьеса дана была впервые уже по вошествіи на престолъ Христиана VIII-го, въ день открытія театровъ. Публика приняла пьесу Андерсена съ восторгомъ. Ни одно произведеніе его не имѣло еще такого успѣха, какъ эта драма. Вскорѣ она была переведена на шведскій языкъ, и въ шведскихъ газетахъ и журналахъ появились объ ней самые лестные отзывы. Андерсенъ еще разъ отправился въ Швецію, причемъ шведы отнеслись къ нему еще лучше, чѣмъ при первыхъ его посѣщеніяхъ. Между прочимъ его пригласили осмотрѣть ихъ городъ студенты Лундскаго университета. Андерсенъ принялъ ихъ предложеніе и былъ встрѣченъ необыкновенно радушно. Въ честь его говорились рѣчи и чечень необыкновенно ралушно. Вечеромъ студенты устроили ему сereпровозглашалась тосты. Вечеромъ студенты устроили въ честь Андерсена, наду. Это была первая ованія, устроенная въ честь Андерсена, потому и неудивительно, что она произвела на него необыкновенно сильное впечатлѣніе. Поблагодаривъ студентовъ за оказанную ему честь и пожавши руки ближайшимъ изъ стоявшихъ около него, Андерсенъ ушелъ въ свою комнату, зайдя въ тем-

до Андерсена дошли слухи, что Гейбергъ, съ которымъ онъ расстался въ очень плохихъ отношеніяхъ, написалъ стихотвореніе, гдѣ, какъ выразился кто-то изъ его соотечественниковъ. «Андерсена по обыкновенію утопили въ водѣ». Андерсенъ не читалъ стихотворенія и не зналъ, въ чемъ заключается направленная противъ него насмѣшка. Эта невѣдѣнность еще болѣе усиливала его безпокойство. Онъ ожидалъ всего худшаго и сильно упалъ духомъ, такъ что пребываніе его въ Римѣ было отравлено. Впослѣдствіи Андерсенъ узналъ, что онъ напрасно боялся стихотворенія Гейберга. Намекъ на него былъ самаго невиннаго свойства, а стихи показались ему прекрасными. Тѣмъ не менѣе они причинили ему въ Римѣ много непріятныхъ минутъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ Андерсенъ уѣхалъ изъ Рима въ сопровожденіи двухъ своихъ друзей Гольста и Роте. Всѣ трое отцѣпавшись въ Неаполь. Тамъ было тоже очень холодно, и Андерсенъ окончательно разболѣлся. Лихорадка и нервное состояніе его дошли до апогея. Изъ Помпеи, куда друзья уже успѣли дѣлаться, пришлось вернуться въ Неаполь; Андерсенъ пріѣхалъ туда въ ужасномъ видѣ. Хозяинъ отеля, гдѣ онъ остановился, нашелъ нужнымъ пустить ему кровь, что и подѣйствовало на него самымъ лучшимъ образомъ. Черезъ недѣлю Андерсенъ поправился настолько, что могъ ѣхать дальше. Онъ предпринялъ длинное путешествіе, а именно изъ Неаполя поѣхалъ на пароходѣ въ Сицилію, затѣмъ въ Грецію и Константинополь, завернулъ въ Сербію и вернулся въ Данію черезъ Австрію и Германію. Онъ побывалъ въ Вѣнѣ, Прагѣ и Дрезденѣ и пріѣхалъ въ Копенгагенъ черезъ Одензе.

Путешествіе свое Андерсенъ описалъ въ книгѣ «Базаръ поэта», раздѣленной на нѣсколько частей по числу странъ, которыя онъ посѣтилъ. Каждая часть была посвящена кому-нибудь изъ его друзей.

За границей эта книга имѣла успѣхъ, но датская критика отнеслась къ ней очень странно. Андерсену дѣлали совѣсьмъ безсмысленныя замѣчанія, его по просту ловили на словахъ и придирались къ его поэтическимъ выраженіямъ, доискиваясь ихъ буквального смысла, или не поппмая самыхъ простыхъ вещей. Между прочимъ его упрекали въ самолюбіи, потому что въ

Одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Если-бы я былъ художникомъ, то нарисовалъ-бы эти мосты и башни, но я не художникъ, а поэтъ, а потому только пытаюсь писать варіаціи въ лирическомъ стилѣ». «Какъ можно говорить про себя, что я поэтъ. Это нескромно»—упрекали его рецензенты.

Не смотря на значительную литературную извѣстность, доставившую Андерсену расположеніе самого короля, ему нерѣдко приходилось терпѣть униженія изъ за своей бѣдности и низкаго пропехожденія. Король Христіанъ VIII, который зналъ его еще будучи принцемъ, открыто выказывалъ ему свое расположеніе. Тѣмъ не менѣе высшее общество продолжало относиться къ Андерсену свысока. Случилось разъ, что во время представленія пьесы Андерсена король поклонился ему изъ ложи.

— Вамъ кланяется король, шепнулъ ему сидѣвшій рядомъ Торвальдсенъ.

Андерсенъ не повѣрилъ этому, но взглянувши въ королевскую ложу, увидѣлъ, что король опять ему кланяется. Тогда Андерсенъ понялъ, что пріѣтствіе относилось къ нему, но не отдавъ поклона, боясь, что движеніе его будетъ дурно истолковано его врагами. На другой день онъ пошелъ къ королю и лично поблагодарилъ его за вниманіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ получилъ приглашеніе на дворцовый балъ, устраиваемый для разныхъ классовъ общества. Андерсенъ говорилъ объ этомъ балѣ у одного ученаго.

— Что вы будете тамъ дѣлать? спросилъ его тотъ.

— Это тотъ кругъ, гдѣ меня лучше всего принимаютъ,—пути, отвѣчалъ Андерсенъ.

— Но вы къ нему не принадлежите,—рѣзко отвѣтилъ ученый. Андерсенъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ укола, и отвѣтилъ, смѣясь:

— Если король самъ кланяется мнѣ изъ ложи, то я могу быть у него на балѣ.

— Кланяется вамъ изъ ложи?—удивился ученый,—но это еще не даетъ вамъ права выставляться.

— Но вѣдь на этомъ балу будутъ люди всѣхъ сословій, значить и того, къ которому принадлежу я, тамъ будутъ студенты,—отвѣтилъ Андерсенъ.

— Да, но какіе?—спросилъ ученый.

Андерсенъ назвалъ одного изъ его родственниковъ.

— Еще-бы! — отвѣтилъ тотъ.—Вѣдь онъ сынъ статскаго совѣтника. А кто былъ вашъ отецъ?

— Мой отецъ былъ простой мастеровой,—отвѣтилъ Андерсенъ,—а я съ помощью Вожіей самъ завоевалъ себѣ то положеніе, которое у меня есть, и вы кажется, могли-бы это уважать!

Въ это время Андерсену было уже далеко за 30 лѣтъ, и вотъ какъ третировали его въ томъ самомъ кругу, который онъ по праву могъ-бы считать своимъ.

Поворотъ къ лучшему, начавшійся, какъ мы уже говорили раньше, со времени выхода въ свѣтъ «Импровизатора», былъ замѣтенъ. Кругъ знакомыхъ Андерсена все расширялся. Онъ приобрѣлъ много новыхъ друзей и все больше сближался со старыми. Ближе всего былъ онъ въ семействѣ Коллина, особенно въ домѣ одного изъ женатыхъ его сыновей. Его молодая жена, веселая, живая и милая женщина была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Андерсеномъ. Андерсенъ игралъ съ ея дѣтьми и всегда охотно проводилъ время въ ея домѣ. Затѣмъ онъ относился очень хорошо къ Эрштедту, но ближайшимъ его другомъ былъ композиторъ Гартманъ, съ которымъ онъ видѣлся ежедневно. Въ 1830 году пріѣхалъ въ Копенгагенъ Торвальдсенъ. Городъ устроилъ ему необыкновенно торжественную встрѣчу. Его приняли съ великимъ энтузіазмомъ, и съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ Даніи, окруженный почетомъ. Быть его другомъ—считалось большой честью. Андерсенъ принадлежалъ къ числу этихъ счастливцевъ. Отношеніе къ нему Торвальдсена до самой смерти было самое теплое и душевное. Они видѣлись очень часто и взаимно любили и уважали другъ въ другѣ истинныхъ художниковъ, сердечныхъ и честныхъ людей. Торвальдсенъ былъ человѣкъ открытаго и веселаго нрава, мужественный и здоровый по натурѣ. Андерсенъ очень высоко ставилъ его, какъ скульптора, а Торвальдсенъ былъ большой поклонникъ таланта Андерсена. Живя въ Копенгагенѣ, оба часто встрѣчались въ театрѣ. Андерсенъ имѣлъ тамъ почетное мѣсто въ партерѣ среди людей высшаго общества по праву писателя, поставившаго три пьесы. Онъ ходилъ въ театръ каждый вечеръ.

Это былъ для него своего рода клубъ, гдѣ онъ встрѣчалъ всѣхъ знакомыхъ литераторовъ, ученыхъ и людей изъ общества. Чаще всего сосѣдомъ его былъ Торвальдсенъ. Андерсенъ искренно любилъ своего знаменитаго друга, но безъ сомнѣнія ему также очень льстило вниманіе великаго человѣка. Вообще Андерсенъ былъ далеко не безчувственъ къ разнаго рода отличіямъ и къ милостямъ сильныхъ міра сего. Онъ встрѣчался съ Торвальдсеномъ также въ имѣніи баронессы Штампе Низозъ. Въ этомъ аристократическомъ семействѣ онъ былъ принятъ какъ дорогой гость и проживалъ иногда цѣлые мѣсяцы въ прекрасномъ имѣніи баронессы. Тамъ-же часто жила и Торвальдсенъ, котораго окружали величайшимъ вниманіемъ. Оба друга охотно работали въ прекрасной обстановкѣ деревенскаго приюта, соединеннаго съ комфортомъ и приятнымъ обществомъ.

Въ Низозъ, такъ же какъ и въ другихъ богатыхъ домахъ, гдѣ бывалъ Андерсенъ, его принимали дѣйствительно хорошо и обращались съ нимъ не такъ, какъ съ бѣднымъ мальчю, котораго нужно накормить объѣдомъ и поскорѣе отъ него отдѣлаться. Его цѣнили какъ замѣчательнаго человѣка съ исключительнымъ поэтическимъ талантомъ. Вѣроятно въ этихъ аристократическихъ семействахъ и выучился Андерсенъ тому свѣтскому такту, который впоследствии дѣлалъ его такимъ желаннымъ гостемъ при разныхъ мелкихъ дворахъ. Его импровизаторскій талантъ часто оказывалъ ему большія услуги. Онъ очень удачно сочинялъ стихи и пѣсни, подходящія къ случаю, и развлекалъ этимъ общество. Эта способность Андерсена очень забавляла веселаго и добродушнаго Торвальдсена, и Андерсенъ нерѣдко доставлялъ подобнаго рода невинныя удовольствія старому скульптору, до самой смерти не потерявшему бодрости и веселости.

Дни, проведенные Андерсеномъ въ гостепріимныхъ аристократическихъ домахъ среди природы, были едва-ли не лучшими въ его жизни. Среди природы Андерсенъ чувствовалъ себя въ своей стихіи. Здѣсь его душа приходила въ равновѣсіе, и онъ всего свободнѣе предавался творчеству. Въ городѣ, особенно въ Копенгагенѣ, многое было не по немъ: докучливые критики, завистливые собраты по искусству, тысячи непріятностей и наконецъ политика, которой никогда не интересовался Андерсенъ —

этотъ чистѣйшей воды поэтъ и притомъ оптимистъ, искавшій въ жизни и въ людяхъ только доброе и прекрасное, что дѣлало его самымъ настоящимъ космополитомъ, самымъ широкимъ гуманистомъ. Потому можетъ быть ему и не было никакого дѣла до политики. Всѣмъ сердцемъ любя свой народъ и родину, онъ не считалъ однако Данію первой страной въ мірѣ. И какъ другъ всего человечества, могъ-бы сказать отъ души вмѣстѣ съ Шиллеромъ: «Обнимитесь всѣ народы. Ницъ надите, милліоны. Чувствуешь Творца ты, міръ?». Самъ онъ говорилъ про себя: «Политика не мое дѣло. Богъ далъ мнѣ другое назначеніе. Я всегда это чувствовалъ. На озерахъ, въ лѣсахъ, на зеленыхъ поляхъ, гдѣ выступаютъ апосты на своихъ красныхъ ногахъ, я не слышалъ ни о политикѣ, ни о Гегелѣ, и никто не вступалъ со мной въ полемику. Природа вокругъ меня указывала мнѣ на мою миссію».

Въ этомъ излюбленномъ уединеніи среди природы написалъ Андерсенъ романъ «Двѣ баронессы» и многія изъ своихъ сказокъ. Первый выпускъ сказокъ вышелъ вскорѣ послѣ «Импровизатора»; на слѣдующій годъ онъ издалъ второй выпускъ и т. д. Сказки эти были оцѣнены не сразу. Долго еще датскіе критики сожалѣли о томъ, что Андерсенъ тратитъ свое время на дѣтскую литературу, но мало-по-малу и въ Даніи появились настоящіе цѣнители этого совершеннѣйшаго рода Андерсеновской поэзіи. Самъ поэтъ съ годами все больше и больше входилъ во вкусъ писанія сказокъ. Время отъ времени онъ еще писалъ комедіи, которыя теперь имѣли успѣхъ, написалъ біографіи своихъ друзей Гартмана и Торвальдсена, описывалъ свои путешествія, но все это блѣднѣетъ передъ его сказками. Въ нихъ-то и отразилась вся свѣжесть и прелесть его таланта. Въ нихъ развертывается безконечное богатство его фантазіи, проявляется вся сила и глубина его поэзіи, идеальная чистота души и теплота его сердца. Милыя, живыя сцены, полныя добродушиаго и тонкаго юмора, перелетаютъ съ восхитительными картинками природы, которая такъ кстати въшивается у Андерсена въ человеческую жизнь. Мысли его то глубоко-прогательныя, то игриво-граціозныя— всегда гуманны и отличаются простотой и ясностью. Туманность, недоговоренность несвойственны Андерсену. Каждая

сказка его, хотя-бы самая коротенькая, выражаетъ нѣчто определенное и законченное. При этомъ языкъ его отличается совершенной простотой и образностью. Андерсенъ рассказывалъ свои сказки тѣмъ самымъ языкомъ, какимъ рассказывалъ ихъ дѣтямъ, но писалъ ихъ не для дѣтей. Самъ онъ находилъ, что они доступны дѣтямъ только по формѣ, внутренняя-же сторона ихъ можетъ быть понята лишь взрослыми. Такого-же мнѣнія и мы. Не смотря на то, что многія дѣти любятъ сказки Андерсена, но крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, онъ не могутъ быть ими поняты. Сказочныя приключенія и нѣкоторыя подробности обстановки всегда интересны для дѣтей, ихъ плѣняетъ также необыкновенная живость разсказа, но соль сказки, тонкая мысль, скрытая въ ея образѣ—для нихъ пропадаетъ. Ну гдѣ понять ребенку глубокую сатиру на человеческую пошлость, скрытую въ сказкѣ «Принцесса и свинопасъ?» Увы, этой сказки не поймутъ даже многіе изъ взрослыхъ! Мы не говоримъ уже о такихъ сказкахъ, какъ «Пенхейя» и «Подъ ивой». Эти романтическія повѣсти, разумеется, совсѣмъ недоступны дѣтскому пониманію.

Въ угоду общественному мнѣнію, Андерсенъ часто называлъ тогъ или другой выпускъ своихъ сказокъ «Разсказы для дѣтей», но вскорѣ совсѣмъ оставилъ это вынужденное названіе и озаглавливалъ свои выпуски просто «Сказки и разсказы». Андерсенъ всегда любилъ читать вслухъ свои произведенія, но съ тѣхъ поръ, какъ начали появляться его сказки, онъ читалъ еще охотнѣе. Такія маленькія вещицы, какъ сказки Андерсена, особенно удобны для чтенія вслухъ, читаль-же Андерсенъ необыкновенно хорошо, поэтому слушаніе его сказокъ изъ устъ самого автора сдѣлалось любимымъ развлеченіемъ его знакомыхъ. Скоро вошло въ моду читать сказки Андерсена на сценѣ, что дѣлало многіе извѣстные артисты, и конечно это еще болѣе способствовало ихъ распространенію. Сказки Андерсена и создали ему окончательную популярность, которую онъ пользовался при жизни въ такихъ широкихъ размѣрахъ; эта популярность, въ соединеніи съ громаднымъ кругомъ друзей и знакомыхъ, бывшихъ у него во всѣхъ концахъ Европы, составляла главную прелесть его жизни, то счастье, о которомъ онъ столько говоритъ въ своей автобіографіи. И въ самомъ дѣлѣ, что сталь-бы дѣлать одинокій, безсемейный человѣкъ,

если-бы у него не было такого множества друзей знакомых? При желаніи онъ могъ-бы никогда не оставаться одинъ, что конечно не входило въ его расчеты. Общительный по натурѣ, онъ былъ слишкомъ глубокой поэтъ и мечтатель, чтобы до нѣкоторой степени не любить единенія.

Мы прослѣдили теперь біографію Андерсена до половины его жизни, даже нѣсколько долѣе, такъ какъ онъ жилъ 70 лѣтъ, и можемъ сказать, что юность его была печальна и горька. Онъ долго жилъ подаяніемъ, и это нелегко ему давалось. Его поздніе школьные годы полны лишеній и тяжелой зависимости. Его первые шаги на литературномъ поприщѣ были неудачны, рѣдкіе успѣхи, выпадавшіе на долю Андерсена, отравлялись недоброжелательствомъ и завистью. Долго бился онъ прежде, чѣмъ завоевалъ себѣ прочное мѣсто въ литературѣ. И вотъ, въ зрѣломъ возрастѣ, когда талантъ его окрѣпъ и вышелъ на настоящую дорогу, популярность его начала возрастать съ необыкновенной быстротой. Вся вторая половина жизни Андерсена представляетъ рядъ счастливыхъ годовъ. Число поклонниковъ его таланта постоянно возрастало. Сначала онъ видѣлъ доказательства этого главнымъ образомъ за-границей, преимущественно въ Германіи и Англии, но потомъ и упрямая Данія сложила оружіе передъ его талантомъ. Не смотря на то, что нѣкоторые изъ датскихъ писателей и критиковъ до конца своей жизни оставались врагами Андерсена, общій голосъ былъ въ его пользу.

ГЛАВА VII.

Андерсенъ въ славу. — Еще нѣсколько словъ объ его сказкахъ. — Поэма «Агасферъ». — Автобіографія Андерсена. — Его нѣмецкіе друзья. — Война 48 года. — Необыкновенная популярность Андерсена за-границей. — Страсть его къ путешествіямъ. — Нѣкоторыя черты его характера. — Отношеніе къ женщинамъ.

Дойдя до того момента, когда талантъ Андерсена окончательно созрѣлъ и былъ признанъ, мы не будемъ уже слѣдить за его жизнью шагъ за шагомъ, какъ дѣлали раньше. Можно сказать, что съ этихъ поръ его жизнь становится однообразна въ своемъ разнообразіи. Почти ежегодныя путешествія, прекрасный пріемъ во всѣхъ странахъ, всевозможныя чествованія, вниманіе высокопоставленныхъ особъ, любезныя письма, ордена, лестныя

приглашенія и время отъ времени новая книжка сказокъ — вотъ общая картина жизни Андерсена за послѣднія 30 лѣтъ его существованія. Его жизнь въ Копенгагенѣ и въ деревенскихъ до-махъ аристократическихъ друзей, уже описанная нами, шла своимъ чередомъ въ промежуткахъ между его многочисленными поѣздками. Андерсенъ былъ много разъ въ Германіи и Швеци, посѣщалъ Парижъ и Швейцарію, былъ еще два раза въ Италіи и въ Англии, объѣзжалъ Испанію, Португалію и Голландію. Такимъ образомъ онъ объѣзжалъ всю Европу и не былъ только въ Россіи, что просто удивительно при его страсти къ путешествіямъ. Почти каждое путешествіе свое описывалъ онъ въ особой книгѣ. Эти книги сами по себѣ не имѣютъ большого значенія, но въ нихъ попадались иногда прекрасныя сказки, которыя вполнѣ присоединялись къ тому или другому тому по мѣрѣ того, какъ онѣ издавались. Мы не будемъ разбирать его сказокъ отдѣльно и подвергать ихъ обстоятельной критикѣ. Это повело-бы насъ слишкомъ далеко и заставило-бы переступить рамки настоящаго очерка. Упомянемъ только о томъ, какъ возникали эти сказки. Первый выпускъ сказокъ Андерсена, изданный подъ названіемъ «Сказокъ для дѣтей», вышелъ въ свѣтъ въ 1835 году, второй въ 1836 и т. д. Первые его сказки были «Огниво», «Слутникъ», «Маленькая морская царевна», «Цвѣты маленькой Иды», «Царское платье» и т. д. Почти всякій годъ выходило нѣсколько новыхъ сказокъ, иногда по одной, иногда по нѣскольку заразъ и о мѣрѣ накопленія издавались особымъ томомъ. Сюжетъ нѣкоторыхъ сказокъ Андерсенъ заимствовалъ изъ народныхъ преданій и преней, придавая имъ только свою окраску и форму; сюжеты другихъ были рассказы, слышанные въ дѣтствѣ отъ пажетомъ дутихъ были рассказы, слышанные въ дѣтствѣ отъ госпитальныхъ старухъ, но очень многія сказки являлись плодомъ фантазіи самого автора. Достаточно было самаго пустого довода, чтобы въ головѣ Андерсена зародилась мысль, которую онъ облакалъ въ сказочную форму. Часто на него дѣйствовала извѣстная обстановка и природа. Онъ сочинялъ и писалъ подъ впечатлѣніемъ какой-нибудь мѣстности. Такъ сочинена извѣстная его сказка «Дѣва льдовъ», написанная въ Швейцаріи на мѣстѣ ея дѣйствія. «Психея» написана въ Римѣ, «Мѣдный казанъ» во Флоренціи или вскорѣ послѣ пребыванія тамъ Андер-

сена. Нѣкоторыя сказки зародились въ его головѣ вслѣдствіи какого-нибудь разказа или словъ, слышанныхъ въ дѣтствѣ. Такъ написана прекрасная сказка «Она никуда не годилась», построенная на разговорѣ его матери, пожалѣвшей какую-то бѣдную сосѣдку. Многія положенія и лица въ сказкахъ взяты Андерсеномъ съ натуры. Все окружающее наводило его на тѣ или другія мысли; не только люди и животныя, но и неодушевленные предметы имѣли для него значеніе живыхъ существъ. Кто не восхищался его милыми сказками «Стойкій оловянный солдатикъ», «Кубарь и мячикъ», «Уличный фонарь», «Свинья съ деньгами» и т. д. Всякая мебель, всякая вещь, стоящая въ комнатѣ, получаетъ подъ его перомъ особую фizioномію: кажется, что именно такъ долженъ говорить и чувствовать оловянный солдатикъ, а такъ воротничекъ или мячикъ и т. д.

Въ 1846 году Андерсенъ жилъ лѣтомъ съ Торвальдсеномъ въ помѣстьѣ Низоэ. Какъ-то разъ прочелъ онъ вслухъ свои сказки «Безобразный утенокъ» и «Влюбленная парочка». Торвальдсенъ пришелъ въ восторгъ и воскликнулъ:

— Ну-ка, напишите намъ еще какую-нибудь забавную вещицу. Вѣдь вы можете написать сказку даже про штопальную иголку.

И Андерсенъ написалъ свою извѣстную «Штопальную иголку». Это одна изъ лучшихъ его сказокъ, замѣчательная по тонкому юмору и по жизненности подробностей.

Разъ на пароходѣ по дорогѣ въ Ливорно у Андерсена оказалась монета, которую никто не хотѣлъ брать, принимая ее за фальшивую. Сначала Андерсена огорчила эта потеря, но потомъ ему пришла въ голову сказка «Серебряная монета», и онъ совершенно утѣшился. Такимъ способомъ утѣшался Андерсенъ иногда и въ болѣе серьезныхъ случаяхъ, чѣмъ потеря франка. Не одни только явленія обыденной жизни служили Андерсену темой для сказокъ. Онъ отзывался на всѣ крупныя явленія исторической жизни и современнаго ему культурнаго и научнаго прогресса. Таковы его сказки: «На дюнахъ» и «Вольдемаръ и его дочери», написанныя на историческія темы, и написанныя на современныя явленія общественной жизни: «Подводная змѣя» и «Дриады».

Послѣ второй своей продолжительной поѣздки за границу, Андерсенъ задумалъ большую поэму съ философской подкладкой, гдѣ хотѣлъ представить міровую исторію. Поэма называлась «Агасферъ» и написана въ смѣшанной формѣ, отчасти въ стихахъ, отчасти въ прозѣ. Произведеніе это стоило Андерсену не малаго труда. Онъ много читалъ, основательно занимался исторіей всѣхъ странъ, но все-таки поэма не удалась. Другъ его Эленшлегеръ, заранѣе предсказывавшій ему неуспѣхъ, оказался совершенно правъ. Этотъ сюжетъ былъ не по плечу Андерсену.

Въ 1846 году въ Италіи во время страшнаго лѣтнаго жара Андерсенъ началъ писать свою автобіографію, извѣстную подъ именемъ «Сказка моей жизни». Эта автобіографія, которую онъ писалъ и въ Даніи, и во время путешествій, составляетъ два большихъ тома и заключаетъ въ себѣ богатѣйшій біографическій матеріалъ. Она доведена до послѣдняго года его жизни. Лучшая часть ея относится къ дѣтству Андерсена, къ неудачамъ и превратностямъ его судьбы. Здѣсь попадаются прекрасныя страницы. Вторая часть біографіи Андерсена вышла въ его передачѣ гораздо блѣднѣе. Автобіографія эта, представляющая значительный интересъ, имѣетъ большіе недостатки. Самое существенное въ автобіографіи всякаго замѣчательнаго человѣка это правдивость и искренность тона. Первая часть автобіографіи Андерсена или, лучше сказать, ея начало дышетъ правдой и глубоко прочувствована; вторая-же половина при очевидной достовѣрности фактовъ написана формально, поверхностно и едва-ли вполне искренно. Дѣло въ томъ, что автобіографія съ самаго начала предназначалась для публки и общества. Упомятая объ огромной массѣ лицъ всякаго званія и положенія, начиная съ писателей и кончая коронованными особами, Андерсенъ имѣлъ въ виду, что всѣ они прочтутъ его произведеніе въ оригиналѣ или въ переводахъ. Поэтому сужденія его объ нихъ всегда болѣе или менѣе хвалебны и очень поверхностны. Безъ сомнѣнія Андерсенъ видѣлъ много теплоты и по меньшей мѣрѣ любезности со стороны своихъ безчисленныхъ друзей и знакомыхъ, разбѣянныхъ по Европѣ, такъ что говорить объ нихъ что-либо дурное было-бы неловко. Правда и то, что Андерсенъ обладалъ большой дозой

наивности и рѣдкой снисходительностью, но тѣмъ не менѣе странно и даже досадно видѣть въ его автобіографіи одну и ту-же характеристику совершенно разныхъ лицъ. Всѣ они одинаково интересны, любезны, умны, талантливы и вообще—прекрасные люди. Если выбрать изъ автобіографіи Андерсена литературные портреты выдающихся людей разныхъ странъ, и притомъ совершенно различныхъ по характеру, то разница окажется самая незначительная. Въ концѣ концовъ выходитъ такъ, что Викторъ Гюго, Шамиссо и Гейне; Листъ, Мендельсонъ и Шуманъ. Каульбахъ и графъ Генсборо—всѣ они одинаково обязательные и милые люди и отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что одинъ изъ нихъ сочиняетъ стихи, другой пишетъ картины, третій сочиняетъ музыкальныя пьесы, четвертый занимается дипломатіей. Когда читаешь вторую часть автобіографіи Андерсена, то устаешь наконецъ отъ избытка именъ съ прибавленіемъ словъ «любезный», «почтенный», «умный» и т. д. Исключеніе въ этомъ случаѣ выпало на долю немногихъ, особенно если принять въ соображеніе длинный рядъ лицъ, о которыхъ упоминается въ автобіографіи. Болѣе живыми вышли въ передачѣ Андерсена Диккенсъ, отчасти Рашель и Мендельсонъ Бартольди. Еще можно упомянуть о Дженни Линдъ, занимающей особое мѣсто въ его воспоминаніяхъ. Со всѣми этими «любезными» и «почтенными» Андерсенъ былъ въ перепискѣ, которая разрослась въ послѣдніе годы его жизни до необычайныхъ размѣровъ. Между своими многочисленными корреспондентами Андерсенъ болѣе другихъ цѣнилъ Диккенса, съ которымъ онъ повидимому дѣйствительно сблизился и къ которому чувствовалъ особую симпатію. Андерсенъ по недѣлямъ живалъ у него и описывалъ свое пребываніе несравненно теплѣе и живѣе, чѣмъ многое другое въ своей разнообразной скитальческой жизни.

Во время странствій своихъ Андерсенъ очень сошелся съ нѣсколькими нѣмецкими семействами и вообще пользовался въ Германіи особенной любовью. Даже война 1833 года не испортила ихъ отношеній, и хотя Андерсенъ въ это печальное для его родины время выказалъ себя горячимъ патриотомъ, но не измѣнилъ своему космополитизму и все время сожалѣлъ о томъ, что Данія воюетъ съ нѣмцами, которые были ему особенно симпатичны.

Тѣмъ не менѣе онъ нѣсколько лѣтъ не входилъ ни въ какія сношенія со своими голштинскими и нѣмецкими друзьями. Только черезъ много лѣтъ послѣ заключенія мира онъ снова поѣхалъ въ Германію. Ему было все-таки очень тяжело ѣхать по мѣстамъ, служившимъ театромъ войны. Популярность Андерсена за границей была удивительна. Къ нему очень часто подходили знакомые люди, узнавая его по портрету. Матери подводили къ нему своихъ дѣтей, мечтавшихъ пожать ему руку и услышать отъ него хоть одно слово. Едва знакомые люди затаскивали его съ улицы къ себѣ въ домъ, чтобы показать дѣтямъ, которыхъ упрасивали разсказать имъ хоть одну сказку. Но особенно лютно было Андерсену, когда онъ узнавалъ, что книги его имѣютъ влияніе. Въ одномъ мѣстѣ его встрѣчали особенно хорошо, потому что обзаны были своимъ семейнымъ счастіемъ одному изъ его романовъ, въ другомъ мѣстѣ онъ узналъ, что одна дама, прочтя его романъ «Это только скрипачъ» и заинтересовавшись печальной судьбой героя, рѣшила, что она поможетъ получить музыкальное образованіе хотя-бы одному бѣдному мальчику, имѣющему склонность къ музыкѣ. Андерсенъ самъ слышалъ игру ея воспитанниковъ и могъ убѣдиться, что книга его принесла непосредственную пользу.

Замѣчательно, что Андерсена читали и любили люди всѣхъ сословій. Мы разскажемъ два анекдота, служащіе поразительнымъ доказательствомъ его популярности. Какъ человѣка и писателя. Путешествуя по Шотландіи, онъ оставилъ въ отелѣ на берегу одного изъ озеръ пальмовую палку, вывезенную изъ Неаполя, которой онъ очень дорожилъ. Между тѣмъ пора было садиться на пароходъ. Андерсенъ не имѣлъ времени пойти за палкой и поручилъ своему знакомому переслать ее въ Данію. Онъ доѣхалъ до Эдинбурга и на другой день собирался уже отъѣзжать на пароходъ въ Лондонъ. Каково-же было его удивленіе, когда кондукторъ поѣзда, незадолго передъ отходомъ парохода пріѣхавшаго изъ Шотландіи, подошелъ къ нему, очевидно узнавши его въ толпѣ, подаль ему его палку и съ улыбкой проговорилъ: «Она отлично доѣхала одна». Къ палкѣ была прикрѣплена маленькая дощечка съ надписью: «Датскому писателю Гавсу Христиану Андерсену». Она очевидно переходила изъ рукъ въ руки

и на са дорогу къ своему владѣльцу, причеъ сначала ѣхала на пароходѣ, потомъ въ дилижансѣ, затѣмъ опять на пароходѣ и наконецъ въ вагонѣ желѣзной дороги. Можно себѣ представить, какъ тронуло это обстоятельство Андерсена.

Но еще болѣе поразительный случай былъ въ Америкѣ. Одна знакомая дама писала Андерсену, что ея племянникъ, служившій гдѣ-то въ очень дикой части Америки, нашелъ на охотѣ въ лесу дощъ, гдѣ была всего одна книга: «Сказки Андерсена». И книга эта была ему большимъ утѣшеніемъ въ его одиночествѣ.

Вниманіе, которымъ окружали Андерсена во время его путешествій за границей, по истинѣ удивительно. Въ честь его устраивались праздники, ему дѣлали подарки, съ нимъ знакомились необыкновенно охотно и принимали его съ перваго раза, какъ давно знакомаго и дорогаго человѣка. Разъ въ Римѣ въ день его рожденія какая-то дама сдѣлала ему необыкновенно трогательный подарокъ. Она прислала ему букетъ «изъ сада импровизатора», т. е. дѣйствительно изъ сада, описаннаго въ романѣ Андерсена, дѣйствіе котораго происходитъ главнымъ образомъ въ Римѣ. Такой необыкновенный успѣхъ за границей былъ конечно одной изъ главныхъ причинъ страсти Андерсена къ путешествіямъ, тѣмъ болѣе, что въ Даніи ему еще долго приходилось испытывать на себѣ доказательства обиднаго и непонятнаго недоброжелательства. Въ 1847 году онъ былъ въ Англіи, гдѣ его приняли необыкновенно радушно. Не было конца любезностямъ и почету, которымъ окружали его англичане. На возвратномъ пути онъ встрѣтилъ гдѣ-то своихъ соотечественниковъ, которые привѣтствовали его тѣмъ же образомъ:

— Ахъ, это вы, Андерсенъ! Если-бы вы видѣли, какъ смѣшно представлено ваше путешествіе по Англіи въ «Корсарѣ» (юмористическій журналъ)! Уморительно! Вы изображены въ лавровомъ вѣнкѣ на головѣ и съ кошелькомъ въ рукахъ.

Это было первое привѣтствіе родины послѣ оыняющаго успѣха за границей. Но далѣе его ожидала еще худшая обида. Приѣхавъ въ Копенгагенъ, онъ остановился у открытаго окна своей квартиры и смотрѣлъ на улицу. Мимо шли два прилично одѣтыхъ господина. Одинъ изъ нихъ засмѣялся и сказалъ, указывая пальцеъ на Андерсена:

— Смотри, вотъ нашъ знаменитый иностранный орангъ-улангъ!

Худошавая, высокая фигура Андерсена съ длинными руками быть можетъ дѣйствительно немного напоминала обезьяну, но сколько-же нужно грубости и недоброжелательства, чтобы бросить ему въ лицо подобную фразу! Понятно поэтому, что Андерсенъ такъ страстно любилъ путешествовать и считалъ путешествіе лучшимъ лекарствомъ отъ всѣхъ золъ и несчастій. Во время своихъ скитаній по свѣту онъ забывалъ все горькое, что приходилось ему испытывать дома, и возвращался, освеженный, съ запасомъ новыхъ силъ и впечатлѣній.

Единственная неприятность, неизмѣнно сопровождавшая Андерсена во время его заграничныхъ поѣздокъ, это вѣчное затрудненіе съ паспортами.

Въ числѣ почестей, сыпавшихся на Андерсена въ послѣднее время его жизни, было множество орденовъ отъ разныхъ государей. Первый орденъ, который онъ получилъ, былъ нѣмецкій, а именно прусскій орденъ краснаго орла, пожалованный ему въ 1846 году королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ; второй онъ получилъ отъ датскаго короля, третій—отъ шведскаго и т. д. Въ 1851 году Андерсену было дано званіе профессора, затѣмъ статскаго совѣтника и конференцъ-совѣтника.

Всѣ эти знаки отличія доставили Андерсену большое удовольствіе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ былъ не только очень самолюбивъ, но и тщеславенъ. Эту недостойную слабость особенно странно видѣть въ человѣкѣ, который такъ осмѣивалъ ее въ своихъ произведеніяхъ и выказывалъ столько презрѣнія къ преимуществамъ богатства и высокаго положенія. Увы, въ жизни онъ былъ далеко не такимъ философомъ и чувствовалъ большое пристрастіе ко всякому внѣшнему блеску и величію.

Андерсенъ пользовался большимъ расположеніемъ датскихъ королей, въ царствованіе которыхъ протекла его жизнь, и былъ желаннымъ гостемъ при дворѣ многихъ иностранныхъ государей и принцевъ. Онъ читалъ имъ свои произведенія и охотно участвовалъ въ придворныхъ празднествахъ, прогулкахъ и увеселеніяхъ. Такое препровожденіе времени казалось ему роскошнымъ сномъ,

волшебной сказкой и доставляло ему какую-то дѣтскую радость. Также точно радовался онъ и орденамъ и не подходящему къ нему титулу конференцъ-совѣтника. Въ его письмахъ къ эрцгерцогу Саксенъ-Веймарскому выражается такое благоговѣнне, такое искреннее, безхитрое восхищеніе, что его даже странно видѣть въ зрѣломъ человѣкѣ, испытанномъ жизнью. Такова натура Андерсена. Въ немъ до самаго конца оставалось много дѣтскаго.

Друзья упрекали его въ самоувѣреніи, но едва-ли были правы: это было скорѣе наивное самодовольство, которое при меньшей экспансивности Андерсена вѣроятно не бросалось-бы въ глаза до такой степени. Между прочимъ онъ очень любилъ играть роль въ обществѣ и часто говорилъ рѣчи, причѣмъ въ кругу знакомыхъ дѣлалъ это вполне свободно, но передъ публикой очень волновался и повидимому не былъ въ себѣ увѣренъ, особенно вначалѣ, когда не привыкъ еще къ роли знаменитаго писателя.

Вообще близкіе друзья Андерсена, кромѣ Торвальдсена и Гартмана, склонны были относиться къ нему очень критически и говорили ему часто горькія истины вродѣ слѣдующихъ: «Вы хорошій человѣкъ, но вы о себѣ ужасно высококачественны». Не смотря на разные недостатки, приписываемые Андерсену, его очень любили въ обществѣ. Необыкновенная живость, общительность и рѣдкій талантъ рассказчика дѣлали его очень интереснымъ собесѣдникомъ. Рассказывая про свои путешествія, онъ весь преображался, самое лицо его мѣнялось и казалось почти красивымъ отъ выраженія, которое его освѣщало. Вообще Андерсенъ любилъ говорить и говорилъ очень легко, также какъ и писалъ. При этомъ онъ съ необыкновенной легкостью сочинялъ стихи. Поэтъ Эленшлегеръ, произведенія котораго Андерсенъ любилъ до страсти, говорилъ про него, что онъ слалалъ плавыя и красивые стихи раньше, чѣмъ научился писать и читать.

Неудивительно, что при нѣжномъ сердцѣ и ясномъ взглядѣ на жизнь онъ пріобрѣлъ такую массу друзей. Прибавимъ еще, что не смотря на всемірную извѣстность, на почетные титулы, ордена и постоянныя сношенія съ высокопоставленными особами, Андерсенъ всегда оставался простымъ человѣкомъ, доступнымъ для всѣхъ, и среди разныхъ чествованій, отъ которыхъ

у него буквально кружилась голова, особенно любилъ вспоминать про то время, когда бѣгалъ въ дырявыхъ сапогахъ по улицамъ Копенгагена, питался чѣмъ Богъ пошлетъ и читалъ книжки, купленные на послѣдніе гроши у букинистовъ. Эти воспоминанія наполняли его душу умилениемъ и глубокой благодарностью къ людямъ и къ Богу, въ котораго онъ горячо вѣрилъ. Не смотря на его наивное благоговѣнне передъ высокопоставленными особами, онъ особенно цѣнилъ, когда ему выражали симпатію люди изъ народа. Такъ, Андерсену очень пріятно было узнать, что кучеръ одного изъ его знакомыхъ пришелъ въ хорошее расположеніе духа, побывавши на представленіи пьесы Андерсена, въ которой проводилась та мысль, что бѣдные люди могутъ быть не менѣе счастливы, чѣмъ богатые. Еще больше удовольствія доставилъ ему одинъ бѣдный мастеровой, подошедшій къ нему въ театрѣ послѣ представленія его пьесы. Мастеровой пожалъ ему руку и сказалъ: «Спасибо, господинъ сочинитель Андерсенъ, какая поучительная и хорошая пьеса!» Андерсенъ говорилъ, что эти слова лучше самыхъ блестящихъ овацій. Прибавимъ еще послѣднюю черту къ нашей характеристикѣ Андерсена: его безкорыстіе. Едва-ли найдется много людей, которые бы меньше его думали о своихъ выгодахъ при сношеніяхъ съ вліятельными и высокопоставленными лицами. То небольшое, что имѣлъ онъ помимо заработка, т. е. пенсія, полученная имъ сначала въ размѣрѣ 200 руб., а потомъ увеличенная почти до 1800 рублей, досталась ему стараніями его друзей или по личному желанію короля. Онъ просилъ только разъ въ жизни, когда пуждался въ путевой стипендіи, причѣмъ дѣйствовалъ почти противъ желанія и очень неловко.

Конечно ему было достаточно этой пенсіи и доходовъ съ книгъ и пьесъ, при его скромныхъ требованіяхъ и отсутствіи семьи, но онъ проживалъ почти все, что у него было. Безъ сомнѣнія, большая часть денегъ уходила на его путешествія. При этомъ онъ доставлялъ себѣ иногда удовольствіе повезти на свой счетъ за границу кого-нибудь изъ друзей. Нужно думать, что Андерсенъ не мало помогалъ бѣднымъ, хотя онъ нигдѣ объ этомъ не упоминаетъ и говоритъ только о массѣ получавшихся имъ письменныхъ просьбъ. Вѣроятно эти письма не всегда оста-

вались безъ отвѣта. Другой на его мѣстѣ можетъ быть сумѣлъ-бы даже составить себѣ порядочное состояніе, но Андерсенъ былъ не изъ тѣхъ, кто способенъ копить. Онъ никогда не былъ богатъ и когда получалъ неожиданныя деньги, то бѣжалъ лишній разъ за границу и бралъ съ собой когонибудь изъ близкихъ друзей. Разъ, когда у него не хватило денегъ, онъ не задумался продать свои ордена... Событія послѣднихъ 30-ти лѣтъ его жизни заставили Андерсена забыть впечатлѣнія прежнихъ обидъ: Онъ считалъ себя необыкновенно счастливымъ человѣкомъ. Вотъ какими словами начинается его автобіографія:

«Моя жизнь—прекрасная, роскошная сказка. Если-бы въ то время, когда я вступилъ въ свѣтъ маленькимъ, бѣднымъ, одинокимъ мальчикомъ, ко мнѣ явилась всемогущая фея и сказала: «Выбирай свою цѣль и направленіе, а я буду тебя наставлять и защищать»—моя судьба не могла-бы быть счастливѣе, умнѣе и лучше. Моя жизнь скажетъ міру то-же, что она сказала мнѣ: есть милосердый Богъ, которъй все приводитъ къ лучшему».

Послѣдняя фраза особенно характерна для Андерсена. Свѣтлый и радостный оптимизмъ ея можно прслѣдитъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Онъ не вѣрилъ ни во что окончательно дурное и находилъ, что все хорошо кончается. Даже сказка его «Дѣва льдовъ», не смотря на свой крайне печальный конецъ, заключается фразой: «Все къ лучшему».

Автобіографію свою онъ писалъ въ лучшій періодъ своей жизни. Этимъ и объясняется отчасти ея свѣтлый характеръ. Но все-же другой на его мѣстѣ врядъ-ли выказалъ-бы такую ясность и мягкость души, какую сохранилъ Андерсенъ до конца своихъ дней, не смотря на все, что ему пришлось перенести въ первую половину жизни. Нужно было имѣть всю его незлобивость, всю созерцательность и чистую отвлеченность его натуры, чтобы не очерствѣть сердцемъ отъ тысячи неудачъ и уколовъ, которые терпѣло его чувствительное самолюбіе.

Между прочимъ можетъ показаться страннымъ, что Андерсенъ не страдалъ отъ отсутствія семьи. У него были братья и сестры по духу, были люди, къ которымъ онъ относился, какъ къ родителямъ. Что-же касается до его отношеній къ женщинамъ, то они носили на себѣ совсѣмъ особую окраску. Самъ

онъ упоминаетъ только объ одной привязанности къ женщинѣ. Это была его первая несчастная любовь, которую Андерсенъ долго не могъ забыть. Онъ не имѣлъ успѣха у женщинъ. Онъ смотрѣли на него, какъ на милого товарища, брата, и только. Андерсенъ былъ слишкомъ женственъ по натурѣ, чтобы возбуждать къ себѣ иныя чувства. Безъ сомнѣнія ему вредила также некрасивая наружность. Въ молодости Андерсенъ вѣроятно страдалъ отъ такого отношенія къ нему женщинъ, но потому свылся съ ролью ихъ друга и вполне довольствовался своимъ положеніемъ. Его отношеніе къ женщинамъ отличало въ возвышеннымъ, идеальнымъ характеромъ. Онъ глубоко уважалъ женщинъ и особенно цѣнилъ въ нихъ чистоту, сердечность и чуткость. Какъ и во всемъ остальномъ, въ отношеніи Андерсена къ женщинамъ всегда преобладала духовная сторона надъ матерьяльной. Въ жизни онъ былъ такой-же идеалистъ и романтикъ, какъ и въ своихъ произведеніяхъ.

Изъ всѣхъ женщинъ, имѣвшихъ вліяніе на Андерсена, занимала первое мѣсто извѣстная шведская пѣвица Дженни Линдъ. Онъ познакомился съ ней въ Копенгагенѣ, когда она прѣѣзжала туда въ первый разъ. Они встрѣтились у общихъ знакомыхъ. Въ тотъ разъ она не показала ему замѣчательной, какъ женщина, но сразу поразила его своимъ пѣніемъ и драматическимъ талантомъ. Ни одна пѣвица не производила на него такого сильного впечатлѣнія. Особенно-же восхищала она его, какъ актрису, умѣющая соединять женственную грацію и чистоту съ драматизмомъ, глубокой жизненной правдой и простотой. Но больше всего цѣнилъ онъ въ ней то, что она была истинная артистка, страстно любившая свое искусство. Дженни Линдъ была весталкой искусства, какъ выражается Андерсенъ. Чистота ея жизни и возвышенность характера дѣйствовали на Андерсена до того обаятельно, что по его словамъ, только глядя на нее, онъ научился пѣнію. Искусство такъ высоко, какъ оно имѣ цѣнилось. Дженни Линдъ очень любила Андерсена, называла его братомъ и при этомъ такъ съ нимъ въ Даніи и за границей выказывала ему все самыя дружескія чувства. Между прочимъ она была большою поклонницей его таланта. Отношеніе къ ней Андерсена было совершенно исключительное. Оно похоже на почтительную

и восторженную любовь чловѣка, не имѣющаго никакой надежды на взаимность и поклоняющагося прекрасной звѣздѣ, облагораживающей и вдохновляющей его душу своимъ сіяніемъ. Мы думаемъ, что только особое чувство деликатности и стыдливости, свойственное женственной натурѣ Андерсена, заставляетъ его умалчивать о томъ, что именно такое чувство внушала ему эта необыкновенная женщина, представляющая рѣдкій типъ истинной артистки, для которой искусство было святыней и которая сумѣла сохранить идеальную чистоту на театральныхъ подмосткахъ.

Чтобы довершить картину отношенія Андерсена къ женщинамъ, мы считаемъ умѣстнымъ рассказать одинъ маленькій анекдотъ, случившійся съ нимъ въ Парижѣ. Однажды Андерсенъ отправился въ знаменитый Баль-мобиль, гдѣ провелъ не болѣе четверти часа. Какой-то знакомый показалъ ему на развеселую парижскую красавицу и спросилъ:

— Что скажете вы о такой поэзій и о такомъ личикѣ?

Къ большой обидѣ красавицы Андерсенъ посмотрѣлъ на луну, сіявшую полнымъ блескомъ, и сказалъ:

— Мнѣ больше нравится вотъ это старое, но вѣчно юное лице.

— «Monsieur!» воскликнула оскорбленная парижанка. Пренебреженіе некрасиваго поэта къ ея прелестямъ было слишкомъ очевидно.

ГЛАВА VIII.

Празднества въ честь Андерсена. — Семидесятилѣтняя годовщина. — Начало болѣзни. — Памятникъ. — Последніе дни жизни и смерть Андерсена.

Андерсенъ могъ-бы считать себя вполне счастливымъ, если-бы послѣдніе годы его жизни не омрачились сначала тяжелымъ общественнымъ бѣдствіемъ, а потомъ болѣзью. Несчастная война 64-го года была для Андерсена временемъ тяжелыхъ испытаний. Онъ невыносимо страдалъ, переживая неудачи, выпавшія на долю его родины. Все время находился онъ въ подавленномъ, печальномъ настроеніи, почти ничего не писалъ и лихорадочно слѣдилъ за ходомъ военныхъ дѣйствій. По словамъ его, этотъ годъ былъ самымъ тяжелымъ въ его жизни, и въ печали и неу-

лачи его молодости блѣднѣютъ передъ этимъ общественнымъ бѣдствіемъ.

Наступило наконецъ время, когда и Данія возвеличила Андерсена, признавши то, что давно уже было признано другими странами. Въ 1867-мъ году Андерсенъ получилъ первое доказательство своей популярности также и въ Даніи. Въ этомъ году его родной городъ Одензе устроилъ въ честь знаменитаго писателя особое празднество. Весь городъ былъ разукрашенъ флагами и гирляндами и школьники были освобождены отъ занятій, но главное торжество происходило въ ратушѣ. Тамъ при большомъ стеченіи народа Андерсену поднесли дипломъ на званіе почетнаго гражданина. Въ честь его былъ устроенъ обѣдъ и балъ. Говорились рѣчи и пѣлись пѣсни со словами его сочиненія. Громадная толпа народа провожала любимаго писателя изъ ратуши до дверей его квартиры. Вечеромъ въ городѣ зажгли иллюминацію, такъ что Андерсенъ невольно вспомнилъ предсказаніе знахарки. Празднество длилось нѣсколько дней, и знаки вниманія и симпатіи гражданъ роднаго города глубоко взволновали и растрогали Андерсена.

Черезъ два года послѣ этого, въ день пятидесятилѣтней годовщины прибытія Андерсена въ Копенгагенъ городъ этотъ устроилъ ему еще болѣе торжественный праздникъ. Комната его была засыпана цвѣтами. Онъ получилъ болѣе пятидесяти роскошныхъ букетовъ. Въ честь его опять былъ торжественный обѣдъ, говорились рѣчи и было получено множество поздравительныхъ телеграммъ со всѣхъ концовъ свѣта, въ томъ числѣ и отъ датскаго короля. Сочувствіе было всеобщее и полное. Андерсенъ былъ счастливъ, растроганъ и утомленъ до нелзя.

Теперь Андерсенъ чувствовалъ себя настолько счастливымъ, что ничего болѣе не желалъ. Но ему не разъ приходила въ голову мысль: «Долго-ли еще продлится это счастье? много-ли остается мнѣ жить?» Предчувствіе его не обманывало, такъ-какъ на 66-омъ году жизни уже начались его старческаго болѣзни проявившіяся вначалѣ припадками кашля и ревматизма.

Болѣзнь Андерсена усилилась послѣ несчастнаго случая во время одной изъ его побзодокъ за границу, когда онъ сильно расшибся, упавъ съ постели. По опредѣленію врачей у него

былъ ракъ въ печени. Онъ чувствовалъ боль въ боку, слабость и судорожное сжиманіе въ сердцѣ.

Друзья не оставляли Андерсена во время болѣзни. Между прочимъ его неоднократно посѣщали наслѣдный принцъ, и разъ даже былъ у него самъ король. Вообще его не забывали.

Уже вторую зиму Андерсенъ принужденъ былъ не покидать своихъ комнатъ. Обыкновенно онъ проводилъ Рождество у кого-нибудь изъ своихъ деревенскихъ друзей и присутствовалъ на елкѣ. Отказаться отъ этого удовольствія было ему очень тяжело, такъ что на третью зиму его хорошая знакомая г-жа Мельхиоръ устроила для больного писателя елку въ его квартирѣ, причеиъ сдѣлала такъ, что онъ не замѣтилъ приготовленій. Это невинное удовольствіе доставило писателю много радости.

Врачи посоветовали Андерсену поѣзду на югъ, но путешествіе на этотъ разъ не принесло ему почти никакой пользы. Болѣзнь его продолжала развиваться. Онъ былъ все время очень слабъ, ноги его не слушались, нервы пришли въ сильное расстройство. Все его волновало. Малѣйшая непріятность уже казалась ему несчастіемъ. Между прочимъ очень раздражали его невѣрные свѣдѣнія объ его жизни, появившіяся въ американскихъ газетахъ.

Но особенно тяжело было для Андерсена замѣтить упадокъ своего творчества. Послѣдніе годы онъ не писалъ уже сказокъ, и могъ сочинять только мелкія стихотворенія. Послѣдняя его сказка была «Садовникъ и господа». Значительно утѣшило Андерсена еще одно проявленіе его популярности среди соотечественниковъ: зимой 1875 года въ день его рожденія къ нему явилась депутация и прочла адресъ, въ которомъ говорилось, что по приказу короля Андерсену будетъ поставленъ памятникъ въ королевскомъ саду. Старый писатель былъ глубоко взволнованъ этой новой честью. Въ отвѣтной рѣчи онъ упомянулъ между прочимъ о томъ, какъ пріятенъ ему выборъ мѣста для памятника. «Помню,—сказалъ онъ,—какъ въ тяжелые дни я часто ходилъ въ этотъ садъ и ѣлъ сухой хлѣбъ въ одной изъ пустынныхъ аллей, а теперь мнѣ ставятъ здѣсь памятникъ».

Однако разговоры о памятникѣ чрезвычайно волновали Андерсена. Ему не нравилась ни одна изъ моделей скульптуровъ,

изображавшихъ его непремѣнно окруженнымъ дѣтьми. Онъ вовсе не считалъ себя исключительно дѣтскимъ писателемъ и былъ конечно совершенно правъ.

Послѣднее лѣто своей жизни Андерсенъ провелъ у своихъ друзей Мельхиоровъ въ загородной виллѣ Ролигедъ на берегу моря, въ прекрасной мѣстности. Силы его быстро угасали. Сначала онъ выходилъ изъ своей комнаты и немного гулялъ по саду или сидѣлъ на берегу моря, потомъ прекратились и эти прогулки. По цѣлымъ днямъ больной лежалъ въ полузабытій съ закрытыми глазами. Подъ конецъ у него сдѣлалась водянка ногъ и постоянный кашель, но настроеніе его духа въ эти послѣдніе дни отличалось удивительной ясностью и спокойствіемъ.

— Мнѣ было-бы совсѣмъ хорошо, если-бы не кашель и не слабость говорилъ онъ. Люди такъ добры ко мнѣ, миръ такъ прекрасенъ.

Послѣдніе дни Андерсенъ былъ почти безъ сознанія, но когда приходилъ въ себя, то постоянно возвращался къ своей литературной дѣятельности. За нѣсколько дней до смерти онъ продиктовалъ г-жѣ Мельхиоръ небольшое стихотвореніе.

Андерсенъ умеръ въ ночь съ 3-го на 4-е августа совершенно тихо, во снѣ. Восемь дней спустя послѣ кончины, его тѣло перевезли въ Копенгагенъ и поставили въ одной изъ большихъ церквей.

Несмѣтное количество народа пришло поклониться дорогому праху. Гробъ любимаго писателя положительно тонулъ подъ массой цвѣтовъ и вѣнковъ, присланныхъ со всѣхъ концовъ свѣта. Въ церкви присутствовала и королевская семья.

Такъ чествовали память сына бѣднаго башмачника, который когда-то бѣгалъ въ деревянныхъ башмакахъ по улицамъ родного города, мечтая о славѣ. Дѣтскія мечты его сбылись, и дѣйствительность даже превзошла его честолюбивыя грезы.

И вотъ, прослѣдивъ до конца жизнь величайшаго датскаго писателя, мы можемъ сказать вмѣстѣ съ нимъ, что жизнь его походила на прекрасную сказку, полную разнообразныхъ и неожиданныхъ превращеній. Самъ онъ со своимъ скромнымъ началомъ, золотыми грезами и блестящимъ концемъ вполне годится въ герои одной изъ своихъ сказокъ. Рѣдкій писатель представляетъ

такое полное соответствіе личнаго характера со своими произведеніями, какъ Андерсенъ. Главныя черты какъ самаго автора, такъ и его произведеній—возвышенная поэзія и гуманное, свѣтлое міровоззрѣніе.

Пока люди будутъ признавать за искусствомъ способность возвышать душу и примирять съ жизнью, до тѣхъ поръ будутъ они цѣнить и творенія Андерсена, оставившаго міру столько сокровищъ поэзіи.

Учебныя руководства и пособія.

- Алгебра. *Тоденбергъ*. II 2 р. 50 к.
 Курсъ начальной механики. *Н. Рикачева*. Съ 197 рис. II 1 р. 50 к.
 Практическая геометрія. *А. Заблоцкаго*. Съ 300 чертежами. Цѣна 60 к.
 Курсъ метеорологій и климатологій. Профессора Лѣсного Института. *Д. А. Лачинова*. Съ 122 рис. и 6-ю картами. Цѣна 2 р.
 Общія основы химической технологій. *В. Селенина*. Съ 70 рисунками. II 1 р. 50 к.
 Полный курсъ физики. *А. Гало*. Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова*. 8-е изд. съ 1215 рис., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологій и краткая химія. Цѣна 4 р.
 Популярная физика. *А. Гало*. Переводъ съ франц. *Ф. Павленкова*, 3-е изд. Съ 604 рис. II 2 р.
 Краткая физика. *М. Герасимова*. Съ 335 рис. и 214 задачами. Цѣна 1 р.
 Популярная химія. *Н. Вальберга* и *Ф. Павленкова*. 3-е изд. Съ 50 рис. II 40 к.
 Учебникъ химіи. *Альмедигена* съ 96 рис. II 2 р.
 Общепонятная геометрія. *В. Потоцкаго*. Съ 143 фиг. II 40 к.
 Практический курсъ физиологій. *Бурдонъ Сантросона*. Переводъ д-ра *Фридберга*. Въ 2-хъ томахъ, со мног. рис. 2-е изд. II 3 р.
 Методика ариеметики. *С. Житкова*. II 75 к.
 Сборникъ ариеметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложение къ „Методикѣ ариеметики“. *С. Житкова*. 3-е изд. II 40 к.
 Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариеметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова*. 3-е изд. II 25 к.
 Учебникъ географіи для городскихъ училищъ. *Н. Плетенева*. Съ рис. II 30 к.
 Начальный курсъ географіи. *Корнелла*. 11-е изд., съ 10-ю раскрашенными карт. и 82 рис. II 1 р. 25 к.
 Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *А. Кудаченкова*. 2-е изданіе. Цѣна 1 р.
 Наглядная азбука. *Ф. Павленкова*. Съ 800 рис. 12-е изд. II 20 к.
 Объясненіе къ „Наглядной азбуцѣ“. *Ф. Павленкова*. 7-е изд. Цѣна 15 к.
 Родная азбука. *Ф. Павленкова*, 8-е изд., съ 200 рис. II 5 к.
 Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова*, 11-е изд., 12 стр. 100 рис. II 1 к.
 Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова*. 1) Къ „Родному слову“ Ушинскаго (400 рис.) 2) Къ „Азбуцѣ Бунакова“ (460 рис.) 3) Къ „Первой учебной книжкѣ“ Паульсона (430 рис.) 4) Къ „Русской азбуцѣ“ Водовозова (470 рис.) 5) „Общія наглядно-звуковыя прописи“ (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). II каждой книжки 8 к.
 Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца*. 2-е допол. изд. II 15 к.
- Зернышко. Т. Лубенца.** Первая пость азбуки книга для чтенія и письма. Со многими рис. II 30 к. Вторая книга II 40 к.
Руководство къ „Зернышку“ *Лубенца*. II 50 к.
Методика ариеметики. *Т. Лубенца*. II 30 к.
Церковно-славянскій букварь. *Лубенца*. II 5 к.
Руководство къ „Церковно-славянскому букварю“ *Т. Лубенца*. II 15 к.
Сборникъ ариеметическихъ задачъ *Лубенца*. 11-е изд. (около 2000 задачъ и 3000 численныхъ примѣровъ). II 40 к.
Руководитель для воскресныхъ школъ. Барона *Н. А. Корфа*. II 50 к.
Итого народного образованія въ Европейскихъ государствахъ. *Н. А. Корфа*. II 60 к.
Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ*. 15-е изд. съ 200 рис. и порт. II 75 к.
Триста письменныхъ работъ для упражненій въ начальной школѣ. *Н. Корфа*. II 15 к.
Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указаніемъ грам. правилъ. *Корфа*. II 12 к.
Русскій языкъ. Иллюстрированная хрестоматія. *А. Тарнавскаго*. (Съ 80 рис. и портретами). 4-е изд. II 60 к.
Элементарная грамматика русскаго языка. *А. Чудина*. 5-е изд. II 50 к.
Начальная рус. грамматика. *Вучинскаго*. II 30 к.
Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова*. 2-е изд. II 20 к. „Замѣтки для учителя“. II 10 к.
Русское слово. *А. Павлова*. Сборникъ образцовыхъ прозаическихъ рус. словесности. Руководство для городскихъ училищъ. II 1 р.
Руководство къ „Рус. слову“ *Его-же*. II 60 к.
Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Разыриева*: 1) Элементарныя свѣд. о право. словъ. II 50 к. 2) Систематическія свѣд. о право. словъ. II 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. II 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. II 35 к.
Сборникъ алгебр. задачъ. *Савицкаго*. II 40 к.
Первое знакомство съ физикою. *М. Герасимова*. Съ 96 рис. II 50 к.
Дешевый географическій атласъ. Десять раскрашен. картъ. II 30 к.
Очерки новѣйшей исторіи. *Н. И. Григоревича*. 6-е изд. Съ 37 портретами. II 2 р.
Первыя понятія о зоологій. *Поля Бри*. Переводъ подъ редакціей проф. *Н. Мещникова*. 2-е изд. Съ 345 рис. II 1 р. 20 к. въ перепл. I р. 50 к.
Крат. курсъ ботаники. *Слязова*. 118 рис. II 50 к.
Общедоступное землѣдѣріе. *А. Болташовскаго*. Съ 279 рисунк. въ текстѣ. II 75 к.
Руководство къ рисованію акварелью. *А. Ликассана*. Съ 120 рис. и 6-ю аквар. II 1 р. 50 к.

БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

- 1) **Ручной трудъ.** Составилъ *Графиня*. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. I р 50 к.—2) **Электрическіе звонки.** *Вонтона*. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ шарахъ. II 1 р.—3) **Руководство къ издѣлыванію акварелью.** *А. Дассина*. Съ франц. 120 рис. II 60 к. и проч.
- А. Альмедигена.** Научная-практическая свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домохозяйству, по борьбѣ съ вредными насекомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціею пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой 50 коп.
- 6) **Домашній опредѣлитель подѣлокъ.** *А. Альмедигена*. II 60 к. и проч.

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.

- Иллюстрированные романы Динкенса в сокращенном переводе *Л. Шелушковой*. 1) Давид Копперфильд, 2) Домби и сын, 3) Оливер Твист, 4) Большие надежды, 5) Наш общий друг, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррит, 8) Тяжелые времена, 9) Холостяцкий дом, 10) Николай Никльбой, 11) Два города, 12) Мартин Чеззлворт. Цѣна каждого романа 40 к. Въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 6 ром. вмѣстѣ—3 р. 25 к.
- Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круилова*. Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
- Дѣтскій маскарадъ. *Авбелева*. Съ 16 рис. Ц. 20 к.
- Блуждающіе огни. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *Баженов*. Съ 44 рисунками. Ц. 1 р. Въ папкѣ Ц. 1 р. 25 к. Въ переплетѣ Ц. 1 р. 60 к.
- Два проказника. Шуточный разсказъ въ стихахъ. *В. Бруна*. 100 рис. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р. 25 к.
- Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Бранчишова*. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множество рисунковъ. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р.
- Въ добрый часъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *А. Лякинд*. Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 25 к.
- Задумевные разсказы. *П. Засодимскаго*. Два тома съ 185 рис. Цѣна каждого въ папкѣ 1 р. 60 к. Въ переплетѣ 2 р.
- Хорошіе люди. *В. Острогорскаго*. Съ 45 рисунками. 2-е изданіе. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.
- Изъ жизни и исторіи. *А. Арестова*. Съ рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.
- Послушаемъ дѣт. разсказы. *Нолде*. Съ 28 рис. въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 35 к.
- Наглядная несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). *Ф. Палленкова*. 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис.). Ц. 1 р. „Объясненіе“ въ книгѣ 5 к.
- Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейблера*. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 107 рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к., въ переп. 60 к.
- Иллюстрированные романы Вальтера Скотта въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелушковой*. 1) Вевейль, 2) Антикарверъ, 3) Робъ Рой, 4) Айваго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невеста, 10) Легенда о Монстроу и др. Ц. каждого романа 40 к., въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 5 романовъ вмѣстѣ Ц. 2 р. 80 к.
- Черные богатыри. *Е. Конрады*. Со множеств. рис. Цѣна 2 р., въ переп. 2 р. 75 коп.
- Математическіе софизмы. 50 теоремъ доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$, часть больше своего діалаго, и проч. Составилъ *В. Обреимова*. Ц. 40 к.
- Математическія развлеченія. *Локаса*. Переводъ съ франц. Съ 35 фигурами и таблицами. Ц. 1 р. въ переп. 1 р. 15 к.
- Тройная головоломка. *В. Обреимова*. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. и 30 задачами. Ц. 1 р.
- Образовательное путешествіе. Живописные очерки отдаленныхъ странъ. *С. Ворисюфера*. 2-е изд. Съ 78 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переп. 2 р. 25 к.
- Черезъ дѣбри и пустыни. Святанья молодого бѣлца. *С. Ворисюфера*. Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переп. 2 р. 75 к.
- Сназочная страна. Приключенія двухъ матросовъ. *С. Ворисюфера*. Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переплетѣ 2 р. 75 к.
- Приключенія контрабандиста. *С. Ворисюфера*. Съ иллюстраціями. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.
- Мученики науки. *Г. Тиссанде*. Переводъ изъ редакціи *Ф. Палленкова*. Съ 35 рисунками. 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к. Въ переплетѣ 2 р.
- Вечерніе досуги. *Круилова*. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 60 к., въ переплетѣ 2 р.
- Научныя развлеченія. *Г. Тиссанде*. Пер. подъ редакц. *Ф. Палленкова*. 3-е изд., съ 358 рисун. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.
- Сказки Густафсона. Съ рис. Цѣна 1 р. 25 к. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.
- На землѣ и подъ землей. Сборникъ разсказовъ *Галуэвова*. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ—1 р. 60 к., въ переп. 2 р.
- Рыцарій графъ. Незаключенныя. Дочь угольщикъ *П. Засодимскаго*. Ц. каждой книжкѣ по 35 к.
- Живыя картинны. *А. Смирнова*. Сборникъ разсказовъ. Съ 50-ю рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.
- Янки Вологодскаго уѣзда. *А. Круилова*. Съ 6 рисун. Ц. 25 к.
- Незабудки. *А. Круилова*. Съ 50-ю рисун. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переп. 2 р.
- Приключенія свѣчка. *Э. Кандега*. Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.
- Исторія открытія Америки Ламе-Флера. Съ 52 рис. Ц. 75 к., въ пап. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.
- Двадцать биографій образцовыхъ русскихъ писателей. Сост. *В. Острогорскій*. Съ 20 портр. Ц. 50 к. Въ папкѣ 75 к. Въ переп. 1 р.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

- 1) Эпизоды человѣка. *П. Жантеяца*. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к., 2) Психологія вниманія. *Дра Рио*. Ц. 50 к., 3) Берегите легкія. (Штудіи) бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к., 4) Современные психопаты, д-ра *А. Коллера*. Ц. 1 р. 50 к., 5) Предсказаніе погоды. *А. Далл*. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к., 6) Физиологія души. *А. Герцена*. Ц. 1 р., 7) Психологія великихъ людей. *Г. Жюль*. 2-е изд. Ц. 1 р., 8) Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Съ естественное изображеніе идей Дарвина. Ц. 60 коп., 9) Миръ грезъ. *Дра Симона*. Сновидѣнія, габушпаніи, сонъ и будильныя гипнозамы, влѣкъ и многими рис. Ц. 1 р., 10) Первобытныя люди. *Девьера*. (Тарда). Ц. 1 р. 80 к., 11) Законы подражанія и имитативность. *И. Лемброва*. Съ портр. яггъ и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р., 12) Сблудная астрономія. *К. Фалларіана*. Ц. 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р., 13) Гигіена (смыслъ) *Гегера*. Ц. 50 к., 14) Бантерія и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мицелл*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.